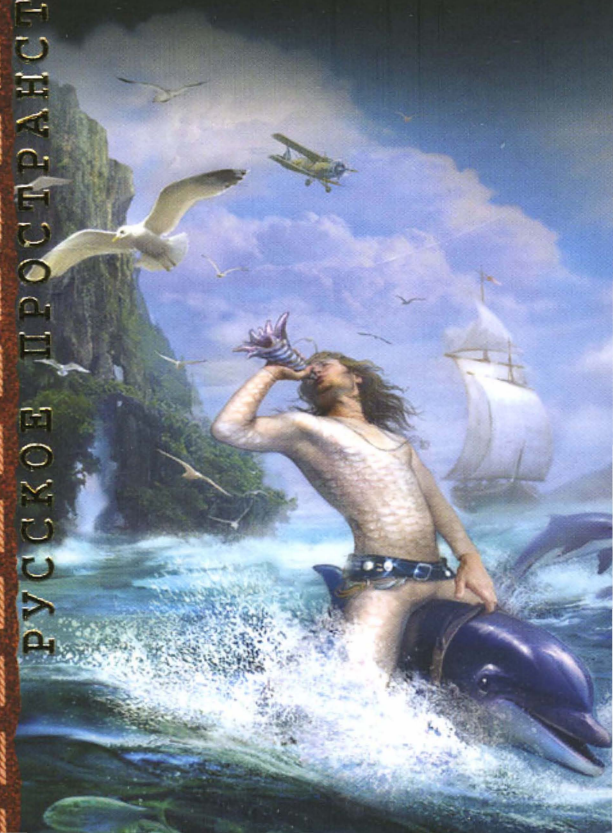
Александр

БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Александр

БЕЛЯЕВ

Александр

БЕЛЯЕВ

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

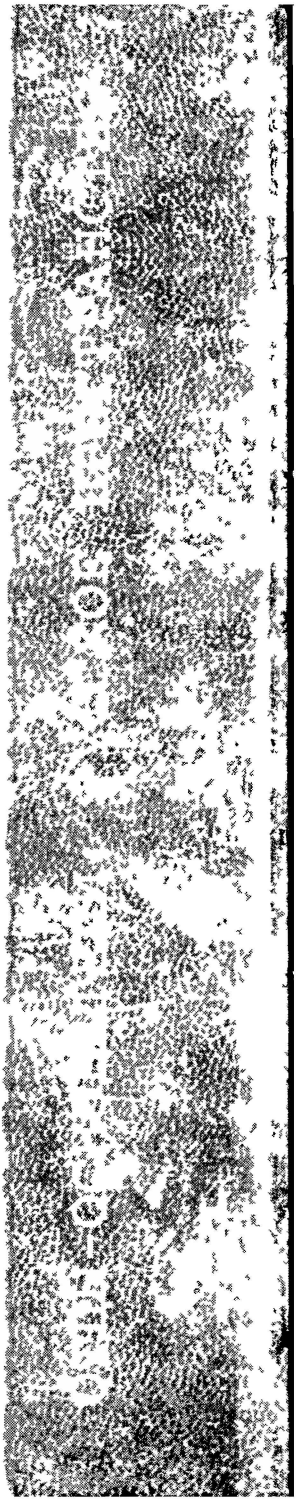
ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

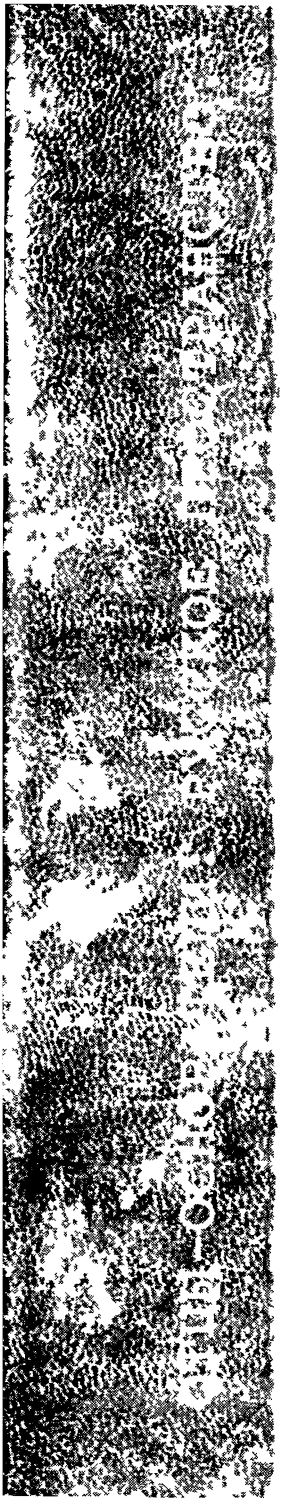
ПРЫЖОК В НИЧТО

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

АРИЭЛЬ

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Александр

БЕЛЯЕВ

Остров погибших кораблей

Властелин мира

Последний человек из Атлантиды

Человек-амфибия

ЭКСМО
Москва
2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 44

Составители
Евгений Харитонов и *Дмитрий Байкалов*

Оформление серии
Андрея Саукова

Данное собрание печатается с одобрения
Светланы Александровны Беляевой

Беляев А. Р.
Б 44 Человек-амфибия : Остров погибших кораблей ; Властелин мира ; Последний человек из Атлантиды ; Человек-амфибия : фантастические романы / Александр Беляев. — М. : Эксмо, 2009. — 608 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-37358-1

Перед вами — первый том самого полного в истории отечественной литературы собрания сочинений знаменитого фантаста. В том вошли первые крупные произведения А. Р. Беляева. Герой романа «Властелин мира» изобретает «машину внушения» и пытается с ее помощью завоевать весь мир. В «Острове погибших кораблей» переплелись в один увлекательный сюжетный клубок авантюрные приключения с погонями и стрельбой, детективная интрига и захватывающее путешествие в Саргассово море. В повести «Последний человек из Атлантиды» писатель попытался реконструировать жизнь легендарного материка, исчезнувшего в океанских пучинах. Завершает том самый известный и читаемый роман фантаста — «Человек-амфибия», неоднократно экранизированная пронзительная история юноши, который в результате хирургической операции получил возможность жить в океане. Впервые с 1938 года читатель сможет прочитать главу из романа «Человек-амфибия», исключенную из последующих изданий.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-37358-1

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Перед вами полное собрание сочинений известного советского фантаста, моего отца Александра Романовича Беляева. Для старшего поколения это возвращение любимого писателя, для молодых — новое знакомство. К сожалению, приходится констатировать, что юное поколение россиян не знает не только Беляева, но и других известных русских писателей. Предпочитая чтению компьютерные игры.

Какое-то время писатель Беляев был в забвении, и вот — новый всплеск интереса!

Публиковаться как журналист отец начал, будучи студентом Ярославского лицея. Затем много лет он работал в смоленской газете — был заведующим театральной рубрикой.

Его карьера как писателя-фантаста началась в двадцатые годы. Первым фантастическим произведением был рассказ «Голова профессора Доуэля». Поначалу рассказ печатался с продолжениями в газете «Гудок». Позже был переработан в роман и вышел отдельной книгой в издательстве «Советский писатель» (Ленинград — Москва, 1938 г.).

Александра Романовича можно назвать героическим писателем — почти все его произведения были написаны в лежачем положении. У отца был спондилит позвоночника. Половину своей жизни он носил ортопедический корсет. Но, несмотря на это, время от времени наступали обострения, и его укладывали на долгие месяцы в гипс. На его счастье, рядом с ним была моя мама, Маргарита Константиновна Беляева, которая исполняла обязанности не только жены, но и секретаря-машинистки и нянечки.

Отец был очень общительным человеком, но тяжелая болезнь превратила его в затворника. У нас дома бывали в основном только родственники. Но иногда случались и нечаянные гости. То это был пишущий студент, то изобретатель, ученый, даже укротитель медведей из цирка Дурова.

Когда умер мой отец, мне было всего двенадцать лет. Само собой разумеется, что в его проблемы я не вникала. Меня нисколько не удивляло то, что, будучи лежачим больным, он интенсивно работал и кормил всю семью. Удивление пришло ко мне позже, много лет спустя после его смерти.

Как-то я смотрела документальный фильм о враче-экспериментаторе, который решил выяснить влияние физической ограниченности на психику. Экспериментировать он решил на самом себе — для чего уложил себя на полтора месяца в кровать. В первое время он вел активный образ жизни — корректировал и читал научную литературу. Через полторы недели ему пришлось отказаться от части работы. Еще через некоторое время он перешел от научной литературы к художественной. Потом к детективу. После чего, впав в безразличие, лежал в полудреме. На этом эксперимент был прекращен. Посмотрев этот фильм, я невольно подумала об отце. Как он, лежа месяцами в гипсе, оставался активным? Я даже не помню, чтобы у него когда-нибудь было плохое настроение. Не оставлял его и юмор.

Александр Романович Беляев — единственный писатель, у которого было претворено в жизнь такое количество фантазий. Вот для примера небольшая литературно-историческая справка, приведенная в сборнике «Замок ведьм» (изд-во «Пермская книга», 1992). Автор справки — Александр Лукашин. Сначала идет название рассказа из сборника, затем научная идея, затем — осуществлена ли она.

«Ни жизнь, ни смерть»

Замораживание людей как последнее средство спасения от неизлечимой болезни — осуществлено.

Анабиоз живой рыбы для перевозки — осуществлено.

Авиэтка с автоматическим управлением — делаются экспериментальные экземпляры.

Замена ручного труда машинами — реализовано.

Пассажирские дирижабли — реализовано, но потом остановлено.

«Сезам, откройся»

Механический слуга — реализовано.

Телеуправление домашним хозяйством — реализовано.

Человекообразные роботы — созданы прототипы.

«Мистер Смех»

Технология получения музыки заданных эмоциональных свойств — ведутся опыты.

Механическое получение музыки — реализовано с помощью ЭВМ.

Социология смеха — осуществлено.

Технология смеха — ведутся опыты.

«Нетленный Мир»

Экологическая катастрофа — осуществимо.

Дезинфекция короткими волнами — реализовано.

«ВЦБИД»

Искусственное дождевание — осуществлено.

Искусственное рассеивание туч и туманов — осуществлено.

«Шторм»

Использование энергии ветра — осуществлено.

Гидростанции на Волге, Ангаре и Енисее — реализовано.

Гидроаккумулятор — осуществлено.

«Земля горит»

Гидростанция на Волге как средство мелиорации засушливых земель — осуществлено.

Заводы по переработке сельхозсырья в колхозах — осуществлено, но не до конца.

Агрогорода — осуществимо.

Кабели электропередач — осуществимо, но распространения не получило.

Электротракторы — осуществлено.

Ионизация воздуха — осуществлено.

Биологическая борьба с вредителями — осуществлено.

Добыча нефти со дна моря — реализовано.

Плавучие буровые — осуществлено.

Пенотушение пожара — осуществлено.

Москва-порт — осуществлено.

В девяти повестях и рассказах книги содержится приблизительно 52 научно-фантастические идеи. Из них к настоящему времени, хотя и не до стадии экспериментальных образцов, осуществлено 42 идеи. Отброшены или остаются фантастическими 10 идей.

Дочь писателя *Светлана Александровна Беляева*

Предисловие к первому тому Беляева «Человек-амфибия»

Десятки книг, сотни журнальных и газетных публикаций канули в Лету, затерялись среди архивных полок. И только летописи кропотливых библиографов хранят о них память: они когда-то были, их когда-то читали.

Будем объективны: многие из них забыты просто потому, что и не достойны памяти. Но ведь есть и другие — выпавшие из литературной истории по случайности или по злонамеренности цензоров, властей, etc.

А любопытные находки подчас поджидают нас даже там, где, казалось бы, давным-давно не осталось ни единого «белого пятнышка» — все исхожено, исчитано, неоднократно переиздано. Но все ли?..

Творческое наследие «крупнейшего научного фантаста» (по выражению Жака Бержье) Александра Романовича Беляева (1884—1942) вроде и не таит никаких особых тайн. Его произведения давно и прочно заняли свое место в нашей литературе, а лучшие из них составили «Золотой фонд» отечественной и даже мировой фантастики. Их помнят, читают и любят вот уже многие поколения; с завидной регулярностью переиздаются сборники лучших повестей писателя, а уж по числу выпущенных собраний сочинений А.Беляеву мог бы позавидовать любой из российских фантастов прошлого и настоящего. Наконец, о жизни и творчестве Александра Романовича написано бесконечное число статей и одна (к сожалению, всего одна! При такой-то богатой и удивительной биографии!) тоненькая книжка Б.В. Ляпунова «Александр Беляев» (1967).

Однако все творческое наследие популярнейшего фантаста до сих пор для нас ограничивалось довольно скромным списком из неполных четырех десятков произведений. Но достаточно просмотреть мало-мальски полную библиогра-

фию, чтобы обнаружить очевидное: далеко не все написанное и опубликованное А. Беляевым дошло до современного читателя. Его творчество куда шире и многограннее: это и реалистическая проза, детективные, историко-приключенческие и колонизаторские рассказы, истории для детей, пьесы, очеркистика и литературная критика, наконец...

Почему же вышла такая оказия с писателем, который никогда не был под запретом, чьи рукописи не запирались в спецхраны?

Все дело в том, что многие повести и рассказы А. Беляева разбросаны по периодическим изданиям, включая городские и районные газеты. Кроме того, поиск весьма затрудняет большое количество псевдонимов, которыми пользовался писатель: Арбель, Б.А., А. Ромс, Ром, Немо, А. Романович — это только некоторые из них. А сколько еще нераскрытых? Думаю, историкам литературы и библиографам предстоит сделать еще немало открытий.

И тем не менее мы рискнули вплотную подобраться к составлению полного собрания сочинений выдающегося русского писателя-фантаста. Оговоримся, однако: полного все-таки условно. Наша цель — вернуть читателю в первую очередь все (насколько это будет возможно) художественные тексты писателя — вне зависимости от их литературного качества (творчество А.Р. Беляева весьма неравноценно, как, впрочем, и творчество десятков других не менее заметных творцов. Однако это не отменяет историко-литературного значения этих текстов). А.Р.Беляев на всем протяжении жизни активно выступал и как журналист, театральный и литературный критик. Статьи и заметки разбросаны по десяткам газет и журналов. Поднять абсолютно все материалы представляется крайне сложным, да и нет в том острой необходимости. Из «нелитературного» наследия мы решили ограничиться избранным набором — наиболее значимыми, интересными и для дня сегодняшнего его статьями и очерками.

В данном собрании сочинений современный читатель впервые откроет для себя многие произведения А.Р.Беляева, никогда не переиздававшиеся с 1920—30-х годов (а это не только рассказы, но и романы и даже пьесы, в том числе и запрещенные некогда цензурой), обнаружит, что Беляев был не

только блестящим фантастом, но и занимательным детективистом и увлекательным приключенцем.

Тома данного собрания мы решили выстроить в условно хронологическом порядке. Сначала пойдут в хронологической последовательности крупные произведения — романы и повести. А завершит собрание большой том, куда будут включены все рассказы писателя, а также две пьесы, статьи и очерки. А в заключение читатель сможет узнать много интересного о трудной жизни и удивительном творчестве писателя из мемуарного очерка, написанного дочерью Александра Романовича — Светланой Александровной Беляевой.

Евгений Харитонов, Дмитрий Байкалов

Остров погибших кораблей

Часть первая

I. НА ПАЛУБЕ

Большой трансатлантический пароход «Вениамин Франклин» стоял в генуэзской гавани, готовый к отплытию. На берегу была обычная суета, слышались крики разноязычной, пестрой толпы, а на пароходе уже наступил момент той напряженной, нервной тишины, которая невольно охватывает людей перед далеким путешествием. Только на палубе третьего класса пассажиры суетливо «делили тесноту», размещаясь и укладывая пожитки. Публика первого класса с высоты своей палубы молча наблюдала этот людской муравейник.

Потрясая воздух, пароход проревел в последний раз. Матросы спешно начали поднимать трап.

В этот момент на трап быстро взошли два человека. Тот, который следовал сзади, сделал матросам какой-то знак рукой, и они опустили трап.

Опоздавшие пассажиры вошли на палубу. Хорошо одетый, стройный и широкоплечий молодой человек, заложив руки в карманы широкого пальто, быстро зашагал по направлению к каютам. Его гладко выбритое лицо было совершенно спокойно. Однако наблюдательный человек по сдвинутым бровям незнакомца и легкой иронической улыбке мог бы заметить, что это спокойствие деланое. Вслед за ним, не отставая ни на шаг, шел толстенький человек средних лет. Котелок его был сдвинут на затылок. Потное, помятое лицо его выражало одновременно усталость, удовольствие и напряженное внимание, как у кошки, которая тащит в зубах мышь. Он ни на секунду не спускал глаз со своего спутника.

На палубе парохода, недалеко от трапа, стояла молодая девушка в белом платье. На мгновение ее глаза встретились с глазами опоздавшего пассажира, который шел впереди.

Когда прошла эта странная пара, девушка в белом платье, мисс Кингман, услышала, как матрос, убиравший трап, сказал своему товарищу, кивнув в сторону удалившихся пассажиров:

— Видал? Старый знакомый Джим Симпкинс, нью-йоркский сыщик, поймал какого-то молодчика.

— Симпкинс? — ответил другой матрос. — Этот по мелкой дичи не охотится.

— Да, гляди, как одет. Какой-нибудь специалист по части банковских сейфов, если не хуже того.

Мисс Кингман стало жутко. На одном пароходе с нею будет ехать весь путь до Нью-Йорка преступник, быть может, убийца. До сих пор она видала только в газетах портреты этих таинственных и страшных людей.

Мисс Кингман поспешно взошла на верхнюю палубу. Здесь, среди людей своего круга, в этом месте, недоступном обыкновенным смертным, она чувствовала себя в относительной безопасности. Откинувшись на удобном плетеном кресле, мисс Кингман погрузилась в бездеятельное созерцание — лучший дар морских путешествий для нервов, утомленных городской суетой. Тент прикрывал ее голову от горячих лучей солнца. Над нею тихо покачивались листья пальм, стоявших в широких кадках между креслами. Откуда-то сбоку доносился ароматический запах дорогого табака.

— Преступник. Кто бы мог подумать? — прошептала мисс Кингман, все еще вспоминая о встрече у трапа. И, чтобы окончательно отделаться от неприятного впечатления, она вынула маленький изящный портсигар из слоновой кости, японской работы, с вырезанными на крышке цветами, и закурила египетскую сигаретку. Синяя струйка дыма потянулась вверх к пальмовым листьям.

Пароход отходил, осторожно выбираясь из гавани. Казалось, будто пароход стоит на месте, а передвигаются окружающие декорации при помощи вращающейся сцены. Вот вся Генуя повернулась к борту парохода, как бы желая показаться отъезжающим в последний раз. Белые дома сбегали с гор и теснились у прибрежной полосы, как стадо овец у водопоя. А над ними высились желто-коричневые вершины с зелеными пятнами садов и пиний. Но вот кто-то повернул деко-

рацию. Открылся угол залива — голубая зеркальная поверхность с кристальной прозрачностью воды. Белые яхты, казалось, были погружены в кусок голубого неба, упавший на землю, — так ясно были видны все линии судна сквозь прозрачную воду. Бесконечные стаи рыб шныряли меж желтоватых камней и коротких водорослей на белом песчаном дне. Постепенно вода становилась все синее, пока не скрыла дна...

— Как вам понравилась, мисс, ваша каюта?

Мисс Кингман оглянулась. Перед ней стоял капитан, который включил в круг своих обязанностей оказывать любезное внимание самым «дорогим» пассажирам.

— Благодарю вас, мистер...

— Браун.

— Мистер Браун, отлично. Мы зайдем в Марсель?

— Нью-Йорк — первая остановка. Впрочем, может быть, мы задержимся на несколько часов в Гибралтаре. Вам хотелось побывать в Марселе?

— О нет, — поспешно и даже с испугом проговорила мисс Кингман. — Мне смертельно надоела Европа. — И, помолчав, она спросила: — Скажите, капитан, у нас на пароходе... имеется преступник?

— Какой преступник?

— Какой-то арестованный...

— Возможно, что их даже несколько. Обычная вещь. Ведь эта публика имеет обыкновение удирать от европейского правосудия в Америку, а от американского — в Европу. Но сыщики выслеживают их и доставляют на родину этих заблудших овец. В их присутствии на пароходе нет ничего опасного — вы можете быть совершенно спокойны. Их приводят без кандалов только для того, чтобы не обращать внимания публики. Но в каюте им тотчас надевают ручные кандалы и приковывают к койкам.

— Но ведь это ужасно! — проговорила мисс Кингман.

Капитан пожал плечами.

Ни капитан, ни даже сама мисс Кингман не поняли того смутного чувства, которое вызвало это восклицание. Ужасно, что людей, как диких животных, приковывают на цепь. Так думал капитан, хотя и находил это разумной мерой предосторожности.

Ужасно, что этот молодой человек, так мало похожий на преступника и ничем не отличающийся от людей ее круга, будет всю дорогу сидеть скованным в душной каюте. Вот та смутная подсознательная мысль, которая взволновала мисс Кингман.

И, сильно затянувшись сигаретой, она погрузилась в молчание.

Капитан незаметно отошел от мисс Кингман. Свежий морской ветер играл концом белого шелкового шарфа и ее каштановыми локонами.

Даже сюда, за несколько миль от гавани, доносился аромат цветущих магнолий, как последний привет генуэзского берега. Гигантский пароход неутомимо разрезал голубую поверхность, оставляя за собой далекий волнистый след. А волны-стежки спешили заштопать рубец, образовавшийся на шелковой морской глади.

II. БУРНАЯ НОЧЬ

— Шах королю. Шах и мат.

— О, чтоб вас акула проглотила! Вы мастерски играете, мистер Гатлинг, — сказал знаменитый нью-йоркский сыщик Джим Симпкинс и досадливо почесал за правым ухом. — Да, вы играете отлично, — продолжал он. — А я все же играю лучше вас. Вы обыграли меня в шахматы, зато какой великолепный шах и мат устроил я вам, Гатлинг, там, в Генуе, когда вы, как шахматный король, отсиживались в самой дальней клетке разрушенного дома! Вы хотели укрыться от меня? Напрасно! Джим Симпкинс найдет на дне моря. Вот вам шах и мат, — и, самодовольно откинувшись, он закурил сигару.

Реджинальд Гатлинг *пожал плечами*:

— У вас было слишком много пешек. Вы подняли на ноги всю генуэзскую полицию и вели правильную осаду. Ни один шахматист не выиграет партии, имея на руках одну фигуру короля против всех фигур противника. И, кроме того, мистер Джим Симпкинс, наша партия еще... не кончена.

— Вы полагаете? Эта цепочка еще не убедила вас? — и сыщик потрогал легкую, но прочную цепь, которой Гатлинг был прикован за левую руку к металлическому стержню койки.

— Вы наивны, как многие гениальные люди. Разве цепи — логическое доказательство? Впрочем, не будем вдаваться в философию.

— И возобновим игру. Я требую реванша, — докончил Симпкинс.

— Едва ли это удастся нам. Качка усиливается и может смешать фигуры, прежде чем мы кончим игру.

— Это как прикажете понимать, тоже в переносном смысле? — спросил Симпкинс, расставляя фигуры.

— Как вам будет угодно.

— Да, качает основательно, — и он сделал ход.

В каюте было душно и жарко. Она помещалась ниже ватерлинии, недалеко от машинного отделения, которое, как мощное сердце, сотрясало стены ближних кают и наполняло их ритмическим шумом. Игроки погрузились в молчание, стараясь сохранить равновесие шахматной доски.

Качка усиливалась. Буря разыгрывалась не на шутку. Пароход ложился на левый бок, медленно поднимался. Опять... Еще... Как пьяный...

Шахматы полетели. Симпкинс упал на пол. Гатлинга удержала цепь, но она больно рванула его руку у кисти, где был «браслет».

Симпкинс выругался и уселся на полу.

— Здесь устойчивей. Знаете, Гатлинг, мне нехорошо... того... морская болезнь. Никогда я еще не переносил такой дьявольской качки. Я лягу. Но... вы не сбежите, если мне станет худо?

— Непременно, — ответил Гатлинг, укладываясь на койке. — Порву цепочку и сбегу... брошусь в волны. Предпочитаю общество акул...

— Вы шутите, Гатлинг. — Симпкинс ползком добрался до койки и, охая, улегся.

Не успел он вытянуться, как вновь был сброшен с кровати страшным толчком, потрясшим весь пароход. Где-то трещало, звенело, шумело, гудело. Сверху доносились крики и топот ног, и, заглушая весь этот разноголосый шум, вдруг тревожно загудела сирена, давая сигнал: «Всем наверх!»

Превозмогая усталость и слабость, цепляясь за стены,

Симпкинс пошел к двери. Он был смертельно испуган, но старался скрыть это от спутника.

— Гатлинг! Там что-то случилось. Я иду посмотреть. Простите, но я должен запереть вас! — прокричал Симпкинс.

Гатлинг презрительно посмотрел на сыщика и ничего не ответил.

Качка продолжалась, но даже при этой качке можно было заметить, что пароход медленно погружается носовой частью.

Через несколько минут в дверях появился Симпкинс. С его дождевого плаща стекали потоки воды. Лицо сыщика было искажено ужасом, которого он уже не пытался скрыть.

— Катастрофа... Мы тонем... Пароход получил пробоину... Хотя толком никто ничего не знает... Приготовляют шлюпки... отдан приказ надевать спасательные пояса... Но еще никого не пускают садиться в шлюпки. Говорят, корабль имеет какие-то там переборки, может быть, еще и не утонет, если там что-нибудь такое сделают, черт их знает что... А пассажиры дерутся с матросами, которые отгоняют их от шлюпок... Но мне-то, мне-то что прикажете делать? — закричал он, набрасываясь на Гатлинга с таким видом, будто тот был виновником всех его злоключений. — Мне-то что прикажете делать? Спасаться самому или следить за вами? Мы можем оказаться в разных шлюпках, и вы, пожалуй, сбежите.

— А это вас разве не успокаивает? — с насмешкой спросил Гатлинг, показывая цепочку, которой он был прикован.

— Не могу же я остаться с вами, черт побери.

— Словом, вы хотите спасти себя, меня и те десять тысяч долларов, которые вам обещали за мою поимку? Весьма сочувствую вашему затруднительному положению, но ничем не могу помочь.

— Можете, можете... Слушайте, голубчик, — и голос Симпкинса стал заискивающим, Симпкинс весь съежился, как нищий, вымаливающий подаяние, — дайте слово... дайте только слово, что вы не сбежите от меня на берегу, и я сейчас же отомкну и сниму с вашей руки цепь... дайте только слово. Я верю вам.

— Благодарю за доверие. Но никакого слова не дам. Впрочем, нет: сбегу при первой возможности. Это слово могу дать вам.

— О!.. Видали вы таких?.. А если я оставлю вас здесь, упрямец? — И, не ожидая ответа, Симпкинс бросился к двери. Цепляясь, карабкаясь и падая, он выбрался по крутой лестнице на палубу, которая, несмотря на ночь, была ярко освещена дуговыми фонарями. Его сразу хлестнуло дождевой завесой, которую трепал бурный ветер. Корма корабля стояла над водой, нос заливали волны. Симпкинс осмотрел палубу и увидел, что дисциплина, которая еще существовала несколько минут тому назад, повергнута, как легкая преграда, бешеным напором того первобытного, животного чувства, которое называется инстинктом самосохранения. Изысканно одетые мужчины, еще вчера с галантной любезностью оказывавшие дамам мелкие услуги, теперь топтали тела этих дам, пробивая кулаками дорогу к шлюпкам. Побеждал сильнейший. Звук сирены сливался с нечеловеческим ревом обезумевшего стада двуногих зверей. Мелькали раздавленные тела, растерзанные трупы, клочья одежды.

Симпкинс потерял голову, горячая волна крови залила мозг. Было мгновение, когда он сам готов был ринуться в свалку. Но мелькнувшая даже в это мгновение мысль о десяти тысячах долларов удержала его. Кубарем скатился он по лестнице, влетел в каюту, упал, прокатился к двери, ползком добрался до коек и молча, дрожащими руками стал размыкать цепь.

— Наверх! — Сыщик пропустил вперед Гатлинга и последовал за ним.

Когда они выбрались на палубу, Симпкинс закричал в бессильном бешенстве: палуба была пуста. На громадных волнах, освещенных огнями иллюминаторов, мелькали последние шлюпки, переполненные людьми. Нечего было и думать добраться до них вплавь.

Борта шлюпок были облеплены руками утопавших. Удары ножей, кулаков и весел, револьверные пули сыпались со шлюпок на головы несчастных, и волны поглощали их.

— Все из-за вас! — закричал Симпкинс, тряся кулаком перед носом Гатлинга.

Но Гатлинг, не обращая на сыщика никакого внимания, подошел к борту и внимательно посмотрел вниз. У самого парохода волны качали тело женщины. С последними усилиями

она протягивала руки и, когда волны прибивали ее к пароходу, тщетно пыталась уцепиться за железную обшивку.

Гатлинг сбросил плащ и прыгнул за борт.

— Вы хотите бежать? Вы ответите за это. — И, вынув револьвер, сыщик направил его в голову Гатлинга. — Я буду стрелять при первой вашей попытке отплыть от парохода.

— Не говорите глупостей и бросайте скорей конец каната, идиот вы этакий! — крикнул в ответ Гатлинг, хватая за руку утопавшую женщину, которая уже теряла сознание.

— Он еще и распоряжается! — кричал сыщик, неумело болтая концом каната. — Оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей!

Мисс Вивиана Кингман пришла в себя в каюте. Она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Симпкинс галантно раскланялся:

— Позвольте представиться: агент Джим Симпкинс. А это мистер Реджинальд Гатлинг, находящийся под моей опекой, так сказать...

Кингман не знала, как держать себя в компании агента и преступника. Кингман, дочь миллиардера, должна была делить общество с этими людьми. Вдобавок одному из них она обязана своим спасением, она должна благодарить его. Но протянуть руку преступнику? Нет, нет! К счастью, она еще слишком слаба, не может двинуть рукой... ну, конечно, не может. Она шевельнула рукой, не поднимая ее, и сказала слабым голосом:

— Благодарю вас, вы спасли мне жизнь.

— Это долг каждого из нас, — без всякой рисовки ответил Гатлинг. — А теперь вам нужно отдохнуть. Можете быть спокойны: пароход хорошо держится на воде и не потонет. — Дернув за рукав Симпкинса, он сказал: —Идем.

— На каком основании вы стали распоряжаться мною? — ворчал сыщик, следуя, однако, за Гатлингом. — Не забывайте, что вы — арестованный и я всякую минуту могу на законном основании наложить ручные кандалы и лишить вас свободы.

Гатлинг подошел вплотную к Симпкинсу и спокойно, но внушительно сказал:

— Послушайте, Симпкинс, если вы не перестанете болтать свои глупости, я возьму вас за шиворот, вот так, и выброшу за

борт, как слепого котенка, вместе с вашим автоматическим пистолетом, который так же намозолил мне глаза, как и вы сами. Понимаете? Уберите сейчас же в карман ваше оружие и следуйте за мной. Нам надо приготовить для мисс завтрак и разыскать бутылку хорошего вина.

— Черт знает что такое! Вы хотите сделать из меня горничную и кухарку? Чистить ей туфли и подавать булавки?

— Я хочу, чтобы вы меньше болтали, а больше делали. Ну, поворачивайтесь!

III. В ОДНОЙ ПУСТЫНЕ

— Скажите, мистер Гатлинг, почему корабль не потонул? — спрашивала мисс Кингман, сидя с Гатлингом на палубе, вся освещенная утренним солнцем. Кругом, насколько охватывал глаз, расстилалась водная гладь океана, как изумрудная пустыня.

— Современные океанские пароходы, — отвечал Гатлинг, — снабжаются внутренними переборками, или стенками. При пробоинах вода заполняет только часть парохода, не проникая дальше. И если разрушения не слишком велики, пароход может держаться на поверхности даже с большими пробоинами.

— Но почему же тогда пассажиры оставили пароход?

— Никто не мог сказать, выдержит ли пароход, чтобы оказаться способным держаться на поверхности. Посмотрите: киль ушел в воду. Корма поднялась так, что видны лопасти винтов. Палуба наклонена под углом почти в тридцать градусов к поверхности океана. Не очень-то удобно ходить по этому косогору, но это все же лучше, чем барахтаться в воде. Мы еще дешево отделались. На пароходе имеются громадные запасы провианта и воды. И если нас не слишком отнесло от океанских путей, мы можем скоро встретить какое-нибудь судно, которое подберет нас.

Однако шли дни за днями, а голубая пустыня оставалась все так же мертва. Симпкинс проглядел глаза, всматриваясь в морскую даль.

Потекли однообразные дни.

Мисс Кингман очень скоро вошла в роль хозяйки. Она

хлопотала на кухне, стирала белье, поддерживала порядок в столовой и «салоне» — небольшой уютной каюте, где они любили проводить вечера перед сном.

Трудный вопрос, как держать и поставить себя в новом, чуждом для нее обществе, разрешился как-то сам собой. К Симпкинсу она относилась добродушно-иронически, с Гатлингом установились простые, дружеские отношения. Больше того, Гатлинг интересовал ее загадочностью своей судьбы и натуры. Из чувства такта она не только никогда не спрашивала Гатлинга о его прошлом, но не допускала, чтобы и Симпкинс говорил об этом, хотя Симпкинс не раз пытался в отсутствие Гатлинга рассказать о его страшном «преступлении».

Они охотно беседовали друг с другом по вечерам, при закате солнца, покончив со своим маленьким хозяйством. Симпкинс торчал на своей сторожевой вышке, ища дымок парохода, как вестник спасения, профессионального триумфа и обещанной награды.

Из этих разговоров мисс Кингман могла убедиться в том, что ее собеседник образован, тактичен и воспитан. Беседы с остроумной мисс Кингман, по-видимому, доставляли и Гатлингу большое удовольствие. Она вспоминала свое путешествие по Европе и смешила его неожиданными характеристиками виденного.

— Швейцария? Это горное пастбище туристов. Я сама объездила весь свет, но ненавижу этих жвачных двуногих с Бедекером вместо хвоста. Они изжевали глазами все красоты природы.

Везувий? Какой-то коротыш, который пыхтит дрянной сигарой и напускает на себя важность. Вы не видали горной цепи Колорадо? Хэс-Пик, Лонс-Пик, Аранхо-Пик — вот это горы. Я уже не говорю о таких гигантах, как Монт Эверест, имеющий 8800 метров высоты. Везувий по сравнению с ними щенок.

Венеция? Там могут жить одни лягушки. Гондольер повез меня по главным каналам, желая показать товар лицом, все эти дворцы, статуи и прочие красоты, которые позеленели от сырости, и глазастых англичанок. Но я приказала, чтобы он вез меня на один из малых каналов, — не знаю, верно ли я

сказала, но гондольер меня понял и после повторного приказания неохотно направил гондолу в узкий канал. Мне хотелось видеть, как живут сами венецианцы. Ведь это ужас. Каналы так узки, что можно подать руку соседу напротив. Вода в каналах пахнет плесенью, на поверхности плавают апельсиновые корки и всякий сор, который выбрасывают из окон. Солнце никогда не заглядывает в эти каменные ущелья. А дети, несчастные дети! Им негде порезвиться. Бледные, рахитичные, сидят они на подоконниках, рискуя упасть в грязный канал, и с недетской тоской смотрят на проезжающую гондолу. *Я даже не уверена, умеют ли они ходить.*

— Но что же вам понравилось в Италии?..

Тут разговор их был прерван самым неожиданным образом:

— Руки вверх!

Они оглянулись и увидали перед собой Симпкинса с револьвером, направленным в грудь Гатлинга.

Сыщик уже давно прислушивался к их разговору, ожидая, не проговорится ли Гатлинг о своем преступлении. Убедившись в невинности разговора, Симпкинс решил выступить в новой роли — «предупредителя и пресекателя преступлений».

— Мисс Кингман, — начал он напыщенно, — мой служебный долг и долг честного человека предупредить вас об опасности. Я не могу больше допускать эти разговоры наедине. Я должен предупредить вас, мисс Кингман, что Гатлинг — опасный преступник. И опасный прежде всего для вас, женщин. Он убил молодую леди, опутав ее сначала сетью своего красноречия. Убил и бежал, но был пойман мною, Джимом Симпкинсом, — закончил он и с гордостью смотрел на произведенный эффект.

Нельзя сказать, что эффект получился тот, которого он ожидал.

Мисс Кингман действительно была смущена, взволнована и оскорблена, но скорее его неожиданным и грубым вторжением, чем речью.

А Реджинальд Гатлинг совсем не походил на убитого разоблачением преступника. С обычным спокойствием он подошел к Симпкинсу. Не обращая внимания на наведенное дуло, вырвал после короткой борьбы и отбросил в сторону револьвер, тихо сказав:

— Вам, очевидно, еще мало десяти тысяч долларов, обещанных вам за удовольствие некоторых лиц видеть меня посаженным на электрический стул. Только присутствие мисс удерживает меня разделаться с вами по заслугам!

Ссору прекратила мисс Кингман.

— Дайте мне слово, — сказала она, подходя к ним и обращаясь больше к Симпкинсу, — чтобы подобные сцены не повторялись. Обо мне не беспокойтесь, мистер Симпкинс, я не нуждаюсь в опеке. Оставьте ваши счеты до того времени, пока мы не сойдем на землю. Здесь нас трое — только трое среди беспредельного океана. Кто знает, что ждет нас еще впереди? Быть может, каждый из нас будет необходим для другого в минуту опасности.

Становится сыро, солнце зашло. Пора расходиться. Спокойной ночи!

И они разошлись по своим каютам.

IV. САРГАССОВО МОРЕ

Джим Симпкинс спал плохо в эту ночь. Он ворочался на койке в своей каюте и к чему-то прислушивался. Ему все казалось, что Гатлинг где-то поблизости, подкрадывается, чтобы расправиться с ним, отомстить, быть может, убить. Вот чьи-то шаги, где-то скрипнула дверь... Сыщик в ужасе сел на койку.

— Нет, все тихо, померещилось... Ой, черт возьми, какая душная ночь! И потом — москиты и комары не дают покоя. Откуда могла взяться вся эта крылатая нечисть среди океана? Или я брежу, или мы близко от земли? Не пойти ли освежиться?

Симпкинс уже не первую ночь ходил освежаться в трюм парохода, где находились запасы консервов и вина.

Он благополучно добрался до места, пробираясь ощупью впотьмах по знакомым переходам, и уже глотнул хороший глоток рома, как вдруг услышал какой-то странный шорох. В этом лабиринте трудно было определить, откуда слышались эти звуки. У Симпкинса похолодело в груди.

— Ищет. Нечего сказать, хорошая игра в прятки. Только бы он не нашел до утра. А там придется просить заступниче-

ства мисс Кингман. — И он стал, затаив дыхание, пробираться в дальний угол трюма, почти у самой обшивки. Именно там, за обшивкой, вдруг послышался шорох, как будто какое-то неведомое морское чудовище, выплывшее со дна моря, терлось шершавой кожей о борт парохода. Таинственные звуки стали слышнее. И вдруг Симпкинс почувствовал, как от мягкого толчка колыхнулся весь пароход. Ни волны, ни подводные камни не могли произвести такого странного колебания. Вслед за этим толчком последовало еще несколько вместе с каким-то глухим уханьем.

Симпкинса охватил ледяной ужас далеких животных предков человека: ужас перед неизвестным. Горе тому, кто не сумеет сразу побороть этот ужас: слепые инстинкты гасят тогда мысль, парализуют волю, самообладание.

Симпкинс почувствовал, как холодом пахну́ло в затылок и волосы на голове поднялись. Ему казалось, что он ощущает напряжение каждого волоса. С диким ревом бросился он, спотыкаясь и падая, вверх, на палубу.

Навстречу ему шел Гатлинг. Симпкинс, забыв обо всем, кроме страха перед неизвестным, чуть не бросился в объятия того, от которого только что спасался, как мышь в норе.

— Что это? — спросил он каким-то шипящим свистом (нервные спазмы сдавили его горло) и схватил Гатлинга за руку.

— Я знаю не больше вашего... Пароход мягко качнулся набок, потом опустилась носовая часть и вновь поднялась. Я наскоро оделся и вышел посмотреть.

Луна ярко освещала часть палубы. Пострадавшая после аварии килевая часть парохода была погружена в воду, и палуба здесь лежала почти на уровне воды.

Симпкинс остался выше, следя за Гатлингом, который осмотрел всю килевую часть палубы.

— Странно, странно... Спуститесь же сюда, Симпкинс, не будьте трусом.

— Благодарю вас, но мне и отсюда хорошо видно.

— Симпкинс, это вы? Что там случилось?

— Мисс Кингман, прошу вас сойти сюда, — сказал Гатлинг, увидав Вивиану, спускавшуюся вниз по палубе.

Она подошла к Гатлингу, а следом за ней осмелился спуститься и Симпкинс. Присутствие девушки успокоило его.

— Полюбуйтесь, мисс!

В ярких лучах луны палуба ярко белела. И на этом белом фоне виднелись темные пятна и следы. Будто какое-то громадное животное всползло на палубу, сделало полукруг и свалилось с правого борта, сломав, как соломинку, железные прутья перил.

— Обратите внимание: это похоже на след от тяжелого брюха, которое волочилось по палубе. А по бокам — следы лап или скорее плавников. Нас посетило какое-то неизвестное чудовище.

Симпкинсу опять стало страшно, и он незаметно стал пятиться назад по покатой палубе.

— А это что за сор? Какие-то растения, очевидно оставленные неизвестным посетителем? — И мисс Кингман подняла с пола водоросль.

Гатлинг внимательно осмотрел водоросль и неодобрительно покачал головой.

— Саргассум, группы бурых водорослей... Да, сомнения нет! Это саргассовы водоросли. Вот куда занесло нас. Черт возьми! Дело приобретает плохой оборот. Нам надо обсудить положение.

И все трое поднялись на верхнюю палубу. Опасность сблизила их. Симпкинс махнул рукой на свои «права», он понял, что только знания, опыт и энергия Гатлинга могли спасти их.

Больше всего сыщика беспокоило неизвестное чудовище. Какой-то саргассовой водоросли он не придал значения.

— Что вы думаете, Гатлинг, о нашем непрошеном госте? — спросил Симпкинс, когда все уселись на плетеные стулья.

Гатлинг пожал плечами, продолжая крутить в руке водоросль.

— Это не спрут, не акула и не какой-нибудь другой из известных обитателей моря... Возможно, что здесь, в этом таинственном уголке Атлантического океана, живут неведомые нам чудовища, какие-нибудь плезиозавры, сохранившиеся от первобытных времен.

— А вдруг они вылезут из воды и станут преследовать нас?

— Мы должны быть готовы ко всему. Но, признаюсь, меня беспокоят не столько неизвестные чудовища, сколько вот этот листок, — и он показал листок водоросли. — Пароход

все-таки слишком велик и крепок даже для этих неизвестных гигантов подводного мира. Им не проникнуть и в наши тесные каюты. Наконец, у нас есть оружие. Но какое оружие может победить вот это? — и он опять показал на водоросль.

— Что же страшного в этом ничтожном листке? — спросил Симпкинс.

— То, что мы попали в область Саргассова моря, таинственного моря, которое расположено западнее Корво — одного из Азорских островов. Это море занимает площадь в шесть раз больше Германии. Оно все сплошь покрыто густым ковром водорослей. «Водоросль» по-испански — «саргасса», отсюда и название моря.

— Как же это так: море среди океана? — спросила мисс Кингман.

— Вот этот вопрос не решили еще и сами ученые.

— Как вам должно быть известно, теплое течение Гольфстрим направляется из проливов Флориды на север к Шпицбергену. Но на пути это течение разделяется, и один рукав возвращается на юг, доходит до Азорских островов, идет к западным берегам Африки и, наконец, описав полукруг, возвращается к Антильским островам. Получается теплое кольцо, в котором и находится холодная, спокойная вода — Саргассово море. Посмотрите на океан!

Все оглянулись и были поражены: поверхность океана лежала перед ними неподвижной, как стоячий пруд. Ни малейшей волны, движения, плеска. Первые лучи восходящего солнца осветили это странное, застывшее море, которое походило на сплошной ковер зеленовато-бледных водорослей.

— Не хочу пугать вас, Симпкинс, но горе кораблю, попавшему в эту «банку с водорослями», как назвал Саргассово море Колумб. Винт, если он у нас и был бы в исправности, не мог бы работать: он намотал бы водоросли и остановился. Водоросли задерживают ход парусного судна, не дают возможности и грести. Словом, они цепко держат свою жертву.

— Что же будет с нами? — спросил Симпкинс.

— Возможно, то же, что и с другими. Саргассово море называют кладбищем кораблей. Редко кому удается выбраться отсюда. Если люди не умирают от голода, жажды или желтой лихорадки, они живут, пока не утонет их корабль от тяжести

наросших полипов или течи. И море медленно принимает новую жертву.

Мисс Кингман слушала внимательно.

— Ужасно! — прошептала она, вглядываясь в застывшую зеленую поверхность.

— Мы, во всяком случае, находимся в лучших условиях, чем многие из наших предшественников. Пароход держится хорошо. Может быть, нам удастся починить течь и выкачать воду. Запасов продуктов хватит для нас троих на несколько лет.

— Лет! — вскричал Симпкинс, подпрыгнув на стуле.

— Да, дорогой Симпкинс, возможно, что несколько лет вам придется ожидать обещанной награды. Мужайтесь, Симпкинс.

— Плевать я хотел на награду, только бы мне выбраться из этого проклятого киселя!

...Потянулись однообразные, томительные, знойные дни. Тучи каких-то неизвестных насекомых стояли над этим стоячим болотом. Ночью москиты не давали спать. Иногда туман ложился над морем погребальной пеленой.

К счастью, на пароходе была хорошая библиотека. Мисс Кингман много читала. По вечерам все собирались в большом роскошном салоне. Вивиана пела и играла на рояле. И все чаще Симпкинс стал являться на эти вечерние собрания с бутылкой вина: с горя он запил.

Гатлингу пришлось запереть на ключ винные погреба. Симпкинс пробовал возражать, но Гатлинг был неумолим.

— Недостает того, чтобы нам пришлось еще возиться с больным белой горячкой. Поймите же, нелепый вы человек, что вы скоро погибнете, если вас не остановить.

Симпкинсу пришлось покориться.

V. В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

Казалось, что пароход стоит неподвижно. Но, по-видимому, какое-то медленное течение увлекало его на середину Саргассова моря: все чаще стали встречаться на пути полусгнившие и позеленевшие обломки кораблей. Они появлялись, как мертвецы, с обнаженными «ребрами»-шпангоутами

и сломанными мачтами, некоторое время следовали за кораблем и медленно уплывали вдаль. Ночами Симпкинса пугали «привидения»: из зеленой поверхности моря появлялись вдруг какие-то столбы бледного тумана, напоминавшие людей в саванах, и медленно скользили, колыхались и таяли... Это вырывались испарения в тех местах, где в сплошном ковре водорослей находились «полыньи».

В одну из лунных ночей какой-то полуразрушенный бриг голландской постройки близко подошел к пароходу. Он был окрашен в черный цвет с яркой позолотой. Его мачта и часть бульварков были снесены, брашпиль разбит.

Со смешанным чувством любопытства и жути смотрела Вивиана на этот мертвый корабль. Быть может, это их будущее; настанет время — и их пароход будет так же носиться по морю, не оживленный ни одним человеческим существом. И вдруг она вскрикнула:

— Смотрите, смотрите, Гатлинг!

Прислонившись к сломанной мачте, там стоял человек в красной шапке. В лучах яркой луны на темном, почти черном лице сверкали зубы. Он улыбался, улыбался во весь рот. У ног его лежала бутылка.

Сознание, что они не одни, что в этой зеленой пустыне есть еще одно живое человеческое существо, взволновало всех. Симпкинс и Гатлинг громко крикнули и замахали руками.

Человек в красной шапке, все так же улыбаясь, махнул рукой, но как-то странно, будто показав что-то позади себя. И рука сразу опустилась, как плеть. Луна зашла за облако, и человека уже не стало видно. Но бриг подплывал все ближе к пароходу.

Наконец бриг уже почти вплотную подошел к борту корабля. В этот момент луна взошла и осветила странную и жуткую картину.

К обломку мачты был привязан скелет. Лохмотья одежды еще сохранились на нем. Уцелевшие кости рук болтались на ветру, но остальные уже давно выпали из плечевых суставов и валялись на полу палубы. Кожа на лице сохранилась, иссушенная горячим солнцем. На этом пергаментном лице сверкала улыбка черепа. Полуистлевшая красная шапка покрывала его макушку.

Один момент, и Гатлинг прыгнул на палубу брига.

— Что вы делаете, Гатлинг? Бриг может отойти от парохода. Тогда вы погибли.

— Не беспокойтесь, мисс, я успею. Здесь есть что-то интересное.

Гатлинг подбежал к скелету, схватил запечатанную бутылку и прыгнул на палубу парохода в тот момент, когда бриг отошел уже почти на метр.

— Сумасшедший! — встретила Гатлинга побледневшая мисс Кингман, радуясь его благополучному возвращению. — Ну, ради чего, в самом деле, вы так рисковали? — спросила Вивиана, глядя на бутылку. — Этого добра у нас достаточно.

— А вот посмотрим. — Гатлинг отбил горлышко бутылки и извлек полуистлевший листок синеватой бумаги. Выцветшие, почти рыжие буквы еще можно было разобрать.

Очевидно, гусиным пером, со странным росчерком и завитушками, было написано:

«Кто бы ты ни был, христианин или неверный, в чьи руки попадет сия бутылка, прошу и заклинаю тебя исполнить мою последнюю волю. Если меня найдешь после смерти моей на бриге, возьми деньги, что лежат в белом кожаном мешке, в капитанской каюте, 50 000 гульденов золотом. Из них 10 000 гульденов себе возьми, а 40 000 гульденов передай жене моей, Марте Тессель, в Амстердаме, Морская улица, собственный дом. А если потонет бриг, а бутылку одну найдешь в море, перешли ей, Марте Тессель, жене моей, мое последнее приветствие. Пусть простит меня, если огорчал ее в чем... Все наши умерли... Весь экипаж до матроса... Кар, Губерт... первые... Я один жив, пока. Неделю... без пищи... привяжусь к мачте... кто заметит... Прощайте... Густав Тессель. Бриг «Марта», 1713 года сентябрь 15-го дня».

Когда Гатлинг кончил читать, наступило молчание.

— Как это жутко и странно! Мы получили поручение от мертвеца передать привет его жене, которая уже двести лет как в могиле... — И, вздрогнув, мисс Кингман добавила: — Сколько ужасных тайн хранит это море!

— Пятьдесят тысяч гульденов, — думал вслух Симпкинс, провожая глазами удалявшийся бриг. — Сколько же это будет по курсу на сегодняшнее число?..

I. ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

— Земля! Земля! Мисс Кингман! Гатлинг! Идите сюда скорее. Мы приближаемся к какой-то гавани. Видны уже верхушки мачт и трубы пароходов. Вон там. Смотрите туда... левее!

Гатлинг посмотрел в подзорную трубу.

— Открытая вами гавань имеет чертовски странный вид, Симпкинс. Эта «гавань» тянется на много миль: мачты и трубы и опять мачты... Но обратите внимание: ни одна труба не дымит, а мачты... Их оснастка, паруса?.. Посмотрите, мисс Кингман, — и Гатлинг передал ей подзорную трубу.

— Да это скорее какое-то кладбище кораблей! — воскликнула Вивиана. — Мачты и трубы изломаны, от парусов остались одни клочья. И потом... где же земля? Я ничего не понимаю...

— Нельзя сказать, чтоб и для меня все было понятно, мисс, — ответил Гатлинг, — но я думаю, что дело обстоит так: в Саргассовом море, в этом стоячем болоте, очевидно, есть свои течения, хотя и очень замедленные водорослями. Очевидно, мы попали в одно из этих течений, которое, увы, и привело нас к этой «тихой пристани». Вы посмотрите, в какую «гавань» входим мы. Вот кто встречает нас, — и он жестом показал вокруг.

Чем ближе подходил пароход к необычной гавани, тем чаще встречались на пути печальные обломки кораблей. Здесь были разбитые, искалеченные, полусгнившие суда всех стран и народов. Вот пирога из целого куска дерева... А вот один скелет рыбачьего барка: наружная обшивка обвалилась, шпангоуты торчали, как обнаженные ребра, и килевая часть походила на рыбий спинной хребет... Еще дальше виднелись более

или менее сохранившиеся суда: барки, шхуны, тендеры, фрегаты, галеры... Ржавый современный пароход стоял бок о бок с португальской каравеллой шестнадцатого века. Она имела красивые изогнутые корабельные линии. Низкий борт возвышался затейливыми надстройками на носу и корме. Стержень руля проходил сквозь всю корму, по серединам бортов были отверстия для весел. «Санта Мария» — отчетливо виднелось на борту.

— Удивительно! — воскликнул Гатлинг. — Почти на таком же судне плыл Колумб, и одна из его каравелл также называлась «Санта Мария», две другие — «Пинта» и «Нина». А вот смотрите, — и дальнозоркий Гатлинг прочитал на борту линейного корабля: — «Генри». Дальше, видите, трехпалубное судно: «Суверен морей» и «1637 год» на его борту. А между ними колесный пароход первой половины девятнадцатого века — не более пятидесяти метров длины.

Проход между судами становился все у́же. Несколько раз пароход останавливался, натыкаясь на крупные обломки, наконец остановился совершенно, подойдя вплотную к сплошной массе тесно прижатых друг к другу кораблей, как бы слившихся в своеобразный остров.

Спутники молчали. У всех было такое чувство, будто их заживо привезли на кладбище.

— Уж если судьба занесла нас сюда, надо познакомиться с этим необыкновенным островом. Симпкинс! Идем!

Симпкинс явно был не расположен пускаться в экскурсию по этому мрачному кладбищу.

— Какой смысл? — попытался он уклониться.

— Будьте же мужчиной, Симпкинс. Кто знает, что таит в себе этот остров? Может быть, здесь есть и обитатели.

— Привидения старых голландских мореплавателей?

— Это мы посмотрим. Во всяком случае, кто бы ни обитал здесь, лучше, если мы первые узнаем о них. Этот остров может стать нашей могилой, но кто знает, быть может, здесь мы найдем и средство к спасению. Надо осмотреть суда; не окажется ли какое-нибудь еще годным для плавания?

— Осмотреть суда! — Симпкинс вспомнил «Марту» с ее 50 000 гульденов золотом. Он колебался.

— Но как оставим мы одну мисс Кингман?

— Обо мне не беспокойтесь. Я не боюсь привидений, — ответила она.

— Мы вот что сделаем, мисс, — предложил Гатлинг, — положите в топку солому. Если вам будет грозить какая-нибудь опасность, подожгите солому; мы увидим дым, выходящий из трубы, и тотчас же поспешим на помощь. Идем.

Гатлинг перебрался на стоявшее рядом трехпарусное судно восемнадцатого века «Виктория». Симпкинс неохотно последовал за ним.

Они медленно продвигались в глубь острова.

Едва ли что-нибудь в мире могло быть печальнее зрелища этого громадного кладбища. Море хоронит погибшие корабли, земля — людей. Но это кладбище оставляло своих мертвецов открытыми, при полном свете горячего солнца. Приходилось ступать с большой осторожностью. Полуистлевшие доски дрожали под ногами. Каждую минуту путешественники рисковали провалиться в трюм. На этот случай каждый из них имел по веревке, чтобы оказать помощь друг другу в нужную минуту. Перила обваливались. Обрывки парусов при одном прикосновении рассыпáлись в прах. Везде толстым слоем лежали пыль тления и зелень гниения... На многих палубах валялись скелеты, блестевшие на солнце белизной костей или темневшие еще сохранившейся кожей или лохмотьями одежды. По расположению скелетов, по проломленным черепам можно было судить о том, что обезумевшие перед смертью люди ссорились, бунтовали, бесцельно и жестоко убивали друг друга, кому-то мстя за страдания и погубленную жизнь. Каждый корабль был свидетелем великой трагедии, происходившей на нем пятьдесят, сто, двести лет тому назад.

Какой нечеловеческий ужас, какие страшные страдания должны были испытать живые обладатели выбеленных солнцем черепов, скаливших теперь зубы в страшной улыбке! И все они улыбались, улыбались до ушей...

Даже Гатлингу делалось жутко от этих улыбавшихся оскалов, а Симпкинса трясла лихорадка.

— Уйдем отсюда, — просил он. — Я не могу больше!

— Подождите, вот там хорошо сохранившийся корабль. Интересно спуститься в каюты.

— По лестницам, которые обломятся под вашими нога-

ми? — Симпкинс вдруг озлился. — Гатлинг! Я не сделаю больше ни шагу. Довольно. Прошу вас больше не командовать мною. Вы забыли о том, кто вы и кто я! Куда вы ведете меня? Зачем? Чтобы сбросить где-нибудь в трюме и таким образом отделаться от меня без шума! О, я знаю: я мешаю вам.

Гатлинга взбесила эта речь:

— Замолчите, Симпкинс, или я в самом деле швырну вас за борт.

— Не так-то просто, — язвительно произнес Симпкинс и, прислонившись к деревянному ограждению у борта, направил на Гатлинга дуло револьвера. Гатлинг быстро шагнул вперед, но, прежде чем он схватил за руку Симпкинса, раздался выстрел и звук обрушившихся перил. Пуля пролетела над головой Гатлинга. В то же время он увидел, как Симпкинс, нелепо взмахнув руками, упал за борт вместе с обломками перегнивших перил. За бортом глухой плеск воды... тишина... потом фырканье Симпкинса. Гатлинг посмотрел за борт. Сыщик барахтался в зеленой каше водорослей. Водоросли свисали гирляндами с головы, опутывали руки, цепко держали свою жертву. Симпкинс напряг все усилия, чтобы зацепиться за обшивку корабля. После целого ряда попыток это ему удалось. Но руки его устали, водоросли тянули вниз, еще немного — и он пошел бы ко дну.

Гатлинг отошел от борта, сел на бочку и закурил трубку.

— Гатлинг, простите. Я был глупый осел, — слышал Гатлинг голос Симпкинса, но продолжал молча дымить трубкой. — Гатлинг... спасите... Гатлинг!

Гатлинг подошел к борту. Он колебался. Все же человек просит о помощи. Но какой человек? Продажный сыщик, шпион, который не остановится даже после спасения сейчас же предать Гатлинга в руки властей, чтобы получить свои тридцать сребреников.

— Нет, нет, — и Гатлинг опять сел и начал усиленно дымить...

— Гатлинг, умоляю! Гатлинг! Гатлинг! — стонал Симпкинс.

Гатлинг усиленно дымил трубкой.

— Га-ат... — и вдруг этот крик перешел в какое-то захлебывающееся рыдание.

Гатлинг скрипнул зубами, отбросил трубку и, раскрутив конец веревки, кинул ее утопавшему.

Последними усилиями Симпкинс схватил веревку, но, как только Гатлинг начинал тащить его, Симпкинс срывался: водоросли цепко держали его, в руках уже не было силы.

— Обвяжитесь веревкой! — крикнул ему Гатлинг.

Симпкинс кое-как обвязался, закрутил узел и стал подниматься на палубу.

Стоя перед Гатлингом, Симпкинс был так взволнован, что только беспрерывно повторял: «Гатлинг!.. Гатлинг!.. Гатлинг!..» — и протягивал ему руку.

Гатлинг поморщился, но, посмотрев на искреннюю животную радость в глазах спасенного, добродушно улыбнулся и крепко пожал мокрую руку.

— Не могу вам выразить, Гатлинг...

— Стойте, — вдруг насторожился Гатлинг, быстро вырывая свою руку, — смотрите, на нашем пароходе дым из трубы. Мисс Кингман зовет нас. Там что-то случилось. Бежим!

II. ОБИТАТЕЛИ ОСТРОВКА

Оставшись одна, мисс Кингман принялась за приготовление завтрака. Она вычистила и зажарила пойманную Гатлингом рыбу, спустилась в трюм и взяла в складах провизии несколько апельсинов. Когда она, с корзиной в руках, поднялась на палубу, то увидела необыкновенную картину: за их обеденным столом — вернее, на столе и стульях — хозяйничали обезьяны. Они визжали, ссорились, бросались кексом и засовывали себе за щеки куски сахара. При появлении мисс Кингман они насторожились и с криком отступили к борту. Вивиана засмеялась и бросила им пару апельсинов. Это сразу установило дружеские отношения. Не без драки покончив с парой апельсинов, шимпанзе, приседая и гримасничая, подошли к мисс Кингман и стали смело брать плоды у нее из рук. Не было сомнения, что они привыкли к обществу людей.

И действительно, люди не заставили себя долго ждать.

Поглощенная забавными проделками неожиданных гостей, мисс Кингман не видела, как из-за борта парохода осторожно выглянули две головы. Убедившись, что на палубе нет

никого, кроме женщины, неизвестные быстро перелезли через борт и, закинув ружья на плечи, стали приближаться к мисс Кингман.

Она вскрикнула от неожиданности, увидя эту пару.

Один из них — толстенький, коротенький человечек с бледным, несмотря на южное солнце, обрюзгшим, давно не бритым лицом — сразу поражал некоторыми контрастами костюма и всего внешнего облика. На его голове была шляпа-котелок, измятая, грязная, просвечивавшая во многих местах. Смокинг, несмотря на дыры и заплаты, все еще сохранял следы хорошего покроя. Но брюки имели самый жалкий вид, спускаясь бахромой ниже колен. Стоптанные лакированные туфли и изорванный фуляровый бант на шее дополняли наряд.

Другой — высокий, мускулистый, загорелый, с черной бородой, в широкополой мексиканской шляпе сомбреро, в темной рубахе, с голыми по локоть руками и в высоких сапогах — напоминал мексиканского овцевода. Движения его были быстры и резки.

— Бонжур, мадемуазель, — приветствовал мисс Кингман толстяк, раскланиваясь самым галантным образом. — Позвольте поздравить вас с благополучным прибытием на Остров Погибших Кораблей.

— Благодарю вас, хотя я не назвала бы мое прибытие благополучным... Что вам угодно?

— Прежде всего позвольте представиться: Аристид Додэ. Фамилия моя Додэ, да, да, Додэ. Я француз...

— Быть может, родственник писателю Альфонсу Додэ? — невольно спросила мисс Кингман.

— Э-э... не то чтобы... так... отдаленный... Хотя я имел некоторое отношение к литературе, так сказать... Крупнейшие бумажные фабрики и... обойные на юге Франции.

— Не болтай лишнего, Тернип, — мрачно и сердито произнес его спутник.

— Как вы нетактичны, Флорес! Когда же я научу вас держаться в приличном обществе? И прошу не называть меня Тернип. Они, изволите ли видеть, назвали меня так в шутку, по причине моей головы, которая, как им кажется, напоминает репу... — и, сняв котелок, он провел по голому желтоватому

черепу, сохранившему, по странной игре природы, пучок волос на темени.

Мисс Кингман невольно улыбнулась меткому прозвищу.

— Но что же вам от меня надо? — опять повторила свой вопрос Вивиана.

— Губернатор Острова Погибших Кораблей, капитан Фергус Слейтон, издал приказ, которому мы должны слепо и неуклонно повиноваться: каждый вновь прибывший человек должен быть немедленно представлен ему.

— И уверяю вас, мисс или миссис, не имею чести знать, кто вы, вы встретите у капитана Слейтона самый радушный прием.

— Я никуда не пойду, — ответила мисс Кингман.

Тернип вздохнул.

— Мне очень неприятно, но...

— Будет тебе дипломата разыгрывать! — опять грубо вмешался Флорес и, подойдя к Вивиане, повелительно сказал: — Вы должны следовать за нами.

Мисс Кингман поняла, что сопротивление будет напрасным. Подумав несколько, она сказала:

— Хорошо. Я согласна. Но разрешите мне переодеться, — и она показала на свой рабочий костюм и фартук.

— Лишнее! — отрезал Флорес.

— Ведь это не займет много времени, — обратился Тернип одновременно к Флоресу и мисс Кингман.

— О, всего несколько минут! — и она оставила палубу.

Через несколько минут Флорес заметил, что пароходная труба задымила. Он сразу понял военную хитрость.

— Проклятая баба перехитрила. Видишь дым? Это сигнал. Она зовет кого-то на помощь! — И, снимая с плеча винтовку, он стал бранить Тернипа: — А все ты! Растаял. Вот я скажу твоей старухе!

— Вы неисправимы, Флорес. Не могли же мы тащить силой беззащитную женщину.

— Рыцарство! Галантность! Вот тебе Фергус пропишет рыцарство... Не угодно ли? — И, взяв ружье наперевес, он кивнул головой к борту, через который перепрыгивали Гатлинг и все еще мокрый Симпкинс, весь в зеленых водорослях, с прицепившимися к одежде крабами: — Это еще что за водяной?..

Начались переговоры. Гатлинг не побоялся бы помериться силами с этими двумя оборванцами. Но если они не врут, борьба ни к чему не приведет: на Острове, как они уверяют, живет целое население — сорок три хорошо вооруженных человека. Силы неравны — победа должна остаться на стороне их.

Оставив в залог Симпкинса, Гатлинг отправился обсудить положение с мисс Кингман. Она также была согласна с тем, что борьба бесполезна. Было решено идти всем вместе представляться капитану Фергусу.

III. ГУБЕРНАТОР ФЕРГУС СЛЕЙТОН

На Острове Погибших Кораблей оказались довольно хорошие пути сообщения.

Перебравшись через старый трехпалубный фрегат, Тернип, шедший впереди, вывел пленников на дорогу: это были мосты, переброшенные между кораблями и над провалившимися палубами. Вдоль этой дороги тянулась какая-то проволока, прикрепленная к небольшим столбам и сохранившимся мачтам.

— Сюда, сюда! Не оступитесь, мисс, — любезно обращался он к мисс Кингман. За ней следовали Гатлинг и Симпкинс. Мрачный Флорес, надвинув свое сомбреро до бровей, заключал шествие.

На полпути им стали встречаться обитатели, одетые в лохмотья, все обросшие, загорелые: белокурые жители севера, смуглые южане, несколько негров, три китайца... Все они с жадным любопытством смотрели на новых обитателей Острова.

Среди небольших парусных судов разных эпох и народов, в центре Острова, поднимался большой, довольно хорошо сохранившийся фрегат «Елизавета».

— Резиденция губернатора, — почтительно произнес Тернип.

На палубе этой «резиденции» стояло нечто вроде почетного караула: шесть матросов с ружьями в руках, в одинаковых и довольно приличных костюмах.

Губернатор принял гостей в большой каюте.

После наводящего уныние вида разрушенных кораблей эта каюта невольно поражала.

Она имела вполне жилой вид и убрана была почти роскошно. Только некоторая пестрота стиля говорила о том, что сюда стащили все, что находили лучшего на кораблях, которые прибивало к этому странному Острову.

Дорогие персидские ковры устилали пол. На консолях стояло несколько хороших китайских ваз. Темные стены с резными карнизами черного дуба были увешаны прекрасными картинами голландских, испанских и итальянских мастеров: Веласкеса, Рибейры, Рубенса, Тициана, фламандского пейзажиста Тейньера. Тут же был этюд собаки, делающей стойку, и рядом, нарушая стиль, висела прекрасная японская картина, вышитая шелком, изображавшая в стиле Гокпан журавля на осыпанном снегом суку дерева и конус горы Фудзияма.

На большом круглом столе стояли старинные венецианские граненые вазы шестнадцатого века, французские бронзовые канделябры времен Директории и несколько редких розовых раковин. Тяжелая резная мебель, обтянутая тисненой свиной кожей, с золотыми ободками по краям, придавала каюте солидный вид.

Прислонясь к книжному шкафу, стоял губернатор Острова — капитан Фергус Слейтон.

Он выгодно отличался от прочих обитателей крепким сложением, выхоленным, хорошо выбритым лицом и вполне приличным капитанским костюмом.

Несколько приплюснутый нос, тяжелый подбородок, чувственный рот производили не совсем приятное впечатление. Серые холодные глаза его устремились на пришедших. Он молча и спокойно смотрел на них, как бы изучая их и что-то взвешивая. Это был взгляд человека, который привык распоряжаться судьбой людей, не обращая внимания на их личные желания, вкусы и интересы. Скользнув взглядом по Симпкинсу и, очевидно, не сочтя его достойным внимания, он долго смотрел на мисс Кингман, перевел взгляд на Гатлинга и опять на Кингман...

Этот молчаливый осмотр смутил Вивиану и начал сердить Гатлинга.

— Позвольте представиться: Реджинальд Гатлинг, мисс

Вивиана Кингман, мистер Джим Симпкинс. Пассажиры парохода «Вениамин Франклин», потерпевшего аварию.

Слейтон, не обращая внимания на Гатлинга, все еще продолжал смотреть на мисс Кингман. Затем он подошел к ней, любезно поздоровался, небрежно протянул руку Гатлингу и Симпкинсу и пригласил сесть.

— Да, знаю, — проговорил он, — знаю.

Гатлинг был необычайно удивлен, когда Слейтон точно указал, где и когда их пароход потерпел аварию. Об этом никто из них не говорил островитянам.

Слейтон обращался почти исключительно к мисс Кингман.

— Если случай занес вас на этот печальный Остров, мисс Кингман, то мы, островитяне, должны только благодарить судьбу за ее прекрасный дар, — отпустил Слейтон тяжеловатый комплимент даже без улыбки на лице.

— Увы, я не склонна благодарить судьбу, которая так распорядилась мною, — отвечала мисс Кингман.

— Кто знает, кто знает? — загадочно ответил Слейтон. — Здесь не так плохо живется, мисс, как может показаться с первого раза. Вы музицируете? Поете?

— Да...

— Отлично. Великолепно. Здесь вы найдете прекрасный эраровский рояль и богатую нотную библиотеку. Книг тоже хватает. Среди наших островитян есть интересные люди. Вот хотя бы этот Тернип. Правда, он порядочно опустился, но он много видел, много знает и когда-то занимал хорошее положение. Теперь он смешон, но все же интересен. Потом Людерс, немец. Это наш историк и ученый. Он изучает историю кораблестроения, ведь наш Остров — настоящий музей, не правда ли?

— Историю кораблестроения? Это интересно, — сказал Гатлинг.

— Это имеет отношение к вашей специальности? — небрежно спросил Слейтон, посмотрев на него сощуренными глазами.

— Да, я инженер по кораблестроению, — ответил Гатлинг.

Мисс Кингман удивленно посмотрела на него. Она и не знала об этом.

— Ну вот и у вас будет интересный собеседник, мистер...

— Гатлинг.

— Мистер Гатлинг... Людерс собрал интереснейшую библиотеку из корабельных журналов и посмертных записок всех умерших на окружающих нас кораблях. Ну... этот материал я не советую читать... Правда, его хватило бы на десяток романистов, но слишком мрачно, слишком. Саргассово море покажется вам после чтения этой библиотеки одним из кругов дантовского Ада.

— А что, на этих кораблях, вероятно, много и... редкостей всяких находили? — вставил слово и Симпкинс.

Слейтон более внимательно посмотрел на Симпкинса и, отметив в памяти какое-то наблюдение или вывод, ответил:

— Да, есть и... — он нарочно сделал такую же паузу, как и Симпкинс, — редкости. У нас целый музей. Я покажу его вам как-нибудь, если вы интересуетесь р е д к о с т я м и.

Но чего нам, к сожалению, недостает, — обратился Слейтон опять к мисс Кингман, — так это женского общества. Со смертью моей покойной жены, — Слейтон вздохнул, — на Острове осталось только две женщины: Мэгги Флорес и Ида Додэ, или Тернип, как зовут у нас ее мужа. Это старая, почтенная женщина. Я предоставлю вас ее заботам.

— Кушать подано, — объявил лакей-негр, наряженный по случаю прибытия новых поселенцев во фрак и белые перчатки.

— Прошу вас откушать на новоселье, — и губернатор провел гостей в столовую, где был накрыт хорошо сервированный стол.

Во время завтрака Слейтон еще раз удивил Гатлинга своей осведомленностью о том, что делается на свете. Слейтон знал самые последние мировые новости.

Губернатор заметил удивленные взгляды и в первый раз самодовольно засмеялся:

— Мы, если хотите, Робинзоны. Но Робинзоны двадцатого века. Вы заметили провода, прикрепленные к мачтам и столбам? Остров Погибших Кораблей имеет телефонную связь. Мы могли бы устроить и электрическое освещение, но у нас не хватает горючего. Зато мы имеем радиоприемную станцию и даже громкоговоритель. Все это мы достали на радиофицированных судах, прибитых к Острову в последние годы. Же-

лаете послушать? — и Слейтон привел в действие радиоприемный аппарат.

И в каюте старого фрегата, среди Острова Погибших Кораблей, вдруг послышалась модная песенка, исполняемая в Нью-Йорке известной певицей, которую не раз слыхала мисс Кингман.

Никогда еще звуки песен так не потрясали ее.

IV. НОВАЯ ЖИЗНЬ

Женская часть населения Острова приняла мисс Кингман с живейшим участием.

Если с Мэгги Флорес у мисс Кингман установились дружеские отношения сверстниц, то старая, строгая на вид, но добрая жена Аристида Тернипа-Додэ — Ида — сразу взяла в отношении мисс Кингман покровительственный тон заботливой матери. Женщин было так мало на Острове! Притом миссис Додэ основательно предполагала, что Вивиана будет нуждаться в ее защите. И она приняла девушку под свою опеку.

Мэгги Флорес в первый же день рассказала Вивиане Кингман свою печальную повесть. Когда судьба забросила ее на Остров, она вышла замуж, с соблюдением существующих на Острове «законов» и обрядностей, за губернатора Фергуса Слейтона. От этого брака у нее родился ребенок, который в настоящее время был единственным представителем нового поколения на Острове. Фергус был груб и даже жесток с нею, но она терпела... Во время германской войны на Остров занесло немецкую подводную лодку и на ней троих оставшихся в живых: матроса, капитана и молодую француженку с потопленного этой же подводной лодкой пассажирского парохода.

Когда француженка появилась на Острове, Фергус захотел сделать ее своей женой. Между Фергусом и немецким капитаном подводной лодки произошла ссора. Немец был убит, и француженка стала женой Слейтона. Мэгги получила развод и скоро оказалась женою Флореса.

Он тоже груб, но он любит Мэгги, силен и не дает ее никому в обиду.

Потом... потом француженка умерла. Слейтон говорил, что она случайно отравилась рыбным ядом. Но на Острове го-

ворили, что она покончила с собой, так как любила убитого Фергусом немецкого капитана. И овдовевший Фергус Слейтон пожелал вновь вернуть Мэгги. Но Флорес сказал, что, только переступив через его труп, Слейтон сумеет получить Мэгги обратно.

Для Слейтона переступить через труп так же легко, как через бревно. Он не остановился бы перед этим. Но на сторону Флореса стало все население Острова. Губернатор понял, что с этим шутить не приходится, и отступил.

— И я осталась женою Флореса, — закончила свой рассказ Мэгги. — И вот в такую-то минуту, дорогая мисс Вивиана, явились вы... Вы понимаете всю затруднительность вашего положения? Если Фергус Слейтон вам нравится, ну, тогда все в порядке. А если нет или сердце ваше занято другим, — и она многозначительно посмотрела на Вивиану, — то будьте осторожны. Будьте очень осторожны со Слейтоном!..

Мисс Кингман покраснела.

— Сердце мое не занято, — ответила она, — но я не собираюсь становиться женою Слейтона.

Разговор перешел на другие темы. Мисс Додэ рассказывала Вивиане о том, как живется им на Острове.

— У нас довольно большие запасы продовольствия, главным образом консервов. Но так как неизвестно, будут ли пополняться эти запасы, то они расходуются лишь в самом крайнем случае, особенно мука. Хлеб, вино, мясные и овощные консервы выдаются только больным. Обыкновенной же пищей служит рыба, пойманная в море. От однообразия в пище нередко бывают заболевания цингой. Таким больным выдают паек из склада.

— Скажите, а не могут потонуть все эти корабли?

— Наш профессор Людерс говорит, что здесь небольшая глубина. Корабли же тонули здесь несколько веков, поднимая дно. И теперь мы находимся на самом настоящем Острове из погибших кораблей. У нас есть здесь любимые места прогулок, свои улицы и площади — на палубах больших кораблей, «горы» и «долины»... С нами живут шесть обезьян, несколько собак и прирученных птиц, которых мы поймали, когда они отдыхали на Острове во время перелета. — Старуха вздохнула. — Что сказать? Человек привыкает ко всему! А все-таки

хотелось бы еще повидать землю и схоронить свои старые кости в земле...

Опасения Мэгги оправдались. Мисс Кингман скоро пришлось столкнуться со Слейтоном.

Он пригласил ее к себе на вечерний чай. И когда она пришла, он почти без предисловия сделал ей предложение стать его женой. Она ответила решительным отказом. Слейтон стал просить ее, потом угрожать:

— Поймите же, что это неизбежно. И в ваших же интересах. Со мной вы будете в безопасности, вы будете обеспечены всем необходимым. За вами будет прекрасный уход... Я знаю, ваш отец богат. Но все его богатства — гроши по сравнению с тем, что я имею. Я покажу вам полные сундуки золота, груды бриллиантов и жемчуга; вы целыми пригоршнями будете брать изумруды из моих сокровищ. Все будет ваше.

— Я не ребенок, чтобы играть в камешки. А здесь все эти сокровища только и годны на то, чтобы пересыпать их из руки в руку.

— Соглашайтесь! Соглашайтесь по доброй воле, иначе... — и он крепко сжал ей руку у локтя.

— Не оставила ли я здесь подноса? — открыв дверь, спросила вдруг миссис Додэ и вошла в каюту.

Слейтон недовольно поморщился, отошел от мисс Кингман и молча ждал.

Старуха продолжала шнырять по каюте. Он потерял терпение:

— Скоро вы уберетесь отсюда?

Миссис Додэ подбоченилась, стала в самую боевую позу, смерила взглядом Слейтона с ног до головы и вдруг налетела на него, как наседка, защищающая своего цыпленка:

— Нет, не уберусь! Нет, не уберусь, пока вы не ответите мне на все мои вопросы. Вы губернатор Острова?

— Я губернатор! Дальше!

— Вы издаете законы?

— Я издаю законы!

— Кто же будет повиноваться вашим законам, если вы первый не исполняете их?

— Да в чем дело, сумасшедшая вы женщина?

— Вы сумасшедший, а не я! Вы издали закон о том, что ка-

ждая женщина, попадающая на Остров, должна выйти замуж! Так, хорошо. Но женщине предоставляется право свободно выбирать себе мужа... А вы что делаете?

— Вы подслушивали?

— Да, да, подслушивала и очень хорошо сделала! Разве так у нас производятся выборы мужа? Вы хотели обмануть и ее и всех, кто не лишен права рассчитывать на ее выбор. Вы хотели обойти закон, но это вам не удастся. Я раззвоню об этом на весь остров, и все будут против вас. Вы не забыли историю с Мэгги и Флоресом? Так вот вам и последний вопрос: намерены ли вы исполнить закон и назначить выборы Вивианой Кингман мужа по всей форме, как полагается?

Фергус был раздражен, но почувствовал, что ему придется подчиниться.

— Хорошо! Мы выполним эту формальность, если этого вам так хочется! Но вы увидите, что результат будет тот же. Не согласится же мисс выйти замуж за негра или за одного из моих оборванцев.

— Это мы увидим. А теперь, деточка, идем ко мне, — и она увела мисс Кингман с видом победительницы.

V. ВЫБОР ЖЕНИХА

Солнце опускалось за горизонт, освещая красными лучами ярко-зеленую поверхность Саргассова моря и Остров Погибших Кораблей с его лесом мачт. Этот исковерканный бурями, искрошенный временем лес, его изломанные сучья-реи, клочья парусов, редкие, как последние листья, — все это могло бы привести в уныние самого жизнерадостного человека.

Но профессор Людерс чувствовал себя здесь великолепно, как ученый-археолог в любимом музее древностей.

Усевшись на палубе голландской каравеллы, он с воодушевлением рассказывал Гатлингу, показывая широким жестом вокруг:

— Здесь, перед вашими глазами, вся история кораблестроения. Вы не можете себе представить, какие здесь есть исторические драгоценности. Вон там, у колесного парохода прошлого столетия, виднеется корабль доколумбовской эпохи. С этаким рулем плавали в океане! А вот там, за трехпалубным

бригом, хранится жемчужина моего музея: скандинавское одномачтовое девятивесельное судно десятого века с западных берегов Гренландии. В незапамятные времена оно было выброшено бурей на обломки ранее погибших кораблей и потому прекрасно сохранилось. Посмотрите на его красивую удлиненную форму, с острой приподнятой кормой и еще более высоким носом, увенчанным резной головой не то птицы, не то дракона. Какими судьбами оно попало сюда? Какие безумно храбрые люди пустились в этом утлом челне в далекое плавание? А там, внизу, в неподвижных холодных глубинах, наверно, лежат развалины финикийских и египетских кораблей, и, кто знает, быть может, здесь же, под нами, покоится флот великой Атлантиды, среди леса водорослей и колонн погибшей цивилизации?

— Масса Гатлинг! Капитан Фергус Слейтон просит вас пожаловать к нему.

Гатлинг увидел полуобнаженного негра, черное тело которого приобрело в лучах заходящего солнца оттенок старой бронзы.

— Что ему нужно?

— Просит пожаловать к нему, — повторил негр.

Гатлинг неохотно поднялся и отправился по зыбким мосткам в «резиденцию» губернатора.

Слейтон принял его, стоя в своей обычной позе.

— Гатлинг, мне нужно с вами поговорить. Вы любите мисс Кингман? — задал он Гатлингу неожиданный вопрос.

— Не считаю нужным отвечать вам! Это касается только меня!

— Вы ошибаетесь! Это касается и меня!

— Вот как? Тогда могу сообщить, что я лично, как говорят, никаких «видов» на мисс Кингман не имею. Мы с ней друзья, и я глубоко уважаю ее. Но эта же дружба накладывает на меня и некоторые обязанности...

— В чем они состоят?

— В том, что я никому не позволю распоряжаться судьбою мисс Кингман против ее доброй воли.

— Не забывайте, Гатлинг, что здесь я имею привилегию позволять что-либо или не позволять. Только я! — И после паузы он добавил: — Вот что, Гатлинг! Я имею возможность

доставить вас на берега Азорских островов. Я смогу весьма солидно обеспечить вас на дорогу.

Гатлинг весь покраснел от гнева и сжал кулаки.

— Молчать! — крикнул он. — Вы смеете предлагать мне взятку? Вы смеете думать, что я способен за деньги предать человека? — И вслед за этими словами он набросился на Слейтона.

Слейтон отразил удар и дал свисток. Десяток разноплеменных оборванцев, составлявших личную охрану Слейтона, ринулись на Гатлинга из-за распахнувшихся дверей.

Гатлинг отбрасывал их во все стороны, но борьба была неравная. Через несколько минут он был крепко связан.

— Бросить его в темный карцер! Кстати, посадите под арест и Симпкинса!

И когда Гатлинга увели, Слейтон спросил одного из слуг, все ли готово к церемонии выбора жениха.

— Отлично. Итак, сегодня в девять вечера!

* * *

Большой зал кают-компании был разукрашен на славу. Стены пестрели флагами всех наций, взятыми с погибших кораблей, и кусками цветной материи. Через всю комнату, вдоль и поперек, тянулись гирлянды водорослей. На воздухе эти водоросли быстро бурели и имели довольно жалкий вид, но, что делать, другой зелени нельзя было достать. Зато на столах красовалось несколько букетов крупных белых цветов, напоминавших водяные лилии. Разноцветные фонари, подвешенные к потолку, дополняли убранство. Длинный стол был уставлен холодными блюдами, вином и даже бутылками шампанского.

Население Острова буквально сбилось с ног с самого утра.

К вечеру нельзя было узнать всех этих жалких оборванцев.

У каждого из них в заветном сундучке оказался довольно приличный костюм. Никогда еще не брились они так тщательно, не причесывали с таким старанием отвыкшие от щетки и гребешка волосы, никогда не изводили столько мыла и воды и никогда так долго не заглядывались на себя в осколки зеркал...

Эти осколки отражали самые различные лица: и черное, как сажа, лоснящееся лицо негра, и узкие глаза желтолицего китайца, и изъеденное солью и ветрами лицо старого морского волка, и ярко-красное лицо индейца с затейливыми украшениями в ушах.

Но все они — старые и молодые, белые и черные — думали об одном:

— Право же, я недурен! Чем черт не шутит! И кто знает тайны капризного сердца женщины?

Словом, каждый из них, как бы ни были малы шансы, лелеял надежду занять место жениха.

Посреди кают-компании была воздвигнута трибуна.

Сюда, на это возвышение, ровно в девять вечера в белом платье, как и полагается невесте, была возведена мисс Кингман с сопровождавшими ее Идой Додэ и Мэгги Флорес.

При ее появлении грянул хор. Это пение не отличалось стройностью, оно было для музыкального уха Вивианы даже ужасно, но зато хористов нельзя было упрекнуть в недостатке воодушевления. Качались фонари и колыхались флаги, когда несколько десятков хриплых и сиплых голосов ревели и грохотали: «Слава, слава, слава!»

Бледная, взволнованная и хмурая, поднялась «невеста» на высокий помост.

Слейтон обратился к ней с приличествующей случаю речью. Указал на «незыблемость» закона о том, что каждая вступающая на Остров Погибших Кораблей женщина должна выбрать себе мужа.

— Быть может, мисс, этот закон вам покажется суровым. Но он необходим и, в конце концов, справедлив. До издания этого закона вопрос разрешался правом силы, поножовщиной между претендентами. И население Острова гибло, как от эпидемии...

Да, все это было, может быть, и разумно, но мисс Кингман было от этого не легче. Ее глаза невольно искали поддержки. Но ни Гатлинга, ни даже Симпкинса она не видела среди присутствующих. Слейтон заметил этот взгляд и улыбнулся.

Каждый претендент должен был с поклоном подходить к невесте и ждать ответа. Движением головы невеста отвечала «да» или «нет».

Один за другим потянулись женихи... Вся эта вереница возбуждала у мисс Кингман только ужас, отвращение, презрение, иногда и невольную улыбку, когда, например, перед нею предстал с палочкой в руке, «в наилучшем виде», самый древний поселенец Острова — итальянец Джулио Бокко.

Надо сказать, что Слейтон боялся в душе этого Мафусаила как конкурента. Действительно, у Бокко были шансы. Вивиана, глядя на него, замедлила с ответом, как бы что-то обдумывая, но потом также сделала отрицательный жест головой и тем, не зная того сама, спасла жизнь Бокко, так как в эту короткую минуту колебания Фергус Слейтон уже решил избавиться от Бокко, если счастье выпадет на его долю. Все продефилировали перед мисс Кингман. Последним предстал Слейтон...

Но мисс Кингман, скользнув глазом по его фигуре, решительно тряхнула головой:

— Нет.

— Ого! Вот так штука! Что же теперь делать? — послышались возгласы.

Слейтон был взбешен, но сдерживал себя.

— Мисс Кингман не пожелала выбрать никого из нас, — сказал он с внешним спокойствием. — Но это не может отменить наших законов. Придется изменить только способ выбора. Я предлагаю вот что: мисс Кингман должна стать моей женой. Если же кто-либо желает оспаривать ее у меня, пусть выходит, и мы померяемся силами. Кто победит, тот и получит ее. — И Слейтон, быстро засучив рукава, стал в боевую позу.

Минута прошла в выжидательном молчании.

И вдруг при общем смехе старик Бокко, сбросив костюм, смело ринулся на Слейтона. Толпа окружила их. Видно было, что Бокко был когда-то хорошим боксером. Ему удалось ловко отразить несколько ударов Слейтона. Раз, на третьем выпаде, он сам нанес довольно чувствительный удар Слейтону в челюсть снизу, но тут же покатился на пол от сильного удара в грудь. Он был побежден.

Вслед за ним вышел новый претендент — ирландец О'Гара. Он был дюжий, широкоплечий малый и считался одним из лучших боксеров.

Бой разгорелся с новой силой. Но Слейтон, сильный, спокойный и методичный, скоро осилил и этого противника. Обливаясь кровью, О'Гара лежал на полу, выплевывая выбитые зубы.

Третьего соперника не находилось...

Победа осталась за Слейтоном, и он подошел к мисс Кингман и протянул ей руку. Вивиана пошатнулась и ухватилась за руку старухи Додэ-Тернип.

VI. ПОРАЖЕНИЕ СЛЕЙТОНА

Гатлинг сидел в темном карцере, обдумывая свое положение. В это время в дверь кто-то тихо постучал.

— Мистер Гатлинг! Это я, Аристид Тернип-Додэ... Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, Тернип. Не можете ли вы сказать, день сейчас или ночь?

— Вечер, мистер Гатлинг. И, можно сказать, высокоторжественный вечер. Мисс Кингман выбирает себе мужа... Все мужское население участвует в этой церемонии, за исключением двоих женатых: меня и Флореса. Поэтому нам и поручили дежурство: мне — у вашей камеры заключения, а Флоресу — у Симпкинса.

— Послушайте, мистер Тернип, откройте мне дверь.

— С величайшим удовольствием сделал бы это, но не могу. Боюсь. Вы не знаете Слейтона. Он расплющит меня в лепешку и бросит на съедение крабам.

— Не бойтесь, Тернип. Даю вам слово, что...

— Ни-ни. Ни за что не открою. А вот, гм... — и он понизил голос, — если вы сами выберетесь оттуда, тогда я ни при чем...

— Куда же я выберусь?

Тернип понизил голос до шепота:

— В левом углу каюты, на высоте человеческого роста, есть этакий кошачий лазок, прикрытый фанерною дощечкой. Вы дощечку-то отдерните, ну и... А напротив — Симпкинс, между прочим...

Тернип не успел еще докончить фразы, как Гатлинг уже лихорадочно шарил руками по стенам, нашел дощечку и бы-

стро оторвал ее. В карцер проник луч света, Гатлинг поднялся на руках и пролез через узкое окошко в полутемный коридор, который выводил на палубу. В стене напротив было такое же окно, забитое фанерой. Не там ли помещается Симпкинс? Гатлинг оторвал фанеру и скоро действительно увидал выглядывавшее из окна удивленное лицо сыщика.

— Живей вылезайте оттуда! Черт знает что такое! Приходится еще выручать из тюрьмы своего собственного тюремщика! Экий вы неловкий! Держитесь за мою руку! Ну! Так! Идем.

Гатлинг в сопровождении Симпкинса вошел в зал «выбора невесты» в тот момент, когда Слейтон протягивал руку к мисс Кингман.

В каюте произошло движение, потом наступила выжидательная тишина.

Зловеще-взволнованный вид Гатлинга обещал присутствовавшим, что должны развернуться интересные события.

— На чем остановились выборы? — громко спросил Гатлинг, стоя у порога каюты.

Слейтон вздрогнул. Едва заметная судорога прошла по его лицу, но через мгновение он уже овладел собой. Повернувшись к Гатлингу, он спокойно сказал, указывая на мисс Кингман:

— Вы опоздали. Она по праву будет моей женой.

— Я возражаю. Вы незаконно лишили меня и Симпкинса свободы и устранили от выборов.

— Никаких разговоров...

Но в толпе уже начиналось волнение. В этот момент Гатлинг впервые заметил, что у Слейтона есть своя партия, которая готова поддержать его во всем, но есть и враги. Они-то и кричали о том, что вновь пришедшие должны быть допущены к «конкурсу».

— Хорошо! — вскричал Слейтон. — Продлим наше соревнование! — И, сжав кулаки, он поднял их к лицу Гатлинга: — Желаете помериться силами?

— Даже настаиваю на этом!

Толпа довольно загудела.

Бой предстоял жаркий.

— На палубу! На палубу! — раздались голоса.

Все вышли на палубу. Очертили круг. Враги сняли тужурки и засучили рукава. Старик Бокко взял на себя роль арбитра. Островитяне затаив дыхание следили за каждым движением противников.

По данному сигналу они одновременно сошлись в центре круга. Гатлинг повел горячую атаку. Слейтон методично и как-то вяло отбивал.

Из толпы послышались замечания. В пылу увлечения к боксерам стали обращаться на «ты».

— Береги силы, Гатлинг! Ты видишь, что Слейтон хочет вымотать их у тебя и потом прикончить!

— Горячностью не поможешь!

— Слейтон возьмет! Молодец наш Фергус! Ого, какой удар!..

Чем больше разгоралась борьба, тем ярче проявлялись настроения двух враждебных партий. Они незаметно размежевались: «слейтонисты» стояли уже позади. Увлечение было так велико, что толпа повторяла жесты боксеров, как кордебалет повторяет все па танцмейстера.

Гатлинг действительно горячился первое время — его нервы были слишком напряжены. Но после нескольких ошибок он стал биться более хладнокровно. Зато Фергус Слейтон, получив несколько ударов от противника, разгорячился сам. Теперь их нервный «тонус» уравновешивался, и уже можно было судить о боевых особенностях противника.

Слейтон был сильнее физически, тяжеловеснее; Гатлинг, уступая в силе и весе, был необыкновенно ловок и быстр в движениях. Слейтон нападал реже, но чувствительнее; Гатлинг наносил ряд неожиданных ударов, путавших расчеты противника. Исход борьбы был неясен. Бокко дал знак перерыва. «Слейтонисты» подхватили Фергуса, усадили, сняли рубашку и начали усиленно растирать полотенцами. Гатлинга заботливо окружила другая партия.

После перерыва бой начался вновь, с еще большим ожесточением. Напряжение зрителей дошло до высшей точки. Со стороны могло показаться, что боксируют не два человека, а все население Острова: все они, повторяя движения борцов,

делали выпады, отступления, приседания... то наклонялись в сторону, то кидались головой в живот невидимого врага...

Борьба подходила к концу, и на этот раз явно не в пользу Гатлинга.

Слейтон, казалось, был неистощим. Он черпал силу из каких-то скрытых запасов энергии и наносил теперь удары с несокрушимым упорством. У Гатлинга заплыл левый глаз от громадного кровоподтека, изо рта шла кровь. Несколько раз он, казалось, замертво падал на землю, но необычайным напряжением воли поднимался вновь, чтобы получить новый удар. «Слейтонисты» уже торжествовали победу ревом и гулом.

Но вдруг Гатлинг, собравшись с силами, набросился на Слейтона и нанес ему такой удар в челюсть, что Слейтон, закинув голову, рухнул на пол. Однако, поднявшись с трудом, он стал отступать, пятясь, к борту корабля, желая выждать несколько секунд, чтобы отдышаться и вновь перейти в наступление. Но Гатлинг, как маньяк, с безумным, широко раскрытым правым глазом, прижал его к борту и здесь нанес такой ужасный удар в переносицу, что Слейтон, мотнув в воздухе ногами, полетел за борт.

Крики ужаса и восторга, насмешливые возгласы, хохот, аплодисменты — все смешалось в дикой какофонии.

«Слейтонисты» спешно вылавливали из зеленых водорослей свое поверженное божество...

Когда он появился на палубе, новый взрыв криков и смеха встретил его. Весь мокрый, опутанный водорослями, он походил на утопленника, пробывшего добрые сутки в воде. Лицо его опухло и было окровавлено. Несмотря на это, Слейтон старался сохранить достоинство.

Шатающейся походкой он подошел к Гатлингу и протянул ему руку:

— Вы победили! Она ваша!

Ответ Гатлинга удивил всех присутствующих:

— Нет, она не моя. Я совершенно не желаю навязывать себя насильно и делаться ее мужем только потому, что удачно отвесил удар по вашей переносице!

Толпа затихла, выжидая, что будет дальше. Слейтон побагровел:

— Черт возьми! Кончится ли это когда-нибудь? Довольно! Мисс Кингман! Как губернатор Острова, я предлагаю вам сделать выбор немедленно, или я прикажу бросить жребий!

— Жребий! Жребий!.. — закричала толпа.

Мисс Кингман вздрогнула, нетвердо подошла к Гатлингу и подала ему руку.

— Наконец-то, — с кислой улыбкой сказал Слейтон и подошел поздравить ее.

— Мисс Кингман, — шепнул ей на ухо Гатлинг, — вы совершенно свободны, и я не предъявляю на вас никаких прав. Я не смею думать, чтобы вы соединили свою судьбу с судьбой... преступника, — еще тише добавил он.

I. ЗАГОВОР

— Проклятые доски, как они скрипят! Не оступитесь, мистер Гатлинг! Дайте мне вашу руку. Я знаю дорогу как свои пять пальцев. Ведь два десятка лет брожу я по «улицам» этого острова. Время-то как бежит!.. Двадцать лет!

И Гатлинг услышал, как Тернип тяжело вздохнул.

Стояла глухая ночь. Звезд не было видно. Вторые сутки весь Остров затянут сплошной завесой тумана.

Слышно было, как в воде плескалась рыба, иногда кто-то будто вздыхал. Где-то глубоко в трюме скребла крыса в поисках зерна. Путники медленно, ощупью, пробирались вперед. От времени до времени доносился какой-то стон: «куу-ва», «куу-ва», отдаленно напоминавший крик филина.

— Что это? — тревожно спросил Гатлинг.

Тернип опять тяжело вздохнул:

— Черт его знает что! Никто не знает, кто это плачет и стонет по ночам. Наши говорят, что это души погибших ходят во мраке и стонут. Я не верю этой чепухе. А другие уверяют, что это какое-то морское животное, которое водится в здешних местах.

Гатлинг вспомнил о ночном посещении палубы их парохода каким-то существом, очевидно живущим в морской пучине.

— Все может быть! — ответил Тернип. — Но не исключено, что вам это и померещилось. В этих водах вредный туман кружит голову.

— Но следы на палубе? Мы все их видели!

— Может быть... может быть... Сядем отдохнем, мистер Гатлинг. Одышка проклятая!..

И они уселись на палубе старенького парохода.

— Теперь близко. Один бриг, два фрегата и еще один колесный пароходик, и мы у цели...

— Вы сами бывали на этой подводной лодке?

— Бывал не раз и говорил с немецким матросом, который плавал на ней. Он только в прошлом году умер от цинги. Я не специалист, но матрос уверял, что все механизмы лодки в исправности и ее еще можно привести в порядок.

— Знает ли об этом Слейтон?

— Думаю, что знает. Не с этой ли лодкой он и вас хотел переправить на Азорские острова?

— Но почему же тогда он сам не захотел воспользоваться ею, чтобы выбраться из этих гиблых мест?

— У нас передают друг другу на ушко, что его там, на материке, давно ждет виселица. И выходит, что Остров Погибших Кораблей — самое подходящее для него место: уж тут никто не найдет. Да я на крыльях готов бы улететь отсюда! Слейтон — деспот и грубиян. Он форменно поработил нас. Каково это на старости лет получать зуботычины и питаться одной рыбой! А я так люблю покушать... ох как люблю!.. Хоть бы один раз еще пообедать по-человечески!..

И они замолчали, каждый думая о своем.

После того как Гатлинг победил Слейтона, «публично опозорил его», как говорили на Острове, и вырвал у него из рук мисс Кингман, Гатлинг был «обреченным» и знал это. Слейтон ждал только случая; он хотел так уничтожить соперника, чтобы самому остаться в стороне и не вооружить еще больше против себя мисс Кингман. Гатлинга могло спасти одно бегство. Но как бежать отсюда? Ни плот, ни лодка не могли двигаться в этой зеленой каше водорослей. Тернип дал ему мысль о бегстве на германской подводной лодке.

В строжайшей тайне подготовлялся побег.

В заговоре участвовали, кроме Гатлинга и Тернипа, мисс Кингман, Симпкинс, жена Тернипа и три матроса, имевшие некоторое понятие о работе с машинами. Нужно было только привести лодку в порядок.

— Ну что? Идем!

— Ох, идем! — покорно ответил Тернип, и они двинулись в путь.

Лодка действительно оказалась в относительном порядке.

Кое-что заржавело, кое-что требовало починки. Но все главные части механизма были целы. Имелся даже радиотелеграфный аппарат.

Началась работа по ремонту. Она шла медленно. С величайшими предосторожностями приходилось пробираться ночью обходными путями мимо «резиденции», где стояла стража, и работать до зари, чтобы за час до рассвета быть уже на месте.

Мало-помалу лодка была приведена в порядок и наполнена провизией: консервами, хлебом и вином. Но за два дня до предполагавшегося отплытия случилась одна неприятная неожиданность. Увлекшись работой, Гатлинг несколько запоздал. Когда он возвращался обратно с двумя матросами, им встретились островитяне из партии Слейтона, которые вышли на заре ловить рыбу. Они подозрительно осмотрели Гатлинга и прошли мимо... Не приходилось сомневаться, что Слейтон сегодня же узнает об этой подозрительной ночной прогулке Гатлинга в обществе двух матросов и примет меры...

Надо было действовать немедленно.

И Гатлинг распорядился сейчас же оповестить участников побега, чтобы они вооружились (это было предусмотрено) и шли к подводной лодке. Остров проснется не ранее как через час. Этого было достаточно. Через двадцать минут беглецы были в сборе.

С невольным волнением они тронулись в путь к подводной лодке.

Она заблаговременно была отведена на относительно свободное от зарослей место, где можно было погрузить ее в воду. Небольшой плот стоял у старого парохода.

II. БЕГСТВО

Беглецы уже достигли двух третей пути, когда заметили погоню. Она приближалась от «горы» — самого высокого фрегата, спускаясь по покатому мостику. Надо было спешить.

Тернип и его почтенная половина изнемогали от усталости, догоняя молодых спутников. С палубы на палубу — вверх, вниз, вверх, вниз — по шатким мосткам бежали Гатлинг, мисс Кингман, супруги Додэ-Тернипы, Симпкинс и три матроса.

Пропустив мимо себя всех, Гатлинг задержался у узкого мостика, соединившего обломки каравеллы со стареньким пароходом, сломал доски и бросил их в воду. Таким образом удалось задержать погоню, которой пришлось от этого места разбиться по обходным путям.

Слышно было, как Слейтон, бывший во главе погони, громко ругался у разрушенного мостика.

Беглецы выиграли время, чтобы отплыть на плоту от берега по направлению к подводной лодке. Но плыть приходилось с большой медлительностью. Хотя здесь было относительно свободное от водорослей место, все же саргассы цеплялись за плот, и ежеминутно приходилось останавливаться и руками расчищать путь.

Плот едва пересек половину пути, а погоня уже подходила к тому месту, откуда отплыли беглецы.

— Сдавайтесь! Вернитесь, или я никого не оставлю в живых! — кричал с «берега» Слейтон, потрясая винтовкой над головой.

Вместо ответа один из матросов с плота потряс кулаком.

— А, собака! — закричал Слейтон и выстрелил. Пуля ударилась в плот.

Завязалась перестрелка.

Островитяне занимали более выгодное положение. Они находились под прикрытием мачт и обломков, тогда как плот был весь на виду.

Среди преследователей находилось все население Острова.

— Господи! — проговорила старуха Тернип. — Посмотрите, мисс, даже Мэгги Флорес притащилась со своим беби; она вон там, выглядывает из-за палубы, видите?..

Слейтон что-то приказал. Часть островитян спустилась к воде и стала наскоро сбивать плот. Отъезжавшие атаковали их выстрелами. Вот упал в воду один... вот и другой, мотнув головой, со стоном выбирается на палубу рыбачьего баркаса...

Беглецы пока отделывались счастливо. Островитяне, отвыкшие стрелять, не попадали в цель. Пули ложились вокруг плота, поднимая брызги. Скоро, однако, один из матросов на плоту был ранен в ногу. Пуля пронизала вуаль, развевавшуюся на голове мисс Кингман. Гатлинг предложил женщинам лечь.

С Острова уже отплывал плот с пятью вооруженными островитянами.

Беглецы гребли, выбиваясь из последних сил.

Вот наконец и лодка, возвышающаяся своей надводной частью, с небольшим мостиком наверху.

Гатлинг вскочил на лодку, открыл люк и спустил женщин.

В это самое время он был ранен в плечо. Побледнев от кровотечения, он продолжал отдавать приказания.

— Проклятый Слейтон! — воскликнул матрос-ирландец, увидав рану Гатлинга. — Я же угощу тебя! В цель!

И, тщательно прицелившись, он выстрелил.

Фергус Слейтон выронил ружье из рук и упал. Грудь его окрасилась кровью.

Видно было, как по его зову к нему подошла Мэгги и, склоняясь, протянула ребенка. Слейтон слабеющей рукой коснулся головы ребенка и что-то говорил Мэгги и Флоресу...

Но следить за этой сценой беглецам не было времени: погоня на плоту уже причаливала к подводной лодке. И в то время, как люк подводной лодки захлопнулся за последним из беглецов — Гатлингом, островитяне уже карабкались к мостику...

Лодка дрогнула и стала быстро погружаться в воду...

Растерявшиеся преследователи, теряя уходившую из-под ног опору, забарахтались в воде и, путаясь в водорослях, стали взбираться на плот.

Этот самый момент погружения был встречен криками «ура» экипажем подводной лодки.

Последние опасения исчезли: механизм действовал безукоризненно. Яркий электрический свет заливал каюту. Мотор работал без перебоев. Легкие дышали свободно.

Но предаваться радости было не время. Раненые требовали забот. Мисс Кингман и старуха Тернип взяли на себя роль сестер милосердия. Раненому матросу перевязали ногу, Гатлингу — плечо.

С большими усилиями удалось уложить Гатлинга на койку. Его лихорадило, плечо опухло и болело, но он желал лично управлять лодкой.

Ночью ему сделалось хуже. Старуха Тернип, утомленная бегством и волнениями дня, ушла спать, и у больного осталась дежурить мисс Кингман.

Гатлинг не спал. Вивиана смочила ему виски водой.

Он слабо улыбнулся и сказал:

— Благодарю вас... я чувствую себя лучше... не утомляйтесь, отдохните.

— Я не устала!

— Как все это странно! — начал он после паузы. — Вам выпало на долю ухаживать за преступником...

Мисс Кингман нахмурилась:

— Не говорите об этом!

— А я почему-то хочу говорить сегодня именно об этом. Скажите, мисс Кингман, откровенно: вы верите в мое преступление?

Мисс Кингман смутилась.

— Я не знаю, совершили ли вы преступление, но я знаю, что вы лучше многих так называемых «честных людей», — ответила мисс Кингман.

— Вы верите мне... Я хочу вам рассказать все.

— Право, лучше, если бы вы уснули.

— Нет, нет... Слушайте... Я служил инженером у Джексона... Судостроительный завод... не слыхали? Я любил Деллу Джексон, дочь старика Джексона. После войны дела Джексона пошатнулись. Ему грозил крах. И, как это часто бывает в кругу капиталистов, Джексон составил план поправить свои дела путем брака своей дочери с сыном крупного банкира Лорроби. Делла любила меня. Но она была очень привязана к старику отцу и решила, что должна принести себя в жертву, несмотря на то что неуравновешенный, дегенеративный Лорроби был ей глубоко антипатичен. Я не счел себя вправе разубеждать ее, но написал ей письмо, в котором просил повидаться с ней в последний раз в окрестностях города. Я решил уехать в Европу, и у меня уже был пароходный билет в кармане. Оставив свою машину с шофером у дороги, я углубился в рощу, но в условленном месте не нашел мисс Джексон. Я был очень огорчен, однако у меня не было времени на дальнейшие поиски или ожидания. Побродив еще немного по этому безлюдному месту, я сел на машину, прибыв в гавань перед самым отплытием парохода, и покинул берега Америки.

Однажды, читая газету уже в Генуе, я был поражен сообщением из Нью-Норка: Делла Джексон была убита. Тело ее

найдено недалеко от назначенного нами места свидания. Среди ее бумаг следственные власти нашли мое письмо с приглашением на свидание, именно туда, где она была найдена, и в тот день, когда ее убили...

Показания опрошенного шофера, который возил меня, завершили картину. Все улики падали на меня. Обоснованными казались и мотивы убийства: все знали, что я имел виды на мисс Джексон и что Лорроби оттеснил меня. Соперничество. Ревность. Месть... В той же газете имелось крупное объявление о выдаче вознаграждения в десять тысяч долларов тому, кто обнаружит пребывание и передаст в руки полиции убийцу мисс Джексон — Реджинальда Гатлинга... Моя голова была оценена. Мне приходилось скрываться. Симпкинс выследил меня и должен был получить приз за мою поимку, если бы не наше кораблекрушение... Вот и все, — устало закончил Гатлинг.

Мисс Кингман выслушала рассказ с напряженным вниманием.

— Но кто же убил мисс Джексон?

Гатлинг пожал плечами:

— Это для меня остается тайной... Может быть, случайный грабитель... Но важно то, что мне не оправдаться... Все улики против меня... И желанный для всех нас берег — спасение для вас, но гибель для меня. Как только я сойду на землю, я опять стану преступником, и... наши дороги разойдутся, — тихо закончил он, глядя на нее.

Мисс Кингман со скорбным лицом наклонилась к его голове и поцеловала в лоб:

— Я верю вам! И для меня вы никогда не будете преступником.

— Благодарю, — и он закрыл глаза.

III. БЕЗ ВОЗДУХА

Наутро Гатлинг чувствовал себя лучше. Лихорадка уменьшилась. Он прошел в радиоаппаратную и послал радиотелеграмму с сигналом «SOS» (сигнал бедствия — «Спасите наши души!») и указанием долготы и широты, на которых находилась лодка.

Весь экипаж подводного судна был в тревоге. Электричество горело тускло. Становилось тяжело дышать. Кислород был на исходе. Надо было во что бы то ни стало подняться на поверхность океана, но густые водоросли цепко держали свою добычу...

Старики Тернип, хватая воздух широко открытыми ртами, лежали на полу. Молодые чувствовали себя немного лучше.

Лампы были готовы погаснуть каждую минуту от недостатка тока...

— Остается единственное средство, — сказал Гатлинг, — выбраться наружу через люк для торпед и попытаться ножом расчистить путь среди водорослей. — И он взял нож. — Попытаюсь сделать это...

— Вы с ума сошли, Гатлинг. С вашей рукой...

— Это невозможно! — послышались и другие голоса. И все переглянулись, как бы ища, кто бы взялся за это рискованное предприятие.

— Вот что, Гатлинг, — неожиданно выступил Симпкинс, — вы спасли мне жизнь, и я у вас в долгу. Я берусь за это дело. Не прекословьте. Здесь нет никакой жертвы. Ведь, в конце концов, если уж умирать, так не все ли равно где. Дамы могут отвернуться! — Быстро раздевшись и вооружившись ножом, он сказал: — Я готов! Если через двадцать минут субмарина не поднимется на поверхность — значит, я погиб!

Быстро отвернули внутреннюю крышку люка, Симпкинс пролез в узкую трубу, крышку завернули, и одновременно автоматически открылась внешняя крышка...

Симпкинс исчез. Потянулись томительные минуты ожидания.

А Симпкинс в это время, как невиданная торпеда, вылез из бока подводной лодки и, цепляясь за водоросли, стал быстро работать ножом. Почувствовав, что ему не хватает воздуха, он всплыл на поверхность, отдышался и вновь нырнул в зеленоватую морскую глубину. Работа подвигалась медленно.

Все короче были периоды пребывания под водой, все дольше приходилось отдыхать на поверхности...

В полумраке субмарины задыхались люди и с искаженными покрасневшими лицами напряженно смотрели за минутной стрелкой часов...

Десять... Пятнадцать... Семнадцать... Девятнадцать... Двадцать... Двадцать пять... Двадцать шесть... Кончено...

Половина экипажа была в полуобморочном состоянии... В лампах светился только красный огонек, как потухающий уголь. Слышались стоны. Люди хватали себя за грудь; одни катались по полу, забивались в углы под мебель, другие лезли вверх, громоздясь на столы и стулья, и искали жадными, раскрытыми, как у рыбы на берегу, ртами хоть глоток свежего воздуха. Глаза выкатывались из орбит. Холодный пот покрывал лоб. Но воздух везде был отравлен.

И в эти последние минуты отчаяния людям стало казаться, будто лодка легко поднялась носовой частью, качнулась опять вниз и медленно начала подниматься. Да, это не галлюцинация. Стрелка прибора, указывавшего глубину погружения, говорила о том же. Еще и еще...

— Мы на поверхности!

Дрожащими руками Гатлинг и два матроса спешили отвинтить крышку.

Внезапно яркий свет ослепил всех. Струя живительного морского воздуха влилась в лодку.

Воздух. Свет. Жизнь.

И в радостной суете люди карабкались вверх, вытаскивали стариков Тернип, раненого матроса.

Гатлинг бросился к телу Симпкинса, лежавшему на краю судового корпуса... Симпкинс впал в обморок от переутомления, но скоро пришел в себя.

И вдруг новый взрыв радости: на горизонте, дымя черными трубами, показался огромный американский пароход. Он шел сюда. Он заметил лодку. Он подал сигнал.

Бурная радость перешла в молчаливое волнение... Чем ближе подходила серая громада парохода, тем больше порывались какие-то звенья, которые соединяли всех этих людей в одно целое. Это целое распалось на отдельных людей, со своими личными заботами, своей судьбой, своими дорогами.

Чем ближе пароход, тем дальше становились они друг от друга.

Дочь миллиардера, грязные матросы, опустившийся Тернип — что общего между ними? Симпкинс и Гатлинг — опять враги.

Гатлинг был спокоен, но грустен.

А Симпкинс уже переоделся и весело насвистывал песенку.

Еще несколько минут ожидания — и они на пароходе.

IV. СПАСЕНИЕ

Навстречу к ним шел капитан; пассажиры окружили их плотным кольцом... Симпкинс с профессиональным видом, как тень, следовал за Гатлингом...

Что же ему оставалось делать? В порыве великодушия и умиления собственным геройством он обещал Гатлингу перед тем, как взойти на пароход, сохранить тайну его личности и предложил бежать, как только пароход прибудет в ближайшую гавань. Но Гатлинг, этот непонятный человек, сухо и с горечью ответил ему: «Делайте свое дело», как будто Гатлингу все безразлично... В конце концов, десять тысяч долларов не валяются, и Симпкинс уже успел шепнуть что-то на ухо капитану.

Матросы-островитяне, одичавшие и отвыкшие от людей, жались в сторонке. Мистер Тернип всем своим видом старался показать, что он не то, что эти грязные люди, хотя и не чище их. Он умудрился сохранить свою дырявую шляпу-котелок и теперь надвинул ее на лоб с видом денди...

Пока шли расспросы, зоркий глаз сыщика успел заметить какой-то портрет в газете, которую держал один из пассажиров парохода.

Симпкинс попросил газету, бегло прочитал сообщение и, вдруг вскрикнув, подошел к стоявшим рядом Гатлингу и мисс Кингман, неожиданно вынул из кармана ручные кандалы и с профессиональной ловкостью надел один «браслет» на руку Гатлинга, а другой — на руку мисс Кингман, сковав таким образом их руки.

Все были поражены. А Симпкинс раскрыл газету и громко прочитал:

ТАЙНА УБИЙСТВА ДЕЛЛЫ ДЖЕКСОН

На днях совершенно неожиданно открылась тайна убийства мисс Деллы Джексон, в котором обвинялся Реджинальд Гатлинг. В банке Лорроби была обнаружена крупная кража из

несгораемой кассы. Так как один из ключей этой кассы находился у сына банкира Лорроби, который вел в последнее время крайне распутный образ жизни, то подозрение пало на него, и у него был произведен тщательный обыск. Пропавших денег у него не нашли, и участие его в краже осталось неустановленным. Однако при обыске в руки следственных властей попали документы, уличающие Лорроби в убийстве своей невесты, мисс Деллы Джексон. В шкатулке для писем было найдено письмо мисс Деллы Джексон к Лорроби. В этом письме она категорически отказывается выйти за него замуж после того, как узнала, при помощи «частного бюро поручений», о некоторых подробностях его личной жизни. Лорроби имел неосторожность вести дневник, в котором подробно излагает историю преступления. Упомянутое письмо было получено им в день убийства. Зная о сопернике — Гатлинге, Лорроби давно шпионил за ним, пользуясь услугами подкупленной им горничной Джексон, которая и сообщила ему о готовящемся свидании. Полагая, что действительной причиной отказа мисс Джексон явилась ее любовь к Гатлингу, Лорроби в порыве ревности решил отомстить мисс Джексон. Он явился на место свидания раньше Гатлинга, убил мисс Джексон наповал и скрылся, никем не замеченный.

В преступлении Лорроби сознался. Таким образом, благодаря стечению обстоятельств едва не погиб жертвой судебной ошибки Реджинальд Гатлинг, невиновность которого выяснилась вполне. К сожалению, Гатлинг, по-видимому, погиб при крушении парохода «Вениамин Франклин».

— Вот он, Гатлинг! — крикнул Симпкинс, заканчивая чтение газеты. — А так как не напрасно же я ловил его и столько с ним провозился, то я и решил приговорить его к пожизненному лишению свободы... с мисс Кингман, если она ничего не имеет против.

Она явно ничего не имела против.

Публика приветствовала этот «суровый» приговор громкими аплодисментами.

Часть четвертая

I. НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Старик Кингман — отец Вивианы — очень обрадовался возвращению дочери. Он уже не надеялся видеть ее, так как Вивиана Кингман значилась в списке погибших пассажиров парохода «Вениамин Франклин». К браку дочери Кингман отнесся благожелательно. Он только коротко спросил Гатлинга, знакомясь с ним:

— Профессия?

— Инженер, — ответил Гатлинг.

— Хорошо. Дело... — И, подумав, Кингман добавил: — В Европе, кажется, существует убеждение, что мы, американские богачи, мечтаем выдать своих дочерей за прогоревших европейских графов. Это неверно. Глупцы существуют везде, и американские глупцы желают породниться с европейскими, но я предпочитаю для своей дочери мужа, который сам пробил себе дорогу. Притом я у вас в неоплаченном долгу: вы спасли мою дочь! — И Кингман крепко пожал руку Гатлинга.

Однажды, когда молодые супруги сидели над географической картой, обсуждая план задуманного ими путешествия, зазвонил телефон, и Реджинальд, взяв трубку, услышал знакомый голос Симпкинса, который просил свидания «по важному делу». Прежде чем дать согласие, Гатлинг громко сказал в трубку телефона:

— Это вы, Симпкинс? Здравствуйте! Вы хотите нас видеть? — и посмотрел вопросительно на жену.

— Что ж, пусть приедет, — негромко ответила Вивиана.

— Мы ждем вас, — окончил Реджинальд телефонный разговор.

У Симпкинса все делалось скоро — «на сто двадцать процентов скорее, чем у стопроцентных американцев», как говорил он.

Скоро Гатлинг услышал шум подъехавшего автомобиля. Явился Симпкинс и еще у дверей заговорил:

— Новость! Крупная новость!

— Что такое, Симпкинс? — спросил Гатлинг. — Неужели еще один из ваших преступников оказался честным человеком?

— Я открыл загадку преступления капитана Фергуса Слейтона!

— В чем эта загадка?

— Пока это, гм, следственный материал, не подлежащий оглашению...

— Тогда вы не сказали ничего нового, Симпкинс! Еще на Острове мы знали, что у Слейтона темное прошлое.

— Но какое! Я пришел предложить вам один проект — быть может, просить вашей помощи.

— Мы вас слушаем.

— Мне надо раскрыть загадку Слейтона до конца. Как отнесетесь вы к проекту еще раз посетить Остров Погибших Кораблей?

— Вы неисправимы, Симпкинс! — сказал Гатлинг. — Для вас мир представляет интерес, поскольку в нем есть преступники.

— Что ж, смотрите на это как на спорт. Но почему вы рассмеялись?

— Мы рассмеялись потому, — ответила Вивиана, — что ваш проект мы как раз обсуждали до вашего прихода.

— Ехать на Остров и раскрыть загадку Слейтона? — спросил Симпкинс, удивленный и обрадованный.

— Не совсем так. Нас больше интересуют секреты другого преступника...

— Другого? Неужели я не знаю о нем? — заинтересовался Симпкинс. — Кто же этот преступник?

— Саргассово море, — улыбаясь, ответила Вивиана. — Разве мало погубило оно кораблей? Открыть тайны этого преступного моря, предостеречь других — вот наша цель.

— Словом, мы едем в научную экспедицию для изучения Саргассова моря, — докончил Гатлинг.

— Вот оно что! Но я надеюсь, что вы не откажете взять меня с собой для того, чтобы я мог попутно сделать свое дело...

— Разумеется, Симпкинс! Но какой смысл вам ехать? Ведь Слейтон убит...

Симпкинс многозначительно шевельнул бровями.

— Слейтон мне уже не нужен. Но тут замешаны интересы других. На Острове мне удалось добыть кое-какие документы.

— Вот как?

— Симпкинс не теряет времени даром, — самодовольно заметил сыщик. — Но, к сожалению, я захватил не все документы. Их надо добыть, и тогда все станет ясным.

— Интересы других? Это другое дело. Едем, Симпкинс!

— Когда вы отплываете?

— Я думаю, через месяц...

— Кто еще с вами?

— Океанограф — профессор Томсон, два его ассистента, команда, и больше никого.

— Итак, едем. Мой адрес вы знаете. — И, раскланявшись, Симпкинс поспешно вышел, а Гатлинги опять углубились в изучение карты.

— Вот гляди, — указывал Реджинальд на карту, — эта прямая линия, проведенная, как по линейке, — путь от Нью-Йорка до Генуи. Мы пойдем по этому пути до триста двадцатого градуса восточной долготы и свернем на юг, — и Гатлинг сделал пометку карандашом.

Новый посетитель оторвал их от работы. Вошел профессор Томсон — известный исследователь жизни моря. После суетливого Симпкинса Томсон поражал своим спокойствием и даже медлительностью. Этот добродушный, склонный к полноте человек никогда не торопился; но надо было удивляться, как много он успевал сделать.

Гатлинги радушно встретили Томсона.

— Изучаете наш путь? — спросил он и, мимоходом бросив взгляд на карту, сказал: — Я думаю, нам лучше сразу взять курс южнее, на Бермудские острова, и от них идти на северо-восток. Но об этом мы еще поговорим. Сегодня я получил три ящика оборудования для химической и фотографической лабораторий. Аквариум готов и уже установлен. Завтра будет получена заказанная по моему списку библиотека. Через неделю наша биологическая лаборатория будет оборудована вполне. Ну а как у вас по инженерной части?

— Недели на три, — ответил Гатлинг. — Через месяц мы можем бросить вызов Саргассам.

Томсон кивнул головой. Он понял, чтî значит слово «вызов». Гатлинги купили для экспедиции небольшой, устаревший для военных целей корабль «Вызывающий», и он под руководством Гатлинга был приспособлен для мирных целей. Его пушки уступили место аппаратам для вытягивания драг. Кроме биологической лаборатории, был устроен целый ряд кладовых для хранения научной добычи. Гатлинг немало поработал, чтобы приспособить корабль для плавания среди водорослей Саргассова моря. На носовой части в киль корабля был вделан острый резец, который должен был разрезать водоросли. Чтобы водоросли не мешали работе винта, он был защищен особым цилиндром из металлической сетки.

Радиоустановка, два легких орудия и пулеметы на случай столкновения с островитянами дополняли оборудование.

Все участники экспедиции работали с таким увлечением и усердием, что корабль был готов к отходу даже раньше назначенного срока.

Наконец настал час отхода. Участники уже были на корабле. Ждали только Симпкинса. Большая толпа знакомых и просто любопытных стояла на набережной.

— Куда он запропастился? — недоумевал Гатлинг, посматривая на часы. — Сорок минут третьего.

— Подождем немного, — сказал профессор Томсон.

Три... Половина четвертого... Симпкинса все нет. Капитан торопил с отходом. «Надо до сумерек выбраться из прибрежной полосы с большим движением, — говорил он, — тем более что надвигается туман».

В четыре решили отчалить. Сирена душераздирающе закричала, как раненая фантастическая исполинская кошка... и корабль отчалил. С берега махали шляпами и платками.

Вдруг несколько человек, стоявших у самого края пристани, шарахнулись в сторону, и на их месте появился Симпкинс, взмокший, растрепанный, со сбившейся на затылок шляпой. Он неистово кричал, взмахивая руками.

Капитан «Вызывающего» выругался и приказал дать задний ход. А Симпкинс уже свалился в катер и плыл к кораблю, не переставая махать руками.

— Тысяча извинений! — кричал он, поднимаясь по трапу. — Ужасно спешил... Непредвиденная задержка... — И он появился на палубе.

— Что с вами? — полуиспуганно, полунасмешливо спросила Вивиана, оглядывая Симпкинса.

Его нос распух, на скулах виднелись синяки.

— Ничего... маленький бокс со старым знакомым, Косым Джимом... Этакая неожиданная встреча! Убежал, негодяй; его счастье! Если бы я не спешил... — И, успокаивая сам себя, он добавил: — Ничего, не уйдет. Это мелкая дичь... Сделаю примочку, и все пройдет.

Туман затянул берега. Корабль шел медленно. Время от времени кричала сирена.

— Сыро, идем вниз, — сказала Вивиана и спустилась с мужем в биологическую лабораторию. Там уже работали профессор Томсон и два ассистента — Тамм и Мюллер.

Лаборатория представляла собою довольно вместительную комнату с большим квадратным окном в стене и двумя шестиугольными иллюминаторами в потолке. Левую сторону занимала фотографическая лаборатория, правую — химическая. Над широкими столами с ящиками, как в аптеках, полки с книгами. На свободных местах стен укреплены различные остроги, гарпуны, полки и полочки с пузырьками и препаратами. Каждая пядь площади использована. Даже на потолке прикреплены овальные коробки, какие употребляют натуралисты, и пружинные весы. Посреди лаборатории стоял огромный стол. Здесь были расположены микроскопы, принадлежности для препарирования, набивки чучел и приготовления гербариев: скальпели, ножницы, пинцеты, прессы. Несколько табуреток с вращающимися сиденьями были укреплены так, что могли передвигаться вдоль стола. Томсон не спеша ходил по лаборатории, не спеша переставлял банки, мурлыча себе под нос, и работа спорилась в его руках.

Вечер прошел довольно тоскливо. А ночью сирена не давала спать. К утру сирена затихла, и Вивиана уснула крепким, здоровым сном.

Утро настало солнечное, ясное. Пили кофе на палубе, под тентом. Океан вздыхал темно-синими волнами ровно и рит-

мично, свежий морской воздух вливал бодрость; и, забыв свои ночные страхи и сомнения, Вивиана сказала:

— Как хорошо, Реджинальд, что мы отправились в это путешествие!

— Еще бы, — отозвался за него Симпкинс, уже снявший повязки, — мы сможем раскрыть загадку Слейтона.

— И загадки Саргассова моря, — задумчиво сказал профессор Томсон. — Тамм, приготовьте драгу. Надо поисследовать дно.

Пока Тамм снаряжал к спуску драгу, Томсон продолжал:

— Море — это многоэтажное здание. В каждом «этаже» живут свои обитатели, которые не поднимаются в верхние и не спускаются в нижние «этажи».

— Ну, это, положим, не только в море, — сказал Симпкинс. — И на земле житель подвала «не вхож» в бельэтаж...

— Маленькая разница, — вмешался в разговор Мюллер, — люди из подвала могли бы жить и в «бельэтаже», как вы говорите, а морские жители... для них это было бы гибелью. Если глубоководная рыба неосторожно поднимется выше установленного предела, она там разорвется, как взрывается паровой котел, когда его стенки не выдерживают внутреннего давления.

— Гм... так что морские обитатели «бельэтажа» могут спать спокойно, не боясь нападения снизу?

— В каждом «этаже» есть свои хищники.

Тамм опустил драгу — прямоугольную железную раму с мешком из сети. К мешку, для тяжести, были прикреплены камни.

— На какую глубину опустить? — спросил Тамм, разматывая вместе с Мюллером трос.

— Метров на шестьсот, — ответил Томсон.

Все молча наблюдали за работой.

— Убавить ход! — сказал Томсон.

Капитан отдал распоряжение.

— Ну, что-то нам послала судьба?

Два матроса пришли на помощь Мюллеру и Тамму.

Едва драга появилась на поверхности, как Тамм и Мюллер одновременно вскрикнули:

— Линофрина!

Все с любопытством бросились рассматривать морское чу-

довище. Вся рыба как будто состояла из огромного рта с большими зубами, не менее огромного мешка-желудка и хвоста. На подбородке этого чудовища был ветвистый придаток (для приманки рыб, как пояснил Томсон), а на верхней челюсти — нечто вроде хобота с утолщением посередине.

— Это светящийся орган, так сказать, собственное электрическое освещение.

— А зачем ему освещение? — спросил Симпкинс.

— Оно живет в глубине, куда не проникает луч солнца.

— Жить в вечном мраке — тоже удовольствие! Угораздило же их выбрать такую неудачную квартиру!

— Вас еще больше удивит, если я скажу, что они испытывают на каждый квадратный сантиметр своей поверхности тяжесть в несколько сот килограммов. Но они даже не замечают этого и, поверьте, чувствуют себя прекрасно.

— Смотрите, смотрите, саргассы! — воскликнула вдруг Вивиана, подбегая к перилам.

На синей поверхности океана действительно виднелись отдельные округленные кистеобразные кустики, окрашенные в оранжевый и золотисто-оливковый цвета.

Все обрадовались саргассам, как будто встретили старого знакомого.

Между вторым и шестым августа корабль шел уже вблизи Бермудских островов. Третьего августа плыли еще только отдельные кусты водорослей. Они были овальной формы, но под легким дуновением южного ветра вытягивались в длинные полосы. Гатлинг горел от нетерпения скорее попробовать на сплошных саргассах свои технические приспособления. Наконец седьмого августа появились сплошные луга саргассов. Теперь уже, наоборот, синяя гладь океана выглядывала островками среди оливкового ковра.

— Вот оно, «свернувшееся море», как называли его древние греки, — сказал Томсон.

Гатлинг с волнением следил, как справится «Вызывающий» с этой паутиной водорослей. Но его волнение было напрасно: корабль почти не замедлял хода. Он резал саргассы, и они расступались, обнажая по обеим сторонам корабля длинные расходящиеся синие ленты воды.

— Пожалуй, ваши предосторожности были излишни, —

сказал профессор. — В конце концов, для современных судов саргассы совсем уже не представляют такой опасности. Да и вообще их «непроходимость» преувеличена.

Поймав несколько водорослей, Томсон стал рассматривать их. Вивиана тоже наблюдала.

— Вот видите, — пояснил он ей, — белые стебли? Это уже отмершие. Саргассы, сорванные ветром и захваченные течением в Карибском море, несутся на север. Пять с половиной месяцев требуется, чтобы они прошли путь от Флориды до Азорских островов. И за это время они не только сохраняют жизнь, но и способность плодоношения. Некоторые саргассы совершают целое круговое путешествие, возвращаясь к себе на родину, к Карибскому морю, и затем совершают вторичное путешествие. Другие попадают внутрь кругового кольца и отмирают.

— Ах! Что это? Живое! — вскрикнула от неожиданности Вивиана.

Томсон рассмеялся.

— Это австралийский конек-тряпичник, а это актеннарии — самые любопытные обитатели Саргассова моря. Видите, как они приспособились? Их не отличить от водоросли!

Действительно, окрашенные в коричневый цвет, испещренные белыми пятнами, с изорванными формами тела, актеннарии чрезвычайно походили на водоросли Саргассова моря.

II. НОВЫЙ ГУБЕРНАТОР

На Острове Погибших Кораблей с момента отплытия подводной лодки события шли своим чередом.

Когда капитан Слейтон упал, сраженный пулей, Флорес молча постоял над лежащим окровавленным губернатором, потом вдруг дернул за руку склонившуюся над ним Мэгги и коротко, но повелительно сказал ей:

— Уйди!

Плачущая Мэгги, прижав ребенка, ушла.

Флорес наклонился к капитану со злой искоркой в прищуренных глазах.

Капитан Слейтон был его соперником в любви и в часто-

любивых замыслах. У них были старые счеты. Насытившись видом поверженного, умирающего врага, Флорес вдруг приподнял Слейтона и столкнул его в воду.

— Так лучше будет, — сказал он и, обратившись к островитянам, крикнул: — Эй, вы! Капитан Фергус Слейтон убит, и его тело погребено мною! Остров Погибших Кораблей должен избрать нового губернатора. Я предлагаю себя. Кто возражает?

Островитяне угрюмо молчали.

— Принято. Подберите раненых и ружья. Идем!

И он зашагал по направлению к своей новой резиденции, радуясь, что все разрешилось так скоро. Однако его удовольствие было неполным. Какая-то неприятная, беспокоящая, еще неясная мысль мешала ему, как тихая зубная боль, которая вот-вот перейдет в острую. Флорес шагал по знакомым «улицам», мосткам, переброшенным через корабли, пересекал полусгнившие палубы, поднимался на «горы» высоко сидящих в воде больших кораблей, спускался в «долины» плоскодонных судов, а какая-то беспокойная неясная мысль все сверлила его мозг...

Замешкавшись у одного перехода, он услышал голоса следовавших за ним ирландца О'Гара и старика Бокко.

— Как собаку, в воду... — говорил Бокко.

— Не терпится ему! — ответил О'Гара.

Голоса замолкли.

«Так вот оно что, — подумал Флорес, влезая на борт старого фрегата. — Недовольство!» И Флорес вспомнил угрюмое молчание, сопровождавшее его избрание.

Флорес не ошибся. Даже на огрубевших, одичавших островитян произвел неприятное впечатление слишком упрощенный способ похорон губернатора.

Флорес был не глуп. Подходя к губернаторской резиденции, находившейся на фрегате «Елизавета», новый губернатор уже обдумал план действия.

Войдя в большую, прекрасно обставленную каюту — бывший кабинет капитана Слейтона, — Флорес опустился в глубокое кожаное кресло, развалившись с независимым и вместе с тем гордым видом. Затем он звучно хлопнул три раза в ладони, совсем как Слейтон, даже лучше — отчетливее и громче.

На пороге появился негр.

Флорес посверлил глазами его черное лицо, но ничего не мог прочитать на нем.

— Боб, — сказал Флорес, — где у Слейтона хранился гардероб? Проведите меня и покажите.

Боб, не выразивший удивления при виде Флореса на месте Слейтона, был поражен подчеркнуто вежливым обращением нового губернатора вместо прежнего — фамильярного.

Но в этом у Флореса был свой расчет: показать разницу изменившегося положения. И он не ошибся. Боб как-то съежился и, поспешно засеменив к выходу, ответил почтительно-вежливо:

— Прошу вас.

Они вошли в большую полутемную каюту, превращенную в гардеробную. Две стены были заняты шкафами. Почти половину каюты занимали огромные сундуки черного дуба с резьбой, окованные позеленевшей медью с серебром.

Негр открыл выдвижные дверцы шкафов. В них в большом порядке висели костюмы различных эпох, профессий, национальностей — как в костюмерной большого оперного театра.

— Вот штатские костюмы, — пояснил негр, вынимая пахнувшие сыростью старинные сюртуки с высокими воротниками, широкими отворотами, цветные и шелковые жилеты.

Флорес отрицательно покачал головой.

Во втором шкафу были более современные костюмы: смокинги, сюртуки и даже фраки.

— Не то, не то.

Перед гардеробом с морскими форменными костюмами Флорес остановился несколько долее. Он пощупал рукой одну тужурку из прекрасного английского сукна — костюм капитана, но, подумав о чем-то, закрыл и этот шкаф.

— Не то, Боб. И это всё?

— Есть еще здесь, — ответил негр, показывая на сундуки.

— Откройте.

Не без труда Боб поднял тяжелые крышки. Флорес удивился, не почувствовав запаха сырости и тления. Крышки так хорошо были пригнаны, что внутри сундуков было совершенно сухо.

Когда негр поднял чистый кусок полотна, аккуратно прикрывавший костюмы, у Флореса невольно вырвалось воскли-

цание и глаза его разгорелись. Здесь были сложены драгоценные испанские костюмы, покрой которых показывал, что им не менее двухсот лет.

Камзолы из аксамита (бархата) — малиновые, голубые, красные — были расшиты золотом и осыпаны жемчугом. Манжеты и фрезы (большие воротники в несколько рядов) из тончайшего кружева, шелковые шнуры «бизетт»[1], «блонды»[2] цвета небеленого полотна — все это поражало своей роскошью и тонкостью работы. Женские костюмы были еще роскошнее. Длинные, с висевшими до полу рукавами, с зубцеобразными вырезами по краям, эти яркие шелковые, парчовые и бархатные платья были тяжелы от нашитых изумрудов, рубинов, жемчугов...

«Какое богатство! — подумал Флорес. — А мы питаемся одной рыбой».

Он отобрал несколько костюмов:

— Отнесите в мой кабинет. А чулки и башмаки?

— Все есть. — И, сгибаясь под тяжестью ноши, Боб перетащил костюмы в каюту Флореса.

Оставшись один, Флорес выбрал темно-вишневый, шитый серебром камзол и оделся.

Когда он посмотрел на себя в зеркало, то сам был поражен эффектом. Он преобразился не только внешне, но как будто и внутренне. Откуда это суровое достоинство, этот уверенный взгляд, эти плавные жесты?

Он хлопнул в ладоши и сказал негру, с изумлением уставившемуся на него:

— Пригласите миссис Мэгги!

«Миссис Мэгги!» — Негр поспешно бросился исполнять приказание.

Флорес немного ошибся в эффекте: вошедшая Мэгги не на шутку испугалась, когда, отворив дверь каюты, увидела сиявшего серебром и жемчугом испанского гранда[3]. Даже смех Флореса не сразу привел ее в себя.

---

[1]Бизетт — цветные шнуры, которыми украшалось платье.

[2]Блонды — кружева из шелка. Название свое эти кружева получили за желтоватый отлив своих ниток (по-французски blond — «соломенный цвет»).

[3]Гранд — титул испанского высшего дворянства.

— Одевайся скорее, вот твой костюм, — сказал Флорес, указывая на голубое платье.

Мэгги, одетая более чем просто — в легкую блузу и короткую заплатанную юбку, едва-едва коснулась платья и стояла в нерешительности.

— Ну, что же ты?

— Я... я даже не знаю, как его надевать.

Правду сказать, Флорес не больше ее знал все сложные части всех этих «бизетт» и «блонд» и не мог оказать ей помощи. Но природное чувство женщины помогло Мэгги найти место каждой принадлежности туалета. И пока Флорес поправлял концы шарфа и примерял перед зеркалом шпагу с золотым эфесом, она была тоже готова.

Обернувшись, они смотрели с изумлением друг на друга, не узнавая и восхищаясь.

Действительно, это была прекрасная пара. Смуглый, загорелый Флорес был очень эффектен.

«Черт возьми! Но ведь она прямо красавица! Где были мои глаза?» — подумал Флорес.

— Теперь можно начать торжественный прием, — сказал он громко и, вызвав негра, отдал приказание созвать всех. Это тоже было новостью. Слейтон никого не пускал в свой кабинет.

Если бы на Остров Погибших Кораблей внезапно прибыли люди другой планеты, это произвело бы, вероятно, не большее впечатление. Все островитяне буквально окаменели от удивления. Даже историк Людерс стоял, приоткрыв рот, с видом крайнего изумления.

Когда все собрались, Флорес обратился с речью:

— Граждане! Островитяне! Друзья! Не чувство личного тщеславия заставило меня надеть этот костюм, но желание поддержать достоинство славного Острова Погибших Кораблей... Мы поднимем это достоинство еще выше. Для выполнения намеченных мною целей мне необходимы помощники. Вы, О'Гара, — и Флорес испытующе посмотрел на ирландца, — назначаетесь моим личным секретарем. При докладах и на празднествах вы будете являться в этом камзоле; он поступает в ваше полное распоряжение. — И Флорес указал на красивый темно-синий костюм.

О'Гара густо покраснел, и Флорес не без удовольствия заметил, что ирландец польщен.

«Одним соперником меньше», — подумал новый губернатор.

— Вы, Бокко, назначаетесь... — Флорес потер лоб, — тоже моим секретарем. Вот ваш придворный костюм.

Бокко почтительно поклонился.

«Другим соперником меньше, — отмечал Флорес. — Кто еще? Людерс? Он неопасен, но все-таки, на всякий случай...»

— А вы, Людерс, вы человек ученый, я назначаю вас, гм... советником по делам колоний. Вашему званию подойдет камзол черного бархата с серебром.

Удивительная вещь! Даже Людерс, до сих пор менее других обращавший внимание на свой костюм и ходивший в каких-то отрепьях, был тоже, видимо, польщен. Однако назначение его крайне удивило.

— Благодарю за честь, но какие же у нас дела с колониями, когда мы отрезаны от всего мира?

— Да, но мы можем расширить наши владения, и у нас будут колонии.

Островитяне переглянулись. Не свел ли с ума золоченый камзол их нового губернатора?

Но Флорес был спокоен и самоуверен.

— Вы знаете, — продолжал он, — что рядом с нашим Островом, в двух километрах, не более, расположен другой небольшой островок из погибших кораблей. Он близок, но до сих пор мы не могли даже побывать на нем — саргассы охраняли его. Теперь мы организуем экспедицию и присоединим его к нашим владениям.

Всем понравилась эта затея, и островитяне шумно выразили одобрение.

— И еще одно: нам нечего постничать и скаредничать, когда мы безмерно богаты. Всем будут выданы новые костюмы — для будней и праздников. Я дам вам также ружейные патроны, и вы будете охотиться на птиц; я думаю, рыба всем надоела. А чтобы птица показалась вкуснее, мы испечем хлеба и разопьем бочку хорошего старого испанского вина!

— Ура-а! Да здравствует губернатор Флорес! — кричали до-

веденные до высшей точки восторга островитяне, а О'Гара и Бокко громче всех.

Когда Флорес и Мэгги остались одни, Мэгги посмотрела на мужа влюбленными глазами и сказала:

— Послушай, Флорес, я даже не ожидала...

— Чего?

— Что ты так умеешь...

— Хорошо управлять? — И Флорес, нелюдимый, вечно хмурый, мрачный Флорес засмеялся.

III. КУРИЛЬЩИК ОПИУМА

Легкий сизоватый туман заволакивал Остров Погибших Кораблей. Сломанные мачты и железные трубы пароходов, как призраки, маячили в тумане.

Старик Бокко и китаец Хао-Жень сидели на палубе старой бригантины. Китаец сидел неподвижно, как статуэтка, поджав ноги и положив ладони рук на колени, и смотрел на высокую мачту.

Бокко чинил сеть и от скуки расспрашивал китайца о его родине и близких людях. Наконец он спросил китайца, был ли тот женат.

Какая-то тень пробежала по лицу китайца.

— Не был, — ответил он и добавил тише: — Невеста была, хорошая девушка.

— Ну и что же ты?

— Нельзя — фамилия одна...

— Родственница?

— Нет. Просто фамилия. Закон такой.

Своим неосторожным вопросом Бокко пробудил в душе китайца какие-то далекие воспоминания. Он завозился и поднялся.

— Пойду я, — заявил китаец.

— Да куда тебя тянет? Опять дурман свой пойдешь курить? Сиди.

Но китаец уже неверной, шатающейся походкой направился по мосткам к отдаленному барку.

Бокко покачал головой:

— Пропадет парень. И так на что похож стал!

Бокко не ошибся. Хао-Жень шел курить опиум. В одном из старых кораблей китаец как-то нашел запас этого ядовитого снадобья и с тех пор с увлечением предался курению. Его лицо побледнело, стало желтым, как солома, глаза глубоко впали, смотрели устало, без выражения, руки стали дрожать. Когда узнали о его страсти, ему строжайше запретили курить, опасаясь пожара. Еще капитан Слейтон несколько раз жестоко наказывал Хао-Женя, запирал его в трюм, морил голодом, требуя, чтобы китаец выдал запасы опиума, но не мог сломить упорство китайца. Его скорее можно было убить, чем заставить отдать опиум. Он хорошо спрятал запасы и умудрялся курить, как только надзор за ним ослабевал.

Хао-Жень пришел на старый барк, стоявший косо, под углом почти в 45°. Под защитой этого наклона, укрывавшего его от взоров островитян, он и устроил себе курильню у самой воды.

Дрожащими от волнения руками он приготовил все для курения и жадно втянул сладковатый дым.

И постепенно туман стал приобретать золотистый оттенок. Клубы золотых облаков сворачивались в длинную ленту, и вот это уже не лента, а река, великая Голубая река. Желтые поля, желтые скалы, домик, выдолбленный в скале, с развевающимся по ветру бумажным драконом у входа. Отец стругает у дома, по китайскому обычаю, не от себя, а к себе. По реке плывет рыбак, стоя на корме и вращая веслом. Все такое близкое, знакомое, родное! У реки цветут ирисы, прекрасные лиловые ирисы.

Когда Хао-Жень пришел в себя от дурмана, стояла ночь. Туман разошелся. Только отдельные клочья его, как призраки, быстро неслись на север. Было тихо. Изредка плескалась рыба. Из-за горизонта поднималась красная луна. Она не отражалась в воде. Водоросли, как матовое стекло, только слабо отсвечивали. Лишь кое-где, в небольших «полыньях» — в местах, свободных от водорослей, — вода зажигалась лунным светом.

Недалеко от острова прямо по водорослям двигался силуэт, который четко выделялся на фоне восходящей луны. Китаец протер глаза и стал всматриваться. Знакомая фигура. Ну да, конечно, это он, покойный капитан Слейтон! На нем только нет тужурки. Но ведь мертвецы не чувствуют ночной

сырости. Зачем бродит он тут? Что ему надо? Зубы Хао-Женя стали выбивать дробь.

Утром китаец шептал на ухо своему другу Бокко:

— Капитан ходила. Слейтон ходила ночью по воде. Сам видал. Плохо покойника похоронили. Шипко худо есть так человека хоронить. Вот и ходит. Плохо будет! Худо будет, м-м-м...

Бокко кивал, с жалостью смотрел на китайца и думал: «Пропал, бедняга, совсем ума лишился от проклятого зелья».

Через несколько дней этот разговор повторился. Китаец опять видал мертвого капитана, медленно гулявшего по морю. Бокко не вытерпел.

— Надоел ты мне со своим покойником! Вот что — я буду сегодня с тобой дежурить ночью. И смотри у меня, если ты увидишь, а я не увижу, — придется вам, двум покойничкам, разгуливать по морю вместе! Брошу тебя в воду, так и знай!

Ночь стояла темная. Небо было густо обложено тучами. Накрапывал дождь, Бокко бранился, кутаясь в латаный плащ.

Около часа ночи во тьме, невдалеке от Острова, Бокко первый заметил тень человека. Было так темно, что трудно было различить очертания фигуры. Но нечто похожее на человека действительно шло по воде и исчезло во мраке.

Бокко почувствовал, как у него холодеют руки.

— Видишь? — шепнул китаец, хватаясь трясущейся рукой за плечо Бокко.

— Ш-ш!

И они сидели до утра, не будучи в силах от страха шевельнуться.

Только когда взошло солнце, Бокко вздохнул с облегчением. Скоро весть о призраке капитана Слейтона облетела все население Острова и дошла до Флореса. Он не верил в привидения, но эта весть о бродячем призраке Слейтона взволновала его как неясная опасность.

«Почему они видели именно Слейтона? Что они, сожалеют о нем? Обвиняют меня за то, что я бросил Слейтона в море, вместо того чтобы попытаться оказать ему помощь? Но ведь он был полумертв. Или... глупости! Люди просто от скуки с ума сходят. Надо скорее развлечь их», — думал Флорес.

А вечером он тайно вызвал к себе Бокко и просил его про-

водить к тому месту, где они видали призрак. Но ни в эту, ни в следующую ночь призрак не появлялся. Флорес повеселел.

— Ну, вот видите! Я же говорил вам, что это одно воображение. Довольно глупостями заниматься! Извольте завтра явиться ко мне на совещание. Нам надо обдумать план экспедиции. Да не забудьте надеть свой официальный костюм — вы что-то давно не надевали его.

— Берегу, — простодушно ответил Бокко. — Этакая ценность!

— На наш век хватит, Бокко!

IV. ИСЧЕЗНУВШИЙ ОСТРОВ

Еще с вечера «Вызывающий» вступил в полосу, свободную от саргасс. А рано утром, когда супруги Гатлинги вышли на палубу, то увидели, что вокруг расстилается синяя гладь океана, поверх которой только кое-где мелькают небольшие пятна саргасс.

— Странно, неужели мы так уклонились к югу? — спросил Гатлинг профессора Томсона, который рассматривал какую-то небольшую рыбу, попавшуюся в сеть.

— Мы идем самым краем теплого течения, где оно борется с холодными. Эти холодные течения и отнесли в сторону часть водорослей. Завтра мы повернем на север, в самую гущу саргасс.

— Какая странная рыба! — воскликнула Вивиана. — Посмотри, Реджи.

Голова рыбы была снабжена широким, овальной формы щитком, составленным из черепицевидных пластинок; нижняя часть тела у нее была окрашена в более темный цвет, чем верхняя.

Томсон бережно опустил рыбу в большой таз с водой. Рыба тотчас повернулась на спину и плотно приложила щиток ко дну таза.

— А ну-ка, возьмите рыбу, — предложил Томсон.

Гатлинг взял рыбу за хвост и попробовал поднять, но напрасно: рыба будто приросла ко дну таза. Томсон смеялся:

— Видите, какая диковинная рыба! Это эхенеида, или «рыба-прилипала». Про эту рыбу в древности ходили целые ле-

генды, будто она, прилипая к подводной части корабля, может задержать его ход. Вот смотрите, — и Томсон, хотя не без труда, оторвал «прилипалу» от таза.

— Профессор, в море плавает целое стадо черепах, — доложил ассистент Томсона Мюллер. — Не разрешите ли вы мне поохотиться на них вот с этой маленькой рыбкой? Я видел, как это делают туземцы в Африке.

Получив разрешение, Мюллер надел на хвост рыбы кольцо с крепким шнуром и бросил ее в воду. В прозрачной воде видны были все движения рыбы. Сделав несколько безуспешных попыток вырваться, она стала подплывать к большой черепахе, которая, видимо, мирно спала на поверхности океана; эхенеида присосалась к брюшному щиту черепахи. Мюллер дернул бечевку. Черепаха заметалась, но не могла отделаться от прилипалы и через минуту была вытащена вместе с рыбой на палубу судна.

— Браво! — Вивиана захлопала в ладоши.

На палубе появился Симпкинс. Он только что встал и щурился от яркого солнца. Попыхивая трубочкой, Симпкинс равнодушно посмотрел на черепаху и процедил углом рта:

— Суп из черепахи — это будет недурно. А это что за пиявка?

— Это не пиявка, а рыба-прилипала. Черепаха, Симпкинс, предназначена не для супа, а для научной коллекции.

— Смотрите, какая прелесть! — воскликнула вновь Вивиана, указывая на море.

Над поверхностью океана летели рыбы. Целые стаи их поднимались над водой и пролетали значительное пространство в несколько десятков метров, поддерживаемые передними плавниками, которые у них превращены как бы в крылья.

Все залюбовались этим зрелищем.

— Dactylopteres — «летучки», — пояснил профессор Томсон.

— Неужели и все птицы вышли из моря? — спросила Вивиана.

— Океан — колыбель всей органической жизни на земле. Вы видите летающих рыб, но есть и такие рыбы, которые прогуливаются по суше и даже взлезают на корни деревьев. Все это предки земноводных и птиц.

— Очень интересно, — сказал равнодушно Симпкинс, — но как будто мы собирались на поиски не только черепах и

прилипал, а и Острова Погибших Кораблей. Мы же забираемся все южнее и уже вышли из пояса саргасс. Скоро наступит дождливое время — и так уж часто дождит, — когда же мы займемся Островом?

— Терпение, Симпкинс; сегодня мы поворачиваем на север, и с каждым часом вы будете ближе к цели.

Симпкинс пожал плечами с таким видом, как бы хотел сказать: «Ох уж эти ученые!» — и, заложив руки в карманы, стал смотреть на море, сплевывая через борт.

— А вот и акула! — крикнул он, оживившись. Очевидно, и в море его интересовал только преступный элемент. — Ого, какая большая! Только почему она белая?

— Да, это интересный экземпляр, — сказал Томсон, — типичная представительница Саргассова моря. Саргассы задерживают солнечный свет, и здешние акулы, очевидно, не «загорают» так, как их братья, живущие в открытых местах; кожа здешних акул остается лишенной пигмента (окраски).

Акула плыла рядом с кораблем. Ее движения были быстры, сильны и красивы.

Матросы уже приготовили веревку и намазывали салом железный крюк.

— А почему акула не ест этих маленьких рыбок, что вертятся около нее? — спросила Вивиана.

— Это рыба-лоцман, неразлучный спутник акулы.

В это время крюк с приманкой был брошен. Первою заметила приманку рыба-лоцман. Она обнюхала приманку и быстро подплыла к акуле, стараясь обратить ее внимание на добычу.

— Ишь ты, подводчица! — переводил Симпкинс события на язык уголовной практики.

Акула повернулась, заметила добычу и жадно схватила в пасть крюк.

— Черт возьми, это уж вышла провокация со стороны рыбы-лоцмана! — воскликнул Симпкинс.

Акула метнулась и так дернула веревку, что два матроса упали на палубу и корабль дал легкий крен. Началась борьба. Матросы то отпускали веревку, то подбирали, подтягивая все более обессилевавшее животное. Прошло не менее часа, пре-

жде чем удалось вытащить акулу на палубу. Утомленная, она лежала как мертвая.

— Ага, попалась, голубушка! — с торжеством сказал Симпкинс, подходя к акуле.

— Бьюсь об заклад, — сказал Гатлинг, — что вы сожалеете, Симпкинс, об отсутствии у акулы рук.

— Почему?

— Вы бы надели на них «браслеты».

— Еще прилипала! — с удивлением воскликнула Вивиана, увидав рыбу, присосавшуюся к животу акулы.

— Обычная вещь, — ответил Томсон. — Прилипалы часто делают это и имеют тройную пользу для себя: так сказать, даровой проезд, полную безопасность от других хищников под прикрытием страшного для всех обитателей моря врага и кое-какие крохи от обильного стола прожорливых акул.

— Словом, везде одно и то же, — заметил Симпкинс, — вокруг больших преступников всегда вертится малое жулье для мелких поручений.

— Еще немного, Симпкинс, и вы напишете ученый труд: «Преступный мир обитателей моря», — сказал, улыбаясь, Гатлинг.

Симпкинс подошел поближе к акуле и вдруг, ухватив рукой прилипалу, начал тянуть:

— А ну-ка, посмотрим, удержишься ли ты?

Прилипала будто приросла к животу акулы. Тогда Симпкинс с силою дернул рыбу. Акула неожиданно встрепенулась огромным телом и хлопнула Симпкинса хвостом с такой силой, что он, взмахнув в воздухе ногами, перелетел через борт и упал в море.

Профессор Томсон взволнованно крикнул матросу:

— Скорее бросайте веревку!

Гатлинга удивило это волнение и поспешность ученого. Симпкинс был неплохой пловец, купание же в теплой, почти горячей воде не угрожало простудой.

Но Томсон опасался другого: он знал, что акулы часто проходят стаями. Там, где плыла одна, могут оказаться и другие.

И его опасения были не напрасны. Невдалеке действительно вдруг показались неизвестно откуда взявшиеся акулы. Они быстро приближались к Симпкинсу, который еще не за-

метил их. Между тем корабль уже отнесло на несколько метров от Симпкинса.

— Скорей, Симпкинс, скорей! — кричали ему.

Капитан отдал приказ остановить машину, а догадливые матросы, не ожидая приказания, с лихорадочной поспешностью спустили шлюпку.

— Чего вы волнуетесь? Я плаваю, как пробка! — крикнул Симпкинс, еще не подозревавший опасности, но, видя, что все взгляды направлены не на него, а куда-то в море, оглянулся, похолодел от ужаса и стал с отчаянием работать руками и ногами. Но намокшая одежда замедляла плавание.

Когда шлюпка с тремя матросами подплыла к Симпкинсу, акулы были около него. Одна из них, подплыв под Симпкинса, уже повернулась на спину и раскрыла свою широкую пасть, усаженную несколькими рядами зубов, но кто-то из матросов всадил в открытую пасть весло, которое моментально было раздроблено в мелкие щепы. И это спасло Симпкинса. Другой матрос помог ему влезть в шлюпку.

Хищники, рассерженные тем, что добыча ушла от них, бились у шлюпки, пытаясь перевернуть ее. Несколько раз им почти удавалось это. Шлюпка крутилась, накренялась, черпая краем воду. Матрос отбивался обломком весла, другие усиленно гребли. Наконец с большим трудом матросы и Симпкинс причалили к борту и взошли на «Вызывающий».

Все с облегчением вздохнули.

Симпкинс тяжело дышал. С его одежды вода стекала на палубу, растекаясь лужами.

— Благодарю вас, — наконец промолвил он. — Пойду переодеваться. — И, далеко обходя лежащую акулу, шлепая мокрыми ногами, Симпкинс спустился в каюту.

Научная коллекция Томсона быстро росла. Морские иглы и коньки, актеннарии, летучие рыбы, еж-рыба, пятнистые синероги, крабы, креветки, моллюски, изящные гидроидные полипы, кладокорины и сальпы красовались в банках со спиртом в виде чучел и скелетов, заполняя лабораторию и смежные каюты.

«Вызывающий» повернул на север и шел по сплошному ковру водорослей.

Несмотря на часто перепадающие дожди, Томсон неуто-

мимо занимался исследованием Саргассова моря. Гатлинг помогал ему, и время проходило незаметно. Вечерами, после обеда, они усаживались в уютно обставленной каюте и слушали увлекательные рассказы Томсона об обитателях моря — странном, необычайном мире, так непохожем на знакомый надводный мир.

Из всех участников экспедиции один Симпкинс скучал и чувствовал себя несчастным. Его организм привык к постоянному движению. Нервный подъем, неразлучный с рискованными предприятиями, ему был необходим, как наркотик. И в этой спокойной обстановке Симпкинс чувствовал себя больным. Зевая, бродил он по кораблю, мешал всем — от капитана до кочегара, ворчал, курил и презрительно плевал в море.

Стояли хмурые, серые дни. Иногда туман заволакивал все белой пеленой. В этой части океана не было опасности столкнуться с проходящим кораблем, и потому «Вызывающий» шел, не задерживая хода; только изредка, на всякий случай, завывала сирена, и этот звук наводил жуть среди окружающей тишины.

— И где этот Остров запропастился! — ворчал Симпкинс.

А Остров Погибших Кораблей действительно будто смыло с поверхности океана. По всем расчетам, он должен был находиться в этих местах. «Вызывающий» бродил в самом центре Саргассова моря, меняя направление, но Острова не было.

Проходили дни за днями, а вокруг было то же серое небо, коричневая поверхность саргасс, непроглядная даль в тумане.

Уже не только Симпкинс, но и Гатлинги стали беспокоиться о том, удастся ли им найти Остров, не отмеченный ни на одной карте.

Однажды вечером все собрались обсудить положение. Капитан пожимал плечами:

— Что же я могу поделать! Мы ищем, как слепые. Так мы можем плавать год — и без всякого результата. Наше путешествие затянулось. Команда выражает недовольство. «В этом болоте только лягушек ловить», — ворчат матросы.

— Что же вы предлагаете? — спросил Гатлинг.

Капитан опять пожал плечами.

— Я предлагаю прекратить эти бесцельные поиски и вернуться.

Гатлинг задумался.

— Ваше мнение, профессор?

Томсон развел руками:

— Что я могу сказать? Каждый день плавания обогащает науку. Но если все решат вернуться, я, конечно, не буду возражать.

— Хорошо вы защищаете интересы науки! — вспылил Симпкинс. Он вдруг оказался самым горячим защитником науки, впрочем, только для того, чтобы продолжать поиски Острова. — Возражайте! Требуйте! Настаивайте!.. А капитан... и вы тоже хороши! «Бесцельное блуждание! Не найдем!» Да знаете ли вы, по каким местам мы плаваем? Может быть, вот на этом самом месте Колумб проезжал! И тоже матросы брюзжали. А Колумбу, думаете, легче было Америку открыть или путь в Индию? Тогда все были уверены, что Америки никакой нет и что корабль может дойти до края земли и свалиться к черту на рога. А Колумб не побоялся и нашел! И мы найдем!

Как ни комична была эта речь в устах Симпкинса, но его неожиданное красноречие произвело впечатление, и капитан, несколько смутившись, ответил:

— Да, но Колумб все-таки шел по одному направлению, у него были свои торговые расчеты, и они не обманули его, хотя нашел он и не то, что искал, а мы просто кружимся на месте. Вот если вы будете так любезны указать мне точно направление, я не буду кружиться, — уже несколько обиженным тоном закончил капитан.

— В морском деле я ничего не смыслю. Но что касается розыска, то я кое-что смыслю, — ответил Симпкинс. — Каждая профессия создает свои навыки, дисциплинирует мысли в известном направлении. Я много думал о том, как найти Остров, и, кажется, придумал. Это тоже долгий путь, но он скорее приведет нас к цели. Скажите, Гатлинг, как в первый раз мы попали на Остров?

— Была буря, пароход потерпел аварию. Вы же сами знаете.

— Дальше?

— Винт и руль оказались сломанными, и нас понесло.

— Вот-вот, это самое! Винт и руль оказались сломанными, и нас понесло. А что, если бы и нам сломать руль и винт? — спросил Симпкинс.

Вивиана и остальные посмотрели на Симпкинса с нескрываемой тревогой.

Он заметил это и рассмеялся:

— Не бойтесь, я еще не сошел с ума. О руле и винте я сказал иносказательно. Остановим машину, бросим управлять рулем и будем следить за течением. Вот что я предлагаю. Ведь нас понесло к Острову каким-то течением, не так ли?

Гатлинг кивнул.

— Запомним это, во-первых. — И Симпкинс заложил один палец. — Если из погибших кораблей образовался целый остров, то, очевидно, внутри Саргассова моря существуют постоянные течения, которые относят все корабли, потерпевшие аварию, к одному месту. Верно?

— Так.

— Два, — заложил Симпкинс второй палец. — Ну-с, а вывод ясен: мы будем медленно двигаться по кругу, останавливая время от времени машину, и следить, нет ли течения, которое относило бы корабль в глубь моря. Это течение и приведет нас к Острову. В этом весь фокус! — И Симпкинс победоносно поднял три пальца.

План заинтересовал не только капитана, но и Томсона.

— Внутренние течения Саргассова моря?.. Над этим действительно следует подумать. До сих пор изучалось только течение Гольфстрима вокруг Саргассова моря.

— Откуда могут появиться сильные подводные течения в Саргассовом море? — спросила Вивиана.

— Вы хотите, чтобы я дал вам ответ на один из труднейших вопросов океанографии, — ответил Томсон. — Какие причины вызывают морские течения? Сами ученые не пришли еще к соглашению в этом вопросе. Одни объясняют возникновение течений действием приливов и отливов, другие — разностью плотностей воды, наконец, третьи главную роль отводят ветрам. Пожалуй, это и будет наиболее вероятным решением. По крайней мере, направление морских течений совпадает в среднем с направлением главных воздушных течений. А еще вернее, что мы имеем совокупность ряда причин. Если прав Симпкинс и внутри Саргассова моря существует внутреннее течение по направлению к Острову Погибших Кораблей, то оно может быть ветвью, или о т к л о н е н и е м, главного тече-

ния — Гольфстрима. Такие отклонения чаще всего вызываются какими-нибудь механическими преградами на пути главного.

— Но какие же механические преграды могут быть среди океана? — задала новый вопрос Вивиана. — Здесь нет ни островов, ни мелей.

— А подводные горы? Вы забыли о них? Представьте себе, что несколько восточнее под водой находится кряж, который пересекает Гольфстрим. Представьте далее, что в этом кряже есть узкий проход — ущелье, направленное своим выходом к Острову, который играет с нами в прятки. Гольфстрим — это настоящая река, воды которой несутся со скоростью двух с половиной метров в секунду. Вся эта масса быстро текущей воды напирает на горный кряж, находит только один узкий проход и устремляется в него. Вот вам и внутреннее течение Саргассова моря.

— И оно, наверное, есть! Иначе не было бы и Острова! — отозвался Симпкинс.

— Да, пожалуй, совет Симпкинса неплох, — согласился капитан. — Что ж, попробуем «сломать руль и винт», как вы говорите.

— И, если мы найдем Остров, вся честь открытия «Америки» будет принадлежать вам, — сказал Гатлинг, обращаясь к Симпкинсу.

— К черту Остров! Мне надо разыскать кое-какие документы, ну а вместе с документами я разыщу, кстати, вам и Остров.

V. ВЕЛИКИЕ СОБЫТИЯ

Над резиденцией губернатора Острова Погибших Кораблей на высокой мачте развевался большой флаг из голубого шелка с нашитым на нем коричневым венком из водорослей и золотым орлом с распростертыми крыльями в середине. Это тоже была выдумка Флореса. Он засадил Мэгги на целую неделю за вышивание. И когда флаг был готов, его подняли с большой торжественностью.

Флорес, в золоченом кафтане, окруженный своими пест-

рыми, как попугаи, «сановниками», сказал приличествующую речь.

— Островитяне, — сказал он, — саргассы, оторванные бурями от берегов своей родины, были принесены сюда. Все мы, как эти водоросли, также оторваны от своей родины и принесены сюда, чтобы здесь найти новую родину, образовать новое общество. Нас немного. Наши владения не обширны. Но зато мы можем гордиться тем, что независимы... Свободны, как этот орел с распростертыми крыльями. Вот какой символ вложил я в этот герб на нашем флаге... Да здравствуют саргассы, охраняющие нашу свободу, да здравствует наш Остров! Да здравствуют островитяне!

Островитяне бурно аплодировали и кричали «ура», с восторгом глядя на красивое знамя, трепетавшее от ветра.

Флорес хотел к этому торжественному дню организовать оркестр. Среди всякого скарба, собранного капитаном Слейтоном, нашлось несколько старых струнных инструментов разных стран и народов, однако струны давно полопались, новых найти нельзя было, и Флорес думал уже отказаться от этой затеи, когда неожиданно О'Гара пришла в голову мысль использовать морские рупоры, которых было больше, чем жителей. Правда, они могли только усиливать звук человеческого голоса, но зато напоминали трубы духового оркестра. Островитяне с увлечением принялись за обучение «музыке» и на торжестве поднятия флага исполнили «Марш островитян». Это была очень странная музыка, где каждый играл песнь своей родины, стараясь перекричать других. Получилось нестройно, но так внушительно и громогласно, что даже рыбы испуганно шарахались в сторону, путаясь в водорослях.

Но Флорес своими «реформами» внес и более глубокие изменения в жизнь островитян. Он сумел перессорить их между собой, и они уже не составляли однородной массы с тех пор, как появилась «аристократия»: О'Гара и Бокко перестали обедать в общей столовой, держались особняком, высокомерно. Простые граждане отвечали им презрением и завистью.

— Прекрасно, — посмеивался Флорес, — я могу спать спокойно.

В то утро, когда Флорес назначил совещание, чтобы обсудить план экспедиции на соседний остров, О'Гара и Бокко,

разодетые в свои роскошные костюмы, шли к резиденции с важным видом сановников, небрежно кивая головой островитянам, встречавшимся на пути.

И — неглупые по природе, но почти впавшие в детство от однообразной жизни — островитяне невольно робели перед этим блеском и почтительно склоняли головы.

Совещание было довольно продолжительным. Как ни близок соседний остров, добраться до него было трудно. Можно построить лодку. Но среди водорослей она в лучшем случае подвигалась бы с неимоверным трудом и большой медлительностью.

В конце концов, проще всего было бы устроить плавучие мостки. Но для этого надо было много строительного материала, а он был чрезвычайно ценен на Острове. Правда, море изредка приносило обломки кораблей, но они шли, с большой экономией, на печение хлеба и изредка — горячей пищи. Несколько старых судов было уже сломано, чтобы сделать мосты между кораблями и пароходами; сломать новые суда значило уменьшить «государственную территорию».

Вдобавок строительный материал необходим для разрешения квартирного кризиса. Правда, погибших судов было едва ли не больше, чем обитателей Острова. Но дело в том, что эти суда стояли под самыми различными углами наклона к поверхности моря. Одни лежали с небольшим креном, другие — на боку, а иные — и совсем вверх дном. Жить в «квартире», где пол наклонен под углом в 45°, постоянно ходить по «косогору», сползая вниз и с трудом выбираясь наружу, — удовольствие небольшое. И между островитянами происходили нескончаемые споры из-за помещений с более или менее ровной поверхностью пола. Чтобы хоть немного разрешить этот квартирный кризис, пришлось часть запасного материала пустить на приспособление жилищ.

— Если мы потратим материал на мост, то зато на новом острове могут оказаться корабли, годные для жилья, — сказал О'Гара, — часть населения эмигрирует, и квартирный вопрос разрешится. Если же наши надежды не оправдаются, мы можем снять доски с плавучего моста и, таким образом, ничего не потеряем.

В конце концов, другого ничего не оставалось, и совещание решило строить мост.

Островитяне с волнением ожидали исхода совещания, расположившись на палубе «Елизаветы». В однообразной жизни Острова самой большой ценностью было развлечение, новизна впечатлений. Ради этого островитяне готовы были пойти даже на жертвы. И когда всем стало известно решение совещания, работа закипела.

Всеобщее увлечение было так велико, что нашлись даже добровольные жертвователи, которые ломали у себя часть пола или «лестницу» — простую доску с набитыми поперек брусками, — чтобы только скорее удлинить мост. Экономия, однако, заставляла не делать его широким. По мосту мог пройти только один человек. Но эта же экономия удлиняла время постройки, так как одному человеку все время приходилось ходить за материалом. Однако и из этого скоро нашли выход: островитяне встали в ряд и передавали друг другу доски. В три дня было пройдено более половины пути.

Наконец наступил торжественный момент: к вечеру пятого дня, когда уже стемнело, была положена последняя доска, соединившая два острова.

Как ни велико было желание тотчас же идти на новый остров, островитяне принуждены были вернуться, так как Флорес отдал приказ отложить вступление на остров до утра следующего дня.

Взволнованные островитяне не спали почти всю ночь и поднялись до зари в этот знаменательный день в истории Острова Погибших Кораблей.

Они собрались все до одного на палубе фрегата; палуба на боку лежавшего корабля спускалась к самой воде — отсюда начинался мост.

— Наши труды увенчались успехом, — сказал Флорес, обращаясь к островитянам. — С первым лучом солнца мы поднимем на новом острове наш флаг!

И островитяне двинулись в путь.

Впереди шел Флорес со знаменем, за ним Бокко, О'Гара, Людерс, дальше следовали остальные обитатели Острова.

Вода хлюпала под мостками, доски шатались. Несколько человек упали в воду и со смехом вскарабкались, опутанные

водорослями. Многим понравилось это неожиданное прибавление к наряду. Островитяне нагибались, вытягивали длинные коричневые водоросли и украшали себя. Индеец затянул заунывную военную песню. Перед путниками росла громада океанского парохода. Он лежал боком, закрывая собою новый остров. Рядом с приподнятой над водой кормой стоял небольшой баркас, куда и была положена последняя доска моста. Флорес взошел на баркас. Остров был небольшой — всего около десятка судов. Но островитян ждало небольшое разочарование: суда эти стояли не вплотную друг к другу, а на некотором расстоянии. Приходилось и здесь возводить новые мостки, чтобы соединить эти разбросанные суда в одно целое. Однако решили не откладывать торжества. Не без труда взобрались островитяне по наклонной палубе парохода и на его вершине укрепили флаг.

Расположившись на палубе, островитяне с жадностью всматривались в новые для них формы и очертания. Вероятно, ни один спектакль не дал столько наслаждения жителю большого города, сколько дало островитянам зрелище этих разбитых, искалеченных кораблей. И едва ли не больше всех был доволен островом Людерс.

— Корвет с одной открытой батареей о двадцати орудиях... Начало девятнадцатого века. Ого! Голландский парусник по крайней мере начала восемнадцатого века. Вот это дедушка! Эк, куда его занесло! А вот и другой старичок — колесный пароход. Он родился в самом начале девятнадцатого столетия в Америке и даже в молодости мог плестись со скоростью только пяти морских миль в час, — пояснял Людерс.

Однако всеобщее внимание приковало жуткое зрелище: на корвете «с открытой батареей о двадцати орудиях» вся палуба была покрыта скелетами. Кости, выбеленные солнцем, ослепительно сверкали. На ногах скелетов кое-где еще сохранились лохмотья — быть может, последние куски истлевших сапог. Зато хорошо сохранилось, хоть проржавело, оружие: пушки, шпаги, кортики...

Островитяне приутихли. Каждый в меру своего воображения представлял, какие картины ужаса сопровождали гибель этих кораблей.

— Надо будет убрать скелеты, — сказал Флорес. — Здесь

достаточно судов, годных для жилья. Ну что же, на сегодня довольно? Завтра придем, наведем остальные мостки и осмотрим внутренность кораблей.

Все неохотно стали спускаться. Один из островитян, поскользнувшись, скатился с палубы и упал в воду. Но он, к удивлению всех, не погрузился, а остался лежать на поверхности.

— Тут мелко! — закричал он.

Это заинтересовало всех. Островитяне начали ногами исследовать почву. Оказалось, что под ногами были палубы и обломки затонувших кораблей. При известной осторожности можно было перебраться с одного корабля на другой. Островитяне рассыпались по острову, криками выражая свой восторг.

Вдруг из трюма небольшой, сравнительно новой барки послышался какой-то звериный рев и вслед за тем испуганный крик индейца, зовущего на помощь. Индеец выскочил из трюма и пустился бежать.

— Там... зверь... страшная обезьяна... горилла...

Все островитяне, как испуганное стадо, собрались в одно место, теснясь и прячась друг за друга. Они не были трусами перед явным врагом. Но там было какое-то неизвестное существо.

— Кто со мной? — крикнул Флорес. Бокко боялся потерять свое высокое звание и камзол — и он двинулся за Флоресом. Вслед за ним пошел и О'Гара.

Флорес осторожно заглянул внутрь барки. Оттуда послышалось ворчание. Когда глаза привыкли к темноте, Флорес увидел, что в углу сидит существо, похожее на человека, голое, с большой косматой головой. Волосы его головы и бороды, сбившиеся в колтуны, падали почти до колен. На руках были длинные кривые ногти.

— Кто ты? — спросил Флорес по-английски, потом по-испански.

— Кто ты? — спрашивали островитяне на разных языках, но ответа не было. Все же было ясно, что это не горилла, а человек — безоружный, худой, истощенный человек. Флорес прыгнул вниз, схватил незнакомца и вынес на руках. Тот даже не оказал сопротивления.

Как это ни просто было сделать, поступок Флореса поднял его авторитет еще на одну ступень.

— Свяжем на всякий случай нашего пленника и идем! Пора обедать!

Островитяне повиновались.

Первые островитяне с Флоресом во главе уже подходили к Острову Погибших Кораблей, а задние находились еще на новом Острове.

Вдруг в нескольких шагах от Флореса метнулся какой-то предмет, раздался взрыв, мостки разлетелись в щепки, и Флорес, а за ним еще пять человек упали в воду. Однако Флорес уцепился за какую-то балку, и, когда его зрение прояснилось, он увидел нечто, от чего едва не потерял сознание.

На Острове, у самого края моста, с ручной бомбой в руке стоял капитан Фергус Слейтон... Правда, он оброс бородой и стоял в грязной разорванной рубашке, но это был он.

VI. «АРЕСТОВАТЬ ЕГО!»

Слейтон не умер во время перестрелки при бегстве Гатлинга и его друзей. Пуля перебила ему ключицу, но рана не была смертельна. Сброшенный Флоресом в воду, он упал на мелкое место — на днище перевернувшегося баркаса. На его счастье, все островитяне ушли за Флоресом, и никто не видел, что он не утонул. С огромным напряжением сил, истекая кровью, он влез в трюм стоявшего боком парусника. Парусник этот не так давно прибило к Острову.

«Если я потеряю сознание, то умру от потери крови, — думал тогда Слейтон. — Надо сделать перевязку...» Он стал шарить в трюме и нашел кусок старого паруса. Стиснув зубы от боли, с последним напряжением сознания и воли Слейтон сделал себе перевязку и впал в забытье. Он очнулся только ночью. Прохлада освежила его. Голова кружилась от потери крови и легкой лихорадки. Мучила жажда. В углублении палубы он нашел лужу дождевой воды и выпил ее до последней капли. В голове прояснилось. Что было делать дальше? Здесь его могли найти. Надо было перебраться на соседний Остров Погибших Кораблей, лежавший невдалеке. Никто из островитян еще не проникал туда. Там Слейтон мог быть в безопас-

ности. Один только Слейтон знал, что к этому Острову лежит путь по палубам затонувших кораблей, едва прикрытых водою. И, осторожно ступая, Слейтон в эту же ночь перебрался на Остров.

Между малым и большим Островами находилось несколько разбросанных судов, где можно было найти все необходимое для жизни: сухари, консервы и даже вино. Недаром Слейтон прожил много лет на Острове. Он знал все эти скрытые запасы и пути к ним. И ночами он бродил «по морю», осторожно нащупывая ногой лежавшие почти на поверхности моря палубы и днища затонувших кораблей. Ими почти сплошь было покрыто дно моря вокруг Острова. Запасшись продовольствием на несколько дней, он уходил на малый остров и жил там, пока запасы не иссякали.

Во время этих ночных вылазок Слейтон и был замечен китайцем. Но Слейтон не видел Хао-Женя. Когда же китаец явился ночью с Бокко, чтобы посмотреть на «тень губернатора», от острого слуха Слейтона не ускользнули звуки, шорох, шепот, раздавшиеся вдруг среди глубокой ночной тишины. И Слейтон из осторожности не выходил несколько ночей. Вот почему Флорес и не увидал его.

Слейтон не оставлял мысли вновь завладеть Островом. Флорес не казался ему опасным соперником. Но все же для того, чтобы выступить открыто, нужно было прежде всего набраться сил. И Слейтон откладывал свое выступление, пока его рана окончательно не зажила. Когда он наконец оправился совершенно, почувствовал себя вновь здоровым и сильным, то стал обдумывать план нападения.

План этот не отличался сложностью. Он явится на большой Остров, когда все будут спать, и направится к резиденции нового губернатора. По всей вероятности, и дежурные часовые на «Елизавете» будут спать. Если даже этого и не случится, одно появление «мертвого капитана» должно парализовать их ужасом. В крайнем случае можно будет прикончить их, без шума, морским кортиком... Со спящим Флоресом — Слейтон не сомневался, что испанец занял его место, — будет легко справиться. А островитяне? У них не будет оснований возражать — ведь он только вновь займет свой пост, вероломно похищенный у него Флоресом.

Однако когда Слейтон, внимательно наблюдавший за большим Островом из своего убежища, увидел начатую постройку моста, он изменил свой план: теперь он сможет захватить в плен всех островитян, когда они перейдут на новый Остров, отрезав им путь возвращения. Еще накануне того дня, когда была окончена постройка моста, Слейтон в глухую ночь перебрался на большой Остров, вооруженный ручными гранатами, и спрятался в трюме необитаемого голландского корвета, стоявшего недалеко от берега. Отсюда он и вышел, когда увидал, что последний островитянин перебрался на новый Остров.

Слейтон быстро подошел к месту, где начинался мост, и, спрятавшись за толстой мачтой, ожидал возвращения островитян.

Бросив бомбу, он спокойно ожидал, когда Флорес придет в себя.

Слейтон мог убить Флореса на месте, но не хотел осложнять свое возвращение к власти убийством.

«Пусть это сделают сами островитяне, — подумал он. — Флоресу не уйти от смерти».

И когда испанец посмотрел расширенными от ужаса глазами в глаза Слейтона, бывший губернатор спокойно сказал, мерно покачивая в руке вторую бомбу:

— Если вы не окажете мне полного повиновения и сейчас же не признаете меня губернатором, я брошу вторую бомбу, и с вами будет покончено.

Флорес колебался. Подумав, он ответил:

— Хорошо. Я согласен, если вы обещаете, что сохраните мне жизнь.

— Вы видите, я уже сохранил вам ее, — ответил Слейтон.

Флореса удивило это непонятное великодушие. В самом деле, разве Слейтон не мог сейчас же убить его?

Слейтон бросил одну из досок, лежавших на берегу, к краю разрушенной части моста.

Флорес и все островитяне в полном молчании взошли на Остров.

«Что будет дальше? Кто победит?» — думали островитяне, с ужасом глядя на Слейтона.

Слейтон рассчитывал на свое необычайное влияние. Его

слово всегда было законом. Перед ним трепетали. И теперь, несмотря на то что он был исхудавшим, обросшим всклокоченной бородой, в разорванной рубахе — той самой, которая была на нем во время бегства Гатлинга, со следами крови, — он был страшен, еще более страшен, чем раньше. Он видел, какое впечатление произвел на островитян, и остался этим доволен.

— Арестовать его! — спокойно произнес Слейтон, указывая на Флореса.

Флорес вздрогнул и вдруг выпрямился.

— Вы только что обещали мне сохранить жизнь, — сказал он.

— Да, жизнь, но не свободу, — холодно ответил Слейтон. — А что касается вашей жизни, пусть этот вопрос решают островитяне на основании законов Острова. Вы сами знаете вашу вину!

Да, Флорес знал свою вину и знал закон, по которому за убийство островитянина и за покушение на убийство полагалась смертная казнь.

Наступил решительный момент.

— Что же вы стоите! Арестовать его! — повторил Слейтон, нахмурившись.

Несколько человек нерешительно двинулись к Флоресу.

— Остановитесь, безумцы! — закричал Флорес. — Он устроил мне ловушку, он обманул меня. Но это ловушка и для вас. Неужели вы хотите вновь подпасть под власть этого деспота, опять питаться сырой рыбой и ходить в рубищах?

Слейтон не учел одного — что хитрый Флорес сумел снискать популярность островитян. Видя, что их настроение под влиянием слов Флореса изменяется, Слейтон хотел прервать речь своего противника, но Флорес вдруг крикнул:

— Арестовать его!

У Бокко ноги дрожали от страха, но «долг прежде всего» — он первый, за ним О'Гара, а потом и все остальные бросились с разных сторон к Слейтону и схватили его, прежде чем он успел бросить вторую бомбу.

Слейтон не ожидал такого исхода и крепко выругался.

Флорес победил.

Слейтона привели в «тюрьму» — глухую железную каюту на угольщике — и у входа приставили стражу.

Флорес выиграл первое сражение. Но что будет дальше? Слейтона нельзя оставить живым и вместе с тем с ним трудно покончить гласно и законно — за ним нет видимой вины, за которую можно было бы казнить его.

Флорес ходил большими шагами по каюте, обдумывая, что предпринять. Он боялся оставить Слейтона живым даже до утра. Его надо убить, это ясно. Но убить так, чтобы об этом на Острове никто не узнал. Значит, вместе со Слейтоном придется убить и часового, потом... Саргассы умеют хоронить свою тайну. И все будут думать, что Слейтон сумел выбраться, убить часового (для этого труп часового можно оставить) и бежал.

Да, так Флорес и сделает. Но кого же принести в жертву, кого поставить часовым в эту ночь? Китайца — лучше всего. Все равно он скоро умрет от своего опиума. От него никакой пользы. Он полусонный, слабый, малоподвижный. С ним легко будет справиться.

Итак, значит, сегодня ночью призрак Слейтона перестанет пугать островитян...

VII. СТАРИК БОККО

План Симпкинса оказался верным. «Вызывающий» скоро нашел течение, направлявшееся в самую глубь Саргассова моря. Правда, течение это было довольно медленное, но путники были уверены, что оно приведет их к Острову Погибших Кораблей. Многие признаки подкрепляли эту уверенность. Чем дальше подвигался «Вызывающий» по этому пути, тем чаще стали встречаться обломки судов, разбитые барки, лодки, перевернутые вверх дном... Над одной из таких лодок капитан Муррей заметил стаю птиц; они резко кричали и дрались в воздухе.

— Делят добычу. На лодке, вероятно, есть трупы, — сказал он. Когда пароход подошел ближе, путники увидели печальную картину: на дне лодки лежал труп человека. Птицы так плотно покрыли этот труп, что его почти не было видно. А вокруг лодки кишели акулы, которые с разгона бились о лодку, пытаясь перевернуть ее и овладеть добычей.

Однажды вечером, когда Вивиана работала в лаборатории,

помогая Томсону набивать чучела, она услышала крик Симпкинса:

— Остров! Я вижу Остров Погибших Кораблей!

Все выбежали на палубу.

На севере, у самого горизонта, в лучах заходящего солнца виднелись трубы пароходов и сломанные мачты. Эта картина слишком врезалась в память Гатлингов и Симпкинса, чтобы ее забыть. Даже капитан Муррей, никогда не видавший Острова, не сомневался в том, что они достигли цели. Ни в одной гавани нельзя было увидеть мачт и труб, наклонившихся в самых различных положениях, — как будто сильнейшая буря растрепала все это скопище кораблей и они вдруг застыли в самый разгар бури...

Всех охватило волнение. Стояли молча и не отрываясь смотрели на это жуткое кладбище...

— Полный ход! — отдал капитал команду.

Этот бодрый призыв спугнул жуткое раздумье, охватившее всех при виде Острова. Нервное настроение уже искало выхода в движении, деятельности, работе.

— Как-то встретят нас островитяне? — сказал Гатлинг.

— Если бы был жив Слейтон, без боя, наверно, не обошлось бы. Но он убит, и это значительно облегчает положение. Кто бы ни занял его место, нам нетрудно будет сговориться.

Уже почти совсем стемнело, когда пароход подошел к Острову и сигнализировал островитянам, чтобы они прислали парламентера.

«Вызывающего» должны были заметить на Острове, тем более что сирена ревела почти беспрерывно, резко нарушая окружающую тишину. Пассажиры ожидали увидеть на судах толпу островитян, прибежавших посмотреть на невиданное зрелище. Но на Острове было пустынно, нелюдимо...

— Что они там, вымерли все? — спросил в нетерпении Гатлинг.

— И очень просто, — ответил Симпкинс, — какая-нибудь эпидемия.

— Однако смотрите, — сказала Вивиана, — на высокой мачте виднеется какой-то флаг! Его раньше не было.

— Это на «Елизавете» — резиденции губернатора, — заметил Гатлинг.

— Нельзя сказать, чтобы островитяне радушно встречали нас, — сказал Томсон.

— Тогда и с ними нечего церемониться, — вдруг засуетился Симпкинс. — Надо разбудить этот муравейник. Дайте холостой выстрел!

— Подождите немного, — ответил Гатлинг.

Сирена продолжала надрывно кричать, но Остров по-прежнему выглядел мертвым.

— Э, черт, в самом деле! — рассердился вдруг капитан и, не спрашивая согласия Гатлинга, отдал приказ выстрелить холостым из небольшой пушки. Чтобы впечатление было сильнее, капитан приказал прекратить призывы сирены. В наступившей тишине, как удар грома, прозвучал орудийный выстрел.

— Ага, подействовало! — вдруг торжествующе закричал Симпкинс. — Видите, появилась какая-то фигура.

— Да, кто-то идет. Спустите шлюпку и идите к берегу, — приказал капитан.

Матросы быстро спустили шлюпку и стали приближаться к Острову.

Островитянин, помахивая белой тряпкой, приблизился к шлюпке и, переговорив о чем-то с матросами, перебрался к ним. Через несколько минут он уже был на палубе.

— Бокко! — еще издали узнала Вивиана.

Бокко чрезвычайно удивился, узнав старых знакомых. Он был одет в старый, залатанный костюм.

— Ну, здравствуйте, жених! — весело воскликнула Вивиана. — Ведь вы были тоже в числе моих женихов, когда меня на вашем Острове чуть не на узелки разыгрывали? Помните? — И она протянула ему руку.

Смущенный и растерянный Бокко пожал руку Вивианы.

— Здравствуйте, мисс Кингман.

— Гатлинг, — улыбаясь, поправила она.

— Гатлинг? Простите, запамятовал.

— Нет, вы не запамятовали. На Острове я была Кингман, а теперь Гатлинг, — и она показала на мужа.

— Ах вот оно что! А я-то, старый, и не догадался сразу. Охо-хо-хо, — вздохнул он, — вот уж не думал увидеть вас еще раз! Неужто опять занесло течением?

— Нет, по доброй воле.

— Н-ну? — недоверчиво воскликнул Бокко. — Радости тут мало, чтоб по доброй воле.

— Вот что, Бокко, — прервал его Гатлинг, — скажите, кто теперь у вас губернатором?

Бокко растерянно развел руками и с глубоким вздохом ответил:

— Слейтон. Капитан Фергус Слейтон.

Симпкинс даже подпрыгнул от удивления:

— Не может быть! Ведь он...

— Живехонек. Сегодня Слейтон — губернатор. Вчера был Флорес, а кто завтра будет — еще не знаю. Такие дела. Радости мало.

— Так как же это?..

Бокко рассказал все, что произошло на Острове, вплоть до того момента, когда Слейтон был посажен под арест.

— А утром, — закончил Бокко, — просыпаемся, звонит гонг у резиденции губернатора. Приходим на «Елизавету» и видим Слейтона. «Я, — говорит, — ваш губернатор. А Флорес — преступник. Он бросил меня в воду. Сейчас он в тюрьме сидит. Завтра будем его судить». Вот какие дела!

Бокко не знал о событиях прошлой ночи, а они действительно приняли неожиданный оборот. В то время как Флорес пробирался в ночной тьме к месту заключения Слейтона, чтобы убить соперника, Слейтон ходил, как зверь в клетке, по узкой железной темнице и обдумывал план бегства. Он был из тех людей, для которых препятствия существуют только для того, чтобы преодолевать их.

Слейтон впотьмах ощупал стенки своей тюрьмы. Они были гладки и непроницаемы. Ни окна, ни даже щели — выхода не было. Однако после целого ряда попыток Слейтону удалось обнаружить над дверью небольшое круглое отверстие, через которое едва ли прошла бы даже его голова. Подтянувшись на мускулах рук, Слейтон выглянул наружу. Возле самой двери стояла какая-то фигура.

— Кто стоит на страже? — строго крикнул Слейтон, так, как он это делал, когда проверял ночные посты.

Китаец вздрогнул, услыхав знакомый повелительный голос. Он мечтал о Голубой реке, и этот голос спугнул его грезы. Собравшись с мыслями, китаец ответил:

— Хао-Жень.

— Ты почему не отвечаешь сразу, когда тебя спрашивает губернатор? Заснул, болван? Открой засов, мне надо проверить заключенных.

У китайца спутались мысли. Голос Слейтона звучал над ним. Во тьме ничего не было видно. И Хао-Жень не мог определить, где находится губернатор.

Хао-Жень давно отвык рассуждать. Он умел только повиноваться. Капитан Слейтон требует. Этого было достаточно. Китаец быстро отодвинул засов. В это время подошел Флорес. Враги неожиданно встретились у самой двери. Слейтон втолкнул Флореса в железную каюту. Между ними завязалась борьба. Случайно Слейтону подвернулся развязавшийся шелковый шарф Флореса. Слейтон схватил его и сдавил им горло противника. Флорес еще барахтался, но Слейтон успел выбежать и закрыть дверь засовом. Потом он подошел к китайцу, взял его за плечи, поднял тщедушное тело на воздух и, тряхнув, прошипел:

— Разве так стоят на страже? Ты едва не упустил преступника. Идем!

Китаец встряхнулся, вздохнул от радости, что дешево отделался, и поплелся вслед за Слейтоном.

Так Слейтон вновь оказался губернатором Острова. Когда пришел «Вызывающий», Слейтон выслал Бокко парламентером.

Поделившись новостями с новоприбывшими, старик боязливо посмотрел на Остров и поспешно сказал:

— Однако я заговорился, — и вдруг, приняв вид официального лица, важно заявил: — Губернатор Острова Погибших Кораблей прислал меня узнать, кто вы и зачем приехали на Остров.

Гатлинг задумался, потом, положив руку на плечо Бокко, сказал:

— Вот что, Бокко, бросьте этот тон, и будем говорить с вами, как старые друзья. Мы не ожидали опять встретиться здесь со Слейтоном. Вы знаете, что расстались мы с ним не очень дружелюбно. Но против островитян мы не замышляем ничего плохого. Мы с женой и профессором Томсоном приехали сюда, чтобы исследовать Саргассово море. Ну а кстати

решили навестить и вас. И уж раз мы приехали, то на Острове мы побываем, хочет этого капитан Слейтон или не хочет. Но чтобы не затруднять вас рискованными переговорами со Слейтоном, мы пошлем ему радиотелеграмму: ведь на Острове есть радиоприемник.

Тотчас же была отправлена радиотелеграмма:

«Гатлинги, Симпкинс и профессор Томсон желают высадиться на Острове. О согласии сигнализируйте белым флагом. Гатлинг».

Радиотелеграмма, очевидно, была получена, потому что через некоторое время со стороны резиденции раздался ружейный выстрел. Пуля ударилась в шлюпку, отщепив край борта.

— Коротко и ясно! — сказал Гатлинг.

— Ну что ж, стесняться больше нечего. Во избежание кровопролития пошлем еще одну радиотелеграмму. А ты, Вивиана, на всякий случай спустись в каюту.

«Если вы немедленно не дадите согласия, я прикажу бомбардировать Остров», — гласила вторая радиотелеграмма; ответом на нее был второй выстрел.

Гатлинг хотел было уже отдать приказ обстрелять Остров, но Томсон предложил отложить военные действия до утра.

— Темно уже — пожалуй, действительно лучше обождать до утра. Остров не убежит, — поддержал эту мысль и капитан Муррей.

Гатлинг согласился. Оставив на палубе для охраны корабля несколько матросов, Гатлинг спустился в кают-компанию. Капитан Муррей, Симпкинс, Томсон и Бокко последовали за ним.

Вивиана разливала чай. Все уселись; Бокко — на кончике стула: новые люди и непривычная обстановка смущали его. Обжигаясь, он пил горячий чай, краснел и кряхтел.

— А все-таки... нехорошо это выходит, — сказал он, вдруг нахмурившись.

— Что нехорошо? — спросила Вивиана.

— Да вот это самое: начнется пальба. Ну, что тут хорошего? Сколько народу покалечить можно!

— Но что же делать, Бокко? — недоумевал Гатлинг. — Вы

сами видали, что Слейтон не принял наших мирных предложений.

— Что делать? О том я и думаю, что́ делать. А делать больше нечего, как только идти мне на Остров, чтобы шепнуть на ухо нашим островитянам: не слушайте капитана Слейтона, не стреляйте. Скажите вашим матросам, чтобы спустили меня... Прощайте, спасибо за чай!

VIII. ОПЯТЬ НА ОСТРОВЕ

В эту ночь никто не спал на «Вызывающем». Гатлинг бродил по палубе, вслушиваясь в ночную тишину. Что будет с Бокко? Послушают ли его островитяне? Иногда Гатлингу казалось, что он слышит сдержанный шум голосов, скрип досок на полусгнивших палубах под чьими-то ногами. А может быть, это предутренний ветер шумит по сломанным реям и мачтам, треплет обрывки парусов, колышет корабли, и они скрипят и стонут, как стонут старики во сне, жалуясь на свои немощи? Если бы хоть была лунная ночь! Как томителен этот мрак!

За час до восхода солнца с Острова вновь послышался шум. Теперь уже не было сомнения: там что-то происходило. Голоса слышались ясно; несколько человек пробежали по Острову с фонарями и медленно вернулись к резиденции губернатора.

«Неужели бедный Бокко погибнет?» — с волнением думал Гатлинг.

Перед самым восходом солнца на палубу вышли уже все пассажиры «Вызывающего». И когда наконец солнце взошло, все удивленно воскликнули — на большой мачте у резиденции губернатора виднелся большой белый флаг.

— Капитан Слейтон пошел на капитуляцию! — воскликнул Гатлинг.

— Смотрите, Бокко идет сюда, — заметила Вивиана.

Бокко семенил старыми ногами к «Вызывающему», раскланивался, махал рукой и еще издали крикнул в морской рупор:

— Можете сходить на Остров! Капитан разрешил!

Поспешно спустили шлюпку, в которую сели Гатлинги,

Томсон со своими ассистентами — Таммом и Мюллером, Симпкинс и четыре матроса.

Бокко приветствовал прибывших низким поклоном.

— Капитан просит вас в свою резиденцию.

— Вы живы, Бокко, мы так беспокоились за вас! — сказала Вивиана, пожимая ему руку.

— Что там произошло у вас на Острове ночью? — спросил Гатлинг.

Бокко улыбнулся с таинственным видом и повторил:

— Губернатор просит вас к себе. Он вам объяснит все.

С волнением Вивиана вступила вновь на Остров Погибших Кораблей. Она шла по зыбким мосткам, перекинутым от корабля к кораблю, думая о том, что так же шли они и в первый приезд. Но тогда они были потерпевшие кораблекрушение, беззащитные пленники, которые шли навстречу неизвестному. Теперь они были под защитой «Вызывающего».

Гатлинг просил Вивиану вернуться на корабль.

— Кто знает, может быть, Слейтон зазывает нас в ловушку?

Но Бокко успокоил:

— Не беспокойтесь, вы все в полной безопасности.

Путники двинулись дальше. Гатлинг давал объяснения Томсону, вспоминал различные случаи из своего первого пребывания на Острове. Наконец путники подошли к резиденции. Здесь их уже ждали.

Негр сверкнул белыми зубами, раскрыв рот в широкой улыбке.

— Тоже один из бывших претендентов на руку Вивианы, — с улыбкой отрекомендовал его Гатлинг.

— Губернатор просит вас к себе, — сказал негр.

Приезжие спустились по знакомой лесенке вниз и вошли в кабинет губернатора.

Он стоял у стола и приветливо кивнул головой.

— Милости просим.

— Флорес! — с изумлением воскликнула Вивиана.

— К вашим услугам, — ответил он, пожимая руку гостям, — прошу извинения за свой вид.

Все лицо Флореса посинело, шея вспухла, а на виске виднелся большой шрам, из которого еще сочилась кровь.

— Вы ранены? — спросила Вивиана. — Может быть, вам сделать перевязку?

— Нет, благодарю вас, — ответил Флорес, прикладывая к виску платок. — Пустая царапина.

— Не томите, Флорес, скажите, где Слейтон? Он жив?.. — нетерпеливо спросил Симпкинс.

Флорес развел руками.

— Позавчера он неожиданно появился на Острове и был арестован мною. Ночью я пошел проверить караул. Около самого угольщика, куда был посажен Слейтон, на меня вдруг набросился какой-то человек. Это и был Слейтон, которому, очевидно, удалось выбраться из своей тюрьмы. Между нами завязалась борьба. Он едва не задушил меня моим шарфом. Потом... — Флорес запнулся, — потом Слейтон бросил меня в каюту, где он был заключен, и запер. Что было дальше, я узнал только тогда, когда Бокко освободил меня. Он сам расскажет вам о происшедшем.

— Мне удалось переговорить с островитянами и убедить их не повиноваться Слейтону, — сказал Бокко. — Перед утром Слейтон созвал всех и приказал нам готовиться к бою с вами. — Бокко показал на Гатлинга. — Но все, как один, отказались. Слейтон кричал, топал ногами. «Убью», — говорит. А я тут и говорю: «Что с ним церемониться? Давайте свяжем его!» Мы к нему — он от нас. Мы было следом побежали, да где там! Он бросился в воду и пропал. Пошли разыскивать Флореса. Догадался я в угольщик заглянуть, а он там лежит. Выпустили его, и — вот он!

Симпкинс слушал с напряженным вниманием.

— Слейтон жив. Слейтон на Острове. Симпкинс на Острове. Значит, Слейтон будет пойман, — выпалил он неожиданно.

IX. «БОГИ МСТЯТ»

На другой день Томсон, его ассистенты, Гатлинг и Симпкинс получили приглашение профессора Людерса побывать у него. Старый ученый жил на краю Острова, на испанской каравелле. Она имела квадратную корму, башенки на носу и корме, высокий борт, бугшприт и четыре прямые мачты: фок,

грот и две бизани. Три задние мачты были с латинскими парусами, на передней — две реи.

Зыбкий мостик вел в это убежище старого ученого.

— Удивительно! — воскликнул Гатлинг, вступая на этот мостик. — Неужели даже паруса могли сохраниться? Ведь этому кораблю не менее двухсот лет.

— И все триста будут, — ответил Людерс, сопровождавший гостей. — Я собственными руками реставрировал эту драгоценность. Признаюсь, она имела довольно жалкий вид. Одного я не мог сделать: выпрямить посадку каравеллы — соседние суда сдавили ее и сильно накренили. Это причиняет мне некоторые житейские неудобства. Да вот вы сами увидите. Прошу следовать за мной.

По узкой деревянной лесенке гости спустились вниз и вошли в большую каюту. Деревянные скамьи с точеными ножками стояли у стен. Одну стену занимал самодельный шкаф, на полках которого видны были старинные рукописи и судовые журналы.

— Будьте осторожны, — предупредил Людерс, — я уже привык ходить по наклонному полу. Здесь, в этой библиотеке, огромные богатства.

— Богатства? Какого рода? — спросил Симпкинс.

— Научного. Впрочем, пожалуй, и не только научного. Вот документы с корабля «Сивилла». Некий Себастьяно Сапрозо, состоявший на испанской службе, вез несколько бочек золота из Бразилии в Испанию. Себастьяно не достиг берегов Испании. Корабль прибило к Острову.

— Вы достали этот документ с «Сивиллы» — значит, она и сейчас существует? — спросил Симпкинс.

— Да, за старым угольщиком, на юг от «Елизаветы».

— Ну а золота вы не искали?

— Зачем оно мне? — просто ответил Людерс. — Возможно, что сохранилось и золото. Оно, как говорится в документе, лежит в трюме. Но корабль настолько ветхий, что было бы безумием спускаться в трюм. В соседних каютах, — продолжал Людерс, — у меня хранятся коллекции.

— Скажите, вы не исследовали подводную часть Острова? — спросил Томсон.

— Увы, нет, — со вздохом ответил Людерс. — У нас есть

водолазные костюмы, но я не мог починить воздушные насосы. Драга, лоты — вот все, что было мне доступно.

— Откуда взял Себастьяно столько золота? — заинтересовалась Вивиана.

— Это интересная история. Себастьяно Сапрозо был захвачен в плен индейцами племени бороро в лесах Центральной Бразилии. Воинственные бороро решили убить Себастьяно и повели его к месту казни. Сапрозо удалось вырваться из рук индейцев. Этот авантюрист, очевидно, прошел большую жизненную школу и, вероятно, был профессиональным ярмарочным акробатом и жонглером. Он стал перепрыгивать через головы дикарей, переворачиваться всем телом в воздухе и выделывать такие необычайные пируэты и сальто-мортале, что привел своих поработителей в неистовый восторг. От ненависти к чужеземцу индейцы перешли чуть ли не к его обожествлению. Себастьяно оставили в живых, но не вернули ему свободы. Несколько месяцев он жил среди индейцев, изучил их несложный язык и нравы. Нередко ему приходилось видеть, как индейцы приносили огромные куски золотых самородков и относили в глубь леса в дар какому-то лесному божеству. Где находилось это божество, Сапрозо не мог узнать, ибо местопребывание идола окружалось тайной. Однако случай помог Сапрозо. Вот как описывает сам Себастьяно этот случай.

Людерс раскрыл старинную, в полуистлевшем кожаном переплете рукопись и, перелистав пожелтевшие от времени листы пергамента, украшенные затейливо нарисованными заглавными буквами и наивными рисунками, прочел:

— «Однажды утром, когда все мужчины были на охоте, а женщины занимались растиранием корней маниоки, из которой они делают опьяняющий напиток каширн, я, проходя по окраине селения, услышал стоны из шалаша, стоявшего одиноко, у самой опушки леса. Я вошел в шалаш и увидел девушку, опутанную сетями. Большие черные муравьи нестерпимо кусали ее. Все тело несчастной извивалось, лицо было перекошено от боли, на губах выступила розовая пена — она искусала себе губы, — мутные глаза закатились. Тронутый видом этих мучений, я развязал сеть и стал выбирать муравьев, топтать их ногой и выбрасывать из шалаша. Потом я взял сеть и

опять прикрыл ею девушку, которая в знак благодарности стала целовать мне руки. Тогда я решил, что девушка может поблагодарить меня более существенным образом, и сказал ей:

— Сегодня ночью, когда шаман освободит тебя от сетей, ты придешь к Голубому ручью и пойдешь со мной...

Девушка кивнула головой и сказала:

— Я исполню то, что ты приказываешь. Я исполню ради той милости, которую ты оказал мне, облегчив мои страдания.

Ночью она пришла к Голубому ручью, и мы углубились с ней в чащу леса. К полуночи пришли мы на лесную поляну с высоким холмом посередине. Полная луна стояла над головой, ярко освещая большого деревянного идола на вершине холма. Этот идол до колен, которые стояли от земли выше роста человеческого, был засыпан сверкающими золотыми самородками. Я поклонился идолу до земли, незаметно взял с земли самородок величиною с гусиное яйцо и, повернувшись к девушке, сказал:

— Теперь я пойду. Укажи мне путь к морю.

Девушка задумалась и сказала:

— Хорошо. Ты один не найдешь дороги. Скоро придут сюда жрецы с приношениями. Бежим!..

И мы побежали. Двадцать раз я мог погибнуть без этой девушки. Она предостерегала меня от капканов, отравленных колючек, глубоких ям, прикрытых листьями, охраняющих священное место; она умела находить ручьи и съедобные ягоды. Она знала каждую тропинку в лесу. Мы вышли к берегу в тот момент, когда команда «Сивиллы», отчаявшись в моем возвращении, поднимала якорь и паруса, готовясь к отплытию. Меня увидали и послали шлюпку. Я рассказал моим товарищам все, что было со мной, показал им слиток и убеждал их пойти за золотом. Они согласились, и нам удалось перенести на корабль столько золота, что мы наполнили им три бочки из-под солонины».

— Вот откуда это золото, — закончил Людерс, опуская рукопись на колени.

— Что же стало с девушкой? — спросила Вивиана.

— Девушка сказала Себастьяно, что ее убьют, если она вернется домой, и она уехала с ним. Дальше рукопись повест-

вует о приключениях плавания, о буре, о прибытии сюда, о гибели экипажа. Вот последние строки этого дневника:

«Числа не знаю. Голова в огне. Руки дрожат. Кругом трупы. Нет сил выбросить мертвых за борт. Сегодня перед восходом солнца умерла на моих руках бедная девушка. Умерла спокойно, с улыбкой на губах. А вечером накануне она в бреду со страхом говорила: «Боги мстят!..» Бочки с золотом — кому они...» Здесь рукопись обрывается.

Людерс окончил чтение, и все сидели некоторое время молча, под впечатлением прослушанной истории.

— Да, — наконец сказал Людерс, — таких историй у меня целая библиотека. Я собрал их едва ли не больше, чем Слейтон.

Я вижу, что эта история взволновала вас, — продолжал Людерс, обращаясь к Вивиане. — Если вы ничего против не имеете, я предложу вам маленькую экскурсию по Острову. Почти вся история кораблестроения пройдет перед вашими глазами.

Все охотно согласились и поднялись наверх. Людерс как будто спешил вознаградить себя за многолетнее молчание и говорил без умолку.

— Посмотрите на эту водную поверхность, — говорил он, указывая на безграничную гладь океана. — Тихий и Атлантический океаны занимают двести пятьдесят пять миллионов квадратных километров — вдвое большую площадь, чем все пять частей света вместе. Недаром океан издавна служил символом бесконечности, мощи, непокоренной воли. Он неистощим в своей доброте и в гневе... Он бесконечно много дает, но может и отобрать все — самое жизнь. Неудивительно, что в древности его обожествляли. Но и этот «бог» был побежден в тот самый момент, когда первобытный человек, упавший в воду, случайно ухватился за плавающий ствол дерева и убедился, что этот ствол держит его на воде. С этого момента начинается история покорения океана — история мореплавания. Придать куску дерева наибольшую устойчивость, научиться управлять им по желанию — вот к чему сводился прогресс в области кораблестроения на протяжении многих тысячелетий. В моем «музее» вы можете найти много таких первобытных судов. Вон там, между старым линейным кораблем и ма-

леньким пароходиком, вы видите несколько бревен, связанных ветками. Плот — это уже огромный шаг вперед по сравнению с простым, необделанным стволом дерева: плот отличается большей устойчивостью и грузоподъемностью... А там, недалеко от него, высоко подняла свой нос легкая пирîга. Но без весла и паруса эти суда могли плыть только по течению. Древние египтяне, вавилоняне, финикияне уже знали употребление весла и паруса. К сожалению, в моей коллекции существует большой пробел. Я могу показать вам суда, которые строились в незапамятные времена доисторической жизни человека и которые совершенно таким же образом строятся до сих пор на островах, населенных дикими племенами; но я не находил здесь ни египетских, ни греческих судов. Обойдем этот почтенный парусник, и я покажу вам самое древнее судно Острова Погибших Кораблей.

Все спустились по мосткам и через минуту остановились у остова судна странного вида.

— Вот полюбуйтесь, — сказал Людерс, протягивая руку.

Прямо перед Вивианой было лицо полузверя-получеловека. Птичий нос, огромные круглые невидящие глаза, львиный оскал морды производили сильное впечатление своей грубой, но выразительной красотой. Лицо было вырезано из дерева и прикреплено к заостренному носу узкого, длинного судна. Солнце, ветер и соленые волны произвели большие разрушения на этом фантастическом лице. Покрытое трещинами, как морщинами, оно казалось таким же старым и загадочным, как сфинкс.

— Тысячу лет смотрит это чудовище на волны океана, — сказал Людерс, — многое могло бы рассказать нам, если бы его деревянный язык мог говорить. Оно рассказало бы нам о бесстрашных людях севера — викингах, — которые на этом утлом суденышке отважились бросить вызов седым просторам океана. Их вмещалось не менее семидесяти, этих смельчаков. Они гребли веслами, а в помощь веслам ставили четырехугольный ют и в передней части судна — короткую палубу для воинов. В восьмом-девятом веке еще не строили ютa. Вот эти щиты на юте служили для защиты гребцов.

— Меня удивляет вот что, — сказал Гатлинг, — как могла эта северная морская птица залететь так далеко на юг? Безум-

ным пиратам — безумным в своей храбрости, — как и всем прочим, нужно было питаться и пить пресную воду. Но разве они могли на этой скорлупе иметь запасы для такого далекого путешествия?

— Я тоже думал об этом, — ответил Людерс. — Вероятнее всего, сильнейшая буря отнесла это судно далеко на юг. И несчастные мореплаватели должны были перенести общую участь всех затерянных на океане: голод, жажда, кровавая борьба из-за последнего глотка пресной воды. Живые питались трупами умерших товарищей, пока солнце не заставило выбросить за борт разложившиеся останки... Переживал других сильнейший. Он один, томимый жаждою, носился еще несколько дней по беспредельной глади океана, окруженный акулами в воде и стаей хищных птиц над головою, до последней минуты не теряя надежды увидеть землю. Умер и этот последний, и одинокий корабль стал игрушкой ветров, блуждая по морю, пока течение не принесло судно к нашему Острову. Но этот печальный Остров увидели только слепые, деревянные глаза химеры...

...Недалеко отсюда стоят две ганзейские «когти». Всего каких-нибудь три-четыре столетия отделяют постройку этих кораблей от того времени, когда впервые вышло в море вот это суденышко. Но посмотрите, какой прогресс!..

Сопровождаемая Людерсом экскурсия, переходя с палубы на палубу, направилась к ганзейским кораблям четырнадцатого столетия.

— Эти почтенные купеческие суда были сооружены не только для торговых целей, но и для борьбы с разбойничьими судами норманнов, одно из которых вы видели. Обратите внимание: подобно скандинавским судам, «когти» имеют возвышения на носовой и кормовой части. Здесь помещались катапульты и даже огнестрельные орудия. Поверхность парусов увеличилась. Управление судами, ввиду сильного давления на паруса, производилось уже не веслом, а рулем, прочно укрепленным на ахтерштевне. Эти суда свободно бороздили поверхность Средиземного моря... Вы не устали? — спросил Людерс Вивиану, заметив, что она слушает его рассеянно.

— Нет, — ответила Вивиана, — я просто задумалась.

— О чем?

— О жертвах моря, о всех этих драмах...

— Эти жертвы и драмы, мистрис Гатлинг, все уменьшались с прогрессом судостроения. Поглядите на эту португальскую каравеллу. На таком вот судне Колумб отправился в свое путешествие в неведомые страны. Эти каравеллы, в сущности, заканчивают собой «героический» период мореплавания. Девятнадцатый век принес с собой применение пара как нового могучего двигателя. Морские путешествия сделались безопаснее и... скучнее. Если вы не устали, пройдем к западному берегу нашего Острова. По странной игре случая туда приносило течением почти исключительно паровые суда. Вы увидите там дедушку пароходов — небольшой колесный пароходик «Саванна», выстроенный в тридцатых годах девятнадцатого века. Он имеет всего тридцать метров длины. А в сороковых годах прошлого столетия был выстроен уже первый винтовой пароход из железа. В нем были заложены уже все начала современного кораблестроения.

Вивиане не хотелось обижать Людерса, но хождение по зыбким мосткам и косым палубам Острова утомило ее, хотя она и не желала в этом сознаться. Притом история пароходостроения не слишком интересовала ее. Ее муж сам был корабельным инженером. У него было много книг по кораблестроению и много моделей.

— А не отложить ли нам прогулку на кладбище пароходов? — спросил Симпкинс, которому хотелось скорее вернуться к себе и обдумать план, созревший в его голове.

— Пожалуй, — согласился Гатлинг. — Времени у нас еще много, и мы успеем не спеша осмотреть все достопримечательности Острова.

— Ну что ж, — несколько разочарованно сказал Людерс. — Отложим.

Он проводил гостей и, распростившись на полпути с ними, вернулся к себе.

— Этот Остров Погибших Кораблей, — сказала Вивиана мужу, возвращаясь от Людерса, — может быть назван Островом Ужасов. Едва ли есть на земном шаре другое место, где на таком небольшом пространстве было бы сосредоточено столько человеческого страдания...

А Симпкинс, отстав от Гатлингов, медленно направился к югу и долго смотрел на «Сивиллу» — полуразрушенный ко-

рабль. В этот день, отговариваясь головной болью, Симпкинс даже не явился к обеду. Золото лесного бога занимало все его мысли. Он достанет это золото во что бы то ни стало!

Симпкинс не мог дождаться ночи и, как только стемнело, стал собираться в путь. Он взял вместительный дорожный мешок, электрический фонарь, большой нож и веревку — с револьвером сыщик никогда не расставался — и вышел из каюты.

Яркие звезды усеяли небо. Пахло сыростью, гнилым деревом, водорослями, немного дегтем — обычный запах Острова, становившийся к ночи сильнее. Было тихо. Все уже спали, кроме двух часовых у резиденции губернатора. Симпкинс шел уверенно — он уже хорошо изучил Остров — и скоро был у цели. «Сивилла» стояла всего в двух метрах от сплошной массы кораблей, составлявших Остров. Симпкинс отодрал большую доску с палубы баркаса и перебросил на «Сивиллу». Осторожно ступая, он перешел на ее борт. При первом прикосновении перила обломились.

«Ого, здесь надо быть осторожным!» — подумал Симпкинс. Доски палубы полусгнили. Нога мягко ступала по этому гнилью. Симпкинс дошел до сломанной мачты, привязал к ней веревку, другой конец которой находился у пояса, зажег фонарь и стал медленно спускаться вниз по почти отвесной лестнице. Чтобы ступени не обломались, он не ступал на них, а съезжал всем телом. Здесь пол был как будто прочнее. Но надо было опуститься еще ниже — в трюм.

Симпкинс вновь поднялся наверх, отвязал веревку, спустился в среднюю часть корабля, прикрепил веревку к столбу и не без волнения начал спускаться по второй лестнице, ведущей в трюм. Воздух тут был необычайно удушливый. Пол и стены покрыты слизью и мхом. В конце трюма, на спускавшемся вниз полу, фонарь осветил воду. Очевидно, часть трюма была затоплена. Среди всякого корабельного скарба виднелись скелеты.

С верхних палуб они были убраны островитянами, но сюда, очевидно, никто не проникал.

«Тем лучше, — подумал Симпкинс. — Ну-ка, посмотрим!» И он стал осматривать бочки. Почти все они были пусты. На дне одной из них он нашел человеческие кости: почти во всех копошились пролезшие сюда сквозь щели крабы, черви, слизняки. Симпкинс чувствовал органическое отвращение к

этим существам, но он перемогал себя и продолжал поиски, все приближаясь к залитому водой пространству. И здесь, уже ступая по воде, он нашел эти заповедные бочки с золотом. Правда, их было не три, а две, и в одной золота было только наполовину, но и того, что осталось, было достаточно, чтобы обеспечить его на всю жизнь... Золото было покрыто сверху таким слоем плесени, что оно могло остаться незамеченным, если бы Симпкинс не знал, что́ искал. Он брезгливо стер плесень, и огромные куски золота, отшлифованного индейцами, засверкали. Симпкинс от волнения тяжело дышал. Он наполнил золотом мешок, набил карманы, наконец стал класть за пазуху. Осклизлые, холодные куски неприятно прикасались к коже, но это было золото, золото! Еще один кусок...

Но Симпкинсу не удалось взять еще один кусок. Гнилой пол провалился под тяжестью нагруженного золотом человека. И Симпкинс почувствовал, как погружается в воду. Он едва успел ухватиться руками за край пола. Послышался новый треск — это провалились в воду бочки с золотом. Трудно было держаться за прогнившие насквозь, рассыпающиеся под руками доски. Золотой груз неудержимо тянул его вниз. Симпкинс чувствовал, что гибнет. Если освободить себя от части золота... Нет, нет! Он выберется, выберется во что бы то ни стало! Надо тянуть за веревку. Симпкинс ухватился обеими руками. Фонарик, прикрепленный к груди, зацепившись за доски пола, оторвался и упал в воду. Тьма... Симпкинс выбранился и потянул веревку. Где-то послышался треск. Очевидно, не выдержал и гнилой столб, к которому была привязана веревка. Симпкинс сорвался и погрузился в воду и тут заметил, что фонарик, упавший на дно корабля, продолжает светить. И в этом слабом свете Симпкинс увидел водоросли, длинных змееобразных рыб, а невдалеке — волнующиеся щупальца осьминога.

Ноги Симпкинса коснулись дна корабля, и стоячая вода сомкнулась над его головой. Симпкинс стал лихорадочно снимать с себя мешок с золотом и выбрасывать золото из карманов. За тридцать секунд он опорожнил груз на две трети и страшным усилием поднялся на поверхность. Ему удалось возобновить дыхание, но груз был еще слишком тяжел, и он вновь погрузился в воду. Спрут приближался, протягивая ко-

леблющиеся щупальца. Симпкинс поспешно стал выбрасывать золото — все до последнего куска. Свет фонаря привлекал морских обитателей, рыб и осьминогов, и они начали собираться отовсюду. Выбросив последний кусок золота, облегченный Симпкинс вынырнул вновь. На этот раз ему удалось зацепиться за обломки и вскарабкаться на пол. И тут, в животном страхе, он неистово закричал.

Где-то далеко, на другом конце корабля, послышался голос. Симпкинс уже хотел повторить крик, но нервная спазма сдавила горло. Он узнал голос капитана Слейтона, хотя и не мог разобрать слов. Слейтону что-то отвечал китаец. Если Слейтон найдет его здесь, Симпкинс погиб. Симпкинс неслышно, как уж, прополз по полу и спрятался между бочек. Голоса замолкли. Так он пролежал до утра.

Когда слабый луч света проник сверху, Симпкинс тихо пополз вверх, никем не замеченный вылез наружу и, весь мокрый, подавленный, разбитый, пробрался к себе.

X. ТАЙНА КАПИТАНА СЛЕЙТОНА

На палубе «Елизаветы» в плетеных креслах сидели Мэгги и Вивиана. На коленях Вивиана держала корзину с апельсинами, а вокруг ее кресла суетились четверорукие обитатели Острова — обезьяны. Одна из них сидела на спинке кресла и с упоением грызла большой апельсин. Другая, подсев к Вивиане, копалась в корзине, выбирая самый сочный и зрелый плод. Три другие, уморительно гримасничая, вертелись вокруг молодой женщины в ожидании новой подачки.

— Уйди отсюда, Джилли, — сказала Мэгги обезьяне, сидевшей на спинке кресла, и, обращаясь к Вивиане, добавила: — Он обрызгает вас соком апельсина. Иди ко мне, малыш! — И Мэгги сняла обезьяну и усадила к себе на колени.

— Что же было дальше, Мэгги? — спросила Вивиана.

Мэгги продолжала рассказ о своей жизни на Острове после отъезда Гатлингов. Вивиана внимательно слушала, продолжая кормить обезьян.

Вдруг, прервав Мэгги, Вивиана испуганно спросила:

— Кто это?

Мэгги посмотрела в направлении взгляда Вивианы. К «Ели-

завете» приближался человек в парусиновом костюме, с длинными волосами до плеч и большой бородой.

— Это новый? Я не видала этого человека.

— Это «дикий человек», — ответила Мэгги. — Так прозвали его островитяне. Я хотела и о нем рассказать вам, но он сам напомнил о себе. Мы нашли его на новом Острове. С «диким человеком» было много хлопот. Он всех боялся, забивался в угол и сидел там, как волчонок. Он ел только сырую рыбу, глотая, как зверь, целыми кусками. Он был грязен, зол, угрюм, недоверчив. За все время, пока он на Острове, от него никто не услыхал слова. Он немой. Почему-то только к старику Бокко он относился доверчиво. Бокко уговорил его помыться и надеть этот костюм. Но остричь ему волосы и ногти так и не удалось.

— Он не опасен? — спросила Вивиана, следя за приближающимся к ним незнакомцем.

— Нет, он очень тихий. Удивительно, что он идет сюда. Вероятно, ваш костюм, необычный на Острове, привлек его внимание.

«Дикий человек» взошел на палубу, приблизился к сидящим женщинам и стал внимательно, в упор смотреть в глаза Вивианы. Она не могла выдержать этого пристального взгляда. Ей стало жутко.

— Идем в каюту, — сказала она Мэгги. И, оставив обезьянам корзину с апельсинами, на которую те набросились шумной, крикливой гурьбой, Вивиана спустилась в каюту. Мэгги последовала за ней.

— Какое странное впечатление оставляет этот туземец!.. Да нет... у него белый цвет кожи и черты лица европейца. Это скорее одичавший человек. Почему он так странно посмотрел на меня?

Вивиана взволнованно ходила по большой кают-компании.

— Он похож на один из этих погибших кораблей, — продолжала она. — Может быть, и он, как эти обветшалые развалины, блистал когда-то молодостью, жил полной жизнью...

— Стоит ли так волноваться! Успокойтесь. Сыграйте мне что-нибудь. Я так соскучилась по музыке! — предложила Мэгги, желая отвлечь Вивиану.

— Да, это хорошо, я буду играть, — согласилась Вивиана.

Она быстро подошла к роялю, склонив голову, немного подумала и начала играть «Патетическую» сонату Бетховена.

Вдруг кто-то вошел, и Вивиана, прервав игру, откинулась назад и увидала перед собой лицо незнакомца. Это лицо со всклокоченными волосами было страшно. Глаза незнакомца широко раскрылись, он тяжело дышал, нижняя челюсть судорожно тряслась.

Как вошел он сюда? Мэгги сидела спиной к двери и не слыхала его шагов, заглушенных музыкой.

Вивиана быстро поднялась, оперлась на рояль и, еле владея собой, смотрела на незнакомца. А он, не спуская с нее напряженного взгляда, пытался что-то сказать.

— Бе-бее-ее...ххо!.. — Его хриплая речь была похожа на блеяние.

И вдруг, словно забыв о Вивиане, незнакомец, весь согнувшись, раскрыв длинные скрюченные пальцы, стал жадно осматривать клавиши рояля — как коршун, готовый впустить когти в добычу. Дальше произошло нечто еще более странное и неожиданное. Незнакомец сел за рояль и стал играть.

Это была жуткая музыка, такая же нечленораздельная, как его речь. Длинные ногти мешали ему играть. Незнакомец нетерпеливо рычал, прерывал на мгновение игру, отгрызал мешавший ноготь зубами и опять продолжал играть.

И как ни была чудовищна его игра, все же в ней можно было узнать «Патетическую» сонату Бетховена. Не могло быть сомнения в том, что этот человек когда-то изучал музыку.

Ошеломленная Вивиана отошла в сторону, опустилась в кресло и стала слушать. И — удивительное дело — музыка скоро увлекла ее... На ее глазах совершалось просветление человеческого сознания. Чем больше играл неизвестный, тем правильнее становилась его игра, тем более четко выделялись музыкальные фразы. Правда, огрубевшие пальцы и теперь плохо слушались его, но он все больше овладевал инструментом. И наряду с грубыми ошибками неповинующихся рук вырывались места необычайной выразительности.

Был обеденный час. Гатлинг, услышав звуки рояля, зашел в каюту позвать Вивиану и как вкопанный остановился у двери. Вивиана сделала мужу знак, чтобы он не нарушал игры.

Не дождавшись к обеду Гатлингов, в каюту пришли одни за другим Томсон, его ассистенты, Флорес, Людерс и, нако-

нец, Симпкинс. Сыщик был грустен, почти подавлен. Но тем не менее и он с большим интересом, даже с большим, чем другие, наблюдал за игрой незнакомца. Все молчали и затаив дыхание слушали.

А незнакомец продолжал играть. Кончив одну сонату, он начинал другую, третью, четвертую. Лицо его просветлело, глаза загорелись мыслью, а на устах появилась скорбная улыбка. Прошел час, другой, незнакомец все играл. И вдруг, оборвав музыкальную фразу на половине такта, он откинулся назад и упал замертво.

Неизвестный пролежал в обмороке полчаса. Когда стали уже беспокоиться о том, что его не удастся привести в чувство, он открыл глаза. Он был, по-видимому, еще во власти звуков. Потом он сел на диван, осмотрел всех и, увидав женщин, стал застегивать ворот рубахи.

Музыка произвела удивительное действие. Незнакомец начал говорить, хотя своего имени и прошлого он еще не мог вспомнить. Он стал общительнее, но вместе с тем как-то застенчивее. Охотно позволил остричь себе волосы и ногти, сбрить бороду и усы.

Когда он, одетый в один из костюмов Слейтона, гладко выбритый, причесанный, умытый, явился в кают-компанию, это был новый человек.

«На кого он похож? — думала Вивиана, глядя на лицо незнакомца. — Где-то я видела такой нос, подбородок. Или нет, не совсем такой. У этого более правильные черты лица». И вдруг вспомнила. И, чтобы проверить догадку, обратилась к Симпкинсу:

— Не правда ли, он похож на капитана Слейтона?

Эти слова почему-то сильно подействовали на Симпкинса.

— Эге, — оживленно ответил он. — Я недаром-таки приехал на Остров!

Когда незнакомец вышел, Симпкинс, обратившись к Гатлингам, сказал:

— Теперь, мне кажется, можно открыть всем тайну капитана Слейтона, которая и привела меня на Остров. Здесь я нашел больше того, на что рассчитывал. Не могу сказать, что и сейчас для меня уже все ясно, но главные нити преступления Слейтона в моих руках. А вот и Флорес... Садитесь и слушай-

те. Вам, Флорес, тоже будет интересно узнать про вашего соперника.

И, усевшись удобнее в кресло, Симпкинс начал:

— Когда я был на Острове в первый раз, в качестве потерпевшего крушение, то по своей профессиональной привычке заинтересовался личным архивом губернатора Слейтона. Уверенный в полной своей безопасности, губернатор был не очень осторожен и хранил бумаги в ящике письменного стола.

— Симпкинс, неужели вы?..

— Лазаю по чужим столам? — ответил Симпкинс Гатлингу. — Цель оправдывает средства, дорогой мой! Да, я делал это в отсутствие Слейтона. Подобрать ключ — дело пустое. Я просмотрел его переписку и узнал любопытнейшие вещи. Остальные сведения я получил уже на континенте. В результате моих розысков получилось «дело о гражданине Гортване, именующем себя Слейтоном». Если изложить обстоятельства этого дела стилем обвинительного акта, получится приблизительно вот что.

В Канаде, провинции Квебек, в городе Монреале проживал пароходовладелец Роберт Гортван, занимавшийся перевозкой грузов и пассажиров по реке Святого Лаврентия. У Гортвана было два сына. Старшего звали Авраам, младшего — Эдуард. Два человека, родившиеся на двух концах земли, больше могут походить друг на друга, чем эти два брата. Младший — Эдуард — был хорошим сыном, добрым человеком и необычайно талантливым музыкантом.

Старший — Авраам — вел так называемый «рассеянный образ жизни». А так как отец был порядочный скопидом, то Авраам однажды запустил руку в отцовский письменный стол. Этого мало. Когда кража была обнаружена, Авраам свалил вину на брата. Отец, однако, не поверил Аврааму, да он скоро и сам проболтался где-то под пьяную руку. Отец лишил его наследства, завещав весь свой капитал младшему сыну, Эдуарду. Старик скоро умер от огорчения и, кажется, ожирения сердца. Эдуард стал богатым наследником. В то время он кончил консерваторию и отправился концертировать по Европе. По своей доброте Эдуард выделил значительную часть полученного наследства брату. Но тот прокутил все и стал снова нуждаться. Тогда Авраам придумал план, как воспользоваться всем богатством брата.

Получив при помощи шантажа несколько тысяч долларов от одного монреальского банкира, Авраам пустил деньги «в оборот»: подкупил врачей, кое-кого из судебных чиновников и добился того, что Эдуард был признан душевнобольным, а он, Авраам, назначен опекуном. Бедного музыканта засадили в сумасшедший дом, а Авраам, взяв в свои руки имущество брата, повел опять разгульный образ жизни. Но скоро ему не повезло. Он не сумел отчитаться в опекунском совете. А не сумел потому, что в связи с парламентскими выборами в совете оказались новые люди, с которыми он, по-видимому, не сошелся в цене. Аврааму угрожало раскрытие всех его махинаций с братом. Вдобавок в сумасшедшем доме появился новый врач — чудак и идеалист, не признававший взяток. Этот врач, освидетельствовав Эдуарда, нашел его здоровым. Тогда Авраам решил перевести брата куда-нибудь подальше, пока все уляжется, и сговорился с одним врачом, имевшим частный пансион на Канарских островах. Во время переезда их настигла буря и принесла на Остров Погибших Кораблей. Спаслись в шлюпке только трое: Авраам, Эдуард и санитар, который скоро погиб — едва ли не Слейтон помог ему расстаться с бренным миром. А брата Авраам оставил на Новом Острове, куда их первоначально прибило, сам же на шлюпке ночью перебрался на Остров Погибших Кораблей, заявив, что он — единственный из спасшихся. Эдуард без шлюпки не мог перебраться на большой Остров. Но Авраам, по-видимому, изредка навещал его — узнать о его здоровье.

— Но почему же он не убил брата? — спросил Гатлинг.

— Завещание было составлено так, что в случае смерти Эдуарда все имущество переходит в пользу Говардского университета, где учился Эдуард. И Слейтон решил так: продержать брата на Новом Острове, пока тот совсем не одичает. Тогда ненормальность Эдуарда не будет вызывать сомнений. Вот почему Слейтон сам и не предпринимал экскурсий на Новый Остров. Собрав на Острове огромные богатства, которые во много раз превышали состояние его брата, Авраам предоставил Эдуарда самому себе...

Я не знал точно одного: жив ли еще Эдуард. Теперь мы знаем и можем спасти несчастного. Стоило ли ради этого заглянуть в чужой стол?

— Но ведь вы не знали, что найдете там, — ответил Гатлинг.

— Чужого мне не надо, я человек бескорыстный. Теперь нам нужно только овладеть Слейтоном. Это нетрудно. Я уже нашел его.

— Нашли? Неужели?! — сразу воскликнули слушатели.

— Да-с, нашел, рискуя собственной жизнью, — скромно ответил Симпкинс.

XI. ВОДА И ОГОНЬ

В то время как Симпкинс выслеживал Слейтона, изыскивая способ захватить его по возможности без кровопролития, Томсон со своими помощниками и Людерс усиленно занимались изучением Саргассова моря. Они совершили несколько подводных экспедиций, опускаясь на дно моря в водолазных костюмах.

Им удалось получить довольно точные представления о разрезе Острова Погибших Кораблей. Людерс с увлечением работал над чертежом и однажды, когда все сидели за вечерним чаем, явился с большим листом бумаги.

— Вот полюбуйтесь, — сказал он торжественно, развертывая трубку. — Остров Погибших Кораблей расположен на подводной усеченной вершине горы вулканического происхождения. Вокруг Острова — у подножия горы — глубина дна достигает одной тысячи пятисот метров, а от вершины горы до поверхности океана всего сто метров. Все это пространство заполнено погибшими кораблями, составляющими как бы пирамиду.

— Надгробный памятник, — заметил Гатлинг.

— Да, памятник над тысячами жертв моря. Но эта пирамида вместе с тем оказалась городом, населенным подводными обитателями.

— Как, есть еще и подводные обитатели Острова? — спросила Вивиана.

— Кальмары, каракатицы, осьминоги. Едва ли есть на земном шаре другое место, где бы эти существа скоплялись в таком огромном количестве. И понятно почему. Полуразрушенные корабли оказались чрезвычайно удобными квартирами для осьминогов. Они вползают туда сквозь пробоины и выглядывают из окон иллюминаторов, поджидая добычу.

— Но ведь это очень опасно, — продолжала Вивиана, — спускаться на дно в таком месте!

— Еще бы! Приходится ограничивать подводные экспедиции открытыми местами и держаться поближе друг к другу. Но зато мы можем любоваться интересными картинами. Недавно мы видели любопытное зрелище. Осьминог поймал краба и стал играть с ним. Краб сопротивлялся, пытался освободиться от цепких щупальцев, но скоро изнемог в борьбе. А осьминог еще долго играл крабом, придавая ему всевозможнейшие положения. Иногда он отпускал жертву и тотчас ловил.

Теперь у нас осталась неисследованной только глубоководная часть Острова. Между прочим, мы заметили, что морское течение чем глубже, тем становится сильнее. Это течение, очевидно, и приводит потерпевшие аварию суда к Острову Погибших Кораблей. Мы думаем завтра заняться изучением этого течения. Идемте с нами, Гатлинг, вы еще не опускались на морское дно, — предложил Людерс.

Вивиана с опасением посмотрела на мужа. Томсон уловил этот взгляд и сказал:

— Не беспокойтесь, миссис, там нет осьминогов. Мы опустимся прямо с «Вызывающего» на открытом месте в наших водолазных костюмах. Они имеют резервуары с запасом сжатого воздуха. Кроме того, к нашим услугам будут тросы, при помощи которых нас в любую минуту смогут поднять на поверхность. Это совершенно безопасно.

— Совершенно безопасно? В таком случае я иду с вами, — решительно заявила Вивиана. Томсон был несколько смущен таким неожиданным оборотом. Но он уже знал характер Вивианы и не спорил. Попытка мужа уговорить ее осталась безуспешной.

— Но вы не справитесь с водолазным костюмом, — вступился Людерс. — Вы знаете, что он весит на воздухе двести килограммов?

— Но в воде он будет намного легче! — ответила Вивиана. — Я очень сильная. Не беспокойтесь за меня.

На другой день, рано утром, Гатлинги, Людерс, Томсон и его ассистенты надевали на себя водолазные костюмы.

Каждый раз перед опусканием Томсон объяснял матросам, оставшимся на корабле, и водолазам значение сигналов.

— Повторяю! Дернуть один раз значит: «Я на грунте, чув-

ствую себя хорошо». Четыре раза: «Поднимайте наверх»[1]. Частое подергивание более четырех раз: «Мне дурно, тревога...» Ну, надевайте костюмы.

Вивиана не могла ступить в тяжелом костюме, как, впрочем, и остальные. Их спустили в воду при помощи лебедки. Но в воде все почувствовали себя легче и свободнее.

Путники опустились на склон подводной горы и, придерживаясь за тонкие, но прочные стальные тросы, прикрепленные к поясам, стали спускаться вниз. На глубине десяти метров уже стояли сумерки. Томсон и Людерс, шедшие впереди, зажгли электрические фонари, но скоро погасили их: свет собирал к себе обитателей моря. Было опасно привлечь внимание акулы или осьминога. Чем ниже спускались водолазы, тем становилось темнее и холоднее. Вместе с тем все больше чувствовалось движение воды куда-то вниз, как будто среди спокойных вод океана протекала быстрая река и путники шли посреди ее течения. Становилось трудно держаться на ногах. Водолазы крепче сжимали трос, который опускался сверху по мере спуска.

В зеленой полумгле промелькнуло темное тело — быть может, акулы. Неизвестный хищник проплыл мимо путников, скрылся и вновь показался с другой стороны. Все подошли ближе друг к другу. Морское чудовище уплыло. Но вдруг оно неожиданно, со страшной быстротой промчалось мимо Томсона, и, если бы он не наклонился, оно могло бы распилить его надвое, в лучшем случае порвать водолазный костюм, и Томсон был бы залит водой. Даже в подводных сумерках Томсон узнал пилу-рыбу. Он обернулся к спутникам и жестами показал на грозившую опасность. Говорить путники не могли. Людерс лег на землю и предложил всем последовать его примеру. Пила-рыба несколько раз промчалась над ними, причем один раз задела трос Тамма, сильно рванув его. К счастью, одно подергивание, которое, очевидно, было замечено наверху, означало: «Чувствую себя хорошо». Иначе его подняли бы и он мог быть убит рыбой.

Несколько минут водолазы лежали неподвижно. Рыба, не видя больше добычи, уплыла. Все облегченно вздохнули в

[1]Два раза: «Мало воздуха, качайте сильнее». Три раза: «Много воздуха, качайте тише». Томсон пропускал эти сигналы, так как их водолазные костюмы имели собственный запас воздуха.

своих металлических колпаках и стали осторожно подниматься. Но как только они двинулись вперед, их преследователь вновь появился. Людерс отчаянно ругался, хотя его никто не слышал. Положение было серьезное. Как отвязаться от хищника? Опасно было двигаться вперед, но не менее опасно и подняться наверх. Что делать?

Мюллеру пришла удачная мысль. В тот момент, когда рыба отплыла на значительное расстояние, он отошел в сторону, засветил ручной электрический фонарь и положил его на камни так, что свет падал в сторону от путников, оставляя их в тени. Затем Мюллер вернулся, и все стали ждать, что будет дальше. Хитрость удалась. К фонарю стали приближаться всевозможные рыбы. Скоро явилась туда и пила-рыба. Ее глаза, ослепленные светом, не видели водолазов, стоявших в тени. Зато среди освещенных светом рыб нашлось немало вкусной снеди, и пила-рыба начала пожирать ее.

Скоро, однако, появилась новая большая рыба — пятнистая акула, и между нею и пилой-рыбой завязалась смертельная борьба. В освещенном пространстве воды два хищника нападали друг на друга. Они расходились, сходились, гонялись друг за другом. Акула норовила подплыть снизу и, перевернувшись, вонзить острые зубы в брюхо пилы-рыбы. Но пила-рыба быстрым, как взмах сабли, движением ускользала от удара. Однако после нескольких схваток пила-рыба была ранена. Вода окрасилась кровью. Но ей также удалось нанести акуле ужасный удар своей пилой. Кровь, как красный туман или зарево пожара, наполнила поле битвы.

И вдруг сверху стали дергать трос по три раза — сигнал опасности: «Поднимаем».

Что еще могло произойти там?

Скоро водолазы почувствовали, что их поднимают наверх. Всех охватило волнение. Наверху, очевидно, происходило что-то неладное. Прошло еще несколько томительных минут. Все недовольно смотрели вверх, как будто ожидая оттуда разъяснения.

Когда водолазов подняли в шлюпку и раздели, то они узнали, что́ произошло в их отсутствие на Острове.

— Симпкинс и Флорес, — сказал капитан Муррей, — затеяли осаду корабля «Сивилла», где, оказывается, скрывается последнее время Слейтон с китайцем. Слейтон отказался сдаться, и теперь они начали пальбу — слышите?

Со стороны Острова действительно слышались одиночные ружейные выстрелы.

— Мы пока что держим нейтралитет, — улыбаясь, добавил Муррей.

Гатлинг взял полевой бинокль и навел его на место сражения. У края Острова, возле «Сивиллы», под прикрытием толстых мачт и накренившихся бортов кораблей засели нападающие. Осажденных не было видно. С той и другой стороны от времени до времени слышались выстрелы.

Вдруг на палубе «Сивиллы» показался китаец. Почти голый, он размахивал каким-то предметом.

Затем он подбежал к стоявшему рядом с «Сивиллой» грузовому пароходу и бросил в него бомбу. Раздался треск разорвавшейся бомбы, и вдруг с парохода начали подниматься огромные черные клубы дыма.

— Нефть! Так горит нефть! — воскликнул капитан Муррей, первый понявший опасность.

Горела действительно нефть, находившаяся в цистернах старого парохода. Языки пламени начали лизать борта парохода. Горящая жидкость спускалась все ниже, растекалась по воде, продолжая гореть. Как будто загорелось само море. А клубы черного дыма поднимались все выше, как над кратером вулкана, заволакивая солнце и покрывая все густой пеленой.

Перестрелка прекратилась. На Острове поднялась суматоха. Сирена «Вызывающего» тревожно завыла. Огненное кольцо между тем все расширялось, захватывая близлежащие корабли. Китаец бегал над пламенем вдоль борта парохода, размахивая руками, и что-то безумно кричал.

— Желтая река! Великая Желтая река!

Вдруг в дыму рядом с китайцем показался Бокко. Он схватил китайца и потащил на другую сторону корабля, к мостику. Корма «Сивиллы» загорелась. Какая-то фигура промелькнула среди дыма, направляясь к носу корабля. Это, очевидно, был Слейтон, но на него никто не обратил внимания. Прозвучал одинокий выстрел. Стрелял Флорес, но, по-видимому, промахнулся. Слейтон продолжал бежать, бросился в воду и поплыл к Новому Острову.

— Едва ли он спасется там, — сказал задумчиво Муррей. — Горящая нефть разливается на огромное пространство.

Вивиана беспокоилась за Мэгги и ее ребенка. Скоро, одна-

ко, Мэгги показалась вместе с остальными островитянами. Несмотря на пламя, распространявшееся с огромной быстротой, островитяне забегали к себе, чтобы захватить кое-что из своего имущества.

— Скорее, Мэгги, скорее! — кричала Вивиана.

Шлюпки беспрерывно подвозили островитян. Мэгги с ребенком уже были на борту. Китайца принес на руках О'Гара. Эдуард Гортван приплыл с Флоресом. Флорес был угрюм. Казалось, он один с печалью расставался с Островом. В другом месте ему не удастся быть губернатором.

— А Бокко где? — спросила Вивиана.

— Замешкался. Сейчас придет, — ответил О'Гара, придерживая вырывающегося китайца. Несчастный сошел с ума.

— Мои рукописи! — вдруг закричал Людерс, спускаясь в отъезжавшую шлюпку.

— Остановитесь, безумец! — схватил его за руку Гатлинг. — Почти весь Остров в огне. Вы задохнетесь.

— Нет, ветер относит дым в сторону! — И он отплыл.

— Симпкинса тоже нет, — волновался Муррей. — Если ветер прогонит нефть в эту сторону, путь к спасению будет отрезан.

На палубу парохода вошел Бокко. В его руках был красный узелок, из которого выглядывал кусок позумента его «придворного» мундира...

Ветер изменился, и горящую нефть быстро гнало к «Вызывающему».

— Кого еще нет? — спросил Муррей. — Скоро придется отвести пароход от берега.

— Людерса и Симпкинса...

— Вон кто-то бежит!

Это старый Людерс бежал по мосткам, нагруженный рукописями.

Море горело уже почти у самого места переправы, когда Людерс подбежал и свалился в шлюпку, но тотчас вскочил, вылавливая из воды упавший корабельный журнал.

— Где Симпкинс? — крикнули ему с борта, когда шлюпка приблизилась.

— Я видал, он... Ох, дайте перевести дыхание, задыхаюсь... Он бежал к резиденции губернатора. Дайте руку, голова кружится...

Людерса подхватили дюжие матросские руки. Плоскодонная барка — пристань Острова — загорелась.

— Скверно, — сказал Муррей. — Для Симпкинса путь отрезан.

Сквозь густые клубы дыма Гатлинг наконец увидел фигуру человека, показавшегося на палубе «Елизаветы». Симпкинс бежал сюда. Но на полдороге он увидал, что пламя преграждает ему путь. Мгновение он постоял и нерешительности и бросился по боковым мосткам в ту сторону Острова, куда еще не дошла горящая нефть.

«Вызывающий» был уже под парами.

— Отдать якорь! — скомандовал Муррей. — Задний ход! Право руля! Полный ход!

Пароход огибал Остров, идя в ту сторону, куда бежал Симпкинс. Вот Симпкинс добежал до последнего корабля и уселся в ожидании помощи. Переменившийся ветер застилал пароход густым слоем дыма, так что трудно было дышать. Быстро спустили шлюпку.

— Скорей, скорей! Задыхаюсь! — кричал Симпкинс.

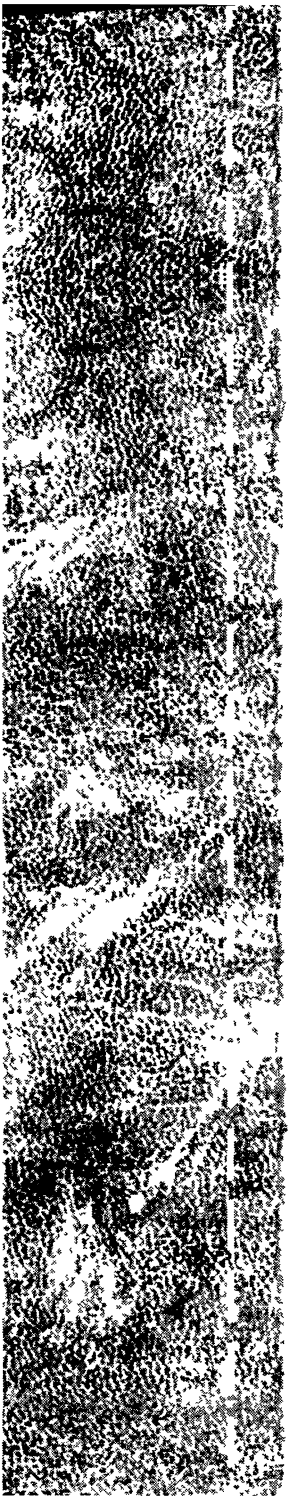
Наконец его взяли на шлюпку и доставили на корабль. Карманы Симпкинса были сильно оттопырены, лицо расплывалось в улыбке. Заметив пытливый взгляд Гатлинга, он хлопнул руками по карману и сказал:

— Вещественные доказательства! Однако пойду переодеваться, весь прокоптился...

Капитан отдал команду идти полным ходом. Жара от пожара становилась невыносимой. Дым душил, пламя захватывало все новые пространства.

— Если бы не водоросли, которые задерживают разлитие нефти, без жертв не обошлось бы, — заметил Муррей.

Через четверть часа «Вызывающий» выбрался из полосы дыма. Все вздохнули с облегчением. На палубу вышел Симпкинс. Он умылся, переоделся и насвистывал что-то веселое. Вивиана смотрела на Остров. Над ним, как необъятный, гигантский зонтик, касавшийся вершиной высоких перистых облаков, расстилался дым, багровый в лучах заходившего солнца. А внизу кипело горящее море. Как пламенные столбы, падали одна за другой высокие мачты. В свете пожара Саргассово море, покрытое водорослями, казалось морем, наполненным кровью...

Властелин мира

I. КАНДИДАТ В НАПОЛЕОНЫ

— Не брызгайте мне на платье, Штирнер! Вы не умеете грести.

— Ну конечно! Женщины, отправляясь кататься на лодке, имеют обыкновение надевать платье из такой материи, на которой брызги воды оставляют неизгладимые пятна.

— Эту остроту вы позаимствовали у Джерома Джерома, из его рассказа «Трое в лодке»?

— Вы очень начитанны, фрейлейн. Я не виноват в том, что это наблюдение Джером сделал раньше меня. Истина остается истиной, хотя бы в лодке ехало и не четверо, а пятеро.

— Нас только четверо! — отозвалась со своей скамьи Эмма Фит.

— Прекрасная златокудрая кукла, — ответил Штирнер, — четвертым пассажиром в лодке Джерома была собака; первым в нашей лодке является мой Фальк...

— Почему первым?

— Потому что он гениален. Фальк! Подай носовой платок фрейлейн Фит — видишь, она уронила его?

Фальк, красивый белый сеттер, ловко прыгнул и подал платок.

Все засмеялись.

— Вот видите! — самодовольно сказал Штирнер. — Фрейлейн Глюк, выходите за меня замуж! Мы откроем с вами бродячий собачий цирк. Я в рыжем парике клоуна стану показывать чудеса дрессировки, а вы будете сидеть у кассы. Только представьте себе эту идиллию: публика валит к нам валом, собаки танцуют, в кассе шелестят деньги... А после сеанса мы пируем за столом в обществе прелестнейших, преданнейших четвероногих друзей. Великолепно! Это гораздо веселее, чем работать у Карла Готлиба.

— Благодарю вас, но я не люблю бродячей жизни.

— Гм... При вашем капитале для вас я слишком ничтожная партия?

— При моем капитале?.. — с недоумением спросила Эльза Глюк.

— Почему же вы удивляетесь? Вы притворяетесь, будто не знаете своего капитала. Ваши чудесные волосы тициановской Венеры... Ведь это натуральный цвет? Не делайте возмущенное лицо, я знаю, что натуральный. А тициановские женщины, было бы вам известно, красили волосы особым составом. Где-то даже сохранился рецепт этого состава. Ну вот, видите. Мировые красавицы, вдохновлявшие кисть Тициана, искусственно создавали то, что щедрая природа отпустила вам без предъявления рецепта... А ваши синие, как небесная бездна, глаза! Уж они, конечно, не искусственно окрашены...

— Перестаньте...

— Ваши зубки — жемчужное ожерелье...

— Потом следует описание коралловых губок, не так ли? Можно подумать, что вы не секретарь скучного банкира, а коммивояжер ювелирной фирмы. Так я же вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..

— А вам больше по душе все круглое? Вот этакое круглое лицо, как у Отто Зауера. Круглые глаза и, быть может, круглый капиталец через десяток лет...

— Вы договорились до пошлости, — с недовольством в голосе произнесла Эльза Глюк.

— Пожалуйста, не считайте капиталы в чужих карманах, — отозвался Зауер, юрисконсульт банкира Готлиба. Зауер был не в духе во время разговора Штирнера с Эльзой и молча рассекал длинными веслами воду, розовевшую в закатных лучах солнца.

Штирнер почувствовал, что он действительно зашел далеко в своих остротах, и стал говорить более серьезно.

— Простите, я никого не хотел обидеть. Я только хотел сказать, что в любви, как и во всем, существует тот же закон борьбы за существование: побеждает сильнейший. Самцы-олени бьются смертным боем, и рогатая четвероногая самка

достается победителю. А кто сильнейший в нашем обществе? Тот, кто владеет капиталом. Представьте себе, фрейлейн, — обратился Штирнер к Эльзе, — что я стал бы вдруг богат, как Крез, нет, еще богаче — как уважаемый патрон Карл Готлиб, — тогда мое лицо в глазах женщины, наверно, показалось бы уж не таким длинным?

— Еще длиннее! — смеясь, ответила Эльза.

— Э! — недовольно произнес Штирнер. — Это оттого, что с вашим капиталом красоты вы и среди готлибов вольны выбирать себе по вкусу. А что остается делать нам — мелкой сошке, всяким секретарям и секретаришкам, которые близко стоят у стола пиршества, но принуждены только подбирать падающие крохи, глотать слюну, видя, как другие упиваются всеми благами жизни?

— Какие у вас некрасивые слова, Штирнер! — сказала Фит.

— Простите, я обращу серьезнейшее внимание на свой лексикон... Честность, — продолжал Штирнер, — вот наш порок, которым пользуются стоящие над нами. Гейне как-то сказал: «Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я один среди них жулик». Но так как кругом — о присутствующих, конечно, не говорят — тоже сплошные жулики, то, чтобы овладеть счастьем, — и он многозначительно посмотрел на Эльзу Глюк[1], — надо, очевидно, стать таким сверхжуликом, по сравнению с которым все остальные жулики казались бы добродетельными людьми.

— Что-то вы, Штирнер, сегодня неудачно развлекаете дам, — опять вмешался в разговор Отто Зауер. — Теперь ваши шутки приобретают слишком мрачный оттенок...

— А? — машинально спросил Штирнер, вдруг понурил голову и замолчал. Лицо его стало старческим. Глубокая складка легла меж бровей. Он казался погруженным в глубокую думу, как будто разрешал какой-то трудный вопрос. Фальк положил одну лапу ему на колено и внимательно смотрел в лицо.

Весла неподвижно лежали в руках Штирнера, с них беспрерывно стекали капли воды, красные, как кровь, в лучах заходящего солнца.

[1]По-немецки «глюк» — счастье.

Эльза Глюк, глядя на сразу постаревшее лицо Штирнера, вдруг вздрогнула и, как бы ища помощи, обратила свой взор на Зауера.

Вдруг Штирнер сильно ударил веслами о воду, бросил их и расхохотался.

— Послушайте, фрейлейн Эльза, а что, если бы я стал могущественнейшим человеком на земле? Если бы одному моему слову, одному жесту повиновались все, как повинуется Фальк?.. Фальк! Пиль! — крикнул Штирнер, бросая в воду стек. И Фальк стрелой кинулся за борт лодки. — Вот так! Если бы я стал властелином мира?

— Знаете, Штирнер, — сказала Эльза, — у вас молодое, но ужасно старомодное лицо. Такие лица встречаются среди фотографий в семейных альбомах. И о них обыкновенно говорят так: «А вот это дедушка в молодости». Вы вот точь-в-точь такой же «дедушка в молодости». Нет, в наполеоны вы решительно не годитесь! Разве биржевой наполеончик из вас выйдет.

— Ах вот как? В таком случае я лишаю вас короны, дворца, золотой кареты, бриллиантового ожерелья и всех ваших придворных пажей и статс-дам. Я лишаю вас моей милости. И знайте, что я вас совсем не люблю. Не подумайте, что я собирался совершать подвиги, как средневековый рыцарь, только для того, чтобы удостоиться получить вашу руку и сердце. Совсем нет! Вы для меня лишь мерило моих достижений. Первая ставка — не больше, вот вам!

— Ну что же! А пока не угодно ли вам приналечь на весла? Пора домой.

Штирнер втащил в лодку мокрого Фалька, который, встряхнувшись, окатил всех брызгами. Глюк и Фит вскрикнули.

— Пропали ваши водобоязненные платья, — сострил Штирнер, сильно налегая на весла.

Лодка быстро поплыла вниз по течению. Солнце скрылось за лесом. Вверху река сверкала, как расплавленное золото, вокруг лодки легли уже синие тени. Потянуло сыростью. Эмма накинула на плечи пушистый платок.

Все замолчали. Зеркальная поверхность реки была неподвижна. Изредка мелкая рыбка прорывала спокойную гладь, сверкнув по поверхности чешуей.

— Я не знал, что вы так честолюбивы, Штирнер, — прервал молчание Зауер. — Скажите, что же тогда заставило вас бросить ученую карьеру и перейти к нам в число скромных служащих Готлиба? Ведь, если не ошибаюсь, вы довольно успешно работали в области изучения мозга, и я даже встречал в газетах несколько заметок о ваших удачных опытах... Как называется эта молодая наука, которой вы тогда увлекались? Рефлексология?

— Я очень смутно представляю, что это за наука, — сказала Эльза.

— Милостивые государыни и милостивые государи! — начал Штирнер таким тоном, будто он читал лекцию в избранном обществе. — Рефлексология есть наука, изучающая ответные реакции человека и вообще всякого живого существа, возникающие в связи с воздействием внешнего мира и характеризующие собою вообще все отношения живого существа к окружающей среде. Понятно?

— Совершенно непонятно, — ответила Эмма.

— Постараюсь выразиться проще. Рефлекс есть передача нерву возбуждения с одной точки тела на другую через посредство центра, то есть мозга. Каждое воздействие извне через органы чувств, путем рефлекса через центр, вызывает к деятельности те или иные органы тела, иначе говоря, вызывает реакцию. Ребенок протягивает руку к огню. Огонь жжет. Это воздействие огня на кожу передается нервами в мозг, а от мозга идет к руке ответная реакция: ребенок отдергивает руку. Представление об огне связывается у ребенка с представлением о боли. И всякий раз, когда ребенок видит огонь, он начинает боязливо отдергивать руку. Получилось то, что мы называем по-ученому условным рефлексом... Приведу более сложный пример. Вы даете собаке есть и одновременно, каждый раз, когда она ест, играете на флейте. Обед с музыкой. Во время еды у собаки обильно отделяется слюна. Через некоторое время, когда игра на флейте тесно свяжется в сознании собаки со вкусовыми ощущениями, вам довольно будет заиграть на флейте, как у собаки начнет усиленно выделяться слюна. Условный рефлекс!.. И подумать только, что самые «святые» чувства человека, как долг, верность, обязанность, честность и даже знаменитый кантовский «категорический императив»,

являются условными рефлексами совершенно такого же порядка, как и выделение собачьей слюны! Процесс создания таких рефлексов сложнее, но существо то же. При таком научном освещении, признаюсь, все эти высокие добродетели не возбуждают во мне особого почтения... Вот поэтому-то мне подчас и кажется, что кому-то выгодно это слюнотечение добродетели, кто-то играет на флейте религии, морали, долга, честности, а мы, глупые, распускаем слюни. Не пора ли бросить весь этот старый хлам и перестать плясать под дудку старой морали?..

Зауер решил изменить разговор и вновь задал Штирнеру вопрос, почему он оставил ученую карьеру.

— Вы так много знаете, Штирнер, — сказал он. — Быть может, на ученом поприще вы скорее достигли бы известности и всяческих успехов.

— А вот почему оставил я ученую карьеру, уважаемый Зауер, — ответил Штирнер с лукавой искоркой в глазах. — Я анатомировал около тысячи человеческих мозгов и, представьте, нигде не нашел ума. И я решил, что с мозгами гораздо приятнее иметь дело, когда они лежат, хорошо зажаренные, на обеденном столе нашего добрейшего патрона.

— Какие гадости вы опять говорите! — услышал Штирнер за собой голос Фит.

— Тысячу извинений! Но уверяю вас, что наш Готлиб не питается человечиной. Разве только иносказательно, ха-ха! Я чувствую, например, что завтра утром он скушает банкирский дом «Тёпфер и К°»... Я же хотел только сказать, что средневековым властителям хорошо было заниматься наукой, когда у них под руками были горы всякой снеди и бочки вина. А теперь... вот я и Зауер всего только скромные служащие банкира, и даже вы, прекраснейшие фрейлейн, его машинистка и стенографистка, получаете больше, чем молодой доктор великолепнейших наук. Как видите, я откровенен. Не я первый и не я последний предпочел чечевичную похлебку будущим благам первородства. Впрочем, как знать? В школе нас учили, что прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками. Но ведь вся эта математика — сущая абстракция. В реальном мире нет прямых линий... Стоп! Вот мы и

приехали. Ну а теперь, — обратился он к Эмме Фит, — дайте мне вашу руку и позвольте проводить до станции...

Штирнер и Фит ушли вперед.

Зауер расплатился за прокат лодки и под руку с Эльзой медленно направился к железнодорожной станции.

Стемнело. Небо усеяли звезды. Дорога была безлюдна.

— Смотрите, как мерцают звезды! Вероятно, наступит ненастье... — сказал Зауер.

— Да, но мы успеем добраться, — ответила Эльза.

— Вы довольны нашей прогулкой, Эльза?

— Не слишком ли фамильярно вы зовете меня? — улыбаясь, спросила Эльза и, не давая Зауеру говорить, продолжала: — Ну, не оправдывайтесь. Я была бы довольна, если бы не этот несносный болтун Штирнер. Бывают же такие пустые люди! Трещит как сорока, никому не дает вымолвить слова. И какие претензии!

— Да, болтун... — задумчиво сказал Зауер. — Но я бы вам посоветовал, Эльза, быть осторожнее с этим болтуном.

Эльза удивленно посмотрела на Зауера.

— Разве я была с ним неосторожна? — И, рассмеявшись, она воскликнула: — Нет, Отто, вы просто ревнуете меня! Но не рано ли? Я вам еще не дала слова. Могу и передумать.

— Вот вы пошутили, а у меня сердце сжалось... Болтун! Конечно, болтун, но он себе на уме. Вы слышали, что он говорил про честность да про кривые линии? Это опасная философия. И я, право, боюсь его, боюсь за вас и за нашего старика Готлиба... Этот болтун говорит неспроста. В его словах что-то есть. Что он замышляет? Я не удивлюсь, если он совершит что-нибудь ужасное...

Эльза вспомнила сосредоточенное, вдруг постаревшее лицо Штирнера, освещенное багровым лучом заходящего солнца, и ей опять стало жутко. Она невольно сжала крепче руку Зауера.

— И ведь как вкрался он в доверие к Готлибу! Тот его теперь ни на шаг не отпускает, переселил к себе в дом... Вечерами Штирнер забавляет старика своими дрессированными собаками...

— Надо отдать ему справедливость, Отто, его собаки изумительны.

— Я этого не отрицаю. Его собаки превосходят все известное в области дрессировки животных. В особенности этот Фальк.

— А его черный пудель, — вспомнила Эльза, — который умеет считать, узнает любую букву алфавита, угадывает без слов все его приказания. Мне иногда жутко делается...

— Да, будто сам черт сидит в этом пуделе. Возможно, что Штирнер умен и талантлив. Но талантливое зло опаснее вдвойне. — И Зауер значительно посмотрел на Эльзу.

— Обо мне вы не беспокойтесь, Отто. На меня его чары не действуют. Мне он был просто безразличен. Но после сегодняшнего вечера, когда я увидела его лицо... Я не знаю, как выразить это... Впрочем, может быть, мы несправедливы к нему. Что это?.. Ах!..

Из темноты бесшумно появился Фальк и, взяв зубами за край платья Эльзы, с веселым ворчаньем потянул ее вперед.

Зауер рассердился на собаку и стал гнать ее. Но Эльза рассмеялась:

— Вы, кажется, становитесь суеверным, Отто. Штирнер, очевидно, прислал Фалька предупредить нас, чтобы мы поторопились.

II. ПОД КОЛЕСАМИ ПОЕЗДА

Дверь из кабинета открылась, и на пороге показался банкир Карл Готлиб в сопровождении личного секретаря Людвига Штирнера.

Утреннее солнце, заливавшее всю комнату через стены из сплошного стекла, заиграло на золотых очках Карла Готлиба. Банкир сощурил глаза и улыбнулся. Ему было около шестидесяти лет, но никто не дал бы ему столько, видя его белое, свежее лицо с румянцем во всю щеку. Гладко выбритый, пахнущий дорогим мылом, хорошими сигарами и духами, всегда довольный, веселый и живой, он воплощал в себе житейское благополучие.

— Ну, как прошла ваша загородная прогулка? — спросил он, пожимая по очереди руки Глюк, Фит и Зауера. — Весело? Много наловили рыбы? Погода была прекрасная, не правда ли? Будьте так любезны, Зауер, отправить вот эти телеграммы.

Биржевой бюллетень получен? Как сегодня курс доллара? Так... так... Хлопковые акции? Идут в гору? Великолепно. Опротестуйте вот эти векселя банкирского дома «Тёпфер и К°». Я не могу делать дальнейших поблажек. Вы сегодня прекрасно выглядите, фрейлейн Фит... А вы о чем-то мечтаете, фрейлейн Глюк? Хе-хе!

И он с лукавым видом погрозил ей пальцем:

— Я, кажется, догадываюсь. Весна несет с собой опасные бациллы. Да-а!

Поправив букетик фиалок в петличке черного сюртука, он посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас десять часов. Поезд отходит в десять сорок пять. Я уезжаю и буду обратно в два часа пятнадцать минут. Еду принимать завод. Мы со Штирнером живо покончим с формальностями. Кстати, проветрюсь, засиделся... Машина подана? Идем, Штирнер!

И, мягко ступая, банкир Готлиб вышел, крикнув уже за дверью:

— Где же вы, Штирнер?

— Сию минуту! — Штирнер быстро прошел в смежную комнату и крикнул: — Фальк! Брут!

Навстречу ему с веселым лаем выбежали две собаки: сеттер, бывший на прогулке, и Брут — огромный дог тигровой масти.

Проходя мимо Глюк, Штирнер склонил голову набок и насмешливо спросил:

— Вы еще не решили?

— Чего?

— Выйти за меня замуж...

Громко рассмеявшись, он бросился со своими собаками догонять патрона.

Эльза нахмурилась. Зауер что-то проворчал, сидя за своим столом.

За окном прошумел отъезжающий автомобиль.

В комнате наступило молчание. Фит трещала на пишущей машинке, Зауер нервно перелистывал какие-то бумаги.

— Собачник! — вновь тихо проговорил он.

— Что вы там ворчите? — окликнула его Глюк.

— Везде со своими собаками! — ответил Зауер. — Не могу

выносить этого кривляющегося господина! Вчера еще говорил о Готлибе, что он чуть ли не питается человечиной, намекая, очевидно, на строгость Готлиба к должникам, а сегодня, видали? Так и юлит около патрона. В глаза смотрит не хуже Фалька!.. Вы думаете, зачем он собак взял? Будет развлекать ими старика на лоне природы...

— Вы, кажется, становитесь придирчивым, Зауер! — сказала Эльза. — А Тёпфера и К° Готлиб скушал — Штирнер угадал...

— Сам же и убедил Готлиба, чтобы тот предъявил векселя ко взысканию, в этом нет сомнения, — хмуро ответил Зауер.

— Зауер просто ревнует! — пропела Фит, улыбаясь.

— Будьте добры переписать эту ведомость! — сухо сказал Зауер, передавая Фит бумагу.

Фит посмотрела, как провинившийся ребенок, и робко ответила:

— Пожалуйста!

Машинка затрещала. Все погрузились в работу, прерываемую звонками телефона.

Около одиннадцати часов раздался новый телефонный звонок. Не отрываясь от делового письма, Зауер привычно слушал телефон.

— Алло! Да, да... Кабинет личного секретариата банкира Карла Готлиба. Что такое? Не слышу! Говорите громче! Случилось? Что случилось? Как? Не может быть!..

Самопишущее перо выпало из рук Зауера. Лицо его побледнело. В голосе послышались такие нервные ноты, что Глюк и Фит бросили работу и с тревожным любопытством следили за ним.

— Попал под поезд?.. Но как же так?.. Извините, но это вполне понятное любопытство!.. Так... так... слушаю... так... Все будет сделано!..

Зауер положил трубку телефона и, проведя рукой по волосам, встал из-за стола.

— Что случилось, Зауер? — с тревогой спросила Фит, поднимаясь. — Кто попал под поезд? Да говорите же скорей!

Но Зауер опять уселся в кресло и сидел молча.

— Да... Я ожидал чего-нибудь в этом роде, — сказал он после паузы и, нервно поднявшись, быстро заговорил: — Мне

только что сообщили по телефону, что Карл Готлиб попал под поезд..

— Но он жив? — спросили одновременно Фит и Глюк.

— Подробности неизвестны...

— Хорошие подробности! — сказала Фит. — Жив человек или нет?

— Я просил объяснить происшедшее, но мне ответили, что теперь не до объяснений... Надо срочно приготовить кровать и вызвать врачей.

— Значит, он жив? — сказала Глюк.

— Может быть... — Зауер нажимал кнопки электрических звонков, вызывая лакеев, отдавал распоряжения, звонил к врачам...

В доме поднялась суматоха. Прибежала встревоженная экономка.

Готлиб был одинок, и все его хозяйство вела «домоуправительница», как ее звали, чистенькая старушка фрау Шмитгоф.

Она была так потрясена, что Эльзе пришлось ухаживать за ней.

Послышался гудок подъехавшего автомобиля.

— Доктор! — вскрикнула Фит.

— Нет, это рожок нашего автомобиля, — ответил Зауер. — Ганс, идите скорее к подъезду!

Лакей Ганс быстро вышел, семеня больными ногами.

В комнате сгустилось напряженное ожидание. Фрау Шмиттоф, полумертвая от страха и волнения, сидела в кресле, тяжело дыша. Из отдаленных комнат послышался тяжелый топот ног, сбивающихся с шага.

— Несут... — прошептала Фит. — Хоть бы он был жив...

Двери широко распахнулись.

Четыре человека несли обезображенный, окровавленный труп Карла Готлиба.

Шмитгоф истерически вскрикнула и упала в обморок.

У Готлиба были отрезаны ноги выше колен.

Пятый человек, в форме железнодорожного служащего, нес какой-то тюк. Фит и Глюк узнали плед Готлиба. Из-под распахнувшегося края пледа выглядывал лакированный ботинок банкира.

«Ноги. Это его ноги... Какой ужас! — подумала Глюк. — Но

зачем их несут? Зачем они теперь нужны ему?» — промелькнула нелепая мысль.

Черты Готлиба мало изменились, но лицо было необычайной белизны, как лист бумаги.

«От потери крови!» — подумала Эльза.

И еще одна подробность поразила ее: в петличке черного сюртука Готлиба сохранился букетик фиалок. Почему-то этот цветок на груди мертвеца необычайно взволновал Эльзу.

Печальная процессия проследовала через кабинет в спальню Готлиба, оставляя на паркете капли крови.

Следом за трупом Готлиба шел Штирнер. Лицо его было бледнее обыкновенного, но спокойно. Он осторожно обходил капли крови на паркете, чтобы не наступить на них, с таким видом, как будто это были дождевые лужи среди дороги.

За ним по пятам шел Фальк. Нервно расширенными ноздрями собака обнюхивала капли крови.

Глюк с непонятным ей самой ужасом посмотрела на Штирнера. Он встретил ее взгляд и, как ей показалось, улыбнулся одними глазами.

Вернувшийся из спальни Зауер подошел к Штирнеру и, глядя ему испытующе в глаза, спросил:

— Как это случилось?

Штирнер выдержал и этот взгляд — только брови его пошевельнулись — и спокойно ответил:

— Я не был очевидцем. Готлиб просил меня отправить срочную телеграмму. Это отняло у меня всего пять минут, не больше. А когда я вернулся, все было кончено. Очевидцы говорят, что моя собака, Брут, испугалась паровоза и, метнувшись в сторону, попала под ноги Готлибу. Старик не устоял на ногах и упал с дебаркадера на рельсы вместе с собакой. Брута разрезало пополам, бедная собака!.. А Готлибу отрезало ноги...

— Вы жалеете только собаку?

— Не говорите глупостей, Зауер. И не придавайте слишком большого значения официальным способам выражения «душевного прискорбия». Готлиб был славный старикашка, и мне жалко его. Но отсюда не следует, что я не могу выразить сожаления о гибели четвероногого друга.

— Как странно!.. — задумчиво проговорил Зауер, как бы

придавая особый смысл своим словам. — Готлиб погиб от Брута!

— Мой Брут не человек, а собака, и Готлиб не Цезарь, а банкир, — ответил Штирнер, насмешливо улыбаясь, и прошел в спальню Готлиба.

III. ДВА ЗАВЕЩАНИЯ

Весть о трагической кончине Карла Готлиба, крупнейшего банкира Германии, взволновала весь коммерческий мир. Кабинет банкира был одним из нервных узлов финансовой и промышленной жизни страны. Готлиб финансировал не только банки, но и крупную промышленность. Немудрено, что неожиданная смерть Готлиба явилась событием дня. Газеты обсуждали возможные последствия этой кончины для тех или иных кредиторов, гадали об изменявшемся соотношении финансовых сил и о судьбе банка, потерявшего своего главу. Задавался вопрос: станет ли кто-либо на место Готлиба, или банк будет ликвидирован. Газетные корреспонденты осведомляли читателей о наследниках — родственниках Готлиба: младший брат покойного, землевладелец Оскар Готлиб, имеет сына Рудольфа двадцати четырех лет и четырех дочерей. Какая-то газета высчитала даже, какой капитал придется на долю молодого человека и богатых невест, хотя точно никто не знал, как велико было имущество.

Коммерсанты волновались, газеты шумели, а в доме Карла Готлиба заканчивался последний акт трагикомедии человеческой жизни.

В доме уже распоряжались на правах законных наследников экстренно вызванные Оскар Готлиб, красный, загорелый, неповоротливый человек, и его веснушчатые лопоухие дети.

Оскар Готлиб хмурился и поджимал губы. Возможность разбогатеть зажигала искорки в его прищуренных глазах. Но чувство такта и отчасти искреннее сожаление о потере брата делали его сдержанным. Зато его дети ликовали открыто, без удержу предаваясь сладкому предвкушению обладания богатством. Сын Рудольф, Луиза и Гертруда — старшие дочери Оскара — ходили из комнаты в комнату, осматривали картины, трогали дорогие безделушки, присаживались на мягкие крес-

ла, ощупывали руками материю, делили вещи между собой, спорили, смеялись, строили планы...

Изуродованное тело Карла Готлиба, вместе с отрезанными ногами, похоронили в дорогом склепе тяжеловесной архитектуры. Следующий за похоронами день назначили для вскрытия завещания.

Акт этот был обставлен довольно торжественно. Были приглашены и некоторые служащие Карла Готлиба, в том числе Зауер, Штирнер, Глюк и Фит.

Штирнер со скучающим видом сидел за письменным столом и рисовал на листе бумаги собак.

— Послушайте, вы секретарь моего покойного дядюшки? — окликнул его Рудольф Готлиб. — Будьте так добры, проводите меня в верхний этаж, я хочу осмотреть...

Штирнер молча надавил кнопку звонка на столе. В дверях показался лакей.

— Ганс, проводите господина Готлиба-младшего в верхний этаж! — И Штирнер опять углубился в рисование собак.

Рудольф промолчал, но краска гнева залила его веснушчатое лицо.

Зауер, который наблюдал эту сцену, сидя в углу с Глюк и Фит, усмехнулся:

— Смотрите, Эльза, Штирнер держится так, как будто он сам наследник... Признаться, я не понимаю его игры. Он точно сам напрашивается на то, чтобы новые хозяева выбросили его за дверь...

— Еще неизвестно, что будет с нами, — озабоченно сказала Эмма.

— Ну что же, уволят — придется поступить кассиршей в бродячий цирк, — рассмеялась Эльза.

— Перестаньте шутить, Эльза. Я говорю совершенно серьезно. Штирнер явно ведет какую-то большую игру. — Понизив голос, Зауер продолжал: — Вам не кажется, что смерть Карла Готлиба произошла при странных обстоятельствах?

Эльза посмотрела на Зауера:

— Что вы хотите сказать, Отто? Ведь Штирнера даже не было в момент катастрофы...

— Ага! Значит, и вам эта мысль приходила в голову — мысль о том, что смерть Готлиба не случайна? Собака! Что,

если собака действовала по необъяснимому внушению? Если я не ошибаюсь, Штирнер в своей научной работе как раз занимался вопросами внушения и передачи мыслей на расстояние... Вы знаете, какие чудеса он проделывает со своими собаками? Помните, вечером, когда мы возвращались с прогулки, Фальк подбежал к вам...

— Какие ужасы! — прошептала Фит. — Вдруг он внушит собакам и они загрызут нас?..

Зауер усмехнулся:

— От этого он не получит пользы... Собаки Штирнера, простите мне, охотятся на более крупную дичь. Но какую пользу извлечет он из смерти Готлиба? Этот странный человек окружает себя глубокой тайной. Вы знаете, мы с ним служим более года и каждый день видимся, но ни я, ни кто-либо другой никогда не были в его комнате. Что он там делает? Какие замыслы обдумывает он в тиши?..

— ...И не подумаю. Ты можешь взять себе пейзаж Коро, но святого Себастьяна я не уступлю!

Сестры Готлиб прошли мимо, споря о дележе дядюшкиного наследства.

Зауер замолчал.

По дому раздались звонки, сзывающие всех в большой кабинет покойного хозяина. Там уже сидел за письменным столом нотариус, сухонький бритый старичок, в очках в черной черепаховой оправе. Он был большой формалист и категорически отказался сообщить наследникам что-либо о содержании завещания до его вскрытия. И теперь Готлибы с невольным волнением смотрели на толстый портфель нотариуса, скрывавший тайну наследства. Нотариус не спеша извлек из портфеля пакет, предъявил его для обозрения целости печатей, вскрыл и начал читать.

По завещанию все имущество переходило брату покойного, Оскару Готлибу, с выделением довольно крупной суммы фрау Шмитгоф и более мелких — старым служащим.

Готлибы вздохнули с облегчением, выслушав завещание до конца. Но их лица вдруг вытянулись, когда нотариус среди наступившей тишины сказал:

— Это первое завещание...

— Значит, есть и второе? — с тревогой спросил Оскар Готлиб.

— Есть, и я оглашу его, — ответил нотариус. После той же процедуры осмотра печатей он вскрыл и огласил и второе завещание, сделанное всего за месяц до смерти Карла Готлиба.

«В отмену всех ранее составленных завещаний все принадлежащее мне благоприобретенное движимое и недвижимое имущество, в чем бы оно ни заключалось, завещаю в полную собственность служащей у меня стенографисткой Эльзе Глюк. По личным обстоятельствам я не могу открыть мотивы, по которым я лишаю моих родственников наследства и передаю его Эльзе Глюк, но, дабы первые не оспаривали судебным порядком завещанных ей прав у последней, укажу, что к этому побудили меня: 1) одна услуга, оказанная мне Эльзой Глюк, — услуга, о которой я не буду говорить, но ценность которой не покрывается даже оставленным капиталом, и 2) некоторые обстоятельства совершенно личного характера, заставившие меня вычеркнуть брата моего, Оскара Готлиба, из списков близких мне людей...» Переведенное на доллары имущество наследователя, по предварительному подсчету, определяется в два миллиарда, — закончил нотариус.

Оскар Готлиб откинулся на спинку кресла. Глаза его стали мутны. Он со свистом дышал широко открытым ртом, нервно перебирая пальцами. Казалось, его поразил удар. Сестры Готлиб, обнявшись, рыдали, склонив головы на плечи друг друга.

Рудольф побледнел так, что все веснушки, как брызги грязи, выступили на его лице.

— Не может быть!.. Не может быть!.. — вдруг закричал он истерически. — Ложь! Обман! Преступление!.. Мы этого так не оставим! Здесь все мошенники!

Нотариус пожал плечами:

— Молодой человек, будьте осторожны в словах. Я выполнил только свой долг. Вы можете оспаривать завещание законным порядком, если находите его неправильным. А пока я принужден передать его наследнику.

Встав из-за стола, нотариус подошел к Эльзе Глюк и почтительно передал ей завещание.

Эльза подняла брови в полном недоумении и машинально взяла бумагу.

Ошеломленный Зауер уставился на Эльзу. Эмма Фит не знала, радоваться ей или плакать. И только нотариус и Штирнер сохраняли спокойствие.

Вдруг Оскар Готлиб покачнулся и стал сползать с кресла. К нему бросились на помощь.

— Доктора!..

Поднялась суматоха.

IV. СЧАСТЛИВАЯ НЕВЕСТА

До утверждения завещания Карла Готлиба над его имуществом была учреждена опека, причем Оскар Готлиб добился того, что опекуном был назначен он. Поэтому Готлибы остались жить в доме покойного банкира, и молодой Рудольф Готлиб по-прежнему держался с независимостью будущего владельца, твердо надеясь, что правосудие «восстановит права законных наследников».

Выявление огромного имущества покойного требовало присутствия всех служащих. Поэтому на другой день после вскрытия завещания к работе вернулись все, не исключая и Эльзы.

— Вы?.. — удивленно встретил ее Зауер. — В качестве кого явились вы сюда?

— В качестве стенографистки, — просто отвечала она.

— Миллиардерши не служат стенографистками! — ответил он ей. Отведя Эльзу в сторону, Зауер сказал: — Прошу вас, присядьте... Нам с вами нужно серьезно переговорить...

Они уселись. Отто, бледный после бессонной ночи, тер лоб рукой, собираясь с мыслями.

— Со вчерашнего дня у меня в голове такой кавардак, что я потерял способность связной речи. Или я подозревал Штирнера в преступлении неосновательно, или... или он опаснее, чем я думал... Но одно для меня ясно, что между мною и вами воздвигается неодолимая преграда... Вы уходите от меня, Эльза!

Эльза с недоумением и упреком посмотрела на него.

— Скажите мне искренне, Эльза, положа руку на сердце, вы ничего не знали о том... счастье, которое ожидало вас?

— Ничего не знала, — твердо отвечала Эльза.

— Но должны же вы знать по крайней мере о той вашей

необычайной, — подчеркнул Зауер, — услуге Карлу Готлибу, которая оценена им выше всех его богатств?

— Насколько помню, никакой услуги я ему не оказывала.

Зауер опять приложил руку к своему разгоряченному лбу.

— От этого можно сойти с ума... Допустим, что тут замешан Штирнер — впрочем, я уже сам не уверен в этом, — допустим, он как-нибудь повлиял на старика Готлиба, ловко убедил его в этой несуществующей услуге, которая будто бы обязывала Готлиба быть вам благодарным... Но почему Штирнер тогда не употребил завещание на свое имя? Или... — Зауер вдруг весь как-то выпрямился, и лицо его исказилось болью. — Простите, Эльза, но я должен задать вам еще один крайне щекотливый вопрос: может быть, между вами и Карлом Го́тлибом были близкие...

Эльза встала возмущенная.

— Ну, ну, не буду, успокойтесь! Садитесь, прошу вас... Вы же видите, что я вне себя... Мне приходят в голову совершенно нелепые мысли. Ах, это такая пытка!.. Я должен сразу высказать вам все мои сомнения, они мучили меня всю ночь. Чего я не передумал!.. Я думал, может быть, вы... дочь Готлиба...

— Послушайте, Зауер, я сейчас же уйду, если вы...

— Или, может быть... — ха-ха-ха! — вы действуете заодно со Штирнером и являетесь только ширмой для него...

Эльза встала вторично, но Зауер взял ее за руку и насильно посадил:

— Садитесь! Вы должны это выслушать. Поймите, то, что я говорю вам так резко, открыто, в лицо, будут говорить и уже говорят за вашей спиной. Неужели вы не понимаете, что это завещание бросает тень на ваше доброе имя?

— Слушайте, Зауер, я люблю вас — видите, я говорю вам это открыто, — но всякому терпению есть конец. Если в вас говорит даже безумие, то... я не переношу таких форм безумия. Кто дал вам право оскорблять меня безнаказанно?

— Право, право! Кто дал право подвергать меня пыткам ужасных подозрений?.. Откуда они? — Зауер замолчал и устало опустил голову.

Эльзе стало его жалко. Она ласково коснулась его руки и тихо сказала:

— Никто вас не подвергал пыткам, вы сами мучаете себя.

И для чего? Ведь поймите, Отто, что в наших отношениях ничего не изменилось, и я не понимаю, о какой стене вы говорите.

— Как ничего не изменилось? А миллионы, миллиарды Карла Готлиба! Вы одна из самых богатых женщин в стране, а я... У меня своя, мужская гордость. Я беден и не хочу, чтобы про меня говорили, что я женился на деньгах. Деньги! Разве это не стена?

— Да кто вас убедил в том, что эта стена из мешков с золотом будет стоять между нами? Никакой стены нет и не будет!

Отто Зауер смотрел на Эльзу, еще не понимая, но уже чувствуя облегчение.

— Что вы хотите сказать, Эльза?

— Да то, что совсем не надо быть юрисконсультом Отто Зауером, не спать ночей, доводить себя до помешательства, чтобы понять всю неловкость получения этого наследства. Я и не думаю принимать дара Карла Готлиба. Я откажусь от прав на наследство, вот и все.

— Эльза! Вы? — Зауер крикнул так громко, что Эмма Фит, работавшая в другом конце комнаты, прекратила свою трескотню на машинке.

— Что с вами, Зауер? Вы меня испугали.

— Ничего, флейлейн, это от радости, оттого, что я вдруг стал богат! Богат безмерно!..

— Значит, вы женитесь на Эльзе? — по-своему поняла Эмма и бросилась целовать смеющуюся подругу и поздравлять сияющего Зауера.

— Что это за семейная сцена? С чем вас поздравляют? — вдруг услышали они голос вошедшего в комнату Штирнера.

— Такое счастье! Эльза выходит замуж за Зауера!.. И они будут безмерно богаты! — воскликнула Эмма, обращаясь к Штирнеру.

— Это правда? — спросил Штирнер.

Эльза и Зауер переглянулись. Эльза помедлила несколько мгновений и потом твердо сказала:

— Да, это правда. Можете нас поздравить.

Зауер был так счастлив, что крепко пожал протянутую Штирнером руку:

— Ну что ж, поздравляю вас, мои будущие хозяева, если,

впрочем, вы пожелаете воспользоваться моими услугами. А если нет, всего хорошего! Чемодан на плечи, собираю своих собак и отправляюсь с бродячим цирком... Делать нечего, придется искать другую кассиршу... Может быть, куколка согласится? Эмма, вы согласны? Что с вами, деточка? Вы плачете?

— Это... от... радости! — проговорила Эмма.

— Так ли? — смеялся Штирнер. И, погрозив ей пальцем, он сказал: — Куклы также должны уметь скрывать свои чувства. Признайтесь, вам немножечко жалко Людвига, а? Чуточку любили его, а?..

Вошел лакей.

— Господин Готлиб-старший просит господина Отто Зауера в кабинет.

Зауер кивнул головой Эльзе и неохотно вышел из комнаты. Оставшись наедине с Эльзой, Людвиг Штирнер вдруг стал серьезным.

— Это решено, фрейлейн Глюк?

— Да, это решено.

Штирнер задумался. Потом спросил:

— А я? Я не имею у вас ни малейших шансов на успех?

— Теперь меньше, чем когда-либо... Послушайте, Штирнер, вы, как мне кажется, единственный человек, который может рассеять туман во всем этом деле. Ответьте мне на несколько вопросов.

— Я вас слушаю.

— Можете ли вы объяснить мне тайну завещания?

— Она умерла вместе с Карлом Готлибом.

— Этот ответ не совсем удовлетворяет меня. И еще один, самый тяжелый вопрос: существует ли связь... между составлением завещания и внезапной смертью Карла Готлиба?

— Самая тесная: как только умер Готлиб, стало возможным предъявить завещание к утверждению и вступить в права наследства — это вам скажет каждый юрист.

— Или вы не хотите меня понять...

— Или вы из деликатности выражаетесь слишком туманно. Говорите прямо: не являюсь ли я виновником смерти старика?

Эльза покраснела:

— Вы сами виноваты, Штирнер. Помните, вы называли

честность пороком... И мне трудно примириться с мыслью, что среди знакомых, которым пожимаешь руку...

— Есть рука, обагренная кровью невинного младенца шестидесяти лет? И с этакими руками я осмеливаюсь просить вашей руки...

— Послушайте, Штирнер, где же вы? Так нельзя. Мы давно ждем вас, — проговорил Оскар Готлиб, появляясь в дверях комнаты.

Штирнер неохотно поднялся и вышел.

— О чем он с тобой так долго говорил? — подбежала к Эльзе любопытная Эмма.

— Он мне предлагал руку, сердце и земной шар в виде свадебного подарка.

— И что же ты? Два предложения в один день! Счастливая!

— Эмма, ты знаешь, я отказалась от наследства, — сказала Эльза.

Эмма широко раскрыла свои глаза.

— Ну, и ты не умней Штирнера!..

V. ЗАПУТАННАЯ ИСТОРИЯ

Оскар Готлиб не умер, но неожиданная потеря наследства, которое ушло из его рук, потрясла его старый организм. С осунувшимся, почерневшим, опухшим лицом сидел он в кабинете известного адвоката Людерса и говорил, склонив голову набок и нервно покручивая в руках карандаш:

— Это дело о наследстве — какая-то сплошная чертовщина и нелепица. Может быть, мой сын Рудольф прав, утверждая, что тут одна шайка. Шайка преступников или сумасшедших. Судите сами. На другой день после вскрытия завещания я пригласил к себе Отто Зауера, юрисконсульта моего покойного брата, чтобы переговорить с ним о деле. Зауер, как близкое доверенное лицо покойного Карла, мог, как мне казалось, пролить свет на эту невероятную историю завещания. Но Зауер или действительно ничего не знал об изменении завещания, или не хотел мне говорить правды. Зато Зауер неожиданно сообщил мне другую новость — что Эльза Глюк отказывается от наследства. Я вызвал к себе Глюк, и она подтвердила это. У меня как камень свалился с сердца. Не прошло, однако,

нескольких дней, как завещание было предъявлено в суд к утверждению тем же Зауером по доверенности Эльзы Глюк. «Что же вы делаете?» — спросил я его. Зауер пожал плечами: «Наследница изменила свое намерение».

— А Эльза Глюк? С ней вы говорили еще раз? — спросил адвокат, попыхивая сигарой.

— Говорил. Она произвела на меня странное впечатление. Какое-то каменное спокойствие на лице, тусклый взгляд, вялые движения, будто она не выспалась. «Фрейлейн Глюк, — говорю ей, — ведь вы же отказались от завещания?» — «Не знаю, не помню... может быть», — вяло ответила мне она. «Так зачем же вы подали завещание к утверждению?» Она удивленно смотрит на меня и молчит, молчит как убитая. Так я мучился с ней около часа. А потом она вдруг поднялась и, ни слова не говоря, вышла.

— Может быть, она изменила свое решение под влиянием жениха? — спросил адвокат. — Ведь Зауер ее жених?

— Я тоже так думаю. Но удивительно, что и этот жених тоже выглядит каким-то помешанным. Он мрачен, как туча, будто получение его невестой огромного наследства — страшное несчастье. Зауер мрачен, зол и раздражителен. Или он хороший актер, или они все там помешались...

Но как бы то ни было, — продолжал Оскар Готлиб, положив карандаш в карман и тотчас вынув его обратно, — завещание предъявлено, и надо бороться. Как ваше мнение, господин адвокат?

Людерс откинул на спинку кресла голову без единого волоска на розовом черепе и, следя за тающим кольцом дыма, начал говорить, как бы рассуждая сам с собой:

— Опровергнуть завещание в исковом порядке по формальным основаниям нельзя: завещание совершено нотариальным порядком, с соблюдением всех законных требований. Протоколом судебного и полицейского дознания установлено, что смерть Карла Готлиба явилась результатом несчастного случая, исключающего злой умысел. Что же остается нам? Доказывать ненормальность завещателя в момент составления завещания. Это единственный, но и весьма шаткий путь...

Пустив новое колечко дыма, Людерс обратился к Оскару Готлибу:

— Скажите мне по чистой совести, каковы были у вас отношения с покойным братом? Не было ли у вас... э... э... размолвок, неладов?

— Никаких! — решительно ответил Оскар Готлиб.

— Но этот намек во втором завещании?

Оскар Готлиб покраснел и заерзал на стуле.

— Этот намек! Поймите, что этот намек и служит главной причиной моего желания предъявить иск о недействительности второго завещания. Этот намек позорит меня. Если нелегко примириться с лишением прав на наследство, то еще тяжелее примириться с этой инсинуацией покойного... Я не знаю, чем она вызвана, но здесь какое-то недоразумение. Возможно, что кто-нибудь злонамеренно очернил меня в глазах брата.

— Да, запутанная история... Постараюсь сделать все, что можно, но за успех ручаться трудно.

И, пустив третье колечко дыма, знаменитый адвокат перешел на более легкую и приятную для него тему о гонораре.

VI. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Судебный процесс Оскара Готлиба с Эльзой Глюк возбудил большой шум. Головокружительный гонорар, который должен был в случае выигрыша дела получить знаменитый адвокат Людерс, огромная сумма, оставленная Готлибом по завещанию, неожиданность его посмертной воли, красота новоявленной наследницы, внезапная смерть Готлиба через месяц после составления завещания — все это служило неисчерпаемой темой для газетных заметок и в еще большей степени для обывательских разговоров. Высказывались самые невероятные предположения, велись горячие споры, заключались пари. Больше всего интересовались взаимными отношениями братьев Готлиб, а также отношением Эльзы Глюк к Карлу Готлибу и Зауеру. Какие нити связывали этих людей? Что произошло между Оскаром и Карлом Готлибом? Почему покойный лишил наследства своего брата? Этот вопрос интересовал и суд.

Иск Оскара Готлиба, построенный умелой рукой адвоката Людерса, основывался на том, что завещатель в момент завещания не находился «в здравом уме и твердой памяти». К до-

казательству этого были приложены все старания. Труп Карла Готлиба потревожили, и лучшие профессора произвели анатомирование мозга. В представленном по этому поводу в суд протоколе были очень подробно описаны вес, цвет мозга, количество мозговых извилин, начинающийся склероз, но основная задача была не решена.

Сделать прямые выводы о психической ненормальности Карла Готлиба эксперты не решались, хотя — не без влияния Людерса — и нашли «некоторые аномалии».

Но у Людерса про запас имелись еще хорошо подготовленные свидетели. С ними Людерсу оказалось управиться легче, чем с экспертами.

Карла Готлиба, стоявшего во главе огромного дела, окружало много людей. Среди них не трудно было навербовать свидетелей, готовых дать за приличное вознаграждение какие угодно показания. Руководимые опытной рукой, свидетели приводили много мелких случаев из жизни покойного, которые подтверждали мысль о том, что Карл Готлиб, возможно, был ненормален.

Главный бухгалтер рассмешил публику, описав одну странность покойного: его чрезмерное, доходящее до мании, увлечение рационализацией. Карл Готлиб, например, устроил особый лифт, на площадке которого было установлено кресло, стоящее у его письменного стола. Лифт соединял три этажа. Готлиб нажимал кнопку, и из своей квартиры, находящейся во втором этаже, проваливался в первый, где помещался банк. Подписав бумаги или лично повидавшись с нужным клиентом, он возносился на своем кресле, подобно театральному божеству, во второй этаж, прямо к столу и продолжал начатую работу.

Готлиб не любил, чтобы во время его работы являлись слуги или служащие. «Это расстраивает работу мыслей», — говорил он. Поэтому по всему дому были проведены особые движущиеся бесконечные ленты — транспортеры. Если Готлибу нужна была книга из библиотеки или стакан кофе, он заказывал нужную вещь по телефону, и на бесшумно двигающейся ленте транспортера к его столу подъезжали поднос со стаканом кофе, книга, ящик с сигарами.

— Его увлечение гигиеной также граничило с манией, —

говорил один из свидетелей. — Во всех комнатах были расставлены термометры, гигрометры и сложные аппараты, определяющие состав воздуха и очищающие его. Готлиб не признавал обычной вентиляции. «Наружным воздухом, отравленным пылью и бензиновой гарью, не очистишь воздуха в доме», — говорил он. И воздух очищался химически. Специально приставленное лицо следило за тем, чтобы температура неизменно стояла на двенадцати градусах Цельсия: летом она искусственно охлаждалась до этого предела, чтобы воздух был не сух и не влажен, чтобы в нем не убывал кислород и не появлялась углекислота; воздух искусственно озонировался.

Новые, более покладистые или лучше оплаченные Людерсом, эксперты-психиатры на основании этих показаний дали свое заключение с мудрым названием психоза покойного Готлиба. Дело начало явно склоняться в пользу Оскара Готлиба. Оставался только один вопрос, осложнявший решение суда, — отношение Карла к Оскару. Правда, и по этому вопросу ряд свидетелей дал благоприятные показания, подтвердив наличность «братских чувств» между Карлом и Оскаром. Но разрыв между братьями мог произойти на какой-нибудь интимной почве, неизвестной даже близким людям. К счастью для Оскара, доказать существование происшедшей между братьями ссоры никто не мог. Людерс уже предвкушал победу, мысленно распоряжаясь крупным гонораром. Дача в Ницце... Новый автомобиль... Мариэтт... Людерс улыбнулся и сощурил глаза, как кот. Ради этого стоило повозиться с экспертами и свидетелями!.. Людерс старался вовсю, внеся в дело свои недюжинные способности и ораторский талант.

В тот день, когда суд должен был вынести решение, огромный зал суда не мог вместить всех желающих услышать приговор. Любопытные искали глазами Эльзу Глюк, но ее не было. Зауер защищал ее интересы.

Людерс превзошел себя и произнес блестящую речь. Он тонко анализировал показания свидетелей и экспертов, делал неожиданные сопоставления и выводы, блестяще отпарировал выступление мрачного Зауера. Несколько раз остроумные замечания Людерса покрывались аплодисментами публики, в большинстве, видимо, стоявшей на стороне «законных наследников», то есть Оскара Готлиба. При всей внешней бес-

пристрастности судей было видно, что и они склоняются в пользу Готлиба.

— Что касается отношений покойного Карла Готлиба к моему доверителю, Оскару Готлибу, — сказал в конце своей речи Людерс, — то, каковы бы они ни были, какое значение могут иметь симпатии и антипатии душевнобольного? Зауер говорит, что Карл Готлиб вел крупное дело. — Людерс пожал плечами. — История знает примеры, когда безумные короли управляли огромными государствами и народ даже не догадывался об этом...

Часть публики зааплодировала. Председатель суда позвонил в звонок.

В этот момент со своего места поднялся Оскар Готлиб. Он имел какой-то сонный вид. С безжизненным лицом, волоча ноги, он равнодушно подошел к столу, за которым сидели судьи, и вяло сказал:

— Прошу слова.

Наступила глубокая тишина. Как бы что-то припоминая, с трудом подбирая слова, Оскар Готлиб проговорил:

— Неверно... Неверно говорил Людерс. Карл был нормален и здоров. И Карл по заслугам лишил меня наследства. Я виноват перед ним.

Зал напряженно затих. Людерс растерялся, потом бросился к Оскару Готлибу и с раздражением дернул его за рукав.

— Что вы говорите? Опомнитесь! Вы губите все дело! Вы с ума сошли! — шипел он, задыхаясь, на ухо старику.

Оскар отдернул руку и с неожиданным раздражением крикнул:

— Что вы тут шепчете? Не мешайте! Уйдите! Я виноват перед Карлом... Я не могу говорить, в чем моя вина... Это дело семейное... Но это и не важно...

Даже судьи были поражены.

— Но отчего же вы только теперь говорите об этом? — спросил председатель суда.

— Потому теперь... потому... — Готлиб задумался, как бы потеряв мысль, потом продолжал: — Потому что я не знал, что некоторые обстоятельства стали известны покойному брату. Я узнал об этом только сегодня. Не я, а Эльза Глюк заслужила это завещание.

Судебный зал вдруг зашумел, как прорвавшаяся плотина. Звон колокольчика председателя заглушался поднявшимися криками. Людерс был бледен; покачиваясь, подошел он к пюпитру и дрожащей рукой налил воды. Стакан звенел о зубы, и вода пролилась на грудь.

Зауер казался удивленным не менее других.

А Рудольф Готлиб, красный, разъяренный, бросился к отцу и, тряся его за плечи, что-то кричал. Но Оскар был безучастен ко всему. Тогда Рудольф подбежал к судебному столу и, потрясая кулаками, покрывая шум зала, закричал:

— Неужели вы не видите, что он сошел с ума? Тут все или сумасшедшие, или преступники... Я этого так не оставлю!

Суд прекратил заседание. Председатель приказал очистить зал.

VII. ПРОПАВШИЙ НАСЛЕДНИК

В иске было отказано, завещание утвердили. Эльза Глюк становилась наследницей.

Ни Рудольф, ни Людерс, у которого сорвался огромный гонорар, не хотели примириться с этим. Но как быть?

Освидетельствовать Оскара Готлиба, признать его ненормальным и учредить над ним опеку в лице Рудольфа, чтобы иметь возможность апелляции?

Дело осложнялось тем, что Оскар тотчас после суда исчез бесследно. Заочно объявить его недееспособным не представлялось возможным. Рудольф залезал в долги, швыряя деньги на поиски пропавшего отца, обещал крупную награду. Но отец не находился. Срок для обжалования близился к концу.

В отчаянии Рудольф бросился к Эльзе Глюк. Она еще не перебралась в дом Карла Готлиба, переходивший к ней по завещанию, но пунктуально являлась туда, не прекращая работы. В комнате личного секретариата Штирнер что-то диктовал ей, она записывала. Могло показаться странным, что она сидит за прежней работой, но Рудольф был в таком состоянии, что не обращал ни на что внимания.

— А, молодой человек, ну, как ваши дела? — спросил его Штирнер с улыбкой.

— Это вас не касается, молодой человек, — с раздражени-

ем ответил Рудольф, — мне нужно переговорить с фрейлейн Глюк! — И Рудольф вопросительно посмотрел на Штирнера, как бы приглашая его выйти. Штирнер прищурил один глаз.

— Кон-фи-денциально? Пожалуйста! — И он вышел.

Рудольф, взъерошив волосы, стал бегать по кабинету.

— Фрейлейн!.. Фрейлейн!.. — начал он и вдруг, закрыв лицо руками, заплакал навзрыд.

— Что с вами? — спросила Эльза, растерявшаяся от такой неожиданности.

Рудольф подбежал к ней, бросился на колени и, ломая руки, стал просить прерывающимся от слез голосом:

— Умоляю вас!.. Не губите меня. Откажитесь от наследства! Ну на что оно вам? То есть оно громадно, кто же откажется от богатства? Но ведь оно не для вас, я хочу сказать, вы ни при чем, оно к вам пришло неожиданно... Ах, у меня мысли путаются... А я?.. Я ведь только и жил мыслью об этом... Отец скопидом, дрожит над каждым грошом. Я наделал столько долгов... Вы! Почему вы? С какой стати вы? Ведь это же нелепо, ни с чем не сообразно, чудовищно! Ведь это... я не знаю, что говорю, но вы поймете, поймете и пожалеете меня... Откажитесь от наследства, иначе... я покончу с собой.

— Я не могу этого сделать, — спокойно ответила Эльза.

— Как не можете? Кто же вам может помешать? Разве вы не отказывались от него?

— Я не помню...

— Сжальтесь, сжальтесь, умоляю! Иначе я... покончу с... да, я уже говорил об этом... — Рудольф вскочил и, трепля рукой свою рыжеватую шевелюру, вновь забегал по комнате. Он казался безумным. Вдруг он остановился и, уставив взгляд в одну точку, сжал левой рукой подбородок. — Проклятие! Проклятие этим рыжим волосам, этому веснушчатому лицу! — И он дергал себя за волосы и бил по щекам. — Если бы я был хоть красив... А вы, вы прекрасны... Если бы вы, если бы я... если бы я сделал вам предложение?

Эльза улыбнулась. Раскрасневшийся, с взлохмаченными рыжими волосами, он был необычайно смешон в эту минуту.

— Благодарю вас, но у меня есть жених.

— Конечно, чепуха. Я просто с ума схожу и выбалтываю свои мысли. Вы прекрасны, но не вы, ваше богатство нужно

мне. Я, однако, не мог думать, чтобы такая красота могла быть такой недоброй и... корыстной! — добавил он желчно после короткой паузы.

Эльза нахмурилась:

— Я не корыстна.

— Тогда что же мешает вам отказаться от наследства и сделать меня и моих сестер счастливейшими людьми?

Подбежав к ней, он вдруг схватил ее за руку и, глядя прямо в глаза, со всей силой ненасытного желания, задыхаясь, молвил:

— Откажитесь! Откажитесь! Откажитесь!..

По спокойному лицу Эльзы прошла тень. Брови нахмурились, в ней как будто поднималась борьба.

Рудольф, несмотря на все свое волнение, заметил это и начал просить с удвоенной силой.

Но в тот момент лицо Эльзы вновь приняло спокойное выражение, веки полузакрылись, и она тихо, но решительно сказала:

— Пустите, — высвободила руки и, ни слова больше не говоря, пошла к двери.

— Куда же вы? Подождите! — Рудольф бросился за Эльзой, пытаясь ухватить ее за руку. Но в этот момент дверь комнаты открылась, вбежала собака и с угрожающим ворчанием стала между Рудольфом и Эльзой. Вслед за собакой появился Штирнер.

— Э, это уж нехорошо! — сказал он. — Кто же хватает за руки чужих невест?

Рудольф стоял, дрожа как в лихорадке, и мерил Штирнера недружелюбным взглядом. Штирнер спокойно и насмешливо смотрел на него.

Рудольф топнул ногой, быстро повернулся на каблуках и выбежал из комнаты.

Прыгнув в автомобиль, он стал бормотать, как в бреду:

— Все погибло! Все погибло!..

— Куда прикажете? — спросил шофер.

— Все погибло! Все погибло! К Людерсу...

С этими же словами — «Все погибло!» — он вбежал в кабинет Людерса, не обращая внимания на клиентку, которая сидела у адвоката.

— Людерс! Все погибло... Она отказала... Эльза отказала по всем пунктам, этого и надо было ожидать... Завтра истекает срок на подачу апелляции. Отец пропал... Если бы мы хоть знали, что он умер... Но нет, и тогда было бы поздно!.. Опеку не учредишь в несколько часов... Все погибло... Остается одно: подать апелляцию... Доверенность моего отца на ваше имя не уничтожена...

— Но это безнадежно при наличии в деле заявления Оскара Готлиба.

— Все равно, подавайте!.. Может быть, отец найдется к тому времени, когда дело будет пересматриваться.

Людерс пожал плечами, но подумал, что, пожалуй, это и верно. Главное — не пропустить срока, а там обстоятельства могут повернуться иначе.

Апелляция была подана. Но Оскар Готлиб по-прежнему не подавал о себе никаких вестей. Все способы проволочек были исчерпаны, дело было проиграно Готлибами во всех инстанциях.

Эльза Глюк вступила в права наследства.

VIII. СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ

Увлечение покойного банкира рационализацией сказалось и на архитектуре его дома, построенного по последнему слову американизированной строительной техники. Красота этой новой архитектуры определялась новым каноном: утилитаризмом. Весь огромный, растянутый в длину трехэтажный дом Готлиба был сделан из железа, стекла и бетона и внешне был скучно прямолинеен, как разграфленный лист гроссбуха. Ни одной радующей глаз кривой линии, ни одного украшения. Огромные стекла во всю стену придавали дому вид какого-то гигантского аквариума. Казалось, стекла были слишком хрупкой защитой для миллионов, которыми ворочал банк Готлиба. Но «золотые рыбки» этого аквариума хранились глубоко на дне его — в подземном этаже. Сталь и бетон этого казнохранилища способны были выдержать налет не только земных, но и воздушных бандитов. Сотни автоматических звонков и световых сигналов, особые перископы, дающие возможность находящимся в первом этаже сторожам видеть, что делается в подвале, автоматически захлопывающиеся две-

ри, электрические заградители и киноаппараты обрекали на неудачу всякую попытку проникнуть сюда силой или хитростью. В свое время Готлиб немало бросил денег на то, чтобы через репортеров, описывающих все эти чудеса заградительной техники, оповестить весь мир о неприступности его банковской твердыни и отбить охоту любителям легкой наживы проникнуть в подвалы. И действительно, за десять лет был только один случай покушения, и он окончился очень плачевно для смельчаков: двое взломщиков, лучшие специалисты своего дела, были захлопнуты автоматической дверью, как мыши в мышеловке.

Автоматически приведенный в действие киноаппарат заснял это происшествие, и картина демонстрировалась во всех кинематографах, как образец наказанного порока. Правда, злые языки утверждали, что все это ограбление было инсценировано самим Готлибом, пригласившим за приличное вознаграждение известных «артистов» уголовного мира и обещавшим им выход на свободу, когда шум вокруг дела утихнет, но тем не менее картина возымела действие. Банкир и его вкладчики спали спокойно.

В первом, надземном, этаже помещался банк со всеми его отделениями. Здесь же помещались вооруженные сторожа, в которых, в сущности, не было и нужды. Но банкир содержал довольно большой штат их «для декорации».

Квартира Готлиба помещалась во втором этаже, где середину занимали гостиная, приемная, личный секретариат и кабинет. Правый конец здания был разделен на две комнаты, соединенные с кабинетом; в одной помещалась спальня Готлиба, в другой жил Штирнер. Эти комнаты Штирнер держал всегда на запоре, не допуская туда служащих даже для уборки. В левом же конце этажа помещался «зверинец» Штирнера: его ученые собаки, волки, свиньи, кошки и медведь. Все они жили совместно в трогательном единении. Бросив ученую карьеру, Штирнер продолжал «по-любительски», как говорил он, изучать психологию животных.

Почти две трети верхнего, третьего, этажа, его середину, занимала картинная галерея — гордость Готлиба и предмет шуток и острот знатоков. Здесь в таком же трогательном единении, как звери Штирнера, бок о бок уживались подлинный Андреа дель Сарто с грубо поддельным Корреджио, мазня не-

известного дилетанта с карандашным рисунком Леонардо да Винчи. Все картины были расставлены на станках, расположенных в ряд перпендикулярно стеклянным стенам: Готлиб называл это «рационализацией освещения». Середина зала была пуста, если не считать стоявшего на помосте рояля. Для торжественных обедов приносились из кладовых какие-то замысловатые раскладные рационализированные Готлибом столы, которые в сложенном виде занимали очень мало места, но собрать их было истинным мученьем: слуги выходили из себя, когда им приходилось складывать бесконечные кусочки, доски, бруски... Эта работа напоминала китайскую головоломку. Отдельные части, неверно пригнанные, рассыпались, не слушались, не входили в пазы. Слуги нервничали, Готлиб еще больше.

— Ну, как же вы не понимаете? Это так просто! — И он подбегал сам, складывал, выдергивал, подставлял, ронял, ушибался и сердился больше всех.

Теперь с этим было покончено. Столы мирно почивали в разобранном виде, как и их разобранный на части несчастный хозяин. Зал был пуст. Поэтому приятно было отсюда войти в смежный зимний сад. Широкие листья пальм покрывали большой аквариум. Вьющиеся растения оплетали искусственный грот. Яркие орхидеи радовали глаз пестротой красок.

Уютные диванчики между лаврами и цветущими олеандрами давали возможность отдохнуть и послушать певчих птиц, летавших на свободе.

К другому концу зала примыкала библиотека, которая находилась над двумя кабинетами Готлиба, помещавшимися во втором и первом этаже. Все эти три комнаты соединялись лифтом с установленным на нем креслом. В библиотеку, состоявшую исключительно из роскошных изданий в дорогих, тисненных золотом переплетах, Готлиб любил «взлетать» на своем подъемном кресле после работы, чтобы выкурить здесь сигару. Но книг он не читал. Изредка вынимал он какую-нибудь из них, раскрывал и разглядывал рисунки.

— Маки домовой, Tarsus spectrum... Бывают же такие несуразные животные! Прямо в очках! Фу, гадость, еще во сне приснится! — И он захлопывал книгу и сладко потягивался после трудового дня.

Две крайние комнаты пустовали. Одна из них находилась

над спальней покойного Готлиба, другая — над комнатой Штирнера. В эту последнюю комнату Штирнер ввел Эльзу, когда осмотр дома был окончен.

— Вот и все ваши владения. Я думаю, что вам здесь будет хорошо. Здесь много света и воздуха, как, впрочем, и во всем доме, недаром у вашего завещателя был такой прекрасный, свежий вид и румяные щеки.

При упоминании о завещателе Эльза вздрогнула, и легкая тень пробежала по ее лицу.

Штирнер нахмурился.

— Эльза, — серьезно сказал он, — неужели все это вас не радует? Ведь вы сейчас одна из богатейших женщин в мире. Вы можете исполнить всякий ваш каприз. Если вам не нравится этот дом, вы можете остановиться в любом из двадцати шести домов, принадлежащих вам теперь в городе, вы можете жить в ваших виллах в Ницце, в Ментоне, в Оспидалетти, на Майорке, в Алжире, я уж не помню где... — О чем-то подумав, он продолжал: — Но вам здесь *должно* понравиться.

— Да, мне здесь *должно* понравиться, — как эхо, прозвучал ответ Эльзы.

— В соседней комнате будет помещаться ваша прислуга. В этой комнате, как и везде, электрических звонков больше, чем в мебели обойных гвоздиков, а телефонов еще больше, чем звонков... Не сходя с кресла, вы можете потребовать все, что угодно. Чашка кофе сама подъедет к вам на транспортере... До скорого свидания!

Когда он ушел, Эльза устало опустилась в кресло и, склонив голову, закрыла лицо руками. Где-то далеко пробили часы, и звон их гулко разнесся по пустому залу.

Эльза долго сидела неподвижно.

Она думала о своей жизни, так странно сложившейся. Дочь бедных родителей, круглая сирота, она рано узнала нужду. Еще девочкой она была необычайно красива. Эта красота принесла ей в жизни много радостей и много горя. Одна состоятельная старушка, фрау Беккер, одинокая вдова, увидя в приюте красивого ребенка, взяла девочку к себе. В то время Эльзе было двенадцать лет. До семнадцати она прожила у фрау Беккер. Эти пять лет были лучшими в ее жизни. Старушка любила ее, даже баловала, дала хорошее образование, и Эльза привязалась к ней, как к матери. Но старушка неожи-

данно умерла, не оставив завещания. Родственники бросили Эльзе подачку в такой оскорбительной форме, что она отказалась от их помощи и взялась за работу. Прошло два тяжелых года, в продолжение которых ей пришлось узнать свет с неприглядной стороны. При ее красоте ей не трудно было получить место в магазине, и она находила эти места, но быстро бросала их из-за слишком открытых признаний ее красоты со стороны хозяев. Она решила перейти на другую работу. Вечерами изучала она стенографию, и, когда изучила, ей посчастливилось поступить к Готлибу. Здесь же она познакомилась с Зауером и полюбила его за одно то, что он с уважением относился к ней и был всегда корректен и выдержан.

Получение наследства выбило ее из колеи. Она никак не могла понять, как и почему она приняла наследство, после того как решила отказаться от него.

— Почему? Почему? — спрашивала она себя.

Вдруг лицо ее стало спокойным. Глаза полузакрылись. Так она просидела несколько минут. Наконец она вздохнула полной грудью, как человек, вышедший из душного помещения на свежий воздух. С удивлением она чувствовала, что от ее смутной тревоги и тоски не осталось следа. Она встала, сладко потянулась, как бы разминая затекшие члены, и с любопытством осмотрела комнату.

— Право, здесь очень занятно. Какой интересный рисунок на ковре! А сколько света! Как легко дышится!

Она глубоко вздохнула и с новым чувством какого-то обостренного любопытства стала осматривать свое новое помещение: библиотеку, картинную галерею и чудесный зимний сад.

— И это все мое!..

В первый раз она подумала: «А ведь Штирнер прав! Какая я счастливая!..»

IX. ПЯТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ ПРИБАВКИ

Штирнер, оставив Эльзу, быстро спустился во второй этаж. В комнате личного секретариата он застал Зауера, Эмму Фит и старушку экономку фрау Шмитгоф.

Зауер смотрел на него недружелюбно, Фит и Шмитгоф — с тревогой.

После того как Эльза Глюк стала полноправной хозяйкой, все они не знали, как сложатся их дальнейшие отношения.

— Здравствуйте, господа! — оживленно сказал Штирнер. — Я от новой хозяйки! Не беспокойтесь ни о чем: вы все останетесь, я уже говорил с Эльзой... фрейлейн Глюк... Работы у нас теперь будет много... Наша прекрасная хозяйка не знакома с банковским делом, и на нас — главным образом на меня и вас, Зауер, — выпадает тяжесть управления делами банка Эльзы Глюк.

— Прошу за меня не решать и не определять моих обязанностей, — желчно сказал Зауер.

— Да... Но как же иначе? Ну, мы еще поговорим. Меня ждет одно неотложное дело.

Штирнер быстро прошел в кабинет, что-то написал на письменном столе Готлиба, спрятал написанное в ящик стола, запер на ключ и прошел в свою комнату. Скоро он вошел обратно и вновь уселся за письменный стол Готлиба.

В кабинет вошла Эльза, а вслед за ней явились Зауер, Фит и Шмитгоф.

Эмма и экономка благодарили Эльзу за то, что она оставляет их у себя.

— А! Фрейлейн Глюк, очень рад, что вы пожаловали ко мне! — сказал Штирнер. — Как вы чувствуете себя?

— Благодарю вас, хорошо.

— Вам понравился дом?

— Очень! — ответила она оживленно. — Весь верхний этаж залит солнцем. Кажется, будто плаваешь в солнечном океане. А этот зимний сад — очаровательный уголок. Право, нет нужды ездить в Ниццу, имея недалеко это зеленое убежище!

— Отлично! Значит, все в порядке? — весело улыбнулся Штирнер.

На Зауера неожиданное оживление и жизнерадостность Эльзы произвели обратное впечатление. Он насторожился, подозрительно посмотрел на нее и стал кусать губы.

— А теперь будьте любезны снять с ваших плеч деловую обузу, — сказал Штирнер. — Согласно вашему желанию, я за-

готовил полную доверенность на мое имя... Будьте добры подписать ее.

Зауер, Шмитгоф и даже наивная Фит были удивлены. Всем казалось естественным, что доверенность будет дана Зауеру — жениху Эльзы — или по крайней мере управление делами будет разделено между ним и Штирнером.

— Да, да, — охотно ответила Эльза и взяла перо.

— Одну минутку! — Штирнер позвонил, и в комнату вошел старичок нотариус с двумя свидетелями. — Извините, — встретил его Штирнер, — что мы беспокоим вас, приглашая, по старой памяти, на дом...

Старичок любезно закивал головой.

Эльза подписала доверенность. В несколько минут формальности были закончены.

— Надо, чтобы все было по форме. Благодарю вас! Вы свободны, — сказал Штирнер.

Нотариус, Фит и Шмитгоф вышли.

— Вы, Зауер, остаетесь юрисконсультом. Но наш новый банкир добрее старого и увеличивает ваше жалованье на пятьдесят процентов. Вы так, кажется, распорядились?

— Да, да! — ответила Эльза.

— Благодарю вас за честь, но я отказываюсь от ваших прибавок и от места... — ответил позеленевший Зауер.

— Но почему, Отто? Ты шутишь! — спросила Эльза, глядя на жениха.

— Ну, вы тут договаривайтесь с хозяйкой, а мне некогда. Надо спуститься в банк, благо старик Карл изобрел такой хороший способ сообщения.

И, нажав кнопку, Штирнер провалился в люк.

— Ты шутишь, Отто? — повторила Эльза, оставшись одна с Зауером, и ласково прикоснулась к его руке.

Зауер брезгливо отдернул руку и поморщился:

— Не знаю, кто из нас шутит... Мне кажется, что вы, фрейлейн Глюк...

— Отто!..

— Но только ваши шутки похожи на издевательство... издевательство над человеческим достоинством, любовью, доверием, дружбой. — Зауер заговорил с обидой в голосе: —

Эльза! Что с тобой, Эльза? Ты уверяла меня, что откажешься от наследства, и ты обманула меня... Зачем?

— Отто, но разве ты не понимаешь, что так надо было? И не ты ли сам выступал на суде от моего имени?

— Да, я выступал... Я не знаю, почему я выступал... Это какое-то бесовское наваждение... Впрочем, ты просила меня, и я сделал... Ведь я ни в чем не могу отказать тебе... Но ты? Ты обманула меня! Ты стала миллионершей и опять разбудила во мне всех демонов сомнений, которые терзают меня. Это наследство позорит тебя, пятнает нашу любовь. И это еще не все: ты вдруг выдаешь доверенность Штирнеру!.. Какие новые черные подозрения пробуждаешь ты?.. Ты с ним заодно. Ты. . близка ему! Ты соучастница его преступлений. Ты дурачила меня как мальчишку.

— Отто!

— Молчи! Неужели ты не понимаешь, что вокруг твоего имени сплетут легенды, тебя смешают с грязью и эта грязь долетит сюда с улиц, в эти золотые хоромы — они не защитят тебя. Ты живешь с ним в одном доме, ты...

— Успокойся, Отто, умоляю тебя!

— Нет, не успокоюсь!.. Тебе всего этого оказалось еще мало. Ты хочешь унизить меня, предлагаешь пятьдесят процентов прибавки. Ха-ха-ха!.. Любовь и достоинство за пятьдесят процентов!

Зауер закатился истерическим смехом и не мог сдержаться.

Потрясенная Эльза беспомощно смотрела на него. В ней происходила ужасная борьба. Наконец нервы ее не выдержали, и она расплакалась.

Зауер утих, нервно всхлипывая, и от времени до времени тяжело вздыхал.

— Как я несчастен... как я несчастен!.. — тихо говорил он, сидя на кресле и положив голову на руки.

Эльза подошла и обняла его.

— Отто, неужели ты думаешь, что я такая дурная? Ведь я же люблю тебя! Ну успокойся, милый мой, родной... Я все сделаю, что ты скажешь...

— Правда?

— Правда, — твердо ответила Эльза. — Не вини меня, я сама не знаю, как все это произошло...

Зауер поднялся. Вслед за ним поднялась и Эльза.

— Мне не надо богатства, я люблю тебя, только тебя, — сказал он, сжимая ее руки. — И ради моей любви я требую: завтра же, слышишь, завтра, не позже, мы обвенчаемся с тобой, и завтра же ты выгонишь из дома проклятого Штирнера со всеми его собаками!

— Я согласна.

— Эльза!

— Отто!..

Площадка лифта бесшумно поднялась.

— Ого! Целуются! — вдруг услышали они за собой насмешливый голос Штирнера и, оторвавшись друг от друга, оглянулись. — Какая трогательная сцена!

Штирнер сидел за письменным столом, покуривая сигару.

— Вы здесь зачем? — негодующе воскликнул Зауер.

— По долгу службы, — насмешливо ответил Штирнер. — Доверие, которым облекла меня наша хозяйка...

— Наша хозяйка изменила свое решение и дает вам полный расчет, — перебил его Зауер, — доверенность на ваше имя будет уничтожена. В вознаграждение же за ваши заслуги вам будет выдано полностью двухмесячное содержание с надбавкой пятидесяти процентов.

— Придется мне открывать бродячий цирк, — сказал Штирнер, почесав лоб.

Но, оставшись один, он нахмурился, вынул из ящика стола какие-то чертежи, просмотрел их, сердито проворчал что-то, поспешно вошел в свою комнату и надолго заперся в ней.

X. «ДЕВУШКА С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ»

Прошел месяц. Эмма Фит сидела на своем обычном месте и писала на «Ремингтоне».

Зауер, побледневший, небрежно причесанный, небритый, долго ходил большими шагами по кабинету, искоса поглядывая на Эмму. Потом он подошел к ней и, покачиваясь из стороны в сторону, в упор стал смотреть ей в лицо.

Резвые пальцы Эммы начали делать перебои на клавишах

«Ремингтона». Она покраснела под пристальным взглядом Зауера и, не прерывая работы, спросила:

— Почему вы так смотрите на меня, господин Зауер, как будто никогда не видали? Вы мешаете мне работать...

— Фрейлейн Эмма, а ведь вы прехорошенькая!

Эмма покраснела еще больше, но попыталась сделать вид, что не расслышала его слов.

— Странное дело! — продолжал Зауер. — Более года, как вы здесь служите, я встречаюсь с вами каждый день, но только за последний месяц у меня как будто открылись глаза: приятный овал лица, мягкие волосы, к которым хочется прикоснуться и погладить, изумительные глаза! В них детская наивность и лукавство маленького бесенка. Вы живая «Девушка с разбитым кувшином».

— Я не разбивала никаких кувшинов.

— Это картина Грёза. А вы...

— Перестаньте, Зауер.

Эмме приятно было слушать Зауера, но она скрывала свои чувства, боясь гнева Эльзы. А Эльза уже не раз заставала их за такой беседой. Эльза с достоинством проходила мимо, но Эмма чувствовала, что ее «хозяйка», как шутя теперь она звала ее, все видит и понимает.

— Господин Зауер, я не узнаю вас!

— Я сам не узнаю себя, деточка. Философы уверяют, что познать самого себя — самая трудная задача в мире...

Зауера действительно нельзя было узнать. Корректный, аккуратный, педантичный Зауер перестал, чего никогда не было раньше, заботиться о своей внешности, начал ходить по ресторанам, покучивать в подозрительной компании, халатно относиться к делу.

— Вот что, дорогая фрейлейн Фит, довольно вам трещать на этом неблагодарном музыкальном инструменте. Пора кончать. Идемте наверх, я покажу вам в зимнем саду новых золотых рыбок в аквариуме. Их недавно выписал Штирнер в подарок нашей хозяйке.

Эмма колебалась.

Зауер, улыбаясь, многозначительно посмотрел на дверь кабинета.

— Боитесь хозяйки?

Эмма вспыхнула и поднялась:

— Только на одну минуту! Я спешу домой...

Но эта минута длилась более получаса. Зауер болтал и любезничал без умолку. Эмма краснела от тайного страха быть застигнутой. Посмотрев на часы, Эмма вдруг поднялась.

— Боже, я опоздала!.. — И она, поправляя прическу, вышла из зимнего сада в пустынный зал.

— Послушайте, Эмма, едем сегодня с вами в театр, а вечером поужинаем в «Континентале» и послушаем джаз-банд.

Эмма, привыкшая видеть Зауера серьезным, не могла удержаться от смеха. Зауер подхватил ее под руку и, скользя по паркету, повлек к выходу.

Эту сцену наблюдала Эльза, стоявшая меж станками картин. Она часто бродила по галерее.

Когда Зауер и Эмма удалились, побледневшая Эльза вышла из своего угла, прошла в зимний сад и устало опустилась на скамейку перед аквариумом. Журчал фонтан, золотые рыбки медленно двигались за зеленью стекла, всплывали на поверхность и пускали пузырьки воздуха. Было тихо. Птицы сидели на ветвях, нахохлившись, как под дождем.

Эльза опустила голову и увидела лежащий на полу портфель из желтой кожи, с серебряными инициалами «О. З.».

В то же время она услышала приближающиеся шаги.

«Отто Зауер забыл портфель и идет за ним», — мелькнула у нее мысль. Она хотела скрыться в грот, чтобы не встречаться с ним, но, подумав, осталась на месте.

Зауер вошел, напевая шансонетку. Увидев Эльзу, он сделал удивленное лицо, немного смутился, но тотчас принял непринужденный вид.

— А! Изволите прогуливаться по садам? Как вам нравятся золотые рыбки? Я думаю, под хорошим соусом они очаровательны.

Но Эльзу не рассмешила шутка.

— Послушайте, Зауер, что все это значит?

— О чем вы говорите, повелительница?

— О том, что было здесь сейчас, и вообще о всем вашем поведении за последний месяц.

Зауер покраснел:

— Фрейлейн Глюк, я могу задать вам тот же вопрос. Что

значит ваше поведение? Вы исполнили ваше обещание? Разве вы уже моя жена, а Штирнер уволен? На каком основании вы предъявляете права на свободу моих поступков?

— Никаких прав я не предъявляю. Я не отказываюсь от своих обещаний, хотя и не выполнила их.

— Почему?

Эльза смутилась в свою очередь. Почему? Она сама не знала. Здесь опять был провал в ее сознании. И она испытала знакомое уже ей неприятное ощущение утраты памяти. Ее мысль билась о невидимую преграду, как муха о прозрачное стекло. Эльза опустила голову и молчала.

А Зауер пытливо рассматривал черты ее лица и ее фигуру и думал, удивляясь:

«И как только я мог любить ее? Ничего особенного! Таких красивых живых манекенов сколько угодно в любом магазине модного платья. Ее шея красива, но несколько длинна. Странно, что я не замечал этого раньше. А эти узкие плечи... А родинка у левого глаза — она совсем не на месте. Эта родинка решительно портит ее!..»

— Вы не отвечаете!.. Вам нечего сказать?

Наконец Эльза ответила:

— Но ведь и вы не оставили службу. Почему?

Она попала в больное место Зауера. Он действительно не ушел по непонятной для него самого причине. Месяц тому назад, как-то неожиданно для самого себя, Зауер охладел к Эльзе и воспламенился любовью к Эмме. Временами он чувствовал тяжесть этого, как и других своих поступков: такой разлад с самим собой выбивал его из колеи. Он испытывал как бы раздвоение личности, и это мучило его. Чтобы забыться, он начал кутить и вести рассеянный образ жизни.

Но ему не хотелось признаться в том, что он сам себе не может ответить на вопрос, почему он не уходит из этого дома. Это раздражало его, и он повернул вопрос в другую сторону:

— А, так вам хочется поскорее избавиться от меня? Теперь все понятно!..

Эльза с укором посмотрела на него:

— Отто, вы опять будете оскорблять меня?

— Будьте совершенно покойны! Мы в достаточной степени измучили друг друга, и нам пора прекратить эту игру. Если

хотите знать, я не ухожу отсюда потому, что люблю Эмму Фит. Да, люблю и сегодня же сделаю ей предложение!

Это объяснение казалось ему наиболее правдоподобным, хотя где-то в подсознании он и чувствовал, что обманывает себя: разве не мог он уйти вместе с Эммой?

Эльза откинулась на спинку и только тихо сказала:

— Отто!..

Наступило молчание. В душе Зауера шевельнулось что-то похожее на жалость. Но тотчас промелькнула мысль: лжет, притворяется, как всегда. И он стал говорить с раздражением:

— А чего же вы от меня ожидали? Недоставало, чтобы я согласился играть роль чичисбея, как это водилось когда-то в Венеции!.. Официальный друг дома! От этой почетной должности отказываюсь. При вашем богатстве найдутся другие охотники. А меня увольте. Эмма Фит с неба звезд не хватает, миллиардами не ворочает, вся ее душа состоит из одной простенькой пружинки, но эта девушка сумеет быть честной женой.

Эльза не возражала, склоняя голову все ниже, как под ударами бича.

Зауер поднял портфель.

— Зауер беден, но Зауера нельзя купить за пятьдесят процентов прибавки к жалованью! Простите, меня ждут.

И, преувеличенно любезно раскланявшись, он вышел. Шаги его четко отдавались в огромном зале.

Эльза сидела как пришибленная. Бой часов привел ее в себя.

Она вздрогнула:

— Пять часов. Как поздно!

Сгущались зимние сумерки.

Эльза вышла в зал и огляделась по сторонам. Случайно ее взгляд скользнул по роялю; вдруг ей захотелось играть. Она подняла крышку инструмента, уселась и заиграла.

Ей казалось, что еще никогда она не играла с такой охотой...

Вдруг она вздрогнула.

Прямо перед собой она увидела лицо Штирнера. Когда он вошел?.. Он стоял, прислонившись к роялю, и глядел на нее. Его лицо было бледнее обыкновенного, серьезно и печально. Тонкие губы нервно вздрагивали.

Эльза вскрикнула и прекратила игру.

— Играйте, прошу вас! — сказал он искренне и просто. Эльза, оправившись от испуга, продолжала. Он некоторое время внимательно слушал игру, а потом медленно и тихо стал говорить: — Как прекрасно вы играете! Это «Лебедь»? «Лебедь» Сен-Санса... Говорят, лебедь поет перед смертью... Но лебеди живут долго, очень долго, и преждевременно умирают только смертельно раненные. Неужели и вы ранены? Кем? Разве стоит он того, чтобы из-за него умирать?

— О ком вы говорите? — спросила Эльза, переставая играть и опуская руки на колени.

— О нем, о Зауере! Разве это секрет?

В Эльзе заговорила гордость женщины.

— Господин Штирнер, — сухо сказала она, поднимаясь из-за рояля, — я вас прошу не вмешиваться в мои личные дела!

— Да ведь это и мои личные дела, фрейлейн Эльза, ведь вы знаете, что я люблю вас!

— Но вы знаете, что я не люблю вас.

— В этом, увы, все несчастье... мое и ваше, да, да, и ваше, хотя вы и не понимаете этого. Как бы все было великолепно, если бы вы любили меня! Если бы вы *сами* полюбили меня, — многозначительно сказал Штирнер.

— А как же иначе можно полюбить?

Штирнер не ответил.

— Послушайте, Эльза, давайте поговорим серьезно. В этом рационализированном зале негде даже присесть... Пройдемте в зимний сад, прошу вас!

Они уселись на той же скамье, на которой только что сидела Эльза.

— Вы прошли тяжелую школу и знаете жизнь, — начал Штирнер. — Вы знаете, как трудно красивой бедной девушке честно заработать кусок хлеба. Теперь вы богаты. Но и богатство имеет свои неприятности. Для мужчины вы становитесь приманкой вдвойне. На красоту очень часто зарятся донжуаны и ловеласы, на богатство — подлецы и проходимцы. Вы не гарантированы теперь, что ваш избранник будет любить вас, а не ваше богатство. Что ожидает вас тогда? С Зауером кончено. Вы одиноки. Посмотрите на вещи трезво. Почему бы мне и не стать вашим мужем? Вы не любите меня. Но, говорят, наибо-

лее счастливые браки те, где сватом бывает не любовь, а разум. Вы можете полюбить меня позже, такие случаи нередки... И потом... У меня огромное дело, грандиозные планы, а ваше отношение ко мне связывает меня, не дает возможности развернуться во всю ширь, отдаться всецело работе... В последний раз говорю вам: решайте!

Эльза отрицательно покачала головой.

— Нет, нет! — поспешно сказал Штирнер. — Не говорите мне сейчас ничего. Обдумайте все спокойно, взвесьте мое предложение и дайте мне ответ... сегодня у нас четверг... в воскресенье вечером, в шесть часов. Это последний срок!

Поклонившись, Штирнер вышел.

Часы гулко пробили шесть.

XI. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Наутро Эльза проснулась с давно уже покинувшей ее ясностью мысли. Ей надо было решить — принять ли предложение Штирнера или отказать ему. Почему ей непременно надо было решить это, она не интересовалась. После утреннего завтрака Эльза уселась в своем любимом уголке зимнего сада, перед аквариумом, чтобы принять окончательное решение.

Однако ей помешали. Вошел слуга и доложил, что ее ожидает в приемной Оскар Готлиб, который очень просит принять его.

«Оскар Готлиб? Откуда он взялся?» — подумала Эльза. Целый рой мимолетных воспоминаний о судебном процессе промелькнул в ее памяти.

Эльза спустилась в приемную второго этажа.

Навстречу ей с низким поклоном шел старик, в котором она не сразу узнала брата покойного банкира. Оскар Готлиб похудел. Он отпустил окладистую седую бороду вместо небольших бачков. Лицо стало длиннее, щеки впали, а мешки под глазами увеличились. Но перемена коснулась не только внешности. Во всей его позе и жестах чувствовалась какая-то пришибленность и приниженность, глаза беспокойно бегали.

— Приношу мои извинения за беспокойство, — сказал он,

целуя Эльзе руку, — только крайняя необходимость принуждает меня к этому...

— Прошу вас, — указала Эльза на кресло.

Они уселись. Оскар Готлиб вздыхал, вертел в руках шляпу и молчал. Несколько овладев собой, он заговорил нетвердым голосом:

— Я, право, не знаю, как начать... Прежде всего позвольте уверить вас, что я совершенно примирился с совершившимся фактом... Совершенно... Но самый факт неожиданного лишения наследства поставил меня в необычайно затруднительное положение. Дело в том, что уже после смерти брата и... после вашего отказа от наследства я совершил... я заложил свое имение... Что делать? Молодежь так жадна на развлечения... Большой город... Наряды... Столько соблазнов... Да и хозяйство надо было поправить. Обязательство было краткосрочное. Не думал же я, что вы перемените свое решение и все так обернется! Это я говорю не в упрек, а так, в пояснение. И вот теперь, через неделю, имение пойдет с молотка за неуплату долга. И я разорен... Разорен окончательно, на старости лет, с кучей детей на руках... Их у меня пятеро да жена-старуха...

— Какова же сумма вашего долга?

Оскар Готлиб замялся.

— Большая, солидная сумма, по моим средствам, конечно. Двести тысяч...

Эльза подумала:

— Будьте добры подождать, я сейчас дам вам ответ.

Готлиб не ожидал, что все устроится так просто, и стал заранее горячо и униженно благодарить.

Эльза прошла через комнату личного секретариата, в которой никого еще не было, хотя в этот час занятия уже начинались.

«Странно, — подумала Эльза, — что бы это значило?» И она вошла в кабинет Карла Готлиба, где теперь постоянно работал Штирнер. Здесь она застала его.

— Штирнер, сюда явился Оскар Готлиб...

Штирнер поднял брови:

— Нашелся? Или воскрес из мертвых? Ну что ж, лучше поздно, чем не вовремя. Что ему надо?

— Он просит денег... Его имение продают с молотка.

— Сколько?

— Он говорит, что имение заложено за двести тысяч.

Штирнер поморщился.

— Врет! Имение со всем инвентарем не стоит ста тысяч. Песок да кочки. Дадим ему сто тысяч, и пусть проваливает!

— Послушайте, Штирнер, я все-таки чувствую себя невольной виновницей его несчастий, и потом... он так жалок... Ему нелегко было явиться сюда. Дайте ему двести тысяч... Пожалуйста!

Штирнер рассмеялся:

— Пожалуйста! Это великолепно! Глава банкирского дома почтительнейше просит своего приказчика! Фрейлейн Глюк, все принадлежит вам, и ваше слово — закон. Мое дело маленькое: вертеть колесо и исполнять приказания начальства.

Он быстро подписал чек на двести тысяч, положил чековую книжку в стол и запер на ключ.

— Вот чек.

— Благодарю вас.

— Опять! Когда вы научитесь быть хозяйкой?

Эльза вышла из кабинета и протянула Готлибу бумагу:

— Вот чек на двести тысяч...

Оскар Готлиб взял чек трясущейся от волнения рукой и стал вновь благодарить и извиняться.

— Пожалуйста, не благодарите меня, — смущенно ответила Эльза, — лучше расскажите мне, что с вами случилось. Куда вы пропали после судебного заседания?

Они опять уселись.

— Болел... болел, да, и очень странной болезнью. Когда я вышел из суда, меня вдруг охватила боязнь людей и стыд... Мне стыдно было показаться им на глаза... Вы знаете, что портреты всех участников судебного процесса печатались во многих газетах. И мне казалось, что каждый встречный, каждый проезжающий извозчик, даже мальчишки указывают на меня пальцами и говорят: «Вот человек, лишенный братом наследства за неблаговидный поступок!» И так как никто не знал, в чем состоит этот неблаговидный поступок, то каждый мог думать, что ему угодно: может быть, я совершал подлоги — делал на векселях подписи брата, а может быть, и покушался отравить его. И я бежал... — Старик вздохнул. — Да, я

много пережил горьких минут, фрейлейн... Бежал я совсем недалеко. Меня искали по всему свету, а я жил в этом же самом городе. Я укрылся в надежном месте, у своего старого, одинокого друга. «Если ты выдашь тайну моего пребывания хоть одному человеку, я покончу с собой», — сказал я ему. Но об этом не надо было и говорить, он не выдал бы и так.

— Но, простите, — Эльза засмеялась, — вам не было стыдно этого друга?

— Нет! И что удивительно, я не знал его адреса, но нашел его квартиру по какому-то непонятному наитию... Так, шел и пришел... Еще не менее удивительно: друг встретил меня так, как будто ожидал этой встречи, хотя мы несколько лет не видались и даже не переписывались с ним; долгое время я не удосуживался разыскать и навестить его. «Вот ты и пришел», — сказал он мне просто. У него я и прожил. И все время я испытывал чувство страха и стыда. Иногда, вечерами, я как будто приходил в себя. И даже подумывал о том, чтобы выйти на другой день подышать свежим воздухом. Но ночью вдруг я чувствовал, что страх и жгучий стыд вновь наполняют меня так, что на голове шевелятся корни волос... прямо наваждение какое-то! Я плотнее, с головой, укрывался одеялом и лежал притаившись, боясь пошевельнуться. А наутро не выходил в столовую, отговариваясь головной болью. Окна в моей комнате были завешены наглухо.

— Как это странно... — задумчиво сказала Эльза.

— Я читал газеты и, холодея от страха, следил за поисками. Но, к счастью для меня, они шли по ложному пути. За все время я только один раз смеялся: когда прочитал в газетах, что «меня» нашли где-то в Аргентине, забыл сейчас, в каком городе. Конечно, это оказалось ошибкой. Мой двойник был фермером, приехавшим в город по своим делам. Судя по портрету в газете, он действительно похож на меня.

— И долго у вас продолжалось это состояние?

— Ровно до того самого дня, когда последняя судебная инстанция окончательно и бесповоротно решила дело в вашу пользу. Тогда мне все сразу стало безразлично, и я вернулся домой, где и жил, пока не получил извещения о предстоящих торгах. И я решил, что единственный человек, который может спасти меня...

Он не закончил своего рассказа, так как в комнату вошли Зауер и Эмма Фит. Готлиб поднялся и поспешил уйти.

Вид Зауера и Эммы поразил Эльзу. Зауер был во фраке, Эмма в белом платье с букетом белых цветов на груди. Лица их сияли.

Зауер вел Эмму под руку.

— Позвольте вам представить, фрейлейн Глюк, мою жену Эмму Зауер. Поздравьте нас, мы обвенчаны!

Эльза побледнела и поднялась.

Эмма бросилась целовать ее, но, видя смущение Эльзы, остановилась в нерешительности. Эльза поборола волнение, холодно поцеловала Эмму и протянула руку Зауеру. Эмма была слишком счастлива, чтобы заметить эту холодность. Она стала лепетать, сложив по-детски руки на груди:

— Этот Отто, — и она бросила лучистый взгляд на мужа, — такой забавный. Вчера мы были с ним в театре, и вдруг он говорит: «Сейчас мы должны с вами обвенчаться. Едем!»

— И ты так сразу решилась? — спросила Эльза. Эмма сделала уморительную гримаску, которая говорила: «Кто же отказывается от счастья?»

— Все вышло как-то само собой. И мы, не ожидая окончания спектакля, хотя было очень интересно... шла пьеса... господи, я уже забыла!.. но это все равно какая... поехали искать пастора. Отто чуть не с кровати поднял его! Такой смешной, заспанный старикашка! Он что-то прочитал, раз-раз — и готово! Ты не сердишься на меня, Эльза? — с неожиданной робостью вдруг спросила она.

Невольная улыбка проскользнула по лицу Эльзы при виде этой детской наивности. И уже с искренним чувством она обняла свою подругу и поцеловала ее.

— Можно ли сердиться на куколку? Ведь ты счастлива?

— Ужасно! — ответила Эмма и даже нахмурила брови.

Но улыбка сошла с лица Эльзы, когда ее взгляд остановился на Зауере. Он смотрел на Эмму влюбленными глазами.

«Нет, этот брак не месть со стороны Зауера, — подумала она, — Зауер действительно любит Эмму... Какое-то наваждение. Наваждение! Кто сказал это слово? Да, Оскар Готлиб... и он говорил о наваждении. Что же все это значит? Я чувствую, что у меня опять начинают путаться мысли...»

— А-а, новобрачные! — Голос Штирнера, стоявшего в дверях кабинета, прервал вереницу ее мыслей.

«Он уже знает?» — с удивлением подумала Эльза.

Ей трудно было еще раз переживать сцену поздравления, в особенности при Штирнере, и она незаметно вышла.

— Поздравляю, поздравляю, — весело сказал Штирнер.

Зауер самым радушным образом крепко пожал руку Штирнера. Казалось, от прежнего недоброжелательства не осталось следа.

— Мы думаем сегодня же вечером выехать в свадебное путешествие, — говорила Эмма, — вы и Эльза не будете против?

На лице Штирнера промелькнуло недовольное выражение, но он тотчас любезно улыбнулся Эмме:

— Конечно, разумеется, прекрасная куколка! Куда вы думаете ехать?

— В Ниццу или в Норвегию, мы еще не решили. Отто хочет в Норвегию, а я в Ниццу...

— Значит, вы будете совершать свадебное путешествие каждый поодиночке? — смеясь, сказал Штирнер. — В Норвегии сейчас вы отморозите ваш маленький носик! — продолжал он. — Надо беречь ее, Зауер. Конечно, вы поедете в Ниццу!

— Ну, прощайте, нам надо собираться в дорогу! — И, схватив мужа за руку, она потащила его к выходу. — Скорей, скорей, Отто, ты такой мешок! Я уверена, что мы везде будем опаздывать с тобой на поезд!

Зауер жил во флигеле, в небольшой уютной квартире.

Молодые вбежали с веселой оживленностью и поспешно стали укладываться, говоря без умолку.

— Итак, в Ниццу?

— Ну что ж, в Ниццу так в Ниццу.

— Господи, все это так скоро, как на пожаре!.. Какой тяжелый чемодан!..

— Можем не ехать... Из него надо выбросить книги... Подай мне несессер...

— Не ехать? Да ты с ума сошел! Конечно, мы едем! Но дорожное платье?..

— Мы купим его в дороге. А для начала твое серое прекрасно подойдет.

Они уселись на полу перед большим чемоданом и стали выбрасывать книги.

Вдруг на минуту они застыли, будто прислушиваясь к какой-то мысли, потом удивленно посмотрели друг на друга.

— Что мы сидим, как китайские болванчики, на полу? — наконец спросила Эмма. — Зачем ты вытащил этот чемодан? Тебе нужно ехать по делу?

— Я никуда не собираюсь ехать, — ответил Зауер. — Я не знаю, зачем мы вытащили этот чемодан. Может быть, тебе хотелось посмотреть эти книги?

— Книги? Эти скучные книги? Какие мы глупые! Мы помешались от счастья!

Звонко рассмеявшись, она поднялась, перепрыгнула через чемодан и поцеловала Зауера.

Зауер хмурился. Случай с зачем-то выдвинутым чемоданом заставил его призадуматься.

— Что ты надулся? Недоволен мною? — И она так плутовски склонила головку, что Зауер вновь стал весел.

— Конечно, недоволен, — сказал он, смеясь. — Ты не успела поселиться у меня, а уже вносишь беспорядок!

— Честное слово, это не я! Это он сам! — указала она ногой на чемодан. — Куш на место! Куш! Да помоги же, несносный!

Эмма и Зауер задвинули чемодан под кровать. О поездке никто из них больше не вспоминал...

XII. В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

— Не забудьте, Эльза, что завтра воскресенье. В шесть часов вечера я получу ваш ответ. А сейчас я уезжаю из города по срочному делу. Вернусь ночью или утром. Всего хорошего!

Штирнер вышел из зимнего сада.

Эльза осталась одна. Но она думала не об ответе Штирнеру: мысли ее были направлены в другую сторону. Она не могла оправиться от удара, который причинил ей Зауер своей неожиданной женитьбой на Эмме Фит.

Она чувствовала себя одинокой, как никогда.

Золотые рыбки медленно двигались в аквариуме, блестя на поворотах и плавно помахивая мягкими хвостиками.

Эльза завидовала им. Эти рыбки жили в неволе, в стеклян-

ном ящике, как и она. Но у них было свое маленькое игривое общество, и они не знали мучительных сомнений. Она себя чувствовала более несчастной, чем в самые тяжелые дни своей трудовой жизни. Что дало ей богатство?

Судебный процесс, в котором была какая-то тайна, и богатство отделили ее от шумной толпы простых людей, которые живут, как им нравится, гуляют по улицам, ходят в кинематограф. Каждый ее выезд обращал внимание, тысячи любопытных взглядов встречали ее. И она отказалась от выездов. Не было удовольствия, которого она не могла бы себе разрешить, и вместе с тем она была лишена их всех. Только прозрачная стена из стекла отделяла ее от широкого мира, переливающегося всеми красками, но эта стена была непреодолима для нее. С тоской в голосе она шептала:

— Какая я несчастная, какая я несчастная!

Вот, как вчера, как третьего дня, как много дней тому назад, пробили часы, гулко отдаваясь в пустынных комнатах. Где-то внизу прорычал автомобиль. Это отъехал Штирнер...

Штирнер! Завтра ему нужно дать ответ. Она чувствовала — это последний срок.

— Почему нужно?

Время шло. И странно, после отъезда Штирнера мысли ее все больше прояснялись. Будто какая-то пелена спадала с глаз. Оскар Готлиб, его болезнь, похожая на «какое-то наваждение», любовь Зауера к Эмме, странная и неожиданная, как наваждение...

Вся цепь нелогичных, нелепых, противоречивых поступков, окружавших ее людей с того самого момента, как погиб Карл Готлиб, — разве не похоже все это на наваждение? Вот слово, которое дает ключ к тайне! Но откуда оно, это наваждение? Кто устоял против него? Штирнер! Он один.

Штирнер!..

А что, если он и есть причина всего этого? Его странный разговор в лодке, его намеки на какое-то могучее орудие, при помощи которого он может покорить мир. Неужели это не пустая болтовня? Неужели он обладает этим средством и играет людьми, как кошка с полупридушенными мышами? Но откуда у него эта сила? В чем она? Кто он, кудесник, новый Калиостро? Свенгали?..

Эльзе вдруг сделалось так холодно, что она задрожала.

Штирнер представился ей коршуном, который носится над птицей в степи. И эта птица — она. Не уйти, нет, никуда не уйти от этого человека. Он не упустит ее из цепких когтей.

Эльза поднялась, тяжело дыша, и вновь опустилась на диван.

Ее охватил ужас.

— Нет, нет, нет! — вдруг вскрикнула она так, что птицы в испуге вспорхнули с веток.

В зале эхо отчетливо повторило ее слова. И странно, это неожиданное эхо как-то ободрило ее, как будто кто-то подкрепил ее, как будто невидимый друг вторил ей: «Конечно, нет!» Нельзя сдаваться без борьбы, нельзя сделаться безвольной игрушкой другого, отдать себя нелюбимому человеку.

Она вошла в зал, чтобы успокоиться.

«Что делать? Что делать?» — подумала она, блуждая по залу. Случайно одна картина бросилась ей в глаза. Какой-то всадник-бедуин на арабской лошади мчится по пустыне в развевающемся белом плаще с капюшоном, спасаясь от нагонявших его преследователей.

«Вот как надо встречать смертельную опасность! Быть может, он погиб, но он боролся до конца... Бежать! Бежать во что бы то ни стало!»

Эльза подошла к роялю и села на табурет. Перед ней вдруг пронеслась недавняя сцена, когда Штирнер стоял и слушал ее музыку. Никогда еще его длинное бледное лицо с иронической улыбкой не возбуждало в ней такого содрогания и отвращения.

Бежать немедленно! Но как? У нее нет даже денег!

— Миллиардерша! — с горечью прошептала она. — Миллиардерша — нищая!..

Вчера еще она подарила Готлибу двести тысяч, но для себя она никогда не брала денег у Штирнера. Что-то, быть может гордость, удерживало ее.

Да и для чего ей нужны были деньги? Она почти никогда не выезжала в город. Если же и делала какие-либо покупки, то ей доставляли их на дом, и Штирнер расплачивался.

Она вспомнила вдруг, что у нее в сумочке должны были

остаться деньги от последней получки. Она быстро пошла в свою комнату и лихорадочно раскрыла сумку.

Деньги на месте. Их немного, но выехать хватит. А дальше? В каждом городе любой банк открыл бы ей неограниченный кредит, но вексель отошлют для оплаты в ее банк, и тогда Штирнер узнает, куда она уехала.

Эльза задумалась.

Ах, все равно! Лучше быть нищей, чем покориться тому, что ожидает ее здесь...

И она наскоро оделась и спустилась во второй этаж. У входной двери лежал пятнистый дог. Он ласково помахал хвостом, увидя ее. Эльза погладила его и хотела сдвинуть с места, но дог не трогался. Она сделала попытку обойти его и открыть дверь. Дог вдруг вскочил, встал на дыбы, положил ей передние лапы на плечи и угрожающе зарычал, отодвигая ее назад.

Она была испугана этой неожиданной выходкой собаки и отступила.

— Буцефал! Что с тобой? — ласково сказала она. Собака завиляла хвостом, но при новой попытке Эльзы зарычала на нее еще более грозно. Штирнер оставил верных сторожей! Позвать на помощь? Она не хотела подымать шума. Вдруг у нее мелькнула мысль. Она быстро прошла в кабинет Готлиба. Дверь оказалась открытой. Сесть в кресло, стоявшее на площадке лифта, нажать кнопку — дело одной минуты. Она спустилась в отделение банка, радуясь удаче.

«Я перехитрила вас, Штирнер!»

Сторожа с удивлением посмотрели на ее необычное появление, но почтительно пропустили. Она боялась, что им дан приказ от Штирнера не выпускать никого.

С сильно бьющимся сердцем переступила Эльза порог дома, ставшего ей ненавистным, вдохнула полной грудью весенний воздух и замешалась в уличной толпе. Какое счастье! Она была свободна. Завернув за угол, она наняла таксомотор и приказала ехать на ближайший вокзал. Только бы скорее подальше отсюда!..

На вокзале она удивила носильщика, спросившего, куда ей взять билет.

— Все равно... Сколько можно проехать вот на эти деньги?..

Эльза сделала неосторожность: удивив носильщика, она

оставила след в памяти этого человека и тем самым давала нить для розыска, но она была как в лихорадке и не обдумывала своих слов.

Ее нервное напряжение улеглось только после того, как паровоз прогудел последний раз и вагон плавно качнулся. До последней минуты она боялась погони Штирнера, хотя и знала, что его нет в городе.

Когда промелькнули предместья города и открылись поля, она готова была плакать от радости. Вечернее солнце золотило здания ферм. Стада паслись, медленно бродя по изумрудно-зеленой весенней траве.

Все приводило ее в восторг. Она не отрываясь смотрела в окно и весело напевала:

«Я вольная птица, хочу я летать...»

О будущем она не думала. Она упивалась свободой. Только когда зашло солнце, ландшафт затянули сумерки и в вагоне зажгли свет, она задумалась...

— Э, хуже не будет! — Она быстро разделась и, утомленная пережитыми волнениями, крепко уснула.

Она не помнила, долго ли спала.

Но вдруг проснулась, как от толчка, и с недоумением оглянулась вокруг. Вагон... Как попала она в вагон? В душе быстро нарастало смятение и какое-то еще не оформившееся чувство. Это чувство росло, крепло, прояснялось...

Назад! Она немедленно, сейчас же должна вернуться. Назад! Штирнер! Милый Штирнер! Он ждет ее! И перед нею предстало печальное, бесконечно дорогое лицо, каким она видела его, когда играла на рояле.

Она быстро оделась и вышла в коридор. Заспанные пассажиры с полотенцами в руках направлялись умываться. Был ранний час утра.

— Проводник, скажите, скоро остановка?

Толстый проводник с возмутительной медлительностью вынул большие серебряные часы, не спеша открыл крышку и, подумав, ответил:

— Через двенадцать минут, фрейлейн.

Эльза топнула каблуком:

— Возмутительно! Как долго ждать! А обратный поезд когда пойдет?

— Встречный пойдет в одно время.

Эльза от нетерпения кусала губы.

Когда поезд наконец подошел к станции, она почти на ходу выбежала из него и вошла в вагон встречного поезда, идущего назад.

Она не имела билета, и контролер составил протокол, но Эльза даже не заметила этого, механически отвечая на все вопросы.

Когда она назвала свою фамилию, контролер с почтительностью и любопытством посмотрел на нее.

Эльза от нетерпения не находила места. Она вышла из купе, ходила от окна к окну и привлекала внимание пассажиров своим странным видом и беспокойными движениями. Она готова была плакать от досады, что скорый поезд идет так медленно.

— Скоро мы приедем? — спрашивала она ежеминутно, и пассажиры, которым надоело отвечать на ее вопросы, стали сторониться ее. Тогда она пошла в свое купе, легла ничком на диван и, сжав виски до боли, как в бреду, твердила: — Людвиг! Людвиг! Людвиг!.. Когда же я увижу тебя?

Наконец поезд остановился.

Эльза, толкая пассажиров, пронеслась по дебаркадеру и по залу, выбежала из вокзала и впрыгнула в автомобиль.

— Банк Эльзы Глюк! Скорей, скорей, скорей! Как можно скорей!..

Штирнер стоял среди кабинета, ожидая Эльзу. С растрепанными волосами ворвалась она в кабинет, бросилась к нему и с рыданием крепко обняла его.

— Людвиг, милый, наконец-то!..

На лице Штирнера отражались счастье и печаль.

— Моя!.. — тихо произнес он, целуя Эльзу в закрытые глаза.

Часы пробили шесть.

I. БИРЖЕВАЯ ПАНИКА

Коммерческий мир переживал панику.

Начиная с мая биржа вступила в полосу жесточайших потрясений. За месяц было зарегистрировано более двух тысяч конкурсов. В июне число их поднялось до пяти. Пока гибли мелкие предприятия, финансовые газеты пытались ослабить впечатление надвигающейся катастрофы и успокаивали общественное мнение тем, что кризис лишь очистит экономическую жизнь страны от несолидных и лишних предприятий, выросших на почве валютной спекуляции. Но в июне жертвою кризиса сделалось несколько старейших и крупнейших предприятий. Этот удар тяжело отразился на промышленности и на массе мелких держателей акций. И газеты уже не скрывали тревоги. Надвигалась настоящая катастрофа, тем более страшная, что само возникновение кризиса не поддавалось обычным объяснениям экономической конъюнктуры. Как будто новая, неведомая болезнь страшной эпидемией прокатилась по финансовым предприятиям, захватывая все новые жертвы. В начале июля во всей стране осталось только три крупнейших банка, которые устояли: Мюнстерберга, Шумахера и Эльзы Глюк. Первые два понесли уже потерю до тридцати процентов своего капитала. Банк Эльзы Глюк не только не понес потерь, но почти утроил свой капитал. Последняя борьба за существование должна была произойти между этими тремя финансовыми колоссами. Банк Эльзы Глюк имел капитал, превышающий капиталы Мюнстерберга и Шумахера, взятые в отдельности. Но при объединении этих банков против банка Эльзы Глюк перевес мог оказаться на стороне двух против одного.

Правда, могла быть и иная комбинация: войти в соглашение или даже слить капиталы, выговорив себе известные пра-

ва, с банком Эльзы Глюк. И Мюнстерберг и хитрый Шумахер, каждый в отдельности, тайком друг от друга, делали эту попытку, подсылая верных людей к Штирнеру позондировать почву. Но этот «злой гений», как называли Штирнера в биржевых кругах, не шел ни на какие соглашения. Он был оскорбительно насмешлив, беспощаден и неумолим к своим соперникам. Необычайное счастье в биржевой игре, безошибочное предугадывание биржевых курсов, совершенно непонятное влияние на окружающих делали Штирнера страшным.

Банкиры и биржевые маклеры рассказывали друг другу пониженным голосом, как бы боясь, что их подслушает неведомый враг, о многочисленных случаях странной гибели банкиров, обращавшихся лично к Штирнеру. О чем говорил с ними Штирнер, они никому не рассказывали. Но, побывав у него, эти банкиры будто лишались рассудка и всего своего опыта, совершали нелепые сделки, которые лишь ускоряли их разорение, а их капиталы переливались в подземные кладовые банка Эльзы Глюк. Несколько этих разорившихся людей покончили жизнь самоубийством. Поэтому Мюнстерберг и Шумахер и решили действовать через целую цепь посредников, опасаясь личного свидания.

Когда переговоры со Штирнером не привели ни к чему, для Шумахера и Мюнстерберга стало ясным, что только слияние этих двух банков, враждовавших между собою более полустолетия, даст возможность если не победить, то продолжать упорную борьбу со злым гением.

Борьбу эту им казалось вести тем легче, что они обладали большинством акций крупнейших торгово-промышленных предприятий страны: каменноугольные шахты, производство анилиновых красок, автомобильные и радиозаводы, электрическое освещение, городские железные дороги, судостроительные заводы... Акции этих предприятий находились в руках миллионов мелких держателей — небогатых фермеров, канцелярских служащих, пароходных коков и даже мальчиков, поднимающих лифты. Все они связали судьбу своих небольших сбережений с судьбой банков Мюнстерберга и Шумахера. За банкирами было широкое общественное мнение.

Утром пятнадцатого июля Зауер, преданнейший и усерд-

нейший помощник Штирнера, вошел в кабинет с очередным докладом.

Зауер крепко пожал протянутую Штирнером руку.

— Здравствуйте, Зауер! Как здоровье вашей куколки?

— Благодарю вас. Мой испуг оказался напрасным. Вчера был врач.

— И что же он нашел у фрау Зауер?

Зауер со счастливым и несколько смущенным лицом ответил:

— Она готовится стать матерью...

— Вот как? Поздравляю! Передайте ей мой привет. А на бирже что творится? Есть новости?

— Есть, и крупная новость. Мюнстерберг и Шумахер создают единый фронт против нас. Они подали заявление об образовании акционерного общества, и, как говорят в биржевых кругах, правительство пойдет им навстречу.

— Я знал это.

Зауер сделал удивленное лицо. Штирнер усмехнулся.

— Что же им остается делать? — ответил Штирнер. — Звери всегда сбиваются в кучу для защиты от более крупного врага. А правительство? Оно само хочет иметь прослойку между государственным банком и мною. Потому что если треснут толстый Мюнстерберг и худой Шумахер, то в государстве останутся только две финансовые силы, только две, Зауер: я, то есть банк моей жены, и Государственный банк. И еще неизвестно, кто кого победит.

Даже Зауер, привыкший к головокружительным успехам своего друга, был удивлен:

— Не слишком ли высоко залетаете, Штирнер?

— Друг мой, мы живем в мире неустойчивого равновесия. Для нас только два пути: или вверх, или вниз. При остановке катящееся колесо должно упасть набок. Как реагирует биржа на предстоящее слияние банков?

— За один день бумаги Мюнстерберга и Шумахера поднялись на пятьдесят пунктов, — ответил Зауер.

— Бросьте наших маклеров скупать эти бумаги.

— Вы играете на Мюнстерберга и Шумахера?

— Я играю на Глюк. Неужели вы не понимаете еще моей игры? Накручивайте, Зауер, накручивайте. Чем они будут вы-

ше, тем лучше. Мне надоело охотиться на мелкую дичь, и я хочу кончить всю эту биржевую возню одним ударом.

Подписав бумаги, Штирнер отпустил Зауера, но потом, что-то вспомнив, окликнул его:

— Послушайте, Зауер, узнайте домашние адреса министра торговли и промышленности и министра финансов.

— Их адреса вы можете найти вот в этом справочнике.

— Ах да... Благодарю вас. Как вы думаете, Зауер, не удалось бы нам пригласить их ко мне под каким-нибудь предлогом?

— Не думаю.

— Они не удостоят этой чести Людвига Штирнера? Посмотрим, что будет через месяц-два, а пока обойдемся и без этого визита. Дайте мне, пожалуйста, план города.

Зауер подал.

— Благодарю вас. Вы свободны, Зауер.

Штирнер разложил большой план на столе, положил компас и повернул план так, чтобы север на нем точно соответствовал стрелке компаса. Затем он тщательно отметил точками на плане места, где жили министры, и банк Эльзы Глюк, соединил эти точки линиями и записал в блокнот углы.

— Так... Ну-с, господа министры, если гора не идет к Магомету...

Не договорив, он прошел в свою комнату, смежную с кабинетом, и заперся на ключ.

Минут через десять в кабинет вошла Эльза и уселась в глубокое кресло у письменного стола. Щелкнул замок, и Штирнер вышел из своей комнаты. Эльза быстро поднялась и пошла к нему навстречу, протягивая руки. Штирнер поцеловал обе руки.

— Ты хотел меня видеть, Людвиг?

Он взял ее под руку и повел.

— Да, мой друг, я кончил свою утреннюю работу и хочу позавтракать с тобою в зимнем саду.

Эльза была обрадована:

— Ты так мало со мной видишься, Людвиг.

— Что делать, дорогая, у нас идут бои... Знаешь ли ты, что твое состояние утроилось, а через несколько дней в твоих руках будут капиталы всех частных банков страны?

Они уселись за большим столом, накрытым для завтрака. Штирнер налил в бокалы вина.

— Ты будешь королевой биржи.

Он отпил глоток.

— Да и биржи никакой не будет. Вся биржа будет здесь. Если бы ты уже не была моею женой, с каким удовольствием многие принцы крови предложили бы тебе руку и сердце! И если во всем этом богатстве, во всем твоем могуществе немножко виноват и я, то признайся, что Штирнер не такой уж пустой болтун!

— Я этого никогда не говорила! — горячо возразила Эльза.

— Да? Тем лучше.

Они чокнулись.

— Людвиг, я была бы более счастлива, если бы ты утроил не мое состояние, а время, которое ты уделяешь мне. Если бы ты знал, как я томлюсь в одиночестве... Я только и живу ожиданием, когда увижу тебя.

— Еще немного терпения, моя дорогая! Я скручу по рукам наших последних соперников, брошу их к твоим ногам, как военную добычу, и тогда...

Вошел Зауер и почтительно поклонился Эльзе. Она ответила ему любезным кивком головы.

— Простите, пожалуйста, что я беспокою вас. В гостиной вас, Штирнер, ждет какой-то господин, говорит, что явился по неотложному делу. Я сильно подозреваю, что это агент Шумахера. Он лично желает переговорить с вами.

Штирнер вышел.

— Ну, как Эмма? — спросила Эльза.

— Благодарю вас... Все хорошо...

— А что я вам говорила? Ведь я была права! Напрасно волновались. У Эммы будет ребенок!.. Подумать только! Ей самой в куклы еще играть. Я непременно зайду к ней сегодня...

— Она будет очень рада вас видеть.

Штирнер вернулся.

— Вы не ошиблись, Зауер. Старая лиса Шумахер готов в последнюю минуту предать своего союзника, если только я приму его к себе на правах компаньона... И запугивает, и сулит всякие выгоды — словом, пускает весь арсенал своей спекулятивной мудрости.

— Что же вы ответили?

— Я сказал: передайте господину Шумахеру, что мне ни компаньоны, ни гувернантки не нужны. Садитесь, Зауер, с нами завтракать.

Они весело болтали, как люди, связанные искренней дружбой и взаимным уважением. От прежних бурь не осталось и следа.

II. ПОБЕЖДАЕТ СИЛЬНЕЙШИЙ

В тот день, когда правительство должно было утвердить новое акционерное общество, объединявшее банки Мюнстерберга и Шумахера, Штирнер вызвал к себе Зауера рано утром и отдал приказ:

— Продайте все акции Мюнстерберга и Шумахера, спустите все до последней бумаги.

— Но они поднялись за одну ночь на двадцать шесть пунктов. Получены достоверные сведения, что утверждение акционерного общества обеспечено. Мне кажется...

— Не беспокойтесь ни о чем и выполните точно мой приказ. Поезжайте сейчас же на биржу сами и сообщите мне обо всем по телефону.

Зауер пожал плечами и уехал.

А через час уже звонил телефон.

— Акции берут нарасхват. Они идут в гору.

— Отлично, Зауер. В котором часу заседание правительства?

— В два часа дня.

— Успеете за это время продать все акции?

— Для этого достаточно часа.

— Тем лучше. Телефонируйте мне через час.

Не прошло и получаса, как Зауер сообщил:

— Акции проданы все до единой. На бирже творится что-то невероятное. Толпа запруживает всю площадь перед биржей. Уличное движение приостановлено. С большим трудом проезжают трамваи, автомобили не могут...

— Это мне неинтересно. Как наши акции?

— Увы, понижаются.

— Великолепно. Выждите, когда они понизятся еще больше, и тогда начинайте скупать...

— Людвиг, ты очень занят? — спросила Эльза, входя в кабинет.

— ...Скупите все, что будут предлагать, — продолжал Штирнер говорить в телефон. — Звоните почаще. — И, обратившись к Эльзе, сказал: — Да, я очень занят, дорогая. Завтракай одна. Сегодня я не отойду от телефона весь день и, вероятно, всю ночь.

Эльза сделала недовольный жест. Штирнер положил трубку телефона и подошел к Эльзе.

— Что делать, милая, потерпи. Сегодня я даю генеральное сражение. Я должен его выиграть, а завтра ты будешь некоронованной королевой, в твоих руках будут богатства...

— Людвиг! — с упреком сказала Эльза.

— Ну хорошо, не буду говорить об этом. Как Эмма? Ты была у нее?

— Врач сказал, что у нее почки не в порядке — кто бы мог подумать? — и ей опасно иметь ребенка...

— Так, так, — рассеянно слушал Штирнер.

— *Но она говорит, что умрет, но не откажется от ребенка.*

— Так, великолепно.

Опять затрещал звонок. Штирнер вздрогнул и, наскоро поцеловав Эльзу в лоб, сказал ей:

— Будь умница, не скучай. Когда все это кончится, мы с тобой поедем на Ривьеру. Алло! Я слушаю.

Эльза вздохнула и вышла.

— В двенадцать часов? То есть через час? Тем лучше! Как только вы узнаете о решении правительства, непременно сообщите...

Бросив трубку, Штирнер в волнении зашагал по кабинету.

— Вместо двух правительство решит этот вопрос в двенадцать. Значит, действует! Теперь я верю в успех, как никогда. А если здесь победа, то победа во всем! И Штирнер всесилен!

Он закинул голову назад, полузакрыл глаза и застыл на минуту с улыбкой на лице.

— Однако не время упиваться властью. Надо собрать все силы для последнего удара.

Штирнер пошел в свою комнату и заперся на ключ.

Через час он вышел усталый, побледневший, поправил на-

висшую на лоб прядь волос, опустился в кресло и полузакрыл глаза.

Звонок. Штирнер вскочил, как на пружине, и сорвал телефонную трубку.

— Алло! Да, да, я... Это вы, Зауер?

Но звонил не Зауер, а один из агентов Штирнера, Шпильман.

— Ошеломляющая неожиданность! Только что кончилось заседание. Правительство отклонило утверждение устава акционерного общества. Шумахер, бывший на заседании, крикнул в лицо министру: «Предатель!» Мюнстерберга хватил удар, и он в бессознательном состоянии отвезен домой.

Штирнер не дослушал. Дрожащей от волнения рукой он опустил телефонную трубку и так громко крикнул на весь кабинет: «Победа!», что проснулся лежавший у его кресла Фальк и, вскочив, с недоумением посмотрел на своего хозяина.

— Победа, Фальк! — Бросив в угол кабинета платок, Штирнер приказал: — Пиль!

Собака в несколько прыжков добежала до платка, схватила его и принесла хозяину.

— Вот так все они теперь! Ха-ха-ха!.. — нервно смеялся Штирнер. Он поднял собаку за передние лапы и поцеловал ее в лоб. — Но их я не буду целовать, Фальк, потому что они глупее тебя и они меня ненавидят. О, тем приятнее заставить их носить поноску!

Опять звонок.

— Зауер? Да, я уже знаю. Мне сказал Шпильман. Как реагирует биржа?

— Взрыв бомбы произвел бы меньшее впечатление. Биржа превратилась в сумасшедший дом.

— Акции Мюнстерберга?

— Головокружительно падают. Вы гений, Штирнер!

— Теперь не до комплиментов. Когда акции крахнувших банков будут котироваться по цене оберточной бумаги, можно будет скупить их... Мы сумеем вернуть им ценность. Но это успеется. Дело сделано, и вы можете уехать, Зауер!

— Я не могу выйти. Люди превратились в обезумевшее стадо. Сюда не могут даже пробраться санитары «Скорой помощи», чтобы унести упавших в обморок и смятых толпой.

— Ну что ж, если вы лишены свободы, сообщите мне, что у вас делается.

И Зауер сообщил. Фондовые маклеры устроили десятиминутное совещание, на котором решили, что удержать бумаги Мюнстерберга, Шумахера и всех связанных с ними банков нет никакой возможности. Крах совершился. Каждая минута приносила разорение целых состояний. Бумаги ежеминутно переходили из рук в руки. После полуночи нервное напряжение достигло наивысшей точки. Не только площадь перед биржей, но и соседняя площадь были запружены автомобилями крупных держателей бумаг. Они сидели в своих лимузинах всю ночь, бледные и утомленные, с блуждающими глазами. Бюллетень за бюллетенем приносили вести о непрестанном понижении курсов. Эти курсы передавались по телефону, но уже в момент отправки телефонограммы не соответствовали действительности. Толпы людей, как во время стихийного бедствия, разбили лагерь на соседнем бульваре и платили за право сидеть на бульварной скамейке больше, чем стоит номер в лучшей гостинице. Под утро два маклера и один банкир впали в буйное помешательство.

— Смерть Штирнеру! — кричал маклер. С большим трудом удалось отвезти помешанных в больницу.

Только когда забрезжил рассвет, волнение улеглось, как пламя догоревшего пожара. Вчерашние богачи выходили из биржи постаревшими на десять лет, сгорбленными, поседевшими, с дрожащими ногами. Толпа поредела. Зауер наконец получил возможность выйти из здания биржи и, шатаясь от усталости, вдохнул полной грудью свежий воздух.

«Такая же паника царит сейчас во всей стране... — подумал он. — В эту ночь разорились сотни тысяч людей, миллионы мелких вкладчиков потеряли свои сбережения. Этот сумасшедший кричал о Штирнере, винил во всем его. Но Штирнер не виноват. Побеждает сильнейший. Штирнер молодец. Гениальная голова!»

Зауер улыбнулся и тотчас устало зевнул.

А Штирнер, получив от Зауера последнее сообщение по телефону, встал из-за стола и сладко потянулся. Его волнение улеглось. Он испытывал чувство той приятной усталости, которое охватывает человека, когда он хорошо поработал и до-

волен результатами труда. Он победил. И его победа больше, чем победа над банкирами и министрами. Он победил сопротивляемость человека! Готлибы, Эмма, Зауер, Эльза... Теперь вот они!..

— Никто в мире больше не может сопротивляться мне, весь мир скоро будет моей собственностью! — гордо сказал он.

Ему не хотелось спать.

Он прошел наверх и постучал в комнату Эльзы.

Она была одета и не спала. Быстро открыла дверь и, сияя, протянула ему руки.

— Наконец-то ты вспомнил обо мне, Людвиг!

III. БЕЛАЯ ВИЛЛА

Банк Эльзы Глюк, он по-прежнему назывался по девичьей фамилии Эльзы, сделался неограниченным владыкой финансового мира.

Впрочем, сама Эльза никак не почувствовала увеличения своего могущества. По-прежнему бродила она одиноко в своих пустых комнатах, живя мыслью о коротких свиданиях со Штирнером. Но он все еще был слишком занят, чтобы уделять ей больше времени. Эльза всегда чувствовала, когда он хочет ее видеть. Сладкий трепет пробегал по ее телу, и она без зова спешила вниз, зная, что Штирнер свободен и не отошлет ее от себя. Но, бывало, тянулись дни, протекала неделя, а Штирнер только по утрам показывался к ней, рассеянно здоровался и исчезал. Иногда он отлучался из города на несколько дней. И тогда на нее нападала какая-то апатия, и она даже не хотела его видеть. А если встречала его тотчас после возвращения, то была холодна. Штирнер недовольно морщился и спешил в свою запретную даже для нее комнату. После нескольких минут пребывания Штирнера в его комнате она вдруг замечала, как горячее чувство любви начинает наполнять ее. И когда Штирнер выходил из своей комнаты, она встречала его взглядами, полными нежности.

Штирнер еще хмурился, будто какая-то мысль тяготила его. Но искреннее чувство Эльзы скоро захватывало и Штирнера. Он был внимателен и любезен, и она жадно ловила эти редкие минуты...

Их отъезд затягивался.

Штирнер поставил себе новую задачу: прибрать к своим рукам всю промышленность страны, пользуясь тем, что большинство предприятий были должниками банка Эльзы Глюк.

Заводчики и фабриканты боролись упорно, но Штирнер методически захватывал в свои руки их фабрики и заводы.

И только когда борьба была решена в пользу Штирнера, он позвал Зауера и Эльзу и сказал:

— Наконец я могу отдохнуть и совершить с некоторым опозданием наше свадебное путешествие. Вы, Зауер, справитесь с делом. Борьба, в сущности, кончена. Остается только легализовать наши права: опротестовать векселя «последних могикан», объявить торги на их фабрики и заводы и закрепить за собой предприятия, потому что кто же купит их, кроме нас? Завтра утром мы вылетаем. Как здоровье жены?

Зауер сокрушенно покачал головой:

— Вы бы ее не узнали, Штирнер, она очень изменилась к худшему.

— Ну еще бы, это в порядке вещей, — улыбаясь, ответил Штирнер.

— Нет, я не о том, — несколько смутившись, ответил Зауер, — у нее очень опухли ноги и лицо: почки. Она не послушалась врачей, а теперь уже роды неизбежны. — И с искренней озабоченностью он сказал: — Я очень беспокоюсь за свою куколку...

— Теперь уже приходится заботиться о двух куколках сразу. Не бойтесь, Зауер. К вашим услугам будут лучшие профессора. Не забывайте телеграфировать мне обо всем. Передайте мой привет вашей жене.

В ночь перед отлетом Штирнер не спал. Он чем-то занимался в своей комнате. Эльза дремала у себя. Но и сквозь сон она чувствовала, что по ней как будто проходят какие-то нервные или электрические токи и все усиливающаяся любовь к Людвигу переполняла ее. Несколько раз она в полусне протягивала руки и нежно шептала:

— Людвиг! Милый Людвиг!..

А с первыми лучами солнца она уже вылетела вместе с ним на собственном самолете.

Они летели в Ментону, на одну из принадлежавших ей вилл, купленную Карлом Готлибом незадолго до его смерти.

После долгой жизни взаперти и полуодиночества этот полет в обществе Людвига казался ей сказочно прекрасным.

Ей одновременно хотелось смотреть на Людвига и любоваться развертывающейся внизу панорамой. Глядя на открывавшийся перед нею необъятный простор, она весело напевала:

Я вольная птица, хочу я летать!..

— Глупая песенка, — обратилась она со смехом к Штирнеру, — «хочу я летать». Надо петь: «Я вольная птица, с тобой я лечу». Смотри, как смешно: отсюда мы видим только черепичные крыши, и дома кажутся красивыми квадратиками на зеленом ковре. А это что за муравьи? Да ведь это стадо! Какое крохотное! Что там за снежные горы сияют вдали?

— Альпы.

— Уже Альпы! Мы будем лететь выше орлов!..

Никогда она не чувствовала себя такой счастливой.

Спуск совершился благополучно на небольшом аэродроме около Ниццы. Через час они были в своей вилле.

Вилла была расположена недалеко от Вентимильи, у границы, разделяющей здесь владения Франции и Италии.

Прекрасная белая вилла, стоявшая почти у берега моря, облицованная мрамором, вся утопала в зелени. Апельсиновые деревья были покрыты крупными плодами. На площадке перед виллой росли пальмы. Красная гвоздика ярким ковром покрывала эту площадку.

Единственным неудобством виллы было то, что близко проходило полотно железной дороги. Поезда шли почти беспрерывно, громыхая над головой. Но Эльза даже не замечала этого неудобства: ночью она хорошо спала, и шум не будил ее, а днем они совершали прогулки в горы, катались на своей яхте или летали на гидроплане вдоль берега, к Ницце и обратно. Замок игрушечного княжества Монако, прилепленный к желтым скалам, как ласточкино гнездо, сам казался игрушкой. Белой ниточкой протянулся у берега прибой. На пляже видны были гуляющие величиною менее булавки. А когда пилот, поворачивая обратно, направлял серый нос гидроплана в открытое море, зрелище было еще более изумительным. Края гори-

зонта, высоко поднятые благодаря оптическому обману, превращали море в синюю чашу, над которой была опрокинута голубая чаша неба. И казалось, что гидроплан находился в центре шара. Внизу проплывали игрушки-парусники... Эльзе хотелось смеяться от радости и счастья.

Она возвращалась на виллу бодрая, жизнерадостная, как никогда.

После рационализированного, холодного, полупустого стеклянного ящика — дома Готлиба — вилла казалась необычайно уютной и «жилой». Здесь Готлиб не успел еще ввести своих чудачеств. Вся обстановка была несколько старомодна, но красива и удобна. Не новый, но хороший рояль очень понравился Эльзе, и она играла на нем в теплые вечера. Дверь на балкон была открыта, над водной гладью поднималась луна, бросая на море серебряную полосу, а ожившие от ночной прохлады туберозы дышали сладкой истомой.

И пьесы, которые она играла, были такими же красивыми, полнозвучными и спокойно-радостными, как эти южные ночи. Казалось, отдыхал и Штирнер. Даже очертания лица его стали мягче, и ироническая улыбка не кривила губы. Только иногда, останавливая взор на Эльзе, Штирнер вдруг становился задумчив и печален.

Две недели прошли незаметно.

Но в начале второй недели Эльза почувствовала в себе какую-то перемену. Она как будто стала пробуждаться от сна. Эльза уходила к себе и подолгу сидела одна. Непрошеные мысли снова начали беспокоить ее. И, чему она сама удивлялась, Людвиг как будто становился ей менее дорог. Она глядела на его лицо, и оно становилось как будто все более длинным и неприятным.

Штирнер замечал это и хмурился все больше. Не радовали его и телеграммы Зауера. Он сообщал о ряде неудач. За время отсутствия Штирнера возродилось несколько банков. Некоторые крупнейшие заводчики и шахтовладельцы сумели получить заграничный кредит и оплатили векселя, выйдя таким образом из-под финансовой кабалы Штирнера. Но главное — с отъездом Штирнера против него поднялась большая газетная кампания. Объединение в руках одного банка Эльзы Глюк всего финансового и промышленного богатства страны

признавалось опасным для государства и интересов населения. Правительственные газеты были так же вооружены против Штирнера, как и частные.

Необычайный, беспримерный успех Штирнера давал тему для самых различных предположений и толкований, причем большинство газет склонялось к тому, что, чем бы ни был вызван этот успех, он выходит из обычных рамок, а потому необходимо бороться с этим могуществом также необычными мерами, не предусмотренными в законе. Возможно, что правительство издаст специальное законодательное постановление, направленное против Штирнера. Министры, не утвердившие устава акционерного общества Мюнстерберга и Шумахера, принуждены были под влиянием общественного мнения подать в отставку, хотя негласное следствие, которое велось против них, не могло установить наличия корыстных мотивов в их поведении, иначе говоря — подкупа их Штирнером. Мюнстерберг не перенес удара и умер. Шумахер делал попытку покончить с собой, выжил и уехал в Америку.

Таковы были новости последней недели. О Штирнере знал уже весь мир. Имя его было у всех на устах. Здесь, в Ментоне, он с женой держался особняком. Каждый их выход возбуждал такое любопытство, смешанное со страхом, что Штирнер сам избегал показываться в обществе.

Пока Эльза была нежна с ним, он не чувствовал особого одиночества. Но за последние дни она становилась все холоднее к нему, а он делался все более мрачным.

Потом он вдруг принялся за работу, заказал железные листы, проволочную сетку, изоляторы, целый ворох электротехнических материалов, приказал отнести все это в отдельную комнату и там заперся на целый день.

На другое утро Эльза была вновь нежна и переполнена любовью к нему. Но, казалось, и это уже не радовало его.

Чтобы рассеяться, он предложил ей прогуляться в горы — они уже давно не выходили из дому. На этот раз Эльза охотно согласилась.

Они зашли далеко и остановились отдохнуть в небольшом, белом, чистеньком домике. Гостеприимная, словоохотливая и любопытная старушка принесла им молока и, осведомившись, откуда они, заговорила:

— Вот вы откуда! Там, говорят, теперь появился какой-то человек — Штирнер. Чего только у нас про него не говорят! Они с женой теперь самые богатые люди во всем мире, но только темное это богатство! Сколько народу погибло из-за него, сколько разорилось, сколько крови и слез пролилось...

В дверь постучались, и тотчас, не ожидая ответа, в комнату вошел запыхавшийся слуга с виллы.

— Простите, господин Штирнер, вы приказали все срочные телеграммы доставлять немедленно... — И, утирая пот со лба, он подал телеграмму: — Вот, только что получена.

Старушка от волнения выронила из рук полотенце, задрожала, с ужасом уставившись на Штирнера.

Штирнер раскрыл и прочел телеграмму. Затем он вдруг поднялся и нахмурился.

— Вы можете идти, Жан! — сказал он слуге и, бросив золотой ошеломленной старухе, подал руку Эльзе: — Идем! Нам надо немедленно собираться в дорогу.

Старушка долго смотрела вслед, потом осторожно взяла двумя щепочками золотой и, шепча молитву, выбросила монету в выгребную яму.

— Проклятые деньги!

— Что случилось, Людвиг? — тревожно спросила Эльза. — Милый, неужели опять туда? Так скоро! — И она, как бы прощаясь, с грустью окинула взглядом небо, берег и море.

— Мое присутствие необходимо. Зауер телеграфирует, что мои враги воспользовались моим отсутствием и вновь начали борьбу.

Лицо Людвига вдруг стало жестким.

Высвободив свою руку из-под руки Эльзы так резко, что она в испуге отшатнулась, он со злостью крикнул, потрясая кулаком:

— Куш на место, проклятые!

Фальк, услышав знакомое слово, покорно улегся на дороге, положив морду на протянутые лапы.

По приезде домой Штирнер нашел положение дел серьезнее, чем он ожидал. Десятки разорившихся банкиров объединились, создали новые банки, успешно конкурировавшие с банком Эльзы Глюк. Им удалось не только отвлечь часть банковской клиентуры, но и выкупить несколько крупных фаб-

рик и заводов, находившихся в финансовой кабале у Штирнера. Вдобавок правительством уже был подготовлен закон «О банковских учреждениях», явно направленный против Штирнера. И Штирнер, забыв об Эльзе, вновь погрузился в борьбу, целыми днями не выходя из своей комнаты.

На этот раз, однако, Штирнеру удалось скоро справиться со своими противниками. Конкурировавшие банки были вновь прибраны к рукам, об издании законов, ограничивающих свободу операций Штирнера, не было и речи. Больше того, был издан ряд новых законов, легализовавших новые порядки, введенные Штирнером в банковской практике.

Для него вновь наступила полоса относительного спокойствия.

Он чаще виделся с Эльзой, возобновил свои научные занятия, посещал свой «зверинец» и строил какие-то сложные приборы.

Но, несмотря на все это, он чувствовал себя утомленным. Он жил слишком нервной жизнью, растрачивал много нервной энергии. Приглашенный врач нашел у него психастению. Это болезненное состояние обостряло у него чувство одиночества, в особенности теперь, когда жизнь протекала относительно спокойно. Даже ласки Эльзы не успокаивали, а иногда и раздражали его.

— Не то, не то! Ты ли ласкаешь меня или я сам ласкаю себя твоей рукой? — говорил он непонятные Эльзе фразы.

Но ее музыка действовала на него еще благотворно. Вечерами злой дух одиночества особенно мучил его, как Саула, и Штирнер бежал к своему «Давиду» — как называл он в такие минуты Эльзу — и просил ее:

— Играй, играй, Эльза! Я хочу музыки, она успокаивает меня...

И Эльза садилась за рояль и играла овеянные тихой тоской ноктюрны Шопена.

Перед ними вставали картины из безоблачного счастья в первые недели поездки на юг. Из зимнего сада доносился запах цветов, окутывало очарование южной ночи. Но теперь к этому очарованию примешивалась печаль об утерянном счастье.

— Простите, что я помешал вам, — вдруг услышали они

голос Зауера. — Поздравьте меня, сегодня утром у меня родился сын!

Штирнер и Эльза поднялись, почему-то взволнованные этой вестью.

— Я даже не мог сообщить вам об этом по телефону, — продолжал Зауер. Он выглядел очень усталым, но счастливым. — Не спал всю ночь... волновался. Сейчас она спит.

— Благополучно?

— Роды были трудные. Жена очень слаба. Осложнения с почками. Врачи говорят, что ей необходимо будет поехать на юг, и, вероятно, надолго. Но она не соглашается ехать без меня. Вы отпустите меня?

И Зауер просительно смотрел на Штирнера и Эльзу.

Штирнер задумался.

— Конечно, Людвиг? — сказала Эльза.

— Дня через два я дам ответ. Думаю, что это будет возможно. А пока позвольте поздравить вас с Зауером-младшим!

Зауер поклонился:

— Простите, но я спешу. — И, быстро попрощавшись, он вышел. А Эльза и Штирнер стояли, облокотившись о рояль, погруженные в свои думы.

IV. МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Прошла неделя, а Зауер с женой еще не уезжали. Последние дни Штирнер почти не выходил из своей комнаты и был очень мрачен. Даже музыкальные вечера в большом зале были отменены. Эльза иногда пыталась повидаться со Штирнером, но что-то удерживало ее. Одиноко бродила она по залу, останавливалась, заламывала руки и тихо шептала:

— Как я несчастна!..

В конце недели образ Штирнера начал как-то тускнеть в ее сознании. Иногда перед нею проносилось его лицо, и оно казалось ей чужим и страшным.

Все чаще окидывала она взором окружающую обстановку с недоумением, как будто в первый раз видела ее. А в конце недели ее начал преследовать образ Зауера. Милый Зауер, как она могла забыть его? О том, что Зауер женат, что у него родился ребенок, она совершенно не думала, как будто этого и

не было. Случайно встретившись с Зауером, она окинула его таким нежным взглядом, что он посмотрел на нее с недоумением, потом вдруг смутился и задумался, как будто припоминая какую-то ускользавшую мысль.

— Отто, — сказала она, вновь называя его по имени, — я так давно не виделась с вами... Отчего вы избегаете меня, Отто?.. — И, потянувшись к нему, она тихо добавила: — Я так одинока... Мне не хватает вас, Отто...

Они были одни.

Отто присел на стул рядом с Эльзой и усиленно тер лоб ладонью. Нежные слова Эльзы разбудили спавшие воспоминания. Лицо Зауера выражало мучительную борьбу. И вдруг какая-то мысль прорвалась и осветила его лицо. Он схватил Эльзу за руку и, глядя на нее влюбленными глазами, заговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Да, да, мы так давно не видались! Эльза, милая Эльза! Как я мог забыть о вас? Я не знаю, что происходит с нами, но сейчас как будто рассеялся туман и я увидел вас после долгой разлуки. Где вы были, Эльза? Что было с вами?

Они сидели, будто и в самом деле встретились после долгой печальной разлуки, и не могли насмотреться друг на друга.

Перебивая друг друга, они стали говорить о своей любви, о тоске одиночества, о радости этой встречи.

Часы с башенным боем били час за часом, гулко раздавались удары в пустых комнатах, а они, не замечая времени, продолжали сидеть и говорить...

Они не строили никаких планов, не вспоминали прошлого, не думали о будущем. Они просто упивались настоящей минутой, упивались этим лучом, так неожиданно разорвавшим мрак, окружавший их настоящие мысли и чувства. Еще раз пробили часы.

— Уже двенадцать, как поздно! — сказала Эльза. — До завтра, мой милый. — И она первая обняла и поцеловала Зауера долгим и крепким поцелуем.

Но это «завтра» не пришло.

Штирнер на время выпустил их из-под своего влияния только потому, что был с головой погружен в новые заботы. Он работал над каким-то сложным аппаратом, который должен был расширить его мощь, его власть над людьми. К соз-

данию же этого аппарата его побуждали новые осложнения и новые огромные задачи.

Благодаря принятым им мерам продукция находившейся в его руках промышленности возросла необычайно, товары подешевели, внутренний рынок был уже перенасыщен ими. Штирнер стоял перед катастрофическим кризисом перепроизводства. Его могло спасти только завоевание иностранных рынков. Но на пути к этому стояли огромные препятствия. Иностранные государства, опасаясь конкуренции его дешевых товаров, установили высокие заградительные пошлины. Нужно было сломать во что бы то ни стало этот барьер. Экономическая война, которую он вел с иностранными конкурентами, находилась в том периоде, когда она неминуемо должна была перейти в вооруженное столкновение. Но объявить настоящую войну было делом сложным. Правда, с правительством он делал что хотел. Но все же правительство было средостением между его волей и действием. И он решил, что настал момент уничтожить правительство. Он сам станет единым, неограниченным правителем страны. Он подчинит своей воле миллионы людей, внушит им мысль о необходимости войны, и они с радостью пойдут умирать, как умирали солдаты Наполеона.

Но для этого должно быть орудие необычайной мощности, «дальнобойности», покоряющее мысли и волю людей, орудие массового внушения, радиоволны... И он усиленно работал над этим, позабыв на время об окружающих его людях.

В тот самый день, когда Эльза и Зауер с поцелуем расстались друг с другом, задача Штирнера была разрешена. И только ночью он вспомнил об Эльзе и Зауере. Он вспомнил. И в их душах все переменилось. Зауер вновь любил свою маленькую «куколку» Эмму и боготворил ребенка, а Эльза уже в предутреннем сне с нежностью повторяла имя Людвига.

Наутро она пришла к нему в кабинет и, поцеловав в лоб, сказала:

— Милый Людвиг, у меня к тебе две просьбы!

— Здравствуй, дорогая... Целых две! Приказывай, повелительница.

— Здесь Готлиб.

— Опять Готлиб?

— Это молодой Готлиб, Рудольф.

— Но молодой как две капли воды похож на старого. Ему нужны деньги, не так ли?

— Рудольф поссорился с отцом, когда узнал, что старик получил от нас двести тысяч и ничего не дал ему, и Рудольф Готлиб просит...

— Ни в коем случае!

— Но мы так богаты, Людвиг!

— Именно потому, что мы так богаты. Бросить подачку старику куда ни шло. Но дать этому мальчишке — значит дать ему повод думать, что мы не совсем ладно оттягали у него лакомый кусок и сами сознаем это. Тогда от него не отвяжешься. Он начнет шантажировать нас. Старику немного надо, и он удовлетворен. А Рудольф... Он еще опасен. Нет, нет, дорогая. Я не могу этого сделать в твоих же интересах.

— Но я почти обещала ему...

Штирнер подумал. Он был в хорошем настроении. Какая-то мысль заставила его улыбнуться.

— Я сам поговорю с ним. Садись, Эльза, одну минутку. — Штирнер скрылся в своей комнате и скоро оттуда вернулся. — Я сыграю над ним шутку, которая отвадит его от этого дома. Я просто мог бы заставить его забыть наш дом, но мне совсем не улыбается брать его в число «опекаемых», — сказал Штирнер непонятную Эльзе фразу.

Штирнер позвонил и приказал вошедшему лакею пригласить Рудольфа Готлиба.

Готлиб вошел. Он не был похож на просителя. Жадность, приведшая его сюда, боролась в нем с напыщенной гордостью.

— Садитесь, молодой человек, — сказал Штирнер. — Вам нужны деньги?

Рудольфа передернуло от этого обращения, но он сдержался. Только веснушчатое лицо его вспыхнуло.

— Да, мне нужны деньги, — сказал он, оставаясь стоять, — и, как мне кажется, моя... просьба не совсем безосновательна.

«Дурак! — подумал Штирнер. — Этим началом он сам обезоруживает себя!»

— Господин Готлиб, если вы ставите так вопрос, то обратитесь в надлежащие судебные учреждения и доказывайте там основательность ваших «законных» претензий.

— Кроме норм юридических, есть нормы моральные, — ответил Рудольф заранее приготовленной фразой. — Мне нечего доказывать мои моральные права.

— Моралью ведает благотворительность, а здесь не благотворительное учреждение.

— Довольно вывертов! — вдруг вспыхнул Рудольф. — Или вы удовлетворите меня, или я...

— Ах, вы угрожаете? Таких посетителей я имею обыкновение выводить с особым почетом.

Штирнер свистнул. Из смежного кабинета послышались мягкие, но тяжелые шаги. В кабинет, переминаясь с ноги на ногу, вошел на задних лапах бурый медведь. Он молча приблизился к Рудольфу и, упершись лапами в грудь, стал толкать его к выходной двери.

Рудольф побледнел и полуживой от страха дошел до двери, потом вдруг с истерическим криком бросился бежать от преследующего его медведя.

Эльза была испугана, Штирнер хохотал, откинувшись в кресле.

— Вот лучший способ отвадить нежелательных посетителей. Больше не явится, будь покойна!

И он опять засмеялся.

Позвонил телефон.

— Алло! Штирнер, да, я вас слушаю. А, опять вы, господин Готлиб? Вы этого так не оставите? Ого! А вы хорошо стреляете? Так, так. Только не советую охотиться на меня вблизи дома! Имейте в виду, что я отдал приказ моим четвероногим друзьям о том, что если вы еще раз попадетесь им на глаза, то они должны разорвать вас на части, как глупого козленка!.. Что, смерть вашего дядюшки? Убийца? Скажите, пожалуйста!.. Так, так... Желаю успеха! Дурак, — сказал Штирнер, кладя трубку телефона.

— Людвиг, можно ли так пугать людей?

— Дорогая моя, это наиболее безобидное орудие в арсенале человеческой борьбы. Но у тебя была еще вторая просьба?

— Теперь уж я не знаю...

— Не беспокойся. Твой второй протеже не попадет в объятия медведя. Кто он?

— Это Эмма. Я была у нее. И она умоляла меня отпустить с

ней Зауера на юг. Ей необходимо лечиться, а без мужа она не поедет.

— Да, можно. Теперь можно. Я обойдусь без Зауера. — И, взяв в руки утренний выпуск газеты, Штирнер повторил: — Теперь можно! Кстати, ты не читала сегодняшней газеты? Вот прочти, любопытная заметка. Читай вслух.

Эльза взяла газету, на которой Штирнером было подчеркнуто красным карандашом заглавие:

«МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Вчера вечером в городе наблюдалось странное явление. В одиннадцать часов ночи, в продолжение пяти минут, у многих людей — число их пока не установлено, но, по имеющимся данным, оно превышает несколько тысяч человек — появилась навязчивая идея, вернее, навязчивый мотив известной песенки «Мой милый Августин». У отдельных лиц, страдающих нервным расстройством, подобные навязчивые идеи встречались и раньше. Необъяснимой особенностью настоящего случая является его массовый характер. Один из сотрудников нашей газеты сам оказался жертвой этого психоза. Вот как он описывает событие:

— Я сидел со своим приятелем, известным музыкальным критиком, в кафе. Критик, строгий ревнитель классической музыки, жаловался на падение музыкальных вкусов, на засорение музыкальных эстрад пошлыми джаз-бандами и фокстротами. С грустью говорил он о том, что все реже исполняют великих стариков: Бетховена, Моцарта, Баха. Я внимательно слушал его, кивая головой — я сам поклонник классической музыки, — и вдруг с некоторым ужасом заметил, что мысленно напеваю мотив пошленькой песенки «Мой милый Августин». «Что, если бы об этом узнал мой собеседник? — думал я. — С каким бы презрением он отвернулся от меня!..» Он продолжал говорить, но будто какая-то навязчивая мысль преследовала и его... От времени до времени он даже встряхивал головой, точно отгонял надоедливую муху. Недоумение было написано на его лице. Наконец критик замолчал и стал ложечкой отбивать по стакану такт, и я был поражен, что удары ложечки в точности соответствовали такту песенки, проносившейся в моей голове. У меня вдруг мелькнула неожи-

данная догадка, но я еще не решался высказать ее, продолжая с удивлением следить за стуком ложечки.

Дальнейшие события ошеломили всех!

— Зуппе, «Поэт и крестьянин», — анонсировал дирижер, поднимая палочку.

Но оркестр вдруг заиграл «Мой милый Августин». Заиграл в том же темпе и в том же тоне... Я, критик и все сидевшие в ресторане поднялись, как один человек, и минуту стояли, будто пораженные столбняком. Потом вдруг все сразу заговорили, возбужденно замахали руками, глядя друг на друга в полном недоумении. Было очевидно, что эта навязчивая мелодия преследовала одновременно всех. Незнакомые люди спрашивали друг друга, и оказалось, что так оно и было. Это вызвало чрезвычайное возбуждение. Ровно через пять минут явление прекратилось.

По наведенным нами справкам, та же навязчивая мелодия охватила почти всех живущих вокруг Биржевой площади и Банковской улицы. Многие напевали мелодию вслух, в ужасе глядя друг на друга. Бывшие в опере рассказывают, что Фауст и Маргарита вместо дуэта «О, ночь любви» запели вдруг под аккомпанемент оркестра «Мой милый Августин». Несколько человек на этой почве сошли с ума и отвезены в психиатрическую лечебницу.

О причинах возникновения этой странной эпидемии ходят самые различные слухи. Наиболее авторитетные представители научного мира высказывают предположение, что мы имеем дело с массовым психозом, хотя способы распространения этого психоза остаются пока необъяснимыми. Несмотря на невинную форму этого заболевания, общество чрезвычайно взволновано им по весьма понятной причине. Все необъяснимое, неизвестное пугает, поражает воображение людей. Притом высказываются опасения, что болезнь может проявиться и в более опасных формах. Как бороться с нею? Как предостеречь себя? Этого никто не знает, как и причин появления болезни. В спешном порядке создана комиссия из представителей ученого мира и даже прокуратуры, которая постарается раскрыть тайну веселой песенки, нагнавшей такой ужас на обывателей. Будем терпеливы и сохраним спокойствие. Быть

может, все окажется не столь серьезным и страшным, как кажется многим».

Эльза окончила чтение и посмотрела на Штирнера.

— Что же все это значит, Людвиг? — спросила она.

— Это значит, что все великолепно! Идем завтракать, дорогая!

V. КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Веселая немецкая песенка, всполошившая население огромного города, вопреки успокоительным уверениям газет, оказалась делом серьезным, внушающим большие опасения.

Не прошло и недели с тех пор, как тысячи людей вынужденно пели эту песенку, случилось событие, которое еще в большей степени взволновало не только общество, но и правительство.

Ровно в полдень в части города было приостановлено на одну минуту все движение. Можно было подумать, что происходит какая-то минутная забастовка протеста. Но забастовка небывалая по своей организованности и своеобразию.

Работа учреждений вдруг приостановилась, как по мановению волшебного жезла.

Чиновники перестали писать, будто мгновенный паралич сковал их руки. Приказчики в магазинах замерли с протянутым покупателю товаром и стояли без звука, с раскрытым ртом и застывшей улыбкой, как в столбняке.

В ресторанных оркестрах музыканты превратились в статуи с остановившимися смычками в руках. Замерли в своих позах и посетители — кто с поднятой чашкой в руке, кто с куском мяса на поднесенной к открытому рту вилке.

Но особенно поражал вид улиц и площадей, охваченных странным столбняком. Вот конвойные с арестованным посередине. Арестованный легко мог бы убежать от своих окаменевших стражников, если бы и сам не застыл с поднятой ногой. На базаре голодный мальчик, с расставленными на бегу ногами и сильно наклонившимся телом, протягивает руку к пирожку. Торговка бросается на него с видом курицы, защищающей цыплят от налетающего коршуна. В этой окаменев-

шей группе столько движения, выразительности, живости, что скульптор дорого бы дал, чтобы иметь возможность приводить в такое состояние своих натурщиков. Будто моментальный фотографический снимок закрепил мгновенную игру мимики лиц и движений мускулатуры.

Тою же каталепсией были охвачены и прохожие на тротуарах. Удивительнее всего было то, что это странное явление захватило городское движение полосой. Всякий прохожий, вступая в таинственную зону, мгновенно каменел, а по ту и другую стороны этой зоны обычное движение не прекращалось. Автомобили, въезжавшие с разгона в эту мертвую зону, проскакивали ее. Вернее, их выносила машина. Шофер же и пассажиры на целую минуту теряли способность не только двигаться, но и думать.

И автомобили не заворачивали на поворотах, врезались в дома, наезжали один на другой, нагромождаясь целыми поездами. Произошло крушение двух поездов городской железной дороги, причем один поезд, разбив упор, свалился на улицу.

Не успело общество прийти в себя от этого потрясения, как город постиг новый удар. Полосой через город прошла волна какого-то массового пятиминутного помешательства. Крайнее возбуждение охватило всех. И пунктом помешательства на этот раз было слово «война».

— Война, война до победы! Смерть врагам! — кричали мужчины, размахивая палками и зонтами, кричали женщины, старики и дети в необычайном задоре и нестройно пели национальные гимны. Лица всех были страшны. Казалось, эти люди уже опьянены кровью и видят перед собой смертельного врага.

— Смерть или победа! Война! Да здравствует война!

Жажда действия, борьбы, крови была так сильна, что на улицах произошел ряд побоищ. Мужчины и дети дрались между собой. Женщины окружили полную даму, показавшуюся им иностранкой, и били ее зонтиками так, что от зонтиков остались одни изогнутые прутья. Их лица были бледны, глаза горели ненавистью, шляпы падали на землю, волосы распускались. А они продолжали избивать несчастную женщину с каким-то садизмом, почти сладострастным упоением жестокостью. Везде им чудились иностранные шпионы. Толпа

мужчин, остановив проезжавший автомобиль «Скорой помощи», вытащила воображаемого шпиона. Мужчины сорвали бинты с обожженного тела несчастного. Больной кричал, а обезумевшие люди рылись в повязках в поисках секретных бумаг.

Все они, и мужчины и женщины, старики и дети, были в таком состоянии, что действительно пошли бы умирать на поля сражений и умерли бы, думая не о себе, а только о том, чтобы убивать.

Припадок безумия прошел так же внезапно, как и начался.

Ошеломленные, потрясенные люди смотрели на избитых и раненых, на следы крови на земле, на свои истерзанные, растрепанные костюмы и волосы и не могли понять, что все это значит.

Комиссия, созданная для расследования причин массового помешательства людей на мотиве веселой песенки, скоро была преобразована в комитет общественного спасения.

Спасения от кого? Комитет не знал этого. Но что обществу угрожала огромная, небывалая в истории опасность от неизвестного, невидимого врага — будь то человек или неизвестный микроб, — в этом никто больше не сомневался. Новый неведомый враг казался правителям опаснее войн и революций именно потому, что он был неведом. Неизвестно было, откуда придет новая опасность и как бороться с нею. Возбуждение общества было необычайно. Каждый день десятки людей сходили с ума и кончали жизнь самоубийством, не будучи в состоянии переносить напряженное ожидание новых неведомых бед. С величайшим трудом правительство и печать поддерживали обычное течение жизни. Казалось, еще немного, и распадется не только государство, но и все основы общежития, и общество превратится в сплошной сумасшедший дом.

В столице это чувствовалось особенно сильно. Находились проходимцы, которые, однако, не поддавались в такой степени панике. Они сами поддерживали эту панику, распространяя чудовищные слухи.

— Скоро наступит новый приступ болезни, и люди начнут перегрызать друг другу горло...

— Люди перестанут дышать и умрут в страшных мучениях от удушья...

— Наступит внезапный сон, и никто больше не проснется...

И всему этому верили.

После того, что было, все казалось возможным.

Люди за бесценок распродавали свои дома и вещи тем, кто спекулировал на панике, и уезжали из города в места, еще не захваченные эпидемией.

Комитет общественного спасения заседал почти беспрерывно. Заседания эти, из опасения быть открытыми невидимым врагом — если он живое существо, — происходили в глубоком подвальном помещении городской ратуши и обставлялись большой тайной. Несмотря на то что члены комитета попеременно совещались день и ночь, тайна оставалась нераскрытой.

Среди приглашенных экспертов-ученых существовало разногласие.

Психиатры высказывали мысль о массовом психозе и гипнозе. Вспышка кровожадных воинственных чувств еще поддавалась этому научному объяснению, но труднее было объяснить одновременное исполнение массами людей одной и той же песенки. Эта песня, несмотря на невинность «заболевания», казалась ученым более страшным явлением, чем внезапное возбуждение уличной толпы. Наука знает примеры заразительности эмоций, ярко выраженных внешним образом, знает примеры преступности толпы, массового гипноза. Но формы массового скрытого гипноза ей неведомы.

Ссылка на факиров, будто бы способных производить нечто подобное, казалась неубедительной. Все их чудеса, совершаемые будто бы с помощью массового гипноза, не проверены, не изучены и переплетены с выдумкой фантазеров-путешественников.

Микробная гипотеза, пытавшаяся объяснить таинственные явления действием нового микроба, также не привела ни к чему.

Сотни лиц, подвергшихся новой болезни, были тщательно исследованы, врачи произвели анализ их крови, но никакого микроба не нашли.

— Вопрос будет решен совершенно в иной области, — говорили инженеры-электрики. — Вероятнее всего, мы имеем

дело с радиоволнами, которые непосредственно воспринимаются организмом человека.

— Люди-радиоприемники? — с иронией спрашивали их старые инженеры. — Это что-то из области фантастики!

— А само радио разве не из области фантастики? — отвечали первые.

Старики пожимали плечами.

— Докажите!

— И докажем!

И, подобно своим коллегам-медикам, инженеры усаживались за опыты.

В то время как ученые сидели в своих лабораториях над микроскопами и катодными лампами, желая раскрыть тайну, над раскрытием этой же тайны усиленно работал Иоганн Кранц.

Иоганн Кранц не принадлежал к почтенной корпорации ученых. Он был всего только полицейским сыщиком. Человек с большим профессиональным опытом и неплохой головой, Кранц не задавался даже вопросом, кто враг: микроб или человек. Кто бы он ни был, врага нужно найти по тому методу, который не раз приводил Кранца к цели. Следы преступления! Вот что интересовало сыщика. Их было более чем достаточно, надо только умело пользоваться ими. И Кранц усиленно принялся за работу, возбужденный ее важностью и таинственностью, а также и тщеславным желанием опередить многодумных очкастых ученых.

В большом кабинете за письменным столом, заваленным трофеями его «побед» — снимками преступников, дактилоскопическими оттисками, отмычками, вещественными доказательствами, он сидел ночи напролет над большим планом города, систематизируя все сообщения газет и полицейские донесения о последних событиях.

Он буквально плавал в табачном дыму, изредка проветривал комнату, вновь дымил и наносил на план какие-то пунктирные линии, как будто он уже преследовал по пятам опознанного им преступника.

— Готово! — воскликнул он, сведя две линии в тупой угол на карте города.

Был четвертый час утра. Кранц спешно сложил план горо-

да, всунул в потрепанный портфель, вызвал автомобиль и помчался в комитет.

— Срочное сообщение! Тайна раскрывается! — крикнул он, влетая в сводчатый зал.

Собрание, несмотря на поздний час, довольно многолюдное, всполошилось.

— Вы открыли тайну? — спросил взволнованно один из членов комитета.

— Тайна раскрывается, сказал я, и она будет раскрыта, — ответил Кранц. — Я нашел местопребывание преступного микроба или человека. Я нашел тот фокус, откуда исходят таинственные влияния, — продолжал Кранц, спешно вынимая план и раскладывая его на столе.

Все обступили его, и он начал объяснять:

— Метод мой очень прост: я систематизировал весь материал о необъяснимых происшествиях, чтобы точно определить районы, захваченные эпидемией помешательства. И вот что получилось. Случай с песенкой дал мне немного. Эта эпидемия захватила часть города по кругу радиусом около двух километров. Дальше двух километров навязчивый мотив наблюдался все слабее, и на третьем километре он никого не затронул. Центр этого круга находился приблизительно около Биржевой площади и Банковской улицы. Именно вблизи этого места отмечалась такая сила навязчивости мотива, что о нем не только думали, но и пели его вслух. К сожалению, определить математически точно этот центр не удалось, так как установить убывающую градацию силы навязчивости на основании опросов не удалось.

Лица, бывшие в одном и том же месте, дают довольно разные показания; очевидно, субъективные особенности заставляли каждого воспринимать по-разному.

— И только-то? — сказал кто-то разочарованно.

— Совсем не только-то. Следующая эпидемия дала гораздо больше. Эта эпидемия шла по известному направлению, захватив сравнительно узкий сектор, и заканчивалась в определенном месте. Получилось нечто вроде луча, который начинался от здания банка Эльзы Глюк.

Толпа зашумела.

— Штирнер! Это, конечно, он! Я говорил!

Имя Штирнера не раз уже упоминалось в комитете.

— Не спешите с выводами, господа, — прервал Кранц. — Я также был уверен, что нити привели меня к Штирнеру. Но для проверки я с нетерпением ожидал следующего сеанса. Военное помешательство и было этим сеансом. Оно также прорезало город, как луч, и подошло к дому Готлиба — теперь Эльзы Глюк. Получился тупой угол. Но если свести концы, то исходная точка окажется за домом Эльзы Глюк. Она падает на смежный дом. Вот, изволите ли видеть.

И он показал план, давая объяснения.

— Что же помещается в этом смежном доме, где вершина угла?

— Ресторан «Ампир». Вот куда должны быть направлены наши поиски. — И Кранц шлепнул по карте жирной ладонью, как будто прихлопнул муху.

Доводы Кранца были просты и убедительны. После небольшого совещания комитет решил произвести в ресторане «Ампир» и номерах помещавшейся в том же доме гостиницы повальный обыск.

Тотчас была по телефону поставлена на ноги вся полиция.

Большой отряд солдат сплошным кольцом окружил дом. Обыскали перепуганных жильцов, перевернули все вверх дном от чердака до подвала, но, несмотря на все старания, не нашли ничего подозрительного.

Кранц был смущен, но не сдавался:

— Всю эту фантасмагорию мог производить кто-либо из посетителей ресторана.

Это также было невозможно.

Всем жившим в доме строжайше запретили говорить кому-либо о ночном обыске. Нескольких лиц, возбудивших подозрение, арестовали, а за посетителями ресторана решили установить негласное наблюдение.

Однако весть разнеслась по городу.

Возбужденная толпа разгромила ресторан, и его пришлось закрыть.

Кранц кряхтел и ругался, раздосадованный неудачей.

— Ну, мы еще поборемся! — говорил Кранц. — Кто бы ни был наш противник, он теперь знает, что мы на верном следу. Посмотрим, осмелится ли он еще раз напомнить о себе! Третья линия решит его судьбу.

VI. НЕУДАВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ

— Счастье! Радость! Блаженство! Как прекрасна жизнь! Какое наслаждение!

Молодой человек с отуманенным взглядом и широкой улыбкой на лице обнял уличный фонарь, как будто это был его близкий друг.

— Милый фонарь! Счастлив ли ты так же, как я...

— Дорогая моя, как я люблю вас! Как все вы мне милы и дороги! — обнимал изможденный, плохо одетый старик молодую женщину в дорогом костюме. И она целовала старика в жесткую щетину щек и шептала в ответ:

— Я так счастлива! Мне кажется, я нашла своего покойного отца... Он был похож на вас... Отец, дорогой отец!..

А рядом обнимались старые политические враги: монархист и анархист.

— Довольно борьбы! Жизнь так прекрасна!

Какой-то оборванец сорвал цветок на соседнем бульваре и, как сокровище, преподнес полицейскому:

— Друг мой, возьми! От меня!..

Толстый полицейский с сизым носом нежно поцеловал бродягу и взял у него цветок.

— Душевно благодарен! Цветы — радость жизни!.. Я так люблю цветы и песни!..

— Споем?

— Споем.

Они уселись на травке и, обнявшись, запели сентиментальную песенку, проливая слезы умиления.

— Берите, все берите!.. — кричал в исступленном восторге хозяин ювелирного магазина, набивая карманы посетителей кольцами и драгоценными камнями, жемчужными ожерельями и золотыми часами. — С собой в могилу все равно не возьмешь! Пусть радость наполнит ваши сердца, как она наполняет мое! К черту торгашество! Да здравствует всеобщее счастье!

В суде был оправдан важный политический преступник. И прокурор, известный своей жестокостью, отказавшись на этот раз от обвинения, обнял преступника, томно положил ему на грудь свою голову и, плача от умиления, бормотал:

— Друг мой, брат мой!.. Хорошо прощать и любить!..

Даже на бойне профессиональные скотобойцы обнимали приведенных на убой быков и нежно целовали их между глаз.

— Мордашка моя!.. — гладили они руками животных. — Испугался? Испей водички, отправляйся щипать травку в соседнем парке. Довольно крови! Дыши!..

Это произошло всего через несколько дней после разгрома кафе. Злой гений, овладевший городом, казалось, бросал вызов и смеялся над попытками комитета бороться с ним. Как бы в вознаграждение за минувшее мрачное помешательство и за жертвы внезапной остановки городского движения неведомый враг подарил людям небывалое блаженство. Состояние блаженства было так велико, что люди, испытавшие его, готовы были на все, чтобы еще раз вкусить неведомого наслаждения. На этот раз все сохранили полное воспоминание о пережитом. И тосковали о потерянном рае.

Это было едва ли не более страшно, чем вспышка кровожадности и жестокости. Какою властью над человеческими душами обладал этот неведомый враг? Он мог отравить людей ядом наслаждения или страдания, сделать их слепым орудием своих желаний, сделать блаженными или измучить, искалечить, убить, убить без единого выстрела, тихо, бесшумно, неизвестно откуда... Есть от чего прийти в отчаяние!

В глубоком подземном помещении ночью члены комитета сидели подавленные, молчаливые, тоскливо поглядывая на Кранца, который подводил итоги, систематизируя донесения о последнем происшествии, чтобы определить сектор города, охваченный безумием блаженства.

Изредка слышались нетерпеливые голоса:

— Как идет дело, Кранц?

— Прекрасно!

Кто-то сердито фыркнул:

— Хуже некуда!

— Напротив, — отвечал Кранц, — все идет великолепно. Никогда еще у меня не было столь увлекательной задачи. И почтенной, да, да, да!

Кранц быстро шевелил своими красным и толстыми пальцами, перебирая листки, и отмечал от времени до времени новый пунктир на плане города.

— Кранц, как древний рыцарь, — продолжал он, — осво-

бождает город от дракона, и ему ставят памятник. Кранцу, конечно, а не дракону, хе-хе! Или, вернее, нам вместе: Кранц с копьем в руке, а у его ног — пронзенный дракон.

— Как вы можете шутить? — спросил прокурор, недавно плакавший на груди преступника. — Кругом сплошной ужас. Если я буду отказываться от обвинения, государство погибнет...

— Я всегда шучу, даже перед дулом бандита. Что делать? Профессиональная привычка. Встречая опасность, можно только или смеяться, или убегать. А дела идут отлично, говорю я. Поветрие безумия опять носило характер направленной волны, и пусть меня изрешетят бандиты, если вершина этого луча не идет опять к тому же месту. Еще пяток рапортов просмотрю — и готово...

Члены комитета в волнении обступили Кранца.

Наступило напряженное молчание.

Кранц нанес последние штрихи на карту.

— Есть!

— Опять к дому Эльзы Глюк! — вскрикнул чиновник министерства внутренних дел.

— Да-с, опять. Извольте посмотреть на план. — Кранц отодвинул план от себя на середину стола и стал объяснять: — Вот, изволите ли видеть, пучок номер первый — полоса безумия, когда остановилось все движение, а вот пучок номер второй — безумие войны. Здесь углы не сходились на доме Эльзы Глюк. Вершина падала на соседний дом, где помещался ресторан. Туда мы и направили поиски.

— И ошиблись.

— Вполне понятно: мы полагали, что источник воздействия один. Но третий пучок, поистине «счастливый» пучок — сектор безумного счастья, открыл нам ошибку. Оказывается, воздействие было из двух точек. Но обе эти точки находятся в доме Эльзы Глюк. Дом этот, как видите, очень длинен. Точки воздействия, очевидно, находились на двух противоположных концах дома. Вот почему и казалось, что вершина тупого угла, если источник воздействия один, должна пасть на соседний дом. Третий сектор дал нам другую вершину, где сошлись линии номер первый и третий. Ясно?

Все зашевелились.

— Я же говорил, что это дело Штирнера!

— Я еще раньше утверждал это.

— Злодей! Изверг! Теперь он в наших руках!..

— Кранц, мы успеем арестовать этого преступника еще сегодняшнею ночью!

— Арестовать недолго, — отвечал Кранц, — но не лучше ли отложить до утра?

— Почему же до утра? — нетерпеливо спросил прокурор, который не мог простить Штирнеру свой отказ от обвинения и постыдную сцену братания с преступником.

— Очень просто, — отвечал Кранц. — Мы имеем дело не с обычным преступником, поэтому должны принять все меры предосторожности и обдумать каждый шаг, чтобы бить наверняка. Банк крепко запирается на ночь и хорошо охраняется. Если мы пойдем ночью, то, несмотря на все предосторожности, мы поднимем суматоху, которая предупредит врага. Лучше пойти утром, в час открытия банка, когда там еще немного клиентов. Прийти в штатском, вооружившись только револьверами. Войти по одному, не возбуждая подозрения банковских сторожей и служащих, а потом сразу броситься наверх, застать врага врасплох и захватить.

Несмотря на все нетерпение, прокурор принужден был признать эти соображения опытного сыщика правильными и отложить арест Штирнера до утра.

— Но я думаю, — продолжал Кранц, — что нам, может быть, придется отложить и еще на один день...

— Этого недоставало! — воскликнул сухой старик в очках, министр внутренних дел, лично прибывший в комитет.

Кранц поднял брови:

— Что делать, ваше высокопревосходительство, я уже изволил докладывать, что надо обдумать каждый шаг, буквально каждый шаг. Мы должны хорошо знать все расположение дома Эльзы Глюк, все входы и выходы, точно знать комнату, где помещается Штирнер, и прочее. Надо собрать эти сведения, а на это потребуется время.

Все вновь приуныли.

Вдруг начальник полиции ударил ладонью себя по лбу:

— Позвольте! Я, кажется, нашел выход. Поистине сама судьба благоприятствует нам! Только на днях я зачислил в

мою канцелярию одного молодого человека — Рудольфа Готлиба; известна вам эта фамилия?

— Еще бы! Неудавшийся наследник. Племянник покойного банкира!

— Вот вам проводник, Кранц, — улыбаясь, сказал начальник полиции. — Лучшего не найти. Он на правах будущего наследника изучил весь дом сверху донизу. К Штирнеру питает самое искреннее чувство ненависти. Словом, человек вполне подходящий.

— Отлично, но где его достать?

— Нет ничего легче! — Начальник полиции позвонил по телефону и отдал распоряжение.

Не прошло часа, как заспанный Рудольф Готлиб сошел в подвал, где заседал комитет.

Сонливость Рудольфа прошла сразу, когда он узнал, зачем его вызвали. У него загорелись глаза. Сжимая кулаки, Готлиб воскликнул:

— Теперь я посчитаюсь с вами, господин Штирнер!

Начальник полиции сиял.

— Господин начальник, — обратился к нему Рудольф, — я убедительно прошу вас не отказать в одной покорнейшей просьбе!

— В чем дело, мой друг?

— Разрешите мне собственноручно убить эту гадину!

— Ну как же так, без следствия и суда? — замялся министр юстиции. — Ведь у нас пока нет прямых улик.

— А знаете, господа, — вдруг вмешался в разговор прокурор, — молодой человек прав. Дело слишком серьезное, чтобы играть в правосудие. Что все это проделал Штирнер, едва ли кто из нас сомневается. Кранц прав, говоря, что мы имеем дело не с обычным преступником. Значит, к нему должны быть применены необычные меры. Этого требует охрана государства и граждан. Если мы будем возиться со Штирнером, я не уверен, что во время суда над ним он не заставит меня вместо обвинительной речи поцеловаться с ним и предложить ему папироску. Когда на карте стоит судьба страны — а это так и есть, — с нашей стороны было бы прямо преступно рисковать и, быть может, выпустить врага из рук во имя соблюдения формальностей. И потом... гм... мы в своем кругу... Разве

Штирнер не может быть убит при попытке к бегству? Как ни осуждают такой способ, по существу, в нем нет даже обмана, потому что какой же преступник не желает избежать наказания и не воспользуется всяким случаем к бегству? Таким образом, мы одним ударом отделаемся от врага.

— Совершенно верно! — отозвался начальник полиции. — Кто попирает законы общества и государства, тот вне закона!

— Вы метко стреляете, Готлиб? — спросил Кранц.

— Пуля в пулю, весь заряд.

— Ну что ж, в добрый час! — сказал начальник полиции.

До наступления утра обсуждался план нападения. Было решено идти только четверым: Рудольфу Готлибу, Кранцу и двум надежным агентам полиции. Эти двое брались как резерв.

— Чем меньше, тем лучше, — говорил Кранц.

В девять часов утра отряд был в сборе, вооружен «парабеллумами», снабжен точными инструкциями.

— В добрый час! — еще раз сказал начальник полиции.

Отряд благополучно проник в банк, поднялся во второй этаж и, руководимый Рудольфом, направился к кабинету. Встречавшимся лакеям тихо, но повелительно приказывали стоять на месте.

Кабинет был пуст. Один из агентов стал у входной двери, другой — у двери, смежной с комнатой Штирнера, а Рудольф в сопровождении Кранца приоткрыл дверь таинственной комнаты Штирнера и бегло осмотрел ее. Комната была почти лишена мебели. Кровать с тумбочкой, небольшой шкаф и туалетный столик составляли всю обстановку. Половина комнаты была отгорожена дубовой, довольно массивной перегородкой. Штирнер сидел у зеркала за туалетным столиком и брился. На весь этот осмотр потребовалось не больше нескольких минут. Штирнер еще не успел повернуть головы на шум открываемой двери, как две собаки Штирнера бросились на Рудольфа, прежде чем он успел вынуть револьвер. В то же время Штирнер, сидевший задом к двери, увидал Рудольфа в отражении зеркала и, вскочив со стула, в два прыжка был у перегородки, открыл дверь и скрылся за нею. Рудольф и Кранц, отбиваясь от собак — им дана была инструкция стрелять толь-

ко по Штирнеру, чтобы не поднимать раньше времени шума, — бросились к перегородке и стали стучать.

— Откройте, Штирнер! — кричал Готлиб. — Откройте, чего вы испугались?

Дверь открылась назад так неожиданно, что Рудольф, напиравший на нее, споткнулся.

— Осторожнее, не упадите! — спокойно сказал Штирнер. — Куш, Фальк! Куш, Бич!

Собаки покорно улеглись, положив морды на протянутые лапы, но продолжая внимательно следить глазами за посетителями.

— Я к вашим услугам, господин Рудольф Готлиб! — сказал Штирнер, усаживаясь опять за туалетный столик.

Рудольф Готлиб положил на этот же столик револьвер, взял кисточку и стал намыливать шею и щеки Штирнера.

Потом Рудольф взял бритву и начал ею брить.

Штирнер откинул голову назад, и Рудольф внимательно и осторожно брил горло.

— Немного беспокоит, Готлиб... Поточите бритву!

Рудольф направил бритву на ремне и продолжал брить.

Кранц стоял возле, как на часах.

— Благодарю вас, Готлиб. Вы прекрасно бреете. У вас талант, и я советую вам не зарывать его в землю. Открывайте парикмахерскую. Вы? — вопросительно обратился Штирнер к Кранцу.

— Кранц! Иоганн Кранц! К вашим услугам! — вдруг ожил Кранц. И, бросив револьвер, схватил платяную щетку и начал чистить платье Штирнера.

— Благодарю вас, вот вам за труды! — И Штирнер дал им по мелкой монете.

Они униженно раскланялись и пошли к двери.

Выйдя из дома, все они разошлись в разные стороны.

Агенты пропали без вести.

Кранц явился в тюрьму и потребовал, чтобы его засадили в одиночную камеру. Начальник тюрьмы принял это за шутку, но Кранц весь покраснел от гнева и затопал ногами:

— Я имею распоряжение от самого министра арестовывать всех, кого найду нужным, и прошу не рассуждать! Вы не смеете не доверять словам служебного лица!

Начальник тюрьмы пожал плечами и отдал распоряжение. Кранца увели и заперли. Начальник тюрьмы справился по телефону, но получил ответ, что никто не давал приказания арестовывать Кранца, что, наоборот, его очень ждут в комитете. Кранц, однако, категорически отказался выходить из тюрьмы.

— Если вы попытаетесь вывести меня силой, я буду стрелять! — угрожающе кричал он. — Меня сам Кранц засадил, сам Кранц только и может выпустить!

Начальник тюрьмы махнул рукой.

— С ума спятил или напился!

Так как Кранц никогда не расставался с оружием, то было опасно применять к нему силу.

— Черт с ним, пусть сидит!

И Кранц сидел, наблюдая из дверного волчка за часовым в коридоре.

— Ты что плохо смотришь? — кричал он часовому. — Разве можно надолго останавливаться в одном конце? Службы не знаешь? Иди сюда, проверь замок, чтобы я не убежал.

Кранц, очевидно, составлял исключение из правила, о котором говорил прокурор: Кранц не обнаруживал никаких попыток к бегству.

Из всех участников неудавшегося нападения в комитет вернулся только один Рудольф Готлиб! Но от него трудно было добиться толку. Он был растерян и мрачен.

На все вопросы, нетерпеливо задававшиеся ему членами комитета, он отвечал какой-то несуразицей:

— Выбрил!

— Кто выбрил? О чем вы говорите?

— Я выбрил Штирнера.

Члены комитета переглянулись в недоумении.

— Может быть, это иносказательно, преступный жаргон, обозначающий убийство? — тихо спросил министр начальника полиции.

— Что-то не слыхал такого выражения, — ответил начальник.

— Да вы скажите толком, жив Штирнер или убит?

Рудольф обвел всех мутным взором, потом, горько улыбнувшись, ответил:

— Живей нас! Начисто выбрил! Надо будет открыть парикмахерскую!

VII. «ТРИЛЬБИ»

— Людвиг, наконец-то! — встретила Эльза Штирнера обычными словами и протянула руки. — Ты совсем забыл меня!

Они стояли в зимнем саду, разглядывая друг друга, как после долгой разлуки. В самом деле, они не виделись уже почти месяц, и за это время оба несколько изменились. У Штирнера лицо стало как-то суше, глаза запали, взгляд сделался беспокойным, и резкие переходы настроения стали появляться чаще. Эльза похудела так, что выступали ключицы и удлинился овал лица. Но ее взгляд стал неподвижным, больше затуманился, движения сделались вялыми и автоматичными. Внутренне она изменилась еще больше. Под влиянием ненормальной душевной жизни, в которой она жила, казалось, начинался распад ее личности. Она думала отрывками, неожиданно, без связи переходя от мысли к мысли. Так же неожиданно ломалось ее настроение. Из живого человека она все больше превращалась в автомат. Это отражалось и на характере ее свиданий со Штирнером. Их разговор то обрывался на полуслове, то вспыхивал необычным оживлением...

Штирнер усадил Эльзу рядом с собой и прижал щеку к ее щеке. Она провела рукой по другой его щеке.

— Гладенький? Это Рудольф Готлиб выбрил меня!

— Готлиб? — удивленно спросила Эльза.

— Да, Готлиб, он хочет открыть парикмахерскую и тренируется, брея своих друзей.

Штирнер трескуче рассмеялся.

— Я не понимаю, Людвиг, ты шутишь?

— И не нужно понимать. Забудь о Готлибе.

Наступила пауза.

— Ты так изменился, Людвиг. Ты утомлен...

— Пустяки!

— Зачем ты так много работаешь? Может быть, у тебя есть неприятности?

Штирнер поднялся и стал нервно ходить.

— Неприятности? Наоборот. Все идет прекрасно. Но я устал... да... Я смертельно устал, — тихо проговорил он, полузакрыв глаза. — Забыться... Ты холодна ко мне, Эльза!

Открыв опять глаза, он скрестил руки и внимательно стал смотреть в глаза Эльзы.

Под этим взглядом она вдруг побледнела и стала тяжело дышать полуоткрытым ртом. Как в опьянении, она с протяжным стоном бросилась к Штирнеру, обвила руками его голову и, задыхаясь, стала покрывать поцелуями глаза, лоб, щеки. Наконец до боли, до крови впилась в его губы.

Штирнер неожиданно оттолкнул ее:

— Довольно! Иди на место! Успокойся!

Эльза покорно уселась на диван. Порыв ее прошел так же внезапно, как и начался, оставив лишь утомление.

— Не то, не то... Проклятие! — бормотал Штирнер, быстро шагая между пальмами.

— Чем занималась ты, Эльза, последнее время? — спросил он, успокоившись.

— Я думала о тебе... — вяло произнесла она.

Штирнер кивнул головой с видом доктора, предположения которого оправдываются.

— А еще что ты делала?

— Я читала. В библиотеке я нашла старинный роман «Трильби» и перечитала его. Ты читал?.. Свенгали гипнотизирует Трильби, и она делается игрушкой в его руках. Мне было жаль Трильби. Я подумала, какой ужас потерять свою волю, делать, что прикажут, любить, кого прикажут!

Штирнер хмурился.

— И я подумала: как хорошо, что мы любим друг друга свободно и что мы счастливы!

— Ты счастлива?

— Да, я счастлива, — по-прежнему вяло говорила Эльза. — Свенгали, какой это страшный и сильный человек!..

Штирнер вдруг резко расхохотался.

— Почему ты смеешься?

— Ничего, так. Вспомнил одну смешную вещь... Свенгали — щенок. — И, направив на нее опять сосредоточенный взгляд, он сказал: — Забудь о Свенгали! Так что ты читала?

— Я ничего не читала.

— Мне казалось, ты говорила про какой-то роман?

— Я не читала никакого романа.

— Музицировала?

— Я давно не играла.

— Идем, сыграй мне что-нибудь. Я давно не слышал музыки...

Они вышли в зал. Эльза уселась за рояль, начала играть «Весну» Грига. Играя, она тихо говорила:

— Эта вещь напоминает мне Ментону. Тихие вечера... Восходящая из-за моря луна... Запах тубероз... Как мы были счастливы тогда, в первые дни!

— Разве теперь ты не счастлива?

— Да, но... я так мало вижу тебя. Ты стал нервным, переутомленным. И я думала, зачем это богатство? Много ли нужно, чтобы быть счастливым? Уйти туда, к лазурным берегам, жить среди цветов, упиваться солнцем и любовью.

Штирнер вдруг опять трескуче, резко рассмеялся:

— Завести огород, иметь стадо коз. Я пастушок, ты прекрасная пастушка; Поль и Виргиния... Любимая белая козочка с серебряным колокольчиком на голубой ленте. Венки из полевых цветов у ручья. Идиллия!.. Ты еще слишком много думаешь, Эльза. Идиллия!.. Людвиг Штирнер в роли доброго пастыря козлиного стада! Хе-хе-хе!.. Ты, может быть, и права, Эльза. С четвероногим стадом меньше забот, чем с двуногим. Забудь о Ментоне, Эльза! Надо забыть обо всем и идти вперед, все выше, выше, туда, где орлы, и еще выше... достигнуть туч, похитить с неба священный огонь или... упасть в пропасть и разбиться. Оставь! Не играй эту сладкую идиллию. Играй что-нибудь бурное. Играй пламенные полонезы Шопена, играй Листа, играй так, чтобы трещали клавиши и рвались струны.

Покорная его словам, Эльза заиграла с мощью, превосходящей ее силы, «Полишинель» Рахманинова. Казалось, мятущаяся душа Штирнера переселилась в нее.

Штирнер ходил по залу большими шагами, нервно ломая пальцы.

— Так!.. Вот так!.. Крушить! Ломать!.. Так я хочу!.. Я один в мире, и мир — моя собственность!.. Теперь хорошо... Довольно, Эльза... Отдохни!..

Эльза в изнеможении опустила руки, тяжело дыша. Она почти теряла сознание от сверхъестественного напряжения.

Штирнер взял ее под руку, провел в зимний сад и усадил:

— Отдохни здесь. У тебя даже лоб влажный...

Он вытер ей носовым платком лоб и поправил спустившиеся пряди волос.

— Что пишет Эмма? Ты давно получала от нее письма?

Эльза несколько оживилась:

— Да, забыла тебе сказать. Вчера я получила от нее большое письмо.

— Как ее здоровье?

— Лучше. Но врачи говорят, что ей нужно еще пробыть на юге месяца два. Ребенок тоже здоров.

— Чтобы сообщить это, ей потребовалось большое письмо?

— Она много пишет о муже. Она жалуется, что у Зауера стал портиться характер. Он сделался мрачен, раздражителен. Он уже не так внимателен к ней. Эмма боится, что его любовь к ней начинает охладевать...

Штирнер с тревожным любопытством выслушал это сообщение Эльзы. Казалось, любовь Зауера к Эмме интересует его больше, чем любовь Эльзы к нему самому. Штирнер задумался, нахмурился и тихо прошептал:

— Не может быть!.. Неужели я ошибся в расчетах? Огромное расстояние... Но ведь это ошибка... Нет! Не может быть!.. Надо проверить...

Он вдруг быстро встал и, не обращая на Эльзу никакого внимания, не простившись с нею, быстро вышел из зимнего сада.

— Людвиг, куда же ты? Людвиг! Людвиг!..

В большом зале замирали удаляющиеся шаги.

Эльза опустила голову и задумчиво смотрела на рыбок, плавающих в аквариуме. Беззвучно двигались они в зеленом стеклянном кубе, помахивая мягкими хвостиками и открывая рты. Маленькие пузырьки, блестящие, как капли ртути, всплывали на поверхность.

— Опять одна!..

VIII. ПАНИЧЕСКАЯ ЗОНА

Прокурор посетил лично Кранца в его «самовольном» заключении, желая узнать подробности неудавшегося налета на Штирнера.

— Послушайте, Кранц, — начал прокурор вкрадчиво, —

вы всегда были образцовым служащим. Скажите мне, что произошло у Штирнера и почему вы подвергли себя одиночному заключению.

Кранц стоял навытяжку, руки по швам, но не поддавался на увещания.

— Преступник, оттого и сижу. А в чем мое преступление, сказать не могу. Отказаться от дачи показаний — мое право. Можете судить!

— Но как же вас судить, если мы не знаем вашего преступления?

— А мне какое дело? Буду сидеть в предварительном заключении, пока не узнаете. Если Кранц сказал «нет», значит, нет. Дело кончено, не будем говорить. Но я, заключенный, имею жалобу на тюремный режим.

— В чем дело, Кранц? — заинтересовался прокурор.

— Безобразие! Подали к обеду борщ. Зачерпнул я ложкой и выловил кусок мяса граммов на двести. А поверх борща — жирок. Если этакими борщами в тюрьмах начнут кормить, то и честные люди станут разбойниками. Непорядок! Я вам заявляю категорически, господин прокурор: если только пищу не ухудшат, я объявляю голодовку, так и знайте! Или такое, например, здесь водится: конвойные провожают преступников из одиночных камер в уборную, расположенную в конце коридора, вместо того чтобы ставить парашу. Разве это порядок? Им, может быть, параши выносить лень, а я из-за этого сбежать захочу, а меня при попытке к бегству... того... Прошу принять меры к неуклонному выполнению тюремных правил внутреннего распорядка!

Прокурор даже рот приоткрыл от удивления.

Правда, куску мяса в двести граммов и жирку в борще он не удивился: прокурор хорошо знал, что другие заключенные не вылавливают кусков мяса из жидкой, вонючей похлебки. Но требование об ухудшении пищи! Таких требований еще никогда не приходилось выслушивать прокурору.

«Бедняга, — подумал прокурор, — у него совсем мозги набекрень после визита к Штирнеру!» И, желая быть как можно мягче, прокурор заговорил:

— Я вас очень прошу, Кранц, скажите мне обо всем, как

старшему товарищу. Ведь мы так много работали вместе... Ну дайте хоть какое-нибудь показание!

— Дать вам показание? Вот вы чего захотели! Если преступники будут давать показания, то что останется делать нам, сыщикам? По миру идти? Вы хотите оставить нас безработными? Нет-с, я не сделаю подлости против своих товарищей! Пусть они раскроют мое преступление и получат награду!

Прокурор был ошеломлен этой неожиданной логикой и огорчен неудачей.

Кранц заметил это. Казалось, ему стало жалко прокурора. Кранц порылся в карманах, извлек оттуда мелкую серебряную монету и протянул ее прокурору, как нищему:

— Вот все, что могу вам дать!

Прокурор машинально протянул руку, взял монету и с недоумением смотрел на нее.

— Приобщите к вещественным доказательствам. Деньги, полученные преступным путем...

Это была монета, полученная Кранцем от Штирнера «на чай».

Прокурор молча удалился, вертя меж пальцами вещественное доказательство.

«Какого ценного работника мы потеряли! — думал он. — И все Штирнер! Неужели нам не удастся покончить с ним?»

Когда члены комитета, с нетерпением ожидавшие прокурора, спросили его, чем кончился его визит к Кранцу, прокурор только рукой махнул и безнадежно опустился в кресло.

— Что же делать? Неужели Штирнер непобедим? — спросил министр внутренних дел.

Поднялся начальник военного округа, которого называли «железный генерал», — сухой, бодрый старик с щетинистыми фельдфебельскими усами.

— Что делать? — начал он неожиданно громким и молодым для его лет голосом. — Я вам скажу, что делать. Объявить Штирнеру настоящую войну. Простите мне, старику, господин министр, но у вас, штатских, должно быть, нервы слишком слабы. Послали пару полицейских, они проворонили дело, и вы уже говорите о непобедимости какого-то проходимца, едва ли даже нюхавшего порох. Вот что надо делать — И «железный генерал» начал кричать, как будто он уже ко-

мандовал на поле сражения миллионной армией: — Объявить в городе осадное положение. Оцепить дом Эльзы Глюк сплошным кольцом линейных войск и идти на приступ. Да, на приступ! На всякий случай подвезти артиллерию. И если — чего я не допускаю — пехотная атака почему-либо не удастся, смести с лица земли дом. Картечи и гранаты еще никому заговаривать не удавалось. Вот что надо делать, а не паникерствовать!

Энергичная речь «железного генерала» внесла струю бодрости и оживления.

Против проекта генерала раздавались отдельные голоса, но и они возражали не по существу самого проекта.

— Могут пострадать соседние дома...

— Чем виноваты живущие со Штирнером, хотя бы его жена?..

— Я сказал, что до бомбардировки, по всей вероятности, не дойдет, — отвечал генерал. — Но если бы и так: война без жертв не бывает. Лучше пусть погибнет несколько сот человек, чем все государство.

— Нельзя ли хоть предупредить граждан и эвакуировать их?

— Нельзя! Предупредить их — значит предупредить врага. Лучше этого дела не откладывать. Сегодня ночью, если на то будет ваше согласие, я сам поведу моих обстрелянных солдат, и посмотрим, что запоет этот непобедимый!

— Но только без артиллерийского огня! — сказал военный министр.

— Почему?

— Потому что он уничтожит не только Штирнера, но и его орудие, а оно... может пригодиться и нам.

С этим все согласились.

В окрестностях города на совещании штаба «железный генерал» изложил свой план:

— Перед нами нелегкая задача. Мы ограничены директивами правительства — не прибегать к артиллерийскому огню. Я имею приказ — захватить Штирнера живым; если это будет невозможно, убить его, но сохранить в неприкосновенности дом со всеми находящимися в нем предметами. Мы имеем дело с необычайным врагом. Мы должны вести борьбу в центре города. И тем не менее тактика уличных боев едва ли здесь применима. Какой же это *уличный бой*, когда мы не можем на-

щупать врага, его слабые стороны? Если же нам удастся благополучно проникнуть в дом и только там столкнуться со Штирнером, то это... гм... это уже будет «домашний бой». Первое, о чем мы должны позаботиться, это исключить всякую возможность бегства Штирнера. Далее. Нам известно, что Штирнер излучает лучи, или направляя их по известному сектору, или охватывая ими определенную окружность. Притом, по-видимому, его лучи — будем так называть его орудие — не на всех действуют одинаково. Все это заставляет нас распределить наши силы по всему району боя и иметь резервы. Пусть пехота движется по улицам к месту боя сплошной массой. Если первые ряды будут поражены и, скажем, в панике бросятся назад, задние должны напирать, силою подвигая головные отряды вперед. Так, может быть, нам удастся попасть к самому дому Штирнера. Кто знает, может быть, таким путем они окажутся в мертвой зоне, вне обстрела, как это имеет место при артиллерийских боях. Я буду сопровождать головной отряд.

— Ваше превосходительство, — сказал адъютант Корф, — это было бы крайне неосмотрительно с вашей стороны.

— Господин полковник, — довольно резко ответил генерал, — разрешите мне самому определить свое место на поле сражения. Подчеркиваю, для данного случая.

Полковник, привыкший к грубостям генерала, смолчал и только густо покраснел.

— Я сам знаю, что это рискованно, — продолжал генерал. — Но всякая война — риск, а не игра в домино. Чтобы руководить боем, я должен знать орудие врага. Я должен испытать на себе действие враждебного «огня», чтобы убедиться, так ли он смертоносен для закаленного бойца, как и для слабонервного обывателя.

Наступило молчание. Штабные офицеры стояли хмурые. Адъютант прервал это тяжелое молчание. Он знал, что спорить с упрямым генералом невозможно. Адъютанту не нравился весь этот план наступления, «с генералом на белом коне впереди», напоминающий старинные батальные олеографии. Но делать было нечего. Оставалось только подумать о последствиях.

В двенадцать часов ночи из разных частей города к Бан-

ковской улице и Биржевой площади потянулись отряды солдат в полном боевом снаряжении. С головным отрядом ехал сам «железный генерал» на прекрасной арабской лошади золотистой масти.

— Целая армия на одного, да еще на штатского!.. Это позор, но, черт возьми, лучше такой позор, чем гибель страны!

Генерал проехал улицу, примыкающую к Биржевой площади. Дом Эльзы Глюк одной стороной выходил на эту площадь, а другой — на Банковскую улицу.

— Посмотрим, что он у нас запоет! — сказал генерал, зорко всматриваясь в видневшийся дом Эльзы Глюк, и пришпорил коня.

Арабский скакун, красиво перебирая тонкими ногами, пошел на площадь, но лошадь вдруг без видимой причины захрапела, прижала уши и сразу подалась корпусом назад, задрожав всем телом. Генерал был озадачен. Что могло испугать Абрека, который не дрожал даже от рева пушек? Генерал похлопал лошадь по шее.

— Что ты, Абрек, дурачишься? — сказал он и дал шпоры.

На этот раз Абрек, вступив на площадь, поднялся на дыбы и, повернувшись на задних ногах, бросился назад. В тот момент, когда лошадь поворачивалась и задние ноги ее на мгновение переступали черту, отделявшую улицу от площади, генерал почувствовал, как холодок жути пробежал и по его спине. А Абрек находился уже в нескольких десятках метров от площади.

— Что за чертовщина? — проворчал генерал. Его вдруг охватил тот порыв гнева и ярости, который, бывало, находил на него в самые опасные минуты. Генерал повернул лошадь к площади и изо всех сил вонзил шпоры в бока. Абрек, не привыкший к такому жестокому обращению, мотнул головой, прижал уши и бросился вперед полным карьером. С разгона он влетел на площадь и тут, страшно захрипев, сделал такой прыжок в сторону, что генерал — лучший кавалерист во всей армии, — как срезанный, свалился с лошади. Но он, казалось, даже не заметил этого. Его сознание, нервы, весь его организм, так же как и у его лошади, были потрясены необычайным, сверхъестественным ужасом. Он пришел в себя только на улице, куда вытащил его Абрек, волоча за ногу, запутав-

шуюся в стремени. Отряды пехотинцев уже подошли к этому месту.

«Видали!.. Какой позор!..» — думал генерал. Он поднялся, отряхнулся и, подавляя смущение, сказал подъехавшему адъютанту:

— Ничего... Не беспокойтесь, пустяки! Проклятый Абрек, чего-то испугавшийся, выкинул такой фокус, что сам дьявол не усидел бы.

Генерал не сказал о том паническом ужасе, который испытал он сам, чтобы «не понижать боевого настроения» и не опозориться еще больше перед офицерами и солдатами.

— Все части стянуты?

— Все на местах. Улицы, ведущие на площадь, и даже проходные дворы заняты...

— Банковская улица?

— Вход в эту улицу также занят.

— Хорошо! Ждите сигнала!

Как только по приказу генерала сияющие дуги ракет склонились над домом Глюк, войска двинулись на приступ.

Тут произошло нечто невероятное.

Такой паники не приходилось видеть генералу за всю свою долгую боевую жизнь. Генерал стоял недалеко от площади в автомобиле и кричал своим громовым голосом:

— Вперед! Вперед! Стрелять буду!..

Но его никто не слушал. С солдатами творилось что-то необыкновенное. В смертельном ужасе метались они, бросая винтовки, давя друг друга. Стон и крики стояли над площадью. Задние ряды напирали, вступившие на площадь рвались назад... Генерал отдал приказ теснить беглецов. Сплошные ряды войск, запрудившие улицу, выдавливали на площадь головные колонны. Площадь превратилась в беснующийся ад, но она понемногу наполнялась.

Вдруг какая-то новая волна разлилась более широким кругом, и паника охватила также войска, шедшие по улице. Волны эти набегали, как ледяное дыхание смерти, прокатываясь по рядам, и стройные колонны солдат превращались в дикое стадо обезумевших животных. Солдаты бросались друг на друга, спасались в подъездах, воротах домов, а оттуда им навстречу в паническом ужасе выбегали граждане.

Паника наполнила и дома. Люди прятались под кровати, залезали в шкафы. Некоторые выбрасывались из окон на головы солдат, на штыки. Женщины хватали детей и с дикими воплями метались по комнатам, как будто весь дом был объят пламенем. По коридорам и лестницам домов бурлили потоки людей, потерявших голову. Одни бежали вверх, другие — вниз, катились по лестнице, топтали упавших женщин и детей. Ужаснее всего было то, что никто не знал причин паники, никто не знал, от кого нужно спасаться. Но постепенно в этом хаотическом, бурлящем потоке образовалось движение в одну сторону; возможно, что солдаты задних рядов, до которых еще не докатились волны паники, видя картину всеобщего смятения, побежали назад и увлекли за собой других. Этот поток обратного движения все рос. Казалось, люди нашли путь к спасению, и они побежали все в одном направлении с такой бешеной скоростью, как будто их преследовали тысячи пулеметов.

Пробежав три улицы, адъютант увидал своего «железного генерала» — человека, не знавшего страха. Генерал, без каски, в разорванном мундире, с безумными глазами, перескакивал через груды упавших тел, пробивая дорогу огромными кулачищами.

А заградительная паническая зона, как после назвали это явление, все ширилась. Она захватила собой и здание, в котором заседал комитет общественного спасения. Члены комитета и все правительство бежали.

Только к утру паника утихла, но комитет не решался возвращаться в город.

Столица была потеряна. Оставалось спасать страну. Но в это уже почти никто не верил. Когда члены комитета разыскали друг друга, в соседней деревушке был устроен военный совет. «Железный генерал» был совершенно подавлен неудачей и находился в полном отчаянии...

— Перед чертом штыки бессильны, — сказал он и мрачно опустил голову.

Штирнер победил. Он мог распоряжаться страной по своему желанию, как ни один деспот в мире.

IX. «ДРУЖЕСКАЯ ПОМОЩЬ»

Иностранные государства с интересом следили за исходом борьбы немецкого правительства со Штирнером. Французские и английские банкиры не скрывали своего удовольствия, когда телеграф и радио приносили известия о разорении и гибели крупнейших немецких банкиров — конкурентов на международном денежном рынке.

— Отлично! Молодец Штирнер! — говорили иностранные банкиры и уже подсчитывали будущие барыши.

Они считали Штирнера необычайно удачливым финансистом, но были уверены, что он в конце концов сорвется, как сорвался когда-то выросший как на дрожжах концерн Стиннеса. Могущество Штирнера росло, превосходя все ожидания, всякую меру. История капитализма не знала такой быстрой и головокружительной карьеры, какою оказалась карьера этого финансового Наполеона. «Солнце Аустерлица» разгоралось над ним все ярче, и не было никаких признаков, указывающих на приближающееся «Ватерлоо».

Все чаще, все упорнее стали проникать слухи о том, что успех Штирнера имеет какие-то необычайные причины, что в его руках есть какие-то таинственные средства воздействия на людей, которых он обезволивает, подчиняет своему влиянию, делает игрушкой в своих руках.

Когда Штирнер стал на путь борьбы с правительством, опасливо зашевелились не только иностранные банкиры, но и государственные деятели.

Поражение «железного генерала» и бегство правительства произвели ошеломляющее впечатление во всем дипломатическом мире.

Один против всех! Один против государства! Без армии, пушек, без единого выстрела — и он вышел победителем из борьбы!..

Оставаться пассивными зрителями больше было нельзя. Иностранным государствам приходилось определить свое отношение к узурпатору.

Во Франции Штирнер на время заслонил собой вопросы и внутренней политики, и даже колониальных войн. Событиям в Германии были посвящены специальные закрытые заседа-

ния совета министров и палаты депутатов. Собрания эти носили бурный характер.

Небольшим большинством голосов в конце концов было принято решение: принципиально участие в борьбе со Штирнером признать необходимым, предложив свою помощь Германии, но активно выступить, только обезопасив себя со стороны Англии.

Англия относилась к событиям в Европе более спокойно, хотя внимательно наблюдала за ходом борьбы со Штирнером. Английский кабинет министров довольно скоро установил единство мнения.

— Германия достаточно обессилена европейской войной, и дальнейший развал Германии может нарушить европейское равновесие. Штирнер, по мнению кабинета, непосредственной угрозы для других стран в настоящий момент не представляет, может быть, его властолюбие не идет так далеко. Если во Франции смотрят иначе, это их дело. Но нельзя допускать, чтобы Франция единолично вмешалась во внутренние дела Германии, хотя бы и с согласия последней. Кроме того, хотя Штирнер и узурпатор, но он, по-видимому, неплохой хозяйственник. Нужно посмотреть, как он поведет дело. А как вывод изо всего этого — следует предложить Франции обождать с выступлением. Если же Штирнер проявит намерение вмешаться в дела иностранных государств или затронет их интересы, выступить совместно с Францией.

Ответ этот, сообщенный Франции, вызвал негодование среди милитаристов, которые взывали к достоинству нации.

— Нельзя вечно идти на поводу у Англии! — говорили они, призывая к немедленному выступлению, хотя бы уже только для того, чтобы доказать независимость французской политики.

Однако к немедленному выступлению встретились препятствия дипломатического свойства. Германское правительство, не без основания опасавшееся, что «искренняя помощь» со стороны Франции обойдется слишком дорого, не торопилось принять руку этой помощи.

Притом немецкое правительство еще не теряло надежды покончить со Штирнером собственными силами.

Несмотря на неудачный исход сражения, «железный генерал» пользовался еще большим авторитетом в военных и ми-

нистерских кругах, а он был решительным противником иностранного вмешательства.

— Что нам даст это вмешательство, — говорил он, — кроме нового унижения и новых налогов? Я уже предлагал на военном совете пустить в ход дальнобойные пушки, чтобы снести с лица земли проклятое гнездо... Но мне возражали: это поведет к напрасной гибели, быть может, нескольких тысяч наших граждан, ни в чем не повинных мирных жителей. Такой сентиментализм вреден! Лучше обречь на гибель несколько тысяч, чем все государство!

— И не только это, ваше превосходительство, — прервал его речь военный министр, в душе завидовавший популярности «железного генерала». — Решающим мотивом, который заставил нас отказаться от применения артиллерийского огня, было выдвинутое мною соображение, что, уничтожив тяжелой артиллерией до основания дом Готлиба, мы вместе со Штирнером начисто уничтожим и его изобретение. А оно... Его жалко уничтожить! Если бы нам удалось овладеть орудием Штирнера, ого! — Министр даже мечтательно закрыл глаза. — Мы посчитались бы с Францией, мы уничтожили бы всех наших врагов, мы...

— Правили бы миром? — резко ответил «железный генерал». — Остановка за малым: захватить живьем Штирнера. Я уже пробовал. Пусть попробуют другие!

После долгих прений атака Штирнера из тяжелых дальнобойных орудий была решена.

И когда огромная дальнобойная пушка выпустила из чудовищного жерла снаряд в два человеческих роста длиною и он, разрезая воздух с потрясающим шумом, понесся по направлению столицы, «железный генерал» не мог скрыть своего восторга. Для него этот громовой удар был сладок, как симфония.

— Ого! — И он расхохотался. — Летит! Нуте, господин Штирнер, заставьте свернуть этот гостинец с пути! Теперь огонь батареи! Скорее, пока он там не одумался, если еще не переселился на небо.

Казалось, обрушилась земля. От сотрясения воздуха солдаты не могли устоять на ногах. И только «железный генерал», как бог войны, стоял с сияющим лицом. Казалось, он стал

еще выше. Морщины около глаз собрались в хищно-веселую улыбку.

— Огонь! — крикнул он. Но, несмотря на звучный голос, его никто не услышал: потрясенные барабанные перепонки отказывались воспринимать слабые звуки человеческого голоса.

Генерал в нетерпении махнул рукой, показывая на орудия.

Прислуга занялась подготовкой к следующему выстрелу, но вдруг, будто обессилев, артиллеристы склонились и стояли неподвижно на своих местах.

— Что же вы? — крикнул «железный генерал». — Огонь!

Солдаты не двигались.

«Железный генерал» подбежал к одному из них и дернул за плечо, но солдат как будто даже не заметил этого.

«Железный генерал» стал неистово ругаться и топать ногами. Его сознание леденила мысль о том, что Штирнер жив и уже пустил в ход свое невидимое орудие.

Так же неожиданно артиллеристы ожили и стали вдруг поворачивать орудия, стоявшие на круглых площадках, в обратную сторону. Никогда еще они не делали этого так четко, автоматично и быстро. Ошеломленный генерал не успел прийти в себя, как пушки были повернуты и грянул залп, один, другой, третий... Залпы не смолкали, пока не был расстрелян весь запас снарядов. И снаряды летели один за другим, неся смерть соседним городам и мирным селениям.

«Железный генерал» уже не кричал, не волновался. Он понял все, понял, что его приказы напрасны перед этой неведомой силой, сковавшей волю солдат. Сознание катастрофы подавило, ошеломило его. Он сам чувствовал себя скованным неведомой силой. В изнеможении опустился он на землю и низко склонил побледневшее лицо.

А когда последний залп замолк и наступила звенящая тишина, генерал вынул из кобуры револьвер и приставил к виску. Кто-то выбил револьвер из его рук.

— Стыдно, ваше превосходительство! — сказал адъютант.

Генерал как будто даже не заметил этого. Он продолжал сидеть, тупо глядя на землю. Кругом, как трупы, валялись упавшие от изнеможения солдаты.

Вечерело. Молодой месяц пробирался по светлому еще небу между клубами облаков. Но люди не видали месяца, не слышали свиста птицы в соседнем лесу. Они были полумертвы.

Только адъютант еще бодрился. Он даже нашел в себе силы послать из походной радиостанции телеграмму правительству об исходе сражения, хотя в этом едва ли была нужда: снаряды, падавшие на города и селения, сами разнесли весть о катастрофе.

— Скверно... — тихо сказал адъютант, уселся недалеко от генерала на походный стул и закурил папиросу, рассеянно глядя на небо.

Его внимание неожиданно было привлечено точкой на горизонте, то появлявшейся, то исчезавшей между туч. Опытный глаз адъютанта скоро определил, что это летит аэроплан. И летит, по-видимому, прямо на Берлин. За ним следовал другой, третий, целая эскадрилья.

«Чьи это могут быть аэропланы? — подумал адъютант. — Мы не отдавали распоряжения нашим летчикам... Может быть, военный министр распорядился, узнав об исходе сражения? Но было бы безумием посылать людей на верную гибель после того...» Не окончив мысли, он подошел к генералу и осторожно тронул за плечо:

— Ваше превосходительство!

— Да, да... Все кончено! Корф, зачем вы отняли у меня револьвер? — вспомнил вдруг генерал. — Отдайте мне. Все равно я не переживу этого позора.

— Ваше превосходительство, на Берлин летит эскадрилья аэропланов.

— Глупость... чушь... вам мерещится...

— Извольте посмотреть!

Рокот аэропланов уже ясно был слышен среди вечерней тишины.

Генерал устало повернул голову.

— Черт! Действительно! Дурачье! Этого еще недоставало. Запросите по радио: чьи?

Адъютант послал радиограмму, но ни один аэроплан не ответил.

Генерал начал ругаться: он оживал.

«Наконец-то пришел в себя!» — подумал адъютант, улыбаясь.

Генерал быстро поднялся на ноги и как-то весь встрепенулся, словно его окатили бодрящим, холодным душем.

— У вас молодые глаза, Корф, чьи аэропланы, вы не видите?

Аэропланы уже были довольно близко, но летели они на значительной высоте, притом быстро темнело от сгущавшихся туч. Над местом канонады собиралась гроза. Ветер крепчал. Он качал аэропланы, но, видимо, руководимые опытной рукой, они хорошо справлялись с ветром...

— Трудно разобрать...

— Осветите аэропланы прожекторами.

Через несколько минут яркие лучи света залили аэропланы. Генерал и адъютант вооружились биноклями.

— Или мне мерещится, — сказал генерал, — или...

— Вам не мерещится. Я совершенно ясно вижу... Это американские аэропланы.

— Час от часу не легче! — Генерал грузно опустился на стул и, положив бинокль на колени, смотрел на удаляющиеся аэропланы. — Вы понимаете, что происходит? — спросил он адъютанта.

Корф, продолжая смотреть в бинокль, пожал плечами:

— По-видимому, они держат путь на Берлин... Значит, Америка.

— Но как? Почему?

— Их, кажется, ветром относит несколько в сторону.

Вмешательство Северо-Американских Соединенных Штатов в борьбу со Штирнером было неожиданностью не только для «железного генерала», но и для всей Европы.

Пока между европейскими государствами происходили дипломатические переговоры, в Вашингтоне, который зорко следил за всем происходящим, быстро было принято решение.

Америка не могла оставаться безучастной. Мало того, что разрушительная работа Штирнера понижала платежеспособность одного из европейских должников, Вашингтон еще раньше военного министра Германии учел все те последствия, которые могут произойти, если германское правительство, покончив с самим Штирнером, сумеет овладеть его сред-

ством борьбы. Америка раньше других оценила все значение этой новой могучей силы. Если овладеть этой силой самой Америке было трудно, то нужно было уничтожить орудие Штирнера вместе с ним, чтобы его тайна не попала в другие руки. И чем скорее это сделать, тем лучше. Но как? Американская техника уже значительно овладела способом управления аэропланами по радио, и они могли пролетать большие пространства без летчиков, по установленному в месте отправки направлению, и автоматически сбрасывать разрывные снаряды большой разрушительной силы на заранее определенном месте. Единственно, что еще не было закончено, это механизм для получения с летящих аэропланов съемки всего пролетаемого пути, чтобы все время следить за полетом и корректировать его. Но откладывать выступление до окончания этих работ было признано рискованным. Точность механизмов и тщательно составленные военные географические карты, казалось, могли обеспечить успех... Америка также рано поняла и то, что со Штирнером возможна лишь борьба механизмами, отправленными без людей, с большого расстояния от него. Правда, Атлантический океан и путь по Европе от западного берега Франции был слишком велик. На таком большом протяжении воздушные течения могли изменить первоначальный полет аэропланов, несмотря на все автоматические выпрямители. Поэтому необходимо было отправить их в путь по крайней мере с территории Франции, но для этого требовалось ее согласие, равно как нужно было и согласие Германии на этот налет на Берлин. Для американской дипломатии не составило труда получить от европейской дипломатии нужный ответ.

Американским правительством были посланы по этому поводу Франции и Германии очень почтительные ноты, составленные в самых изысканных формах дипломатической вежливости. А одновременно с почтительными нотами были посланы короткие, но энергичные напоминания о немедленной уплате задержанных платежей государственного долга.

Ответ не замедлил: Франция и Германия ответили такими же любезными нотами, с выражением согласия на вмешательство Америки, и одновременно до унижения почтительно они просили об отсрочке платежей.

Америка великодушно согласилась на отсрочку и послала свои аэропланы. Она даже не дождалась замедлившегося ответа Германии, будучи в нем вполне уверена, и американские аэропланы, которые увидали «железный генерал» и его адъютант, летели над Германией в тот момент, когда министр только еще подписывал ответ.

Однако Америка была обманута в своих расчетах. Буря отнесла аэропланы в сторону. Только один из них сбросил бомбы на столицу, снесши до основания королевский дворец. Остальные аэропланы посбрасывали свои смертоносные грузы в окрестностях города, произведя значительные опустошения.

Американцев не смутила неудача, они отправили новую эскадрилью. Но тут немцы, видя плачевные результаты воздушной экспедиции, сначала взмолились, прося избавить их от такой сокрушительной помощи, а потом, видя, что им нечего терять, послали энергичный протест, взывая вместе с тем к общественному мнению Европы. Америка не обратила бы на этот протест внимания, если бы не изменилось положение на театре военных действий.

Штирнер, очевидно все усовершенствовавший свое необычайное орудие, вдруг послал направленное мыслеизлучение, прорезавшее не только Германию, но и всю Францию до самого океана.

Все попавшие в полосу этого луча узнали, что думал Штирнер. «Вы хотите поднять мировую войну против меня? Я принимаю вызов! Ваши орудия ничтожны по сравнению с моим. Оставьте поэтому борьбу. Если же безумие овладело вами, я сделаю вас еще безумнее. Шлю последнее предупреждение!»

И, очевидно изменив несколько угол луча, Штирнер послал новое мыслеизлучение. Все, кто попал в этот луч в Германии и Франции, действительно обезумели. Буйное помешательство охватило даже экипаж и пассажиров парохода, плававшего у берегов Франции. Люди бросались в безумии в волны, кочегары взорвали котлы, пароход потонул. Больницы для душевнобольных переполнились. Буйнопомешанные бродили по улицам, бросались на прохожих, наводя панику. Несколько человек, особенно опасных и сильных, пришлось застрелить.

Вся Европа переживала панику. В Вашингтоне царило непривычно подавленное настроение. Несколько американцев-инженеров, участников экспедиции, подпавших под действие лучей Штирнера, привезенные из Франции, производили удручающее впечатление. Впервые Америка переживала такой удар, тем более чувствительный национальному самолюбию, что он был нанесен могущественному государству одним человеком, да еще европейцем.

На время пришлось прекратить военные действия, и Штирнер отдыхал от того постоянного огромного напряжения, в котором он находился во время «боев».

X. В ПОИСКАХ РАВНОГО ОРУЖИЯ

Зауеры жили на побережье Средиземного моря, в Оспидалетти, недалеко от Ментоны.

Эмма имела основание жаловаться в своем письме к Эльзе на мужа. В первое время по приезде Отто Зауер был очень нежен и внимателен к своей больной жене. Он сам выносил ее на руках на широкую веранду, заботливо усаживал в кресло и вывозил в колясочке ребенка. Целыми днями просиживали они так, любуясь лазурным морем, следили глазами за проходящими пароходами и легкими, изящными яхтами, за гидропланами, с воркованием летавшими вдоль побережья. Они почти не говорили друг с другом, но это молчание было легким молчанием счастливых людей. Изредка Эмма с радостной улыбкой протягивала Зауеру руку, он пожимал ее и не выпускал из своей.

Южное солнце оказывало на ее здоровье благотворное влияние. Скоро румянец вернулся на ее щеки, силы прибывали, и через три недели она уже была на ногах.

Но радость выздоровления стала скоро омрачаться тем, что Зауер начал относиться к жене все более холодно. Она уже не находила, проснувшись, на столике у кровати свежего букета окропленных водой гвоздик, фиалок и темно-красных душистых роз. Зауер все реже сидел с нею на веранде. И молчание их стало тягостным. Оно уже не сближало, а отдаляло их.

— Ты уходишь? — тоскливо спрашивала Эмма, видя, что Зауер поднимается.

— Не могу же я торчать здесь целый день, — грубо отвечал он и уходил к себе в комнату или из дому.

Однажды, войдя неожиданно в комнату мужа, она застала такую картину.

Зауер с грустью и нежностью смотрел на портрет Эльзы, сидя у письменного стола с открытым ящиком.

Будто тонкая игла пронзила сердце Эммы. Эмма вспыхнула, хотела выйти незамеченной. Но Зауер увидел ее в отражении большого зеркала. Их взгляды встретились, Эмма смутилась еще больше. А Зауер нахмурился, лицо его стало злым. Он бросил карточку в стол, со стуком задвинул ящик и, не оборачиваясь, глядя в ее зеркальное отражение, раздраженно сказал:

— Что у тебя за манера врываться в комнату, когда я... занимаюсь?

— Прости, Отто, я не знала...

И она тихо вышла из комнаты.

Сердце маленькой Эммы было ранено.

Она забралась в свою комнату и долго плакала, склонившись над колыбелью сына.

— Бедный мой мальчик, крошка моя! — плакала она, осторожно целуя головку ребенка, и несколько слез упало на его волосы.

Вечером она не спала и думала, думала... Это было так не похоже на маленькую Эмму.

«Так вот почему охладел ко мне Отто! — думала она, ломая руки. — Он любит другую. Эта другая — Эльза! Это так естественно. Ведь они любили друг друга. Как я могла забыть об этом? Почему я согласилась стать женой Зауера? Почему Зауер женился на мне, если он любит Эльзу? Но он любил и меня, мое сердце не обманешь. А Эльза?..»

Все это было слишком сложно для Эммы. Тяжелые мысли, неразрешимые вопросы, как горная лавина, обрушились на нее и сразу раздавили нежный цветок ее счастья.

— Отто, Отто! — шептала она в отчаянии и плакала бессильными слезами.

Бороться? Она не создана для борьбы.

К утру она приняла решение: написать Эльзе то самое письмо, которое Штирнера взволновало больше, чем Эльзу.

Женское чутье подсказало Эмме верный тон письма: она ни слова не упомянула в письме о случае с карточкой. Она только делилась с Эльзой, как с подругой, своим горем.

Полусознательно Эмма ставила этим письмом ловушку своей сопернице, надеясь, что та как-нибудь выдаст себя, если она продолжает любить Зауера.

С нетерпением Эмма ожидала ответа Эльзы и наконец получила его.

Руки не повиновались, когда она вскрывала конверт, сердце замирало, а строки прыгали перед ее глазами.

Но, прочитав письмо, Эмма вздохнула с облегчением:

— Нет, Эльза не умеет лгать!

Эльза утешала Эмму, уверяла, что Отто опять будет нежен к «своей маленькой куколке»; главное же, что успокоило Эмму, — Эльза больше писала о себе, о своей любви к Штирнеру, о своем счастье, о своих тревогах... Она искренне выражала беспокойство, что Штирнер стал плохо выглядеть, что он переутомлен и чрезвычайно нервен. У Эммы отлегло от сердца. Конец письма даже рассмешил ее.

«Ты не узнала бы теперь Штирнера. Он отпустил бороду и теперь стал похож на пустынника-монаха...» — писала Эльза.

— Представляю себе! Вот чудовище-то!

Эмма повеселела.

Но Зауер скоро заставил ее вновь погрузиться в безысходное отчаяние.

После случая с портретом Эльзы Зауер стал с Эммой еще более резок и груб.

Он приходил теперь на веранду, когда там сидела Эмма, только для того, чтобы посмотреть на сына. Не обращая внимания на Эмму, Зауер усаживался у детской коляски и начинал возиться с малышом.

Эмма с волнением следила за мужем, ловила его взгляд, но Отто не замечал ее. Иногда решалась заговорить.

— Эльза писала, что Штирнер плохо выглядит и очень переутомлен...

— Мир только выиграет, если подохнет эта скотина, — сквозь зубы отвечал Зауер.

Эмма была удивлена резкой переменой Зауера к Штирнеру. Теперь Зауер не мог слышать его имени. Но Эмма не ре-

шалась спросить о причинах этой перемены. И они сидели молча.

Как-то Эмме показалось, что Зауер в хорошем настроении. По крайней мере, он был спокойнее обычного. Над морем летала стая аэропланов.

— Отто, а почему аэропланы не падают? — спросила вдруг Эмма.

— До какой степени ты глупа, Эмма! — ответил Зауер. — Поразительно, как я этого не замечал раньше!..

Эмма побледнела от горя и обиды.

— Ну что ж, можешь оставить меня, — ответила она дрогнувшим от слез голосом. — Возьму маленького Отто и уйду...

— Пожалуйста! Удерживать не буду. Но сына я тебе не отдам! — И, поправив одеяльце на ребенке, он вышел.

Эмма, уже не сдерживая слез, подошла к ребенку и склонилась над ним.

— Неужели я лишусь и этого?

На дорожке сада заскрипел под чьими-то ногами песок.

— Могу я видеть господина Зауера?

Эмма наскоро вытерла лицо платком и обернулась. Перед нею стоял молодой человек в летнем белом костюме, с рыжими волосами и веснушками на лице.

«Где я видела это лицо?» — подумала Эмма.

— Вы не узнаете меня? Мы, кажется, встречались.

— Ах да, да, господин Готлиб!

— Рудольф Готлиб, вы не ошиблись.

На голоса вышел Зауер. Готлиб поклонился:

— Господин Зауер, мне нужно с вами поговорить по весьма важному делу.

Они прошли в кабинет.

— Надеюсь, вам известно из газет, — начал Готлиб, — о всех событиях последнего времени.

— Я не читаю газет, — ответил Зауер.

Готлиб поднял с изумлением брови:

— Но об этом говорит весь мир!

Зауер был несколько смущен. С самого приезда на Ривьеру он совершенно не читал газет, как будто забыл об их существовании. Почему? Он сам не знал этого. И теперь вопрос Готлиба заставил его самого призадуматься.

— Я хотел отдохнуть, — ответил Зауер, чтобы как-нибудь объяснить странность, — а в газетах всегда есть что-нибудь, что взволнует или расстроит... все эти политические дрязги...

— В таком случае я должен вам осветить положение вещей. Дело идет уже не о политических дрязгах, а об опасности, которая угрожает целой стране, быть может, всему миру.

Готлиб рассказал Зауеру о необычайной войне между комитетом спасения и Штирнером и о бесславном поражении «железного генерала».

Зауер слушал с возрастающим вниманием, прерывая иногда рассказчика ругательствами по адресу Штирнера.

Эти реплики, видимо, очень нравились Готлибу.

— Я чрезвычайно доволен, — сказал Готлиб, окончив рассказ, — что вы, кажется, так же мало расположены к Штирнеру, как и я. Каждый из нас имеет свои причины ненавидеть Штирнера. Но вы с ним работали, были его правой рукой, и я, признаюсь, опасался, что вы и сейчас на его стороне. Тогда моя миссия не увенчалась бы успехом... Я послан комитетом — собственно, это была моя идея, — но я имею полномочия... Мне казалось, что вы единственный человек, который может открыть тайну необычайного влияния Штирнера на людей, тайну той силы, которою он обладает. В настоящее время большинство ученых склоняется к тому, что Штирнер овладел тайной передачи мысли на расстояние. Но секрет этой передачи не открыт. И если бы вы захотели... вы могли бы оказать нам огромную услугу... и награда...

Зауер поднялся и в волнении прошел по комнате.

— Награда? Свалить этого изверга Штирнера — лучшая награда для меня!

В этот момент Зауер подумал об Эльзе.

Ему вспомнилась сказка о принцессе, попавшей в руки злого волшебника. Штирнер — это волшебник. А он, Зауер, рыцарь, который должен освободить принцессу от чар. Освободить! Но как?..

— Я охотно помог бы вам, господин Готлиб, если бы хоть что-нибудь знал наверное. Собственно говоря, у меня имеются только догадки. Насколько мне известно, Штирнер до поступления на службу к вашему покойному дядюшке занимался научной деятельностью в области изучения мозга и переда-

чи мыслей на расстояние. Он делал опыты над животными, и я сам видел, что эти животные проделывали чудеса. Я лично думаю... — Зауер помолчал, как бы колеблясь, затем продолжал, — что ваш дядюшка, Карл Готлиб, погиб не естественной смертью... Эта собака, бросившаяся под ноги старику в момент приближения поезда — пусть Штирнера не было в этот момент, — она могла действовать по его внушению.

Рудольф Готлиб привстал и вытянул вперед голову. От волнения он тяжело дышал.

— Я всегда думал, что в деле наследства скрыто преступление! — воскликнул он. — Но почему вы не высказали своих подозрений во время процесса? Больше того, на суде вы защищали интересы Эльзы Глюк...

Зауер пожал плечами:

— Я думаю, что я, как и все окружающие Штирнера, находился под влиянием этого ужасного человека. Я не ученый и не знаю, каким путем Штирнер внушает людям свои мысли. Но я думаю, что власть его ограничена известным кругом воздействия. Сужу я об этом по тому, что только здесь, вдали от него, я почувствовал, как стал постепенно освобождаться от какого-то гипноза, «размагничиваться» от того заряда, который, очевидно, получен мною перед отъездом. Или Штирнер не достиг еще возможности действовать на большие расстояния, или же он сделал мне, при моем отъезде, недостаточно сильное внушение, и оно со временем ослабело.

— Вы правы, — сказал Готлиб. — Но Штирнер, по-видимому, непрерывно совершенствуется, круг, сила и длительность его воздействия все увеличиваются. И кто знает, может быть, уже завтра мы не будем в безопасности и здесь.

Зауер вздрогнул:

— Опять? Опять подпасть под власть этого человека? Сделаться игрушкой в его руках? Нет, лучше бежать на край света! А еще лучше уничтожить Штирнера. Освободить себя и других!..

— И если это так, если тайна успеха Штирнера в этом, то бороться с ним можно только равным оружием. Кто даст нам его?

Они молчали. Зауер что-то обдумывал.

— Да, вы правы, — сказал он. — Бороться можно только

равным оружием. Мне сейчас пришла мысль. Не может же быть, чтобы только один Штирнер занимался разрешением проблемы о передаче мысли на расстояние! Надо поискать среди ученых...

— Мы искали, — сказал Готлиб, — обращались к ученым, работавшим в этой области. Но их так мало. Мы запрашивали одного итальянского ученого. Он ответил, что то, что делает Штирнер, еще недоступно современной науке. Или Штирнер гений в этой области, ушедший вперед, или тут что-нибудь иное.

— Но не один же итальянец...

— Мне приходилось читать об опытах еще одного ученого. Правда, он даже не имеет профессорского звания...

— И потому вы не обратились к нему? — с иронией спросил Зауер.

— Признаюсь...

— А Штирнер разве гнет нас в дугу своим профессорским званием? Надо непременно найти этого ученого! Нельзя упускать ни одного шанса.

Подумав немного, Зауер сказал:

— И нельзя упускать ни одной минуты. Вот что: я еду с вами, мы разыщем этого ученого и послушаем, что он нам скажет. Да, еще одно. Штирнер жил на вилле в Ментоне, это рядом. Надо заглянуть туда: не оставил ли он после себя каких-нибудь следов?

Зауер быстро собрался в дорогу.

— Эмма, — сказал он, встретив жену на веранде, — я уезжаю.

— Надолго? — тревожно спросила Эмма.

— Не знаю, но думаю, что надолго. — Холодно простившись с нею, он быстро вышел в сопровождении Готлиба.

А Эмма не знала, плакать ли о том, что Зауер покинул ее, или радоваться, что он не лишил ее ребенка.

Зауер, имевший доверенность от Штирнера, беспрепятственно проник в виллу Эльзы Глюк и внимательно осмотрел все помещение.

В одной из комнат, почти пустой, был найден огромный кусок металлического сплава. На полу валялись обрывки про-

волочной спирали, обломки фарфоровых изоляторов, клеммы, зажимы.

— Чистая работа! — сказал Готлиб, разглядывая сплавленную глыбу металла. — Штирнер умеет прятать концы в воду. Ясно, что здесь стоял какой-то аппарат. Но как удалось ему расплавить весь металл, не обуглив даже пола?

— Ну что ж, нам здесь делать больше нечего, Готлиб. Едем искать противоядное оружие. Где находится ваш недипломированный ученый?

— В Москве.

XI. МОСКОВСКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Месяц спустя Зауер и Готлиб входили во двор-колодец на Тверской-Ямской, недалеко от Триумфальных ворот. Шестиэтажные дома плотно обступали асфальтированную площадку. Голоса игравших детей гулко отдавались среди высоких стен.

— Кажется, здесь, — сказал Готлиб, просматривая номера квартир у входной двери дома. — Идем, Зауер. Пока все идет хорошо.

— Фу, черт возьми, когда же кончится эта лестница? Удивительно, как это могут люди жить без лифта! — ворчал Зауер, тяжело дыша. — Какой номер квартиры?

— Двадцать девятый.

— А это двадцать пятый. Значит, на самый верх.

— Ничего, вам полезен моцион, вы слишком быстро полнеете, Зауер, — сказал Готлиб и нажал кнопку.

Зауер был разочарован тем, что он увидел, войдя наконец к Качинскому. Ни обстановка комнаты, ни сам изобретатель не соответствовали тому, что представлял себе Зауер.

Он ожидал увидеть кабинет, заваленный и заставленный всякими машинами, с тем беспорядком, который присущ изобретателям.

Жилище Качинского не напоминало лаборатории современного Фауста.

Это была небольшая комната с широким венецианским окном. У окна стоял большой письменный стол с пишущей машинкой. Другая машинка помещалась на небольшом столике, примыкавшем к узкой стороне письменного стола. Эти

машины, одна с русским, другая с латинским шрифтом, да небольшой чертеж ветряного двигателя по системе Флетнера на стене у стола были единственными неясными указателями характера работ владельца комнаты.

Над широким турецким диваном висела неплохая копия с картины Грёза, изображающая девушку с характерным грёзовским наивно-лукавым выражением глаз.

Зауер посмотрел на эту головку и поморщился. Ему вспомнилась Эмма. Он сравнивал ее с грёзовскими девушками, когда так неожиданно влюбился в нее.

Рядом с головкой Грёза висели два пейзажа. На отдельном маленьком столике помещалась чугунная статуэтка, изображавшая одну из конных групп Клодта, стоящих в Ленинграде, на Аничковом мосту.

Небольшой буфет, шкаф с зеркалом, стол посреди комнаты, застланный чистой скатертью, и несколько обитых кожей стульев с высокими спинками дополняли обстановку.

На всем лежала печать чистоты и аккуратности. И это тоже сбивало с толку Зауера. Сидя в этой комнате, можно было представить, что находишься в Берлине, Мюнхене, но никак не в Москве.

Совсем иначе представлял он себе и русского изобретателя. Эта порода людей, по мнению Зауера, должна отличаться особыми чертами. Но перед Готлибом и Зауером стоял скромный на вид, еще молодой человек со светлыми, зачесанными назад волосами, светлыми глазами, гладко выбритым лицом, правильным носом и со скульптурно очерченной линией рта. Он был одет в темно-коричневую вельветовую блузу и брюки покроя галифе, заправленные в сапоги с узкими голенищами.

Рядом с ним стояла жена в белой блузке, радушная и приветливая.

«Уж не ошиблись ли мы?» — подумал Зауер. Но они не ошиблись. Гости представились, и скоро завязалась оживленная беседа.

«И этот человек, — подумал Зауер, — быть может, обладает такой же могучей силой, как Штирнер, но живет и выглядит так просто! Неужели он не чувствовал соблазна использовать эту силу в личных интересах, как Штирнер? Стать необычай-

но богатым, могущественным? Или здесь люди действительно мыслят и чувствуют иначе?..»

Зауер постарался косвенно получить ответ на интересующий его вопрос.

— Скажите, — обратился он с шутливой улыбкой к жене Качинского, — а вам не страшно иметь такого мужа, который может внушить окружающим все, что ему захочется, вам, например?

Качинская удивленно подняла брови:

— Зачем? Что особенного он мне может внушить? Мне и в голову никогда не приходила эта мысль. Для опытов у него есть лаборатория.

Качинский улыбнулся.

— Но все-таки это опасная сила, — сказал, несколько смутившись, Зауер.

— Как всякая другая, — ответил Качинский. — Нобель изобрел динамит, для того чтобы облегчить человеческий труд в борьбе с природой — взрывать гранит. А человечество сделало из этого изобретения самое страшное орудие истребления. И огорченному Нобелю оставалось только учредить на «динамитные доходы» премию мира, чтобы хоть немного искупить свой невольный грех перед человечеством. Штирнер в этом случае не исключение. Он только использовал эту новую силу в своих единоличных целях. Все зависит от того, в чьих руках находится топор, — продолжал Качинский. — Один рубит им дрова, другой — человеческие головы. Опасность такого использования предвиделась еще до того, как Штирнер бросил вызов обществу. Когда первые мои опыты сделались известны широкой публике, меня прямо осаждали взволнованные обыватели. Несколько женщин приходили ко мне и уверяли, что злые люди уже подвергают их внушению на расстоянии. В отчаянии эти несчастные просили меня спасти их от «злых чар». Одна из них говорила мне, что какие-то студенты Харьковского университета так «заряжают» ее электрическими токами, что, когда она проходит мимо железных фонарных столбов, от нее с треском отлетает искра. «А когда я иду в калошах и шелковой шляпе, — говорит она, — тогда искры нет. Что мне делать? Я ложусь спать и чувствую, как электроволны наполняют меня, и слышу голос: «Теперь ты в нашей власти!»

Я посоветовал ей накрываться шелковым одеялом, а в руку брать металлический предмет, соединенный с трубами отопления. «Заземлитесь, как в радиоприемнике». И она уверяла потом, что это помогло ей. Как только она «заземлялась», ее «крючило», ток уходил в землю. Она спокойно засыпала. Что мог я еще сделать? Это были просто нервно или душевнобольные. Несколько мужчин угрожали убить меня, если я стану применять свое изобретение.

«Я не желаю, — кричал один из них, — чтобы вы начиняли мой мозг вашими мыслями!»

— И они правы в своих опасениях, — сказал Готлиб, желая скорее перевести разговор на практическую почву. — Ужасы, которые Штирнер сеет вокруг себя...

— Да, да, я тоже предвидел эту возможность, — сказал Качинский, — и поэтому я с самого начала работал в двух направлениях: над тем, как усовершенствовать передачу мысли на расстояние и как оградить людей от причинения им вреда.

— И что же, вам удалось это? — с интересом спросил Готлиб.

— Я думаю, что я разрешу задачу, — ответил Качинский.

— Позвольте мне задать один вопрос, — сказал Зауер. — Весь мир сейчас говорит о передаче мыслей на расстояние. Но, к стыду моему, я не знаю, в чем тут дело и почему только теперь вдруг люди открыли то, что, по-видимому, должно было существовать всегда.

Качинский оживился, а Готлиб недовольно вздохнул.

«Пойдет теперь теория, когда надо действовать!» — подумал он.

— В кратких чертах дело сводится вот к чему: каждая наша мысль вызывает ряд изменений в мельчайших частицах мозга и нервов. Эти изменения сопровождаются электрическими явлениями. Мозг и нервы во время работы излучают особые электромагнитные волны, которые расходятся во все стороны совершенно так же, как и радиоволны.

— Но почему же мы до сих пор не могли мысленно разговаривать друг с другом?

— Эти электроволны небольшой мощности и притом своеобразной природы. Поэтому в другом сознании отмечается излученная кем-либо мысль только в том случае, если эта

мысль попадает в мозг, если можно так выразиться, одинаково настроенный.

— Словом, если «приемник»-мозг может принимать волны той же длины, какие посылает «передающая станция», то есть излучающий мозг?

— Совершенно верно. И случаи таких передач наблюдались давно между близкими людьми. Но так как эти случаи невозможно было проверить и тем более объяснить научно, то наука их чаще всего просто отрицала, тем более что этими загадочными случаями пользовались всякие спириты, телепаты, теософы и прочие мистики, пытавшиеся на этих научно не объясненных фактах доказать существование «духа», который может проявлять себя независимо от тела.

Качинский сделал паузу и продолжал:

— Один из таких «таинственных» случаев и натолкнул меня самого заняться вопросом о передаче мыслей на расстояние.

— Это интересно! — сказал Зауер.

Готлиб в нетерпении повернулся на стуле.

— Дело было в Тифлисе. Мой друг болел тифом в тяжелой форме, и я часто навещал больного. Однажды я вернулся от него поздно ночью, потушил огонь и лег в кровать. Пробило два часа. И вслед за боем часов я услышал совершенно отчетливо звук... как будто кто-то ложкой ударил несколько раз о край бокала из тонкого стекла. «Кошка!» — подумал я и зажег свет. Но, осмотрев комнату, я не нашел ни кошки, ни какого-либо стеклянного предмета, который мог бы дребезжать. Я не придал значения этому случаю и скоро уснул.

Наутро, войдя в дом друга, я увидал ту особую суету, которая без слов сказала мне все. Друг мой умер в эту ночь. Его труп еще лежал в кровати, и я стал помогать убирать его.

«Когда он умер?» — спросил я.

«Ровно в два часа ночи», — ответила его мать.

Подходя к кровати, я толкнул ногой тумбочку, на которой стояли лекарства. Ложка, лежавшая в большом бокале тонкого стекла, повернулась, и я услышал знакомый звук.

«Где я слыхал его? — с недоумением подумал я. — Вчера ночью. Нет никакого сомнения, что это тот же звук». И я спросил у матери моего друга, как умер ее сын.

«Ровно в два часа ночи я поднесла к его губам ложку с ле-

карством. Он только слабо шевельнул губами, но не мог уже пить. Я положила ложечку в стакан и наклонилась над ним. Он был мертв».

Случай этот заставил меня глубоко задуматься. Я, конечно, совершенно не допускал никакой сверхъестественности. Но чем же можно тогда объяснить этот случай? В то время я читал курс лекций по радио в одной из школ. Я, как вам, вероятно, известно, по профессии инженер-электрик. И первая мысль, которая у меня мелькнула, подсказала мне, что странное явление передачи звука должно быть электрического порядка, схожее с радиопередачей. Не излучил ли мозг умирающего друга электроволны, которые дошли до меня? Я стал изучать работу мозга и нервов уже здесь, в Москве. К моему удивлению, я нашел ряд очень близких аналогий в строении нервной системы и мозга с конструкцией радиостанции. Частицы мозга играют роль и микрофона, и детектора, и телефона; фибриллярные нити нейронов имеют на конце виток, удивительно напоминающий проволочную спираль — соленоид, вот вам самоиндукция. Интересно, что с физиологической точки зрения даже профессор-физиолог, с которым я работал, не в состоянии был удовлетворительно объяснить значение этой спирали. В свете же электротехники она получает вполне логичное объяснение. Природа, очевидно, создала этот виток для усиления электротоков. Есть у нас в теле даже лампы Раунда — это ганглиозные колбочки сердца. Источник энергии сердца соответствует батарее аккумуляторов, а периферическая нервная система — заземлению. Так, изучая строение человеческого тела с точки зрения электротехники, я пришел к полному убеждению, что наше тело представляет собой сложный электрический аппарат — целую радиостанцию, способную излучать и принимать электромагнитные колебания. Вот, пожалуйста, посмотрите чертеж.

Но мне нелегко было, бесспорно, доказать наличие электромагнитных волн. Я вел свои опыты в лаборатории Дугова, который успешно занимается опытами внушения животным. Свой опыт я поставил таким образом: я собственноручно смастерил клетку из густой железной сетки, стоящую на изоляторах; сетка могла, по желанию, заземляться. Перед клеткой мы сажали собаку, а в клетке помещался Дугов. Когда клетка не

была заземлена, собака удачно выполняла мысленные приказы Дугова. Но достаточно было заземлить металлическую оболочку клетки — и никакое внушение не доходило до собаки. Я думаю, вы понимаете почему: электромагнитные волны, попадая на металлическую сетку, уходили в землю, не достигая собаки. Таким образом, задача была разрешена. Наличие электромагнитных волн, излучаемых мозгом, было установлено. Иными методами электромагнитная природа мозговых и нервных колебаний была доказана и работами наших ученых: академиком Лазаревым, профессором Бехтеревым, а в Италии — профессором Казамали.

Готлиб окончательно терял терпение.

— Это все чрезвычайно интересно, — наконец сказал он, — но, признаться, мы интересуемся не столько научной стороной, сколько практическими результатами ваших работ. Вы изволили сказать, что вам удастся разрешить задачу охраны населения от преступного использования нового средства воздействия на людей. Но вы еще не разрешили этой задачи. Короче говоря: сможете ли вы обезвредить Штирнера?

— Теоретически для меня вопрос решен, но опытной проверки в большом масштабе я еще не делал. Мы ограничивались опытами передачи мысли животным на коротком расстоянии. Моя «машина-мозг» вполне осуществима для современной техники. Я изучаю природу электромагнитных волн, излучаемых мозгом человека, устанавливаю их длину, частоту и так далее. Воспроизвести их механически уже не представляет труда. Усильте их трансформаторами, и мысли-волны потекут, как обычная радиоволна, и будут восприниматься людьми.

Машина моя строится и состоит из антенны, усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и индукционной связи с колебательным контуром антенны. Вы можете излучить определенную мысль на антенну моей «передающей радиостанции», она усилит это излучение и пошлет в пространство. Вот новая «пушка», при помощи которой мы будем обстреливать Штирнера.

Готлиб вздохнул с облегчением:

— И скоро можно будет пустить эту пушку в дело?

— Недели через две, я думаю, удастся послать первый выстрел.

— В чем же он будет состоять?

— Мы застанем Штирнера врасплох и внушим ему, чтобы он вышел из дома и приехал к нам. И он будет в наших руках.

— Но где вы установите вашу пушку?

— Я думаю, что нам придется поехать возможно ближе к нашей цели. Повторяю, пушка не испробована на опыте, и я не ручаюсь за ее действие на большом расстоянии.

— Но не опасно ли вступить в сферу влияния Штирнера? Ведь он обладает орудием более дальнобойным, совершенным и испытанным?

— Другого выхода нет, мы должны пойти на риск.

— А изолироваться мы не можем? Ведь вы говорили, что думали и над защитительными средствами? — спросил Зауер.

— Конечно. Можно покрыть себя тонкой металлической сеткой, и электроволны, излученные мыслями Штирнера, будут осаживаться на сетку и проходить в землю. Мы будем нечувствительны к его излучениям, но в то же время такая изоляция лишит нас самих возможности излучить мысль. Правда, мы можем действовать механически, при помощи «машины-мозга». Но мною еще недостаточно изучены электромагнитные волны мозгового излучения, и потому пока придется рисковать собой. Я буду передавать мысли на антенну без изоляционного костюма. Если же почувствую влияние излучения Штирнера, вы накинете на меня сетку. Сами же вы будете в изолированных костюмах.

— А что, если прямо идти в этих защитных костюмах в дом Штирнера и расправиться с ним? Авось на этот раз он не заставит меня щекотать его бритвой, вместо того чтобы перерезать ему горло?

— Это значит идти на убийство...

— Туда ему и дорога!

— ...не только Штирнера, но и тех, кто пойдет его убивать. Штирнер, конечно, дорого продаст свою жизнь. Постараемся захватить его живым. Так будет лучше, и победа будет полней.

Готлиб встал. За ним поднялись Качинский и Зауер.

— Позвольте вас поблагодарить... — начал Готлиб.

— Не за что, — ответил Качинский. — Поблагодарите, когда Штирнер будет в наших руках.

XII. НЕМАЯ ВОЙНА

Штирнер сидел в кабинете за столом над чертежами и вдруг почувствовал неудержимое желание выйти из дома. Он уже поднялся и направился к двери, как промелькнувшая мысль заставила его остановиться: что, если он сам оказался под воздействием чужой воли? Неужели они открыли его секрет и действуют тем же оружием? Очевидно, их воздействие еще не обладало достаточной силой: Штирнер не потерял способности рассуждать. Но непреодолимое желание выйти на улицу он ощущал совершенно ясно. Легкий холодок прошел по спине Штирнера. Он погиб, если сейчас же не освободится от влияния чужой мысли! Что делать? Как спасти себя? А его ноги непроизвольно уже донесли его до двери. У двери висело шелковое драпри. Рядом проходили радиаторы отопления. С чрезвычайным усилием воли Штирнер сделал шаг в сторону, сорвал шелковое драпри, накинул его на голову и уцепился руками за металлическую трубу отопления. Тотчас же он почувствовал, как желание выйти на улицу уменьшилось. Посылаемые неведомым врагом электромагнитные токи быстро уходили в землю. Штирнер вздохнул с облегчением. Но это еще не спасение. Надо было обдумать создавшееся положение.

«В моей комнате, — думал Штирнер, — есть железная клетка, в которой я делал первые опыты. Если бы пробраться туда, войти в клетку, заземлиться... Как-нибудь отсижусь, а там видно будет. Но успею ли я добежать? Не разобьет ли противник мой волевой импульс, как только я отойду от заземления? Если бы еще не этот линолеум на полу! Черт возьми! Меня начинают бить моим же оружием. Это скверно. Прежде всего надо изолироваться. У меня есть металлическая сетка. Можно будет накинуть ее на себя... Потом я сделаю настоящий костюм. Но как достать ее? Эльза! Надо вызвать Эльзу».

Между Штирнером и Эльзой давно установился такой полный контакт, что довольно ему было подумать, даже без применения каких-либо усилений излучения мысли, как она немедленно являлась. Штирнер начал мысленно призывать ее, как всегда ясно представляя весь путь, который должна та

пройти. Но Эльза не шла. Шелковая материя на голове Штирнера задерживала излучения...

— Проклятие! — Штирнер приоткрыл шелк и полуобнажил голову. В ту же минуту он почувствовал желание выйти из дома. Штирнер поспешно натянул на голову шелк и задумался. Одним глазом через щелку в шелковой материи он увидел недалеко на стене кнопку электрического звонка.

— Спасибо покойному Готлибу, он везде насажал этих звонков. Может быть, мне удастся вызвать слугу...

Звонок находился на расстоянии двух метров. Скользя рукой по металлической трубе, он стал приближаться к звонку. Труба окончилась. Следующий сектор отопления находился на расстоянии семидесяти сантиметров. Штирнер нагнулся, левой рукой ухватился за конец трубы, а правую протянул к трубе следующего сектора, следя в то же время, чтобы шелк не сполз с головы. Для этого он закусил края материи зубами. Так перебрался он к следующему сектору и, держась за трубу, нажал звонок.

— Что, если они послали внушение и слугам? Я пропал...

Штирнер с облегчением вздохнул, когда вдали послышались шаркающие шаги старика Ганса.

Ганс вошел в кабинет и с невозмутимым лицом вышколенного лакея, который умел скрывать удивление за маской почтительности, стал перед закутанным в шелк Штирнером.

— Ганс, в моей комнате... — сказал Штирнер и запнулся. Он еще никого не пускал в свою комнату. «Э, теперь не до того, — подумал он. — Я смогу ему внушить, чтобы он забыл все, что увидит там». — В моей комнате находится металлическая сетка. Принесите ее немедленно сюда. Вот вам ключ...

Придерживая одной рукой шелк, как будто стыдливо закрывая свою наготу, Штирнер вынул другой рукой ключ и подал его Гансу.

Ганс молча удалился и принес тонкую металлическую сетку.

— Набросьте на меня!

Старик исполнил приказание с таким привычным видом, как будто он подавал пальто.

— Благодарю вас, Ганс. Теперь идите... Постойте! Вы ничего не испытываете, Ганс? Никаких особенных желаний? Ну, например, выйти на улицу?

— Куда там на улицу! Если правду сказать, господин Штирнер, я чувствую желание полежать... Больные ноги отдыха просят!..

— А давно появилось у вас это желание?

— Да уж лет двадцать, как к кровати стало тянуть...

— Идите, Ганс!

Штирнер быстро прошел в свою комнату, помещавшуюся позади кабинета.

— Ну погодите! — сердито ворчал он, приводя в движение машины. Внизу загудели мощные моторы, загорелись лампы, машина заработала. «Выстрел» был послан, и он достиг цели.

В окрестностях города стоял большой грузовой автомобиль, на площадке которого была установлена радиостанция не совсем обычного устройства. Это была станция, спроектированная по схеме Качинского, для передачи с усилением излучений мысли.

Шофер, Зауер и Готлиб были в особых костюмах, сделанных из тончайшей проволочной сетки, прикрывавшей все тело, не исключая лица.

— Наряд не совсем обычный, — смеялся Качинский, — но, если мода узаконит его, он покажется даже оригинальным. В будущем мы просто станем делать в наших костюмах тончайшую металлическую подкладку. К сожалению, я не знаю, как обойтись без вуали. Но ведь носили же вуаль женщины! А мы будем изготовлять наши вуали не толще и не тяжелее шелковых. Снаряд послан, — говорил Качинский. — Я послал Штирнеру приказ выйти из дома и идти сюда.

— А как мы узнаем, что снаряд попал в цель? — спросил Готлиб.

— Я думаю, он так или иначе известит нас, если и не явится, — сказал Качинский. — Дело в том, что мы имеем и механическую приемную радиостанцию, кроме нашего собственного «приемника»-мозга. А в ней имеется прибор, автоматически записывающий излучения другой станции.

И Штирнер действительно «известил» их, хотя и совершенно неожиданным для нападающих образом.

В тот момент, когда Качинский без изолирующего костюма отправлял новую «мысль-снаряд», он вдруг упал на площадку автомобиля, сделал попытку подняться и упал снова.

Он хотел сесть, но голова, а за ним и все тело свалилось на сторону.

Зауер и Готлиб бросились к Качинскому.

— Вы ранены? Контужены? Как вы себя чувствуете? — спрашивали они его. — Что у вас болит?

— Ничего не болит, и чувствую себя вполне здоровым, — отвечал Качинский, делая новую попытку сесть и вновь падая на сторону, — но, черт возьми, я совершенно потерял чувство равновесия!..

Зауер, Готлиб и шофер были поражены. Готлиб поспешил накинуть на Качинского металлическую сетку, чтобы оградить его от новых излучений.

— Ну да, конечно!.. Чему же вы удивляетесь? Штирнер, очевидно, парализовал мозговые центры, которые управляют равновесием. Однако он далеко ушел в своих работах! Чувство равновесия — один из сложнейших и наименее разработанных вопросов. Профессор Бехтерев...

«А все-таки эти изобретатели совсем особая порода людей, — думал Зауер. — Его свалили с ног, и он беспомощно копошится на земле, как раздавленный червь, а сам рассуждает о своей рефлексологии!..»

— Это он нарочно, — продолжал Качинский, — чтобы показать своему противнику, с каким опасным врагом нам приходится иметь дело. Чувство равновесия...

— Это все очень интересно, господин Качинский, но сейчас нам надо позаботиться о вашем здоровье. Я думаю, — обратился Готлиб к Зауеру, — нам придется на этот раз отступить и эвакуировать нашего первого раненого в этой необычайной войне, чтобы подать ему медицинскую помощь.

Несмотря на протесты Качинского, который хотел продолжать дуэль на расстоянии, Зауер и Готлиб решили отступить.

— Помните, что на вас лежит ответственность за миллионы людей. Что, если Штирнер убьет вас или, скажем, лишит разума?

— Ну что ж, едем... — со вздохом согласился Качинский.

— Да, Штирнер — опасный противник, — продолжал Качинский, лежа в автомобиле. — Он обладает более мощным орудием. И сила его передачи так велика потому, что он, оче-

видно, пользуется направленной волной. Попробуем и мы действовать направленными волнами!..

— Вы лучше скажите: как вы теперь будете жить без чувства равновесия?

— Может быть, мне удастся найти его! — ответил Качинский.

Готлиб с сомнением покачал головой.

Качинский выглядел совершенно беспомощным. Он не мог даже протянуть руки, она тотчас падала в сторону как плеть, хотя все члены его тела были совершенно невредимы.

— Посмотрите, Зауер, нет ли какой-нибудь записи на ленте аппарата.

Зауер посмотрел. Лента была испещрена кривыми линиями.

— Здесь что-то начерчено, но я ничего не понимаю...

— Я скоро сделаю прибор, который будет переводить эти знаки на буквы. — Качинский сделал безуспешную попытку протянуть из-под сетки руку. — Поднесите к моим глазам ленту, Зауер! Так... гм... он хочет напугать меня!.. Вот какую мысль он излучил: «Вы проиграли сражение, так как потеряли свой единственный шанс: застать меня врасплох. *Штирнер*». Посмотрим, кто победит! — крикнул Качинский, в волнении поднял голову, которая тотчас же упала назад. — О, дьявол! Но вы не запугаете меня этим, Штирнер!

Подъехали к больнице. Качинского перенесли на руках. Стены комнаты завесили металлическими сетками.

Врачи ничего не могли понять в болезни Качинского, и ему пришлось с улыбкой объяснить им.

— К сожалению, медицина бессильна помочь вам, — сказал старший врач, разводя руками.

— Я знал это, — ответил Качинский. — Придется создавать новую медицину или прибегнуть к гомеопатии.

Врач недовольно тряхнул головой:

— Гомеопатия — шарлатанство.

— Не всегда, — улыбаясь, ответил Качинский. — Принцип гомеопатии — лечить подобное подобным. Вот в каком смысле я говорю о гомеопатии.

Зауер первый понял мысль Качинского:

— Вы хотите применить для лечения ваш мыслепередающий аппарат?

— Ну конечно. Я передам моей «машине-мозгу» мысль, что мои мозговые центры, ведающие чувством равновесия, должны восстановить свою деятельность, потом сам восприму это излучение, усилив его. Так как Штирнер действовал на расстоянии, а я буду подвергать себя контрвоздействию возле самого источника излучения, то думаю, что мне удастся вернуть потерянное чувство равновесия... Сделаем опыт!

Врачи с недоверчивым интересом следили за опытом. Но когда Качинский неожиданно поднялся с земли и начал размахивать руками, стоя на одной ноге, все зааплодировали.

— Это прямо чудо! — крикнул молодой врач.

— Если не была симуляцией сама «болезнь» Качинского, — тихо проворчал старый врач.

Так было положено начало новой медицине, получившей впоследствии широкое применение в самых различных областях — от лечения нервных болезней до совершения безболезненных операций без применения наркоза.

— Скажите, — спросил Зауер Качинского, когда они остались одни, — почему «удар», посланный Штирнером, поразил только вас? Ведь если Штирнер сумел точно определить направление, откуда послано вами мыслеизлучение, то его ответный луч мог встретить на пути других людей, не защищенных сетками. Почему же луч не задел их?

Качинский подумал:

— Я думаю, это уж не так трудно объяснить. Штирнер, получив мое мыслеизлучение, мог тотчас проанализировать его длину, частоту волн — словом, все те характерные особенности, которыми отличается моя передающая радиостанция, то есть мой мозг. Ведь каждый мозг излучает электроволны, несколько отличающиеся от излучения мозга других людей. Установив характерные особенности моего мыслеизлучения, Штирнер послал ответную «пулю», поразившую меня, на волне той же длины и частоты. И она воспринята была только мною. Это самое естественное объяснение. Но я думаю, что он мог послать излучение и «на предъявителя», если так можно выразиться.

— То есть?

— То есть он мог послать мысленное внушение: «У человека, излучившего мысль против меня, должны парализоваться

двигательно-волевые центры». Я человек, пославший это излучение, значит, у меня...

— Но разве можно делать такие внушения? Были такие случаи в практике гипноза?

— Не помню, хотя ничего невозможного в этом нет. Во всяком случае, первое объяснение мне самому кажется проще и логичней. Ну, с этим кончено. Теперь за дело! — бодро сказал Качинский. — На этот раз мы попытаемся действовать иначе. Мы окружим Штирнера целым кольцом наших «пушек» и будем действовать на него сразу со всех сторон. Конечно, он может парировать наши удары, обходя круг своим направленным лучом. Но пока он будет делать этот круг, каждая наша «пушка» успеет излучить по снаряду мысли.

— А что, если нам направить наши излучения и на слуг в доме? Ведь если мы заставим их уйти из дома, Штирнеру некому будет приносить пищевые продукты, он будет обречен на голод и принужден будет сдаться, — сказал Готлиб.

— Прекрасно! Мы применим и этот способ, — согласился Качинский.

Срочно были изготовлены радиомашины, излучающие мысль. Когда все было готово, «главнокомандующий» выехал на позицию с тридцатью «орудиями», которые были расставлены вокруг города на расстоянии нескольких километров.

Качинский отправил Штирнеру ультиматум:

«Наши мыслеизлучения должны убедить вас в том, что настал конец вашему исключительному использованию новой силы — передаче мысли на расстояние. Наравне с вами этой силой владеют другие. Дальнейшая борьба при таких условиях бессмысленна. Она только усилит общественные бедствия и страдания масс. Если даже вы изолируете лично себя от влияния наших мыслеизлучений, мы парализуем вашу разрушительную деятельность; на всякое ваше мыслеизлучение массового характера мы ответим контризлучением, контрприказом. Мы можем гарантировать оставление вас живым при немедленном выполнении следующих условий:

1. Немедленно вернуть нормальное состояние и свободу воли всем подвергшимся действию ваших мыслеизлучений.

2. Совершенно прекратить в дальнейшем всякое мыслеизлучение с вашей стороны.

3. Сдать все машины и электроустановку, обслуживающие мыслеизлучения.

В случае вашего отказа или неполучения ответа я не остановлюсь перед крайними средствами.

Качинский».

В то же мгновение он отправил и мысленный приказ всем слугам Штирнера бежать из дома.

Но Штирнер был наготове.

Он прочитал автоматически записанную мыслерадиограмму и тотчас отправил ответ:

«Я сложу оружие тогда, когда сам найду это нужным».

Вдруг он заметил, что слуги бегут из дома. Он сразу понял причину этого бегства и послал сильнейшее излучение с приказом вернуться.

Слуги заметались, как в пламени пожара. Перекрещивающиеся излучения двух противоположных мыслей бросали их из стороны в сторону, и они метались по дому. Два «желания» раздирали их одновременно: бежать из дома во что бы то ни стало и ни в коем случае не покидать его. Люди то бросались к дверям, то бежали обратно. Некоторые из них цеплялись за мебель, косяки дверей, отопительные трубы, чтобы удержаться на месте. И вся эта необычайная суета происходила без единого звука.

Излучения Штирнера были ближе и, очевидно, сильнее.

Они удерживали слуг. Постепенно слуги вернулись на свои места.

А в это время Штирнер уже послал новое излучение мысли.

Он поднял поголовно все население, еще оставшееся в городе, и дал приказ идти и разрушить машины врагов.

И люди бросились из города, как при землетрясении, выполнять приказ Штирнера. Эта атака была неожиданной. И толпе удалось разбить несколько мыслепередатчиков. Но большинство бойцов Качинского вовремя поняли значение бегущей толпы и излучили волны паники. И люди заметались в бешеном хороводе, смешались в водовороте двух излучений, не будучи в силах ни вернуться, ни наступать...

Штирнер и не надеялся на полный успех этой атаки. Ему

нужно было только отвлечь внимание для главного удара. Он направлял волны в разные стороны, по кругу, и враги, не защищенные сеткой или неосторожно открывавшие этот неудобный наряд, падали, пораженные параличом, безумием. Этих раненых отвозили в тыл или лечили довольно успешно по способу Качинского. Нападающие не унимались. Их было больше, они поспешно заменяли выбывших из строя, становились у своих мыслеотправительных машин и излучали мысленолны день и ночь.

Штирнер засыпал на несколько часов в своем изолирующем костюме, но спать долго было опасно. Можно было ожидать физического нападения. Он одел в изолирующие костюмы всех слуг и вооружил их.

Штирнер устал, но не сдавался. Он спешно заканчивал новое усовершенствование своей передаточной машины, которая, по его мнению, должна была привести в негодность машины его врагов.

Война продолжалась несколько дней.

Однажды, передавая мыслеизлучения, парализовавшие воздействие Штирнера, Качинский стоял на автомобиле без изоляционного покрывала. Вдруг он соскочил с автомобиля и куда-то побежал. Зауер, закрывшись с головой изоляционной сеткой, спал на брезенте, а дежуривший Готлиб в первую минуту не придал значения бегству Качинского.

Была темная ночь. Прожекторы не зажигались, чтобы не обнаружить местонахождения мыслепередатчика. Прошло несколько минут, а Качинский не возвращался. Готлиба стало охватывать чувство беспокойства. Он разбудил Зауера и сообщил ему о бегстве Качинского.

— Что вы наделали! — закричал Зауер. — Неужели вы не поняли, что Качинский попал под направленный луч Штирнера? Он погиб. Сколько времени прошло с тех пор, как он убежал?

— Минут десять. Он спокойно сошел с автомобиля, — оправдывался Готлиб. — Я думал, может быть, он пошел по делу.

— Ну, можно ли так опростоволоситься, Готлиб? — Зауер сбросил покрывало — для скорости работы они накидывали на себя только металлические покрывала — и излучил мысль: «Качинский, вернитесь! Качинский, вернитесь!..» В тот же момент Зауер соскочил с автомобиля и побежал в темноту.

— Мы пропали!.. — услышал Готлиб удаляющийся голос Зауера.

Готлиб догадался отдать приказ шоферу переехать в другое место, чтобы выйти из зоны воздействия направленного излучения. Спешно он дал мыслеприказ всем передатчикам излучать мысль: «Качинский и Зауер, вернитесь!..»

Мысль была излучена одновременно двадцатью мыслепередатчиками. Минут через десять из темноты показалась темная, качающаяся вперед и назад согнутая фигура, как будто она шла против сильнейшего ветра. Это был Зауер. Его удалось спасти. Но Качинский, очевидно, слишком близко подошел к очагу лучеизлучения со все усиливающейся мощностью воздействия, и рассеянное излучение ищущих наугад мыслепередатчиков уже не смогло вернуть его.

— Скорей покрывало! — вскрикнул Зауер.

Готлиб накинул на Зауера металлическую сетку.

— Спасибо, Готлиб. На этот раз вы хорошо сделали. Вы спасли меня... Но если бы вы знали, что я пережил, когда меня дергало!.. Шаг вперед, два назад... Препоганое чувство! Качинский вернулся?

— Увы, нет.

— Бедный Качинский! Он погиб... Погиб не вовремя... Без него мы не справимся со Штирнером.

— Будем продолжать борьбу, Зауер. Мы умеем обращаться с машинами. Наконец, если нам не удастся захватить Штирнера в плен мыслительным приказом, попытаемся напасть на него со старым оружием в руках. Оденем в изоляционные одежды большой отряд, вооружимся до зубов и проникнем к нему в дом. Изоляция сохранит нас от излучения, а пули, к счастью, не поддаются внушению... И мы прикончим его!

XIII. «ЧЕРТОВСКИ ИНТЕРЕСНАЯ НОЧЬ»

Качинский, почти падая от усталости, подбежал к дому Эльзы Глюк.

Его, очевидно, ждали. Перед ним раскрылись двери. Прыгая через несколько ступеней, Качинский вбежал на второй

этаж и, тяжело дыша, вытирая пот со лба, вошел в кабинет и в изнеможении опустился в кресло.

Дверь из комнаты Штирнера открылась. На пороге появился человек, весь покрытый металлической сеткой, с густой металлической вуалью на голове, совершенно скрывавшей черты лица. Это был Штирнер.

— Ваша фамилия? — спросил он.

— Качинский.

— Поляк?

— Русский.

Штирнер помолчал.

— Вы мой пленник, — начал он после паузы. — Вы знаете, что я могу остановить ваше дыхание и вы умрете мучительной смертью от удушья. Я могу сделать из вас покорного раба. Я все могу сделать с вами.

— Я знаю, — ответил Качинский. — И это доставит вам удовольствие?

Штирнер опять помолчал.

— Война не знает пощады, — продолжал Качинский. — Я обречен и знаю это, но вы тоже обречены. И уж если со мной покончено и я лично больше не опасен вам, то позвольте мне как ученому обратиться к вам с просьбой.

— Говорите.

— Я хочу осмотреть ваши изобретения. Мне интересно узнать, каким путем шли вы в ваших изысканиях, как сконструированы ваши аппараты.

Штирнер был удивлен. Он подумал немного, потом подошел к Качинскому и протянул ему руку.

Но Качинский не принял рукопожатия.

Штирнер отступил назад и спрятал руку под сетку.

— Вот как! У вас там, в России, все такие герои? — с насмешкой спросил он.

— Я не вижу геройства в том, что отказался пожать вашу руку, — просто ответил Качинский. — Мы стоим на двух полюсах, и моя рука слишком далека от вашей, вот и все.

— Хорошо. Я удовлетворю вашу просьбу и, пожалуй, оставлю вам жизнь до утра, если вы согласитесь дать приказ своим соратникам прекратить излучения до девяти часов утра.

Качинский подумал. В конце концов, несколько часов «пе-

ремирия» не имеют значения. И потом, ему хотелось сообщить своим, что он жив.

— Я согласен.

Штирнер провел Качинского в свою комнату, где была установлена мыслеизлучающая станция.

— А это что такое? — спросил Качинский, обращая внимание на небольшой ящик из проволочной сетки, в котором мог поместиться человек в сидячем положении. — Вы также прошли через это?

— Да, — ответил Штирнер. — Это моя железная клетка, которой я пользовался в своих опытах, чтобы установить наличие электромагнитных волн, излучаемых мозгом.

— Удивительно! — сказал Качинский. — Мы шли одинаковым путем!

— Но разошлись в пути. Извольте излучить приказ вашему штабу.

Качинский сосредоточился перед аппаратом и передал приказ. Штирнер тотчас проверил верность передачи по автоматической записи.

Через четыре секунды та же лента дала ответ.

«Дайте доказательства, что это говорит Качинский», — излучил мысль Зауер.

Качинский передал содержание их последних разговоров, а также бесед в Москве. Видимо, Зауер удовлетворился.

«До девяти часов утра ни одного излучения и нападения не будет. *Зауер*».

— Ну вот и прекрасно, — сказал Штирнер. — А теперь я запру вас в кабинете и покажу все свои чертежи. Вы проведете интересную ночь! — Штирнер закрыл дверь кабинета на замок и положил ключ себе в карман. — Садитесь вот здесь, у стола. Мне нужно кое-что передать из моей комнаты.

— Но я надеюсь, что вы не используете перемирия во вред нам?

— Не беспокойтесь. Эта мыслепередача будет частного, так сказать, семейного характера. — Штирнер усмехнулся и прошел в свою комнату.

Где-то внизу зашумел мотор. Через четверть часа Штирнер вышел из комнаты.

— Ну, вот и я! — И, вынув из шкафа пачку с чертежами, он

бросил их на стол. — Наслаждайтесь! Здесь вы найдете все, вплоть до плана дома. Вы видите, я не скрываю ничего. Мощные динамо-машины я установил в подвале.

Штирнер замолчал, походил по кабинету, потом, круто обернувшись, спросил Качинского:

— Вы не удивлены моим поведением? Я не убил вас, предложил вам, моему врагу, ознакомиться с моими военными тайнами — вот с этими чертежами.

— Нет, не удивлен. Если вы не убили меня и предоставили возможность ознакомиться с этими планами, значит, на это у вас есть свои соображения. Поэтому я и не спешу выражать ни удивления, ни благодарности за ваш «великодушный» поступок.

— Вы правы. Я поступаю так не из великодушия... — Штирнер помолчал. Он будто колебался, раскрыть ли ему перед Качинским причину своего поведения. Потом он медленно, как бы через силу, сказал: — Я проиграл сражение.

— Разумеется, — быстро ответил Качинский, — вы проиграли. С тех пор как ваша тайна открыта — а известна она теперь не одному мне, — ваша монополия кончена. Ваша власть раскололась надвое, и дальнейшая борьба...

— Неправда! — крикнул Штирнер и топнул ногой. — Я еще не пустил в ход всех моих средств. Я ушел далеко по сравнению с вами на пути усовершенствования моих приборов. Я имею еще неведомое вам изобретение. Аккумуляция волн и мысли миллионов людей, чудовищные усилители... Если бы я пустил сейчас все это в ход, то я раздавил бы вас, заглушил бы комариное жужжание ваших мыслеизлучений, как сверхмощная радиостанция глушит слабое лепетание радиолилипутов. Я пятидесятитысячекиловаттная станция, а ваши ресурсы по сравнению с моей мощностью...

— И все-таки вы побеждены!

— Не там, где вы думаете. Не в технике...

— А в чем же?

— Я взял на себя ношу не по силам. То, что я затеял, было бессмыслицей. Чтобы властвовать над миром так, как хотел это сделать я, надо было стать излучающей волю машиной. Я же всего только человек. И я изнемог. Я истощил свою волю, истощив чисто физический запас своей нервной энергии.

Вот вам одна из причин моего поражения. Теперь все равно. Кончено! Возьмите эти чертежи, используйте их как хотите, сделайте их общим достоянием.

Штирнер посмотрел на часы и вздрогнул.

— Вот и все. Выполните строго наши условия. Это совершенно необходимо для меня. На всякий случай — уж не посетуйте — я запру вас и, кроме того, оставлю вот этих сторожей. — И Штирнер показал на трех огромных догов тигровой масти. — Они умеют исполнять приказания. Имейте в виду, что при первой вашей попытке проникнуть в мою комнату или попытке к бегству они разорвут вас на части. — И Штирнер вышел из кабинета, заперев дверь снаружи.

Качинский раскрыл большую папку. В ней хранились листки, испещренные математическими вычислениями и формулами, планы, чертежи, схемы. Весь этот условный язык, непонятный для непосвященных, был ясен и понятен Качинскому. Цифры и формулы превращались в мысли, мысли — в образы. Стройные колонны цифр и букв отражали работу железной логики ума, их создавшего. Качинский восхищался оригинальностью замысла, красотою мысли, смелостью построения, как шахматный игрок восхищается партией шахматного маэстро. Качинский скоро углубился в чертежи и забыл обо всем на свете.

Среди вороха бумаг Качинский нашел записную тетрадь. Это было нечто вроде дневника, который вел Штирнер. Беглые заметки, без дат. Обрывки мыслей, наброски схем, сделанные торопливой рукой. Выписки из книг. Домашние счета. Качинский просмотрел несколько страниц.

— Однако это интереснее, чем я думал, — прошептал он и стал поглощать страницу за страницей...

«Новый год. Что принесет он? Был у Гере! Профессор не в духе. Шимпанзе Фриц заболел и поранил Гере руку (укусил).

Читал «Гусеницы на дереве». Если начать раздражать одну гусеницу так, что она начнет сокращаться, то соседние гусеницы также начнут сокращать мышцы и корчиться. Чем объяснить?

Фрицу лучше. Рука Гере поджила. Старик, кажется, боялся заражения крови. Говорил ему о гусеницах. Только туману напустил в своих объяснениях и ничего не объяснил. Условный

рефлекс. Так же, как плачут дети, видя другого плачущего ребенка. Но в том-то и дело, что гусеницы извиваются, если верить сообщению, не видя той, которую раздражают пальцами.

Прачка ограбила: три марки двадцать пять пфеннигов за стирку! Надо будет поискать прачку подешевле. Не хватило на книгу.

Аррениусу (книгу которого я не могу купить из-за прачки) удалось обнаружить в растворах, содержащих в своем составе соли, кислоты или основания и проводящих хорошо электрический ток, распадение нейтральных в электрическом отношении молекул растворенных солей на заряженные электрически части, которые получили название *ионов* (вот он, ион, — «странник», отщепившийся электрон)...

Хозяин требует за квартиру. Обещает выселить. Надо будет опять взяться за переводы.

Кормили пуделя под музыку. Я играл на флейте. Закреплял условный рефлекс. После работы профессор Гере совершал свою обычную прогулку и проводил меня. Дорогой он рассказал мне любопытную вещь. Он уверяет, что если взять пару насекомых, самца и самку, разлучить их — самку посадить в маленькую клеточку, а самца вынести за город на значительное расстояние и там выпустить, — то самец прилетит к самке. Как он найдет дорогу? Профессор Гере говорит, что у насекомых хорошо развита зрительная память и что в этом нет ничего удивительного. Многие насекомые (пчелы) обладают такой памятью. Но мне кажется это неправдоподобным. Как только появятся насекомые, проделаю такой опыт, причем я самца понесу за город в закрытой коробочке.

Гере вырезал собаке одно мозговое полушарие. Операция, кажется, не совсем удачно прошла. Бедная собака! Воет еще жалобнее, чем выла с обеими половинками мозга. Я впрыснул ей морфий — успокоилась. Я заметил, что успокаивающее действие морфия было периодическим: собака затихала постепенно, паузы между припадками становились все длиннее. Когда же морфий перестал действовать, такая же периодичность наблюдалась и в возобновлении болевых ощущений.

Мне посчастливилось: получил книгу для перевода. Химию. Трудную. Но зато мне выдали аванс, и я удовлетворил своих самых назойливых кредиторов: хозяина квартиры, в том

числе и нашей конуры, и лавочника. В химии, оказывается, есть немало любопытного. Сегодня, переводя, узнал, что во многих химических процессах наблюдается периодичность. Например, если налить в склянку ртуть, а на ртуть налить перекись водорода известной концентрации, то между ртутью и перекисью водорода начнет происходить химический процесс, заключающийся в том, что перекись водорода разлагается на воду и кислород. И как показывает запись, периодически наблюдается замедление и ускорение выделения кислорода. Самое же любопытное то, что на эти *периодические реакции яды и наркотики производят своеобразное действие, как и на человеческий организм!* Не говорит ли это за то, что в организме человека и животного происходят, по существу, совершенно такие же химические реакции? Не удивительно ли — морфий производит на реакции в склянке лаборатории такое же *успокаивающее* действие, как и на собаку, которую мы оперировали?

Разные науки иногда неожиданно сближаются.

Мы производили с профессором Гере опыты, изучая процессы утомления. Утомление глаза. Пурпур, разложившийся на свету, восстанавливается в темноте.

Раздражение нерва можно доводить повторными возбуждениями до известного предела, затем наступает реакция, и нерв просто перестает реагировать на раздражения. Период чувствительности нерва зависит от полного разложения чувствительного вещества в нем. (Таким чувствительным веществом, например, в глазу оказывается пурпур.)

Что касается нервных центров, расположенных выше спинного мозга, то раздражение их электричеством вызывает периодические «реакции», не зависящие от периода действующего тока и характера раздражения. Двигательные возбуждения, передаваемые от центра мышцам, происходят от 16 до 30 раз в секунду. (Тоже периодичность, как и в химических процессах.)

Гере находит у меня замечательные способности к дрессировке собак. Пожалуй, если бы я начал выступать в цирке, то заработал бы больше, чем переводами. А до профессуры еще далеко! Да и что даст профессура? Надоела нужда.

12 мая — великий день! Я оставил у себя в маленькой кле-

точке у открытого окна бабочку-самку, а самца в *закрытой коробочке* отнес за город и там выпустил. Я очень боялся, что самец попортит крылышки и не в состоянии будет лететь. Они действительно немного пострадали, но бабочка-самец полетела по направлению к городу. Я вернулся, ее еще не было. Но примерно через час бабочка прилетела и начала кружиться перед своей плененной подругой. Я отпустил обеих на свободу. Я был поражен. Как унесенная мною за город бабочка нашла дорогу обратно? Она была наглухо закрыта и не видела дороги. Гере ошибается. Бабочка вернулась, руководствуясь каким-то неведомым нам чутьем. Что это за чутье? И еще мне вспомнились гусеницы. А они каким чутьем знают, что одна из них судорожно извивается в чьих-то пальцах? Я думал весь день...

И вдруг мне показалось, что я отгадал загадку, что я у порога какого-то огромного открытия. Может быть, это и есть то, что зовут интуицией? Непосредственное, внезапное постижение. Впрочем, постиг я позже. Когда меня «осенила» мысль, это было еще не «озарение», а радость, безмерная радость от предчувствия, что сейчас я узнаю что-то важное. В интуиции нет, конечно, ничего таинственного, хотя не все понятно нам. Мне кажется, что интуиция есть тот момент, когда целый ряд впечатлений, мыслей, отрывочных знаний, накопленных, быть может, за большой срок, вдруг ассоциируется — вступает между собой в связь; эта связь устанавливается в мозгу. И все мысли приводятся в систему, объединяются и дают какой-то вывод, какую-то *новую мысль*. Так, по крайней мере, было у меня. Теперь я могу проследить, как дошел я до своего открытия. Думая о мотыльках и гусеницах, я, скорее в шутку, подумал о том, что, может быть, они сообщаются по радио. Конечно, у них должна быть своя собственная «природная» радиостанция. Их усики, быть может, их антенна. Аналогия мне понравилась, и я продолжал думать об этом. Почему бы нет? Две разлученные бабочки могут сообщаться сигналами. Но какая энергия может передавать их? Хотя бы и электричество! Вспомним аррениусовские химические растворы, производящие *ионы*, то есть *электричество*. В организме живых существ происходят сложные химические процессы, сопровождающие работу мышц и главным образом нервов

и мозга. В этой работе наблюдается известная периодичность. Значит, нервные центры периодически освобождают или *излучают ионы*. Эти ионы летят, воспринимаются нервной системой другого существа, и... вот вам и радиосообщение!

Я еще не сделал всех выводов, но чувствовал, что мое открытие глубже, важнее, значительнее, чем простое объяснение того, как встретились две разлученные бабочки. Бабочки только дали новое направление моим мыслям. Быть может, бабочки нашли дорогу друг к другу и без участия радио. Может быть, у них развито обоняние или имеется неведомое нам чувство *направления*. Бабочки теперь могут улетать, разлучаться и встречаться, находя друг друга каким угодно способом. До бабочек мне нет дела. У меня есть более интересные объекты для изучения: животные, человек...»

«Удивительно, — подумал Качинский. — Я и Штирнер пришли к одному и тому же выводу, хотя шли различными путями. Вернее, у нас с ним были различные исходные точки. Но и он и я воспользовались новейшими изысканиями в области химии, физиологии, физики. Если бы мы ничего не знали о радио, об ионной теории, о рефлексологии, то ни он, ни я ничего не изобрели и не открыли бы. Теперь мне понятно, почему ученые, иногда живущие на противоположных концах земли, делают одно и то же открытие, можно сказать, день в день, час в час...»

«...Несколько дней я ходил как помешанный, — писал далее Штирнер в своем дневнике. — Я сделал научное открытие. Говорить или не говорить о нем профессору Гере? Я не утерпел и рассказал, быть может, не совсем связно и толково. Но он, по-видимому, усвоил самую главную мою мысль. Профессор насмешливо посмотрел на меня поверх своих маленьких очков, и его беззубый рот сжался в улыбке, отчего его усы и часть бороды под нижней губой приподнялись, как иглы ежа.

— Вы утверждаете, — сказал он, — что вы, хе... что работающий, то есть мыслящий, человеческий мозг излучает радиоволны и что поэтому можно передавать мысли на расстояние?

— Точнее говоря, передаются на расстояние не сами мысли, а те электроволны, которые излучаются мозгом. Каждая мысль, каждое настроение «выделяет» свою особую волну,

определенной длины и частоты. Эти радиоволны воспринимаются другим мозгом и «проявляются» в сознании, как та же мысль или то же настроение, что и у отправителя.

Гере слушал внимательно, утвердительно качал головой и, когда я кончил, отчеканил:

— Чепуха! Не сердитесь, но это чепуха, мой молодой друг. Вы всегда были склонны к поспешным заключениям. И если вы дальше пойдете по этой дороге, то из вас никогда не выйдет серьезного ученого.

— Но почему же чепуха? — обиделся я.

— Потому, что это ненаучно. А ненаучно потому, что это не доказано на опыте. Ну, вот мы стоим с вами в двух шагах друг от друга. Попытайтесь передать какую-нибудь мысль мне!

Я немного смутился.

— Для этого надо, чтобы наши «станции» — мозг и нервы — были одинаково настроены.

— Ну что же, настройте!

— Настроить их нельзя. — Гере сделал торжествующий жест. — Позвольте, я еще не кончил. Настроить нельзя так, как настраивается радиоприемник. Но у близких людей одинаковая настройка бывает. Разве мало рассказывают случаев...

— О видении на расстоянии, телепатии, спиритизме, столоверчении и прочей чепухе? Берегитесь, мой молодой друг. Вы вступили на очень скользкий путь.

— Но ведь между моей теорией и всей этой чепухой нет ничего общего!

Я был огорчен, но не обескуражен.

Опять безденежье... Неужели хозяин выселит меня?

А все-таки я прав. Я не успокоюсь, пока не докажу этому старому грибу, Гере, что я прав. Но как поставить опыт?

Завтра обещают уплатить за перевод.

Эврика! Гере удивляется моей способности дрессировать собак. Он не знает секрета моей дрессировки. Я не строю свою дрессировку на условных рефлексах. Я иду иным путем. Я внушаю собакам.

А секрет этого внушения в том, что я стараюсь очень четко, очень ясно для самого себя представить весь путь и каждое движение, которое должна делать собака, выполняя мой приказ. Вчера был курьезный случай. Гере так надоел мне своей

воркотней и своими поучениями, что я подумал: хоть бы Вега (белый шпиц, который до безумия любит Гере) покусала его. Я по привычке ясно представил себе, что Вега бежит к Гере и хватает его за ногу. И что же? Вега действительно подбежала с громким лаем к Гере и разорвала ему брюки. Разве это не передача мысли на расстояние? Гере огорчен и испуган. Поведение Веги настолько резко выпадает из круга всех рефлексов, которые мы привили ей, что Гере серьезно предполагает у Веги начинающееся бешенство. Он посадил бедняжку в изоляционную камеру и наблюдает за ней. Ставит ей воду и очень удивляется, что Вега пьет, как всегда. Мне смешно, а Вега скучает в своем карцере. Но не могу же я объяснить причину ее поступка. Курьезно! Я искал способ доказать Гере возможность передачи мысли на расстояние, а теперь приходится ждать другого случая. Впрочем, этот случай можно создать. Поставлю опыт внушения в присутствии Гере. Пусть Гере сам даст задание, например, чтобы собака пролаяла определенное число раз.

Занял двадцать марок. Уплатил за комнату.

Вега еще сидит. Я пробовал внушить ей через стенку, чтобы она пролаяла три раза. Обычно она верно выполняла мои мысленные приказы. Но теперь мое внушение не действует. Что бы это значило?

Нашел причину. Стенка «карцера» обита железным листом, а лист прикасается к канализационной трубе, уходящей в землю. Великолепно! Сама судьба помогает мне и «ставит опыт»: мое мыслеизлучение попадает на железную стенку и уходит в землю через канализационное заземление, не достигая собаки. Если сделать железную клетку, которую можно будет по желанию заземлять или же изолировать от земли, засесть в эту клетку и оттуда делать внушения собаке, то...»

— Удивительно! — прошептал Качинский. — Вот как возникла у него мысль сделать железную клетку!

В дневнике Штирнера был, очевидно, значительный пропуск, так как следующие записи уже относились ко времени службы автора у Карла Готлиба.

«Мой почтенный патрон, Карл Готлиб, — писал далее Штирнер, — очень любит собак. Как это ни странно, собаки «сосватали» нас и сделали мою карьеру у Готлиба. Я познако-

мился с ним у Гере. Оказывается, они школьные товарищи и однолетки, чего никак нельзя предположить, глядя на них вместе: Гере — старый гриб, а Готлиб цветет, как херувим. Готлиб очень заинтересовался моими дрессированными собаками и просил заходить к нему. У Гере Готлиб бывает не более раза в год. Поэтому я и не встречался ранее с банкиром. И вот я личный секретарь Карла Готлиба! Он доволен мною, я — им.

Со стариком Гере давно покончено. Я так и не доказал ему на опыте возможности передачи мысли на расстояние. И к лучшему. Я решил работать самостоятельно. Эти старики с именем имеют обыкновение присваивать себе труды молодежи. «В лаборатории Гере были произведены опыты... Под руководством Гере...» — и кончено. Вся слава Гере. Впрочем, меня интересует сейчас не слава, а кое-что поважнее. Для себя я проделал опыт внушения через железную клетку и бесспорно убедился в том, что мысль сопровождается излучением электроволн. Теперь нужно приняться за изучение природы этих электроволн.

Занят по горло. Вечерами конструирую аппарат для улавливания радиоволн, излучаемых человеческим мозгом. Это должен быть приемник необычайной чувствительности для приема радиоволн очень короткой длины. Приемник будет с диапазоном настройки на длину волны от сорока сантиметров до метра.

Вот схема.

Эльза Глюк! Необычайно интересная девушка. Между нею и нашим юрисконсультом — никак не запомню его фамилию — что-то не то горькое, не то кислое. А, вот! Зауер! Между Глюк и Зауером существуют какие-то отношения, вполне корректные, но... Жених, может быть? Что нашла она в этом круглолицем?

Неудачи! Приемник не воспринимает радиоволн моей мысли. Переделываю. Теперь работаю по ночам. А вечерами изучаю в университете анатомию и физиологию, но изучаю с точки зрения радиотехники. Необычайно! Человеческое тело как приемная и отправительная радиостанция! Очень интересно.

Но для того чтобы изучить эту радиостанцию, мне пришлось взяться за изучение радиотехники. Черт возьми, может

быть, завтра окажется крайне необходимым взяться за изучение астрономии! Хорошо еще, что теперь квартирный хозяин не надоедает мне своими напоминаниями о должках. Живу у Готлиба и получаю хорошее жалованье. После своего полуголодного существования чувствую себя Крезом. Имею возможность приобретать необходимые материалы для моих машин.

Эльза Глюк. Глюк — счастье. Кому достанется Глюк? Неужели круглому?

Опять незадача. Слышу какой-то свист, завывания. Неужели это «музыка мысли»? Надо лучше отызолировать комнату от внешнего мира, чтобы не было никаких посторонних влияний.

Наконец-то!..

Глюк не обращает на меня внимания. Фит — живая кукла, хорошенькая, но пустая. Она, кажется, влюблена в Зауера. Но его сердце занято Эльзой. В этом уже нет сомнения. А Эмма? Трагедия!

Идет, идет дело на лад! Ничего нет удивительного. Выражаем же мы свои мысли знаками-буквами в письме, газете. Для меня теперь мысли и чувства имеют иной язык и иную номенклатуру. Длина волны — эн. Частота икс — страх. Чувство страха имеет такую радиоволну. Радость — иную. Я, кажется, скоро буду искусственно изготовлять чувства и рассылать их по радио. Не хотите ли повеселиться или поплакать? Любопытно, что чувства животных имеют электроволны, очень близко напоминающие соответствующие электроволны (страха, радости и пр.) людей.

Нет, это было бы слишком необычайно!!!

Черт возьми! Это же гениально! Я сам себя возвожу в гении. Я сделал маленькую передающую радиостанцию и начал излучать волну, которая соответствует чувству горя у собаки. Теперь мой аппарат очень точно регистрирует электроволны, излучаемые мозгом человека и животных, и у меня составился целый «словарь» волн — чувств — мыслей. Так вот, я завел мой «граммофон» — маленькую передающую станцию — на печальный лад. Она излучала радиоволны собачьей печали. Рядом со станцией я посадил моего Фалька на изоляционном стуле, чтобы радиоволны лучше воспринимались им. И что

же? Мой Фальк вдруг загрустил и завыл! Радиоволны собачьей грусти были восприняты им! От радости я схватил моего пса в объятия и закружился с ним по комнате.

Когда я наконец пришел в себя, то решил повторить опыт и посадил пса за перегородкой. Но Фальк уже не выл. Очевидно, радиоволны воспринимаются им только на близком расстоянии. А что, если усилить мощность моей передающей радиостанции?

Я решительно не понимаю Эльзы Глюк. Но почему она так интересует меня? Быть может, я влюблен в нее? Глупости! Мне не до этого.

Необычайный курьез! Я настроил себя на грустный лад. Мой аппарат записывал излучаемую моей грустью волну. Волна имеет довольно сложное колебание. Затем я ту же волну излучил из моего передающего аппарата, значительно усиливающего передачу. Я настроился на самый веселый лад и начал ждать результатов. Поразительно! Я загрустил и, право же, готов был завыть, как Фальк. Я сам себе передал волны грусти. И ведь удивительнее всего то, что я прекрасно сознавал, что никаких причин грустить у меня нет, что эта грусть «искусственного происхождения». Можно ли это назвать самогипнозом? Мне кажется, в данном случае имеется нечто иное, чем внушение или самовнушение. Общее с гипнозом только то, что в данном случае, как и в гипнозе, имеется налицо, так сказать, влияние той или иной мысли или настроения. Но здесь это вызывается механически: в нервных волокнах искусственно вызываются те же электрохимические процессы, которые всегда сопровождают данное настроение или мысль, и в результате сознание регистрирует возникновение этого настроения или мысли. Удивительная механика!

Однако как же я буду проделывать дальнейшие опыты? Как мне влиять на других, не подпадая самому под влияние излучения? Для этого два пути: во-первых, направленное излучение и, во-вторых, изоляция (металлическая сетка на голове).

Сетка помогает. Начну работать направленными волнами. Какие антенны для этого удобнее? Пожалуй, вот такого вида. Необходимо построить антенну по типу «фокусных зеркал»,

собирающих лучи в определенном фокусе. Таким путем я могу значительно усилить действие излучения.

Я не даю воли своим мыслям, но иногда у меня голова кружится: какие перспективы открываются передо мною! Эльза!..

Вчерашний опыт. Я излучил мысленный приказ Фальку принести мне книгу из другой комнаты. Приказ этот восприняла передающая станция и излучила. Фальк выполнил приказ. Я отнес книжку на место и повторил механически излучение, то есть сам я мысленно уже не давал никакого приказа, но излучил при помощи передатчика ту же волну, что и при мысленном приказе. Фальк вновь принес книгу. Эти радиоволны записываются аппаратом, как голос на пластинке граммофона. И теперь мне можно будет отдавать повторные приказания одним поворотом рычага.

Сегодня я сделал любопытный опыт. Я попытался мысленно передать свой приказ человеку. У Карла Готлиба живет старый слуга, Ганс. Я мысленно приказал ему прийти в мою комнату. Я сосредоточивал всю силу своей мысли и как бы представлял себя на месте Ганса, мысленно проделывал весь путь от его комнатки до моей — словом, я поступал так, как будто внушал Фальку. Но старик Ганс не шел. Это меня не удивило. Между мною и Фальком давно установился полный «рапорт» — связь, как говорят гипнотизеры. Притом Фальку я делал мысленные приказания на близком расстоянии. Излучаемые моим мозгом радиоволны слишком ничтожной мощности, чтобы они могли дойти и возбудить аналогичные электроколебания (то есть мысли или образы) в мозгу другого человека. С Гансом мы слишком различные люди. Немудрено, что его мозг — его приемная станция — не мог воспринять сигналы, посылаемые моим мозгом. Тогда я тот же мысленный приказ отправил, усилив мощность передачи, через мою передающую радиостанцию. Признаюсь, я с большим волнением ожидал, что будет дальше. И, к своему неизъяснимому удовольствию, я услышал шаркающие шаги Иоганна: у него больные ноги, и он всегда ходит в мягких туфлях. Он открыл мою дверь, не постучав, чего с ним никогда не было, и вдруг с недоумением и смущением остановился. Что делать дальше, я не приказывал ему, и теперь он не знал, чем объяснить свое появление.

— Простите, но... мне послышалось, что вы звали меня... — сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Да, да, — поспешил я успокоить старика. — Я хотел узнать, вернулся ли из клуба господин Готлиб.

— Они еще не возвращались, — ответил повеселевший Иоганн. Теперь он не сомневался в том, что явился на мой зов. Неприятное ощущение от необъяснимости своих поступков у него прошло.

— Благодарю вас, можете идти, Иоганн.

Старик поклонился и вышел. А я?.. Я готов был догнать его и от радости схватить и кружиться с ним по комнате, как я делал это с Фальком, завывшим от грусти.

Опыт удался! А что означает он? То, что я могу повелевать и другими людьми. Я могу заставлять их делать все, что мне хочется. Я могу! Я все могу! Разве это не всемогущество?

Захочу — и люди принесут мне свое богатство и сложат у моих ног. Захочу — они выберут меня королем, императором. К черту корону! Захочу — и меня полюбит самая красивая женщина... Эльза! Нет, нет... Этого я не сделаю. Штирнер, ты теряешь голову! Возьми себя в руки, Штирнер, иначе ты наделаешь глупостей! Штирнер! Давно ли нищий студент, потом аспирант профессора Гере... Средний, рядовой человек с довольно некрасивым, длинным лицом... И ты мечтаешь о власти, славе, любви только потому, что тебе посчастливилось случайно напасть на интересное научное открытие?!

Вчера мы были на прогулке: я, Эльза Глюк, Эмма Фит и Зауер. Я, кажется, наговорил много лишнего. Полушутя-полусерьезно я делал Эльзе предложение. Этого и следовало ожидать... Но пусть она не шутит со мной! Впрочем, она и не шутит. Зачем только Зауер смотрит победителем? У меня чешутся руки испытать на нем силу моих мыслепередатчиков».

«Как давно я не писал! Жена опять хандрит. Надо еще и еще усилить мощность моих передатчиков.

Я затеял крупную игру. Или сверну себе шею, или...

Зачем я не послушался голоса благоразумия? Теперь уже поздно останавливаться, но игра завела меня слишком далеко. Я устал, измотался от вечного напряжения.

Черт бы меня побрал! Лучше бы мне не бросать профессора Гере!

Война!..

Довольно! Устал смертельно. Пора кончать игру...»

XIV. ИГРА ОКОНЧЕНА

Эльза Глюк сидела в зимнем саду, вся окутанная тонкой металлической вуалью.

Приближалась гроза, и дальние раскаты грома глухо отдавались в соседнем зале. Было душно. Эльза, как всегда, думала о Людвиге и вся встрепенулась, услышав его шаги. Она очень удивилась, когда Штирнер, войдя в зимний сад, вдруг сбросил с себя металлическое покрывало и, подойдя к ней, сбросил такое же покрывало и с нее.

— Сегодня можем отдохнуть, Эльза, от этого неприятного убора. Уф! — И он с облегчением вздохнул.

Эльза давно не видела лица Штирнера и удивилась, как оно изменилось. Нос обострился еще больше, как у тяжелобольного, и еще глубже запали глаза. А волосы на голове и борода сильно отросли.

— Ты так изменился, Людвиг! Тебя трудно узнать!

Штирнер усмехнулся:

— Тем лучше. Не правда ли, я похож теперь на старца пустынника? Пойдем, Эльза... Ты сыграешь мне... Я давно не слышал музыки... В последний раз...

Они вошли в зал. Эльза уселась за роялем и стала играть ноктюрн Шопена.

— Подожди, Эльза... Перестань... не то... Можно ли играть эту грустную ласкающую мелодию, когда приближается гроза?.. Ты слышишь раскаты грома? Гроза!.. Она возрождает, освежает одних и несет гибель другим... Сегодняшней ночью Штирнер умрет...

Эльза в волнении поднялась:

— Людвиг, что с тобой? Ты пугаешь меня!

— Ничего... Не слушай меня... Ты еще наслушаешься в эту ночь... Нам о многом надо переговорить с тобой... Играй скорей... Играй Бетховена — похоронный марш «На смерть героя». Герой! Ха-ха-ха!

Эльза заиграла.

Штирнер ходил большими шагами по залу, ломая руки.

— Похоронный марш на смерть развенчанного героя... Говорят, Бетховен писал его на смерть Наполеона, но потом разочаровался в нем и назвал марш просто: «На смерть героя». О чем я хотел говорить? — Штирнер посмотрел на часы и сказал: — Довольно, Эльза. Минуты сочтены. Теперь поцелуй меня, поцелуй крепко, как ты не целовала еще никогда.

...Штирнер оторвался от губ Эльзы.

— Сладкий самообман!..

Часы пробили двенадцать ночи.

— Конец! — тихо прошептал Штирнер. И в то же мгновение Эльза почувствовала, что с нею творится что-то необычайное. Как будто сползла с нее какая-то пелена, подобная металлической сетке, которую носила она последнее время. Мысли необычайно прояснились. Она вдруг стала снова прежней Эльзой, какой была до смерти Карла Готлиба. Какие-то чары рушились. С удивлением смотрела она на большой неуютный зал, утопавший в полумраке. Молния осветила лицо Штирнера, и она вздрогнула, увидев перед собой незнакомое бородатое лицо.

— Что это? Где я? — спросила она с недоумением. — Кто вы?

Штирнер с болезненным любопытством следил за этой переменой.

— Это зал Карла Готлиба, покойного банкира. Стенографистка Эльза Глюк никогда не была здесь... А перед вами Людвиг Штирнер. Вы не узнали меня? Эльза!.. Я виноват перед вами и не прошу прощения. Единственно, что оправдывает меня, это то, что я действительно любил и... люблю вас... люблю глубоко и искренне...

Эльза опустилась на круглый стул у рояля и, откинувшись назад, почти с ужасом смотрела на Штирнера.

— Не смотрите так на меня, Эльза! — Штирнер потер ладонью лоб, как бы собираясь с мыслями. — Да, я люблю вас. И разве любовь меня первого толкнула на преступление? Я долго боролся с собой. Вы помните наш далекий разговор на прогулке, в лодке? Я тогда говорил о могучей силе, которой владел я. Это были не пустые слова. Я действительно обладал

этой силой. Я прежде других открыл способ передачи мыслей на расстояние. В моих руках оказалась сила, которой не владел еще ни один человек в мире. И у меня... закружилась голова. Самые грандиозные планы носились в моей голове. Пользуясь этой силой, я внушил вам любовь ко мне.

Эльза с ужасом отшатнулась от него.

— Я внушил Зауеру любовь к Эмме. Я двигал людьми, как марионетками, я дергал их за ниточку, и они плясали по моему желанию. Я хотел богатства, и оно пришло ко мне. Но пока я не убедился вполне в моем всемогуществе, я был осторожен. Я шел окольными путями. Кривая! Она вернее ведет к цели. И об этом я говорил тогда, в лодке. Чтобы не возбудить подозрения против себя, я сделал так, что наследство Готлиба получил не я, а получили его вы, а я... получил вас с хорошим приданым! Ха-ха-ха!..

Расширенными глазами Эльза смотрела на Штирнера.

— Я наделал много зла людям. Но не думайте, что зло само по себе доставляло мне удовольствие. Я хотел стать великим. Мне казалось, что власть моя беспредельна. Довольно было мне захотеть славы — и люди стали бы рукоплескать мне, воспевать мои самые бездарные произведения. Но ведь это было бы в конце концов самовосхвалением, тем же самым самообманом, как и внушенная вам любовь ко мне.

И вдруг, опустив голову, с тою же горечью в голосе он продолжал:

— Я похож на Тора. Эльза, вы помните скандинавскую сагу о боге Торе? Он считал себя всемогущим, как я. Как-то забрел он в страну, где жило племя великанов. Они стали смеяться над его небольшим ростом. Тор рассердился и предложил им испытать его силу. Великаны сказали: «Выпей воду из этого рога». Он пил без конца и не мог выпить. Великаны предложили ему бороться со старухой, но он не мог победить ее, хотя от напряжения по колена ушел в землю. Рог был соединен с морем, даже бог Тор не в силах выпить море. А старуха была сама смерть. И я, как Тор, хотел выпить море, я один хотел повернуть историю человечества, навязать свою волю миллионам «капель» человеческого океана. При помощи своих машин я хотел создать нечто вроде «фабрики счастья», но я создавал только грубые суррогаты.

Штирнер нервно посмотрел на часы.

— Я, кажется, говорю не то... Так много надо сказать... Эльза, если бы вы знали, как я страдал, загнанный, как зверь, в темный угол, окруженный бесчисленными врагами, всегда настороже, в постоянном, неослабевающем нервном напряжении.

Если бы хоть один друг — искренний, преданный друг — был около меня... Если бы вы любили меня не искусственной, мною созданной любовью! Быть может, я бы еще боролся. Но я был одинок. Я устал... Я бесконечно устал!..

Штирнер умолк, опустив голову.

Эльза смотрела на Штирнера и думала, что в этом бледном, измученном лице нет ничего таинственного, страшного. Это лицо неврастеника, переутомленного человека. Что же представляет собой Штирнер? Быть может, талантливого изобретателя и экспериментатора, но заурядного человека, который случайно открыл способ подчинять себе волю других людей и почти обезумел от своего «могущества». Он наделал тысячи глупостей и, не победив «мира», сам был раздавлен непосильной тяжестью, которую он взвалил на себя. Это Эльза поняла скорее чувством, чем умом. Она видела перед собою не героя трагедии, не сверхчеловека, а просто страдающего человека, который жестоко расплачивается за свои ошибки. Такой Штирнер был понятнее ей и возбудил в ней жалость.

— Вы должны были очень страдать! — тихо сказала она.

— Благодарю вас! Эти слова участия для меня дороже, чем искусственно внушенные поцелуи!.. Да, я смертельно устал. И я... — Штирнер сделал паузу и глухо проговорил: — Я решил отказаться от борьбы. Я решил покончить со всем, покончить и с самим Штирнером.

Он снова вынул часы и посмотрел на них:

— Штирнеру осталось жить всего несколько минут.

Эльза в ужасе смотрела на него:

— Вы приняли яд?

— Да, принял, но яд не совсем обычный. Сейчас вы узнаете об этом... Но прежде чем покончить со Штирнером, я решил хоть немного искупить вину перед вами. Я вернул вам ваше прежнее сознание. Я внушил вам в одиннадцать часов ночи, что ровно в двенадцать вы станете прежней Эльзой. Вся

искусственная жизнь спадет с вас, как шелуха. Будьте свободны, будьте сами собой. Устраивайте жизнь, как хотите, любите, кого хотите; будьте счастливы.

Эльза глубоко вздохнула.

— А Штирнер? Что делать со Штирнером, которому честные люди отказываются пожать руку? — продолжал он. — Штирнер должен умереть. Я отдал приказ моей мыслепередающей машине. Я поставил ее на полную мощность. Ровно в час ночи, — Штирнер опять посмотрел на часы, — всего через шесть минут, она излучит этот приказ, посланный от Штирнера — Штирнеру. И Штирнер забудет о том, что он Штирнер. Он потеряет свою личность. Он забудет обо всем, что было в его жизни. Это будет новый человек, наделенный новым сознанием. Это будет Штерн. Штерн уйдет отсюда туда, куда ему приказал идти Штирнер. И Штерн даже не будет подозревать, что в железной клетке его подсознательной жизни будет влачить существование скованный Штирнер!.. Это смерть... Смерть сознания!

— Но вас могут поймать? — с невольной тревогой спросила Эльза.

— Кто узнает в этом анахорете Штирнера? В таком виде, с бородой, меня никто не видал. Я все обдумал заранее. Сегодня ночью излучений врагов не будет. А если бы они и были, они неопасны для какого-то Штерна. Излучения направлены и должны поражать сознание Штирнера. Его больше не будет!..

Эльза расширенными глазами смотрела на Штирнера. Перед ней должна была произойти тайна какого-то перевоплощения.

— Еще одно, Эльза. Когда я уйду, здесь все пойдет вверх дном. От вас, наверно, отберут все ваше имущество. Я позаботился, чтобы вы не нуждались. Вот здесь, — Штирнер протянул Эльзе пакет, — вы найдете деньги на дорогу и адрес одного человека, на имя которого я перевел крупную сумму денег. На ваше имя держать их опасно. Он получил крепкое внушение, и деньги будут в целости. Поезжайте туда. Это очень далеко. Но тем лучше. Вам надо отдохнуть от всего пережитого. Пора! Прощайте, Эльза!..

— Подождите, один вопрос... скажите, Штирнер, вы... виноваты в убийстве Карла Готлиба?

Часы пробили час. Вдруг по лицу Штирнера прошла судорога. Глаза его закатились, стали мутными. Он ухватился за край рояля, тяжело дыша.

Эльза с замиранием сердца следила за этой переменой.

Штирнер вздохнул и постепенно стал приходить в себя.

— Ответьте же, Штирнер, на мой вопрос!

Штирнер посмотрел на нее с полным недоумением и сказал каким-то новым, изменившимся, спокойным голосом:

— *Простите, сударыня, но я не имею чести вас знать и не* знаю, о каком вопросе вы говорите. — Потом Штирнер поклонился и размеренным, незнакомым шагом вышел из зала.

Эльза была потрясена. Штирнера больше не было.

XV. У РАЗБИТОГО АКВАРИУМА

Эльза совсем не спала в эту ночь. Уже рассветало, а она все сидела на том же месте, у рояля. События этой ночи потрясли ее. Она разбиралась в том сложном, запутанном клубке, в том хаосе, который внес в ее сознание Штирнер. Она вспомнила все, что пережила со времени смерти Карла Готлиба: свое неудачное бегство от Штирнера, неожиданную любовь к нему, поездку в Ментону. Но вспомнила как о чем-то чужом, как будто все это прочла она в романе. Так же ясно вспомнила она и то время, когда она была невестой Зауера. Но что-то и в этой картине прошлого изменилось. Думая о Зауере, она чувствовала, что еще любит его. Но любит как-то иначе: образ Зауера потускнел. Что с ним стало? Изменился ли он? Что он вообще за человек?.. К своему удивлению, Эльза поймала себя на мысли, что, в сущности, она не знала Зауера. Как сложатся теперь их отношения? Ее размышления были прерваны неожиданным появлением Эммы. Эмма была в дорожном костюме, усталая, побледневшая.

— Эльза! — крикнула она и бросилась со слезами к подруге.

— Здравствуй, Эмма! Отчего же ты плачешь? Почему не предупредила о приезде? Где твой мальчик? — забросала Эльза вопросами плачущую Эмму.

— Малютка там, внизу, с няней. Отто бросил меня и не ос-

тавил даже денег. Я продала платья и кое-какие безделушки и собрала на дорогу.

— Оставил без денег, с ребенком?

— Он совсем сошел с ума. Я чувствовала себя такой несчастной и одинокой. У меня никого нет, кроме тебя... — И вдруг с новым припадком истерического плача Эмма прерывающимся голосом заговорила: — Не отнимай у меня Отто! Он любит тебя. Он хранит твою карточку и смотрит на нее. Я совсем не следила за ним, я вошла случайно, но он грубо прогнал меня... Он любит тебя!.. Не отнимай его. У тебя все есть, ты такая счастливая. У тебя есть богатство, ты любишь Людвига, зачем тебе еще Отто?..

Эльза улыбнулась краем губ, но глаза ее оставались печальными.

«Бедная Эмма, — думала Эльза, глядя на изменившееся, похудевшее лицо подруги. — Куда девался ее румянец во всю щеку, серебристый смех? Бедная куколка, что сделал с нею Отто? Неужели он такой бессердечный?»

— Я не счастливей тебя, — серьезно сказала Эльза, гладя рукой растрепавшиеся волосы Эммы, — у меня нет богатства, я больше не люблю Штирнера, и Штирнера больше нет...

Эмма от удивления на минуту забыла о своем горе.

— Он умер? Почему же ты не писала мне об этом? И разве мертвых не любят? Сколько новостей!..

Эльза опять улыбнулась.

Лицо Эммы снова сделалось печальным.

— Это значит, — всхлипывая, начала она, — это значит, что ты призналась ему в любви к Отто и Штирнер в отчаянии убил себя. Значит, ты отнимешь у меня Отто?

— Успокойся, глупенькая девочка, — ласково сказала Эльза, — я не отниму у тебя твоего Отто. Ведь он твой муж и отец твоего ребенка.

— Это ничего не значит! — ответила Эмма. — Он говорил, он говорил не раз, что вся его любовь ко мне была одним чертовским наваждением, что, если бы не это наваждение, он никогда не полюбил бы такую дуру. И такой брак, говорит он, можно расторгнуть. А если Отто говорит, это верно. Ведь я действительно глупенькая. Но только... ведь и глупенькие хотят счастья! — И она опять заплакала. — Ведь любил же он

меня такую, какая я есть! А потом... потом он стал будто мстить мне за то, что любил меня.

И Эмма, прерывая разговор плачем, подробно рассказала Эльзе историю своей любви. Она слишком долго страдала в одиночестве и теперь говорила обо всем, что наболело, о грубости, придирчивости Отто, о его насмешках, издевательствах, оскорблениях.

Эльза слушала, и ее сердце невольно холодело. Отто вставал перед нею в новом свете. Это уже не было «наваждением». Он так поступал уже после того, как освободился от власти Штирнера.

Он мог разлюбить Эмму. Но неужели у него не хватало такта, корректности, наконец, простой порядочности, чтобы удержаться от такого обращения с женой? И, вспоминая уже о своей любви к Зауеру, Эльза подумала: «Неужели прав Штирнер в том, что мы лишь слепые игрушки инстинкта, который может заставить полюбить человека с ослиной головой? Ужасно!..»

Эльза слушала подругу, думая о своем, и прислушивалась ко все увеличивающемуся шуму во втором этаже.

«Что бы там могло быть?»

А там происходил последний акт борьбы.

Вооруженный отряд в защитных металлических костюмах во главе с Зауером и Готлибом ворвался в дом Эльзы.

Зауер ударял рукояткой «парабеллума» в дверь кабинета и кричал:

— Откройте, Штирнер, или мы взломаем дверь!

Неожиданно нападающие услышали доносившийся из кабинета голос Качинского и лай собак.

— Штирнера нет, а я открыть дверь не могу. Штирнер, уходя, запер ее снаружи и приставил собак.

— Это вы, Качинский? Вы еще живы? — Обратившись к солдатам, Зауер приказал: — Ломайте двери!

Несколько дюжих плеч навалилось на дверь, и она затрещала. За дверью послышался неистовый лай догов. Доги просунули в образовавшиеся проломы оскаленные, покрытые пеной морды.

Несколько выстрелов уложили собак на месте.

— Зачем же убивать животных? — послышался спокойный голос Качинского.

— А вы предпочли бы, чтобы собаки разорвали нас? — проворчал Зауер, пролезая в образовавшуюся брешь. Он был удивлен, увидев, что Качинский спокойно сидит за столом; подперев голову руками, изобретатель сосредоточенно рассматривал чертежи.

— Где Штирнер? — спросил Зауер.

— Не знаю, — ответил Качинский, не поднимая головы, — он обещал меня утром ослепить, удушить или что-то в этом роде, но, вероятно, забыл или занят чем-нибудь... — Хлопнув рукой по чертежам, Качинский воскликнул: — Вот великолепная штука! Штирнер не обманул. Я провел чертовски интересную ночь! Этот Штирнер прямо гениален. Схемы антенны усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и схема индукционной связи с колебательным контуром антенны...

Зауер и Готлиб переглянулись: неужели Штирнер отнял у Качинского разум?

— Нужно обыскать все здание сверху донизу и поставить караулы у мыслепередающих станций, — сказал Зауер.

Осмотр начали с комнаты Штирнера, где помещалась одна из мыслеизлучающих станций. Вторая такая же станция находилась в другом конце дома, рядом со «зверинцем». Станция не работала.

— Ну, что ж, господа, я думаю, теперь безопасно. Можно снять наши защитные маски, — сказал Готлиб и первый снял со своей головы сетку. Его примеру последовали другие. Среди пришедших было несколько старых знакомых Готлиба: прокурор, начальник полиции и «железный генерал», который принимал участие в военной экспедиции против Штирнера «в целях изучения новых методов ведения войны».

Он разводил руками, как бы оправдываясь в своих прежних неудачах военной экспедиции против Штирнера, и говорил:

— Кто же его знал, что на Штирнера надо идти с дамскими вуалями на голове? — И, нахмурив свои большие седые брови, он печально сказал, указывая на Качинского: — Теперь вот они, будущие полководцы, вы, господа инженеры. Наша

песенка спета! Что мы сделаем штыком, если эта штука может повернуть штык в любую сторону? — И он с недоброжелательством указал на машину, видневшуюся через дверь комнаты Штирнера.

— Однако надо оповестить всех, что орудия мысленного воздействия нами захвачены. — И Зауер прошел в комнату Штирнера. — Фу, черт! — проворчал он, глядя с недоумением на незнакомую конструкцию машины. — Качинский, — позвал он на помощь изобретателя, — вы понимаете в этом что-нибудь?

Качинский подошел к машине и стал уверенно поворачивать рычаги. Машина заработала.

— Нужно послать излучение, которое освободило бы всех пораженных Штирнером, — сказал Качинский.

— Правильно! — ответило несколько голосов. И Качинский принялся «лечить на расстоянии», как выразился кто-то из стоящих в комнате.

— Ну что? — спросил Зауер одного из солдат, обыскивавших подвальное помещение.

— Штирнер не найден! — ответил он.

— Ищите в первом этаже! Обыщите каждую щель!

— Виноват, господин прокурор, — обратился Качинский к прокурору, — могу ли я взять эти чертежи? Штирнер передал их мне...

— Сейчас я ничего не могу разрешить трогать и брать отсюда. Все это является следственным материалом. Потом, может быть...

— Очень жаль! — ответил Качинский.

«Хорошо, однако, что я успел ознакомиться со всем этим и записать важнейшие формулы. Обойдемся и без чертежей! — подумал Качинский. — А они, пожалуй, и в формулах не все поймут».

— Я также хочу обратиться к вам с просьбой, господин прокурор, — сказал Готлиб. — Необходимо вызвать дополнительный отряд для охраны подвала, в котором хранятся огромные ценности. Я полагаю, что настаивать на этом я имею право, поскольку я являюсь законным наследником. Думаю, что теперь вопрос о нашем праве на наследство ни в ком не вызовет сомнения.

— Ваши права — вопрос будущего, — ответил прокурор. — Но против усиленной охраны я ничего не имею.

Зауер все больше хмурился, слушая этот разговор. Он подошел к Готлибу и язвительно произнес:

— Не слишком ли вы забегаете вперед, господин Готлиб? Как вам должно быть хорошо известно, суд присудил наследство в пользу Эльзы Глюк, и решение вошло в законную силу.

— Но оно может быть пересмотрено ввиду вновь открывшихся обстоятельств! — И вдруг, вспылив, недавний союзник крикнул: — Да вы с какой стати вмешиваетесь в это дело? Довольно морочили всех! Если вы еще раз станете на моей дороге к наследству, я потребую, чтобы вас арестовали. Вы выступали от имени Глюк и, значит, являетесь соучастником преступления!

— Но вопрос о причинах лишения наследства вашего почтенного родителя... — горячился Зауер.

Спор их был прекращен появлением Кранца.

— Ого! — в волнении размахивал он руками. — Вот оно самое! Вот где мы с вами, Готлиб, брили господина Штирнера, и чистили его платье, и, кхе... получили на чаек с его милости! Помните, ваше превосходительство, вещественное доказательство, которое я преподнес вам в тюрьме, — обратился он к прокурору, — монетку помните? Это самое и есть мое преступление. Цена крови, так сказать. Вместо того чтобы убить, я почистил платьице у господина Штирнера!

— Никто не поставит вам в упрек этого преступления, Кранц. Довольно вы насиделись, теперь вас ждет серьезная работа. Клетку мы захватили, но птичка улетела. Штирнера нет.

— Найдем, найдем! Из-под земли выроем! — весело сказал Кранц, потирая руки.

— Печальные новости, — послышался голос Качинского. Он отложил трубку телефона и сказал: — Сейчас телефонировали с одного завода, что, как только прекратилось действие влияния Штирнера, сотни рабочих упали замертво, очевидно, наступила реакция после ужасного переутомления, в котором держал их все время Штирнер. Требуется немедленная помощь.

Зауер, хмурый и злой, вышел из комнаты и поднялся на третий этаж. В зимнем саду он застал Эльзу и свою жену.

Эмма бросилась к нему с радостным криком:

— Отто!

Но он грубо оттолкнул ее.

— Откуда ты? — хмуро спросил он жену. — Уйди, мне надо поговорить с фрау... Штирнер.

Эльза с упреком посмотрела на него, Эмма со слезами на глазах — на Эльзу, как бы говоря: «Видишь, как он относится ко мне?»

— Ну? — сказал Зауер, сурово глядя на жену.

Эмма вздохнула и послушно вышла.

— Отто Зауер, я не узнаю вас, — с упреком сказала Эльза.

— Она мое несчастье! Я не знаю, как отделаться от нее, — с раздражением сказал Зауер. — Вы должны знать, что моя любовь к ней была искусственно вызвана Штирнером.

— Это не дает вам права так относиться к ней. Она не виновата ни в чем, и она любила вас раньше не по приказу Штирнера.

— Какое мне дело до нее? — так же раздраженно ответил Зауер. — Где Штирнер?

— Он ушел.

— Куда?

— Я не знаю. Он не сказал мне, но в доме его нет наверно.

— Вы лжете! Вы скрываете его!

Эльза встала:

— Послушайте, Зауер, если вы не оставите этот тон, я сейчас же уйду.

Зауер заставил себя успокоиться и сел рядом с Эльзой.

— Простите меня, Эльза, — почти ласково сказал он. — Я слишком изнервничался за это время. Вы говорите, Штирнера нет. Вы, значит, свободны?

Эльза в ответ кивнула головой.

— Что же мешает нам теперь быть вместе?

— Зауер, но ведь у вас ребенок, жена...

— Не говорите мне о ней, Эльза!

Он взял ее руку. Эльза нахмурилась и тихо, но решительно отняла свою руку. Не только жена и ребенок отдаляли ее теперь от Зауера. Новые черты характера Зауера делали его чужим. А может быть, это и не новые черты; может быть, эта

грубость и черствость всегда жили в нем под покровом холодной корректности и она раньше только не замечала их?

И еще одно удерживало Эльзу. Штирнер, каким она узнала его в последнюю ночь, поразил ее воображение. Он был преступен. Он учинил насилие над свободой ее воли и чувств, но он прошел через ее жизнь, оставил след. И та бездна страдания, которую он открыл перед нею в последнюю ночь, не могла не взволновать ее. Вернув ей свободу, он показал, что доля порядочности еще сохранилась в нем.

Зауер не понимал, что творится в душе Эльзы, и думал, что в ней говорит лишь женская стыдливость.

Он сделал новую попытку взять ее за руку и начал говорить, все более увлекаясь:

— Скажите «да», Эльза, и мы будем счастливы. Мы оба много страдали и заслужили право на счастье. И еще, Эльза, вы помните, я радовался, когда вы отказались от наследства, потому что я боялся потерять вас? Я думаю, что теперь оно не будет стоять стеной между нами. Штирнера нет. Что мешает вам воспользоваться вашим правом? Готлиб? Мне не страшен этот щенок!

Эльза посмотрела на Зауера и вновь отняла свою руку. Во взгляде Эльзы Зауер заметил удивление и страх.

— Не думайте, что во мне говорит корыстолюбие! — поспешил он оправдаться, по-своему поняв этот страх. — Нет, я люблю вас, только вас, а не ваше богатство. Но будьте же практичны. Поймите, что рай в шалаше — мечта поэтов. Подумайте о своем будущем. Дайте мне доверенность, и я ручаюсь, что спасу по крайней мере часть вашего состояния в размере оставленного вам наследства.

Эльза встала и подняла руки, как бы защищаясь:

— Нет, Зауер, нет! Не говорите мне о наследстве! Я не хочу переживать еще раз все эти ужасы, всю эту грязь... Прекратим этот разговор... Я так устала... Я не спала всю ночь и еле стою на ногах...

— Но это не последнее ваше слово? — спросил Зауер вслед удаляющейся Эльзе.

Она быстро ушла, ничего не ответив.

Эльза вбежала в свою комнату и обняла плачущую Эмму:

— Не плачь, моя девочка! Я не отниму у тебя Отто, но боюсь, что тебе не удастся вернуть его.

— Ты думаешь? — спросила Эмма, беспомощно взглянув на Эльзу.

— Может быть, потом... — сказала Эльза, чтобы утешить подругу, хотя и не верила в это возвращение. — А теперь нам с тобой надо отдохнуть. Я не оставлю тебя. Мы поедем далеко, чтобы забыть обо всем. Не плачь! Тебе надо беречь себя. И ты совсем не одинока. У тебя есть сын, мы будем вместе воспитывать его. В нем ты найдешь свое счастье.

— Да, поедем. Не оставляй меня, Эльза!

Зауер продолжал сидеть в зимнем саду перед аквариумом, опустив голову, хмурый и злой.

— О, черт!.. — вдруг крикнул он и неожиданно для себя ударил кулаком в стеклянную стенку аквариума.

Стекло разбилось, вода вылилась, и рыбки, опустившись на дно, жадно открывали рты и били хвостами по сырому песку...

Часть третья

I. ДОМИК У МОРЯ

Листья пальм, колеблемые ровным береговым ветром, мерно покачивались, как огромные веера, приводимые в движение невидимой рукой. Несмотря на ранний час, солнце палило немилосердно. От пальм ложились на землю иссиня-черные тени.

Небольшой дом с плоской крышей и широкой верандой, выходящей на берег океана, стоял на склоне горы. За домом начинался тропический лес. Пальмы густо обступили дом, укрывая его от зноя широкими листьями. Живая ограда из колючих растений опоясывала участок вокруг усадьбы.

Дом стоял особняком. За невысоким горным кряжем находился небольшой городок.

На веранде за утренним кофе сидела молодая русоволосая женщина в летнем белом костюме и в плетеных туфлях местного изделия на босу ногу.

— Еще чашку прикажете? — спросил старый слуга в белой блузе, белых шароварах и таких же плетеных туфлях.

— Нет, Ганс, благодарю вас. Можете убирать кофе. Как ваши ноги, Ганс?

— Благодарю вас, отлично. Это солнышко прекрасно излечило меня. Еще немножко, и я буду танцевать!

— Фрау Шмитгоф дома?

— Ушла за провизией. Скоро должна прийти. Вам что-нибудь нужно, фрау?

— Нет, благодарю вас, ничего.

Ганс вышел.

Эльза вздохнула, взяла веер, сделанный из пальмового листа, повернула легкое плетеное кресло к океану и, тихо ма-

хая веером, стала смотреть на сверкающую в утренних лучах солнца поверхность воды.

Прошло три года с тех пор, как поселилась она здесь вместе с Эммой, ее маленьким сыном и фрау Шмитгоф, которая упросила взять ее с собой.

Первое лицо, которое она встретила здесь, был Ганс, старый слуга Карла Готлиба. Он и был тем доверенным человеком, которому Штирнер перед своим уходом вручил заботы об Эльзе.

Штирнер постарался «закрепить» верность Ганса мыслеизлучением большой силы. Штирнер тогда достиг большого успеха в мысленном внушении на продолжительный срок — он сам готовился внушить себе «перевоплощение личности» на всю жизнь. Ганс был первым опытом в этом направлении. Когда опыт с Гансом был закончен и по испытании дал вполне прочные результаты, Штирнер улыбнулся, довольный своей работой.

«Как легко теперь делать людей верными и честными!» — подумал он, отпуская Ганса.

Но эта искусственно закрепленная внушением верность была только предосторожностью. Ганс, по всей вероятности, и без внушения остался бы верен и точно выполнил бы все приказания Штирнера. На имя Ганса была положена крупная сумма в банке ближайшего города. Но полной хозяйкой денег и дома была Эльза.

Ей очень нравился этот укромный уголок, далекий от шумных центров и всего, что могло ей напомнить прошлое. Она хотела одного: чтобы о ней скорее забыли.

Их переселение сюда было похоже на бегство. Они никому не сказали, куда едут, уехали внезапно, без предупреждения, а здесь даже переменили свои фамилии. Эльза стала называть себя Беккер — по фамилии доброй старушки, приютившей и воспитавшей ее в детстве. Эмма приняла девичью фамилию своей покойной матери — Шпильман. Только Шмитгоф оставила прежнюю фамилию.

— Я слишком привыкла к своей фамилии и буду путаться, если переменю ее. И потом... может быть, это незаконно, и я боюсь ответственности, — говорила она.

Маленькая колония жила тихой и мирной жизнью. Боясь

быть открытыми, они ни с кем не переписывались и даже не получали газет. Шмитгоф и Ганс вели небольшое хозяйство. Чернокожая нянька помогала Эмме ухаживать за ребенком. Два негра работали в саду и в огороде и присматривали за парой лошадей и ослом. Но в лошадях почти не было надобности. Изредка Эмма ездила с сыном кататься. Обычно же они ограничивались пешими прогулками по берегу океана.

Все так загорели, что их трудно было узнать. Особенно маленький Отто, или Крепыш, как его звали. Темноволосый, курчавый, почти всегда голый, бронзовый от загара, он совсем походил бы на мальчика-туземца, если бы не европейские черты лица.

Эмма в первое время несколько скучала без привычной обстановки большого города, но скоро втянулась в новую жизнь. Заботы о ребенке оставляли мало свободного времени. Сквозь загар на ее щеках проступал прежний румянец, и ее смех теперь часто сплетался со смехом ее ребенка, как два звонких колокольчика, наполнявших звоном весь небольшой дом.

Вечером Эльза иногда играла на рояле: от этой привычки она не могла отказаться. Ребенок засыпал. Эмма усаживалась у ног Эльзы на циновке и замолкала.

Каждая из них думала о своем.

Эльза вставала позже. За утренним кофе она с немой улыбкой прислушивалась к веселым голосам, звеневшим у берега океана.

Крепыш пропадал на берегу все дни.

Он собирал раковины и камешки, ловил крабов, бросал обратно в воду мелкую рыбку, выкидываемую на берег волнами океана.

Трусиха Эмма первое время боялась всего. Боялась, что океан в бурю смоет их домик, боялась скорпионов, змей, которые могли вползти в дом, боялась львов. Львы действительно водились здесь, но далеко, в глубине леса. Они никогда не подходили близко к дому. Только раз или два обитатели дома слышали их отдаленный рев. И Эмма в ужасе будила Эльзу... Но потом она привыкла ко всему.

Эльза медленно махала веером, следя за белой яхтой, показавшейся в океане, у входа в залив. По заливу нередко шны-

ряли пироги туземцев-рыболовов. Появление европейского судна было событием для обитателей этого тихого уголка. Океанские пути лежали в стороне. Небольшие суда появлялись иногда на горизонте, но они или шли мимо, или заходили в порт соседнего городка. На этот раз белая яхта заворачивала в залив.

Эльза испытала неприятное чувство человека, опасающегося, что его покой и обычный уклад жизни могут быть нарушены.

Яхта, мерно покачиваясь, приближалась к берегу.

На яхте развевался красный флаг.

«Странно», — подумала Эльза.

Между тем яхта пристала к берегу.

Слышно было, как заворчала якорная цепь; паруса опустились, и яхта закачалась на месте. В шлюпку спустились два матроса и три человека в белых костюмах с пробковыми шлемами на голове. Шлюпка отчалила. Вот трое в белом вышли на берег у того места, где находилась Эмма с ребенком и черной няней. Голоса-колокольчики умолкли. Крепыш прижался к матери и с испугом смотрел на незнакомых людей. Матросы вынимают из шлюпки тюки и по пояс в воде переносят и складывают их на берегу. Мужчина в белом подходит к Эмме с поклоном, снимает пробковый шлем, что-то говорит и показывает на тюки. Эмма кивает головой. Матросы и трое в белых костюмах развязывают тюки, вынимают колья, брезент, веревки. Они разбивают палатку. Этого еще недоставало! Почему именно здесь?

Эмма что-то говорит няне, которая берет ребенка на руки, и они трое быстро поднимаются по каменистой дорожке к дому.

Эльза все быстрее машет веером и в нетерпении ожидает их. Эмма опережает няню с ребенком и почти бежит к веранде. Эльза видит взволнованное, побледневшее лицо Эммы и неизвестно почему начинает волноваться сама.

— Кто это? Что им здесь нужно? — спросила Эльза подругу, взбежавшую по легким ступеням лестницы в густую тень веранды. От быстрого подъема на гору, усталости и волнения Эмма не смогла справиться с дыханием. Пряди волос прилипли к ее влажному лбу.

— Птицы сегодня не достала, но купила хорошей рыбы! —

услышала Эльза за собой голос фрау Шмитгоф, вернувшейся с провизией.

— Кто эти люди? — повторила свой вопрос Эльза, не отвечая Шмитгоф.

— Приехал Штирнер и с ним еще двое каких-то... — ответила Эмма, глядя испуганно на подругу.

Эльза побледнела, выронила веер из рук и откинулась на спинку.

— Не может этого быть! Ты ошиблась, Эмма.

— Он, он! Уверяю тебя, это он! У него, правда, сильно изменилось лицо, но это он. Его глаза нельзя забыть! А с ним двое каких-то неизвестных. Один помоложе, а другой пожилой, с усами.

Наступила пауза. Эльза была глубоко взволнована.

Она стала дышать так часто, будто не Эмма, а она только что взбежала на гору.

— О чем он говорил с тобой? — спросила Эльза.

— Они приехали на охоту и просили разрешения разбить палатку. Штирнер почему-то назвал себя Штерн.

— Штерн! — вскрикнула Эльза. — Да, это он, сомненья нет.

— Почему Штерн он? — спросила Эмма.

Эльза на минуту задумалась, потом сказала:

— Он переменил имя, так же как и мы...

— Ты знала это и молчала? — с упреком сказала Эмма.

— Я не думала, что мы встретимся когда-нибудь с ним У него больше оснований забыть свое прошлое и не открывать его, чем у нас. И потому я прошу тебя, Эмма, и вас, фрау Шмитгоф, предупредите также и Ганса, что, если Штирнер явится сюда, никто из нас не должен называть его прежним именем и не подавать виду, что мы знали его. Как бы он ни был виноват, он уже не тот. Он покончил со своим прошлым, и мы должны сохранить его тайну.

— А если эта тайна известна его спутникам?

— Не думаю...

— А если Штирнер сам выдаст себя, узнав нас? Я думаю, что, увидя тебя, Эльза, он не сохранит спокойствия. Это будет так неожиданно! — И, всплеснув руками, она по-детски вос-

кликнула: — Как интересно! — И тут же озабоченно добавила: — Если только он опять не наделает никаких бед...

— Не беспокойся. Он не наделает бед. И он никого из нас не узнает, в этом ты можешь быть совершенно уверена. Ведь не узнал же он тебя. Разве только меня... немножко... как случайную знакомую, — добавила она, как будто вспоминая о чем-то. — Но, может быть, они и не придут сюда?

— Придут, наверно, придут, — сказала Эмма. — И вот почему: Штирнер сказал мне: «Надеюсь, что мы вас ничем не побеспокоим. Но если среди ваших слуг есть туземец, знающий местность, мы будем очень просить вас разрешить нам взять его в проводники на день-два». Идут, идут сюда! — вдруг закричала она. — Меня уж все равно они видели такой растрепанной дикаркой, — безнадежно махнула рукой Эмма, — а ты иди хоть переодень туфли да чулки натяни! Нельзя же так. Ведь Штирнер, тьфу, Штерн, Штерн, Штерн, как-никак был твоим...

Эльза не дослушала, быстро поднялась и ушла к себе. Не забота о наряде заставила ее уйти, а желание наедине справиться со своим волнением.

Сейчас она опять встретится лицом к лицу со Штирнером, с этим загадочным человеком, который ей сделал столько зла, но который искренне любил ее.

Эльза быстро ходила из угла в угол. Рой воспоминаний кружил ей голову. Она сама удивилась силе своего волнения. Ей казалось, что ею все было забыто, все стало невозвратным прошлым. Только одна тайна осталась нераскрытой и изредка мучила ее: виновен ли Штирнер в смерти Карла Готлиба? Эту тайну Штирнер унес с собой. Эльза подошла к зеркалу и начала бессознательно поправлять волосы.

«Какая я стала черная!» — подумала она, глядя на свое лицо.

— Впрочем, он все равно не узнал бы меня, — прошептала она со вздохом.

Около дома послышались голоса.

— Однако что же я? — И она вдруг бросилась к шкафу и стала перебирать платья. «Вероятно, все это покажется им ужасно старомодным», — подумала она. Наконец выбрала легкое белое платье, быстро оделась, осмотрела себя еще раз в зеркало и, глубоко вздохнув, вышла на веранду.

II. ОХОТНИКИ НА ЛЬВОВ

К Эльзе подошел пожилой человек с пушистыми седыми усами.

— Позвольте мне как самому старшему из нашей компании представить других, — сказал он с поклоном. — Дугов, заведующий зоологическими садами в Москве. А вот это Качинский. Он стоит во главе всего дела передачи мыслей на расстояние.

Качинский поздоровался.

— Ну-с, а это, — Дугов указал на Штирнера, — это мой ближайший помощник Штерн.

Штирнер протянул руку Эльзе, и они несколько церемонно поздоровались.

Все уселись за стол. Эльза позвонила и попросила принести завтрак. Поднос заметно дрожал в руках старого слуги, когда он подходил к столу, искоса поглядывая на Штирнера. Эмма вдруг улыбнулась, глядя на дверь, Эльза оглянулась, чтобы посмотреть, что рассмешило Эмму, и увидала испуганное лицо фрау Шмитгоф, выглядывавшее из-за дверей.

Дугов выпил бокал вина за здоровье хозяек и сказал:

— Мы очень просим извинить нас за то, что нарушили ваше одиночество, но, право, это вышло случайно, фрау Беккер. Мы, пользуясь отпуском, решили поохотиться в здешних местах на львов. В наших зоологических садах недостает нескольких экземпляров этих прекрасных животных той породы, которая встречается только здесь. Вот мы и отправились со Штерном сюда, а к нам присоединился и Качинский, который хочет испытать на деле то оружие, которым он сам нас вооружил.

— Что же это за оружие? Где оно? — спросила любопытная Эмма.

Дугов засмеялся:

— А вот пойдемте с нами на охоту — и увидите!

— На львов? Ни за что! — в ужасе воскликнула Эмма. — Я дрожу, когда слышу отдаленный рев...

— Ого! Значит, нас не обманули и охота должна быть удачная! — сказал Дугов, потирая руки. — А вас мы побеспокоили потому, — продолжал он, — что не хотим своим прибы-

тием в городок возбуждать лишний шум. Толпа зевак всегда мешает. И мы решили завернуть в ваш залив. — Дугов протянул руку к берегу. — Жить мы будем в палатке. Вас же мы попросим только об одном: если среди ваших служащих имеются туземцы, разрешите использовать их в качестве проводников.

Эльза охотно согласилась на просьбу Дугова. Она старалась не глядеть на Штирнера, но не могла удержаться, чтобы не скользнуть несколько раз взглядом по его лицу. Наконец она не выдержала и обратилась к нему:

— Скажите, господин Штерн, если я не ошибаюсь, вы не русский?

— Да, я не русский, — ответил Штерн.

— А вы... давно живете в России?

— Около трех лет.

Вежливость не позволяла продолжить этот разговор, похожий на допрос. И все же Эльза неожиданно для себя спросила:

— А раньше где вы жили?

Штирнер рассмеялся самым добродушным образом. И этот смех удивил Эльзу: так не похож он был на прежний, иронический, сухой и злой, смех Штирнера. Действительно, перед нею был другой человек.

— Где я жил раньше и вообще что было со мною раньше — это загадка для меня самого. Не верите? Спросите моих товарищей. Я абсолютно не помню ничего, что было со мной до приезда в Москву, и «забвение» в первое время крайне угнетало меня. Я обращался за советами к профессорам, и они находили у меня какое-то сложное психическое заболевание с мудреным названием, что-то вроде шизофрении. При этом заболевании человек может как бы утратить свою личность, память о прошлом. Вот товарищ Качинский предлагал мне испробовать его собственный метод лечения. — Штирнер, улыбаясь, развел руками. — При всем моем доверии и уважении к Качинскому я отказался. Это лечение — что-то вроде гипноза, а я чувствую к нему органическую неприязнь.

Эльза посмотрела на Качинского. Он утвердительно кивнул головой и сказал:

— Я предлагал Штерну свои услуги. Но он отказался. А без его согласия я, конечно, не стал делать опытов.

— В Москве я служил рабочим на заводе «Динамо», — продолжал Штирнер. — Потом поступил в зоологический сад — я очень люблю животных — и там познакомился с заведующим Дуговым, который был так любезен, что скоро сделал меня своим ближайшим помощником.

— Вы стоили того, дорогой мой, — ответил Дугов.

— А через Дугова я познакомился и с «передатчиком мыслей», как шутя зовут у нас Качинского. Вот и все, что я могу рассказать о себе.

— А у вас так широко поставлено теперь это дело передачи мысли на расстояние? — спросила Эмма.

— Ого! — отозвался Дугов. — Что-то необычайное! Передача мысли на расстояние действительно достигла широкого применения. Через несколько десятков лет вы не узнаете мира.

— И то, что уже достигнуто, изумительно, — сказал Штирнер. — Неужели вы не читали в газетах?

— Мы не выписываем газет.

Штирнер посмотрел на Эльзу и нахмурился, как бы стараясь что-то вспомнить.

— Странно, — сказал он, — мне кажется, что я как будто где-то когда-то мельком видел вас. Может быть, случайная встреча в пути?..

— Возможно, — ответила Эльза, смутившись. — Так вы говорите, что передача мыслей творит чудеса?

— Да, чудеса. Чудеса, фантазии и химеры мы воплотили в жизнь. — И, вдруг вдохновившись, Качинский стал быстро говорить: — Вы не узнали бы Москвы, если вам когда-нибудь приходилось бывать в ней. Первое, что вас поразит, — это то, что Москва стала городом великого молчания. Мы почти не разговариваем друг с другом с тех пор, как научились непосредственно обмениваться мыслями. Каким громоздким и медленным кажется теперь нам старый способ разговора! Возможно, что со временем мы и совсем разучимся говорить. Скоро и почту, и телеграф, и даже радио мы сдадим в архив. Мы научились уже разговаривать друг с другом на расстоянии. Вот сейчас, если хотите, я могу обменяться мыслями с моим приятелем в Москве.

Качинский замолчал, полузакрыл глаза и сосредоточился, приложив к виску какую-то коробочку. Эльза и Эмма с удивлением следили за игрой его лица, отражавшей этот молчаливый разговор. Качинский открыл глаза и улыбнулся:

— Друг здоров, но очень занят — он на заседании. В Москве идет снег. Ивин шлет нам всем привет. Просит нас, чтобы мы привезли его жене попугая.

Эмма даже рот приоткрыла от удивления.

— Но как же, — спросила она, — не перемешаются все эти мысли?

— Взаимные мешания существуют, но не в такой степени, как в радиопередаче. Наши «радиостанции» более точны, чем старые; мы всегда знаем, как настроен приемник нашего собеседника, и быстро устанавливаем нужную связь.

— Где же ваша радиостанция? — спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Качинский, с улыбкой показывая на свой лоб. — Наш мозг — наша радиостанция. У нас есть и настоящие усилительные машины, но теперь мы пользуемся ими только для передачи мыслей, так сказать, массового восприятия: новостей дня, лекций, концертов. Отдельные же лица для общения друг с другом имеют усилители, которые помещаются в кармане. Вот он! — И Качинский показал коробочку, которую только что держал у виска. — На близком расстоянии усиления не нужно и сейчас. А скоро мы и вообще обойдемся без искусственного усиления. Постепенным упражнением мы достигаем все большей мощности нашей природной «радиостанции».

— И вы можете передать концерт, как по радио?

— Лучше, чем по радио. Мы просим наших лучших композиторов мысленно импровизировать и излучать импровизацию. Какой восторг слушать свободный полет фантазии! Или, например, шахматы, которыми у нас так увлекаются. Сотни тысяч людей мысленно следят за игрой шахматных маэстро. Особенно интересна игра «в открытую», когда шахматисты излучают весь процесс обдумывания ходов. Да всего не расскажешь!

— Приезжайте и посмотрите своими глазами, — сказал Штирнер, поймав взгляд Эльзы.

— Да, это лучше всего, — согласился Качинский. — Мыс-

ленно мы передаем не только звуки, но и краски, образы, сцены — словом, все, что может вообразить человек. Когда передача мысли станет общим достоянием, больше не будет театров, кинематографов, школ, душных помещений, скопления людей. Знания, развлечения, зрелища станут доступны каждому. Чрезвычайно полезной оказалась мыслепередача и в нашей рабочей жизни. У нас теперь идеальные трудовые коллективы, которые выполняют работу со стройностью лучшего оркестра.

Дело сводится к координированию при помощи мыслепередачи деятельности нервных систем. Сочетание движений само по себе чрезвычайно важно в тех случаях, где применяется коллективный труд. Для этого, например, во все времена, начиная с глубочайшей древности, употреблялись песни. У нас когда-то распевалась песня «Эй, дубинушка, ухнем». На слоге «ух» работавшие как бы слагали общие усилия в одной точке времени и пространства. Но этот способ годился и помогал только в тех случаях, где приходилось применять грубую физическую силу. В более сложных процессах пытались применять иные способы координирования трудовых движений. Устраивались так называемые конвейерные системы, когда все процессы шли «лентой» так, что остановка в одном месте производила остановку всей ленты. Волей-неволей приходилось применяться к общему темпу работ. Эта система заставляла работать в одинаковом темпе людей с различной нервной и физической организацией. На смену механическому принуждению пришла наша мыслепередача, которая не принуждает, а помогает рабочим координировать работу своей нервной системы и мышц с работой коллектива.

Когда-то в Москве удивлял так называемый Персимфанс: первый симфонический оркестр без дирижера. Это была действительно первая попытка создать коллектив, связанный внутренней спайкой — координированием работы нервных систем многих людей. Но все же и в Персимфансе было больше механической спайки: члены его подчинялись больше заранее установленным музыкальным темпам, чем единой воле коллектива.

Иное дело, когда невидимый «дирижер» воздействует непосредственно на волевые центры. Слаженность работы по-

лучается изумительная, и конечно, и производительность труда максимальная.

— Но разве все это не подавляет личность, ее свободу? Ведь могут же быть люди, которые захотят использовать эту силу во зло другим!

— Был такой человек, его звали Штирнером, мне о нем приходилось кое-что слышать, — сказал Штирнер. — Этот человек действительно наделал много вреда, использовав в личных целях мощную силу мысли. Но вот Качинский сумел обезвредить Штирнера.

— А вы не знаете, где теперь Штирнер? — не удержалась Эльза от жуткого вопроса, обращаясь к Штирнеру.

— Не знаю, и пусть он благодарит судьбу, что я не знаю, где он... Если бы я встретил этого человека, не поздоровилось бы ему.

Качинский улыбнулся:

— Зачем мстить Штирнеру? У нас есть более мягкие способы вырвать ядовитое жало. Правда, мы прибегаем к ним лишь в исключительных случаях. И потом, надо же быть справедливым: Штирнер оставил нам огромное наследство. Без его изобретений мы не имели бы таких успехов в области передачи мысли. Наконец, он сохранил мне жизнь. В нем было свое благородство.

— В России не может быть того, что натворил Штирнер, — продолжал Штирнер. — С тех пор как передача мысли на расстояние сделалась общим достоянием, произошло, так сказать, уравновешение сил. Если вы не желаете воспринимать чужие мысли, вы всегда можете «выключить ваш приемник», и дело с концом.

— Собственно говоря, возможность внезапного «мысленного нападения» не исключена, — сказал Качинский. — Но мы строго следим за этим и своеобразно караем. При помощи сверхмощных усилителей, которые у нас имеются, мы делаем преступнику соответствующее «внушение», и он навсегда делается безопасным, так как самая мысль о повторном преступлении не может уже возникнуть в его сознании. Нам не нужны теперь тюрьмы, мы делаем из всякого преступника полезного члена общества.

Эльза о чем-то задумалась.

Дугов заметил это и, опасаясь, что своими разговорами они утомили хозяев, отвыкших от посещения посторонних людей, посмотрел на часы и сказал:

— Однако мы заговорились. Пойдемте, Штерн, нам надо готовиться к охоте.

Простившись с дамами, Дугов и Штирнер спустились с террасы.

— Надеюсь, вы будете у нас обедать? — спросила Эльза вслед.

— Если это не очень обеспокоит вас, — ответил с поклоном Дугов.

Где-то заплакал маленький Отто. Эмма извинилась и вышла.

III. ШТИРНЕР И ШТЕРН

Эльза осталась одна с Качинским.

Ее охватило волнение. Из всего, что рассказывал Качинский, ее больше всего поразило и заинтересовало одно: Качинский может вернуть Штирнеру его прежнее сознание, сделать хоть на несколько минут из Штерна прежнего Штирнера. Ей очень хотелось этого. Почему? Она сама едва ли отдавала себе в этом отчет. «Я хочу узнать тайну смерти Готлиба», — думала она. Но не только это возбуждало ее желание увидеть прежнего Штирнера. Быть может, в ней бессознательно говорило чувство женщины, которое не могло примириться с тем, что человек, который любил ее и решил так своеобразно покончить с собой, вместе со своей личностью убил и чувство любви к ней. Быть может... Быть может, она странными изгибами чувства начинала любить этого человека. Она сидела молча, не зная, как приступить к своей цели.

— Скажите, господин Качинский, — начала она нерешительно, — вы не могли бы здесь же, у нас, испробовать ваш способ, чтобы вернуть прежнее сознание Штерна? Возможно ли это?

— И да и нет. Вообще говоря, восстановление памяти вполне возможно. Медицина знает много таких случаев. Их бывает немало на войне, когда от сильной контузии люди совершенно теряют память о прошлом и даже забывают свое имя, но потом память возвращается. Известны такие случаи и

при гипнозе. Окончательная потеря памяти может быть только тогда, когда органически разрушаются самые центры памяти в мозговом веществе. Это, так сказать, травматическая потеря памяти. Она безнадежна. Но в данном случае разрушение мозговой ткани едва ли было, иначе оно отразилось бы на всей психической деятельности. А Штерн во всем остальном, кроме воспоминаний прошлого, вполне нормален. Я могу в пример привести себя. Во время моей борьбы со Штирнером он поразил мои мозговые центры, управляющие равновесием. Я был совершенно беспомощен и тем не менее сумел восстановить чувство равновесия.

— Значит, можно? — оживилась Эльза. — Почему же вы ответили «и да и нет»?

— Да вообще можно, но... вы же слыхали, что сам Штерн не желает подвергаться этому опыту? Это во-первых... Но почему вас так интересует прежнее сознание Штерна?

— Дело в том, что мне кажется... я была знакома с этим человеком... даже, наверно, очень хорошо знакома... Но он забыл обо мне, как обо всем прошлом. Мне хотелось бы пробудить в нем одно воспоминание. И потом... узнать одну тайну, очень важную тайну, которую он хотел мне сказать, но не имел возможности...

Качинский посмотрел на нее с удивлением. «Роман?» — подумал он.

— Против его желания я, к сожалению, лишен возможности удовлетворить ваше любопытство, — ответил он.

Эльза нахмурилась.

— Это не любопытство. Это очень серьезно, — сказала она с некоторой обидой в голосе. — Настолько серьезно, что я просила бы вас сделать опыт, не спрашивая его разрешения. Всего на десять минут. И кто бы он ни был в прошлом, он опять станет Штерном и ничего не будет знать о вашем опыте. Ведь в этом же нет ничего преступного. Я прошу вас, очень прошу!

На этот раз нахмурился Качинский.

— Если я сам первый начну изменять нашим принципам охраны свободы чужого сознания, то вряд ли это будет похвальным, — сурово ответил он.

Эльза начала раздражаться. «Качинский не понимает важ-

ности дела. Так я же покажу ему, что тут нечто более серьезное, чем женское любопытство!» — подумала она и сказала:

— Штерн говорил, что вы обезвредили некоего Штирнера. Как это было? Я прошу рассказать мне.

Качинский рассказал.

— Значит, вы видели в лицо Штирнера в том стеклянном доме?

— Нет, в лицо я его не видел. Он был в густой металлической маске.

— Если вы так упрямы, что не хотите исполнить мою просьбу, то я принуждена открыть тайну: Штерн и есть Штирнер, а я его жена, урожденная Эльза Глюк, по мужу Штирнер.

Качинский был поражен.

— Неужели Кранц был прав? — сказал он после паузы.

— Кто такой Кранц?

— Кранц — сыщик. Он поставил целью своей жизни отыскать Штирнера. Не так давно он встретил в Москве Штерна и стал уверять меня, что это и есть Штирнер. Тогда мне стоило больших трудов убедить Кранца, что он введен в заблуждение внешним сходством.

— Теперь, надеюсь, вы признаете мою просьбу основательной? — спросила Эльза, довольная произведенным эффектом.

— Штерн — это Штирнер! — мог только произнести Качинский и глубоко задумался.

Эльза выжидательно смотрела на него:

— Ну что же, да или нет?

— Нет!

— Но если Штерн-Штирнер согласится на опыт?

— Он не согласится.

— Посмотрим! Я сама поговорю с ним. Подождите здесь, я сейчас приду.

Качинский остался на террасе, следя за удаляющейся Эльзой.

Она спустилась вниз к палатке на берегу и стала о чем-то говорить со Штирнером, который внимательно слушал ее, потом кивнул головой.

«Неужели ей так скоро удалось уговорить его? — подумал

Качинский. — Ведь он всегда с ужасом отказывался, когда я предлагал ему сделать попытку вернуть память о прошлом».

Эльза пригласила Штирнера идти за собой.

— Он согласен, — сказала Эльза, поднимаясь на веранду, — согласен и даже сам просит вас об этом.

— Вы согласны? — спросил, еще не веря, Качинский.

— С большим удовольствием. Ничего не имею против, — ответил Штирнер.

Качинский задумался: «В конце концов, я ведь каждую минуту могу погасить у Штирнера память о прошлом. Я буду следить за ним».

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, — сказал Качинский. Он вынул из кармана коробочку — аккумулятор-усилитель, приложил к виску и мысленно приказал, фиксируя Штирнера глазами: — Садитесь и усните!

Штирнер покорно уселся и тотчас уснул, закрыв глаза и опустив голову.

— Обычно к усыплению мы не прибегаем, — сказал Качинский, обращаясь к Эльзе, — но это трудная операция. Я верну ему прежнее сознание всего на десять...

— На двадцать! — сказала Эльза.

— Ну, на пятнадцать минут, не больше. Надеюсь, за это время он не натворит больших бед. На всякий случай я буду следить за ним из комнаты, уж с этим вы должны примириться. Ровно через пятнадцать минут он вновь станет Штерном.

Качинский замолчал и стал сосредоточенно смотреть на Штирнера.

— Сейчас он проснется. Я ухожу.

Качинский ушел в дом и стал у двери так, что с веранды его не было видно.

Штирнер несколько раз глубоко вздохнул, приоткрыл глаза и вдруг опять закрыл их, ослепленный ярким солнцем. Переход от полумрака большого зала в доме Готлиба к сверкающей поверхности океана был слишком резким. Наконец, щурясь, он открыл глаза.

— Что это? Где я? Эльза? Ты?.. — Он бросился к ней и стал целовать ее руки. — Милая Эльза! Но что это значит? Я не соберусь с мыслями...

— Садитесь, Людвиг, — ласково сказала она, — слушайте и

не перебивайте меня. У нас только пятнадцать минут на это свидание... Я вам все объясню. Вы ушли в ту бурную ночь, превратившись в Штерна. И вот мы опять встретились с вами. Как? Я вам скажу потом, если у нас останется время. А теперь я прошу вас скорее сказать мне то, что мучило меня все это время, эти три года.

— Три года? — удивленно повторил Штирнер.

— Скажите мне правду: вы не виноваты в смерти Карла Готлиба?

— Я же вам говорил, Эльза. Смерть Готлиба действительно произошла от несчастной случайности.

— Но второе завещание было составлено всего за месяц до смерти. Это тоже случайность?

— Нет, это не случайность. В этом я, если хотите, виновен. Я действительно поторопил Готлиба составить последнее завещание, так как дни его были сочтены. Несмотря на свой цветущий вид, он был смертельно болен сердечной болезнью. Ему врачи не говорили об этом, но мне, как доверенному лицу, сказали, что дни его сочтены, больше месяца он не проживет. Поэтому я и внушил ему мысль скорее составить завещание. Почему на ваше имя, а не на свое, я, кажется, уже говорил вам. Эта «кривая» была ближе к цели, — сказал он со знакомой иронической улыбкой.

— Но моя услуга Готлибу, о которой упоминается в завещании?..

— Она была, хотя я, пожалуй, несколько преувеличил ее. Я как-то передал вам несколько полученных нами для оплаты векселей, подписанных Карлом Готлибом, и вы, может быть случайно, заметили и обратили мое внимание на то, что почерк не похож на обычный. Я не подал вам тогда виду, но потом произвел тщательное расследование и нашел с десяток таких векселей. Это были подложные векселя. Откуда они появились? Кто их подделал? После долгих и осторожных разведок я пришел к убеждению, что это дело рук Оскара Готлиба — брата покойного Карла. Я собрал уничтожающие улики и представил их нашему старичку Карлу. Таким образом, вы оказали ему услугу, хотя я не говорил ему, что вы первая заметили подлог, — вы открыли ему глаза на недостойное поведение брата; Карл страшно рассердился, тогда же сказал мне,

что лишит Оскара наследства — эта мысль не была внушена мною, — и послал Оскару резкое письмо. Оскар ответил письмом, в котором униженно просил о прощении, сознался в вине, но оправдывался своим тяжелым материальным положением. Письмо это должно храниться в одном из несгораемых шкафов Готлиба...

— И оно нашлось! — воскликнула Эльза. — Это правда... Теперь я верю вам!

— Кто же его нашел?

— У Зауера были ключи. Когда вы ушли, Зауер поссорился с Рудольфом Готлибом, который вновь предъявил свои права на наследство. А Зауер, видимо, хотел во всем заменить вас и решил бороться с Готлибом, чтобы сохранить имущество за мной. Прежде чем шкафы были опечатаны, Зауер успел вскрыть один из них, нашел пачку подложных векселей и письмо Оскара Готлиба и предъявил их прокурору, чтобы доказать правильность завещания Карла Готлиба, лишившего брата наследства. Раздраженный Рудольф Готлиб выстрелил в Зауера, ранил его в живот, и Зауер скончался от перитонита, а Рудольф Готлиб был присужден к десяти годам заключения и отбывает теперь наказание. Дело о подлоге Оскаром векселей пришлось прекратить в самом начале, так как Оскар при первом же допросе внезапно умер от апоплексического удара...

— Сколько несчастий! — сказал Штирнер. — Но ведь в них я не виноват, Эльза?

— Да, хотя косвенно, быть может, и виноваты. Но не будем говорить об этом. Теперь скажите мне: почему вы оказались в Москве?

Штирнер пожал плечами.

— Когда я обдумывал свое бегство, то решил, что врагам менее всего придет в голову искать меня в Москве. Да и московская милиция, уж конечно, не имела контакта с нашей. И я решил «отправить» Штерна туда. Что было со Штерном, я не знаю.

— Об этом я могу сказать немного из того, что я узнала от Штерна.

И Эльза рассказала Штирнеру обо всем, что произошло со Штерном, не упоминая только фамилии Качинского, вплоть до того момента, как он приехал.

— Но как вам удалось вернуть мое прежнее сознание? — спросил Штирнер.

— Я попросила об этом одного из ваших новых друзей. Я хотела поговорить с прежним Штирнером хотя бы несколько минут, чтобы узнать то, что вы мне сказали.

— И я согласился на то, чтобы мне вернули сознание?

— Да, вы согласились.

— Странно, — сказал Штирнер. — Я предвидел такую возможность и, внушая себе изменение личности, отдал приказ Штерну, чтобы он ни в коем случае не соглашался подвергать себя внушению.

— Ну, значит, Штерн не послушался вас, а послушался меня, — улыбаясь, ответила Эльза.

— Эльза, Эльза, зачем вы это сделали? Как тяжело почувствовать опять на своих плечах груз пережитого! — с тоскою сказал Штирнер.

— Он скоро опять спадет с вас, — ответила Эльза.

— Да, но мне теперь труднее расстаться с вами, чем раньше. Забыть вас опять...

Штирнер встал, протянул руку и, глядя на нее с любовью, сказал:

— Эльза!.. — В этот момент вдруг глаза его и лицо сделались спокойными, и он, несколько смутившись тем, что держал ее за руки, сказал: — Так как же, фрау Беккер, едете вы с нами на охоту? Я согласен, думаю, что и мои товарищи будут не против. Наша охота будет вполне безопасной.

Эльза поняла, что перед нею стоит опять Штерн. Время истекло. Качинский с часами в руках вошел на террасу и спросил Штирнера:

— Скажите, Штерн, о чем вы говорили с фрау Беккер на берегу, только об охоте?

— Ну да, — ответил Штирнер, с удивлением глядя на Качинского. — А о чем же иначе? Фрау Беккер подошла ко мне и просила взять ее с собой на охоту. Она говорила, что вы и Дугов согласны, если я также соглашусь. Я согласен. Вот я и пришел сказать об этом. Ведь так? — обратился он к Эльзе.

— Да, так, — ответила она, улыбаясь.

Качинский посмотрел на Эльзу укоризненно и покачал головой.

— Почему вы качаете головой, Качинский? — спросил Штирнер.

— Но ведь все обошлось благополучно, — сказала Эльза Качинскому.

— Что благополучно? О чем вы говорите, господа? — недоумевал Штирнер.

Качинский махнул рукой:

— Так, пустяки. Фрау Беккер схитрила, желая принять участие в охоте... — сказал он, поглядывая с упреком на Эльзу. — А вы... серьезно хотите идти? — спросил Качинский Эльзу.

— Конечно, серьезно! — ответила она, смеясь.

Качинский опять развел руками.

— Итак, завтра утром идем? — спросил Эльзу Штирнер.

IV. «ЛЕБЕДЬ» СЕН-САНСА

Вечером после ужина все сидели на веранде и оживленно разговаривали.

Гости рассказывали о Москве, о чудесах, которые творит передача мысли на расстояние, о необычайных возможностях, которые развернет это мощное орудие, когда человечество овладеет им в совершенстве.

Эмма слушала с увлечением, вздыхала и поглядывала на Эльзу, как бы говоря: «Как там интересно! А мы-то живем здесь!..»

Огромный шар луны поднялся из-за горизонта, проливая серебро бликов через весь океан до самого берега. И волны бережно качали этот подарок неба.

Океан дышал вечерней влажной прохладой. Цветы пахли сильнее, пряным, сладковатым запахом.

Где-то недалеко пели туземцы. Напев их был так же ритмичен и однообразен, как прибой. Под впечатлением этой южной ночи разговор на веранде становился все медленней и наконец затих.

Слышнее стал доноситься шорох гальки, обтачиваемой волнами.

— А мы-то тут живем!.. — с тоской вдруг докончила вслух свои мысли Эмма.

— Вы несправедливы, фрау, — отозвался Дугов и повел широко рукой вокруг. — Разве все это не очаровательно?

— Да, но... сегодня и завтра одно и то же... Хочется нового! Здесь хорошо, и все-таки чего-то не хватает.

— Я знаю, чего не хватает! — сказал, улыбаясь, Дугов. — Музыки! По крайней мере, нам для полноты впечатлений. Фрау Беккер, ведь вы играете? Я видел у вас инструмент. Сыграйте нам что-нибудь этакое... лирическое! Мы будем слушать, молчать и созерцать.

— Просим, просим! — поддержал Качинский Дугова.

— С удовольствием, — просто ответила Эльза, вошла в комнату и села у рояля.

«Сегодня я хорошо буду играть», — подумала она, прикоснувшись пальцами к прохладным, чуть-чуть влажным от вечерней сырости клавишам и чувствуя нервный подъем.

— Что бы такое сыграть? — И прежде чем она успела подумать, ее пальцы, как бы опережая ее мысль и повинуясь какому-то тайному приказу, начали играть «Лебедь» Сен-Санса.

Ласковые, тихие звуки полетели в ночь, по серебристой дороге океана, к луне, сливая очарование звуков с очарованием ночи.

— Как прекрасно вы играете!..

Эльза вздрогнула. Опершись на рояль, перед ней стоял Штирнер и внимательно смотрел на нее. Когда он вошел?

— Простите, я помешал вам? Но я не мог не прийти сюда... Эти звуки... Продолжайте, прошу вас!..

Эльза, не прерывая музыки, с волнением слушала Штирнера и думала о своем. «Лебедь», это «Лебедь» Сен-Санса...» — так говорил он когда-то там, давно, в стеклянном зале. Нет, он не мог быть злым до конца. И тогда его голос был так же нежен, как и теперь.

— «Лебедь»... «Лебедь» Сен-Санса!.. Десятки раз я слышал эту пьесу в исполнении лучших музыкантов, — говорил Штирнер, глядя на Эльзу, — но почему эта музыка, ваша музыка так волнует меня? Мне кажется, я когда-то слышал ее так же, как иногда мне кажется, что где-то я встречал вас...

От волнения грудь Эльзы стала подниматься выше.

— Это не только кажется. Мы действительно встречались с вами, — быстро ответила она, продолжая играть.

— Где? Когда? — так же быстро спросил Штирнер.

— Ночью, в грозу, в большом зале со стеклянными стенами и потолком...

Штирнер потер лоб рукою и сосредоточенно вспоминал о чем-то.

— Да... действительно... Я вспоминаю что-то подобное...

— И еще раньше мы виделись с вами... часто... в той жизни, о которой вы забыли... — по-прежнему быстро и нервно продолжала Эльза бросать фразы. — Вы забыли меня... и когда вы стали Штерном, то на один мой вопрос вы ответили: «Простите, сударыня, но я не знаю вас».

— Как? Неужели? И мы... были очень хорошо знакомы с вами́?

Эльза колебалась. Пальцы ее начали путаться. Потом она решилась и, оборвав музыку, посмотрела Штирнеру прямо в глаза:

— Очень... — И тотчас она заиграла «Полишинель» Рахманинова, чтобы в бравурной музыке скрыть свое волнение. Взволнован был и Штирнер.

— Но тогда... тогда вы знаете, кем был я раньше?

Эльза молчала. Звуки «Полишинеля» росли, ширились, крепли.

— Фрау Беккер, умоляю, скажите мне! Здесь какая-то тайна, я должен ее знать!

Эльза неожиданно оборвала музыку и, серьезно, почти с испугом глядя на Штирнера, сказала:

— Я не могу вам сказать этого, по крайней мере сейчас.

— Что же вы не играете? — послышался голос Дугова.

Эльза начала играть снова.

Штирнер молчал, склонив голову. Потом он опять тихо начал:

— Ваша музыка... вы сами... Почему?.. — Он не договорил свою мысль, как бы ища подходящего выражения. — Почему вы так волнуете меня? Простите, но я должен высказать. Я не донжуан, легко увлекающийся каждой красивой женщиной. Но вы... поворот вашей головы, складки вашего платья, легкий жест — все это необычайно волнует меня, вызывает ка-

кие-то смутные, даже не воспоминания, а... знакомые нервные токи, если так можно выразиться...

И вдруг с горячностью, которой она не ожидала, Штирнер подошел к Эльзе, взял ее за руку и сказал:

— Фрау Беккер, я не буду настаивать на том, чтобы вы сказали, кем я был раньше. Но если мы были с вами знакомы, вы все же должны мне рассказать об этом времени... о нашей дружбе... быть может... больше чем дружбе... Это... это так важно для меня!.. Пойдемте туда, на берег моря, и там вы расскажете мне.

Они вышли на веранду.

— Концертное отделение кончилось? — спросил Дугов. — Очень жаль, мы только настроились слушать.

— У фрау Беккер болит голова, — ответил за нее Штирнер, — мы пройдемся к берегу моря подышать прохладой.

Штирнер и Эльза спустились к берегу.

Качинский провожал их внимательным и задумчивым взглядом. Весельчак Дугов усмехнулся в усы. Эмма подметила эту улыбку и рассердилась на него.

«Ничего не знает, не понимает, а тоже — улыбается!» — подумала она. И, глядя на две фигуры, сидящие на прибрежных камнях, Эмма вздохнула...

V. УКРОЩЕННЫЕ

Небольшой отряд выступил в поход.

Впереди шли два проводника негра, вслед за ними — Дугов, Эльза, Штирнер и Качинский.

— Где же ваши ружья? — с недоумением спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Дугов, стукнув себя по лбу.

— Как, опять здесь? Ваш мозг? Это и радиопередатчик, и ружья, и, может быть, собственная электрическая лампочка? — шутя спросила Эльза.

— Не только может быть, но так оно и будет. Человеческая мысль — величайшая сила, или, как это там, Качинский, сказано у Аррениуса?..

«Самый великий источник энергии — это человеческая мысль... Электромагнитные колебания, которые возникают в

клеточках человеческого мозга, — это величайшая сила, которая владеет миром».

— Видите, какое могучее оружие заключено в нашем мозгу! — сказал Дугов.

Они вошли в чащу тропического леса. Здесь стоял полумрак. Пестрые птицы порхали среди ветвей и паутины лиан. Пробивающиеся кое-где лучи солнца, как луч прожектора, выхватывали из полумрака группы листьев разнообразной окраски и зажигали радугу на цветном оперении птиц. Дорожка исчезла. Идти по преющим листьям и гнилым стволам упавших деревьев становилось все труднее. Штирнер помогал Эльзе преодолевать препятствия пути.

Со вчерашнего вечера Штирнер стал необычайно внимателен и любезен к Эльзе.

— Сколько продлится наше путешествие? — спросила Эльза, которая начала уже уставать. — Я думаю, звери живут далеко в глубине леса.

— А зачем нам искать их? — ответил Дугов. — Зверь сам должен бежать на ловца. Вот найдем полянку и покличем их.

Скоро они вышли на лесную поляну, ярко освещенную солнцем. Все невольно сощурились после полумрака чащи. Огромные красные и желтые, пятнистые цветы вроде тюльпанов покрывали поляну сплошным ковром.

— Какая прелесть! — воскликнула Эльза.

Все уселись, беспечно беседуя.

— Ну, пора, — сказал Дугов. Он вышел на самую середину поляны и остановился. Выдвинул несколько голову вперед и вверх. Лицо его сделалось серьезным и сосредоточенным. Он медленно стал поворачиваться во все стороны, как бы пронизывая взором чащу леса.

Вдруг Эльза вздрогнула. Где-то далеко она услышала рычанье льва, как отдаленный раскат грома. Ему ответило другое, третье...

— Клюет! — улыбаясь, сказал Качинский.

А Дугов продолжал медленно поворачиваться в той же сосредоточенной позе.

Рычанье все приближалось. В ветвях испуганно завозились

и закричали обезьяны. Волнение охватило даже птиц: они вспорхнули с ветвей и перелетели выше.

Вот послышался хруст веток под мягкими, но тяжелыми шагами зверей.

Они идут отовсюду, окружают безоружных, беззащитных людей... Эльзе сделалось страшно. Что, если новое оружие окажется бессильным?.. Все они погибнут ужасной смертью!..

Штирнер заметил ее испуг, взял за руку и, глядя в ее глаза, сказал:

— Успокойтесь!

Ее волнение улеглось.

В это время огромный лев, ломая заросли, выбежал на поляну, зажмурился от яркого света и остановился. Потом он тихонько подошел к Дугову и, ласково рыча, потерся головой о его ноги. Дугов почесал его между ушей, и лев растянулся у ног укротителя. Послышалось что-то вроде мяуканья, и на поляну выбежала львица с двумя львятами. Они также улеглись у ног Дугова. Еще один лев прыгнул из леса огромным прыжком.

— Однако довольно! — сказал Дугов. — Наша яхта не поднимет всех этих гостей. Пожалуй, ты лишний, — обратился он к первому льву, похлопывая его по голове, — ты уже не так красив, иди назад, старина!

Лев лизнул огромным языком руку Дугова и побежал в чащу.

— А вот этот красавец, — продолжал Дугов, проведя рукой по спине огромного льва, прыгнувшего через всю поляну, — посмотрите, не шерсть, а настоящее золотое руно!.. А ты чего плачешь, маленький? Лапу занозил? Бедный малыш! Дай я тебе вытащу занозу.

Дугов вытащил из лапы звереныша большой шип колючего растения.

Львица спокойно смотрела на эту операцию.

— У них очень нежные лапы, — сказал Дугов, обращаясь к Эльзе, — и они часто страдают от заноз. Но почему же вы не подходите, фрау? Вы видите, они безопасны, как дети!

Эльза подошла и стала гладить львов. Они ласково ворчали, терлись головами и норовили лизнуть руку.

— Ну, пора и домой. Уже солнце склонилось на вечер. Где же наши проводники?

Одного из них нашел Качинский в густой траве. Бедный негр лежал как мертвый, парализованный страхом. Другой сбежал при первых звуках львиного рева. Но и тот, которого нашли, был мало способен служить проводником. Он дрожал так, что ожерелье из раковин, висящее на его шее, беспрерывно звенело. При виде львов он боялся шевельнуться. Качинский стал фиксировать его взглядом. Негр успокоился и пошел вперед.

На этот раз Дугов шел позади, а вслед за ним послушно, как собаки, следовали лев и львица с двумя детенышами.

Впереди шел проводник, за ним — Эльза со Штирнером, за Штирнером — Качинский.

В самой густой чаще, где было почти темно, над ними вдруг затрещали ветви деревьев. Штирнер вскрикнул и заслонил собой Эльзу. Огромный ягуар, прыгнувший на нее, упал на Штирнера и сбил его с ног. В ужасе вскрикнула и Эльза. Однако ягуар не растерзал Штирнера, как ожидала она, а внезапно убежал в чащу, поджав хвост, как побитая собака.

— Однако и наша охота не совсем безопасна! — послышался голос Дугова. — Вы не ранены, Штерн?

— Цел и невредим, — отвечал Штирнер, поднимаясь с земли. — Только изорван костюм.

— Вы можете теперь убедиться в силе нашего оружия, фрау Беккер, — сказал Качинский, подходя к Эльзе. — Ягуар не подвергался воздействию мысли и пытался напасть на нас. Но прежде чем он упал на Штерна, я уже успел дать зверю мысленный приказ убираться подобру-поздорову. И, как видите, он позорно бежал. Электромагнитные волны при излучении мысли летят со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, то есть со скоростью света. Вы видите, что мы обладаем самым скорострельным оружием в мире. Довольно было стотысячной доли секунды, чтобы обезвредить врага.

— Но все же нам надо быть осторожнее, — сказал Штирнер, поглядывая на Эльзу. Он испугался не столько за себя, сколько за нее.

— Теперь не опасно, чаща редеет, мы скоро выйдем из леса, — ответил Дугов.

— Какие прекрасные попугаи! — воскликнула Эльза, когда ее волнение несколько улеглось.

— Ах, чуть было не забыл! — воскликнул Качинский. — Я обещал Ивину привезти его жене попугая. — И, выбрав на ветке самого красивого, он послал мысленный приказ. Попугай уселся на плечо Качинского.

Негр смотрел на Качинского с суеверным почтением.

Качинский заметил этот взгляд и рассмеялся.

— Для него, — он указал на негра, — мы высшие существа, всемогущие боги, способные творить чудеса. Так уж устроен человек: он или обожествляет, или отрицает то, чего не может понять.

— Это может показаться чудом не только для негра, — ответила Эльза.

— А между тем здесь нет никакого чуда, — сказал Дугов. — Всякая дрессировка животных основана на том, что мы вызываем и закрепляем у животных так называемые условные рефлексы. Наши успехи в передаче мысли на расстояние сделали только возможным сразу закреплять в сознании все, что мы желаем. Да, — продолжал он после паузы, — вспомните, Качинский, наши первые опыты: это была детская забава по сравнению с тем, что мы делаем теперь!

— Будьте справедливы к нашим первым опытам, — ответил Качинский. — Без них мы не имели бы нашего зоологического сада, которым восхищается весь мир.

— Что это за сад? — спросила Эльза.

— О, это стоит посмотреть! Огромная площадь в окрестностях Москвы остеклена и превращена в зимний сад необычайных размеров. Тропическая растительность привольно растет в этом саду. А среди цветов и растений расхаживают на воле львы, тигры, козы, антилопы, пантеры и дети — множество детей, которые проводят там целые дни, играя со зверями, катаясь на тиграх, возясь с молодыми львятами. Однако вот и конец нашего путешествия. Уже виден наш дом...

Появление необычайного шествия взволновало всех обитателей дома. Эмма, увидя приближавшихся львов, в ужасе

вскрикнула и, подхватив ребенка, бросилась в дом, запирая двери и окна. Старая негритянка побежала с отчаянным криком к берегу. Шмитгоф упала в обморок. Ганс еле стоял на ногах. В конюшне хрипели и бились лошади, почуя диких зверей, а осел неистово ревел.

Но постепенно все улеглось. Эльза уговорила Эмму выйти на веранду и, чтобы ободрить подругу, стала возиться со львами. В конце концов даже маленький Отто осмелел и близко подошел к молодым львятам, не решаясь еще прикоснуться к ним.

— Не желаете ли, фрау Шпильман, — обратился Дугов к Эмме, — я оставлю вам одного льва? Он будет развлекать вашего сына и сторожить ваш дом.

— Благодарю вас, но... пожалуйста, уберите скорее их отсюда!

Дугов засмеялся, посмотрел на львов и перевел взгляд на матросов, сидевших у палатки. Матросы тотчас поднялись выполнять мысленное приказание. Они стали складывать палатку и готовить лодки к отплытию. Львы, медленно и осторожно ступая по каменистой дороге, спустились к берегу и улеглись на песке. Матросы перевезли их по одному на яхту.

— Вы уже уезжаете? — спросила Эльза печально.

— К сожалению, мы не можем оставаться долее. Нас ждет большой дирижабль. Но мы надеемся, что наше приятное знакомство этим не закончится. Мы будем изредка навещать вас, нам нужно будет много новых зверей для пополнения филиалов нашего сада, которые мы открыли в Харькове, Тифлисе и других городах. А еще лучше, если бы вы побывали у нас и посмотрели наши чудеса.

Эльза поклонилась.

Дугов подошел к Эмме:

— А вы, фрау, очень много потеряли, что не пошли с нами на охоту. Вы увидали бы много чудес. — Посмотрев на небо, где над заливом кружилось множество птиц, Дугов продолжал: — Впрочем, чтобы вознаградить вас за то, чего вы не видели на охоте, я могу показать вам одно «чудо».

Дугов стал смотреть на птиц.

Они тотчас изменили свой полет, выстраиваясь в треуголь-

ник. В таком порядке подлетели они к дому. Треугольник превратился в круг. Круг все расширялся и, отдаляясь, как бы растаял в воздухе, сливаясь с далью.

Эмма с восхищением всплеснула руками.

— Еще! Еще! — закричал мальчик.

Пока Дугов на прощанье потешал Эмму и ребенка, Штирнер, отойдя с Эльзой в сторону, горячо о чем-то говорил с нею. Эльза смущалась, краснела, но, видимо, была довольна словами Штирнера.

— Ну, нам пора! — сказал Дугов.

Все спустились к берегу. Качинский, Дугов и Штирнер уселись в шлюпку и взялись за весла.

— До свидания! — крикнул Штирнер, глядя на Эльзу, и взмахнул веслами.

В заходящих лучах солнца капли воды стекали с его весел, как капли красного хиосского вина. Вот шлюпка достигла яхты, и путешественники поднялись на нее. Паруса натянулись от попутного ветра. Гремит якорная цепь...

— До свидания! — еще раз донеслось до Эльзы. С яхты махали платками. Эмма, Эльза и мальчик махали в ответ.

У самого борта выстроились все львы, положив лапы на перила. Шерсть зверей в лучах заката казалась золотым руном. Новые аргонавты отплывали...

Дугов посмотрел на львов, и все они вдруг закивали головами и замахали лапами, как бы прощаясь с обитателями маленького домика. Мальчик и Эмма засмеялись. Улыбнулась и Эльза, хотя лицо ее было грустно.

Уже паруса яхты скрылись вдали, солнце опустилось в изумрудную гладь океана, которая быстро подергивалась пепельным оттенком, а две женщины и ребенок все еще стояли на берегу и глядели в ту сторону, где на поверхности океана переливался след от яхты.

— Да, пожалуй, действительно нам нужно поехать туда и посмотреть все эти чудеса, — наконец задумчиво сказала Эльза.

— Разумеется! — живо ответила Эмма. — Мы слишком засиделись здесь!

Эльза долго не могла уснуть в эту ночь. А когда под утро

она задремала, то ей казалось, что она услышала голос Людвига, который звал ее.

— Да, да, милый Людвиг! — прошептала она сквозь сон.

Но Эльза ошиблась.

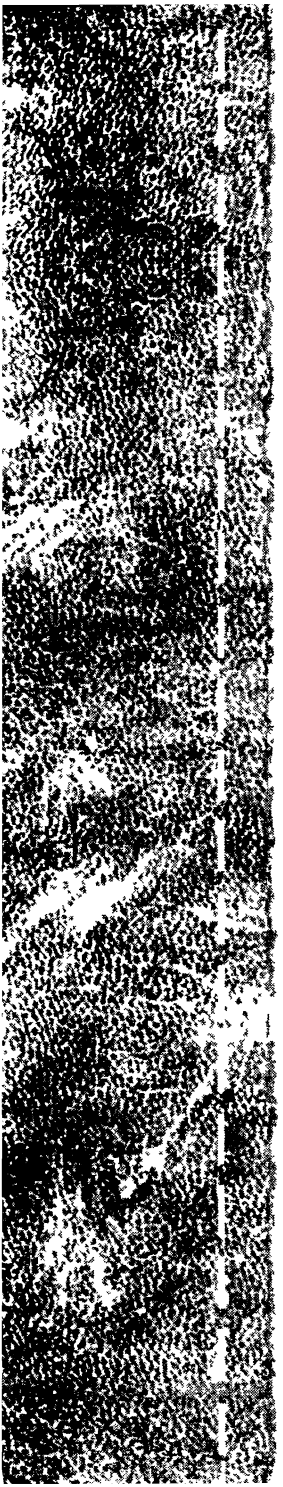
Не Штирнер, а Штерн думал в это время о ней.

Штерн сидел на палубе яхты, под южным звездным небом, на низком плетеном стуле, облокотившись на голову спящего льва. Луна уже зашла, от воды тянуло предутренним свежим ветерком, а он все еще не спал и думал о фрау Беккер, живущей в одиноком домике на берегу океана.

Мерная волна укачивала. Штерн склонил голову на косматую гриву льва и незаметно уснул.

Первый луч солнца осветил их — человека и льва.

Они мирно спали, даже не подозревая о тайниках их подсознательной жизни, куда сила человеческой мысли загнала все, что было в них страшного и опасного для окружающих.

Последний человек из Атлантиды

— Это мысль!

Отложив книгу в сторону, мистер Солли еще раз повторил:

— Да. Это мысль! — и погрузился в раздумье.

Мистер Солли — удачливый нью-йоркский фабрикант и биржевик, нажившийся на военных поставках во время мировой войны.

Война — прекрасная вещь для таких людей. Чем выше росли горы трупов на полях сражений, тем больше округлялся текущий счет мистера Солли. К концу войны мистер Солли «стоил» несколько миллиардов долларов.

Но когда он достиг вершины финансового могущества, с ним случилась неприятная история. Роскошные обеды, обильно орошаемые тонкими винами, вызвали заболевание мозговых сосудов. И он слег от мозгового удара, когда менее всего ожидал этого. У него отнялись правая рука и нога. Удар был легкий, и при тщательном медицинском уходе через несколько месяцев больной оправился. Паралич, казалось, прошел. Но врач категорически запретил мистеру Солли возвращаться к коммерческой деятельности.

— Довольно, поработали, — сказал врач. — Если вы хотите сохранить здоровье, вы должны совершенно изменить образ жизни. Путешествуйте, занимайтесь коллекционированием, благотворительностью — одним словом, чем хотите, лишь бы заполнить ваше время и развлечься, но избегайте умственного и нервного напряжения. Иначе я не отвечаю за вашу жизнь.

После такого ультиматума перед мистером Солли встал нелегкий вопрос: чем наполнить жизнь и как использовать свои несметные богатства?

Он был одинок. Это еще больше осложняло положение. Ему не о ком было заботиться, кроме как о самом себе.

Ехать в Африку и охотиться на львов, как это сделал Рузвельт?

Слишком сильные ощущения такого спорта не привлекали Солли.

Благотворительность?

Одна мысль об этом вызывала на его жирном красном лице гримасу брезгливости. Слишком избито, пошло. Написать чек на сотню тысяч долларов в пользу университета, чтобы потом полюбоваться на свой портрет в газете? Пустое и скучное занятие.

Мистер Солли попробовал заняться коллекционированием. Начал скупать картины старых итальянских мастеров. Но все эти Леонардо да Винчи и Рафаэли, очевидно, не учли американского спроса. Большинство уников[1] было уже скуплено. Оскандалившись с покупкой «подлинного» Корреджио, оказавшегося ловкой подделкой, Солли почувствовал отвращение к живописи.

Потом следовали коллекции австралийских бумерангов, китайских колокольчиков... Коллекция, составленная из трехсот пятидесяти видов живых блох, собранных со всех стран мира, заставила говорить о себе некоторое время. Но все это было не то... Нужно было найти что-нибудь выдающееся, что, быть может, обессмертило бы его имя.

Вкусив от плодов богатства и власти, мистер Солли втайне мечтал и о славе. Но как купить ее? Это было совсем не так просто, как с биржевыми акциями.

И вот, когда он уже терял надежду найти достойную его цель жизни, простой случай пришел на помощь.

Личный секретарь мистера Солли случайно оставил на письменном столе пеструю книжку с серыми и голубыми полосками обложки. Это был томик на французском языке: *«Роже Девинь. Исчезнувший материк. Атлантида, шестая часть света».*

Миллионер, скучая, просмотрел эту книгу, но несколько строк остановили его внимание.

«Необходимо создать, — писал автор, — экспедицию из кораблей всех наций для исследования Атлантического океана, чтобы найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки».

[1] У н и к — редкий, единственный в своем роде предмет.

«Подводная экспедиция для отыскания Атлантиды... Это идея!»

Закурив сигару, мистер Солли погрузился в честолюбивые мечты. Он, мистер Генри Солли, открывает этот исчезнувший материк. Он будет новым Колумбом. Он водрузит звездное американское знамя на этом исчезнувшем материке. А коллекции со дна океана! Там уж, наверно, не будет подделок. Все уники неизмеримой ценности. «Недурное помещение для капитала, — мелькнула мысль, привыкшая ко всему подходить с коммерческим расчетом. — И слава, слава...»

Да, решительно, над этим следует подумать. Надо изучить вопрос. Мистер Солли осмотрел приложенную библиографию в конце книги: «Одна коллекция книг в Смитсонианском институте содержит более 50 000 томов...»

«Ну, это уж слишком! — мистер Солли поморщился, представив себе эти груды книг. — Впрочем, для чего существуют ученые? Мы поручим им сделать необходимые выборки. А пока познакомимся с Девинем».

Забыв даже о строгом режиме врача, мистер Солли засиделся за полночь, погруженный в чтение книги.

Пришедший на другое утро личный секретарь мистер Картер увидел своего патрона необычайно оживленным и был ошеломлен его словами.

— Картер! Мы отправляемся в подводную экспедицию разыскивать Атлантиду...

Картер широко открыл глаза, потом покосился на оставленный вчера томик Девиня и понял все.

«Уж лучше бы блох своих ловил», — подумал Картер. Ему совсем не улыбалась эта экспедиция. Он только недавно был помолвлен.

Но с обычной любезностью он промолвил:

— К вашим услугам, сэр.

II. АТЛАНТИДА И МЭРИ

Работа закипела. Мистер Солли был неузнаваем. Апатия и вялость исчезли бесследно. С утра до вечера он совещался с учеными, инженерами, моряками. Солли входил во все мело-

чи и проявлял свои недюжинные практические и организаторские способности.

Инженеры вырабатывали типы подводных кораблей. Воплощалась в жизнь фантазия Жюля Верна об открытии Атлантиды «Наутилусом» капитана Немо. Солли забраковал проект постройки одного большого подводного корабля.

— Он нам может понадобиться лишь в конце, когда Атлантида будет найдена. И потом, большие субмарины[1] дорогоньки даже для моего кармана. Нам нужны ищейки, флотилия мелких судов, которые будут рыскать под волнами океана и производить предварительные изыскания.

Остановились на типе небольшой подводной лодки и стали вырабатывать ее конструкцию.

На подводных лодках предполагалось устроить окна из толстого стекла и сильные прожекторы для наблюдения изнутри судна. В дне корпуса должны были находиться отверстия, через которые на дно океана могли бы опускаться особые зонды для исследования почв. Наконец, особые люки могли выбрасывать и забирать обратно водолазов. С надводным миром предполагалось поддерживать постоянную связь при помощи радио. Решили построить пять таких субмарин. Смета все росла, но это не смущало Солли. По его плану, суда необходимо было построить в два года; расходы могли быть покрыты одними процентами с его капитала. Первая лодка должна была быть готова через полгода. Если ей посчастливится, остальные можно будет и не строить.

Несмотря на все эти кипучие сборы, дело могло расстроиться, и только потому, что в судьбу открытия Атлантиды оказалась замешанной судьба белокурой Мэри, невесты Картера. Секретарь миллионера был так же увлечен ею, как Солли Атлантидой. В ее лице Атлантида приобрела сильную соперницу.

Картер смотрел на затею Солли как на одну из его причуд, которые могут пройти так же быстро, как прошли его другие увлечения. Но эта причуда могла надолго оторвать его от мисс Мэри Ривс.

И он повел тайную интригу, чтобы разрушить эту затею.

[1] Субмарины — подводные лодки.

Он уверял врача, что увлечение Солли Атлантидой вредно для его здоровья. Он умышленно осложнял работу, чтобы оттянуть отъезд. Он разыскивал профессоров, которые не верили в существование Атлантиды, и просил их уговорить старика Солли отказаться от его затеи. Он создал целую кампанию в печати. Большинство ученых осмеивали фантазерство Солли. Газеты помещали карикатуры. Но Солли был непреклонен.

На несчастье Картера, Солли нашел в лице профессора Ларисона фанатичного сторонника экспедиции.

Старик Ларисон, с шарообразным, безволосым черепом и узкими, веселыми глазками, переселился к Солли и прямо гипнотизировал его своими возбужденными речами об Атлантиде, ее несметных богатствах, погребенных на дне океана.

Потеряв всякую надежду расстроить экспедицию, Картер заявил Солли в одно утро о своем уходе.

— Как, вы покидаете меня в такую минуту? — спросил Солли огорченно. — Но какая причина?

Все это было сказано с таким искренним огорчением, что Картер после некоторого колебания решил сказать правду.

— Я предполагаю скоро вступить в брак и не нахожу возможным в такое время отправиться в экспедицию, которая займет, может быть, несколько лет.

Солли опустил голову. Потом он вдруг вскочил с кресла и, махнув обеими руками, закричал:

— Так за чем дело стало! Женитесь скорей и берите ее с собой!

«С собой... — это была новая мысль, которая еще не приходила Картеру в голову. — И согласится ли Мэри?»

Неожиданно для него Мэри согласилась принять участие в экспедиции и даже выразила живейший интерес.

Мэри перестала быть опасной для Атлантиды.

III. В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Прошло еще три года. Годы разочарований и обманутых надежд. Уже четыре года субмарины бороздили пучины Атлантического океана между северо-западными берегами Африки и восточными берегами Северной и Южной Америки. Было сделано много интересных геологических и палеонто-

логических находок, но следов Атлантиды не находилось. Целые отряды водолазов зондировали дно морское на сотни метров вглубь, но везде находили только вулканический туф, кристаллизовавшийся под давлением воды, гранит и глинистый сланец.

Участники экспедиции были явно утомлены. У Мэри Картер значительно остыл интерес к Атлантиде.

Ее муж проклинал Атлантиду, Ларисона и Солли. Но хороший оклад удерживал его в экспедиции. Сам Солли временами впадал в сомнение. Расходы росли, ему давно пришлось тронуть основной капитал, и он, Солли, «стоил» уже намного меньше, чем до экспедиции.

Подводная экспедиция Солли вначале возбудила громадный интерес. На время Атлантида стала самой модной темой. О ней читались бесчисленные лекции, велись ученые споры. Некоторым мерещились богатства, погребенные на дне океана. Поднимался даже вопрос об основании акционерного общества для ведения совместно с Солли работ. Но простой расчет заставил подождать результатов экспедиции Солли. А эти результаты пока были плачевны. Газеты и журналы писали об экспедиции все холоднее, потом перешли к вышучиванию, высчитывали, сколько стоит «миф об Атлантиде», и наконец замолчали совершенно. Это для Солли было хуже всего. В довершение неприятностей он потерял часть состояния, заключенного в нефтяных акциях.

Дальнейшее «закапывание денег в океан», как писали в газетах, грозило ему разорением.

Солли стал молчалив и раздражителен.

Не унывал один Ларисон.

— Все наши неудачи ничего не доказывают. Просто мы допустили ошибку в исследованиях. Но эту ошибку легко исправить. Дело в том, что до сих пор мы ковыряли только вершины вулканических гор Атлантиды. Вспомните, что еще Платон упоминал об этих высоких горах. Города лежали у их подошвы. Следовательно, чтобы искать их, нужно опуститься в долины по крайней мере на три тысячи метров глубины, лежащие на дне океана, и проделать в почве несколько глубоких косых траншей. И мы найдем Атлантиду. Она ждала вас де-

сятки тысяч лет, и неужели теперь, когда вы так близко от нее и от славы — да, от славы, — вы бросите все?

Хитрый Ларисон давно нашел слабую струнку Солли. Слава!

— Сколько она стоит? То есть сколько это будет стоить еще? — спросил он.

Стали подсчитывать. Работы на дне океана стоили безумно дорого. Но упорство и привычка рисковать заставили Солли решиться на этот шаг.

Для последних исследований выбрали местность на 12° северной широты и 40° западной долготы. На дно были опущены громадные воздушные колокола, так как на глубине трех тысяч метров давление воды было слишком велико для работы водолазов. Сверла, приводимые в движение электричеством с кораблей, стоящих на поверхности океана, бурили и дробили землю, которая через герметические люки выбрасывалась из колокола. Несколько раз вода проникала под колокол. Шесть рабочих уже поплатились жизнью. Все труднее было найти охотников на место выбывших, все дороже оплачивался труд. Три месяца шла эта упорная работа. Героические усилия экспедиции привлекли вновь к ней внимание «надземного мира». Неутомимый Ларисон энергично руководил работами на дне океана. Солли большую часть времени проводил на плавучем доке, устроенном около места работ, — на открытом воздухе. Пребывание в подводных лодках было для него тяжело. Зато морской воздух очень укрепил его здоровье. Физически он чувствовал себя прекрасно. Но это лечение обошлось ему недешево. В одно утро, посидев над счетами и подведя баланс, он увидел, что ему хватит средств продолжать работу только на два месяца. А дальше — конец. Он разорен и вдобавок опозорен, как старый фантазер и мечтатель.

Вечером, когда Ларисон, усталый, но бодрый и шумный, как всегда, поднялся к нему со дна океана, Солли поведал печальную новость.

Ларисон в первый раз почувствовал себя растерянным.

Он никогда не думал, что этот золотой мешок может иссякнуть. Но Ларисон был слишком поглощен своими работами, чтобы предаваться отчаянию.

— Этого не может быть!

— То есть как не может быть? Вот посмотрите итог.

— Не может этого быть, говорю я, чтобы работа прекратилась на самом интересном месте. Мы дошли до мягкого туфа. Работать легче. И только сегодня я нашел что-то чертовски напоминающее кусок черепицы от крыши. Деньги? Их надо достать!

— Но как?

Ларисон пожал плечами и ушел к себе. Он долго писал в этот вечер, сделал какие-то распоряжения и наутро, наскоро позавтракав, нырнул «к себе» на дно океана.

IV. НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Два роковых месяца были на исходе. Солли занимался тем, что подсчитывал, что останется ему на скромную жизнь, когда он бросит «глупую затею» с Атлантидой и ликвидирует ее. Вызванный управляющий делал ему доклад. После ликвидации овечьих ранчо в Техасе оставались кое-какие крохи в несколько сот тысяч долларов.

Солли в задумчивости пускал струи дыма, рисуя картину своего будущего. Он уедет в уединенное имение в южных штатах и будет доживать свой век в полном одиночестве. С африканского берега тянуло горячим дыханием раскаленных пустынь.

Вдруг на севере показался ряд кораблей. Когда они подошли, Солли увидал развевающиеся вымпелы.

— Это что еще за флотилия?

Он не знал, что это шла неожиданная международная помощь. Ларисон не дремал. Он написал горячее воззвание в газеты разных стран с призывом ко всему культурному человечеству помочь экспедиции «во имя науки». Его горячо написанное воззвание произвело впечатление. Был сформирован вспомогательный флот, корабли которого подходили теперь к плавучему маяку. Солли давно уже не читал газет: «Ничего, кроме неприятностей». И потому не знал о воззвании Ларисона.

Помощь пришла вовремя, и работа закипела с удвоенным темпом. Вскоре были найдены неоспоримые следы Атлантиды — каменная кладка из черных, белых и красных камней, хорошо сохранившихся в водонепроницаемом слое. Откры-

тие произвело необычайную сенсацию во всем мире. Почти все государства, словно желая наверстать потерянное, приняли участие в раскопках.

Работа шла медленно, но теперь это уже была не слепая работа крота.

Каждый месяц приносил все более радостные новости. Солли, оживший и вновь повеселевший, проплывал на субмарине вдоль места работ и в окно иллюминатора глядел, как из синевы океана, освещенной прожектором, показывались то полуразрушенный ряд колонн, сквозь которые проплывали рыбы, мягко шевеля плавниками, то стены дома, то покосившийся портик храма...

На пятом году экспедиции были найдены развалины храма Посейдона, а в них — громадная библиотека, состоящая из бронзовых полированных пластин, на которых были вытравлены надписи. Надписи прекрасно сохранились. Их удалось расшифровать одному русскому ученому-лингвисту. Постепенно Атлантида раскрывала все свои тайны: храмы, пирамиды, статуи, дома, бронзовое оружие, утварь и бесчисленное количество «бронзовых книг» атлантов.

По окончании раскопок была созвана международная конференция из представителей дипломатии и ученого мира для разрешения вопроса о судьбе извлеченных со дна океана ценнейших археологических коллекций.

Было решено не дробить «центральное ядро» археологического материала, дающее полное, почти исчерпывающее представление об Атлантиде, ее цивилизации и жизни. Но между Европой и Америкой завязался горячий спор: кому владеть этим ядром?

В конце концов спор был разрешен в пользу Америки, но в виде уступки Европе там был создан Международный музей Атлантиды.

Это было грандиозное здание, построенное в стиле атлантов и состоявшее из трехсот шестидесяти громадных залов, наполненных статуями, утварью, предметами культа и т. п. К этому главному зданию примыкал ряд других: Международный институт по изучению Атлантиды и библиотека, включавшая уже более двухсот тысяч томов книг по Атлантиде.

Первая речь на торжественном открытии этого музея и ин-

ститута была предоставлена профессору Ларисону. Она продолжалась более шести часов и была прослушана с захватывающим интересом. Мистер Солли также не был забыт на этом торжестве, и его самолюбие было удовлетворено. Ведь, в конце концов, его скука и лишние деньги помогли открыть Атлантиду.

Дубликатов археологических находок было достаточно, чтобы создать богатейшие музеи в Европе. Среди них самыми полными и богатыми оказались музеи Москвы, Парижа и Лондона.

На этом мы и закончим краткую историю открытия Атлантиды. Далее идет уже история самой Атлантиды. Эту историю написал неугомонный старик Ларисон. Такой энтузиаст, как Ларисон, не мог написать сухого ученого трактата. Он написал скорее роман, чем историю. Но роман, в котором каждое положение основано на научных данных. К сожалению, Ларисон неожиданно умер, и рукопись, о которой знали многие из его друзей, считалась потерянной. Лишь недавно она была найдена среди хлама на чердаке его уединенного дома.

Рукопись снабжена примечаниями Ларисона, которые мы сохранили. Вот эта рукопись.

Предисловие

Я пишу для себя. На изучение Атлантиды я потратил долгие годы. Я слишком сжился с нею. Я бродил среди развалин Атлантиды на дне океана. Там передо мною проносились картины ее былого величия и ужасного конца. По многим документам, найденным на дне океана и на поверхности земли в различных странах, я познакомился с судьбой ее обитателей и даже отдельных лиц. И у меня явилась непреодолимая потребность записать все это. Я не предполагаю печатать эту рукопись.

Моя повесть об Атлантиде слишком научна для романа и слишком романтична для науки.

Но я не могу не написать ее, потому что эти видения преследуют меня, как галлюцинации.

Может быть, описав их, я буду с бóльшим спокойствием продолжать свои научные работы.

Профессор Ларисон

I. АТЛАНТИДА

Солнце склонилось к западу. Вечерний береговой ветер доносил до самого корабля ароматы цветущих апельсиновых деревьев, магнолий и душистых горных трав.

Пассажиры вышли на верхнюю палубу пятиэтажного корабля и любовались величественной картиной.

Перед ними дремали в лучах горячего солнца берега великой Атлантиды.

У самого берега возвышался знаменитый Посейдонский маяк[1] — одно из мировых чудес. Он имел форму конуса, усе-

[1]Большинство имен собственных мною взято из языка атлантов. Но некоторые имена (Посейдонис, Атлантида и др.) оставлены в том правописании, которое установилось со времени Платона, как более знакомое современникам. — *Ларисон.*

ченная вершина которого, казалось, упиралась в небесный свод. Маяк был сложен из громадных каменных кубов красного, черного и белого цвета, расположенных красивым узором. Вокруг маяка спиралью вилась широкая дорога, по которой свободно проезжало рядом шесть колесниц.

День и ночь по винтовой дороге тянулись повозки. Одни из них доставляли смолистые деревья на вершину маяка, другие увозили обратно пепел и угли. На верху маяка была круглая площадка, на которой свободно мог разместиться целый городок. Здесь были огромные запасы дров, ямы для пепла и углей, решетки для костров и целая система шлифованных вогнутых бронзовых зеркал. Смолистое дерево, смешанное с серой и нефтью, давало яркое пламя, которое не могла погасить даже буря. На случай ливня был установлен бронзовый навес. Бронзовые зеркала, как сильные конденсаторы, собирали свет и бросали лучи в океан на много десятков миль.

Маяк стоял у гавани, окруженный садами, среди которых были разбросаны дома кубической формы из камней черного, красного и белого цвета. Дальше почва постепенно возвышалась, переходя в горную цепь.

На склонах горы, как расплавленное золото, сверкали под солнцем своей бронзовой облицовкой здания Посейдониса — столицы мира и Атлантиды. Еще выше, как сторожевой дозор, высился полукруг гигантских гор со снежными вершинами.

А вдоль всей горной цепи протянулось одно из самых чудесных произведений искусства атлантов, создание великого ваятеля Атлантиды — Адиширны-Гуанча: бог Солнца, изображенный в виде полулежащего на левом боку юноши. В правой руке, протянутой вдоль бедра, он держал рог, из которого низвергался громадный водопад. Опершись на локоть, он протянул раскрытую ладонь левой руки и с улыбкой рассматривал расположенные на ней храмы, с великим храмом Посейдониса посредине, громадные пирамиды и обелиски. Вся фигура бога была высечена из горной цепи. Требовалось два с половиной дня пути, чтобы пройти от склоненного локтя статуи до конца ноги. Десятки тысяч рабов трудились над нею.

Статуя эта с моря, на расстоянии нескольких часов пути от берега, производила необычайное, ни с чем не сравнимое

впечатление. Громадные храмы и пирамиды на ладони статуи казались прекрасными маленькими игрушками.

Снежные вершины окаймляли статую бога Солнца, как белое облако, утопавшее в синеве тропического неба.

Пассажиры с немым благоговением смотрели на эту величественную панораму.

— Да, велик бог Атлантиды, — задумчиво сказал один из них.

Он сидел на золотом троне, под полосатым балдахином, в шелковой пурпуровой одежде, вышитой яркими узорами. Красные рубины сверкали на его одежде, как угли, в лучах заходящего солнца. Черная длинная борода его на щеках была завита в мелкие кольца, а ниже заплеталась в жгуты. На голове конусообразная тиара была усыпана драгоценными камнями.

Это был владыка далекого Ашура, один из царей, подвластных Атлантиде.

Он приехал с обычными дарами на годовой праздник Солнца.

Корабль входил в бухту. Матросы опускали громадные пурпуровые паруса, на которых разноцветными шелками были расшиты крылатые быки. И паруса падали вдоль мачт, построенных в форме «Л», как на сложенный дождевой зонтик. Один ряд за другим гребцы опускали тяжелые весла, обитые тонкими листами бронзы. Только в самом нижнем ярусе весла ударяли еще по воде под ритмические звуки флейты.

Наконец был опущен и небольшой носовой треугольный парус. Он затрепетал на ветру, как крылья бабочки, и замер.

Корабль входил в широкий канал, берега которого были скованы белым камнем.

Канал проходил через три гавани, лежащие одна за другой. При приближении корабля к первой гавани послышались громкие звуки громадных бронзовых труб морской стражи.

Шесть таможенных барок, плоских, с заостренными и приподнятыми мысами и короткими мачтами в форме «Л», подплыли и остановились полукругом около прибывшего корабля. На барках стояли солдаты с длинными пиками, короткими мечами и в касках из полированной бронзы.

Начальник морской стражи вошел на палубу корабля.

Он протянул руку в знак почтения — свободные атланты

не падали на колени даже перед царями — и просил продолжать путь. Весла вновь мерно опустились в воду.

Но вот канал неожиданно оборвался, и корабль вошел в Большую Гавань Посейдониса, освещенную заходящим солнцем. Ветер трепал флаги на верхушках целого леса мачт. Крик человеческих голосов, звуки песен, скрип воротов, лязг бронзовых цепей сливались в однообразный шум.

Корабль проследовал дальше в большой канал, длиною в девять километров. По берегам канала потянулись дома, храмы, склады, богатейшие поля маиса и пшеницы, орошаемые сетью мелких каналов. Среди зелени садов были разбросаны низкие белые кубообразные дома из белого, красного и черного камня, сложенного простым, но красивым узором.

Направо, в последних лучах заходящего солнца возвышалось здание Морской Биржи с высокими обелисками, испещренными надписями. Перед нею шумела и волновалась толпа, разноплеменная, пестрая: скандинавцы, даже здесь не оставлявшие своих меховых одежд со скрытыми под ними коварными мечами; азиаты в красных колпаках и длинных одеждах, расписанных золотом; нубийцы — продавцы слоновой кости — в конических тиарах, звенящие своими амулетами; желтолицые продавцы лошадей и барышники...

Наконец корабль остановился в третьем, внутреннем, морском бассейне, на поверхности которого скользили, как быстрые водяные жуки, небольшие лодки, фелюги, гондолы.

Путешественники сошли с корабля и расположились в черных гондолах, украшенных диском солнца.

Гондолы быстро поплыли вдоль прямого канала, который пересекался тремя концентричными каналами. Внутри этих каналов, закованных в красную бронзу, возвышался Священный Холм города Посейдониса.

Без сумерек пала на землю южная ночь. Издали, от Морской Биржи, донеслись заглушенные расстоянием звуки песен, шум толпы...

На холме высились громадные бронзовые колонны-«фонари», с вершины которых падали яркие лучи света.

На фоне неба чернели леса у края снежных горных вершин, защищавших Атлантиду от северных гиперборейских ветров...

Между первым и вторым кольцевыми каналами были расположены громадные здания казарм. В них помещались испытанные в своей верности воины, которых набирали главным образом среди белокурых длинноволосых галлов и смуглых берберов.

Гости сошли с гондол и стали пешком подниматься на Священный Холм. На его вершине уже ясно виднелись пирамиды, окружавшие храмы, с храмом Посейдона посредине. Храмы окружало роскошное ожерелье дворцов, монастырей, часовен, висячих садов, астрономических башен и научных лабораторий жрецов.

По обе стороны дороги росли драконовые деревья с их острыми листьями и корнями, сок которых похож на кровь. Среди пальм струились фонтаны.

Взошла луна, и свет ее ярко осветил город. Аромат цветов наполнял воздух. От времени до времени от казарм доносились резкие звуки труб.

Никто не встречался на пути, кроме стороживших воинов, стоявших неподвижно, как статуи. Закованные в блестящие латы, они блестели при свете луны, как бронзовые монолиты. Это были «кавалеристы Нептуна» — сыновья жрецов и царей. Только знатное происхождение доставляло им честь стоять на страже в этих запретных местах.

На высоте холма сильнее чувствовалось освежающее дыхание океана...

Храм Посейдона был воздвигнут на усеченной пирамиде, покрытой бронзой. Он имел стадий[1] в длину и весь был покрыт серебром, золотом и бронзой. Внутри храма статуи и колонны были украшены слоновой костью. На верху храма возвышалась гигантская статуя бога, стоящего на своей колеснице, запряженной крылатыми конями. Вокруг статуи высились ряды астрономических колонн, бронзовых нереид и золотые статуи царей и цариц, происшедших от десяти сыновей Посейдона.

Все эти архитектурные сооружения, облицованные сверкающей бронзой, производили впечатление несколько варварского, но поражающего великолепия.

[1]Стадий — древнегреческая мера длины, в разных местах неодинаковая. Аттический стадий был равен 1776 метрам.

Недалеко от храма из скалы вытекало два источника: один с холодной, другой с горячей водой. Источники вливались в бассейны, над которыми были воздвигнуты бани: одна летняя и другая, крытая, — на время зимних дождей.

Проводник привел гостей к одному из дворцов, стоявших недалеко от храма Посейдона, в лавровой роще. Цветущие глицинии обвивали колонны.

Луна освещала бронзовую облицовку двери, на которой был изображен лик бога Солнца в виде человеческой головы с разбросанными пылающими волосами.

На стук проводника дверь открылась.

— Трижды великий царь Атлантиды предоставил этот дворец в ваше распоряжение, — сказал проводник царю Ашура, протягивая руку.

Почетная стража атлантов потрясла копьями и ударила ими о щиты в знак салюта, и гости вошли во дворец.

II. СЕЛЬ

— Какая душная ночь! Эта бронзовая облицовка за день так накаляется, что даже ночью дышать нечем. Надо сказать нашему архитектору Кунтинашару, чтобы он выстроил мне дворец из пористого камня, как у Шишена-Итца. Открой завесу, Ца!

Старуху, няньку царевны Сель, звали Гу-Шир-Ца. Но Сель с детства называла ее кратко: Ца.

Старуха отдернула лиловую завесу, расшитую серебряными лилиями. В открывшейся раме между колоннами сверкнула полоса поверхности океана, переливающаяся лунным серебристым светом. В комнату ворвался свежий ветер и колыхнул широкие концы пояса Сель.

Сель стояла у столика из слоновой кости, заставленного коробочками из яшмы, хрустальными и золотыми флаконами удлиненной формы, миниатюрными чашечками из оникса и сердолика для белил и румян и маленькими статуэтками.

В протянутой руке она держала зеркало из полированной бронзы. Полотняный кусок материи с вытканными змеями и цветами, узко стянутый у бедер, прикрывал ее тело до пояса. Сверх полотна был повязан темно-синий широкий пояс, за-

вязанный узлом у живота. Концы пояса спускались ниже колен. Грудь, шея и руки были обнажены. Руки выше локтя были перехвачены браслетами в виде обвивавшихся змеек. Мелкая чешуя их отливала зеленоватым золотом. На их приподнятых головках сверкали изумрудные глаза.

Сель любовалась собой в зеркало, поправляя распущенные черные волосы.

С одной стороны девушка была освещена красным огнем высокого бронзового светильника, с другой — голубым лучом луны, падавшим сквозь высокие колонны.

Бронзовое зеркало несколько золотило ее смуглый цвет кожи, и вместе с двойным освещением ее лицо, отраженное в зеркале, приобрело необычайно сложную окраску.

— Ца, сделай мне прическу. Много приехало гостей на праздник?

И Сель улеглась на низкую кушетку, покрытую шкурой леопарда.

— Едут и едут... Одних царей шестнадцать уже приехало... Царь Шеркурлы, Агада, Эреха, Ура, Ишаа, Марсама, Атцора — всех не перечесть... Могуч Гуан-Атагуераган! Весь мир покорили атланты. Взять, к примеру, хотя бы царя Ашура. Каково ему-то на поклон ехать! А не откажешься...

— Ца, какой я сегодня сон видела! Будто мою голубку схватил коршун и уносит. Я стала кричать, а голоса нет... Вдруг орел поднялся — и камнем на коршуна! И они задрались так, что летели перья. Но тут я проснулась. Какая досада!.. Я так и не узнала, спас ли орел голубку... Как ты думаешь, что означает этот сон? Спросить разве у Эльзаира? Он хорошо толкует сны.

— И спрашивать нечего. Я сама растолкую. Голубка — это ты. Из-за тебя уж давно пух и перья летят: ссорятся женихи, значит. Вот слыхала я, что царь Ашура опять сватается за тебя. Он и в прошлом году сватался.

— Этот черный, с длинной бородой в кудряшках? Ни за что! Чтобы я поехала с этим коршуном на край света, оставила свою прекрасную страну? Ни за что!

— Слово царское — закон. Не все по нашей воле делается!

— Я сама себе — слово царское. Ну, это мы посмотрим! Что ты долго возишься с прической?

— Готово. Какое платье прикажешь подать к завтрашнему празднику?

— Завтра не платье, а латы, меч и копье!

И она сделала резкое движение рукой, как бы рассекая мечом воздух. Под тонкой кожей заиграли хорошо развитые мускулы.

— Я завтра еду с отрядом своих амазонок. Пусть знают все иностранные соколы и орлы, что дочери атлантов владеют копьем и мечом не хуже их воинов. Может быть, это отобьет у них охоту брать в жены амазонку[1].

Протянув плащ под правую руку, она свободным движением закинула конец его на левое плечо.

— Заколи на плече! Опять волочиться будет, — ворчливо сказала Ца и подала Сель булавку, сделанную из красной яшмы в виде человеческого сердца, пронзенного золотой стрелой.

Сель улыбнулась, взглянув на этот древний символ несчастной любви. Брошь была сделана рабом Адиширной-Гуанчем, ваятелем и придворным ювелиром.

— Что делает Адиширна-Гуанч? Как его Золотые Сады? Он успеет их закончить к празднику?

— Говорят, все готово. Он там, в садах.

— Я пойду посмотреть на его работу!

— Что ты, Сель!.. — замахала руками Ца. — Отец строго запретил входить в Золотые Сады, пока они не будут окончены. Завтра их откроют, тогда смотри сколько хочешь!

— Я потихоньку!.. У меня есть ключ.

— Ни один ключ не подходит к замкам, открывающим Золотые Сады.

— А мой подойдет!

Ца подозрительно посмотрела на свою воспитанницу.

— Откуда он у тебя?.. Уж не сам ли Адиширна-Гуанч преподнес его тебе?

— А хоть бы и так! — и, рассмеявшись, Сель обняла Ца. — Идем со мной, моя старушка...

Ца была обезоружена лаской своей любимицы.

— А вдруг отец придет туда и застанет тебя?

— Он сейчас занят своими государственными делами. Вот что: пройдем к нему и посмотрим, что он делает. Если у него с

[1]Женщины атлантов принимали участие в войнах, сражаясь наравне с мужчинами. — *Ларисон.*

докладом Шишен-Итца, то можно бродить безопасно в Золотых Садах хоть до утра.

Ца неодобрительно покачала головой, но поплелась, ковыляя, за девушкой.

III. ГУАН-АТАГУЕРАГАН, ЦАРЬ АТЛАНТИДЫ

Царь занимался государственными делами в длинной, узкой комнате без колонн. Стены были покрыты бронзовыми барельефами, изображавшими подвиги царей Атлантиды. Низ стен, на высоте двадцати локтей, был увешан цветными коврами с вытканными сценами из мифологии. Над самым потолком сквозь квадратные окна виднелось звездное небо. Другой ряд окон выходил во внутренние помещения дворца, на второй этаж. Сюда и забралась Сель со своей нянькой и заглянула вниз из-за шелковой занавески окна.

Гуан-Атагуераган сидел у узкой стены в конце коридорообразной комнаты на высоком троне из драгоценного дерева. Спинка трона украшалась золотым диском солнца. Львиные лапы, вырезанные из слоновой кости, поддерживали ножки трона.

По одну сторону стоял в длинной черной одежде один из жрецов — Вестник Солнца, — который совершал объезды владений Атлантиды.

По другую сторону — любимый жрец царя — Шишен-Итца.

У трона на разостланной по мозаичному полу шкуре пещерного медведя лежал на животе раб-скорописец.

Перед ним стоял небольшой пюпитр с листами папируса, тушью и кисточкой.

Царь сидел, устремив неподвижный взор в пространство, и медленно диктовал.

— Пиши: «Я — царь, могучий, почитаемый, исполин, первый, сильный, отважный, лев и богатырь Гуан-Атагуераган, могущественный царь, владыка Атлантиды. Я — непреодолимое оружие, разрушитель городов, попиратель врагов, царю Уруазала, поднявшему восстание против власти моей, — гнев мой падет на тебя.

Я воздвигну пирамиду из голов непокорных. С живого сдеру кожу твою и растяну ее на городских воротах, как охотник

растягивает шкуры затравленных зверей. Я воздвигну столб перед воротами города, со всех бунтовавших вельмож я сдеру кожу и этими кожами обтяну тот столб, как сделал это в Мушизимбардуне. Иных я посажу на колья, вверху столба, а еще иных на колья, расставленные вокруг него. Я отрежу пленным ноги и сложу в кучи. Я отрежу уши, носы и руки. Подростков обоего пола я сожгу живьем.

И гнев мой постигнет тебя даже у края земли...»

— Перепиши приказ и поставь мою печать, — обратился он к Шишену. — Пошли тысячу кораблей с Непобедимыми Легионами, — обернулся царь к Вестнику Солнца, — и пусть они не оставят камня на камне. Власть атлантов должна стоять незыблемо, как сама земля!

До сих пор это так и было. Бронзовое оружие, неисчислимый флот и расчетливая дальновидная политика подчинили атлантам все известные народы мира. Их власть, как бронзовое кольцо, опоясала земной шар. Там, где трудно было достигнуть цели одной силой оружия, атланты пускали в ход политику. Пользуясь междоусобными войнами, они приходили на помощь одной из воюющих сторон, брали под свою защиту, побеждали врага и постепенно подчиняли своей воле оба враждующих государства. У атлантов завязались торговые сношения с отдаленнейшими государствами. Цивилизация атлантов, их архитектура, астрономия, медицина проникли во все страны мира. Изменяясь на новых местах, эта цивилизация все же сохраняла свои основные черты. Лишь тайны своей металлургической промышленности, секрет выработки бронзы, которой придавалась крепость стали, бережно хранились атлантами.

Восстания были редки. Но если они были, их подавляли с беспощадной жестокостью. Высота научных знаний касты жрецов и варварская пышность и жестокость правления уживались в Атлантиде.

Покончив с Вестником Солнца, царь обратился к Шишену-Итца:

— У тебя что?

— Трижды великий, могучий, непобедимый...

— Короче. Мы одни, и у меня немного времени до восхода солнца.

— Верховный Совет жрецов просит подтвердить на новый

год прежний порядок взимания десятины в пользу храмов со всех государственных доходов.

— Довольно будет и пятой части. Жрецы скоро будут богаче меня.

— Но это вызовет недовольство и даже, может быть...

Царь нахмурил брови. Над его длинным носом легли две глубокие складки — признак сдерживаемого гнева.

— Что такое?.. Недовольство?.. Жрецы забываются. Они берут на себя слишком много. Они хотят управлять от моего имени. Я не могу потерпеть ограничения моей власти!.. На заседаниях Верховного Совета жрецы стараются подавить мой авторитет авторитетом своих знаний. А если я и настаиваю на своем, они призывают авторитет божества. Воля богов для меня священна, но так ли интересуются боги нашими земными делами, как это представляют жрецы? Довольно! Я слишком долго терпел своеволие! Отныне в Совете вместо семи Верховных жрецов будет только три. Четыре места я отдаю военачальникам и лицам царствующего дома Посейдонисов. Заготовь приказ!

Шишен-Итца вытер ладонью выступивший на лбу холодный пот.

— Великий царь...

— Довольно слов! Я хочу быть великим на деле...

— Пусть гнев твой обрушится на меня, но это невозможно...

— Ну, теперь они не скоро кончат, — шепнула Сель и, дернув няньку за одежду, побежала по крутой малахитовой лестнице.

Нянька ковыляла вслед за нею, тряся старой головой.

— Быть беде... быть беде... Не может быть здорово тело, когда руки ссорятся с головой...

— Что ты ворчишь там?

— Нельзя обижать жрецов! Гнев богов страшнее царского гнева!

IV. АДИШИРНА-ГУАНЧ

Сель подошла к высокой золотой стене, ограждавшей Золотые Сады. У стены была низкая дверь. Вынув из-под плаща бронзовый ключ, Сель открыла замок, пружина которого издала мелодичный звон. Тяжелая дверь подалась с трудом.

— Идем!

Ца тяжко вздыхала и колебалась.

— Ну, оставайся здесь, если боишься. Я одна пойду! — решительно сказала Сель и проскользнула в полуоткрытую дверь.

Сгорбившись, кряхтя и мотая головой, старуха последовала за нею.

В проходе она зацепилась платьем за острый край золотого листа и изорвала платье.

— Не к добру это... не к добру, — ворчала она.

А Сель уже стояла на высокой площадке и смотрела как зачарованная на волшебную картину, расстилавшуюся перед нею.

Золотые Сады спускались широкими террасами. Каждая терраса сверкала в лунных лучах своими золотыми деревьями, листьями, плодами, феерическими цветами. Все это было вычеканено из золота и серебра. На цветах сидели бабочки, раскрыв свои крылья, на ветках — птицы; свернутые ужи, громадные ящерицы и улитки виднелись в золотой траве. Целые поля маиса были вычеканены из золота и серебра с волшебным искусством. По обе стороны дорожки, усыпанной золотым песком, дремали громадные золотые львы.

Самый сильный ветер не мог поколебать ни одной ветки, ни одного листа в этом необычайном саду.

Сель долго не могла оторваться от этой картины...

Даже старуха Ца, забыв о своем неповиновении царскому слову, в восторге хлопнула кривыми, костлявыми пальцами по коленям и воскликнула:

— Вот так внук!

— Какой внук? — с недоумением спросила Сель.

— Адиширна, внук он мне...

— Я и не знала!.. Отчего же ты не говорила мне об этом?

— Мы люди маленькие, кому интересно наше родство. А только нельзя не похвалиться. Ведь этакие способности дали ему боги!.. Не всякому и жрецу впору сделать такое... А так рабом и умрет... Что делать!.. Одному на роду написано царствовать, а другому быть рабом... Каждому свое...

— Я и не знала, — сказала еще раз в задумчивости Сель. — Да... Одному царствовать, а другому быть рабом. Но боги или люди создали это разделение?..

Ца взмахнула руками.

Не дав ей ответить, Сель быстро заговорила:

— Слушай, Ца, ты ведь меня любишь?.. Ну, конечно! Я знаю. Не целуй край моего плаща. Так слушай, Ца: сиди вот здесь, на этом золотом льве — не бойся, он не проснется и не тронет тебя. Сиди смирно и дожидайся меня. Я скоро вернусь... Я одна!..

Прежде чем Ца успела открыть рот, Сель уже бежала вниз по золотистой дорожке.

На второй террасе были видны люди в коротких одеждах рабов. Некоторые из них имели только повязку у бедер. Они возились около фонтанов.

Около группы склоненных рабов стоял стройный юноша в черной короткой рубахе, перетянутой широким кожаным поясом. Руки выше локтей и широкая грудь его были открыты. Густые вьющиеся волосы стянуты узким ремешком. Несмотря на этот простой костюм, юноша был прекрасен, как молодой бог.

Это был раб Адиширна-Гуанч, гениальный художник, скульптор и ювелир.

Сель подбежала к нему сзади и в смущении остановилась.

Рабы прервали работу и подняли голову. Адиширна повернулся и замер от удивления...

— Ты?!

— Я пришла посмотреть на работы, — сказала она. — Что ты тут делаешь?..

Чтобы скрыть смущение и радость, художник с жаром принялся объяснять:

— А вот посмотри. Струи фонтанов сделаны из бриллиантов. Мы сейчас оживим их!

Наклонившись к колодцу в земле, он крикнул на берберском наречии:

— Ширан, дай свет!

Фонтан осветился лучом света, идущим из-под земли. Свет переливался цветами радуги, скользил внутри бриллиантовых струй фонтана, и это создавало иллюзию струящейся воды.

Сель была по-детски восхищена.

— Да ты колдун, — сказала она, смеясь, и поправила крас-

ную розу на своей груди. — Покажи, что здесь есть еще интересного.

— Вон там пруд...

— Идем! — повелительно сказала она.

Сель и Адиширна отделились от рабов и подошли к уединенному пруду.

— Вода в нем сделана из горного хрусталя!

Адиширна наклонился к земле, повернул скрытый рычаг, и пруд осветился голубым светом.

Еще один поворот рычага, и в хрустальной глубине медленно поплыли золотые рыбки, шевеля плавниками и хвостиками.

— Колдун, колдун! — И, по-детски восхищенная, Сель захлопала в ладоши.

— Здесь нет колдовства, — сказал художник, и румянец удовольствия покрыл его смуглые щеки. — Законы механики, не больше! Все эти птицы, — и он махнул рукою по направлению веток с сидящими птицами, — могут петь и махать крыльями. Желаешь посмотреть?

— Нет, не надо... — сказала Сель и задумалась. — Скажи мне, Адиширна, как пришла тебе в голову мысль создать этот волшебный сад?

— Как пришла мне в голову эта мысль? — медленно проговорил художник, опуская голову.

Он что-то обдумывал и, казалось, колебался. Потом, решительным движением вскинув голову, он взглянул прямо в глаза Сель.

— Вот как... Для меня этот сад — символ.

— Что же он означает? — спросила Сель, несколько смущенная пристальным взглядом художника, но не опуская глаз.

— Посмотри на этот сад! — с воодушевлением начал художник. — Ты видишь в нем роскошные плоды, но не можешь насладиться их вкусом. Ты видишь диковинные цветы, но не можешь сорвать их. А если захочешь сделать это, они только больно уколют руки. Здесь все чарует глаза и ничто не доступно для обладания... Жизнь — это тот же Золотой Сад...

Вздохнув, художник опустил голову и замолчал.

Молчала и Сель.

Потом, подойдя к нему ближе, она спросила взволнованным, тихим голосом:

— Ты... ты хотел бы обладать всеми цветами мира?

— Только одним! — воскликнул художник, вновь окинув ее горячим взглядом.

— Каким же? — спросила Сель.

— Этот цветок ты! — страстно воскликнул юноша.

— Но ты забыл, что сад, в котором растет этот цветок, для тебя запретный, — лукаво смеясь, возразила Сель и, повернувшись, побежала к ждущей ее Ца.

V. ПРИ СВЕТЕ ЗВЕЗД

Синий купол звездного неба покрывал Атлантиду.

На вершине огромной пирамиды, у храма Посейдониса, жрец Эльзаир, астроном и астролог, наблюдал движение небесных светил.

На обширной площадке, мощенной шашками черных и белых мраморных плит, стояли различные астрономические инструменты из бронзы.

Астроном записывал на бронзовых пластинках свои наблюдения. Он макал стилос, сделанный из вещества, не растворяющегося в едких кислотах, в стеклянный сосуд в виде раскрытой пасти льва, и наносил на пластинку знаки, напоминающие ассирийскую клинопись. Кислота выедала на пластинках эти знаки неизгладимыми темными углублениями. Небольшая глиняная лампа, изображающая дельфина, с волокнистым фитилем, вставленным в масло, бросала слабый свет на полированные таблицы.

Жрец так был погружен в свое занятие, что не слыхал, как в люк, закрывавший вход на площадку, постучались.

Стук повторился.

— Кто там?

— Именем Солнца!

Жрец поднял люк, и на площадку вошли пять жрецов: Кунтинашар — архитектор и математик, Анугуан — историк, законовед и дипломат, Зануцирам — химик и инженер металлургической промышленности, Агушатца — врач и Нуги-Эстцак — философ и хранитель культа...

— Как твои наблюдения, Эльзаир? — спросил Кунтинашар.

Эльзаир развел руками:

— Или в моей голове, или в небе творится что-то неладное. Планеты сдвигаются со своих орбит, и даже все неподвижные звезды будто сдвинулись немного вправо с предначертанного им в вечности места... Смотри сам...

Кунтинашар подошел к инструментам, внимательно осмотрел их, произвел градусные измерения, проверил цифры таблиц и пожал плечами:

— Да, загадочное явление...

— Я сообщу об этом Ацро-Шану, хранителю Высших Тайн. Если не сумеет и он объяснить, то одни боги знают, что творится в небесах!

— Просматривал ли ты таблицы за прежние годы? — спросил историк Анугуан.

— Я просмотрел уже за четыре тысячи пятьсот лет. Ничего подобного в записях не встречается.

— Ну, вот что, — произнес Зануцирам, — вы, звездочеты и математики, интересуетесь только небом, а нам интересно то, что творится здесь, на земле. Нуги-Эстцак, посмотри, хорошо ли прикрыта подъемная дверь!

— Кого?.. — спросил рассеянно Нуги-Эстцак.

Философ не слышал вопроса. Мысли его были далеко.

Посмотрев на него и безнадежно махнув рукой, Зануцирам подошел к двери, поднял ее, убедился, что внизу никто не подслушивает, и, плотно закрыв, сказал вполголоса:

— Мы одни... Агушатца, скажи, что ты сегодня узнал во дворце?

Агушатца осмотрелся кругом, как бы не доверяя и этому уединенному месту, и так же тихо начал говорить:

— Плохие новости... Царь жаловался на боль головного мускула[1], и я был у него... Ничего серьезного.

— Ничего серьезного? Да, это плохие новости, — с иронией проговорил Зануцирам.

[1]Не только на бронзовых таблицах атлантов, но на ассирийских клинописях, трактующих о болезнях, встречается это упоминание о «головном мускуле»; точно нам не удалось установить смысла этой фразы. — *Ларисон.*

— Есть хуже, — продолжал Агушатца. — Возвращаясь из опочивальни царя, я встретил царского скорописца. И он успел шепнуть мне, что Гуан-Атагуераган уменьшил наши доходы наполовину и изменил не в нашу пользу состав Верховного Совета.

— Этого надо было ожидать...

— Так дальше продолжаться не может!

— Здесь нас пять из семи членов Верховного Совета. Великий Ацро-Шану, хранитель Высших Тайн, живет в тысячелетиях — он выше наших забот. Шишен-Итца с тех пор, как царь пленился его дочерью и «породнился» с ним, взяв ее в свой гарем, готов лизать царские пятки. Только мы одни можем защитить интересы великой касты жрецов. Мы — соль Атлантиды. Мы — истинная сила ее. Мы храним знания, накопленные десятками тысячелетий.

— Так откажемся строить, откажемся лечить, выделывать бронзовое оружие и строить корабли — и царь сразу почувствует, что значит ссориться со жрецами!

— Нож хочет перестать быть острым, а солнце горячим? — с улыбкой произнес архитектор Кунтинашар. — Не забросят ли нож и не разведут ли костры, если угаснет солнце, чтобы обогреться? Ты увлекаешься, Агушатца. Это опасный путь!.. А что, если обойдутся без нас? Посмотри на этого выскочку, раба Адиширну-Гуанча. Он не накоплял знания тысячелетиями, как наша каста, и он вырос в грязи, а сумел создать произведения, достойные богов. Он был и остался рабом, и тем не менее мне, великому Кунтинашару, приходится завидовать этому мальчишке! Да, завидовать! Перед вами я не скрываю этого. Когда приезжают иноземцы, что поражает их больше всего? Не мой маяк, а его бог Солнца, на чьей ладони мы помещаемся сейчас со всеми нашими храмами и пирамидами. «Кто создал это чудо?» — спрашивают иноземцы. Раб. Не я!.. Как это перенести? А среди этого сброда найдется немало таких, как Адиширна. Мы держим их в полуживотном состоянии и этим охраняем наши законные права. Но что, если развяжут их скрытые силы?.. Твой план, Агушатца, никуда не годится...

— Но что же нам предпринять?..

— Надо убрать неугодного нам царя.

Эта мысль была у всех жрецов, но никто не осмеливался высказать ее первой.

И они сидели в выжидательном молчании.

— Ты — философ, Нуги-Эстцак, — нарушил молчание жрец-архитектор, — скажи нам, что бы ты сделал, если бы камень преградил тебе дорогу?

— Чтобы решить эту задачу, не нужно быть философом, — простодушно ответил Нуги-Эстцак, — на это хватит ума и у раба. Я отбросил бы ногой камень в сторону...

Жрецы переглянулись и поняли друг друга.

— Да, но как это сделать?.. — задумчиво произнес архитектор.

— Вот как, — добросовестно показал философ, шаркнув своей сандалией по скользким плитам.

Жрецы улыбнулись.

— Если бы это было так просто! — произнес архитектор.

— А что этот... головной мускул, — обратился к Агушатце астроном, — чем его излечивают?

— Настой из двенадцати горных трав, собранных на заре в новолуние.

— Нет ли чего-нибудь покрепче? Да, покрепче! Чтобы сразу мускул этот самый головной...

— Есть, конечно. Но, может быть, ты сам подашь царю это питье «покрепче», Эльзаир? Первый глоток он заставляет выпить раба, второй — меня, а потом пьет сам.

— Какое возмутительное недоверие к жрецам!..

— Бросим загадки, — сказал Кунтинашар, — Гуан-Атагуераган обречен нами на смерть!..

— История знает такие примеры, — воскликнул историк Анугуан, — 8227 лет тому назад жрецами был убит царь Абунарцалаган, 5016 лет тому назад был такой же случай царе-убийства «для блага великой Атлантиды». Так и записано в летописи нашего тайного архива: «для блага великой Атлантиды».

— Но жрецам, — сказал Кунтинашар, — не следует принимать непосредственного участия. Надо создать дворцовый переворот. Пусть это будет делом рук брата царя — Келетцу-Ашинацака. Маленькому князьку Атцора[1] заманчиво сделать-

[1]Атцор вместе с Атлантидой погибли на дне океана. На поверхности остались лишь вершины гор, составляющие теперь Азорские острова.

ся властелином мира. Его не трудно будет убедить в том, что он законный наследник, неправильно устраненный от престола. За доказательствами дело не станет. Можно призвать на помощь магию и астрологию — это по твоей части, Эльзаир. Возведенный на престол с нашей помощью, он будет послушным орудием в наших руках. Воспользуемся его приездом на праздник Солнца и посвятим его в наш план.

— Этот план лучше других, — сказал Анугуан, толстенький старик с полузакрытыми глазами. — Но здесь есть одно препятствие: Келетцу-Ашинацак родился с сердцем овцы. Он вялый, нерешительный и боязливый. Едва ли нам удастся склонить его на такой поступок... Что ж, попробуем! А если не удастся, про запас у меня имеется план получше... Я имею сведения, что среди рабов...

В подъемную дверь кто-то сильно постучал три раза.

Жрецы переглянулись, быстро разошлись в разные стороны и сделали вид, что углубились в астрономические наблюдения за звездами.

— Три стука... Царь... — шепнул Эльзаир и открыл люк. Вошел царь в сопровождении двух вооруженных белокурых телохранителей и жреца Шишена-Итца.

Царь подозрительно оглядел жрецов.

— Почти весь Верховный Совет совещается со звездами? — сказал царь, иронически улыбаясь.

— Великий царь! Звезды меркнут, когда восходит солнце! — певуче, на придворный манер, произнес Эльзаир.

— До зари еще далеко! — холодно отстранил царь льстивое приветствие Эльзаира. — Составь мне гороскоп на завтра. Мне хочется узнать, успешно ли пройдет завтрашнее празднество, на которое съехались все мои вассалы.

— Гороскоп составлен, трижды великий владыка. Звезды благоприятствуют тебе. Вот он: «Государю-царю моему доношу я, Эльзаир, главный астроном города Посейдониса. Привет с пожеланием мира царю моему. Да будут милостивы боги к царю-государю моему. В шестой день месяца Ану приступили мы к наблюдению нашему, и видели мы...»

Царь слушал и исподлобья испытующе смотрел на присутствующих.

Лица жрецов были непроницаемы...

VI. ПРАЗДНИК СОЛНЦА

Ночь была на исходе. Воздух посвежел. Побледнели звезды. Потянуло предутренним ветерком. На огромной площадке, обрывающейся на востоке крутыми утесами к океану, при свете факелов служители храма спешно заканчивали убранство алтарей. Рабы снимали лестницы, веревки, брусья, окончив декоративные работы. Наконец все было готово.

Наступил великий годовой праздник Солнца.

К нему Посейдонис готовился целые месяцы. Это был не только религиозный праздник. Это была демонстрация, которая должна была показать всем приезжим подвластным царям и правителям великолепие, богатство и могущество метрополии.

С горы, от Священного Холма, по горной извилистой дороге показались огни, вытягиваясь и изгибаясь вдоль пути, как длинный светящийся змей. В тишине ночи послышались визгливые звуки флейт, громыхание бронзовых колесниц, тяжкие вздохи громадных слонов.

Головная колонна уже входила на площадку, разливаясь по ней огнями факелов, а светящийся хвост процессии еще виднелся на Священном Холме.

Впереди шел отряд воинов, сверкавших бронзовым вооружением, за ним — жрецы в роскошных тяжелых служебных одеяниях, усыпанных драгоценными камнями. На черных носилках, с золотыми дисками солнца по сторонам, четыре служителя храма несли самого Ацро-Шану — великого Верховного жреца, хранителя Высших Тайн, который один раз в год, в праздник Солнца, оставлял свой недоступный даже многим жрецам дворец у храма Посейдониса и являлся миру.

Он считался самым старым человеком на земле. Одни определяли его возраст в двести лет, другие — еще более. Народ был уверен в его бессмертии.

Иссохшее, морщинистое лицо его напоминало мумию. Густая белая борода достигала колен. На этом безжизненном пергаментном лице большие, молодые, горящие как угли глаза производили жуткое впечатление.

Толпа невольно отхлынула. Многие рабы пали на колени.

Верховного жреца бережно усадили на высокий престол пред главным жертвенником. Остальные жрецы заняли свои места у жертвенников, расположенных полумесяцем, замыкавшим выступ площадки. В центре этого полумесяца стоял еще более высокий трон царя атлантов, на семидесяти двух постепенно суживающихся мраморных ступенях.

Вверху спинки трона был укреплен большой бронзовый диск солнца, поддерживаемый двумя переплетающимися бронзовыми змеями. Вокруг этого трона расположены были семьдесят два трона царей главнейших стран, подчиненных Атлантиде.

В шествии этих царей, окруженных придворной стражей, были представлены все окраски и оттенки человеческой кожи — от черной, как эбонит, кожи нубийцев до белой, как слоновая кость, северных галлов; все одежды, все разнообразие вооружения и украшений.

Когда прибывшие заняли свои места, все огни внезапно были погашены, как будто опустили темный занавес на весь этот пестрый, разноплеменный человеческий муравейник.

Только вверху мерцали побледневшие звезды.

Резко прозвучала большая бронзовая труба, и вдруг стало тихо. Если бы не пофыркивание коней и слонов да случайный лязг медного вооружения, от времени до времени нарушавшие тишину, можно было подумать, что вся громадная площадь пуста...

Среди этой жуткой тишины вдруг раздался голос жреца. Высоким тенором, надрывно, с переливами и неожиданными паузами, так же неожиданно прерываемыми вскриками, он пел об ужасах мрака, таящего в себе неведомые опасности, о страхе смерти, о тоске души, лишенной солнца...

Как бы в ответ на этот вопль раздался хор детских голосов. Хор пел однообразную, заунывную мелодию, а жрец покрывал ее своими плачущими переливами...

Вдруг, как будто из недр земли, послышался тихий хор басов. Он незаметно вплелся в хор детей, как шум прибоя.

Наконец тысячи бронзовых труб огромного органа, приводимого в движение паром, потрясли прибрежные скалы — и вдруг все сразу смолкло...

Резкий, неожиданный переход к полной тишине потряс толпу больше раскатов грома...

Нервы присутствовавших были напряжены до последнего предела. Люди в толпе сдавливали руками грудь, будто им не хватало воздуха, падали на землю, некоторые рвали на себе волосы...

Но ритуал был построен искусной рукой. В этот самый последний, крайний, опасный предел первого напряжения, среди страшной тишины, которая, как обрушившаяся скала, придавила всех, послышался простой, спокойный, задушевный старческий голос Верховного жреца. Не пение, а молитва, похожая на простую беседу, полная тихой ласки и надежды.

— Бог-Солнце, услышь наше моление и даруй страждущему, истомленному человечеству свой благостный свет...

К невидимому жрецу из толпы протягивались руки...

— Ты один — защитник наш...

— Спаситель...

— Заступник пред всемогущими богами... — слышались сдержанные, рыдающие выкрики из толпы.

Слабый голос Верховного жреца окреп. Он уже не молил, а почти приказывал богу:

— Озари благостным светом народ твой, трижды священный бог; теплом твоим, как покрывалом, покрой землю твою, да произрастит она плоды на потребность человеку. Дай лицезреть нам сияющий лик твой!..

Читая молитвы, жрец наблюдал за песочными часами. Они стояли на алтаре, скрытые от глаз толпы священными сосудами.

Восток заалел. Черная фигура жреца уже ясно выделялась на розовом фоне неба. И вдруг жрец протянул руку с жезлом и громким, повелительным голосом воскликнул:

— Явись!.. Явись!.. Явись!..

И, словно послушный его воле, из-за горизонта брызнул золотой луч, сверкнул край солнца, и оно поднялось, сияющее, над океаном и сразу залило своим светом площадку, загорелось на полированной бронзе воинов, засверкало на парче и бриллиантах царей и жрецов и всю землю наполнило яркими красками. Будто только теперь из-под земли поднялись

высокие мачты, увитые розами, арки из зелени и живых цветов, яркие флаги и пестрые ковры...

Весь океан, насколько мог охватить глаз, был покрыт разукрашенными пятипалубными кораблями неисчислимого флота атлантов...

«Да, могуч царь Атлантиды, и трудно бороться с ним», — невольно думали гости, глядя на усеянный судами океан.

Воины ударяли медными мечами о щиты, радостный крик понесся по океану навстречу солнцу...

Тысячеголосый хор запел гимн Солнцу — трижды священному богу, жизнеподателю, светлому, сильному, радость несущему.

Ритуал закончился обычными жертвоприношениями быков и тельцов. На пылающий жертвенный огонь были пролиты вино и масло.

От бронзовых курильниц прямыми столбами, розовыми в лучах восходящего солнца, поднимались еще клубы дыма душистых трав и смол, когда по трубному сигналу толпа всколыхнулась, чтобы идти на поле бога Войны, где предстоял парад войскам.

Вторичный звук труб заставил толпу двинуться в путь.

Шествие растянулось лентой по прекрасной военной дороге, которыми славилась Атлантида.

Весь путь был усеян цветами и зелеными ветками.

Впереди шествия на высоком золотом шесте, увитом красными розами, сверкал диск солнца.

На повороте дороги, перед самой колесницей царя, вдруг выросла фигура старика.

На нем была накинута одежда из разорванной шкуры козленка. Длинные, взлохмаченные седые волосы головы и борода покрывали его до пояса. На бронзовом от загара лице пылали большие умные глаза.

Старик властным движением руки остановил колесницу царя.

Стража бросилась к старику, но царь сделал жест рукой, и воины отошли в сторону.

Царь боялся и уважал старика На-Шана, пророка и прорицателя.

— Во что еще бить вас, — грозно закричал старик, — про-

должающих ваши беззакония?.. Вся голова больна, и все сердце в скорби... От стопы ноги до головы нет ничего целого... Язвы, и багряные пятна, и гноящиеся раны, не очищенные от гноя, не перевязанные и не размягченные маслом...

Его голос перешел в истерический крик:

— Земля ваша пуста! Ваши города будут сожжены огнем и опустеют от безлюдья, и земля обратится в пустыню. Где была тысяча виноградных лоз, вырастет терновник и колючий кустарник, и во дворцах царей возрастет репейник и на укреплениях — терновник... Совы и демоны будут перекликаться в развалинах... Вот грядет гнев бога, и огонь пожирающий поглотит вас... Горе, горе, горе!..

Толпа притихла в благоговейном ужасе. Царь слушал смущенный, но старающийся сохранить вид невозмутимого величия.

«Неужели гнев богов, — думал царь, — обрушится на меня? В чем я согрешил перед ними?..»

И вдруг его взгляд встретился с устремленным на него взором жреца Кунтинашара. И взор показался царю полным укора и угрозы...

Их взгляды скрестились, как мечи...

VII. АКСА-ГУАМ-ИТЦА И АТА

У склона скалы прилепился маленький глинобитный домик с плоской крышей. Маленькое квадратное оконце не имело рамы; двери из тонких досок на ременных завесах, прибитых бронзовыми гвоздями, были открыты.

В тени дома сидела старуха и пряла. Космы седых волос падали ей на лицо, изборожденное глубокими морщинами, и она время от времени отводила костлявой рукой прядь волос от ввалившихся глаз. Ее длинный нос почти соединился с выдающимся острым подбородком.

Перед нею на земле сидела хорошенькая худенькая девочка. Перебирая грязными ручонками камешки, она смотрела в лицо старухи.

— Ну, дальше, бабушка!

— Дальше. Да... о чем я?.. — шамкала старуха, связывая порвавшуюся нить пряжи.

— О Золотом веке — как же ты забыла, бабушка?

— Да, да... О Золотом веке... Ну, вот, говорю я, давно, давно это было...

— И все было золотое?.. И хлеб золотой? И камни и яблоки?

— Время было золотое... Все люди жили счастливо, как боги на небе. Не было ни царей, ни рабов, ни бедных, ни богатых. Бог-Солнце грел, ласкал и баловал людей, как любимого первенца. Из зеленых ветвей люди делали себе пояса и венки на голову и так ходили, свободные и радостные, среди садов, которые круглый год давали им сладкие плоды. Чистые источники утоляли жажду. Люди рождались среди цветов, наслаждаясь жизнью до глубокой старости, и мирно засыпали вечным сном, окруженные детьми, внуками и правнуками. И смерть их была так же легка, проста и спокойна, как закат солнца...

— А потом?

— А потом люди согрешили, и боги прогневались на них.

— Чем они согрешили?

— Они захотели быть равными богам и все знать.

— И боги отняли у них этот Золотой век?

Послышались шаги.

К дому подходил Акса-Гуам-Итца, сын жреца Шишена-Итца. На нем была черная шелковая туника, расшитая по краям золотым узором; на ногах его были легкие светло-желтые сандалии. Он подхватил девочку на руки, а она, смеясь, вырывалась.

— Здравствуй, бабушка! — сказал Акса-Гуам, опуская девочку на землю. — Ата дома?

— На работе. Скоро придет.

— Даже сегодня на работе?

— Для нас нет праздников...

— А старик Гуамф?

— В доме.

Акса вошел в помещение. Все оно состояло из одной комнаты, чисто выбеленной известкой и перегороженной домотканой полотняной занавеской с вышитыми на ней мелкими цветами. Грубый деревянный стол, несколько скамеек и шкафчик с глиняной посудой составляли всю меблировку. В углу поместилась домашняя мельница для помола зерен: ка-

менный куб и на нем каменный цилиндр с ручками. Рядом стояла высокая каменная ступа с пестом для выжимания масла. В другом углу, на мраморном постаменте, стояла небольшая статуя Бога-Солнца, прекрасная скульптура, сделанная еще в детстве Адиширной-Гуанчем.

Дед Гуамф, лысый, с седой бородой, сидел на лавке у окна и мастерил силки для птиц. При входе Акса-Гуама он поднялся и рукой приветствовал гостя.

— Сиди, сиди, дедушка Гуамф. С праздником! Что же ты не пошел на встречу Солнца?

— Куда уж мне! Там меня задавят, старика. Будет. Шесть десятков лет провести в сырых шахтах — это не шутка. А солнышко я и здесь встретил, как полагается. Слава ему, оно не гнушается посылать свет свой и нам, бедным рабам...

— А Адиширна-Гуанч где?

— Все возится со своими Золотыми Садами.

— Говорят, он создал удивительные вещи.

— А какой для него из всего этого толк? Одно только, что плетьми не бьют. У меня вот они какие, рубцы на спине от ременных осмихвосток. А состарится он и тоже будет, как я, птиц силками ловить, чтобы прокормить себя.

— Послушай, Гуамф. Тебе не приходили в голову мысли, что могло бы быть иначе?

— Как иначе-то?

— Но ведь всякому терпению может быть конец. Вас миллионы...

— Вот куда ты гнешь! Бунтовать? Пробовали. И бунтовали. Только что же из этого вышло? У нас кирки да лопаты, а у них мечи, острые копья...

— А если бы...

Гуамф неожиданно вспылил:

— Если бы... Если бы... Оставь! Не ковыряйся в старых ранах! Пусть грызут привычной болью...

Акса-Гуам опустил голову и задумался.

— Ну, однако, пойду я, — сказал он, поднимаясь. — Я, вероятно, встречу Ату на дороге... Прощай, старик!

— Да хранит тебя пресветлый бог!..

Не успел Акса-Гуам выйти из дома, как услышал на дворе чужие голоса и остановился. Выглянув из окна, он увидел, что

во двор вошли два человека в одеждах служителей храма. Акса-Гуам не хотел, чтобы они видели его здесь.

— Повивальная бабка Цальна здесь живет? — спросили они.

— Здесь, — отвечала Цальна, в испуге роняя веретено. — Я Цальна.

— Именем Солнца приказываю тебе явиться сегодня после захода солнца к воротам священного храма. Мы встретим тебя там и проведем дальше.

— Слушаю... — Цальна низко поклонилась. — Роды, осмелюсь спросить?

— Там узнаешь!

Служители храма удалились.

Акса-Гуам вышел из дома и пошел по белой, сверкающей на солнце дороге. Палящий зной умерялся тенью финиковых пальм и платанов.

По правой, надгорной, стороне лежали шахты, где добывали руду.

Слева, до самых берегов океана, насколько хватает глаз, раскинулись рабочие поселки. Жалкие глинобитные сакли прижимались друг к другу, как испуганное стадо.

В грязи маленьких двориков катались черномазые голые дети.

В шахтах, несмотря на праздничный день, шли работы.

Акса-Гуам спустился в одну из шахт.

Его жреческая черная одежда с вышитым золотом диском на груди служила ему пропуском.

Надсмотрщик склонил голову и протянул к нему руку в знак почтения.

Акса-Гуам небрежно кивнул головой и углубился в лабиринт шахт. Своды шахт были укреплены толстыми покосившимися бревнами. Кое-где мерцали небольшие масляные светильники. Было душно и жарко.

Выходящие газы не раз взрывались в этих шахтах от пламени светильников. Нередко происходили и обвалы. Рабочие гибли сотнями, но на это мало обращалось внимания: в них недостатка не было. Если руда была богатая, на месте обвала производили раскопки. Заживо погребенные рабочие выходили тогда из своих могил. Но если пласт руды был тонок или

обвал требовал слишком много времени на восстановление шахты, они просто забрасывались с зарытыми рабами, а шахта прокладывалась в другом месте.

Чем дальше пробирался Акса-Гуам, тем уже и ниже становилась шахта. Приходилось идти согнувшись.

Навстречу ему ползли на четвереньках рабы, впряженные в бронзовые корытца, наполненные рудой.

Некоторым из них Акса-Гуам кивал головой и тихо говорил:

— После вечерней смены... в старых шахтах...

Шахта сузилась еще больше.

Здесь, лежа на боку, забойщики рубили рудоносную почву бронзовыми кирками.

Нагнувшись к одному из забойщиков, Акса-Гуам шепнул ему:

— Скажи своим... сегодня после вечерней смены, в старых шахтах...

— Будем, — ответил забойщик и отер с лица обильные струи пота, застилавшие глаза.

Акса-Гуам вышел из шахты и вздохнул всей грудью.

Дальше шли поля, где месяцами обжигалась руда. Целые пирамиды ее высились кругом, курясь дымом. Под ними рабы день и ночь поддерживали пламя.

Акса-Гуам бросил им ту же фразу и пошел дальше.

Солнце жгло все сильнее. Дорога стрелой тянулась между курящимися пирамидами. Здесь было тяжело дышать, и Акса-Гуам, несмотря на усталость, ускорил шаги.

Груды обжигаемой руды кончились. Начались поля, где руду дробили и просеивали сквозь бронзовые сита.

Еще дальше потянулись каменные ограды, над которыми поднимались густые клубы дыма. Здесь помещались плавильные печи.

Рядом высилась еще более высокая стена, окружавшая целый город, где очищенные руды меди и олова превращались в сплав бронзы. Здесь же изготовлялось бронзовое оружие. Сюда никто не имел доступа, кроме жрецов, наблюдавших за работами. Рабы жили при заводах и не выпускались за ограду стены, которая охранялась стражей.

Ата работала у плавильных печей, перетаскивая в узкой корзине на спине шлак.

Акса-Гуам остановился у ворот. В ворота беспрерывной вереницей въезжали повозки с рудой, обратно — порожние. Рабы хлестали ослов, надсмотрщики — рабов. Полна движения была и дорога. Беспрерывным потоком двигались нагруженные поклажей ослы, лошади, верблюды и слоны. Свист плетей сливался с ревом животных и короткими выкриками рабов.

Женщины несли за спиной, в плетеных корзинках, детей.

За стеной прозвучала бронзовая труба, и рабы начали выходить из ворот.

Акса-Гуам стал в стороне на груде шлака.

— Ата!..

Одна из рабынь обернулась.

Черные удлиненные глаза ее сверкнули радостью.

Акса-Гуам повернулся и пошел вверх от дороги, по горной тропинке.

Ата, сестра Адиширны-Гуанча, последовала за ним на некотором расстоянии.

Вслед ей пронеслось несколько шуток и замечаний из толпы рабов:

— Бегай, бегай за ним! Он тебя в жены возьмет — во дворце жить будешь!

— Мало им гаремов своих. За рабынями таскаются! Тьфу! — со злобой произнес чернокожий раб и погрозил кулаком вслед удалявшейся паре.

Ата догнала Акса-Гуама за поворотом тропинки, скрывшей их от большой дороги.

Акса-Гуам протянул руки к Ате.

— Не бери моих рук, они грязны от работы... Я сейчас вымоюсь в ручье, — сказала она с краской смущения на лице.

Акса-Гуам взял ее за плечи и поцеловал в лоб.

— Что же ты не на празднике? — сказала Ата, плескаясь у горного ручья.

Позолоченные солнцем брызги падали на ее смуглую кожу. С невольной грацией она вытянула руки навстречу падающей сверху хрустально чистой струе.

Акса-Гуам залюбовался ею.

Она была так же хорошо сложена, как Адиширна-Гуанч. В такой же короткой черной рубахе, перетянутой ременным поясом, она казалась его младшим братом. Только тяжелая коса, закрученная на затылке, удлинявшая еще больше ее удлиненный череп атлантов, да контуры девичьей груди говорили о том, что она не мальчик. Кончив умываться, она сорвала дикий шиповник и приколола к волосам.

— Ну, вот... — и она сама протянула Акса-Гуаму руку.

Акса-Гуам горячо пожал ее, и рука об руку они углубились в густую тень лавровой рощи, к тому месту, где из расселины скалы ниспадал горный ручей.

Они сели.

Воздух был наполнен запахом полыни, горьких горных трав. Откуда-то тянуло ароматом цветущих апельсиновых деревьев.

Снизу, с дороги, доносился разноголосый шум.

Дальше виднелась полоса океана, греющегося в лучах полуденного солнца.

Высоко над ними лежало поле бога Войны.

Временами оттуда доносились громовые раскаты бронзовых труб и крики толпы.

Но в роще было тихо. Только звенящий многоголосый хор цикад стоял в воздухе... Однообразный, он сам сливался с тишиной. Это была звенящая тишина.

— Почему ты не на празднике? — с лукавой улыбкой повторила свой вопрос Ата. Она держала в руках сорванную ветку лавра и медленно обрывала листья.

— Оттого, что я здесь! — с такой же улыбкой произнес Акса-Гуам.

— А вдруг там заметят твое отсутствие?

— Ну что же! Отец посердится, тем дело и кончится. Довольно того, что я был на встрече Солнца. И, в конце концов, все это очень скучно. Наши войска будут ослеплять глаза иноземных гостей своей полированной бронзой, трубы будут так реветь, что лошади станут взвиваться на дыбы и падать на колени. Конечно, это величественное зрелище, но я видал его уже много раз. На свете есть более интересные вещи!.. — и он с ласковой улыбкой взглянул на нее.

— А потом? — спросила Ата, опуская длинные густые рес-

ницы, от которых под ее глазами ложились синие тени. — Что будет дальше?

— Потом будут военные игры. Затем уже при свете факелов состоится церемония подношения подарков. Это интереснее. Белолицые люди в меховых одеждах, говорят, привезли из гиперборейских стран живого белого медведя и какого-то диковинного зверя вроде рыбы, с круглой головой и сильными плавниками. Говорят, они водятся на краю света, где вода от холода становится твердая, как хрусталь.

Ата слушала с детским любопытством, широко открыв глаза.

— Где же эти животные?

— Они подохли от жары...

— Бедные звери!.. Ну, что же будет потом?

— Потом наш царь будет одаривать гостей тканями, редкими благовониями из душистых смол, корней и сока цветов, винами, золотом, камнями — всем, чем только богата наша страна, только не бронзовым оружием...

— А твоя сестра тоже на празднике? Ведь она теперь царица? — задала Ата неожиданный вопрос.

Акса-Гуам нахмурился.

— Нет, она не царица. Она будет в царском гареме. Отец, Шишен-Итца, в восторге от этой «чести»... Бедная сестра моя... Как она рыдала! Она ненавидит царя... Но я не допущу этого!.. — Акса-Гуам потряс сжатым кулаком. — Ну, довольно об этом. Скажи и ты что-нибудь мне про себя... Почему тебя поставили на эту тяжелую работу? Я уже не раз задавал тебе этот вопрос.

— Оставь, не все ли равно!

— Нет, на этот раз ты не уклонишься от ответа! Иначе я расправлюсь с тобой, как с рабыней!

И, взяв у нее ветку лавра, он шутя стал бить ее по плечу:

— Говори же, говори!

— Ну, слушай, если ты уж так настаиваешь. Я служила в доме жреца Кунтинашара. Однажды вечером, когда я ставила ему на ночь прохладное питье, он сказал мне:

«Ты нравишься мне, Ата. Я хочу иметь тебя в своем гареме». — «А ты не нравишься мне, Кунтинашар, и я не хочу быть в твоем гареме», — отвечала я.

— Так и сказала?! — восхищенно воскликнул Акса-Гуам, хлопая в ладоши.

— Так и сказала.

— Ну а он что?

— Он улыбнулся, считая это ответом девочки, которая говорит, не обдумывая своих слов: «Не забывай, что ты раба, а я господин твой. Иди ко мне!» Я стояла неподвижно. Он поднялся и пошел ко мне. Тогда я одним прыжком уклонилась от него и схватила короткий меч, лежавший у его изголовья. Он испугался и страшно рассердился. «Змея! — прохрипел он и вызвал раба, дежурившего за дверью. — Отправить ее немедленно на тяжелую работу в Черный город...» Вот и все...

— Какая смелость! — воскликнул Акса-Гуам. — Он мог тут же убить тебя этим же мечом. — И, улыбнувшись, он прибавил: — Да, не везет Кунтинашару. Твой брат заставляет зеленеть его от зависти, а ты... Но слушай, Ата! Так дальше продолжаться не может. Надо изменить все это. Ты знаешь, что я люблю тебя и для меня ты не рабыня. Отец никогда не согласится на наш брак, это противно законам. Но мы изменим законы. Мы всю Атлантиду перепашем бронзовым плугом!..

— Я знаю, что никогда не буду твоей женой. Эта мысль мне и не приходила в голову. Мне довольно твоей любви.

— Но я хочу, чтобы ты была моей женой. И не только это. Любовь к тебе мне открыла глаза на ужас рабства, несчастная судьба моей сестры — на ужас царского самовластья. И я увидел целый океан страдания рабов... Их заглушенные стенания преследуют меня, отравляют мне жизнь. Мне кажется, что в каждом из них стонет твоя душа. Освободить их, освободить тебя — вот что хочу я...

Ата смотрела на него широко открытыми глазами, в них светился ужас.

Но Акса-Гуам уже не видел ее. Он говорил, как в бреду:

— Я говорил с Адиширной, предлагая ему примкнуть к готовящемуся восстанию рабов. Он витает в грезах, он слишком художник, чтобы много думать об этом. Но и он примкнет к нам, ты увидишь. Его помощь необходима. Среди рабов уже давно идет брожение... Я стану во главе восстания. Я сам поведу их на Священный Холм. Мы овладеем арсеналами и

скрестим мечи с воинами царя. И мы победим их, потому что с нами правда!

В этот самый момент легкий волнообразный подземный толчок колыхнул землю.

Ата покачнулась и побледнела.

— Что это?..

— Мы не оставим камня на камне! А потом мы создадим новую, свободную Атлантиду, где не будет ни рабов, ни царей, а только радость свободного труда. И настанет вновь Золотой век!

Второй, более сильный толчок заставил Акса-Гуама вернуться к действительности. Колыхнулись листья деревьев. Небольшой камень, лежавший у самого края утеса, сорвался и покатился вниз, ударяясь о камни с постепенно замирающим цоканьем.

— Что-то эти колебания почвы стали повторяться все чаще!

Увидев бледное от испуга лицо Аты, он шуткой постарался успокоить ее:

— Видишь, Ата, сама земля содрогается от преступлений жрецов и царя!

Но Ата не улыбнулась.

Она с тоской посмотрела на Акса-Гуама и тихо прошептала:

— Не делай этого!

— Ты боишься?

— За тебя...

— Ты будешь с нами, Ата?

— Я умру за тебя...

VIII. В МАГИЧЕСКОМ КРУГЕ

В комнате уже находились жрецы: Кунтинашар, Зануцирам, Анугуан, Агушатца и Нуги-Эстцак.

— Вот и Эльзаир, — сказал Кунтинашар. — Нет только Келетцу-Ашинацака.

— По обыкновению, колеблется. Мы нарочно назначили это свидание в полдень, когда царь и весь его двор засыпают. Но Келетцу-Ашинацак придет за гороскопом, который я составил для него, — сказал Эльзаир.

— Его звезда, конечно, восходит?

— Так же верно, как то, что звезда царя Гуана-Атагуерагана заходит.

— Хорошо уметь повелевать звездами! — с улыбкой сказал Кунтинашар.

— Не смейся! Звезды не лгут, — обиделся астролог.

— Еще бы звезды лгали! Лгут только люди!.. Но не будем препираться. Анугуан, ты хорошо подготовил старуху?

— Цальна угадывает с полуслова. Хитрая старушонка! Надо ей бросить пару солнечных дисков[1]. Пусть они погреют ее старые кости.

Дверь открылась, и в комнату вошел брат царя Атлантиды — Келетцу-Ашинацак, царь Атцора, в сопровождении жреца Шитца.

Жрецы встали и подняли руки в знак благословения и приветствия.

— Да будет свет твоего величия с нами, — сказал Кунтинашар.

— Привет вам. Ну, как мой гороскоп, Эльзаир? Хорошо? Все благополучно?

У Келетцу-Ашинацака были близорукие глаза, которыми он пристально смотрел, закинув несколько голову. Его маленькие сухие ручки были в беспрерывном движении. Он суетливо теребил пальцами рыжеватую бороду. Только при торжественных выходах он сдерживал эти невольные суетливые движения, не приличествующие царскому величию.

— Слава Солнцу! Великий царь, твой гороскоп прекрасен! Звезды благоприятствуют тебе. Позволь мне прочесть. — И Эльзаир начал нараспев: — Великому и славному, могущественному властелину Атцора...

— Не надо, не надо... — замахал Келетцу сухими ручками, — главное!.. Да... главное говори... и своими словами... да...

— Твоя звезда, великий царь, в своем восходящем течении горела ярче всех и пересекла путь звезды трижды великого царя Атлантиды Гуана-Атагуерагана, и лучи его звезды померкли в лучах звезды властелина Атцора.

Келетцу-Ашинацак был взволнован, обрадован и испуган.

[1]На монетах атлантов изображались: на одной стороне диск солнца, а на другой — голова царя. Поэтому атланты называли иногда золотую монету «солнечный диск». — *Ларисон.*

— Что же это значит? Что это значит? — спросил он, обводя жрецов пристальным взглядом сощуренных, близоруких глаз и усиленно теребя рыжеватую бороду.

— Великий царь! — выступил жрец Анугуан. — Чтобы ответить тебе на этот вопрос, я изучил все бронзовые таблицы государственного архива со дня твоего рождения. И вот что узнал я: законный царь Атлантиды — ты.

— Я?.. Вот как! Но я младший? Хотя мы родились двойней!..

— Ты — старший, великий царь! Об этом говорят не только наши таблицы!

Анугуан подошел к стене, открыл потайную дверь и впустил Цальну.

— Вот повивальная бабка, которая принимала тебя и твоего царственного брата. Говори, старуха, кто родился первым: царь Келетцу-Ашинацак или Гуан-Атагуераган?

— Первым родился царь Келетцу-Ашинацак. Я хорошо заметила у первенца большую родинку на правом плече...

— Родинку?.. Да, у меня есть большая родинка на плече.

— Потом родился Гуан-Атагуераган. Когда младенцев омыли и показали родителю, трижды великому царю Атагуераган-Кукулькану, то он сказал, указывая на Гуана: «Вот первенец и наследник мой!»

— Но почему же? Почему!.. — обиженно воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Не гневайся, великий царь! Твоему родителю не понравился цвет волос на твоей голове. И еще: лицом ты был похож на овцу... И потом: ты родился слабенький, и отец боялся, что ты можешь умереть или будешь хилым царем...

— Хилым царем? Да? Так и сказал?

— Или хилым мужем — я уж точно не помню...

— Ты больше не нужна, Цальна, — сказал Кунтинашар.

И Цальна, низко кланяясь, удалилась.

Жрецы выжидательно молчали. Келетцу-Ашинацак сидел озадаченный, теребя свою бородку. Наконец Анугуан нарушил молчание.

— Великий царь! Я — хранитель законов. И я считаю, что во имя святости закона ты должен быть восстановлен в своих правах!

В близоруких глазках Келетцу вспыхнула радость, но он испуганно замахал ручками.

— Что ты!.. Что ты!.. А как же брат?

— Мы предложим ему уступить место добровольно. Если же он не согласится, то...

— Конечно, не согласится! Конечно! Столько лет царствовал — и вдруг...

— Если не согласится, то у тебя есть армия и флот. Часть войск и военачальников Гуана-Атагуерагана недовольна им. Среди подвластных Атлантиде царей ты всегда можешь найти союзников. Мы — с тобой. Тебе нужно лишь одно: заявить о своих правах. Остальное сделаем мы... с тобой и от твоего имени.

— Я не знаю... Это так неожиданно...

— Твои колебания понятны, великий царь, — сказал Эльзаир. — Родственные чувства... любовь к брату... Но наш земной путь предначертан на небесах. Если ты еще сомневаешься, то мы сделаем вот что. Данной мне богами властью я вызову тень твоего отца. Пусть он сам решит судьбу престола.

— Тень отца? — с испугом и интересом воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Да, тень отца! — И, отворив скрытую в стене дверь, Эльзаир повелительно сказал: — Войди!

Келетцу-Ашинацак нерешительно вошел. Жрецы последовали за ним.

Совершенно круглая комната, окрашенная в голубой цвет, с куполообразным потолком, напоминала небесное полушарие. Сходство дополняли разбросанные по куполу золотые звезды. В центре мозаичного пола из синих камней был выложен геометрически правильный круг со вписанным в нем пентаклем. Посреди круга возвышался узкий бронзовый трон, с диском солнца на верху спинки. По сторонам трона стояли два высоких бронзовых светильника в виде трех перевитых змей. Их загнутые хвосты служили ножками. Три золотые головки, с изумрудными глазами и открытыми, как для укуса, ртами, склонились над пламенем.

— Садись! — так же повелительно сказал Эльзаир.

Келетцу-Ашинацак боязливо переступил черту круга и взобрался по ступенькам на трон.

— Сейчас разорвется завеса времени!..

И Эльзаир, подняв руку, стал торжественно и протяжно произносить заклинания: АЦАН, ЦИТА, АТИЦ, НАЦА.

При каждом его слове пламя светильников меркло и наконец совсем погасло. Комната погрузилась в непроницаемый мрак.

У Келетцу-Ашинацака от нервного напряжения зазвенело в ушах и перед глазами пошли зеленые круги.

Томительное молчание длилось.

Вдруг вдали послышались нежные звуки флейты. В тот же момент на стене появилась змейка голубоватого света.

Световая змейка беспрерывно двигалась, то разгораясь, то бледнея. Ее движения и сила света были неразрывно связаны со звуками флейты. Мелодия звучала быстрее и сильнее — быстрее извивалась и ярче светилась змейка. Звуки замедлялись и затихали — бледнел и замедлялся в своем движении свет; однообразная мелодия состояла всего из пяти повторяющихся нот.

Эта однообразная музыка и игра света гипнотизировали Келетцу. Он никак не мог понять, видит ли он светящиеся звуки или слышит игру света.

Одновременно присоединились вторая световая змейка и вторая флейта. Потом третья, четвертая, звуки и световые змейки догоняли друг друга, сплетались, расходились. Постепенно из отдельных змеек образовался светящийся круг. Тогда движение змеек прекратилось, умолкли и звуки флейты. Круг горел ровным фосфорическим светом. Он стал углубляться и превратился в круглое окно, за которым было пустое пространство, наполненное легким туманом.

Перед пораженным Келетцу-Ашинацаком предстала, как ему показалось, тень его отца. Тень подняла руку по направлению к Келетцу, и в комнате ясно прозвучал голос:

— Келетцу-Ашинацак! Трон Атлантиды ждет тебя...

Все погрузилось во тьму.

Келетцу вскрикнул и потерял сознание.

Жрецы вынесли его в первую комнату и привели в чувство.

— Трижды великий царь Атлантиды! — торжественно обратился к нему Кунтинашар.

— Я еще не царь Атлантиды... — слабо произнес Келетцу с блуждающим взором.

— Для нас ты уже царь. Тень отца твоего возвела тебя на престол!..

— Да, но тень отца сказала: «Трон ждет тебя...» Может быть, по смерти брата?..

Кунтинашар бросил раздосадованный взгляд на Эльзаира.

— Ответ твоего отца совершенно ясен: «Трон ждет тебя». Значит, нельзя медлить, — сказал Эльзаир.

— Да, да... Хорошо. Я подумаю... Я слишком устал. Я дам ответ... да... Шитца, проводи меня...

И Келетцу-Ашинацак, опираясь на руку жреца, удалился.

— Не мог ты заставить эту тень говорить иначе! «Трон ждет тебя». Сказал бы: «Келетцу! Я приказываю тебе силой отнять трон у Гуана. Ты законный наследник престола», или что-нибудь в этом роде, — сердился Кунтинашар. — Удивительная у вас, магов, привычка говорить туманно, загадками. Вот и перетуманил!

— Кто ж его знал!.. — смущенно проговорил Эльзаир. — Ему все разжевать и в рот положить надо...

— А царек ничего... подходящий был бы царек, — сказал Зануцирам. — Очень удобный!..

— Удобный, когда будет царем. А посадить-то его как?

— Надо начать с другого конца, — сказал Анугуан. — Мне известно, да теперь и вам известно, что готовится восстание рабов. Во главе стоит Акса-Гуам-Итца, сын Шишена-Итца — верного царского пса! То-то молодость! Увлекся, говорят, какой-то рабыней и теперь всю Атлантиду перевернуть хочет! Вот этого-то Акса-Гуама мы и используем. Если восстание направить умелой рукой, они могут убить Гуама-Атагуерагана. Нам это и нужно. С рабами же скоро расправимся и на престол возведем эту атцорскую овечку — Келетцу. И мы будем неограниченными правителями Атлантиды. А сорвется восстание и уцелеет голова Гуана-Атагуерагана — слетит голова Акса-Гуама, да и его отцу несдобровать. Мы же останемся в стороне.

— Вот истинный дипломат Атлантиды! Хранитель законов, поддерживающий восстание рабов! — со смехом сказал Кунтинашар.

Легкий волнообразный подземный толчок отбросил всех влево. Где-то зашуршала обвалившаяся штукатурка.

— Эти подземные толчки начинают беспокоить меня!

— Пустяки! — беспечно сказал Кунтинашар.

— Но не всегда дело кончается пустяками, — возразил Анугуан. — Наши таблицы повествуют о нескольких ужасных землетрясениях и извержениях вулканов. Вот эта самая пирамида, которая крепче скалы, дала три тысячи семьсот лет тому назад громадную трещину, и ее пришлось перекладывать. Что же было тогда с дворцами и храмами?..

— Ты собираешься жить три тысячи лет, Анугуан? Я думаю, на наш век хватит! А там... Пусть хоть все пирамиды лопаются, как скорлупа печеных яиц! — Сладко зевнув, он прибавил: — Однако пора и на покой!

IX. ЗМЕЕНЫШ

— Кончено!

Адиширна-Гуанч положил бронзовое зубило и молоток, отошел от статуи и окинул ее взглядом.

Перед ним, как живая, стояла Сель в короткой легкой тунике, с копьем в правой руке, приготовленным для метанья. Вся фигура дышала порывом. Правая нога выдвинута вперед и согнута в колене. Левой рукой, на ремешке, она сдерживала пару остромордых, поджарых собак с напряженными для прыжка мускулами. Волосы Сель были плотно обтянуты лентой, сколотой впереди булавкой в виде полумесяца. Этот полумесяц символически изображал ее имя[1].

Адиширна залюбовался своим произведением. Такой он увидел Сель в первый раз на охоте, в лесу.

Большая луна уже поднялась над океаном. Лунный луч скользил по мраморному лицу статуи, и Адиширне показалось, что Сель улыбнулась ему.

В порыве любви он подошел к статуе и поцеловал ее в холодные мраморные губы.

— Кхе, кхе, кхе... боги святые, он с ума сошел...

[1] Сель на языке атлантов означает «луна». — *Ларисон.*

Адиширна в смущении отпрянул от статуи и обернулся. Перед ним стояла нянька царевны Сель — бабушка Гу-Шир-Ца.

— Что случилось? Говори скорее!

Ца стала рыться непослушными, старческими руками в складках своей одежды, причитая и охая; наконец извлекла свернутый кусок материи и подала Адиширне:

— На вот... читай...

Адиширна вырвал из рук Ца кусок материи, раскрыл и в волнении начал читать при свете луны. Потом он вскрикнул, засунул послание за пазуху и быстро убежал.

Адиширна-Гуанч мчался по широким улицам к Священному Холму.

Жители Атлантиды наслаждались прохладой ночи. Из темной зелени садов неслись звуки песен, флейт и воркование китцар[1]. Дома были освещены. Отдернутые занавеси меж колонн открывали для глаза внутренние помещения. Атланты возлежали у столов, увитых розами и уставленных блюдами и чашами. Рабы наливали вино в чаши тонкой рубиновой струей, высоко поднимая узкие длинные амфоры. Слышались шутки и смех.

— ...Ты мало пьешь, оттого и боишься землетрясений, — услышал Адиширна отрывок фразы. — Пей больше, и ты привыкнешь к колебаниям почвы. Земля пьяна и шатается. Будем пить и мы. Раб, вина!..

Адиширна продолжал быстро идти. В густой тени лавровой рощи зазвучала веселая песня. Чей-то женский голос пел:

Атлантида тихо дремлет
В голубых лучах луны.
Как луна целует землю,
Поцелуй меня и ты!

Мужской голос отвечал:

Пусть зажгутся страстью очи!
Поцелуями, любовью,
Виноградной, сладкой кровью
Мы наполним чашу ночи!

[1] Китцара — музыкальный инструмент, напоминающий греческую кифару. — *Ларисон.*

Оба голоса слились в дуэт:

Будь что будет! Не печалься!
Ярко светит нам луна...
Песни пой и обнимайся,
Чашу ночи пей до дна!

Раздался смех и звук поцелуя.

Адиширна взошел на подъемный мост у Священного Холма.

— Кто идет? — окликнул воин.

— Адиширна, раб. Меня вызвали во дворец Шишен-Итца починить трубы в ванной комнате.

Адиширна-Гуанч, гениальный скульптор и ювелир, которые родятся один раз в тысячелетие, принужден был исполнять по требованию жрецов и царя самые различные работы, вплоть до починки водопроводов и дверных замков. Адиширну знали на Священном Холме, и он беспрепятственно переступил запретную черту.

На Холме не было такого оживления, как в самом городе. Дворцы стояли особняком, окруженные высокими стенами.

Адиширна свернул на боковую дорогу, густо обсаженную кипарисами. Кипарисы стояли сплошной стеной, и здесь было почти темно. Пахло смолистой хвоей. Впереди послышался треск песка под чьими-то сандалиями. Адиширна спрятался меж кипарисов.

Медленной походкой, напевая под нос песню, прошел один из сторожей. Когда его шаги замолкли вдали, Адиширна отправился дальше. В конце аллеи светились огни дворца. Адиширна пробрался через чащу кипарисов и стал в обход приближаться ко дворцу. Занавесы между колоннами были закрыты. За ними слышались голоса. На площадке перед дворцом, у одной из колонн, укрывшись за кустом олеандра, стоял раб Куацром, слуга в доме жреца Шишен-Итца, и подслушивал.

Адиширна подошел к нему и тихо спросил:

— Где Акса-Гуам?

Куацром махнул на него, приложил ладонь к своему рту в знак молчания и показал на занавес.

Адиширна прислушался к голосам. Говорили жрец Шишен-Итца и его жена.

— Позор! Позор! Проклятие на твою голову! Ты родила и вскормила своей грудью змееныша! Акса, мой сын, — изменник и предатель!.. Он замышляет цареубийство. Он проводит время с рабами и подготовляет восстание... Он опозорил мое великое в истории Атлантиды имя... Я должен сейчас же донести на него царю!..

— Но, может быть, можно все исправить... Не допустить восстания. Расстроить их планы. Не спеши, молю тебя!..

Адиширна быстро отвел Куацрома в сторону:

— Донос?

— Донос.

— Слушай, Куацром... Надо во что бы то ни стало помешать Шишену-Итца... задержи его, придумай что-нибудь... мне сейчас некогда об этом думать... царь не должен знать о заговоре, понимаешь? По крайней мере, чем позже он узнает о нем, тем лучше. Где Акса-Гуам?

— Он в старых шахтах, на тайной сходке рабов.

— Ладно. Так помни же, Куацром!..

Адиширна быстро зашагал по кипарисовой аллее.

X. В СТАРЫХ ШАХТАХ

Адиширна вмешался в толпу рабов.

Акса-Гуам кончал речь.

Он говорил о тяжких страданиях рабов, об их жизни, похожей на вечную каторгу, и призывал их восстать, сбросить цепи, убить царя, захватить власть в свои руки и стать свободными, какими они и были когда-то.

Яркие лучи луны обливали людской муравейник. Полуголые рабы заполняли громадную котловину заброшенных старых шахт. Рабы облепили своими телами кучи щебня, сидели на утесах, деревьях, камнях...

Адиширна внимательно оглядел толпу и сразу почувствовал: в ней нет единства.

Одни из рабов жадно слушали Акса-Гуама, полуоткрыв рот и кивая утвердительно головами, другие стояли неподвижно и смотрели на него недоверчиво и враждебно.

— Смерть или свобода!.. — крикнул Акса-Гуам и сошел с утеса.

Его место занял раб по прозванию Злой. Он имел светлую окраску кожи. Серые глаза его смотрели насмешливо. Злая улыбка кривила рот.

— Акса-Гуам, жреческий сынок, говорил нам о наших страданиях. Спасибо ему, что он просветил нас, без него мы и не знали бы об этом!

В толпе послышался смех.

— Но откуда у него вдруг появилась такая любовь к рабам? Не вместе ли с любовью к одной из наших девушек? — и он покосился на Ату, стоявшую рядом с Акса-Гуамом. — А что, — обратился он прямо к Акса-Гуаму, — если твоя любовь пройдет или Ата бросит тебя? Тогда ты воспылаешь к рабам такой же ненавистью? Вы, рабы, — продолжал он, обращаясь к толпе, — хотите стать свободными. С чего вы начинаете? С того, что выбираете себе нового царька Акса-Гуама. А что, если он подведет нас под плети, а потом сбежит на свой Священный Холм?.. Только сами рабы могут освободить себя от рабства! Восстание — не дело влюбленных в расшитых золотом одеждах. Вот мое мнение! — И он сошел со скалы.

Толпа пришла в сильное возбуждение. Теперь толпа казалась единодушной. Но это единодушие явно было не в пользу Акса-Гуама. На него устремились тысячи враждебных глаз. Над толпой поднимались кулаки.

— Не верьте ему!..

— Он подослан жрецами! — послышались возгласы. — Гнать его вон!

На скале появился Кривой. Надсмотрщик выбил ему глаз, и с тех пор за ним утвердилось это прозвище. Кривой хитро прищурил свой единственный глаз и поводил головой из стороны в сторону, потом приложил указательный палец к кончику носа и сказал:

— Так вот...

Толпа заинтересовалась этим комическим началом и затихла.

— Злой прав. Но только он смотрит одним глазом, которым я не вижу...

— Хо-хо, — засмеялись в толпе.

— А теперь я посмотрю другим глазом, которым я вижу... Скажите мне, положа руку на сердце, верите ли вы сами в успех восстания, в то, что вы будете свободны, что вы победите

легионы атлантов? Нет, не верите. И все-таки восстание будет. Почему? Потому, что нет сил больше терпеть. Потому, что нам хуже не будет: убитым — мир, живым — та же каторга. В это время приходит к нам Акса-Гуам и говорит: «Я с вами. Я помогу вам». А хоть бы и так? Лучше с нами, чем против! Что побудило его прийти — не все ли равно? Наша девушка? Верно! Но ведь девушек-то наших у них полные гаремы. Выбирай любую. А он к нам. Может, и восчувствовал горе наше? Что же выходит? Верить не верьте ему, а гнать тоже незачем... Авось пригодится. Верно я говорю?

И, ткнув опять пальцем в кончик носа, он сошел со скалы.

Акса-Гуам вытер со лба пот. Он совершенно не ожидал такого поворота дела. Он привык смотреть на рабов как на безгла́сное стадо, забитое и покорное. Довольно сказать им ласковое слово, погладить по шерсти, и они пойдут за ним. Он снизошел до них. Он так долго умилялся своей ролью благодетеля и спасителя — и вдруг вся эта сходка превратилась в какой-то суд над ним. Эти резкие свободные речи о нем, о его личной жизни, этот язвительный или насмешливый тон... Он чувствовал, как против его воли в нем поднимается вековая ненависть и презрение его касты к рабам...

Суровый и гордый, поднялся он на скалу.

— Я пришел помочь вам, а вы судите меня. Я не собираюсь делаться вашим царьком. Пусть Злой станет во главе восстания... Я...

Толпа вдруг заволновалась, расступилась. Через толпу, расталкивая рабов, быстро шел Куацром. В руках он нес какой-то мешок.

— Расступись! Расступись! Важное известие!..

Куацром подошел к скале, поднял мешок и вытряс из него на землю какой-то круглый шар.

— Что это?.. — с недоумением спросил Акса-Гуам и вдруг сильно побледнел и в ужасе отшатнулся.

Освещенная лунным светом, на него смотрела остекленелыми глазами голова его отца, жреца Шишена-Итца...

Акса-Гуам схватился за скалу, чувствуя, что теряет сознание.

Ата истерически вскрикнула.

— Шишен-Итца узнал о восстании и шел к царю, чтобы донести на тебя и предупредить его о восстании, — заявил Ку-

ацром. — Адиширна сказал мне: «Задержи во что бы то ни стало Шишена-Итца, чтобы он не донес о заговоре рабов». Я не мог иначе задержать его... Лучше он, чем ты. Он был злой господин... Чтобы не сразу узнали, кто убит, я отрезал голову и унес в мешке... Вот... Я сделал, как мне было приказано...

Толпа выслушала эти слова в полном молчании.

Акса-Гуам сел на камень и опустил голову на руки.

Ата боязливо жалась к нему, не решаясь открыто проявить участие.

Когда первое впечатление прошло, рабы начали обсуждать создавшееся положение. Теперь царь неизбежно должен был узнать о готовящемся восстании. Так же неизбежна была тяжкая расплата за заговор. Надо было решаться действовать немедленно. После долгих и горячих споров план восстания был выработан. Решено было идти приступом на Священный Холм.

Но тут неожиданно на скалу поднялся Адиширна-Гуанч.

— Этот план никуда не годится, — сказал он решительным голосом.

— Брат! — воскликнула Ата.

Акса-Гуам поднял голову и с недоумением посмотрел на Адиширну.

— Священный Холм прекрасно укреплен со стороны каналов. Мосты могут быть подняты. Вы должны будете наполнить трупами каналы, прежде чем перейти их. Но там вас встретит бронзовая щетина копий. Мы поведем на приступ только часть нашей армии, чтобы отвлечь внимание. Главные же силы мы пустим в обход и обрушимся на Священный Холм со стороны гор. Это кратчайшая дорога и к царскому дворцу. Но нам нужно раньше овладеть оружием. Я подумаю над этим...

— Итак, на заре!.. — Адиширна не успел докончить. Сильный подземный толчок потряс скалы и волной прокатился по долине. Зашуршали падающие камни. — Если подземные силы раньше не разрушат Священный Холм, — добавил он.

Но слова его потонули в шуме взволнованной толпы. Муравейник пришел в движение. Рабы расходились, обсуждая события.

Акса-Гуам, Ата, Адиширна и Гуамф шли по дороге.

— Прости меня, Акса, я был невольным виновником смерти твоего отца!.. Но я думал, что Куацром умнее...

Акса-Гуам только мрачно кивнул головой.

Они вышли на безлюдную боковую дорожку. Ата взяла Акса-Гуама за руку и крепко сжала ее, желая утешить. Акса-Гуам ответил рукопожатием.

— Ты тоже примкнул к... восстанию? — спросил Акса. Он хотел сказать: «примкнул к нам», но после речей рабов не смог сказать этого.

— Я не верю в восстание! — сказал Адиширна. — Я преследую личные цели и откровенно говорю об этом.

И, вынув из-за пазухи кусок материи с письменами Сель, он подал его Акса-Гуаму.

Акса-Гуам прочитал:

«Отец выдает меня замуж за царя Ашура. Я скоро должна уехать. Отец узнал о моем свидании с тобой в Золотых Садах от раба и очень рассердился. Он запер меня в Соколином Гнезде. Сель».

Акса-Гуам знал Соколиное Гнездо. Это была своего рода тюрьма для лиц царского дома. Подземный ход вел из самого дворца к горе. Внутри горы была проложена винтовая лестница, которая выводила в помещение, вырубленное на громадной высоте: небольшой балкончик над отвесным, как стена, утесом. Побег был невозможен.

— У меня один путь к Сель — через дворец! — сказал Адиширна.

Оба замолчали, думая каждый о своем.

— Брось это дело! — сказал Гуамф Акса-Гуаму.

Ата только крепче сжала его руку и пристально посмотрела ему в глаза.

Он тяжело вздохнул, до боли сжал руку Аты и сказал глухим голосом:

— Поздно!

XI. АЦРО-ШАНУ И КРИЦНА

Дворец хранителя Высших Тайн Ацро-Шану стоял особняком у храма Посейдона, окруженный высокой стеной.

Дворец имел два этажа: нижний помещался под землей.

В верхнем были парадные залы для приема, украшенные со сказочным великолепием. Золотые статуи богов, мебель, треножники, осыпанные драгоценными камнями, ослепляли глаза.

Ацро-Шану очень редко бывал здесь. Только ранним утром, проведя ночь за бронзовыми таблицами, он приходил иногда подышать свежим воздухом. Он садился у балюстрады на открытой площадке, щурил глаза и тихо дремал или думал. Раб приносил скромный завтрак — маленькую пресную булочку в виде двух сплюснутых шаров и чашу ключевой воды.

Как только жар усиливался, он спускался в свои подземные комнаты. Здесь всегда стояла ровная прохладная температура. Хорошая вентиляция освежала воздух. Дневной свет проникал, преломленный шлифованными зеркалами. Зеркала эти вращались по ходу солнца. Но в дневном свете не было нужды: Ацро-Шану работал только ночью.

Нижнее помещение представляло полный контраст с верхним этажом. Белые мраморные стены не имели никаких украшений. Комнаты были обставлены почти скудно, самой необходимой деревянной мебелью. Простая деревянная кровать была покрыта двумя шкурами леопардов. Вдоль стен длинной анфилады комнат тянулись полки с рядами бронзовых таблиц. Каждая полка имела надпись на бронзовой пластинке и номер; сами пластинки были также классифицированы и пронумерованы. Один каталог этой библиотеки занимал целую комнату.

Была ночь.

Ацро-Шану сидел в деревянном кресле у длинного стола. Огонь светильника золотил бронзовые пластинки, грудами лежащие на столе. Заслонив рукой глаза от света, Ацро-Шану внимательно читал. Рядом с ним сидел молодой жрец Крицна — его ученик. Тишина была необычайная. Ни один звук не проникал сверху.

Старик откинулся на спинку кресла и, полузакрыв глаза, тихо сказал:

— Бедная Атлантида!

Крицна не осмелился нарушить молчания.

— Я стар... мне сто сорок девять лет. Пора на покой, — начал Ацро-Шану после долгой паузы. — Тебя избрал я, Крицна. Тебя посвящу в Высшие Тайны Атлантиды. Ты молод.

Моложе других. Но в тебе сильный дух и бесстрашная мысль. Чувствуешь ли ты себя готовым, чтобы узнать истину? Готов ли во имя ее расстаться с самым дорогим для тебя?

— Готов! — твердо произнес Крицна.

— Так слушай: Высшая Тайна в том... что ее нет!

Крицна смотрел на жреца с недоумением.

— Для толпы, даже для царей и низших жрецов у нас много тайн. Мы знаем, как лечить болезни. Мы знаем ход небесных светил. Мы даже знаем, когда должно наступить затмение солнца или луны. Мы можем вызывать мертвых. Чего же больше? Да, мы обладаем великими знаниями, но в них нет ничего таинственного... Тысячи лет мы наблюдали за ходом болезней человека и записывали эти наблюдения. Тысячи раз мы испробовали — сперва на больных рабах — тысячи разных трав, настоев и смесей. Тысячи больных умирали от наших лекарств, но от некоторых они выздоравливали. Мы тщательно записывали все это, сверяли записи, делали выводы. Так ощупью, слепо, опытным путем мы создавали нашу медицину. Почему настой горькой коры известного нам дерева исцеляет лихорадку? Мы не знаем сами. Мы лишь знаем его целебное действие... Тысячи лет мы наблюдали светила неба и записывали наши наблюдения. Сравнивая их, мы заметили закономерность и периодичность многих небесных явлений и научились предсказывать наступление этих явлений... У нас нет других тайн, кроме тысячи накопленных наблюдений. Но и это тайны лишь потому, что наш опыт мы скрываем от непосвященных. И только в этом наше могущество!

— А вызывание духов?..

— Мы прибегаем ко многим средствам, чтобы удержать свое влияние и власть. Зная заранее о затмении солнца, мы говорим, что гнев богов сокроет солнечный свет и лишь по нашей молитве вернет его людям. И при помощи этого мы заставляем самого царя повиноваться нашей воле.

— И царь не знает?..

— Царь верит в тайну и суеверен так же, как и последний из рабов. Воспитание царей находится в наших руках... Ты спрашивал о вызывании духов. Отражение на парах при помощи зеркал восковой фигуры и слуховая трубка... Вот и все привидение... Как-нибудь я объясню тебе, как это делается...

Крицна был поражен.

После некоторого колебания он сказал:

— Но это обман!

— В чем истина? Разве сами чувства не обманывают нас? И потом, народ любит чудо и тайну, и мы даем их народу. Обман? Да! Но это дало нам возможность посвятить себя исключительно знанию и сделать много полезных народу открытий...

— Почему же не посвятить в эти знания и народ?.. И что получают рабы от всех полезных открытий?..

Ацро-Шану нахмурился:

— Рабы?.. Кто же будет копаться в шахтах, если рабы станут заниматься наукой?..

Крицну не удовлетворил этот ответ. Целый вихрь мыслей и сомнений закружился в его голове. Несколько успокоившись, он спросил:

— Ну а боги?..

— Их нет!

Крицна почувствовал, что у него кружится голова.

Искоса посмотрев на него, Ацро-Шану смягчил удар.

— Если хочешь, они есть, но не таковы, какими представляют их цари и рабы. Солнце «божественно» своей оплодотворяющей силой, теплом и светом. Но ни один раб не исполняет с такой точностью свою работу, как солнце свой восход, течение по небу и заход. Может ли оно убавить свой свет или ускорить свой путь? Солнце не бог, а раб времени и пространства...

Крицна молчал, опустив голову...

Лицо его было бледно, густые брови нахмурены. Громадное напряжение мысли и внутренняя борьба отражались на этом лице.

Ацро-Шану незаметно наблюдал за ним, как врач наблюдает больного, производя над ним опасную операцию.

— Я знаю, Крицна, это трудно... Сомнения терзают тебя и будут терзать... Но ты выйдешь победителем... А когда буря уляжется в твоей душе...

Вошел раб.

Это было необычно. Во время занятий никто не имел права входить в комнату Ацро-Шану.

Жрец нахмурился и недовольно забарабанил иссохшими пальцами по столу.

— Что-нибудь срочное?..

Раб преклонил одно колено.

— Трижды священный! Вестник Солнца и Эльзаир просят тебя впустить их по неотложному делу.

— Пусть войдут!

Эльзаир и Вестник Солнца вошли, опустив головы.

Ацро-Шану благословил их поднятием руки:

— Говорите...

— Трижды священный! — сказал Эльзаир. — Я не осмеливался раньше нарушить твой покой... Меня уже давно беспокоят необычайные явления в небесах... Светила как будто сошли со своих мест... Их путь не проходит уже по точкам, установленным на наших пирамидах и инструментах... Не предсказывают ли эти явления, думал я, великих бедствий?.. И вот является Вестник Солнца, и его сообщения как будто подтверждают мои опасения...

— Говори! — обратился Ацро-Шану к Вестнику Солнца.

— Трижды священный! Я совершил свой обычный объезд по нашим владениям для сбора налогов и ревизий. И везде я заставал ужасные картины. На восток и на запад от Атлантиды все острова в огне вулканов. Многие города уже погибли от извержения и землетрясений. Земля колеблется, здания рушатся, и люди мечутся, как стадо испуганных овец...

— Бедная Атлантида!.. — вновь тихо произнес Ацро-Шану. — Ты прав, Эльзаир! Твои наблюдения имеют связь с наступлением печальных событий, о которых говорит Вестник Солнца. И все же ты ошибся, Эльзаир. Планеты не сместились со своих мест, и неподвижные звезды так же неподвижны, как и раньше.

— Но мои наблюдения?.. Проверь их сам! Это истина! Я видел своими глазами!..

— А ты веришь глазам? — и, обратившись к Крицне, он сказал: — Слушай. Вот хороший пример твоей «истины». Что ты думаешь, Эльзаир, если после чаши крепкого вина тебе покажется, что все шатается вокруг?

Эльзаир покраснел от обиды:

— Но я был трезв...

— Я не о том. Подумаешь ли ты, что колонны сместились с мест, или найдешь причину явлений в своей голове?.. Так и здесь. Сместились не звезды, а пирамиды, и потому вершины пирамид и твои инструменты не совпадают с обычными течениями звезд.

Эльзаир был совершенно озадачен:

— Но пирамиды стоят незыблемо на земле!

— А сама земля?..

Эльзаир начал понимать.

— Не проще ли допустить, что сдвинулась одна земля, а не весь небесный свод? Так оно и есть. Подземные силы огня изменили положение самой земли; сдвинулись и все твои точки наблюдения. Только сейчас я изучал явления, предшествовавшие ужасным землетрясениям, постигавшим уже Атлантиду тысячелетия тому назад... Тогда было то же самое... И так же, как теперь, первыми начали действовать вулканы на соседних с Атлантидой островах; они меньше Атлантиды, и подземным силам огня легче справиться с ними — прорваться наружу! Увы!.. На основании моих исследований я пришел к заключению, что мы перед небывалой катастрофой... Атлантида обречена!.. Сообщения Вестника Солнца лишь говорят о том, что мы ближе к катастрофе, чем я предполагал...

Эльзаир и Вестник Солнца стояли пораженные. Только Крицна не проявил особого волнения: «подземные силы» клокотали в нем самом.

— Созовите на завтра Верховный Совет... Если мы бессильны предупредить несчастье, позаботимся о спасении.

— Крицна, сообщи во дворец о созыве Верховного Совета.

Крицна поднялся наверх и вышел на мраморную балюстраду дворца.

Внизу лежала Атлантида, упоенная лунным светом и ароматом цветов. Как всегда, со стороны города доносились смягченные расстоянием звуки музыки и песен. Вдали мерно вздыхал океан.

Но Крицна ничего не видел. Он крепко сжал голову и стоял с искаженным лицом под яркими лучами луны. «Все ложь и обман... Нет богов... нет тайны... Есть только жадная, корыстная каста жрецов, которая из знания делает тайну, чтобы угнетать народ и утопать в роскоши...»

Взгляд его упал на золотую статую Бога-Солнца, сияющую в лучах луны.

Вдруг в порыве бешеного гнева Крицна сбросил статую с пьедестала.

Она со звоном покатилась по мраморным плитам пола.

XII. ВОССТАНИЕ РАБОВ

Жрецы и двор давно знали о готовящемся восстании рабов, хотя время восстания им еще не было известно. Священный Холм спокойно ожидал событий.

До сих пор эти восстания не представляли большой опасности для «государства», то есть для его господствующих каст: царского дома, жрецов, военачальников. Эти восстания походили скорее на неорганизованные бунты.

Однако на этот раз события развертывались иначе. Задолго до рассвета, еще в полной тьме, рабы тихо, бесшумно оставили шахты. Так же бесшумно наносились внезапные удары тяжелыми бронзовыми кирками в головы надсмотрщиков и сторожей. И они падали как снопы, не издав ни звука.

Не прошло часа, как весь Черный город оказался в руках восставших. Мрак и тишина скрывали события.

У дорог и тропинок, ведущих к Священному Холму, были поставлены сторожевые отряды, чтобы задержать случайно уцелевших надсмотрщиков и сторожей, которые могли предупредить о событиях Священный Холм. Но это было сделано лишь из предосторожности: в Черном городе не осталось ни одного сторожа, ни одного надсмотрщика с уцелевшим черепом...

Рабы двинулись к старым шахтам.

Здесь находился штаб восстания.

— Если мы и не победим, мы дадим почувствовать Священному Холму растущую силу рабов, — сказал Злой, обращаясь к толпе. — Нам нужно во что бы то ни стало вооружиться бронзовыми мечами и копьями. Арсеналы охраняются большими и хорошо вооруженными отрядами воинов. Нам не одолеть их нашими мотыгами и кирками. Итак, чтобы достать оружие из арсенала, нам нужно уже быть хорошо вооруженными. Много готового оружия имеется еще на заводе. Это

здесь, под рукой. Завод охраняется меньшим отрядом, чем арсенал. С этим отрядом, быть может, мы справимся скорее. Но при первом же натиске они могут зажечь огни с сигналом тревоги и вызвать к себе на помощь дежурные легионы. Надо овладеть заводами так же быстро и бесшумно, как мы овладели Черным городом. Но как это сделать?

— Мне известно, — сказал Акса-Гуам, — что перед рассветом сменится отряд, охраняющий завод. Смена будет идти по дороге Дракона. У двух источников эта дорога проходит в глухом месте через котловину... Нападем на этот отряд, покончим с воинами, наденем их доспехи, явимся на завод в виде смены и займем ее место. Тогда завод будет в наших руках со всем его оружием.

— А пароль? — спросил Адиширна.

— Я узнал его: «Змей и Солнце».

План был принят.

На дороге Дракона, у двух источников, произошло первое сражение.

Рабы пропустили отряд, отрезали отступление и сразу напали на него с трех сторон: спереди, с тыла и с левой стороны дороги — правая обрывалась крутым утесом.

Удар был неожиданный, но закаленные в боях воины атлантов оказывали упорное сопротивление. Щиты защищали их от камней. Копья были длиннее мотыг и кирок. Воины разили ими рабов без особого вреда для себя. Отряд мог быть легко сброшен с утеса, но надо было по возможности полностью сохранить вооружение воинов. На стороне рабов был численный перевес. Копья застревали в телах рабов, но, прежде чем воины успевали извлекать острие копья, к древку тянулись десятки рук и цепко хватались за него, несмотря на удары других копий. Мало-помалу большинство копий перешло в руки рабов. Движения воинов затруднялись недостаточной шириной дороги. Потеряв копья, воины пустили в ход мечи. Но копья дали явный перевес рабам: мечи были короче копий. Один за другим падали воины, загромождая трупами дорогу, что еще больше затрудняло маневрирование.

Отряд был обречен...

Через какой-нибудь час он представлял груду тел. Ни одного человека в отряде не осталось в живых. Рабы быстро сня-

ли с трупов воинов вооружение, смыли кровь у источника и надели его на себя.

Акса-Гуам нарядился в доспехи начальника отряда, и все двинулись в путь. У дороги остался заградительный отряд.

«Смена стражи» у завода произошла благополучно. Начальники отрядов обменялись паролями, и ночная смена, звеня бронзовым оружием, потянулась в обратный путь. К их приходу все трупы были сброшены с утеса, путь был очищен, следы сражения заметены.

Покончить с небольшим отрядом внутренней стражи завода не представляло большого труда. Громадные заводы, изготовлявшие бронзовое оружие, были в руках восставших.

На заводе оказалось семь тысяч готовых мечей и копий и пять тысяч еще не полированного, но годного к бою оружия. Рабы ликовали. Никогда еще восстание не начиналось такой удачей. Крепла вера в победу над Священным Холмом.

Приближалась заря, и надо было спешить покончить с арсеналом и до восхода солнца перебросить главные силы в горы.

Вооруженные рабы, представлявшие уже грозную военную силу, быстро двинулись к арсеналу.

Их вооружение ввело гарнизон арсенала в заблуждение.

— Кто идет? — спросил выдвинутый вперед дозор.

— По распоряжению Кетцаль-Коотля, начальника вооруженных сил Атлантиды, легионы охраны для подкрепления гарнизона, — ответил Акса-Гуам.

Половина рабов успела перейти мост, когда обман был обнаружен, и то лишь по недосмотру самих рабов: часть слишком ретивых рабов, не получивших вооружения, последовала за отрядом со своими кирками. Их заметили и подняли тревогу. Но было уже поздно. Мечи скрестились, потрясая тишину ночи лязгом бронзы. Воины атлантов сражались с обычной стойкостью. Рабы теснили их, воины отступали внутрь громадного арсенала, отдавая с боем каждый шаг. С треском ломались тяжелые двери складов, толпы полуголых рабов вливались туда, выходя обратно в полном боевом вооружении. Рабы побеждали.

Еще продолжались отдельные схватки в самих складах и в углах широких мощеных дворов, а вооруженные ряды рабов уже двигались быстрым маршем по горной дороге в обход

Священного Холма. Короткие стычки по дороге со сторожевыми отрядами не задерживали этого стремительного продвижения.

За одну ночь безоружные, бессильные рабы превратились в грозную армию, вооруженную шестнадцатью тысячами мечей и копий.

Несмотря на все предосторожности, от Священного Холма не удалось скрыть захвата арсенала. Арсенал помещался у подножия Священного Холма. Шум битвы ясно доносился туда в тишине ночи. Но это же сражение у арсенала дало возможность главным силам рабов продвинуться далеко вперед в горы, прежде чем рабы были замечены. Во главе этих главных сил были Кривой и Адиширна. На долю Злого и Акса-Гуама выпала трудная задача с меньшими силами вести наступление на Священный Холм со стороны наиболее защищенной и принять на себя главный удар лучших легионов атлантов — кавалерии «Нептуна» и «Непобедимых».

Священный Холм уже ослепительно сверкал бронзой своих храмов и дворцов в утренних лучах солнца, когда Акса-Гуам и Злой со своими отрядами подошли к кольцевому каналу у подножия Священного Холма. Подъемные мосты были подняты. Вся набережная на стороне Священного Холма горела, как бронзовая стена, вооружением выстроившихся в боевом порядке воинов.

Рабы приуныли, глядя на густой лес копий противника... Канал преграждал путь рабам.

Но обе враждующие стороны недолго стояли в выжидательном молчании.

В канале у берега стояло множество мелких судов. Злой махнул рукой на эти суда, и работа закипела. Рабы стягивали баркасы и фелюги к одному месту и под ударами копий, пущенных с того берега, составляли плавучие мосты. Набережная поднималась над водой на полтора человеческих роста, но это не останавливало рабов. Они двинулись по мостам и, становясь друг на друга, карабкались на берег. Копья сбрасывали их. Скоро из тел рабов на судах у берега выросло возвышение, по которому ползли, как муравьи, новые ряды рабов. Весь канал покраснел от крови вниз по течению. Трупы покрывали поверхность воды. Но главное было сделано: прежде чем

солнце достигло зенита, рабы были на другом берегу. Многие из них впервые вступили на Священный Холм. Воины атлантов отошли на широкую площадь перед каналом, чтобы получить большую свободу маневрирования, и здесь началась длительная, упорная борьба.

У воинов атлантов было большое преимущество в том, что они стояли на холме, рабы же внизу, на узкой площадке, имея за собой канал. Подкрепление к рабам могло вливаться лишь медленно, по мере захвата площади. Груды тел затрудняли движение. Рабы стали ослабевать. Атланты усилили натиск. Наступил момент, когда прижатые к каналу ряды рабов могли быть сброшены в воду. Злой и Акса-Гуам сражались в первых рядах. Оглянувшись, Злой увидел, что рабы отступают.

«Конец!» — подумал он,

Но в этот момент среди воинов атлантов также произошло замешательство. Их задние ряды спешно отступали.

Как потом оказалось, на горном фронте положение атлантов было отчаянным. Адиширна и Кривой лавиной обрушились с гор и вплотную подошли к самому дворцу царя. Туда и было спешно вызвано подкрепление. Отряд Акса-Гуама и Злого вздохнул свободнее. Скоро рабы перешли в наступление и упорно теснили врага к вершине Священного Холма.

Но в это самое время на Священном Холме произошли события, предрешившие исход восстания.

В ту ночь, когда рабы подняли восстание, у царя Гуан-Атагуерагана был прощальный прием отъезжающих после праздника Солнца подвластных царей.

Чтобы поразить их в последний раз богатством и великолепием двора, прием происходил в Изумрудном Зале, помещавшемся в подземной части дворца. Все стены громадного зала были сплошь покрыты драгоценными камнями. Эти камни, подобранные по цветам, изображали фантастические цветы и пейзажи.

На бронзовом небе сияло топазовое солнце, хризопразовые деревья отражали свою зелень в изумрудных водах. Желтые и розовые бериллы, красные рубины венчиками цветов поднимались из хризолитовой травы.

Трон стоял у стены, сплошь выложенной одними изумрудами, разные оттенки которых составляли сложный узор. Это

была в буквальном смысле изумрудная стена; она была отделена от капитальной стены коридором, в котором помещались светильники. Свет их проникал сквозь изумруды, производя необычайный световой эффект.

Царь был предупрежден уже о восстании. Церемония приема была затянута, чтобы ко времени ее окончания порядок на Священном Холме был восстановлен: приезжие цари не должны были знать о восстании. Это было тем легче сделать, что в Изумрудный Зал не проникал никакой звук с поверхности земли.

Но восстание ворвалось и в это скрытое помещение.

Прежде чем подоспели на помощь горному фронту воины, снятые с поля сражения у канала, Адиширна и Кривой овладели дворцом. Звук мечей уже послышался в соседнем зале. И вдруг вооруженные рабы ворвались в Изумрудный Зал. Почетные караулы царей и сами цари принуждены были пустить в дело мечи.

Только Гуан-Атагуераган восседал еще на престоле с величавой неподвижностью статуи и наблюдал за битвой. Но в душе его было смятение. Дворцовая стража и цари дрались с мужеством отчаяния, но ряды их редели с каждой минутой... Смерть смотрела в глаза царя Атлантиды...

В то мгновение, когда падали последние защитники дворца, царь вдруг вспомнил о возможном спасении. Он хотел гордо встретить смерть, как подобает царю Атлантиды. Но мысль о спасении заставила его сбросить маску величия. Быстро сбежав по ступенькам трона, он вынул тяжелый бронзовый меч, крепко сжав рукоятку, усыпанную бриллиантами, и с размаху разрубил изумрудную стену. Несколько ударов образовало проход в стене. Крупные изумруды, как горох, покатились на мозаичный пол. Царь бросился в образовавшийся проход. По его пятам к проходу кинулось несколько рабов.

Вдруг один из рабов, увидев крупные изумруды, наклонился к полу, стал пригоршнями собирать их, засовывая в рот и за панцирь. Другие рабы с разбегу налетели на него и упали. Куча тел заслонила проход.

Царь бежал...

Пылающий гневом Кривой подбежал к замешкавшимся у разбитой стены рабам и стал избивать их. Адиширна потрясал

мечом и призывал к порядку. Ничего не помогало. Не видя больше противника, толпы рабов рассеялись по залам дворца и занялись грабежом. В кладовых нашлись громадные амфоры с вином. Вино наливали в вогнутые щиты, и, истомленные зноем и битвой, рабы жадно пили и тут же падали от опьянения...

XIII. КОНЕЦ ВОССТАНИЯ РАБОВ

Как только жрецы узнали о восстании, они собрались на совет в одной из пирамид. Здесь они были в безопасности. Подземные ходы, соединявшие дворцы и пирамиды, были хорошо скрыты. От своих служителей жрецы знали о ходе борьбы.

Несмотря на посланный жрецами приказ военачальникам подавить восстание немедленно, сверху приходили неутешительные вести.

Исход продолжавшегося сражения был сомнителен.

В окрестностях Атлантиды были расположены громадные гарнизоны. С помощью их не представляло особого труда подавить восстание, но теперь каждый лишний час битвы причинял жрецам убытки: рабы разоряли их дворцы, и притом большинство рабов составляли «движимое имущество» жрецов. Этот живой товар неплохо расценивался на Морской Бирже.

Только к закату солнца успех правительственных войск определился окончательно. Армия Кривого и Адиширны была оттеснена в горы и рассеяна в лесах. Кривой был убит во дворце, и труп его разрублен на части воинами «Нептуна». Адиширна-Гуанч пропал без вести.

Покончив с главными силами рабов, воины атлантов двинулись на остатки армии Злого и Акса-Гуама. Рабов прижимали к каналу, они падали в канал и тонули.

Небольшая группа рабов со Злым во главе, как разъяренные львы, защищала мосты, прикрывая отступление.

Наконец, пронзенный в горло, пал Злой. Священный Холм был очищен. Оставались лишь отдельные группы рабов, которых воины травили, как собак, загоняли во дворы и тупики и зверски убивали.

Акса-Гуам был ранен в руку и голову. Его оттеснили от отряда Злого.

Отбиваясь от наседавших воинов, он стал в углубление бронзовой стены, окружавшей дворец Верховного жреца Ацро-Шану, прислонившись спиной к узкой бронзовой калитке

От кровотечения из ран и усталости у Акса-Гуама кружилась голова и глаза застилало туманом. Как во сне, он машинально махал мечом, отбивая удары копий.

Неожиданно калитка открылась за ним, и он едва не упал навзничь. Подозревая ловушку, он обернулся и увидел перед собой Крицну — ученика Ацро-Шану. Крицна поддержал его и, ухватив за руку, втолкнул в калитку. Сюда же бросился один из воинов. Крицна выхватил из слабеющей руки Акса-Гуама его меч и ударил воина по голове. Тот свалился. Но за ним вырос другой. Длинным копьем он пронзил грудь Крицны.

— Закрой калитку! — успел крикнуть Крицна и упал, обливаясь кровью.

Акса-Гуам захлопнул калитку и заложил тяжелый бронзовый засов.

Он склонился к Крицне. Глаза Крицны тускнели. Кровь с клокотанием выходила из раны в груди и изо рта.

— Умираю... так лучше... все ложь и обман... и жизнь обман... — хрипло говорил он с паузами. — Оставь меня... беги...

И Крицна склонил голову на землю. Легкая судорога прошла по его телу. Акса-Гуам медленно шел по саду. Он не думал о бегстве... Он ни о чем не думал. Он был слишком разбит телом и духом.

Из-за стены доносились звуки удаляющегося сражения, крики и стоны.

Но здесь было тихо и мирно, как всегда.

Пальмы горели своими веерообразными вершинами в лучах вечернего солнца. Цветы благоухали. В яркой зелени деревьев кувыркались и кричали бело-розовые и красно-зеленые попугаи, привязанные за ногу золотыми цепочками.

— Доброе утро, Ацро-Шану! — картаво и резко прокричал вслед Акса-Гуаму попугай.

Акса-Гуам спускался по желтой песчаной дорожке, усаженной по сторонам цветущими белыми лилиями и белыми туберозами. Их сильный, сладкий запах пьянил ему голову.

На ветке большого апельсинового дерева сидела ручная обезьяна и внимательно чистила большой, зрелый, сочный плод. Увидев Акса-Гуама, она сорвала еще один апельсин и с насмешливым криком запустила в него. Как оранжевый мяч, апельсин покатился по желтой дорожке.

Акса-Гуам вспомнил, что со вчерашнего дня он ничего не ел.

Он поднял апельсин и с наслаждением стал есть его сладкую, сочную, душистую мякоть. Обезьяна что-то закричала ему вслед на своем языке.

Он невольно улыбнулся, кивнул обезьяне головой. Она приветливо закивала в ответ. И странно: ему стало как-то легче на душе.

Он подошел к мраморному водоему, снял с себя тяжелые доспе́хи и вымылся в холодной ключевой воде. Оставшись в короткой черной тунике жреца с расшитым на груди золотыми нитками диском солнца, он почувствовал себя легко и свободно. С удовольствием он растянулся на зеленой траве, расправляя усталые члены.

«Если бы не болели раны, было бы совсем хорошо», — подумал он.

Сладкая истома сковывала тело. Он невольно закрыл глаза и стал погружаться в дремоту.

Вдруг словно какой-то толчок разбудил его. Он быстро сел.

Ата! Что с ней?.. Как мог он так долго не думать о ней!

Ата умоляла его позволить ей сражаться вместе с ним.

— Многие наши женщины-рабыни вооружаются и идут на Священный Холм, чтобы умереть или победить... Я не могу остаться дома... Я сильна, и я хочу быть с тобой...

Но он настоял на своем. Он убедил ее остаться, уверяя, что, если она будет рядом с ним на поле сражения, опасения за ее жизнь будут отвлекать его и это скорее может погубить их и повредить восстанию.

Со слезами на глазах она простилась с ним прошлой ночью на старых шахтах...

«Что с нею?.. Не пошла ли она разыскивать меня и не убили ли ее воины атлантов?»

Одним прыжком он поднялся на ноги и быстро пошел вниз по дорожке. Перелез через стену и стал спускаться со Священного Холма.

Кратчайшая дорога вела мимо дворца его покойного отца.

Минуту Акса-Гуам колебался, но потом решительно зашагал по этой дороге. Она уже вся была очищена от рабов. От времени до времени встречались отряды воинов. О его участии в восстании знали немногие обитатели Священного Холма. В своей одежде жреческой касты он беспрепятственно шел вперед.

Подходя к дворцу отца, он невольно замедлил шаги.

Дворец одной стороной выходил на дорогу, поднимаясь своими тяжелыми колоннами над бронзовой оградой.

Вдруг Акса-Гуам остановился. У него перехватило дыхание.

В одном окне стояла его мать с растрепанными седыми космами волос и безумными глазами. Она узнала его и, указывая на него пальцем протянутой руки, истерически захохотала.

— Вот он!.. Вот он!.. — кричала она. — Змееныш! Змееныш! Где ты прячешь голову твоего отца? Она нужна Агушатце... Он делает мумию. Разве бывают мумии без головы?.. Отдай голову отца!.. Отдай голову!..

Две рабыни подхватили ее под руки и силой оттянули от окна.

Акса-Гуам зажал уши и бросился бежать. Но крик матери стоял в его ушах:

— Отдай голову твоего отца!..

Только добежав до моста у канала, он несколько успокоился.

Бедная мать!.. Голова отца... Она на старых шахтах... Голова жреца... Акса-Гуам даже не знает, закопали ли ее в землю...

XIV. ГИБЕЛЬ АТЫ

В Черном городе еще не улеглось волнение. Толпы рабов наполняли улицы. Воины атлантов не преследовали рабов. Священный Холм очищен, а от кары рабам не убежать.

На широкой площади, где перекрещивались две дороги, какой-то раб узнал его:

— Смотрите, он! Вот он! Вот Акса-Гуам, царь рабов!

— Предатель!

— Изменник!

Толпа окружила его. В него полетели камни.

Разъяренные женщины протягивали к нему кулаки и кричали:

— Отдай мне убитого мужа!

— Ты погубил моего сына!

— Где брат мой?

Какой-то раб-фракиец подскочил к нему и сбил его ударом на кучу щебня. Потом посадил, нахлобучил ему на голову свой красный колпак и закричал:

— Коронование царя рабов!

Кольцо толпы сжималось все теснее. Град камней падал на Акса-Гуама. Окровавленный и бледный, сидел он в красном колпаке и смотрел на толпу невидящим взором.

— Что смотреть на него? — сказал раб-бербер с копьем в руках. — Разве в нем не кровь врагов наших? Отойдите!

Рабы отошли в сторону, и раб-бербер пустил копье прямо в грудь Акса-Гуама.

Но прежде чем оно вонзилось, из толпы раздался женский отчаянный крик, чье-то тело метнулось между Акса-Гуамом и летящим копьем.

Копье пронзило насквозь грудь молодой женщины.

Это была Ата.

Она повернула голову к Акса-Гуаму и успела только сказать:

— Мою жизнь... — Кровь хлынула из горла и раны, и она замолчала, тяжело хрипя.

— Ата! — крикнул Акса-Гуам. Но силы изменили ему. Он потерял сознание и свалился с кучи камня к трупу Аты.

Толпа отхлынула и затихла, взволнованная неожиданной смертью Аты.

Но тот же раб-бербер, рассерженный тем, что ему испортили меткий удар, которым он хотел похвастаться, закричал:

— Еще одну рабыню сгубил он! Смерть ему! — и бросился к Акса-Гуаму. Несколько рабов последовали за ним.

— Стой, собака! — вдруг вырос как из-под земли старик Гуамф, заслоняя собой тела Аты и Акса-Гуама.

Рабы остановились в смущении. Старика Гуамфа знали и уважали в Черном городе.

— Уйди, старик! — понижая тон, сказал раб-бербер.

— Звери вы или люди? — накинулся на него Гуамф. — Вам мало крови? Так убейте и меня, старика!

И, обратившись к рабу-берберу, Гуамф продолжал:

— Где ты был, Ширна, когда брали Священный Холм? Ни один из рабов, которые бились там, не поднимет руку на Акса-Гуама: кто бы он ни был, он бился вместе с нами и за нас отдавал жизнь, как последний из рабов. Где ты достал копье, Ширна, которым хотел убить Акса-Гуама и убил мою внучку? Поднял на дороге после сражения? Я знаю тебя и твою шайку! Когда нас давят, вы подлизываетесь к надсмотрщикам и доносите на своих. Когда мы воюем, вы подуськиваете других и выжидаете дома, кто победит, чтобы лягнуть копытом побежденного. Нам всем жилось бы легче, если бы не было таких, как ты. И ты смеешь судить побежденного?

Раб-бербер смутился и исчез в толпе.

— Слушайте, рабы! Акса-Гуам потерял отца, — продолжал старик. — Мать его лишилась рассудка. Девушка, которую он любил, лежит перед вами с копьем в груди. Ему нет дороги назад, на Священный Холм...

Не дослушав конца речи, толпа рабов вдруг отхлынула и побежала к шахтам. По дороге, со стороны Священного Холма, медленно двигался отряд конницы. Не прошло пяти минут, как площадь была пуста. Слышно было только цоканье бронзовых подков по каменным плитам дороги да бряцание оружия.

Как победители, гордые и самоуверенные, воины атлантов медленно проехали, не кинув даже взора на группу у каменной кучи: трупов валялось слишком много на дороге, а дряхлый старик не стоил внимания.

Стало совсем тихо. Только жужжал рой синих мух, блестящих в закатных лучах, собравшийся над зияющей раной Аты.

Гуамф оттащил Акса-Гуама от дороги и скрыл за кустом труп Аты.

Акса-Гуам пришел в себя.

Гуамф ласково положил ему руку на плечо:

— Ты не сердись очень на них. — Он махнул рукой в сторону шахт. — Тяжело опять становиться в ярмо... Помнишь, как я сам рассердился на тебя, когда ты заговорил об освобождении рабов? Когда это будет и будет ли? Может быть, когда-

нибудь, через тысячи лет, и взойдет наша звезда и исцелит раны наши. Но только тогда уж нас не будет, а может быть, не останется следа и от самой Атлантиды... И никто не будет знать, что и мы боролись за дело рабов и через тысячелетия посылали привет тому, кто будет счастливее нас...

— Пить... — хрипло прошептал Акса-Гуам и застонал от боли.

XV. ОБРЕЧЕННЫЕ

Заседание Верховного Совета открылось в Медном Зале царского дворца.

Стены зала были покрыты медными листами с барельефами, изображающими подвиги царей Атлантиды. Развешанное внизу по стенам бронзовое оружие атлантов, от древнейших, грубо отделанных секир до мечей и панцирей последней отделки, полированных до зеркального блеска, придавало залу вид музея. Все члены Верховного Совета были в сборе, кроме Верховного жреца Ацро-Шану.

Но царь не стал ожидать его. Сидя на высоком бронзовом троне, в полукруге кресел, занимаемых членами совета, царь открыл заседание.

— Именем Солнца и волею нашей...

В Атлантиде произошло неслыханное событие. Восставшие рабы посягнули на мою священную жизнь. От руки презренной черни погибли все мои гости и цари. Лишь царь Ашура избежал ужасной гибели, бежав вслед за мной, и любезный брат мой, царь Атцора, — он не был во дворце по причине недомогания.

В восстании — о великий позор! — принимал участие и один из сыновей жрецов. Отец его поплатился своею головой за сына-изменника... Главные зачинщики: Акса-Гуам-Итца — пусть гнев богов падет на его голову — и раб Адиширна-Гуанч — да разверзнется под ним земля — до сих пор не разысканы. Кто в этом повинен, Кетцаль-Коотль?

Военачальник склонил голову:

— Они будут разысканы, трижды великий...

— Если они не будут разысканы живыми или мертвыми, прежде чем солнце трижды скроется за утесом Льва, ты не

увидишь, Кетцаль, четвертого восхода солнца. Но рабы... — и царь в гневе даже привстал с кресла, что было совершенно необычайным нарушением этикета. — Гнев мой не имеет границ. Пусть рабское племя помнит из поколения в поколение, что значит гнев царя Атлантиды. Я истреблю их всех до единого. Я подвергну их таким пыткам, от которых содрогнется сама земля. Повелеваю набрать в наших колониях новых рабов! Рабы обречены. Все до единого...

Кетцаль-Коотль тяжело вздохнул:

— Не гневайся, трижды великий... Почти все рабы покинули Черный город... Их бегство было столь поспешно, что в их квашнях остался замешенный хлеб. Они укрылись в лесах... Остались лишь старики, старухи и дети-сироты...

— И ты, старая собака, не сумел выследить дичь... Это измена. Вы все изменники и заговорщики!.. Оцепить леса!..

— Сделано!

— Обыскать все тропинки с охотничьими собаками...

— Ищут и многих уже поймали.

— Травить их, как диких зверей. Пусть вся Атлантида зальется их кровью.

В зале произошло движение.

На черных носилках четыре служителя храма осторожно внесли Ацро-Шану, Верховного жреца.

Подхерживаемый под руку, жрец медленно сошел с носилок, благословил царя, подошел к своему креслу и, не опускаясь в него, обратился к царю с речью:

— Трижды великий, могучий, непобедимый, богами хранимый владыка Атлантиды! Моя старая грудь разрывается от тоски, глаза источают слезы, и язык мой не повинуется мне... Но боги бессмертные повелели мне сообщить тебе о великом бедствии, которое надвигается на Атлантиду. Увы, увы... Мы все погрешили перед богами, и гнев их обрушился на нас...

Гуан-Атагуераган заметно побледнел.

— Говори скорее, в чем дело, — сказал он глухим голосом.

— Атлантида обречена... Атлантида должна погибнуть... от страшного землетрясения. Огонь пожрет ее. Боги открыли мне прошлой ночью, что гибель Атлантиды неизбежна. Бог-Солнце, пылающий и грозный, явился мне в виде воина. Одежды его были как расплавленная бронза, и свет лица его осле-

плял. И он сказал мне: «Спасайтесь!.. Спасайтесь, пока не поздно. Ибо не останется камня на камне и не уцелеет ни одно живое существо. Огонь истребит, океан поглотит Атлантиду. И там, где стояли высокие горы, только волны морские будут вздымать гребни свои. И сама память об Атлантиде сотрется в веках...»

Ацро-Шану говорил грозно, как пророк, и каждое слово его леденило сердце...

Царь откинулся, судорожно сжал ручку трона и прикрыл глаза. По его лицу прошла судорога.

— Ты лжешь, старик!.. Вы все лжете!.. Я не верю вам! Вы хотите запугать меня. Не за то ль, что уменьшил ваши доходы?

— Ничто не спасет Атлантиду! Страшный день гнева близится! — воскликнул Ацро-Шану.

И как бы в подтверждение этих слов, вдруг прокатился сильный волнообразный подземный удар.

Со светильников сорвались языки пламени, и некоторые из них погасли. Бронзовое оружие со звоном и лязгом обрушилось на пол. Кресла и царский престол покачнулись. С оглушительным треском расселась капитальная стена. По всему мозаичному полу от входных дверей протянулась большая трещина. Постепенно суживаясь, она доходила до самого подножия престола.

Царь с ужасом смотрел на эту трещину, как на подползавшую змею, которая готова ужалить его.

Снаружи слышались крики и плач испуганных женщин и детей. Но в самом зале стояла гнетущая тишина. В эти немногие мгновенья сознание людей должно было примириться с мыслью, которая переворачивала всю их жизнь. Это было так неожиданно, так необычайно странно и нелепо, что мозг отказывался понять... И царь смотрел как загипнотизированный на зловещую трещину и не мог произнести ни слова.

Раздался второй толчок. Зазвенело оставшееся на стенах оружие, и затрепетали хрустальные подвески на бронзовых светильниках...

Царь встал с престола и, забыв об этикете, подошел к окну, чтобы освежить голову. Ветер доносил сюда соленую свежесть океана.

Царь посмотрел вниз на огни Атлантиды, расстилавшейся у подножия Священного Холма.

— Бедная Атлантида... — прошептал он, повторяя слова Ацро-Шану.

Убитый, растерянный, обернулся он к собравшимся. Хрустнул пальцами, унизанными кольцами и перстнями, и, обводя взором жрецов, спросил:

— Что же делать теперь?..

Члены Верховного Совета поднялись со своих кресел и образовали шумную толпу. От торжественности заседания не осталось и следа. Они говорили все разом, не слушая друг друга и размахивая руками. Только Ацро-Шану сохранял полное спокойствие.

— Тише! — сказал он. — Стыдно! Вы не рабы! Если потеряем спокойствие, кто позаботится о нашем спасении?

Наступило молчание. Все были смущены.

— С Атлантидой кончено, — продолжал Верховный жрец. — Надо подумать о нашем спасении. А оно может быть только в одном — бегстве. Не теряя ни одной минуты, мы должны собираться в путь; мы должны взять с собой наше оружие, нашу армию — это первое и главнейшее, так как нужно будет заново строить свое могущество... Многие друзья отвернутся от нас и станут врагами. Нужно взять с собой наши драгоценности, наших животных, семена наших хлебных растений. Наш флот может перевезти только армию... Для жителей Священного Холма и свободных граждан должны быть построены новые огромные корабли-ковчеги. Предстоят бури и ливни, и корабли должны быть построены так, чтобы бороться с ними!.. Надо немедля браться за работу. Каждая минута дорога...

— Но кто будет строить корабли? Кто возьмет на себя всю черную работу по сборам в путь? Рабы бежали! — сказал Кунтинашар.

— Надо вернуть рабов, — ответил Ацро-Шану. — Надо объявить им помилование и поставить на работы.

— Никогда! — гневно воскликнул царь. — Помиловать бунтовщиков? Цареубийц? Никогда! Мы привлечем к работам воинов!

— У воинов будет достаточно своей работы! — осмелился

возразить Кетцаль-Коотль. — И потом... Мои воины? Какие же они столяры и плотники? Воины умеют только владеть мечом! Их пришлось бы еще долго учить новому ремеслу.

— Сейчас не время для мести... — сказал Ацро-Шану. — У нас нет выбора: или помиловать рабов, или погибнуть вместе с ними.

— Лучше погибнуть, чем помиловать! — упрямо ответил царь.

— Ну, что ж! Твоя воля священна. Будем готовиться к гибели, — сказал Ацро-Шану, лукаво взглянув на царя из-под нависших бровей.

— Но... я успею спастись! — смущенно произнес царь, помолчав.

— Да, ты можешь успеть. Но что будет с тобой, если при тебе не будет армии, жрецов, оружия, всяческих запасов и золота? Ты будешь как тростник, ветром колеблемый.

Царь колебался.

— Вот что... — продолжал Ацро-Шану с той же скрытой улыбкой. — Ты жаждешь мести. Она не минует рабов. Мы можем пообещать им помилование. Но ничто не помешает нам взять лишь столько рабов, сколько нам нужно для путешествия и устройства на новом месте. Остальных мы оставим, в последний момент пообещав вернуться за ними. Поверь, что гнев богов настигнет их здесь вернее, чем меч Кетцаль-Коотля. Ни один не уцелеет... А когда обживешься на новом месте и обзаведешься новыми рабами, можно будет покончить с мятежниками, вывезенными из Атлантиды. Не так ли?..

Царь нахмурился и процедил сквозь зубы:

— Согласен!.. Кетцаль-Коотль! Разошли вестников по всем лесам. Объяви им от моего имени о царской милости.

XVI. КРЫЛАТЫЙ ЗМЕЙ

Во все города и селения Атлантиды были разосланы гонцы. На площади у храмов звучали бронзовые трубы этих вестников несчастья. Глашатаи кричали перед испуганной толпой:

— Гнев богов обрек Атлантиду на гибель!.. Все население волей царя призывается на общественные работы... Мы должны спешно готовиться к бегству!..

Посейдонис походил на встревоженный муравейник. Люди бегали по улицам испуганные, бледные, как во время пожара. Общее несчастье сблизило людей и нарушило кастовые преграды. Незнакомые люди различных каст окликали друг друга:

— Слыхали?

— Да. Ужасно!.. — и разбегались в разные стороны.

Казалось, вся Атлантида потеряла голову. Люди перебирали свои вещи, отбрасывая ценное, складывая ненужное, суетились без толку, забывая о сне и еде. Некоторые впадали в странное оцепенение: сидели молча, ничего не слыша, как статуи. Женщины плакали, прижимая детей к груди.

Так длилось несколько дней, пока Священный Холм не организовал правильных работ.

Хмурые, плохо верящие в «царскую милость», возвращались рабы из лесов. Другого выхода им не оставалось. Все же часть рабов не вернулась в Черный город. Одни из них не верили в неизбежную гибель Атлантиды, другие предпочитали лучше умереть свободными, чем вернуться к рабству.

Близкая опасность, казалось, удесятеряла силы людей. Работы шли днем и ночью с короткими перерывами на сон и обед.

По горным дорогам из лесов тянулись беспрерывной лентой обозы, снабжавшие доки и верфи строительными материалами. Люди и животные падали замертво на дороге, их оттаскивали в сторону; очищали путь, и работа продолжалась с тою же лихорадочной поспешностью.

Готовые корабли нагружались оружием, домашним скарбом, животными, не только домашними, но и дикими: атланты хотели сохранить по возможности все, что напоминало бы им на новых местах их солнечную родину. Каждому свободному гражданину разрешалось взять по семи пар домашних животных и птиц и по две пары диких.

Новые верфи покрывались тысячами строящихся судов; на судах были сооружены крытые палубы на случай бурь и ливней.

При всей напряженности и лихорадочности работ скоро выяснилось, что с первыми отходящими кораблями можно будет вывезти лишь ничтожную долю накопленных тысячеле-

тиями богатств Атлантиды. Царские и жреческие сокровища казались неисчерпаемыми. Решено было взять в первую очередь самое ценное и менее громоздкое. Если катастрофа замедлится, оставшееся имущество можно будет вывезти постепенно. Однако на это было мало надежды. Чтобы вывезти в первую очередь хотя бы часть несметных богатств правящих каст, нужно было сознательно бросить почти на верную гибель не только рабов, но и часть свободного населения Атлантиды. Однако, чтобы избежать паники и восстаний, Священный Холм заверял население, что все оно, до последнего раба, будет увезено до наступления катастрофы.

Наконец сборы царствующего дома были окончены. Все члены царской семьи собрались во дворце царя перед тем, как отправиться на корабли. Не было только Сель, находившейся еще в Соколином Гнезде. Послали за нею. Но посланный вернулся в смущении: Сель не было в Соколином Гнезде.

Ее жених, царь Ашура, был огорчен этим известием, а Гуан-Атагуераган разгневан. Он возлагал большие надежды на брак царя Ашура со своей дочерью. Теперь царь Атлантиды особенно нуждался в дружбе и помощи могучего подвластного царя! Увы! Останется ли он подвластным? Удастся ли сохранить хотя бы дружбу его?..

Царь потребовал немедленно привести для допроса няньку Сель, старуху Гу-Шур-Ца.

Она явилась перед грозные очи царя, низко кланяясь, всхлипывая и утирая слезы краем плаща.

— Где Сель? — спросил сурово царь.

— Трижды великий!.. — и Ца упала на колени. — Не гневись на рабу твою... Я не виновата... Я хранила ее как зеницу ока, но в прошлую ночь крылатый змей спустился с горы... Крылья его были как у летучей мыши, а ноги как у льва... Из ноздрей его шел дым, и огнем дышала пасть его... Сель сидела на балконе и отдыхала в ночной прохладе. Вдруг змей схватил ее в свои когти и взвился с ней на воздух... Я успела уцепиться за плащ Сель. Змей и меня приподнял на воздух... Но плащ упал с плеча Сель, а вместе с ним упала и я... Вот все, что осталось от Сель... — И Ца бросила к ногам царя голубой шелковый плащ Сель, расшитый серебряными лилиями.

Все были поражены рассказом. Но царь подозрительно посмотрел на жрецов.

— Что ты скажешь, Кунтинашар?

— Трижды великий... Я не знаю, что сказать. Бежать Сель не могла... Может быть, ее похитили...

Царь глубоко задумался. Одно несчастье преследует его за другим... Неужели боги наказывают его за ссору с жрецами?.. Гордость и страх боролись в его душе. Страх победил.

— Да будет воля богов!.. — И, обратившись к жрецам, он сказал: — Молитесь богам, чтобы не до конца преследовал нас гнев их... А я... я сделаю все, что могу... Я восстанавливаю ваши права!.. Корабли ждут нас. Но пусть продолжаются поиски Сель после нашего отъезда. Может быть, нам удастся спасти ее...

И тяжело вздохнув, он обратился к рабам:

— Носилки!..

Последний царь Атлантиды, мерно колыхаясь на золотых носилках, спускался со Священного Холма, чтобы никогда сюда не возвращаться...

XVII. «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Акса-Гуам поправлялся медленно. Он долго бредил восстанием.

Наконец лихорадка оставила его.

— Ну что, сынок, ожил? — ласково спросил его дедушка Гуамф.

Акса-Гуам посмотрел вокруг. Он лежал в старой шахте. Слабый свет виднелся со стороны входа.

— Три недели я тебя берег в этой мышиной норе от ваших ищеек. Первое время очень опасно было. Ну, теперь у них столько забот, что не до тебя. Адиширна был. Тайком пробрался. Зовет в лес. Говорит, хорошо у них там!..

Акса-Гуам ушел к Адиширне, как только позволили силы. Гуамф проводил его. Ночью тайными тропами пробирались они среди гигантских стволов, поднимавшихся ввысь, как колонны храма. Когда-то, в старину, эти стволы и брали для колонн. Теперь они шли на постройку кораблей.

— Ну и проказник внук мой! Такую штуку выкинул, что...

Да вот сам увидишь! — болтал дедушка Гуамф и смеялся беззубым ртом.

Среди стволов, у пещеры, показалось пламя костра. Когда путники подошли ближе, они увидели Адиширну, который жарил на вертеле горную серну.

— Ого-го! — закричал дедушка Гуамф.

Адиширна вскочил и схватился за меч. Но, узнав Акса-Гуама и деда, он бросился к ним навстречу.

Акса-Гуам дружески поздоровался с ним.

Вдруг, привлеченная их голосами, из пещеры вышла женщина.

Акса-Гуам взглянул на нее и отшатнулся, пораженный неожиданностью.

— Царевна!.. Сель!..

— Да, это она, — сказал Адиширна... — Моя жена!.. — прибавил он с радостным смущением.

— Но почему ты здесь, Сель?..

Все расположились около костра, и Адиширна рассказал Акса-Гуаму историю похищения Сель «крылатым драконом». Этим «драконом» был сам Адиширна. Он решил во что бы то ни стало похитить Сель. Проникнуть через дворец ему не удалось. Тогда он рискнул на последнее средство. Достал канат, укрепил его на вершине горы, над Соколиным Гнездом, и спустился по канату к балкону Сель. Канат оказался коротким: до балкона не хватало всего каких-нибудь два локтя. Адиширна поднялся по канату, привязал конец его у ступни ноги и бросился вниз головой. Протянутые руки достали до рук Сель. Привыкшая к физическим упражнениям, сильная и ловкая, Сель сама поднялась по канату, а вслед за ней и Адиширна. Чтобы избавить няньку от царского гнева, Адиширна успел крикнуть ей о «крылатом драконе», который похитил царевну.

— Так удалось мне сорвать недоступную розу Золотых Садов, — закончил он рассказ, весело взглянув на Сель.

Акса-Гуам не понял этих слов, но Сель ласково улыбнулась Адиширне в ответ.

Дедушка Гуамф зашевелился:

— Ну, дети, мне пора... Цальна, наверно, давно уже ворчит. Навещайте старика! А когда отчалят все корабли, спус-

кайтесь с ваших гор. Здесь хорошо, да больно холодно... Жрецы говорят, что Атлантида погибнет в огне. А я так не очень им верю! Ну, погремит, потрясет, тем дело и кончится. Мало я на своем веку этих подземных толчков пережил? Земля прочно построена. Поверьте мне, старику!.. Да хранят вас боги!..

И он скрылся во мраке леса.

Акса-Гуам поселился в соседней пещере.

Но ему нелегко было смотреть на счастливую пару. При виде Адиширны и Сель его рана — потеря Аты — болела сильней.

И он старался забыться в движении, пропадая целыми днями на охоте. Адиширна и Сель с эгоизмом влюбленных были очень довольны этим увлечением Акса-Гуама охотой. Акса-Гуам обеспечивал их провизией, и они все время могли проводить вместе. Они переживали «золотой век». Поглощенные своею любовью, они не думали о катастрофе. Кругом был простор не тронутой человеком природы. Далеко внизу, как игрушечный, виднелся великий Посейдонис; еще дальше — голубая пелена океана. Чистый горный воздух был наполнен ароматами горьких трав и хвои, близость пояса вечных снегов умеряла зной.

Особенно радостны были восходы солнца. Разноголосый хор птиц, румянец зари и разливающаяся по океану золотая река солнечных лучей приводили их в такой восторг, что они падали на колени перед восходящим светилом, воздевали руки и начинали петь гимн солнцу. Это было не религиозное обожествление солнца, но чистый восторг перед великолепием мира...

Потом приходил Акса-Гуам, уставший, часто окровавленный, и приносил на плече свежую дичь, горных коз, меха убитых зверей.

Пока аппетитно дымилось поджариваемое мясо, Акса-Гуам рассказывал о своих охотничьих приключениях...

И дни проходили незаметно.

Казалось, их «золотой век» никогда не кончится.

Но катастрофа сама напомнила о себе.

Еще накануне извержения вулкана в жизни леса стало твориться что-то неладное. Птицы срывались со своих гнезд и с беспокойными криками целыми стаями тянулись к океану.

Из земли вылезали змеи и большие ящерицы; змеи с шипеньем целыми клубками скатывались вниз. Среди деревьев мелькали горные козы, лисицы и крупные дикие звери. Блеяли козы, звери рычали и бежали все в одном направлении — вниз. Ломая деревья и громко трубя, промчался слон-отшельник. В воздухе стояла необычайная тишина и то особенное напряжение, которое испытывают нервные люди перед грозой. Но земля была неподвижна. Уже несколько дней не чувствовалось ни малейшего колебания почвы. Однако непонятное беспокойство овладело обитателями лесов[1].

Адиширна и Сель уговаривали Акса-Гуама не идти на охоту.

— Пустяки! — ответил Акса-Гуам. — Сегодня-то и охотиться! Смотрите, козы бегут целыми стадами. Прощайте! Я скоро вернусь! — И он бодро зашагал в чащу.

Адиширна и Сель с тревогой проводили его глазами.

Акса-Гуам вышел на поляну и с изумлением остановился. Вся она была покрыта стадами бегущих коз. Он уже стал выбирать, в какую из них бросить копье, как вдруг ужасный толчок бросил его на землю. Как одна, упали и все козы, но тотчас поднялись и с жалостливым блеянием побежали вниз еще быстрее. Вслед за толчком раздался взрыв необычайной силы. Человеческое ухо не способно было уже воспринять его как звук. Акса-Гуаму показалось, что его ударили в оба уха. Он опять упал, почти потеряв сознание. Лежа на земле, он увидел, как над самым высоким горным хребтом вздымается огромный столб пара. С оглушительным грохотом жерло вулкана выбрасывает целые горы мелких и крупных камней. Пар, вода и пепел, поднимаясь все выше, распластывались над вершиной, как зонтик. Небо быстро затягивалось мглой. Над вулканом в несколько минут образовались темные тучи. Засверкала молния, загремел гром. Дождь и мелкие камни затрещали по листьям деревьев и скалам. Ухо несколько привыкло к грохоту вулкана и уловило новые звуки: отдаленный рев, быстро приближающийся.

— Откуда этот рев? — воскликнул Акса-Гуам и вдруг увидел, что столбы пара и тучи окрасились багровым отсве-

[1]Не только животные и птицы, но и некоторые люди инстинктивно чувствуют приближение вулканических катастроф. — *Ларисон.*

том... — Огонь!.. Огонь и горячий пар растопили вековые льды и снега на вершине гор!..

Так оно и было. Через несколько минут огромные водопады уже неслись с вершин гор, увлекая в своем течении тысячепудовые камни, стволы деревьев, барахтавшихся животных и зверей.

Еще минута — и один из водопадов обрушился в долину, на высоком берегу которой находился в это время Акса-Гуам. Путь к пещере был отрезан. Нечего было и думать перебраться через это бешеное течение... Приходилось думать лишь о собственном спасении.

Пары спускались ниже, наполняя воздух удушливым запахом серы и углекислоты... Кружилась голова... Несколько камней больно ударили по телу... Акса-Гуам поднялся, обмотал голову шкурой леопарда, которая была на нем, и бросился вниз, по горному кряжу, разделявшему два потока.

Высеченная из скал статуя Бога-Солнца преграждала путь водопадам, и они растекались по обе стороны. Священный Холм не заливался водой, и туда бежал Акса-Гуам...

С величайшими усилиями ему удалось добраться до Холма.

Но здесь он увидел новые ужасы — ужасы человеческого безумия.

Сюда, на Холм, собрались брошенные, обреченные на гибель рабы. Власти больше не было. Не было ни царей, ни жрецов, ни воинов. Все были свободные, вольные, все были равны. И все были безумно богаты... Да, да!.. В Атлантиде остались еще несметные богатства. Землетрясение разрушило скрытые сокровищницы, и из храмов, пирамид, дворцов просыпались прямо на дорогу, в грязь, целые горы золота, бриллиантов, изумрудов... Безумие охватило толпу... Рабы собирали драгоценности, набирали в мешки, дрались, отнимали друг у друга, убивали... Закапывали бриллианты, хватали пригоршнями драгоценные камни, жадно прижимали их к груди или вдруг разбрасывали с безумным смехом. И самоцветные камни горели в грязи, как капли крови, в багряном свете вулкана. Иные надевали роскошные, кованные золотом и усыпанные бриллиантами тяжелые облачения жрецов и праздничные одежды царей и с высокими коронами и тиарами на головах плясали безумный танец... И все это покрывалось беспрерывным грохотанием вулкана...

«Что, если кто-нибудь из них узнает меня?» — в ужасе подумал Акса-Гуам.

Но все они были слишком возбуждены, чтобы понимать что-нибудь.

Близкий к безумию, он бросился к Черному городу.

«Дедушка Гуамф, Цальна!.. Что с ними?..»

Он был уже недалеко от их дома, когда новый подземный удар потряс почву. И вдруг громадная трещина разверзлась между ним и домом дедушки Гуамфа. Из недр земли поднялся пар, насыщенный серой.

В клубах пара он увидел, как на другой стороне трещины появилась девочка Ле, сестра Адиширны.

Она размахивала ручонками и что-то кричала.

Он не мог помочь ей... Ветер отнес в сторону пар, и он увидел, как большой камень, упавший с неба на голову Ле, замертво уложил кудрявую шалунью...

— Здесь больше некого спасать!.. — крикнул он с отчаянием и бросился к порту. В гавани еще стоял один из последних кораблей. Гребцы с усилием налегали на весла, но встречный ветер затруднял выход в открытый океан. Акса-Гуам бросился в волны и поплыл. Среди высоких бурных волн, освещаемых зловещим красным светом, виднелись головы рабов. Они плыли к кораблю, но немногие из них достигли цели: одних топили волны, других убивали падающие на головы камни с неба. Подплывавших совсем близко поражали с корабля метко пущенные копья.

Акса-Гуам упорно плыл, стиснув зубы. Мрак сгущался, волны поднимались все выше. Гребцы бились из последних сил и медленно подавали корабль вперед. Акса-Гуама увидели. Копья замелькали вокруг него. Акса-Гуам нырнул, проплыл под водою до самого корабля и слабеющей рукой ухватился за бронзовое кольцо...

XVIII. ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

Адиширна и Сель не пострадали от первого извержения, выбросившего массы паров, грязи и камней. Пещера укрыла их от каменного дождя, а потоки воды низвергались вниз бушующими водопадами по сторонам и водяной завесой с верх-

ней скалы. В воде недостатка не было, а в пещере хранились запасы сушеных плодов и вяленого мяса, заготовленного Акса-Гуамом.

Но сам Акса-Гуам пропал бесследно. Адиширна и Сель оплакивали его гибель.

Прошло несколько дней.

Когда вода несколько спала, Адиширна и Сель вышли из своего убежища. Оглядевшись вокруг, они были поражены. Местность стала неузнаваемой. По сторонам пещеры еще бурлили потоки мутной воды. Громадные стволы лежали как трупы на поле сражения. Уцелевшие деревья, лишенные листвы, с поломанными сучьями, наводили уныние. Вода произвела громадные выбоины и колеи, вывернула и переместила скалы, нанесла кучи камней, ила и грязи, смешанной с пеплом. Среди поваленных деревьев и мусора виднелись вспухшие трупы животных и птиц.

Земля была опустошена, обезображена и пустынна. Мертвое молчание нарушалось лишь завыванием ветра.

Угрюмо и безотрадно было и небо. Солнце скрылось, и тяжелая пелена туч, пара и пепла задернула когда-то сияющий голубой полог неба.

Атлантида потеряла все свои краски и все свое великолепие... Адиширне казалось, будто он смотрит на ужасный, обезображенный труп любимого существа.

Он был потрясен как художник и человек. Мысль о неизбежной гибели впервые вошла в его сознание, чтобы не оставлять его.

Как испуганные, брошенные дети, прижались они друг к другу и долго, с немым ужасом смотрели на опустошенный мир...

Слезы струились по щекам Сель.

Адиширна заметил их и поспешил успокоить свою подругу:

— Не печалься, Сель! Не все еще погибло! Что было бы с нами, если бы мы раньше сошли вниз? Тебя отняли бы от меня и увезли далеко, а меня ждала неизбежная смерть. Но теперь мы подумаем о нашем спасении. Мы проберемся в порт и посмотрим, не осталось ли там какого-нибудь парусного судна. Если нет, я сколочу плот, прикреплю парус, и мы постараемся перебраться на восточный материк. Пролив неве-

лик. И в нем много мелких островов[1]. Завтра с рассветом мы двинемся в путь.

— О, если бы вулкан хоть несколько дней дал нам сроку... Завтра рано утром мы отправляемся в путь...

Но вулкан не дал им отсрочки.

В ту же ночь, когда Сель мирно спала на разостланных шкурах, а Адиширна обдумывал план бегства, подземные силы огня вдруг опять заработали. Извержение паров было только началом[2].

Сильный подземный толчок вдруг потряс пещеру. Большой камень оторвался от верхнего свода и ударил в плечо спящей Сель. Она вскрикнула от боли и проснулась. Адиширна подбежал к ней и быстро вынес из пещеры.

При свете костра Адиширна с ужасом увидел, что плечо раздроблено. Он готов был сейчас же нести на руках свою драгоценную ношу, но это было невозможно: вверху была отвесная стена, а внизу два бурных потока, обтекавших скалу, сливаясь, замыкали выход. Нечего было и думать перейти этот бурный поток с катящимися в нем камнями во тьме ночи, с живою ношей на руках...

Адиширна положил Сель на землю.

Оглушающий рев ветра, бушевание бури, громыхание камней, увлекаемых бурным потоком, удары грома, шум ливня, тьма... И вдруг, покрывая все звуки, из самых недр земли раздалось глухое рокотанье. Оно росло, приближалось, сотрясало почву. Дрожавшая земля начала подниматься, опускаться, качаться из стороны в сторону. Подземный рев вырывающихся чудовищ огня все возрастал и вдруг превратился в оглушительный взрыв сверхъестественной силы. Вся верхушка конуса вулкана взлетела на облака. Обломки скал взлетали в воздух, освещенные снизу все усиливающимся заревом расплав-

[1] Восточный материк — Африка, отделявшаяся от Атлантиды проливом. Когда-то они составляли одно целое. О мелких островах, лежавших между Атлантидой и Африканским материком, упоминается и у Платона. Верность этого упоминания нашла полное подтверждение, как и многое другое, рассказанное Платоном об Атлантиде.

[2] Извержения вулканов чаще всего начинаются выбрасыванием паров: иногда этим дело и кончается; но обычно вслед за этим следует извержение расплавленных масс лавы. — *Ларисон.*

ленной лавы, которая поднималась вверх по жерлу вулкана. Тучи стали багровыми, как будто они налились кровью. На темном фоне гор, сбоку усеченной вершины вулкана, вдруг появилось пятно ослепительной яркости. Это расплавленная лава переплеснулась через край вулканического жерла. Скоро донеслось ее горячее дыхание. Воздух накалялся и все более насыщался серой и углекислотой. Становилось трудно дышать. Громадные камни, выброшенные на воздух, падали обратно в жерло. Прорывающиеся из недр земли, сжатые жерлом пары вновь выбрасывали их. Это создавало необычайный шум, лязг и грохот, словно работала какая-то чудовищная кузница. Мелкие камни долетали до Адиширны и Сель и с сухим треском падали вокруг них. Адиширна был так поражен, что сидел неподвижно, устремив безумный взор на все увеличивающуюся ослепительную полосу у вершины вулкана.

Расплавленная лава, как солнечное ожерелье, опоясала уже всю вершину вулкана. Ожерелье ширилось, от него стали отделяться такие же ослепительные яркие «подвески»-потоки и стекать вниз по вековым пластам ледников. Лед плавился, превращался в пары, багровые в зареве вулканического огня. Новые бурные потоки воды устремились вниз.

Когда Адиширне казалось, что все уже потеряно, он с радостью заметил, что потоки лавы, охлаждаемые воздухом, почвой и водой, затвердевают, спускаясь ниже, медленно тускнеют и наконец покрываются темноватой корой. По этой коре еще вспыхивают некоторое время, как искры потухающего костра, прорывающиеся струи расплавленной лавы. Постепенно гаснут и они. Но новые потоки лавы вдруг переплескиваются через край жерла и с необычайной быстротой катятся по гладкой и горячей коре уже застывшей лавы. Только достигнув ее края и расплываясь по холодной неровной почве, эти потоки замедляют движение и так же медленно застывают.

С каждым новым потоком лава спускалась все ниже, и пласт ее становился чем выше, тем толще.

От удушливого воздуха и тяжелой раны Сель потеряла сознание.

Адиширна держал ее на руках, как ребенка, пытался привести в чувство и машинально повторял:

— Только бы дождаться утра!

Он не знал, что утро давно настало, что день склонился уже за полдень, но небо и земля были погружены в тот же полумрак, освещаемый багровым светом вулкана.

Над вершиной вулкана кружились вихри пара и туч. В свете огня они казались пламенными. Молнии, как змеи, перевивали этот хаос. Удары грома заглушались непрерывным грохотанием вулкана.

Ждать больше было нельзя. Уже довольно крупные камни падали все чаще вокруг них. Несколько камней ушибло Адиширну и Сель. Она дышала все тяжелее. Озаренное багровым светом, с мутными зрачками глаз и приоткрытым ртом, ее лицо, искаженное застывшей гримасой страдания, казалось лицом мертвеца.

Сам Адиширна дышал с трудом, часто вдыхая отравленный воздух широко открытым ртом. Он ощущал, как струи горячего ливня смешиваются на его теле с выступавшим холодным потом. Голова кружилась, в ушах шумело, стучало в висках...

Он с трудом поднялся, взял на руки безжизненное тело Сель и вдруг в изнеможении опустился на землю... Ноги дрожали от слабости и волнения. Почва колебалась, уходила из-под ног или вдруг вырастала, подламывая ноги в коленях. Он чувствовал, что близок к потере сознания. Усилием воли он поборол слабость. Обернув голову Сель и свою звериными шкурами, он отправился в путь, чувствуя в слабеющих руках как будто все увеличивающуюся тяжесть тела Сель. Он падал вместе с Сель, слушал ее дыхание и вновь шел среди стонущего, искалеченного леса, спотыкаясь о камни, стволы и трупы животных, пока бурный поток не преградил ему путь. Адиширна остановился в нерешительности. Вода клокотала, огромные камни, увлекаемые потоком, гремели по острым выступам русла. Обернулся назад, как будто ища спасения. Но потоки лавы спустились еще ниже. Они уже почти достигли их покинутой пещеры... Надо было решаться.

Адиширна искал переправы. Собрав силы, он стал переходить поток вброд. Но бурное течение сразу сбило его с ног, и он погрузился вместе с Сель в воду. В тот же миг он был прибит к берегу, больно ударившись боком о скалу. С трудом вы-

шел он на берег и положил Сель. Вода несколько освежила его. Сель подавала слабые признаки жизни.

Отдохнув, он пустился в дальнейший путь. Здесь было уже меньше падающих камней, деревья сохранили часть листвы, и она задерживала проникновение удушливых газов. Дышать стало легче, и Адиширна ускорил шаги. Но идти было трудно, почва колебалась по-прежнему. Приходилось обходить трещины и образовавшиеся складки горной породы. Наконец он спустился на Священный Холм.

Здесь уже не было того безумного возбуждения, которое наблюдал Акса-Гуам. Большинство рабов укрылось в подземельях. На улицах встречались сошедшие с ума. Их было много. Они хохотали, прыгали и размахивали руками или отчаянно рыдали и рвали на себе волосы. Иные сидели на земле, неподвижные, безучастные ко всему, как статуи...

Новый подземный удар потряс землю. С вершины вулкана поднялся столб дыма и огня, вознесся выше туч, раскинулся над кратером, как распущенный зонт, и вдруг стал быстро спускаться на землю.

При первом же порыве ветра, принесшем клубы едкого дыма, Адиширна почувствовал присутствие в воздухе отравленных паров. Он задыхался. Бежать в порт было поздно... Адиширна оглянулся кругом и увидел, что он находился у дворца Ацро-Шану, Верховного жреца, хранителя Высших Тайн. Ворота в стене, ограждавшей сад, были открыты. Он бросился в сад, вбежал во дворец и по знакомым коридорам спустился в подземное помещение.

Здесь воздух был чище. Но все стены дали трещины. Он вбежал в библиотеку и остановился в изумлении. Потолок комнаты обвалился, и в образовавшийся пролет было видно багровое небо. На полу валялось несколько трупов рабов, служивших у Ацро-Шану, придавленных обрушившейся частью потолка. У одного из столов стоял светильник. Груды бронзовых пластинок лежали на столе.

У стола сидел сам Ацро-Шану в своей черной жреческой одежде. Спокойный, как всегда, он старательно писал стилосом на бронзовой пластинке.

— Ты здесь?! — в изумлении воскликнул Адиширна.

Ацро-Шану поднял голову и посмотрел на Адиширну. Насмешливый огонек сверкнул в его живых черных глазах.

— А! «Крылатый дракон» слетел с гор и принес похищенную голубку?..

Адиширна опустил Сель на пол и начал приводить ее в чувство.

— Оставь ее! — строго сказал Ацро-Шану. — Забвение — ценный дар природы. Не лишай ее этого дара. Иди сюда!

Адиширна повиновался. Укрыв Сель, он подошел к жрецу.

— Ты не уехал? — спросил он жреца.

— Я умру с Атлантидой, — спокойно ответил Ацро-Шану и с улыбкой прибавил: — И потом, надо же кому-нибудь вести летопись. Без записи событий этих последних дней Атлантиды ее история не будет полна.

— Но какой смысл, если Атлантида погибнет?.. — с недоумением спросил Адиширна.

— Погибают народы, живет человечество, — ответил Ацро-Шану[1]. — Расскажи мне, что происходило с тобой и что ты видел, — я запишу. Все мои рабы погибли, и круг моих наблюдений ограничен.

Было что-то властное в словах Ацро-Шану.

Адиширна, как в полусне, начал рассказывать. Ацро-Шану старательно записывал, иногда задавал вопросы.

Пол, стены и мебель дрожали, бронзовые пластинки позванивали и передвигались на столе, качало стул, на котором сидел Ацро-Шану. Струи ливня заносились в пролет обрушившегося потолка и лужами растекались по полу, смешиваясь с лужами крови убитых рабов, а Ацро-Шану писал, спокойный и бодрый, как всегда.

Удушливые газы начали постепенно проникать и сюда. У Адиширны кружилась голова.

Он смотрел на каменные плиты, пытаясь в затуманенном сознании восстановить какое-то событие, и никак не мог понять: кажется ли это ему, или в самом деле каменные плиты

[1]Ацро-Шану, очевидно, обладал большим историческим кругозором; он писал для истории, для нас, которые будут жить много тысячелетий спустя; и он не ошибся: мы нашли эти записи, и они дали чрезвычайно ценный материал, который я использовал и для настоящей повести. Научная ценность «бронзовой библиотеки» Атлантиды известна всему ученому миру. — *Ларисон.*

пола отходят друг от друга, между ними образуется трещина, она все растет. И вдруг он ясно осознал, что это не сон и не бред: громадная трещина прошла по полу, превратилась в зияющую щель и отделила его от Сель. Сель, лежащая на другой стороне образовавшейся трещины, вдруг вместе с полом отплыла куда-то от него. Толстые стены шатались, с треском рвались, разваливались, все качалось и рушилось. Ацро-Шану вместе со своими таблицами и стилосом в руке куда-то внезапно провалился...

Адиширна бросился к трещине в полу и протянул к Сель руки, но что-то ударило его в плечо и свалило с ног. Он упал на пол и увидел, как пропасть между ним и Сель со все ускоряющейся быстротой увеличивалась, превращалась в бездну, которая быстро заполнилась огнем. Стены далеко отошли друг от друга, открывая вдруг вид на вулкан и океан. Пол высоко поднялся, и Адиширна, уже теряя сознание, увидел последнее: как пропасть разодрала на две части весь материк через горный хребет от берега до берега океана. Открывшаяся бездна была полна огня. Океан устремился в эту огненную бездну. Вода превратилась в пар и рвала материк еще больше, освобождая новые огненные массы... Безумная борьба стихий... Все это длилось, быть может, несколько мгновений...

Адиширна стремительно полетел вверх вместе со всем Священным Холмом, достигая косматых туч, и потом так же стремительно упал вниз и погрузился в бездны океана с Посейдонисом, со всеми храмами, пирамидами, маяком, горною цепью, людьми и животными.

Конец!

В одну ночь Атлантиды не стало.

На том месте, где стоял цветущий Остров Блаженных, заклокотала в бешеном водовороте гигантская воронка, превосходящая размерами величайшие материки.

Огонь и пары прорывались через нее и вырастали в огненно-водяные конусы.

Постепенно затихла эта борьба воды и огня, пока над погибшей Атлантидой не успокоилась гладь океана, усеянная всплывшими стволами деревьев, трупами людей и животных.

XIX. КОРАБЛЬ МЕРТВЕЦОВ

Большой корабль, расшатанный, без мачт, без весел, увлекаемый стремительным течением, плыл по бурному океану под темным, свинцовым небом, с которого падал зловещий, сумрачный свет.

Казалось, небо, отягченное косматыми громадами туч, обрушилось на океан. А океан в бешеном порыве заплескивал вершины громадных водяных гор за облака. Ураган с ливнем, волны и тучи неслись в дикой пляске, обнимаясь, смешиваясь в безумном хаосе стихий.

Рев ветра и грохот разъяренных волн потрясали полуразбитый корабль, и он трещал, скрипел и дрожал предсмертной дрожью раненого животного. Ураган обгонял тучи и волны, волны обгоняли корабль, и все вместе они неслись с бешеной скоростью, будто низвергаясь с поверхности земли в мировую бездну. От времени до времени огненные снопы разрывали темные тучи, громовой раскат заглушал рев бури. На мгновение молния освещала водяную вершину, в которую она зарывалась с чудовищным шипением, окутывая паром место падения.

При вспышке молний во мраке пяти палуб были видны сидящие один за другим рабы, прикованные цепями.

Все они были мертвы.

В трупном оцепенении они еще держали скрюченными пальцами обломки тяжелых весел. В остекленевших глазах застыл последний ужас смерти. Ветер трепал уцелевшие тряпки на их полуобнаженных телах.

Все они разделили участь поработившего их Государства Солнца. В пучине океана и огне вулканов погибла великая Атлантида, вслед за нею погибли и ее рабы... Погибли и спасавшиеся бегством жрецы.

Только в одном человеке сохранилась еще жизнь.

Суровый старик с длинной седой бородой, живой еще под саваном воды, струившейся по его черной длинной одежде, стоял на носу корабля, со взглядом темным и ледяным, в котором чувствовалось дыхание бездны, и крепко сжимал руками треножник, поддерживающий медный диск. Жрец пытли-

во всматривался во мрак, ища берега сохранившегося еще мира, где корабль мог бы пристать.

В короткие мгновения, когда сквозь тучи проглядывало небо, атлант по звездам пытался определить направление. Огромные волны вздымались на пути и сдерживали быстроту движения корабля.

Корабль входил в одну из многочисленных флотилий, отплывших от берегов обреченной Атлантиды, когда ее гибель стала очевидной.

Один из многих... Что сталось с остальными кораблями?..

Первой отплыла из Атлантиды флотилия с царствующим домом и семьями жрецов. Жрец сопровождал эту флотилию.

Она пересекла африканский пролив и высадилась на берег.

В это время Атлантида уже вся дрожала от потрясавших ее подземных ударов, а в ее столице — великом Посейдонисе многие здания дали трещины. Сгущался мрак, шел беспрерывный ливень. Изредка еще проглядывавшее солнце было красно и тускло: разгневанный лик божества. Жрец вспомнил печальный караван, который потянулся в глубь Африки. Караван этот напоминал собой погребальное шествие. Да так оно и было: умирало Государство Солнца, гибли великие Острова Блаженных, погибала высокая цивилизация...

Бесконечной лентой потянулся караван через кустарники и леса Западной Африки, откуда атланты набирали себе рабов. Все дальше и дальше двигалось это мрачное шествие, до стран тольтеков, майя и карли... Тянулись дни более мрачные, чем ночь. Рыдали женщины, кричали дети, стонали рабы, подгоняемые плетями, ревели ослы и верблюды. Тяжелые бронзовые колесницы тонули в грязи. Красный свет факелов вырывал из тьмы то золотую статую бога, мерно покачивающуюся на руках жрецов, то громадную, лоснящуюся от дождя тушу священного слона, то блестящие бронзовые копья и мечи, то испуганное лицо матери с ребенком на руках...

На мгновение свет упал на золотые носилки. Из них выглянуло лицо того, кто так недавно владел миром: последнего царя Атлантиды, Гуана-Атагуерагана.

«Власть атлантов должна быть незыблемой, как сама земля», — вспомнил жрец любимую фразу царя. И вот он, блед-

ный, измученный, владыка мира, еще более жалкий, беспомощный и ничтожный от желания сохранить маску величия и гордости...

Вой урагана и свист смерча сливали все звуки в один долгий, непрекращающийся однообразный вопль умирающей земли...

Доставив на Африканский материк этих первых беглецов, жрец вернулся в Атлантиду руководить отплытием остальных флотилий.

Мрак сгустился над Атлантидой еще больше. Почва лихорадочно дрожала. Все чаще следовали короткие толчки, один сильнее другого. Посейдонис освещался факелами. Одна из вершин вулкана курилась, и над ней стояло зловещее багровое зарево. Многие здания уже обрушились.

Жрец прошел на Священный Холм, к храму Посейдониса. Сюда доносились шум толпы, рыдания народа, покинутого и обреченного на смерть или изгнание. Этот шум заглушался громыханием вулкана, который тяжело дышал и будто собирался с силами.

Каста жрецов отплыла с последней флотилией. В Атлантиде остались только покинутые рабы. Остались еще некоторые граждане, слишком привязанные к своей солнечной родине и не верившие в близкую гибель Атлантиды.

Вершина вулкана была вся в огне, когда на последней флотилии стали поднимать бронзовые якоря. Подземные удары чувствовались даже на воде, и корабли вздрагивали.

Наконец корабли отчалили, оставляя навсегда цветущую Атлантиду. Аромат ее цветов смешивался теперь с удушливым запахом вулканической серы. Вся гора, у подошвы которой стоял храм Посейдониса, была теперь освещена, но не благостным, радостным светом Бога-Солнца, а страшным, кровавым подземным огнем.

Оставшиеся на берегу рабы протягивали руки к отплывающим кораблям, падали на колени, умоляя взять их. Многие бросались вплавь, доплывали до кораблей, цепляясь за весла, и мешали грести. Тогда меткие стрелы с бронзовыми наконечниками и копья, пущенные с палуб, убивали их. Женщины с берега протягивали детей или грозили кулаками и броса-

ли вслед отходящим кораблям камни. Некоторые из них сходили с ума и с безумным смехом кидали детей в море...

Корабли вышли из бухты; ветер сразу натянул паруса на треугольных мачтах и понес беглецов во мрак, по безбрежному океану, в неизвестное будущее. И вот он один... Быть может, единственный уцелевший из всех отплывших с последней флотилией...

Куда понесет его течение? Увидит ли он когда-нибудь солнце?..

День ото дня воздух становился холоднее. Тучи все еще покрывали небо, но цвет их приобретал серый оттенок. Таким же серым был океан.

День уже можно было отличить от ночи. Днем сумрачный, серый полусвет освещал корабль, синие, застывшие лица мертвых, их тусклые глаза.

Холод пронизывал ледяным дыханием тело жреца, привыкшее к теплу вечного лета. Но с наступлением холода уменьшился трупный запах от людей и животных, погибших на корабле.

Окоченевшими от холода руками жрец натянул на себя меховую одежду, которая хранилась среди запасов корабля.

Жрец заметил, что течение движется в косом направлении, то замедляясь, то вновь овладевая кораблем. Корабль вошел в область подводных рифов.

Наконец изгнанник увидел берег земли.

Безотрадные, угрюмые, дикие скалы, покрытые снегом, высились над серым океаном...

Медленно падали с серого неба крупные хлопья снега...

Так вот она, новая земля, где придется ему окончить свои странствования!..

Быстрое течение принесло корабль к берегу и выбросило на отмель прибрежных скал.

Последний атлант сошел на землю[1].

[1]Следы атлантов найдены на северном берегу французской Бретани. — *Ларисон.*

Суровый старик поднялся на бугор и осмотрел чуждый, враждебный мир.

Кругом было мертво и пустынно. Только неизвестные птицы с резким криком летали над волнами океана.

Наступила ночь. Странник укрылся в пещере, зажег священный огонь, поставил треножник с диском солнца, протянул к согревающему свету закоченевшие руки и слабым надтреснутым голосом запел гимн Солнцу...

Он долго сидел в эту ночь. И пляшущее пламя костра освещало его скорбное, задумчивое лицо... Наконец, истомленный усталостью, он уснул, завернувшись в меховой плащ, грезя о солнце Атлантиды.

Наутро он стал устраиваться на новом месте. Перетащил с кораблей бронзовые инструменты и оружие. При помощи корабельных досок соорудил дверь в пещеру. Сложил в ней запасы продовольствия и шкатулки, в которых хранились священные книги и семена.

Каждое утро он поднимался задолго до восхода солнца, шел на берег моря и ждал восхода солнца.

Небо по-прежнему было затянуто серой пеленой. Но он верил: солнце вернется — воскреснет сияющий бог.

И оно вернулось после одной ясной, морозной ночи.

Северный ветер, поднявшийся с вечера, снял с неба серую пелену, открыв темно-синее небо, на котором сверкали неизвестные созвездия.

Утро пришло такое же ясное и морозное. На востоке небо окрасилось розовым светом утренней зари.

И вдруг из-за горизонта поднялось солнце...

Оно казалось изможденным пережитой борьбой с силами мрака.

Но его бог был с ним после долгой, бесконечной печальной разлуки.

На одно мгновение солнце будто остановилось над самым морем, по обе стороны его диска тянулись края горизонта. А прямо от солнца, по морю, прошла к берегу, на котором стоял жрец, золотая полоса, как золотой мост от солнца к человеку.

В этот момент диск солнца, линия горизонта и золотая полоса на поверхности океана составляли фигуру, удивительно напоминающую священный символ атлантов, который можно найти везде: у Полярного круга и у тропиков, в Южной Америке и в глубинах Средней и Восточной Азии.

Суровый, седой жрец, взволнованный и растроганный, упал на колени, протянул руки к восходящему солнцу и запел гимн Солнцу.

Голос его окреп. Простая, но красивая и торжественная мелодия зазвучала над пустынными берегами, будя эхо в прибрежных скалах...

Он пел о могуществе трижды священного бога, который побеждает ужасы мрака, дарует людям радостный свет и тепло, придает земле многообразие красок, наливает соком плоды и исцеляет болезни.

Он пел о солнце, которое играет бриллиантами в каплях росы, румянит облака и расплавляет в золото струи воды.

Он пел о солнце, которое превращается в горячую кровь человека, и в сладкий сок винограда, и в золотое зерно.

Он пел о солнце, которое есть радость и жизнь.

Он пел и не видел, как, привлеченные его пением, из-за утесов показывались белолицые люди в звериных шкурах, с голубыми глазами и русыми волосами. На кожаных ремнях у них висели каменные топоры.

Они с недоумением смотрели на диковинного старика в длинной черной одежде, поющего на незнакомом языке.

Откуда он взялся?.. Что ему здесь нужно?.. Какую опасность таит он в себе?..

XX. ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Суровый климат оказался губительным для старого атланта. Вскоре после высадки на берег он заболел. Вспомнив о том, что в полуразрушенном, выброшенном на берег корабле хранились запасы лекарств, жрец, преодолевая слабость, поднялся на его палубу.

И вдруг ему показалось, что он бредит.

У одной из мачт, греясь в бледных лучах северного солнца, сидел человек. Лицо его было изможденно и носило следы болезни. Но все в нем обличало жителя Атлантиды: удлиненные череп и нос, черные волосы, цвет кожи золотисто-бронзового оттенка, одежда...

Жрец подошел ближе. Неизвестный оглянулся, и оба они одновременно воскликнули:

— Шитца!

— Акса-Гуам!

Они стояли в нерешительности: жрец Шитца и Акса-Гуам, примкнувший к восстанию рабов против Священного Холма, обреченный на смерть царем и жрецами...

И они дружески протянули друг другу руки в знак приветствия.

В эту ночь былые враги долго сидели у костра и рассказывали о пережитом.

В ту ужасную ночь, когда произошло первое извержение вулкана, Акса-Гуам вплавь достиг последнего отплывавшего корабля и уцепился за бронзовое кольцо. Под покровом ночи по канату ему удалось проникнуть через полуоткрытый люк в трюм корабля, где он и скрывался во все время путешествия. От недостатка свежей пищи у него сделалась какая-то неизвестная в Атлантиде болезнь: опухли ноги, зубы шатались, десны кровоточили[1]. Воздух был отравлен трупным запахом. Если бы не близость люка, через который проникал свежий воздух, он задохнулся бы. Он перенес необычайные мученья и уже почти не мог двигаться от слабости и боли в опухших ногах, когда корабль прибило к берегу.

Свежий воздух и солнце медленно возвращали ему силы.

Шитца, в свою очередь, рассказал ему о своих странствованиях, вплоть до встречи с ним.

— Здесь живут белокурые люди в одеждах из звериных мехов. Это дикари, которые делают грубые топоры и ножи из отесанных камней[2]. Они не умеют обрабатывать землю и питаются сырым мясом убитых животных. Даже добывание огня

[1]Нет сомнения, что это была цинга. — *Ларисон.*

[2]В то время как Атлантиде было уже известно изготовление бронзы, Европа переживала еще каменный век. — *Ларисон.*

неизвестно им. Они едва не убили меня. Но вид разведенного мною костра привел их в священный трепет, а наше блестящее бронзовое оружие — в необычайный восторг. Теперь они почти боготворят меня. Язык их груб и беден. Он напоминает скорее язык животных, чем людей: рассерженные, они ворчат по-звериному, а нападая на зверя или врага — рычат, ревут и лают, как он. Но они любопытны и переимчивы. Они понимают ласку и тогда становятся доверчивыми, как дети... Кто знает, может быть, когда-нибудь и они станут такими же людьми, как атланты!..

Шитца устал и закрыл глаза. Он тяжело дышал. Лихорадочный огонь пожирал его и зажег румянец на старом, изможденном лице.

— Я скоро умру... Как хорошо, что я встретил тебя!.. Ты закроешь мне глаза и похоронишь по нашему обычаю. Проходит все... народы умирают, как человек, и гибнут целые государства... Быть может, ты последний человек из Атлантиды. Что сталось с другими?.. Умрешь и ты, и память об Атлантиде изгладится в грядущих тысячелетиях... Скоро восход... Вынеси меня на берег...

Акса-Гуам вынес жреца и положил лицом к востоку.

Шитца не мог уже говорить. Он смог только улыбнуться первым лучам солнца и умер.

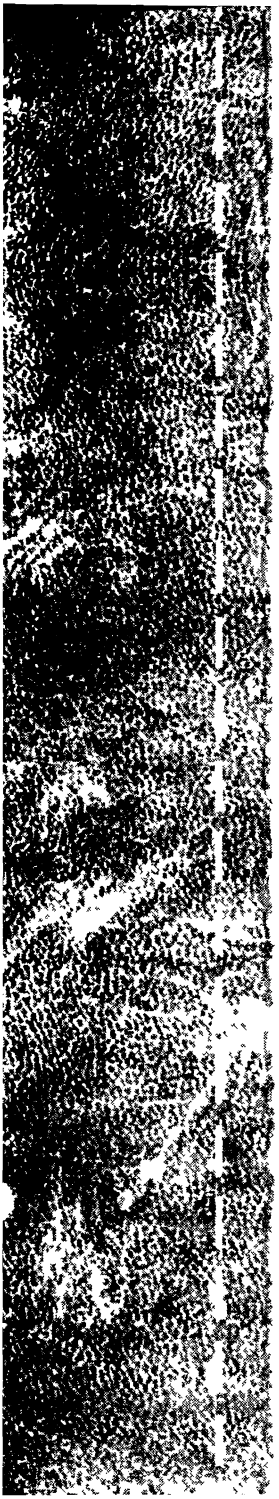
Акса-Гуам остался один — быть может, один во всем мире, последний человек из Атлантиды.

Он познакомился с обитателями этих унылых мест и скоро завоевал своими знаниями их глубокое уважение.

Когда настала весна, он научил их обрабатывать землю и засевать вспаханные мотыгами поля. Он научил их добывать огонь посредством трения сухих кусков дерева или высекая искру из кремня в сухие листья и мох. Многим ремеслам и знаниям научились они от него. Одни из них стали оседлыми земледельцами, другие продолжали заниматься охотой и войнами. А в долгие зимние вечера он рассказывал им чудесные истории о Золотом веке, когда люди жили счастливые, среди вечно цветущих садов и деревьев, которые дают плоды несколько раз в год, — жили, не зная забот и нужды... Говорил о богатстве и великолепии Островов Блаженных, о Золотых Са-

дах с золотыми яблоками, о героических битвах и об ужасной гибели целого народа и страны, о страшных ливнях, сопровождавших эту гибель, о спасении на кораблях немногих из них, о своем плавании, которое длилось сорок дней и сорок ночей, и о своем спасении...

Люди слушали эти рассказы с захватывающим любопытством детей, передавали друг другу, прибавляли и украшали эти повествования от себя, берегли, как священное предание.

Человек-амфибия

Наступила душная январская ночь аргентинского лета. Черное небо покрылось звездами. «Медуза» спокойно стояла на якоре. Тишина ночи не нарушалась ни всплеском волны, ни скрипом снастей. Казалось, океан спал глубоким сном.

На палубе шхуны лежали полуголые ловцы жемчуга. Утомленные работой и горячим солнцем, они ворочались, вздыхали, вскрикивали в тяжелой дремоте. Руки и ноги у них нервно подергивались. Быть может, во сне они видели своих врагов — акул. В эти жаркие безветренные дни люди так уставали, что, окончив лов, не могли даже поднять на палубу лодки. Впрочем, это было не нужно: ничто не предвещало перемены погоды. И лодки оставались на ночь на воде, привязанные у якорной цепи. Реи не были выровнены, такелаж плохо подтянут, неубранный кливер чуть-чуть вздрагивал при слабом дуновении ветерка. Все пространство палубы между баком и ютом было завалено грудами раковин-жемчужниц, обломками кораллового известняка, веревками, на которых ловцы опускаются на дно, холщовыми мешками, куда они кладут найденные раковины, пустыми бочонками. Возле бизань-мачты стояла большая бочка с пресной водой и железным ковшом на цепочке. Вокруг бочки на палубе виднелось темное пятно от пролитой воды.

От времени до времени то один, то другой ловец поднимался, шатаясь в полусне, и, наступая на ноги и руки спящих, брел к бочке с водой. Не раскрывая глаз, он выпивал ковш воды и валился куда попало, словно пил он не воду, а чистый спирт. Ловцов томила жажда: утром перед работой есть опасно — слишком уж сильное давление испытывает человек в воде, — поэтому работали весь день натощак, пока в воде не становилось темно, и только перед сном они могли поесть, а кормили их солониной.

Ночью на вахте стоял индеец Бальтазар. Он был ближайшим помощником капитана Педро Зурита, владельца шхуны «Медуза».

В молодости Бальтазар был известным ловцом жемчуга: он мог пробыть под водою девяносто и даже сто секунд — вдвое больше обычного.

«Почему? Потому, что в наше время умели учить и начинали обучать нас с детства, — рассказывал Бальтазар молодым ловцам жемчуга. — Я был еще мальчишкой лет десяти, когда отец отдал меня в ученье на тендер к Хозе. У него было двенадцать ребят учеников. Учил он нас так. Бросит в воду белый камень или раковину и прикажет: «Ныряй, доставай!» И каждый раз бросает все глубже. Не достанешь — выпорет линем[1] или плетью и бросит в воду, как собачонку. «Ныряй снова!» Так и научил нас нырять. Потом стал приучать к тому, чтобы мы привыкали дольше находиться под водою. Старый, опытный ловец опустится на дно и привяжет к якорю корзинку или сеть. А мы потом ныряем и под водой отвязываем. И пока не отвяжешь, наверх не показывайся. А покажешься — получай плеть или линь.

Били нас нещадно. Не многие выдержали. Но я стал первым ловцом во всей округе. Хорошо зарабатывал».

Состарившись, Бальтазар оставил опасный промысел искателя жемчуга. Его левая нога была изуродована зубами акулы, его бок изодрала якорная цепь. Он имел в Буэнос-Айресе небольшую лавку и торговал жемчугом, кораллами, раковинами и морскими редкостями. Но на берегу он скучал и потому нередко отправлялся на жемчужный лов. Промышленники ценили его. Никто лучше Бальтазара не знал Ла-Платского залива, его берегов и тех мест, где водятся жемчужные раковины. Ловцы уважали его. Он умел угодить всем — и ловцам, и хозяевам.

Молодых ловцов он учил всем секретам промысла: как задерживать дыхание, как отражать нападение акул, а под хорошую руку — и тому, как припрятать от хозяина редкую жемчужину.

Промышленники же, владельцы шхун, знали и ценили его

[1] Линь — тонкая веревка. (*Прим. автора.*)

за то, что он умел по одному взгляду безошибочно оценивать жемчужины и быстро отбирать в пользу хозяина наилучшие.

Поэтому промышленники охотно брали его с собой как помощника и советчика.

Бальтазар сидел на бочонке и медленно курил толстую сигару. Свет от фонаря, прикрепленного к мачте, падал на его лицо. Оно было продолговатое, не скуластое, с правильным носом и большими красивыми глазами, — лицо арауканца[1]. Веки Бальтазара тяжело опускались и медленно поднимались. Он дремал. Но если спали его глаза, то уши его не спали. Они бодрствовали и предупреждали об опасности даже во время глубокого сна. Но теперь Бальтазар слышал только вздохи и бормотание спящих. С берега тянуло запахом гниющих моллюсков-жемчужниц — их оставляли гнить, чтобы легче выбирать жемчужины: раковину живого моллюска нелегко вскрыть. Этот запах непривычному человеку показался бы отвратительным, но Бальтазар не без удовольствия вдыхал его. Для него, бродяги, искателя жемчуга, этот запах напоминал о радостях привольной жизни и волнующих опасностях моря.

После выборки жемчуга самые крупные раковины переносили на «Медузу». Зурита был расчетлив: раковины он продавал на фабрику, где из них делали пуговицы и запонки.

Бальтазар спал. Скоро выпала из ослабевших пальцев и сигара. Голова склонилась на грудь.

Но вот до его сознания дошел какой-то звук, доносившийся далеко с океана. Звук повторился ближе. Бальтазар открыл глаза. Казалось, кто-то трубил в рог, а потом как будто бодрый молодой человеческий голос крикнул: «А!» — и затем октавой выше: «А-а!..»

Музыкальный звук трубы не походил на резкое звучание пароходной сирены, а веселый возглас совсем не напоминал крика о помощи утопающего. Это было что-то новое, неизвестное. Бальтазар поднялся; ему казалось, будто сразу посвежело. Он подошел к борту и зорко оглядел гладь океана. Безлюдье. Тишина. Бальтазар толкнул ногой лежащего на палубе индейца и, когда тот поднялся, тихо сказал:

— Кричит. Это, наверно, *он*.

[1]Араукацы — одно из племен американских индейцев. (*Прим. автора.*)

— Я не слышу, — так же тихо ответил индеец-гурона[1], стоя на коленях и прислушиваясь. И вдруг тишину вновь нарушил звук трубы и крик:

— А-а!..

Гурона, услышав этот звук, пригнулся, как под ударом бича.

— Да, это, наверно, *он*, — сказал гурона, лязгая от страха зубами.

Проснулись и другие ловцы. Они сползли к освещенному фонарем месту, как бы ища защиты от темноты в слабых лучах желтоватого света. Все сидели, прижавшись друг к другу, напряженно прислушиваясь. Звук трубы и голос послышались еще раз вдалеке, и потом все замолкло.

— Это *он*...

— «Морской дьявол», — шептали рыбаки.

— Мы не можем больше оставаться здесь!

— Это страшнее акулы!

— Позвать сюда хозяина!

Послышалось шлепание босых ног. Зевая и почесывая волосатую грудь, на палубу вышел хозяин, Педро Зурита. Он был без рубашки, в одних холщовых штанах; на широком кожаном поясе висела кобура револьвера. Зурита подошел к людям. Фонарь осветил его заспанное, бронзовое от загара лицо, густые вьющиеся волосы, падавшие прядями на лоб, черные брови, пушистые, приподнятые кверху усы и небольшую бородку с проседью.

— Что случилось?

Его грубоватый спокойный голос и уверенные движения успокоили индейцев.

Они заговорили все сразу.

Бальтазар поднял руку в знак того, чтобы они замолчали, и сказал:

— Мы слышали голос *его*... «морского дьявола».

— Померещилось! — ответил Педро сонно, опустив голову на грудь.

— Нет, не померещилось. Мы все слышали «а-а!..» и звук трубы! — закричали рыбаки.

[1]Гурона — племя американских индейцев. (*Прим. автора.*)

Бальтазар заставил замолчать их тем же движением руки и продолжал:

— Я сам слышал. Так трубить может только «дьявол». Никто на море так не кричит и не трубит. Надо быстрее уходить отсюда.

— Сказки, — так же вяло ответил Педро Зурита. Ему не хотелось брать с берега на шхуну еще не перегнившие, зловонные раковины и сниматься с якоря.

Но уговорить индейцев ему не удалось. Они волновались, размахивали руками и кричали, угрожая, что завтра же сойдут на берег и пешком отправятся в Буэнос-Айрес, если Зурита не поднимет якорь.

— Черт бы побрал этого «морского дьявола» вместе с вами! Хорошо. Мы поднимем якорь на рассвете. — И, продолжая ворчать, капитан ушел к себе в каюту.

Ему уже не хотелось спать. Он зажег лампу, закурил сигару и начал ходить из угла в угол по небольшой каюте. Он думал о том непонятном существе, которое с некоторых пор появилось в здешних водах, пугая рыбаков и прибрежных жителей.

Никто еще не видел этого чудовища, но оно уже несколько раз напоминало о себе. О нем слагались басни. Моряки рассказывали их шепотом, боязливо озираясь, как бы опасаясь, чтобы это чудовище не подслушало их.

Одним это существо причиняло вред, другим неожиданно помогало. «Это — морской бог, — говорили старые индейцы. — Он выходит из глубины океана раз в тысячелетие, чтобы восстановить справедливость на земле».

Католические священники уверяли суеверных испанцев, что это «морской дьявол». Он стал являться людям потому, что население забывает святую католическую церковь.

Все эти слухи, передаваемые из уст в уста, достигли Буэнос-Айреса. Несколько недель «морской дьявол» был излюбленной темой хроникеров и фельетонистов бульварных газет. Если при неизвестных обстоятельствах тонули шхуны, рыбачьи суда, или портились рыбачьи сети, или исчезала пойманная рыба, в этом обвиняли «морского дьявола». Но другие рассказывали, что «дьявол» подбрасывал иногда в лодки рыбаков крупную рыбу и однажды даже спас утопающего.

По крайней мере один утопающий уверял, что, когда он уже погружался в воду, кто-то подхватил его снизу за спину и,

так поддерживая, доплыл до берега, скрывшись в волнах прибоя в тот миг, когда спасенный ступил на песок.

Но удивительнее всего было то, что самого «дьявола» никто не видел. Никто не мог описать, как выглядит это таинственное существо. Нашлись, конечно, очевидцы, — они награждали «дьявола» рогатой головой, козлиной бородой, львиными лапами и рыбьим хвостом или изображали его в виде гигантской рогатой жабы с человеческими ногами.

Правительственные чиновники Буэнос-Айреса сначала не обращали внимания на эти рассказы и газетные заметки, считая их досужим вымыслом.

Но волнение — главным образом среди рыбаков — все усиливалось. Многие рыбаки не решались выезжать в море. Лов сократился, и жители чувствовали недостаток рыбы. Тогда местные власти решили расследовать эту историю. Несколько паровых катеров и моторных лодок полицейской береговой охраны было разослано по побережью с приказом «задержать неизвестную личность, сеющую смуту и панику среди прибрежного населения».

Полиция рыскала по Ла-Платскому заливу и побережью две недели, задержала нескольких индейцев как злостных распространителей ложных слухов, сеющих тревогу, но «дьявол» был неуловим.

Начальник полиции опубликовал официальное сообщение о том, что никакого «дьявола» не существует, что все это лишь выдумки невежественных людей, которые уже задержаны и понесут должное наказание, и убеждал рыбаков не доверять слухам и взяться за лов рыбы.

На время это помогло. Однако шутки «дьявола» не прекращались.

Однажды ночью рыбаки, находившиеся довольно далеко от берега, были разбужены блеянием козленка, который каким-то чудом появился на их баркасе. У других рыбаков оказались изрезанными вытащенные сети.

Обрадованные новым появлением «дьявола» журналисты ждали теперь разъяснения ученых.

Ученые не заставили себя долго ждать.

Они считали, что в океане не может существовать неизвестное науке морское чудовище, совершающее поступки, на

которые способен только человек. «Иное дело, — писали ученые, — если бы такое существо появилось в малоисследованных глубинах океана». Но ученые все же не могли допустить, чтобы такое существо могло поступать разумно. Ученые вместе с начальником морской полиции считали, что все это — проделки какого-нибудь озорника.

Но не все ученые думали так.

Другие ученые ссылались на знаменитого немецкого натуралиста Конрада Геснера[1], который описал морскую деву, морского дьявола, морского монаха и морского епископа.

«В конце концов многое из того, о чем писали древние и средневековые ученые, оправдалось, несмотря на то что новая наука не признавала этих старых учений. Божеское творчество неистощимо, и нам, ученым, скромность и осторожность в заключениях приличествует больше, чем кому-либо другому», — писали некоторые старые ученые.

Впрочем, трудно было назвать учеными этих скромных и осторожных людей. Они верили в чудеса больше, чем в науку, и лекции их походили на проповедь.

В конце концов, чтобы разрешить спор, отправили научную экспедицию.

Членам экспедиции не посчастливилось встретиться с «дьяволом». Зато они узнали много нового о поступках «неизвестного лица» (старые ученые настаивали на том, чтобы слово «лица» было заменено словом «существа»).

В докладе, опубликованном в газетах, члены экспедиции писали:

1. В нескольких местах на песчаных отмелях нами были замечены следы узких ступней человеческих ног. Следы выходили со стороны моря и вели обратно к морю. Однако такие следы мог оставить человек, подъехавший к берегу на лодке.

2. Осмотренные нами сети имеют разрезы, которые могли быть произведены острым режущим орудием. Возможно, что

[1]Конрад Геснер — знаменитый немецкий ученый XVI века. Написал «Книгу о животных», имевшую в течение долгого времени необыкновенно сильное влияние на натуралистов. (*Прим. автора.*)

сети зацепились за острые подводные скалы или железные обломки затонувших судов и порвались.

3. По рассказам очевидцев, выброшенный бурей на берег, на значительное расстояние от воды, дельфин был кем-то ночью стащен в воду, причем на песке обнаружены следы ног и как бы длинных ногтей. Вероятно, какой-то сердобольный рыбак оттащил дельфина в море.

Известно, что дельфины, охотясь за рыбой, помогают рыбакам тем, что загоняют ее к отмели. Рыбаки же часто выручают из беды дельфинов. Следы когтей могли быть произведены пальцами человека. Воображение придало следам вид когтей.

4. Козленок мог быть привезен на лодке и подброшен каким-нибудь шутником.

Ученые нашли и другие, не менее простые причины, чтобы объяснить происхождение следов, оставленных «дьяволом».

Ученые пришли к выводу, что ни одно морское чудовище не могло совершить столь сложных действий.

И все же эти объяснения удовлетворяли не всех. Даже среди самих ученых нашлись такие, которым эти объяснения казались сомнительными. Как мог самый ловкий и упорный шутник проделывать такие вещи, не попадаясь так долго на глаза людей? Но главное, о чем умолчали ученые в своем докладе, заключалось в том, что «дьявол», как это было установлено, совершал свои подвиги на протяжении короткого времени в различных, расположенных далеко друг от друга местах. Или «дьявол» умел плавать с неслыханной быстротой, или у него были какие-то особенные приспособления, или же, наконец, «дьявол» был не один, а их было несколько. Но тогда все эти шутки становились еще более непонятными и угрожающими.

Педро Зурита вспоминал всю эту загадочную историю, не переставая шагать по каюте.

Он не заметил, как рассвело и в окно иллюминатора проник розовый луч. Педро погасил лампу и начал умываться.

Обливая себе голову теплой водой, он услышал испуган-

ные крики, доносившиеся с палубы. Зурита, не кончив умываться, быстро поднялся по трапу.

Голые ловцы, с холщовой перевязью на бедрах, стояли у борта, размахивали руками и беспорядочно кричали. Педро посмотрел вниз и увидел, что лодки, оставленные на ночь на воде, отвязаны. Ночной бриз отнес их довольно далеко в открытый океан. Теперь утренним бризом их медленно несло к берегу. Весла шлюпок, разбросанные по воде, плавали по заливу.

Зурита приказал ловцам собрать лодки. Но никто не решался сойти с палубы. Зурита повторил приказ.

— Сам лезь в лапы «дьяволу», — отозвался кто-то. Зурита взялся за кобуру револьвера. Толпа ловцов отошла и сгрудилась у мачты. Ловцы враждебно смотрели на Зурита. Столкновение казалось неминуемым. Но тут вмешался Бальтазар.

— Арауканец не боится никого, — сказал он, — акула меня не доела, подавится и «дьявол» старыми костями. — И, сложив руки над головой, он бросился с борта в воду и поплыл к ближайшей лодке.

Теперь ловцы подошли к борту и со страхом наблюдали за Бальтазаром. Несмотря на старость и больную ногу, он плавал отлично. В несколько взмахов индеец доплыл до лодки, выловил плавающее весло и влез в лодку.

— Веревка отрезана ножом, — крикнул он, — и хорошо отрезана! Нож был острый как бритва.

Видя, что с Бальтазаром ничего страшного не произошло, несколько рыбаков последовали его примеру.

ВЕРХОМ НА ДЕЛЬФИНЕ

Солнце только что взошло, но уже палило немилосердно. Серебристо-голубое небо было безоблачно, океан неподвижен. «Медуза» была уже на двадцать километров южнее Буэнос-Айреса. По совету Бальтазара якорь бросили в небольшой бухте, у скалистого берега, двумя уступами поднимавшегося из воды.

Лодки рассеялись по заливу. На каждой лодке, по обычаю, было два ловца: один нырял, другой вытаскивал ныряльщика. Потом они менялись ролями.

Одна лодка подошла довольно близко к берегу. Ныряльщик захватил ногами большой обломок кораллового известняка, привязанный к концу веревки, и быстро опустился на дно.

Вода была очень теплая и прозрачная, — каждый камень на дне был отчетливо виден. Ближе к берегу со дна поднимались кораллы — неподвижно застывшие кусты подводных садов. Мелкие рыбки, отливавшие золотом и серебром, шныряли между этими кустами.

Ныряльщик опустился на дно и, согнувшись, начал быстро собирать раковины и класть в привязанный к ремешку на боку мешочек. Его товарищ по работе, индеец-гурона, держал в руках конец веревки и, перегнувшись через борт лодки, смотрел в воду.

Вдруг он увидел, что ныряльщик вскочил на ноги так быстро, как только мог, взмахнул руками, ухватился за веревку и дернул ее так сильно, что едва не стянул гурона в воду. Лодка качнулась. Индеец-гурона торопливо поднял товарища и помог ему взобраться на лодку. Широко открыв рот, ныряльщик тяжело дышал, глаза его были расширены. Темно-бронзовое лицо сделалось серым — так он побледнел.

— Акула?

Но ныряльщик ничего не мог ответить, он упал на дно лодки.

Что могло его так напугать на дне моря? Гурона нагнулся и начал всматриваться в воду. Да, там творилось что-то неладное. Маленькие рыбки, как птицы, завидевшие коршуна, спешили укрыться в густых зарослях подводных лесов.

И вдруг индеец-гурона увидел, как из-за выступавшей углом подводной скалы показалось нечто похожее на багровый дым. Дым медленно расползался во все стороны, окрашивая воду в розовый цвет. И тут же показалось что-то темное. Это было тело акулы. Оно медленно повернулось и исчезло за выступом скалы. Багровый подводный дым мог быть только кровью, разлитой на дне океана. Что произошло там? Гурона посмотрел на своего товарища, но тот неподвижно лежал на спине, ловя воздух широко раскрытым ртом и бессмысленно глядя в небо. Индеец взялся за весла и поспешил отвезти своего внезапно заболевшего товарища на борт «Медузы».

Наконец ныряльщик пришел в себя, но как будто потерял

дар слова, — только мычал, качал головой и отдувался, выпячивая губы.

Бывшие на шхуне ловцы окружили ныряльщика, с нетерпением ожидая его объяснений.

— Говори! — крикнул наконец молодой индеец, тряхнув ныряльщика. — Говори, если не хочешь, чтобы твоя трусливая душа вылетела из тела.

Ныряльщик покрутил головой и сказал глухим голосом:

— Видал... «морского дьявола».

— *Его*?

— Да говори же, говори! — нетерпеливо кричали ловцы.

— Смотрю — акула. Акула плывет прямо на меня. Конец мне! Большая, черная, уже пасть открыла, сейчас есть меня будет. Смотрю — еще плывет...

— Другая акула?

— «Дьявол»!

— Каков же он? Голова у него есть?

— Голова? Да, кажется, есть. Глаза — по стакану.

— Если есть глаза, то должна быть и голова, — уверенно заявил молодой индеец. — Глаза к чему-нибудь да приколочены. А лапы у него есть?

— Лапы как у лягушки. Пальцы длинные, зеленые, с когтями и перепонками. Сам блестит, как рыба, чешуей. Подплыл к акуле, сверкнул лапой — шарк! Кровь из брюха акулы...

— А какие у него ноги? — спросил один из ловцов.

— Ноги? — пытался вспомнить ныряльщик. — Ног совсем нет. Большой хвост есть. А на конце хвоста две змеи.

— Кого же ты больше испугался — акулы или чудовища?

— Чудовища, — без колебания ответил он. — Чудовища, хотя оно спасло мне жизнь. Это был он...

— Да, это был он.

— «Морской дьявол», — сказал индеец.

— «Морской бог», который приходит на помощь бедным, — поправил старый индеец.

Эта весть быстро разнеслась по лодкам, плававшим в заливе. Ловцы поспешили к шхуне и подняли лодки на борт.

Все обступили ныряльщика, спасенного «морским дьяволом», и заставляли его без конца повторять рассказ. И он повторял, рассказывая все новые и новые подробности. Он

вспомнил, что из ноздрей чудовища вылетало красное пламя, а зубы были острые и длинные, в палец величиной. Его уши двигались, на боках были плавники, а сзади — хвост, как весло.

Педро Зурита, обнаженный по пояс, в коротких белых штанах, в туфлях на босу ногу и в высокой, широкополой соломенной шляпе на голове, шаркая туфлями, ходил по палубе, прислушиваясь к разговорам.

Чем больше увлекался рассказчик, тем более убеждался Педро, что все это выдумано ловцом, испуганным приближением акулы.

«Впрочем, может быть, и не все выдумано. Кто-то вспорол акуле брюхо: ведь вода в заливе порозовела. Индеец врет, но во всем этом есть какая-то доля правды. Странная история, черт возьми!»

Здесь размышления Зурита были прерваны звуком рога, раздавшимся вдруг из-за скалы.

Этот звук поразил экипаж «Медузы», как удар грома. Все разговоры сразу прекратились, лица побледнели. Ловцы с суеверным ужасом смотрели на скалу, откуда донесся звук трубы.

Недалеко от скалы резвилось на поверхности океана стадо дельфинов. Один дельфин отделился от стада, громко фыркнул, как бы отвечая на призывный сигнал трубы, быстро поплыл к скале и скрылся за утесами. Прошло еще несколько мгновений напряженного ожидания. Вдруг ловцы увидели, как из-за скалы показался дельфин. На его спине сидело верхом, как на лошади, странное существо — «дьявол», о котором недавно рассказывал ныряльщик. Чудовище обладало телом человека, а на его лице виднелись огромные, как старинные часы-луковицы, глаза, сверкавшие в лучах солнца подобно фонарям автомобиля, кожа отливала нежным голубым серебром, а кисти рук походили на лягушечьи — темно-зеленые, с длинными пальцами и перепонками между ними. Ноги ниже колен находились в воде. Оканчивались ли они хвостами, или это были обычные человеческие ноги — осталось неизвестным. Странное существо держало в руке длинную витую раковину. Оно еще раз протрубило в эту раковину, засмеялось веселым человеческим смехом и вдруг крикнуло на чисто испанском языке:

— Скорей, Лидинг[1], вперед! — похлопало лягушечьей рукой по лоснящейся спине дельфина и пришпорило его бока ногами. И дельфин, как хорошая лошадь, прибавил скорость.

Ловцы невольно вскрикнули.

Необычный наездник обернулся. Увидев людей, он, с быстротой ящерицы соскользнув с дельфина, скрылся за его телом. Из-за спины дельфина показалась зеленая рука, ударившая животное по спине. Послушный дельфин погрузился в океан вместе с чудовищем.

Странная пара сделала под водой полукруг и скрылась за подводной скалой...

Весь этот необычайный выезд занял не более минуты, но зрители долго не могли прийти в себя от изумления.

Ловцы кричали, бегали по палубе, хватались за голову. Индейцы упали на колени и заклинали бога моря пощадить их. Молодой мексиканец от испуга влез на грот-мачту и кричал. Негры скатились в трюм и забились в угол.

О ловле нечего было и думать. Педро и Бальтазар с трудом водворили порядок. «Медуза» снялась с якоря и направилась на север.

НЕУДАЧА ЗУРИТА

Капитан «Медузы» спустился к себе в каюту, чтобы обдумать происшедшее.

— Можно с ума сойти! — проговорил Зурита, выливая себе на голову кувшин теплой воды. — Морское чудовище говорит на чистейшем кастильском наречии! Что это? Чертовщина? Безумие? Но не может же безумие сразу охватить всю команду. Даже одинаковый сон не может присниться двум людям. Но мы все видели «морского дьявола». Это неоспоримо. Значит, он все-таки существует, как это ни невероятно. — Зурита снова облил водой голову и выглянул в иллюминатор, чтобы освежиться. — Как бы то ни было, — продолжал он, несколько успокоившись, — это чудовищное существо наделено человеческим разумом и может совершать разумные поступки. Оно, по-видимому, чувствует себя одинаково хорошо в воде и

[1] Лидинг — по-английски «ведущий». (*Прим. автора.*)

на поверхности. И оно умеет говорить по-испански, — значит, с ним можно объясниться. Что, если бы... Что, если бы поймать чудовище, приручить и заставить ловить жемчуг? Одна эта жаба, способная жить в воде, может заменить целую артель ловцов. И потом, какая выгода! Каждому ловцу жемчуга как-никак приходится давать четверть улова. А эта жаба ничего не стоила бы. Ведь этак можно нажить в самый короткий срок сотни тысяч, миллионы пезет!

Зурита размечтался. До сих пор он надеялся разбогатеть, искал жемчужные раковины там, где их никто не добывал. Персидский залив, западный берег Цейлона, Красное море, австралийские воды — все эти жемчужные места находятся далеко, и люди давно ищут там жемчуг. Идти в Мексиканский или Калифорнийский залив, к островам Фомы и Маргариты? Плыть к берегам Венецуэлы, где добывается лучший американский жемчуг, Зурита не мог. Для этого его шхуна была слишком ветхой, да и не хватало ловцов, — словом, нужно было поставить дело на широкую ногу. А денег у Зурита не хватало. Так и оставался он у берегов Аргентины. Но теперь! Теперь он мог бы разбогатеть в один год, если бы только ему удалось поймать «морского дьявола».

Он станет самым богатым человеком Аргентины, даже, быть может, Америки. Деньги проложат ему дорогу к власти. Имя Педро Зурита будет у всех на устах. Но надо быть очень осторожным. И прежде всего сохранить тайну.

Зурита поднялся на палубу и, собрав весь экипаж вплоть до кока, сказал:

— Вы знаете, какая участь постигла тех, кто распространял слухи о «морском дьяволе»? Их арестовала полиция, и они сидят в тюрьме. Я должен предупредить вас, что то же будет с каждым из вас, если вы хоть одним словом обмолвитесь о том, что видали «морского дьявола». Вас сгноят в тюрьме. Понимаете? Поэтому, если вам дорога жизнь, — никому ни слова о «дьяволе».

«Да им все равно не поверят: все это слишком похоже на сказку», — подумал Зурита и, позвав к себе в каюту Бальтазара, посвятил его одного в свой план.

Бальтазар внимательно выслушал хозяина и, помолчав, ответил:

— Да, это хорошо. «Морской дьявол» стоит сотни ловцов. Хорошо иметь у себя на службе «дьявола». Но как поймать его?

— Сетью, — ответил Зурита.

— Он разрежет сеть, как распорол брюхо акулы.

— Мы можем заказать металлическую сеть.

— А кто будет его ловить? Нашим ныряльщикам только скажи «дьявол», — и у них подгибаются колени. Даже за мешок золота они не согласятся.

— А ты, Бальтазар?

Индеец пожал плечами.

— Я никогда еще не охотился на «морских дьяволов». Подстеречь его, вероятно, будет нелегко, убить же, если только он сделан из мяса и костей, нетрудно. Но вам нужен живой «дьявол».

— Ты не боишься его, Бальтазар? Что ты думаешь о «морском дьяволе»?

— Что я могу думать о ягуаре, который летает над морем, и об акуле, которая лазает по деревьям? Неведомый зверь страшней. Но я люблю охотиться на страшного зверя.

— Я щедро вознагражу тебя. — Зурита пожал руку Бальтазару и продолжал развивать перед ним свой план: — Чем меньше будет участников в этом деле, тем лучше. Ты переговори со всеми арауканцами. Они храбры и сметливы. Выбери человек пять, не больше. Если не согласятся наши, найди на стороне. «Дьявол» держится у берегов. Прежде всего надо выследить, где его логово. Тогда нам легко будет захватить его в сети.

Зурита и Бальтазар быстро принялись за дело. По заказу Зурита была изготовлена проволочная мережа, напоминающая большую бочку с открытым дном. Внутри мережи Зурита натянул пеньковые сети, чтобы «дьявол» запутался в них, как в паутине. Ловцов рассчитали. Из экипажа «Медузы» Бальтазару удалось уговорить только двух индейцев племени араука-на участвовать в охоте на «дьявола». Еще троих он завербовал в Буэнос-Айресе.

Выслеживать «дьявола» решили начать в том заливе, где экипаж «Медузы» впервые увидел его. Чтобы не возбудить подозрения «дьявола», шхуна бросила якорь в нескольких кило-

метрах от небольшого залива. Зурита и его спутники время от времени занимались рыбной ловлей, как будто это и было целью их плавания. В то же время трое из них по очереди, прячась за камнями на берегу, зорко следили за тем, что делается в водах залива.

Была вторая неделя на исходе, а «дьявол» не подавал о себе вести.

Бальтазар завязал знакомство с прибрежными жителями, фермерами-индейцами, дешево продавал им рыбу и, беседуя с ними о разных вещах, незаметно переводил разговор на «морского дьявола». Из этих разговоров старый индеец узнал, что место для охоты они выбрали правильно: многие индейцы, жившие вблизи залива, слышали звук рога и видели следы ног на песке. Они уверяли, что пятка у «дьявола» человеческая, но пальцы значительно удлинены. Иногда на песке индейцы замечали углубление от спины — он лежал на берегу.

«Дьявол» не причинял вреда прибрежным жителям, и они перестали обращать внимание на следы, которые он от времени до времени оставлял, напоминая о себе. Но самого «дьявола» никто не видел.

Две недели стояла «Медуза» в заливе, занимаясь для видимости ловом рыбы. Две недели Зурита, Бальтазар и нанятые индейцы не спуская глаз следили за поверхностью океана, но «морской дьявол» не появлялся. Зурита беспокоился. Он был нетерпелив и скуп. Каждый день стоил денег, а этот «дьявол» заставлял себя ждать. Педро начал уже сомневаться. Если «дьявол» — существо сверхъестественное, его никакими сетями не поймать. Да и опасно связываться с таким чертом — Зурита был суеверен. Пригласить на всякий случай на «Медузу» священника с крестом и святыми дарами? Новые расходы. Но, может быть, «морской дьявол» совсем не дьявол, а какой-нибудь шутник, хороший пловец, вырядившийся дьяволом, чтобы пугать людей? Дельфин? Но его, как всякое животное, можно приручить и выдрессировать. Уж не бросить ли всю эту затею?

Зурита объявил награду тому, кто первый заметит «дьявола», и решил подождать еще несколько дней.

К его радости, в начале третьей недели «дьявол» наконец начал появляться.

После дневного лова Бальтазар оставил лодку, наполненную рыбой, у берега. Рано утром за рыбой должны были прийти покупатели.

Бальтазар пошел на ферму навестить знакомого индейца, а когда вернулся на берег, лодка была пуста. Бальтазар сразу решил, что это сделал «дьявол».

«Неужели он сожрал столько рыбы?» — удивился Бальтазар.

В ту же ночь один из дежурных индейцев услышал звук трубы южнее залива. Еще через два дня, рано утром, молодой арауканец сообщил, что ему наконец удалось выследить «дьявола». Он приплыл на дельфине. На этот раз «дьявол» не сидел верхом, а плыл рядом с дельфином, ухватившись рукой за «упряжь» — широкий кожаный ошейник. В заливе «дьявол» снял с дельфина ошейник, похлопал животное и скрылся в глубине залива, у подошвы отвесной скалы. Дельфин выплыл на поверхность и исчез.

Зурита, выслушав арауканца, поблагодарил, обещая наградить, и сказал:

— Сегодня днем «дьявол» едва ли выплывет из своего убежища. Нам надо поэтому осмотреть дно залива. Кто возьмется за это?

Но никому не хотелось опускаться на дно океана, рискуя встретиться лицом к лицу с неведомым чудовищем.

Бальтазар выступил вперед.

— Вот я! — коротко сказал он. Бальтазар был верен своему слову.

«Медуза» все еще стояла на якоре. Все, кроме вахтенных, сошли на берег и отправились к отвесной скале у залива.

Бальтазар обвязал себя веревкой, чтобы его можно было вытащить, если бы он оказался раненым, взял нож, зажал между ног камень и опустился на дно.

Арауканцы с нетерпением ожидали его возвращения, вглядываясь в пятно, мелькавшее в голубоватой мгле затененного скалами залива. Прошло сорок, пятьдесят секунд, минута, — Бальтазар не возвращался. Наконец он дернул веревку, и его подняли на поверхность. Отдышавшись, Бальтазар сказал:

— Узкий проход ведет в подземную пещеру. Там темно,

как в брюхе акулы. «Морской дьявол» мог скрыться только в эту пещеру. Вокруг нее — гладкая стена.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Там темно — тем лучше! Мы расставим наши сети, и рыбка попадется.

Вскоре после захода солнца индейцы опустили проволочные сети на крепких веревках в воду у входа в пещеру. Концы веревок закрепили на берегу. К веревкам Бальтазар привязал колокольчики, которые должны были звонить при малейшем прикосновении к сети.

Зурита, Бальтазар и пять арауканцев уселись на берегу и стали молча ждать.

На шхуне никого не оставалось.

Темнота быстро сгущалась. Взошел месяц, и его свет отразился на поверхности океана. Было тихо. Всех охватило необычайное волнение. Быть может, сейчас они увидят странное существо, наводившее ужас на рыбаков и искателей жемчуга.

Медленно проходили ночные часы. Люди начинали дремать.

Вдруг колокольчики зазвенели. Люди вскочили, бросились к веревкам, начали поднимать сеть. Она была тяжелой. Веревки вздрагивали. Кто-то трепыхался в сети.

Вот сеть показалась на поверхности океана, а в ней при бледном свете месяца билось тело получеловека-полуживотного. В лунном свете сверкали огромные глаза и серебро чешуи. «Дьявол» делал невероятные усилия, чтобы освободить руку, запутавшуюся в сети. Это удалось ему. Он вынул нож, висевший у бедра на тонком ремешке, и начал резать сеть.

— Не прорежешь, шалишь! — тихо сказал Бальтазар, увлеченный охотой.

Но, к его удивлению, нож одолел проволочную преграду. Ловкими движениями «дьявол» расширял дыру, а ловцы спешили поскорее вытянуть сеть на берег.

— Сильнее! Гоп-гоп! — уже кричал Бальтазар. Но в тот самый момент, когда, казалось, добыча была уже в их руках, «дьявол» провалился в прорезанную дыру, упал в воду, подняв каскад сверкавших брызг, и исчез в глубине.

Ловцы в отчаянии опустили сеть.

— Хороший ножик! Проволоку режет! — с восхищением сказал Бальтазар. — Подводные кузнецы лучше наших.

Зурита, опустив голову, смотрел на воду с таким видом, как будто там потонуло все его богатство.

Потом он поднял голову, дернул пушистый ус и топнул ногой.

— Так нет же, нет! — крикнул он. — Скорее ты подохнешь в своей подводной пещере, чем я отступлю. Я не пожалею денег, я выпишу водолазов, я весь залив покрою сетями и капканами, и ты не уйдешь от моих рук!

Он был смел, настойчив и упрям. Недаром в жилах Педро Зурита текла кровь испанских завоевателей. Да и было из-за чего бороться.

«Морской дьявол» оказался не сверхъестественным, но всемогущим существом. Он, очевидно, сделан из костей и мяса, как говорил Бальтазар. Значит, его можно поймать, посадить на цепочку и заставить добывать для Зурита богатства со дна океана. Бальтазар добудет его, хотя бы сам бог моря Нептун со своим трезубцем стал на защиту «морского дьявола».

ДОКТОР САЛЬВАТОР

Зурита приводил в исполнение свою угрозу. Он возвел на дне залива много проволочных заграждений, протянул во всех направлениях сети, наставил капканы. Но его жертвами пока были только рыбы, «морской дьявол» как будто провалился сквозь землю. Он больше не показывался и ничем не напоминал о себе. Напрасно прирученный дельфин каждый день появлялся в заливе, нырял и фыркал, как бы приглашая своего необычайного друга совершить прогулку. Его друг не показывался, и дельфин, сердито фыркнув в последний раз, уплыл в открытое море.

Погода испортилась. Восточный ветер раскачал гладь океана; воды залива стали мутными от песка, поднявшегося со дна. Пенистые гребни волн скрывали дно. Никто не мог разглядеть, что происходит под водой.

Зурита часами мог стоять на берегу, глядя на гряды волн. Огромные, они шли одна за другой, обрушивались шумными водопадами, а нижние слои воды с шипением катились дальше по сырому песку, ворочая гальку и раковины, подкатываясь к ногам Зурита.

— Нет, это никуда не годится, — говорил Зурита. — Надо придумать что-нибудь иное. «Дьявол» живет на дне моря и не желает выходить из своего убежища. Значит, чтобы поймать его, нужно пойти к нему — опуститься на дно. Это ясно!

И, обратившись к Бальтазару, мастерившему новый, сложный капкан, Зурита сказал:

— Отправляйся немедленно в Буэнос-Айрес и привези оттуда два водолазных костюма с кислородными резервуарами. Обычный водолазный костюм со шлангом для нагнетания воздуха не годится. «Дьявол» может перерезать шланг. Притом, быть может, нам придется совершить небольшое подводное путешествие. Да не забудь захватить электрические фонари.

— Вы желаете отправиться в гости к «дьяволу»? — спросил Бальтазар.

— С тобой, конечно, старина.

Бальтазар кивнул головой и отправился в путь. Он привез не только водолазные костюмы и фонари, но и пару длинных, замысловато искривленных бронзовых ножей.

— Теперь уже не умеют делать таких, — сказал он. — Это древние ножи арауканцев, которыми мои прадедушки вспарывали когда-то животы белым — вашим прадедушкам, не в обиду вам будь сказано.

Зурита не понравилась эта историческая справка, но ножи он одобрил.

— Ты очень предусмотрителен, Бальтазар.

На другой день, на заре, несмотря на сильную волну, Зурита и Бальтазар надели водолазные костюмы и опустились на дно моря. Не без труда распутали они стоявшие у входа в подводную пещеру сети и влезли в узкий проход. Их окружала полная темнота. Став на ноги и вынув ножи, водолазы засветили фонари. Испуганные светом мелкие рыбы метнулись в сторону, а потом приплыли к фонарю, суетясь в его голубоватом луче, как рой насекомых.

Зурита отогнал их рукой: блеском чешуи они ослепляли его. Это была довольно большая пещера, не менее четырех метров высоты и пяти-шести метров ширины. Водолазы осмотрели углы. Пещера была пуста и необитаема. Только стаи мелкой рыбы, очевидно, укрывались здесь от морского волнения и хищников.

Осторожно ступая, Зурита и Бальтазар продвинулись вперед. Пещера постепенно суживалась. Вдруг Зурита в изумлении остановился. Свет фонаря осветил толстую железную решетку, преграждавшую путь.

Зурита не поверил своим глазам. Он схватился рукой за железные прутья и начал дергать их, пытаясь открыть железную преграду. Но решетка не поддавалась. Осветив ее фонарем, Зурита убедился, что решетка эта прочно вделана в обтесанные стены пещеры и имеет петли и внутренний запор.

Это была новая загадка.

«Морской дьявол» должен быть не только разумным, но и исключительно одаренным существом. Он сумел приручить дельфина, ему известна обработка металлов. Наконец, он мог создать на дне моря крепкие железные преграды, охраняющие его жилище. Но ведь это невероятно! Не мог же он ковать железо под водой. Значит, он живет не в воде или по крайней мере надолго выходит из воды на землю.

У Зурита стучало в висках, как будто в его водолазном колпаке не хватало кислорода, хотя он пробыл в воде всего несколько минут.

Зурита подал знак Бальтазару, и они вышли из подводной пещеры — больше здесь делать им было нечего — и поднялись на поверхность.

Арауканцы, с нетерпением ожидавшие их, очень обрадовались, увидев водолазов невредимыми.

Сняв колпак и отдышавшись, Зурита спросил:

— Что ты на это скажешь, Бальтазар?

Арауканец развел руками.

— Я скажу, что нам долго придется высиживать здесь. «Дьявол», наверное, питается рыбой, а рыбы там достаточно. Голодом нам его не выманить из пещеры. Взорвать решетку динамитом — только и остается.

— А не думаешь ли ты, Бальтазар, что пещера может иметь два выхода: один — с залива, а другой — с поверхности земли?

Бальтазар об этом не подумал.

— Так надо подумать. Как это мы раньше не догадались осмотреть окрестности? — сказал Зурита.

Теперь они принялись изучать берег.

На берегу Зурита набрел на высокую стену из белого кам-

ня, опоясывавшую огромный участок земли — не менее десяти гектаров. Зурита обошел стену. Во всей стене он нашел только одни ворота, сделанные из толстых листов железа. В воротах была маленькая железная дверь с прикрытым изнутри волчком.

«Настоящая тюрьма или крепость, — подумал Зурита. — Странно! Фермеры не строят таких толстых и высоких стен. В стене ни просвета, ни щели, через которые можно было бы заглянуть внутрь».

Кругом — безлюдная, дикая местность: голые серые скалы, поросшие кое-где колючим кустарником и кактусами. Внизу — залив.

Зурита несколько дней бродил вдоль стены, подолгу следил за железными воротами. Но ворота не раскрывались, никто не входил в них и не выходил; ни один звук не долетал из-за стены.

Вернувшись вечером на палубу «Медузы», Зурита позвал Бальтазара и спросил:

— Ты знаешь, кто живет в крепости над заливом?

— Знаю, я спрашивал уже об этом индейцев, работающих на фермах. Там живет Сальватор.

— Кто же он, этот Сальватор?

— Бог, — ответил Бальтазар.

Зурита от изумления поднял свои черные густые брови.

— Ты шутишь, Бальтазар?

Индеец едва заметно улыбнулся.

— Я говорю то, о чем слышал. Многие индейцы называют Сальватора божеством, спасителем.

— От чего же он спасает их?

— От смерти. Они говорят, что он всесилен. Сальватор может творить чудеса. Он держит в своих пальцах жизнь и смерть. Хромым он делает новые ноги, живые ноги, слепым дает зоркие, как у орла, глаза и даже воскрешает мертвых.

— Проклятие! — проворчал Зурита, подбивая пальцами снизу вверх пушистые усы. — В заливе — «морской дьявол», над заливом — «бог». Не думаешь ли ты, Бальтазар, что «дьявол» и «бог» могут помогать друг другу?

— Я думаю, что нам следовало бы убраться отсюда как

можно скорее, пока еще наши мозги не свернулись, как скисшее молоко, от всех этих чудес.

— Видел ли ты сам кого-нибудь из исцеленных Сальватором?

— Да, видел. Мне показывали человека со сломанной ногой. Побывав у Сальватора, этот человек бегает, как мустанг. Еще я видел воскрешенного Сальватором индейца. Вся деревня говорит, что этот индеец, когда его несли к Сальватору, был холодным трупом — череп расколот, мозги наружу. А от Сальватора он пришел живой и веселый. Женился после смерти. Хорошую девушку взял. И еще я видел детей индейцев...

— Значит, Сальватор принимает у себя посторонних?

— Только индейцев. И они идут к нему отовсюду: с Огненной Земли и Амазонки, из пустыни Атакамы и Асунсиона.

Получив эти сведения от Бальтазара, Зурита решил съездить в Буэнос-Айрес.

Там он узнал, что Сальватор лечит индейцев и пользуется среди них славой чудотворца. Обратившись к врачам, Зурита узнал, что Сальватор талантливый и даже гениальный хирург, но человек с большими чудачествами, как многие выдающиеся люди. Имя Сальватора было широко известно в научных кругах Старого и Нового Света. В Америке он прославился своими смелыми хирургическими операциями. Когда положение больных считалось безнадежным и врачи отказывались делать операцию, вызывали Сальватора. Он никогда не отказывался. Его смелость и находчивость были беспредельны. Во время империалистической войны он был на французском фронте, где занимался почти исключительно операциями черепа. Много тысяч человек обязаны ему своим спасением. После заключения мира он уехал к себе на родину, в Аргентину. Врачебная практика и удачные земельные спекуляции дали Сальватору огромное состояние. Он купил большой участок земли недалеко от Буэнос-Айреса, обнес его огромной стеной — одна из его странностей — и, поселившись там, прекратил всякую практику. Он занимался только научной работой в своей лаборатории. Теперь он лечил и принимал индейцев, которые называли его богом, сошедшим на землю.

Зурита удалось узнать еще одну подробность, касающуюся

жизни Сальватора. Там, где сейчас находятся обширные владения Сальватора, до войны стоял небольшой дом с садом, также обнесенный каменной стеной. Все время, пока Сальватор находился на фронте, дом этот сторожили негр и несколько огромных собак. Ни одного человека не пропускали во двор эти неподкупные сторожа.

В последнее время Сальватор окружил себя еще большей таинственностью. Он не принимает у себя даже бывших товарищей по университету. Узнав все это, Зурита решил: «Если Сальватор врач, он не имеет права отказаться принять больного. Почему бы мне не заболеть? Я проникну к Сальватору под видом больного, а потом будет видно».

Зурита отправился к железным воротам, охранявшим владения Сальватора, и начал стучать. Стучал долго и упорно, но ему никто не открывал. Взбешенный Зурита взял большой камень и начал бить им в ворота, подняв шум, который мог бы разбудить мертвых.

Далеко за стеной залаяли собаки, и наконец волчок в двери приоткрылся.

— Что надо? — спросил кто-то на ломаном испанском языке.

— Больной, отоприте скорей, — ответил Зурита.

— Больные так не стучат, — спокойно возразил тот же голос, и в волчке показался чей-то глаз. — Доктор не принимает.

— Он не смеет отказать в помощи больному, — горячился Зурита.

Волчок закрылся, шаги удалились. Только собаки продолжали отчаянно лаять.

Зурита, истощив весь запас ругательств, вернулся на шхуну.

Жаловаться на Сальватора в Буэнос-Айрес? Но это ни к чему не приведет. Зурита трясло от гнева. Его пушистым черным усам угрожала серьезная опасность, так как в волнении он поминутно дергал их, и они опустились вниз, как стрелка барометра, показывающая низкое давление.

Понемногу он успокоился и начал обдумывать, что ему предпринять дальше.

По мере того как он думал, его коричневые от загара пальцы все чаще взбивали растрепанные усы кверху. Барометр поднимался.

Наконец он взошел на палубу и неожиданно для всех отдал приказ сниматься с якоря.

«Медуза» отправилась в Буэнос-Айрес.

— Хорошо, — сказал Бальтазар. — Сколько времени напрасно потрачено! Пусть черт поберет этого «дьявола» вместе с «богом»!

ВОЛЬНАЯ ВНУЧКА

Солнце палило немилосердно. По пыльной дороге вдоль тучных полей пшеницы, кукурузы и овса шел старый, изможденный индеец. Одежда его была изорвана. На руках он нес больного ребенка, прикрытого от лучей солнца стареньким одеяльцем. Глаза ребенка были полузакрыты. На шее виднелась огромная опухоль. Время от времени, когда старик оступался, ребенок хрипло стонал и приоткрывал веки. Старик останавливался, заботливо дул в лицо ребенка, чтобы освежить его.

— Только бы донести живым! — прошептал старик, ускоряя шаги.

Подойдя к железным воротам, индеец переложил ребенка на левую руку и ударил правой в железную дверь четыре раза. Волчок в калитке приоткрылся, чей-то глаз мелькнул в отверстии, заскрипели засовы, и калитка открылась.

Индеец робко переступил порог. Перед ним стоял одетый в белый халат старый негр с совершенно белыми курчавыми волосами.

— К доктору, ребенок больной, — сказал индеец.

Негр молча кивнул головой, запер дверь и знаком пригласил следовать за собой.

Индеец осмотрелся. Они находились на небольшом дворе, вымощенном широкими каменными плитами. Этот двор был обнесен с одной стороны высокой наружной стеною, а с другой — стеною пониже, отгораживавшей двор от внутренней части усадьбы. Ни травы, ни кустика зелени — настоящий тюремный двор. В углу двора, у ворот второй стены, стоял белый дом с большими, широкими окнами. Возле дома на земле расположились индейцы — мужчины и женщины. Многие были с детьми.

Почти все дети выглядели совершенно здоровыми. Одни из них играли ракушками в «чет и нечет», другие беззвучно боролись, — старый негр с белыми волосами строго следил за тем, чтобы дети не шумели.

Старый индеец покорно опустился на землю в тени дома и начал дуть в неподвижное, посиневшее лицо ребенка. Возле индейца сидела старая индианка с опухшей ногой. Она посмотрела на ребенка, лежавшего на коленях индейца, спросила:

— Дочь?

— Внучка, — ответил индеец.

Покачав головой, старуха сказала:

— Болотный дух вошел в твою внучку. Но *он* сильнее злых духов. *Он* изгонит болотного духа, и твоя внучка будет здорова.

Индеец утвердительно кивнул головой.

Негр в белом халате обошел больных, посмотрел на ребенка индейца и указал на дверь дома.

Индеец вошел в большую комнату с полом из каменных плит. Посреди комнаты стоял узкий длинный стол, покрытый белой простыней. Открылась вторая дверь, с матовыми стеклами, и в комнату вошел доктор Сальватор, в белом халате, высокий, широкоплечий, смуглый. Кроме черных бровей и ресниц, на голове Сальватора не было ни одного волоска. По-видимому, он брил голову постоянно, так как кожа на голове загорела так же сильно, как и на лице. Довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жестокое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно. Под этим взглядом индейцу стало не по себе.

Индеец низко поклонился и протянул ребенка. Сальватор быстрым, уверенным и в то же время осторожным движением взял больную девочку из рук индейца, развернул тряпки, в которые был завернут ребенок, и бросил их в угол комнаты, ловко попав в стоявший там ящик. Индеец заковылял к ящику, желая взять оттуда лохмотья, но Сальватор строго остановил его:

— Оставь, не трогай!

Затем положил девочку на стол и наклонился над нею. Он стал в профиль к индейцу. И индейцу вдруг показалось, что это не доктор, а кондор наклонился над маленькой птичкой.

Сальватор начал прощупывать пальцами опухоль на горле ребенка. Эти пальцы также поразили индейца. Это были длинные, необычайно подвижные пальцы. Казалось, они могли сгибаться в суставах не только вниз, но и вбок и даже вверх. Далеко не робкий индеец старался не поддаться тому страху, который внушал ему этот непонятный человек.

— Прекрасно. Великолепно, — говорил Сальватор, как будто любуясь опухолью и ощупывая ее пальцами.

Окончив осмотр, Сальватор повернул лицо к индейцу и сказал:

— Сейчас новолуние. Приходи через месяц, в следующее новолуние, и ты получишь свою девочку здоровой.

Он унес ребенка за стеклянную дверь, где находились ванная, операционная и палаты для больных.

А негр уже вводил в приемную комнату новую пациентку — старуху с больной ногой.

Индеец низко поклонился стеклянной двери, закрывшейся за Сальватором, и вышел.

Ровно через двадцать восемь дней открылась та же стеклянная дверь.

В дверях стояла девочка в новом платьице, здоровая, румяная. Она пугливо глядела на дедушку. Индеец бросился к ней, схватил на руки, расцеловал, осмотрел горло. От опухоли не осталось следа. Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции.

Девочка отталкивала дедушку руками и даже вскрикнула, когда он, поцеловав, уколол ее давно не бритым подбородком. Пришлось спустить ее с рук на пол. Следом за девочкой вошел Сальватор. Теперь доктор даже улыбнулся и, потрепав головку девочки, сказал:

— Ну, получай свою девочку. Ты вовремя принес ее. Еще несколько часов, и даже я не в силах был бы вернуть ей жизнь.

Лицо старого индейца покрылось морщинами, губы задергались, из глаз полились слезы. Он вновь приподнял девочку, прижал ее к груди, упал на колени перед Сальватором и прерывающимся от слез голосом сказал:

— Вы спасли жизнь моей внучки. Что может предложить вам в награду бедный индеец, кроме своей жизни?

— На что мне твоя жизнь? — удивился Сальватор.

— Я стар, но еще силен, — продолжал индеец, не поднимаясь с пола. — Я отнесу внучку к матери — моей дочери — и вернусь к вам. Я хочу отдать вам весь остаток жизни за то добро, которое вы мне сделали. Я буду служить вам, как собака. Прошу вас, не откажите мне в этой милости.

Сальватор задумался.

Он очень неохотно и осторожно брал новых слуг. Хотя работа нашлась бы. Да и немало работы — Джим не справляется в саду. Этот индеец кажется человеком подходящим, хотя доктор предпочел бы негра.

— Ты даришь мне жизнь и просишь, как о милости, принять твой подарок. Хорошо. Будь по-твоему. Когда ты можешь прийти?

— Еще не окончится первая четверть луны, как я буду здесь, — сказал индеец, целуя край халата Сальватора.

— Как твое имя?

— Мое?.. Кристо — Христофор.

— Иди, Кристо. Я буду ждать тебя.

— Пойдем, внучка! — обратился Кристо к девочке и снова подхватил ее на руки.

Девочка заплакала. Кристо поспешил уйти.

ЧУДЕСНЫЙ САД

Когда Кристо явился через неделю, доктор Сальватор сосредоточенно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Слушай внимательно, Кристо. Я беру тебя на службу. Ты будешь получать готовый стол и хорошее жалованье...

Кристо замахал руками.

— Мне ничего не надо, только бы служить у вас.

— Молчи и слушай, — продолжал Сальватор. — У тебя будет все. Но я буду требовать одного: ты должен молчать обо всем, что увидишь здесь.

— Скорее я отрежу свой язык и брошу его собакам, чем скажу хоть одно слово.

— Смотри же, чтобы с тобой не случилось такого несчастья, — предупредил Сальватор. И, вызвав негра в белом халате, доктор приказал: — Проводи его в сад и сдай на руки Джиму.

Негр молча поклонился, вывел индейца из белого дома,

провел через знакомый уже Кристо двор и постучал в железную калитку второй стены.

Из-за стены послышался лай собак, калитка скрипнула и медленно открылась, негр втолкнул Кристо через калитку в сад, что-то гортанно крикнул другому негру, стоявшему за калиткой, и ушел.

Кристо в испуге прижался к стене: с лаем, похожим на рев, к нему бежали неведомые звери красновато-желтого цвета, с темными пятнами. Если бы Кристо встретился с ними в пампасах, он сразу признал бы в них ягуаров. Но бежавшие к нему звери лаяли по-собачьи. Сейчас Кристо было безразлично, какие животные нападают на него. Он бросился к соседнему дереву и начал взбираться по ветвям с неожиданной быстротой. Негр зашипел на собак, как рассерженная кобра. Это сразу успокоило собак. Они перестали лаять, легли на землю и положили головы на вытянутые лапы, искоса поглядывая на негра.

Негр опять зашипел, на этот раз обращаясь к Кристо, сидевшему на дереве, и замахал руками, приглашая индейца слезть.

— Что ты шипишь, как змея? — сказал Кристо, не оставляя своего убежища. — Язык проглотил?

Негр только сердито замычал.

«Наверно, он немой, — подумал Кристо и вспомнил предупреждение Сальватора. — Неужели Сальватор отрезает языки у слуг, которые выдают его тайны? Быть может, и у этого негра вырезан язык... — И Кристо сделалось вдруг так страшно, что он едва не упал с дерева. Ему захотелось бежать отсюда во что бы то ни стало и как можно скорее. Он прикинул в уме, далеко ли от дерева, на котором он сидел, до стены. — Нет, не перепрыгнуть...» Но негр подошел к дереву и, ухватив индейца за ногу, нетерпеливо тащил его вниз. Пришлось покориться. Кристо спрыгнул с дерева, улыбнулся как только мог любезно, протянул руку и дружески спросил:

— Джим?

Негр кивнул головой.

Кристо крепко пожал руку негра. «Уж если попал в ад, надо быть в ладу с дьяволами», — подумал он и продолжал вслух:

— Ты немой?

Негр не ответил.

— Языка нет?

Негр молчал по-прежнему.

«Как бы ему заглянуть в рот?» — подумал Кристо. Но Джим, видимо, не намеревался вступать даже в мимический разговор. Он взял Кристо за руку, подвел к красно-рыжим зверям и что-то прошипел им. Звери поднялись, подошли к Кристо, обнюхали его и спокойно отошли. У Кристо немного отлегло от сердца.

Махнув рукой, Джим повел Кристо осматривать сад.

После унылого двора, мощенного камнями, сад поражал обилием зелени и цветов. Сад простирался на восток, постепенно понижаясь по направлению к берегу моря. Дорожки, посыпанные красноватыми измельченными раковинами, разбегались в разные стороны. Возле дорожек росли причудливые кактусы и голубовато-зеленые сочные агавы[1], метелки с множеством желтовато-зеленых цветов.

Целые рощи персиковых и оливковых деревьев прикрывали своею тенью густую траву с пестрыми, яркими цветами. Среди зелени травы сверкали водоемы, выложенные по краям белыми камнями. Высокие фонтаны освежали воздух.

Сад был наполнен разноголосыми криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных. Никогда еще Кристо не приходилось видеть столь необычных птиц и животных. В этом саду жили невиданные звери.

Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от этого двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба.

Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминогое чудовище. Иногда

[1]Агава — растение с сочными, мясистыми листьями. Из его волокон делают ткани, из сока приготовляют «пульке», любимый напиток местных жителей. (*Прим. автора.*)

это двуединое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая — влево, и обе недовольно попискивали. Но побеждала всегда правая. Рядом с дорожкой паслись сросшенные боками «сиамские близнецы» — две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний. Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка — ее грудь, руки, голова. Собака подошла к Кристо и махнула хвостом. Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо. Индеец опустил руку в карман, вынул кусок сахару и протянул обезьянке. Но кто-то быстро отвел руку Кристо в сторону. За его спиной послышалось шипение. Кристо оглянулся — Джим. Старый негр жестами и мимикой объяснял Кристо, что обезьянку нельзя кормить. И тотчас же воробей с головой маленького попугая вырвал на лету кусок сахару из пальцев Кристо и скрылся за кустом. Вдали на лужайке промычала лошадь с коровьей головой.

Две ламы промчались по поляне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо необычайные гады, звери и птицы: собаки с кошачьими головами, гуси с петушиными головами, рогатые кабаны, страусы-нанду с клювами орлов, бараны с телом пумы...

Кристо казалось, что он бредит. Он протирал глаза, смачивал голову холодной водой фонтанов, но ничего не помогало. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечьими лапами, огромных жаб с телом длинным, как у ящерицы...

И Кристо снова захотелось бежать отсюда.

Но вот Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, выстроенная в мавританском стиле. Сквозь пальмовые стволы виднелись арки и колонны. Медные фонтаны в виде дельфинов выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы с резвящимися в них золотыми

рыбками. Самый большой фонтан перед главным входом изображал юношу, сидящего на дельфине подобно мифическому Тритону[1] — с витым рогом у рта. Эта группа, созданная руками талантливого скульптора, поражала живостью движений юноши и дельфина.

За виллой находилось несколько жилых построек и служб, а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую прохладную комнату. Жестами он объяснил, что эта комната предоставляется ему, и удалился, оставив Кристо одного.

ТРЕТЬЯ СТЕНА

Понемногу Кристо привыкал к тому необычайному миру, который окружал его. Все звери, птицы и гады, наполнявшие сад, были хорошо приручены. С некоторыми из них у Кристо завязалась даже дружба. Собаки со шкурой ягуара, так напугавшие его в первый день, ходили за ним по пятам, лизали руки, ласкались. Ламы брали хлеб из рук. Попугаи слетали на его плечо.

За садом и зверями ухаживали двенадцать негров, таких же молчаливых или немых, как Джим. Кристо никогда не слышал, чтобы они разговаривали даже друг с другом. Каждый молча делал свою работу. Джим был чем-то вроде управляющего. Он наблюдал за неграми и распределял их обязанности. А Кристо, к его собственному удивлению, был назначен помощником Джима. Работы у Кристо было не так уж много, кормили его хорошо. Он не мог жаловаться на свою жизнь. Одно его беспокоило — это зловещее молчание негров. Он был уверен, что Сальватор отрезал всем им языки. И когда Сальватор изредка вызывал Кристо к себе, индеец всякий раз думал: «Язык резать». Но вскоре Кристо стал меньше бояться за свой язык.

[1] Тритон — по греческой мифологии — бог морской волны. Трубя в морскую раковину, он вызывал или прекращал волнение моря. Часто изображался сидящим на дельфине. (*Прим. автора.*)

Однажды Кристо увидел Джима, спящего в тени оливковых деревьев. Негр лежал на спине, раскрыв рот. Кристо воспользовался этим, осторожно заглянул внутрь рта спящего и убедился, что язык старого негра находится на месте. Тогда индеец немного успокоился.

Сальватор строго распределял свой день. От семи до девяти утра доктор принимал больных индейцев, с девяти до одиннадцати оперировал, а затем уходил к себе в виллу и занимался там в лаборатории. Он оперировал животных, а потом долго изучал их. Когда же кончались наблюдения, Сальватор отправлял этих животных в сад. Кристо, убирая иногда в доме, проникал и в лабораторию. Все, что он видел там, поражало его. Там в стеклянных банках, наполненных какими-то растворами, пульсировали разные органы. Отрезанные руки и ноги продолжали жить. И когда эти живые, отделенные от тела части начинали болеть, то Сальватор лечил их, восстанавливая угасавшую жизнь.

На Кристо все это нагоняло ужас. Он предпочитал находиться среди живых уродов в саду.

Несмотря на то доверие, которое Сальватор оказывал индейцу, Кристо не смел проникнуть за третью стену. А это его очень интересовало. Как-то в полдень, когда все отдыхали, Кристо подбежал к высокой стене. Из-за стены он услышал детские голоса — он различал индейские слова. Но иногда к детским голосам присоединялись чьи-то еще более тонкие, визжащие голоса, как будто споривших с детьми и говоривших на каком-то непонятном наречии.

Однажды, встретив Кристо в саду, Сальватор подошел к нему и, по обычаю глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты уже месяц работаешь у меня, Кристо, и я доволен тобой. В нижнем саду заболел один из моих слуг. Ты заменишь его. Ты увидишь там много нового. Но помни наш уговор: крепко держи язык за зубами, если не хочешь потерять его.

— Я уже почти разучился говорить среди ваших немых слуг, доктор, — ответил Кристо.

— Тем лучше. Молчание — золото. Если ты будешь молчать, ты получишь много золотых песо. Я надеюсь через две недели поставить на ноги моего больного слугу. Кстати, ты хорошо знаешь Анды?

— Я родился в горах.

— Прекрасно. Мне нужно будет пополнить мой зверинец новыми животными и птицами. Я возьму тебя с собой. А теперь иди. Джим проводит тебя в нижний сад.

Ко многому уже привык Кристо. Но то, что он увидел в нижнем саду, превосходило все ожидания.

На большом, освещенном солнцем лугу резвились голые дети и обезьяны. Это были дети разных индейских племен. Среди них были и совсем маленькие — не более трех лет, старшим было лет двенадцать. Эти дети были пациентами Сальватора. Многие из них перенесли серьезные операции и были обязаны Сальватору своей жизнью. Выздоравливающие дети играли, бегали в саду, а потом, когда силы их возвращались, родители брали их домой.

Кроме детей, здесь жили обезьяны. Бесхвостые обезьяны. Обезьяны без клочка шерсти на теле.

Самое удивительное — все обезьяны, одни лучше, другие хуже, умели говорить. Они спорили с детьми, бранились, визжали тонкими голосами. Но все же обезьяны мирно уживались с детьми и ссорились с ними не больше, чем дети между собой. Кристо подчас не мог решить, настоящие ли это обезьяны или люди.

Когда Кристо ознакомился с садом, он заметил, что этот сад меньше, чем верхний, и еще круче спускается к заливу, упираясь в отвесную, как стена, скалу.

Море находилось, вероятно, недалеко за этой стеной. Из-за стены долетал гул морского прибоя.

Обследовав через несколько дней эту скалу, Кристо убедился, что она искусственная. Еще одна стена — четвертая. В густых зарослях глициний Кристо обнаружил серую железную дверь, выкрашенную под цвет скал, совершенно сливавшуюся с ними.

Кристо прислушался. Ни один звук, кроме прибоя, не долетал из-за скалы. Куда вела эта узкая дверь? На берег моря?

Вдруг послышался возбужденный детский крик. Дети смотрели на небо. Кристо поднял голову и увидел небольшой красный детский шар, медленно летевший через сад. Ветер относил шар в сторону моря.

Обычный детский шар, пролетавший над садом, очень взвол-

новал Кристо. Он стал беспокоиться. И как только выздоровевший слуга вернулся, Кристо отправился к Сальватору и сказал ему:

— Доктор! Скоро мы едем в Анды, быть может, надолго. Разрешите мне повидаться с дочерью и внучкой.

Сальватор не любил, когда его слуги уходили со двора, и предпочитал иметь одиноких. Кристо молчаливо ждал, глядя в глаза Сальватора.

Сальватор, холодно посмотрев на Кристо, напомнил ему:

— Помни наш уговор. Береги язык! Иди. Возвращайся не позже, как через три дня. Подожди!

Сальватор удалился в другую комнату и вынес оттуда замшевый мешочек, в котором позванивали золотые пезо.

— Вот твоей внучке. И тебе за молчание.

НАПАДЕНИЕ

— Если он не придет и сегодня, я откажусь от твоей помощи, Бальтазар, и приглашу более ловких и надежных людей, — говорил Зурита, нетерпеливо подергивая пушистые усы.

Теперь Зурита был одет в белый городской костюм и шляпу-панаму. Он встретился с Бальтазаром в окрестностях Буэнос-Айреса, там, где кончаются обработанные поля и начинаются пампасы.

Бальтазар в белой блузе и синих полосатых штанах сидел у дороги и молчал, смущенно пощипывая выжженную солнцем траву.

Он сам начинал раскаиваться, что послал своего брата Кристо шпионом к Сальватору.

Кристо был на десять лет старше Бальтазара. Несмотря на свои годы, Кристо оставался сильным и ловким человеком. Он был хитер, как кошка пампасов. И все же он был ненадежным человеком. Он пробовал заниматься сельским хозяйством, — это показалось ему скучным. Потом держал кабачок в порту, но, пристрастившись к вину, скоро разорился. Последние годы Кристо занимался самыми темными делами, пуская в ход свою необычайную хитрость, а подчас и вероломство. Такой человек был подходящим шпионом, но верить ему нельзя было. Если ему было выгодно, он мог предать даже

родного брата. Бальтазар знал это и потому беспокоился не меньше Зурита.

— Ты уверен, что Кристо видел пущенный тобою воздушный шар?

Бальтазар неопределенно пожал плечами. Ему хотелось скорее бросить всю эту затею, пойти домой, промочить горло холодной водой с вином и лечь пораньше спать.

Последние лучи заходящего солнца осветили клубы пыли, поднявшиеся из-за бугра. В то же время послышался резкий протяжный свист.

Бальтазар встрепенулся.

— Это он!

— Наконец-то!

Кристо бодрой походкой приближался к ним. Он уже не был похож на изможденного старого индейца. Еще раз лихо свистнув, Кристо подошел и поздоровался с Бальтазаром и Зурита.

— Ну что, познакомился ты с «морским дьяволом»? — спросил его Зурита.

— Еще нет, но он там. Сальватор хранит «дьявола» за четырьмя стенами. Главное сделано: я служу у Сальватора, и он верит мне. С больной внучкой очень хорошо у меня вышло. — Кристо засмеялся, сощурив свои хитрые глаза. — Она едва не испортила дело, когда выздоровела. Я ее обнимаю, целую, как и следует любящему деду, а она, дурочка, брыкаться и чуть не в слезы. — Кристо снова засмеялся.

— Где ты добыл свою внучку? — спросил Зурита.

— Деньги не найдешь, девчонок легко найти, — ответил Кристо. — Мать ребенка довольна. Я получил от нее пять бумажных пезо, а она получила здоровую девочку.

О том, что он получил увесистый мешочек золотых пезо от Сальватора, Кристо умолчал. Конечно, он и не думал отдавать деньги матери девочки.

— Чудеса у Сальватора. Настоящий зверинец. — И Кристо начал рассказывать обо всем, что он видел.

— Все это очень интересно, — сказал Зурита, закуривая сигару, — но ты не видал самого главного: «дьявола». Что ты думаешь делать дальше, Кристо?

— Дальше? Предпринять небольшую прогулку в Анды. —

И Кристо рассказал, что Сальватор собирается на охоту за зверями.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Участок Сальватора находится вдали от остальных поселений. В его отсутствие мы нападем на владения Сальватора и похитим «морского дьявола».

Кристо отрицательно покачал головой.

— Ягуары оторвут вам голову, и вы не сможете найти «дьявола». И с головой не найдете его, если я не нашел.

— Тогда вот что, — подумав, сказал Зурита, — мы устроим засаду, когда Сальватор отправится на охоту; захватим его в плен и потребуем выкуп — «морского дьявола».

Кристо ловким движением вынул из бокового кармана Зурита торчавшую сигару.

— Благодарю вас. Засада — это лучше. Но Сальватор обманет: пообещает выкуп и не даст. Эти испанцы... — Кристо закашлялся.

— Но что же ты предлагаешь? — уже с раздражением спросил Зурита.

— Терпение, Зурита. Сальватор верит мне, но только до четвертой стены. Надо, чтобы доктор поверил мне, как самому себе, и тогда он покажет мне «дьявола».

— Ну?

— Ну и вот. На Сальватора нападут бандиты, — и Кристо ткнул пальцем в грудь Зурита, — а я, — он ударил себя в грудь, — честный арауканец, спасу ему жизнь. Тогда для Кристо не останется тайны в доме Сальватора. («И кошелек мой пополнится золотыми пезо», — докончил он про себя.)

— Что же, это неплохо.

И они условились, по какой дороге Кристо повезет Сальватора.

— Накануне того дня, когда мы выедем, я брошу через забор красный камень. Будьте готовы.

Несмотря на то что план нападения обдумали очень тщательно, одно непредвиденное обстоятельство едва не испортило дело.

Зурита, Бальтазар и десять головорезов, навербованных в порту, одетые в костюмы гаучо[1] и хорошо вооруженные, вер-

[1] Гаучо — полудикие пастушеские племена, живущие в пампасах, метисы с преобладанием индейской крови. Прекрасные наездники. (*Прим. автора.*)

хом на лошадях поджидали свою жертву в пампасах, вдали от жилья.

Стояла темная ночь. Всадники вслушивались, ожидая услышать топот лошадиных копыт.

Но Кристо не знал, что Сальватор отправляется на охоту не так, как это делалось несколько лет тому назад.

Бандиты неожиданно услышали быстро приближающийся шум мотора. Из-за пригорка ослепительно сверкнули огни фар. Огромный черный автомобиль промчался мимо всадников, прежде чем они успели сообразить, что произошло.

Зурита отчаянно бранился, Бальтазара это рассмешило.

— Не огорчайтесь, Педро, — сказал индеец. — Днем жарко, они едут ночью, — у Сальватора два солнца на машине. Днем они будут отдыхать. Мы можем нагнать их на привале. — И, пришпорив лошадь, Бальтазар поскакал следом за автомобилем. За ним двинулись другие.

Проехав часа два, всадники неожиданно заметили вдали костер.

— Это они. У них что-нибудь случилось. Стойте. Я проберусь ползком и узнаю. Ждите меня.

И, соскочив с лошади, Бальтазар пополз, как уж. Через час он вернулся.

— Машина не везет. Испортилась. Они чинят ее. Кристо стоит на часах. Надо спешить.

Все остальное свершилось очень быстро. Бандиты напали. И не успел Сальватор опомниться, как ему, Кристо и трем неграм связали руки и ноги.

Один из наемных бандитов, главарь шайки, — Зурита предпочитал держаться в тени — потребовал от Сальватора довольно большую сумму выкупа.

— Я уплачу, освободите меня, — ответил Сальватор.

— Это за тебя. Но столько же ты должен уплатить за троих спутников! — нашелся бандит.

— Сразу такой суммы я не могу дать, — ответил Сальватор, подумав.

— Тогда смерть ему! — закричали бандиты.

— Если не согласишься на наши условия, на рассвете мы убьем тебя, — сказал бандит.

Сальватор пожал плечами и ответил:

— Такой суммы у меня нет на руках.

Спокойствие Сальватора поразило даже бандита. Бросив связанных позади автомобиля, бандиты принялись шарить и нашли запасы спирта для коллекции. Они выпили спирт и, пьяные, свалились на землю.

Незадолго до рассвета кто-то осторожно подполз к Сальватору.

— Это я, — тихо сказал Кристо. — Мне удалось развязать ремни. Я подкрался к бандиту с ружьем и убил его. Остальные пьяны. Шофер исправил автомобиль. Надо спешить.

Все быстро уселись в автомобиль, негр-шофер пустил мотор, машина рванулась и помчалась по дороге.

Сзади послышались крики и беспорядочная стрельба.

Сальватор крепко пожал руку Кристо.

Только после отъезда Сальватора Зурита узнал от своих бандитов, что Сальватор соглашался дать выкуп. «Не проще ли было, — думал Зурита, — получить выкуп, чем пытаться похитить «морского дьявола», который неизвестно еще, что собой представляет». Но случай был упущен, оставалось ожидать вестей от Кристо.

Кристо надеялся, что Сальватор подойдет к нему и скажет: «Кристо, ты спас мне жизнь. Теперь для тебя нет тайн в моих владениях. Идем, я покажу тебе «морского дьявола».

Но Сальватор не собирался этого делать. Он щедро наградил Кристо за спасение и углубился в свои научные работы.

Не теряя времени, Кристо стал изучать четвертую стену и потайную дверь. Она долго не давалась, но в конце концов Кристо удалось открыть секрет. Однажды, ощупывая эту дверь, он нажал небольшую выпуклость. Вдруг дверь подалась и открылась. Она оказалась тяжелой и толстой, как дверь несгораемого шкафа. Кристо быстро проскользнул за дверь, которая сразу захлопнулась за ним. Это несколько озадачило его. Он осматривал дверь, нажимал на выступы, но дверь не открывалась.

— Я сам себя запер в ловушку, — проворчал Кристо.

Но делать было нечего. Оставалось осмотреть этот последний, неведомый сад Сальватора.

Кристо очутился в густо заросшем саду. Весь сад представлял собой небольшую котловину, со всех сторон окруженную высокой стеной из искусственно сложенных скал. Слышался не только прибой волн, но и шуршанье гальки по песчаной отмели.

Тут были деревья и кустарники, которые обыкновенно растут на влажной почве. Среди больших тенистых деревьев, хорошо защищавших от лучей солнца, струилось много ручьев. Десятки фонтанов разбрасывали брызги воды, увлажняя воздух. Было сыро, как на низменных берегах Миссисипи. Посреди сада стоял небольшой каменный дом с плоской крышей. Его стены были сплошь покрыты плющом. Зеленые жалюзи на окнах были спущены. Дом казался необитаемым.

Кристо дошел до конца сада. У стены, отделявшей усадьбу от залива, находился огромный квадратный бассейн, густо обсаженный деревьями, занимавший площадь не менее пятисот квадратных метров и глубиной не меньше пяти метров.

При приближении Кристо какое-то существо испуганно выбежало из зарослей и бросилось в бассейн, подняв тучи брызг. Кристо остановился в волнении. Он! «Морской дьявол»! Наконец-то Кристо увидит его.

Индеец подошел к водоему, заглянул в прозрачную воду.

На дне бассейна, на белых каменных плитах, сидела большая обезьяна. С испугом и любопытством она глядела из-под воды на Кристо. Кристо не мог прийти в себя от удивления: обезьяна дышала под водой. Бока ее то опускались, то поднимались.

Оправившись от изумления, Кристо невольно рассмеялся: «морской дьявол», наводивший ужас на рыбаков, оказался земноводной обезьяной. «Чего только не бывает на свете», — подумал старый индеец.

Кристо был доволен: наконец ему удалось выведать все. Но теперь он был разочарован. Обезьяна совсем не напоминала то чудовище, о котором рассказывали очевидцы. Чего не сделают страх и воображение!

Но надо было подумать о возвращении. Кристо вернулся

назад, к двери, влез на высокое дерево у забора и, рискуя сломать себе ноги, спрыгнул с высокой стены.

Едва он встал на ноги, как услышал голос Сальватора:

— Кристо! Где же ты?

Кристо схватил лежавшие на дорожке грабли и начал сгребать сухие листья.

— Я здесь.

— Идем, Кристо, — сказал Сальватор, подходя к замаскированной железной двери в скале. — Смотри, эта дверь открывается вот так. — И Сальватор нажал уже известную Кристо выпуклость на шероховатой поверхности двери.

«Доктор опоздал — я уже видел «дьявола», — подумал Кристо.

Сальватор и Кристо вошли в сад. Минуя домик, увитый плющом, Сальватор направился к бассейну. Обезьяна еще сидела в воде, пуская пузыри.

Кристо удивленно вскрикнул, как будто увидел ее впервые. Но вслед за этим ему пришлось по-настоящему удивиться.

Сальватор не обратил на обезьяну никакого внимания. Он только махнул на нее рукой, как будто она мешала ему. Обезьяна тотчас выплыла, выбралась из бассейна, отряхнулась и влезла на дерево. Сальватор наклонился, ощупал траву и сильно нажал небольшую зеленую пластину. Послышался глухой шум. В полу по краям бассейна открылись люки. Через несколько минут бассейн был пуст. Люки захлопнулись. Откуда-то сбоку выдвинулась железная лесенка, ведущая на дно бассейна.

— Идем, Кристо.

Они опустились в бассейн. Сальватор ступил на одну плиту, и тотчас открылся новый люк — посреди бассейна, шириною в квадратный метр. Железные ступени уходили куда-то под землю.

Кристо последовал за Сальватором в это подземелье.

Они шли довольно долго. Сверху, через люк, проникал только рассеянный свет. Но скоро он исчез. Их окружил полный мрак. Шаги глухо отдавались в этом подземном коридоре.

— Не оступись, Кристо, сейчас мы придем.

Сальватор остановился, шаря по стене рукой. Щелкнул выключатель, и яркий свет разлился вокруг. Они стояли в сталактитовой пещере, перед бронзовой дверью со львиными

мордами, держащими кольца в зубах. Сальватор дернул за одно кольцо. Тяжелая дверь плавно открылась, и путники вошли в темную залу. Снова щелкнул выключатель. Матовый шар осветил обширную пещеру, одна стена которой была стеклянная. Сальватор переключил свет: пещера погрузилась во мрак, а сильные прожекторы осветили пространство за стеклянной стеной. Это был огромный аквариум, вернее, стеклянный дом на дне моря. С земли поднимались водоросли и кусты кораллов, среди них резвились рыбы. И вдруг Кристо увидел выходившее из зарослей человекообразное существо с большими выпуклыми глазами и лягушечьими лапами. Тело неизвестного сверкало синевато-серебристой чешуей. Быстрыми, ловкими движениями это существо подплыло к стеклянной стене, кивнуло Сальватору головой, вошло в стеклянную камеру, захлопнув за собой дверь. Вода из камеры быстро выливалась. Неизвестный открыл вторую дверь и вошел в грот.

— Сними очки и перчатки, — сказал Сальватор.

Неизвестный послушно снял очки и перчатки, и Кристо увидел перед собой стройного красивого молодого человека.

— Познакомьтесь: Ихтиандр, человек-рыба, или, вернее, амфибия, он же «морской дьявол», — отрекомендовал юношу Сальватор.

Юноша, приветливо улыбаясь, протянул руку индейцу и сказал по-испански:

— Здравствуйте!

Кристо молча пожал протянутую руку. Пораженный, он не мог выговорить ни слова.

— Негр, слуга Ихтиандра, заболел, — продолжал Сальватор. — Я оставлю тебя с Ихтиандром на несколько дней. Если ты справишься с новыми обязанностями, я сделаю тебя постоянным слугой Ихтиандра.

Кристо молча кивнул головой.

ДЕНЬ ИХТИАНДРА

Еще ночь, но скоро рассвет.

Воздух теплый и влажный, напоенный сладким запахом магнолий, тубероз, резеды. Ни один лист не шелохнется. Ти-

шина. Ихтиандр идет по песчаной дорожке сада. На поясе мерно покачиваются кинжал, очки, ручные и ножные перчатки — «лягушечьи лапы». Только под ногами потрескивает ракушечный песок. Дорожка еле видна. Кусты и деревья обступили ее черными бесформенными пятнами. От водоемов поднимается туман. Иногда Ихтиандр задевает ветку. Роса окропляет его волосы и горячую щеку.

Дорожка круто поворачивает вправо и идет под уклон. Воздух становится все свежее и влажнее. Ихтиандр чувствует под ногами каменные плиты, замедляет шаги, останавливается. Не спеша надевает большие очки с толстыми стеклами, перчатки на руки и на ноги. Выдыхает из легких воздух и прыгает в водоем. Вода обволакивает тело приятной свежестью, пронизывает холодком жабры. Жаберные щели начинают ритмически двигаться, — человек превратился в рыбу.

Несколько сильных движений руками, и Ихтиандр на дне водоема.

Юноша уверенно плывет в полной темноте. Протягивает руку, находит железную скобу в каменной стене. Рядом другая, третья скоба... Так добирается он до туннеля, доверху наполненного водой. Идет по дну, преодолевая холодное встречное течение. Отталкивается от дна, всплывает наверх — и словно погружается в теплую ванну. Вода, нагретая в водоемах садов, течет вверху туннеля к открытому морю. Теперь Ихтиандр может плыть по течению. Скрещивает на груди руки, ложится на спину и плывет головой вперед.

Конец туннеля близок. Там, возле самого выхода в океан, внизу из расщелины скалы под сильным напором вырывается горячий источник. В его струях шуршат придоннные камешки и раковины.

Ихтиандр ложится на грудь и смотрит вперед. Темно. Протягивает руку вперед. Вода чуть-чуть свежеет. Ладони касаются железной решетки, прутья которой покрыты мягкой и скользкой морской растительностью и шероховатыми ракушками. Цепляясь за решетку, юноша находит сложный затвор и открывает его. Тяжелая круглая решетчатая дверь, загораживающая выход из туннеля, медленно приоткрывается. Ихтиандр проскальзывает в образовавшуюся щель. Дверь решетки захлопывается.

Человек-амфибия направляется в открытый океан, загребая воду руками и ногами. В воде все еще темно. Только кое-где в черной глубине мелькают голубоватые искры ночесветок да тускло-красные медузы. Но скоро рассвет, и светящиеся животные одно за другим тушат свои фонарики.

Ихтиандр чувствует в жабрах тысячи мелких уколов — становится труднее дышать. Это значит — он миновал скалистый мыс. За мысом морская вода всегда загрязнена частицами глинозема, песком и отбросами разных веществ. Вода опреснена, — невдалеке в океан впадает река.

«Удивительно, как это речные рыбы могут жить в мутной, пресной воде, — думает Ихтиандр. — Наверно, их жабры не так чувствительны к песчинкам и частицам ила».

Ихтиандр поднимается немного выше, резко поворачивает вправо, на юг, затем опускается в глубину. Здесь вода чище. Ихтиандр попал в холодное подводное течение, которое идет вдоль берега с юга на север, до впадения реки Параны, которая отклоняет холодное течение на восток. Течение это проходит на большой глубине, но верхняя граница находится в пятнадцати-двадцати метрах от поверхности. Теперь Ихтиандр вновь может предоставить себя течению, — оно вынесет его далеко в открытый океан.

Можно и подремать немного. Опасности нет: еще темно, и морские хищники спят. Перед восходом солнца так приятно вздремнуть. Кожа чувствует, как изменяются температура воды, подводные течения.

Вот ухо улавливает глухой, грохочущий звук, за ним другой, третий. Это гремят якорные цепи: в заливе, за несколько километров от Ихтиандра, рыбачьи шхуны снимаются с якоря. Рассвет близок. А вот далекий-далекий мерный рокот. Это винт и моторы «Горрокса» — большого английского океанского парохода, совершающего рейс между Буэнос-Айресом и Ливерпулем. «Горрокс» еще километрах в сорока. А как слышно! Звук проходит в морской воде полторы тысячи метров в секунду. Как красив «Горрокс» ночью — настоящий плавучий город, залитый огнями. Но, чтобы увидеть его ночью, надо с вечера выплыть далеко в открытое море. В Буэнос-Айрес «Горрокс» приходит при свете восходящего солнца, уже с погашенными огнями. Нет, дремать больше уже не придется: вин-

ты, рули и моторы «Горрокса», колебания его корпуса, огни иллюминаторов и прожекторов разбудят обитателей океана. Наверное, дельфины первые услышали приближение «Горрокса» и, ныряя, подняли несколько минут тому назад легкое волнение, которое заставило Ихтиандра насторожиться. И, наверное, они уже помчались навстречу пароходу.

Дробь судовых моторов раздается с разных сторон; пробуждаются порт и залив. Ихтиандр открывает глаза, трясет головой, словно отряхивает последнюю дремоту, взмахивает руками, отталкивается ногами и всплывает на поверхность.

Осторожно высунув голову из-под воды, осмотрелся. Вблизи ни лодок, ни шхун. Вынырнул по пояс и так держится, медленно перебирая ногами.

Низко над водой летают бакланы и чайки, иногда задевают грудью или концом крыла зеркальную поверхность и оставляют на ней медленно расходящиеся круги. Крики белых чаек похожи на детский плач. Свистя огромными крыльями и обдавая ветром, над головой Ихтиандра пролетел огромный снежно-белый альбатрос-буревестник. Маховые крылья его черные, клюв красный, с желтым кончиком, а лапы оранжевые. Он направляется к заливу. Ихтиандр с некоторой завистью провожает его глазами. Траурные крылья птицы имеют в размахе не менее четырех метров. Вот бы иметь такие крылья!

На западе ночь уходит за далекие горы. Уже алеет восток. На глади океана появилась едва заметная, спокойная зыбь, и на ней — золотые струйки. Белые чайки, поднимаясь выше, становятся розовыми.

По бледной глади вод зазмеились пестрые, голубые и синие дорожки: это первые порывы ветра. Синих дорожек становится все больше. Ветер крепчает. На песчаном берегу уже появляются первые перистые желто-белые язычки прибоя. Вода возле берега становится зеленой.

Приближается целая флотилия рыбачьих шхун. Отец приказал не попадаться людям на глаза. Ихтиандр ныряет глубоко в воду, находит холодное течение. Оно несет его еще дальше от берега на восток, в открытый океан. Кругом сине-лиловая темнота морской глубины. Плавают рыбы, они кажутся светло-зелеными, с темными пятнами и полосками. Красные,

желтые, лимонные, коричневые рыбы беспрерывно снуют, мелькая, как рои пестрых бабочек.

Сверху доносится рокот, вода темнеет. Это низко над водой пролетел военный гидроплан.

Однажды такой гидроплан сел на воду. Ихтиандр незаметно ухватился за железный упор поплавков и... едва не поплатился жизнью: гидроплан неожиданно снялся с воды, Ихтиандр спрыгнул с высоты десяти метров.

Ихтиандр приподнимает голову. Свет солнца виден почти над головой. Близок полдень. Поверхность воды уже не кажется зеркалом, в котором отражаются камни отмели, крупные рыбы, сам Ихтиандр. Сейчас зеркало искривилось, выгибается, беспрерывно движется.

Ихтиандр всплывает. Волны качают. Вот он выглянул из воды. Поднялся на гребне волны, опустился, снова поднялся. Ого, что делается вокруг! У берега прибой уже шумит, ревет и ворочает камнями. Вода возле берега стала желто-зеленая. Дует резкий юго-западный ветер. Волны растут. На гребнях волн мелькают белые барашки. Брызги все время падают на Ихтиандра. Ему это приятно.

«Почему это, — думает Ихтиандр, — если плыть навстречу волнам, они кажутся темно-синими, а оглянешься — позади они бледные?»

С верхушек волн срываются стаи рыб — летунов-долгоперов. То поднимаясь, то опускаясь, минуя гребни волн и ложбинки между ними, летуны пролетают сотню метров и опускаются, а через минуту-две снова выпрыгивают из воды. Мечутся, плачут белые чайки. Режут воздух широкими крыльями самые быстроходные птицы — фрегаты. Огромный изогнутый клюв, острые когти, темно-коричневые перья с зеленоватым металлическим оттенком, зоб оранжевого цвета. Это самец. А невдалеке другой фрегат, посветлее, с белой грудью — самка. Вот она камнем падает в воду, и через секунду в кривом клюве уже трепещет сине-серебристая рыбка. Летают буревестники-альбатросы. Будет буря.

Навстречу грозовой туче, наверно, уже несется чудесная смелая птица — паламедея. Она всегда встречает грозу своей песней. Зато рыбачьи шхуны и нарядные яхты на всех парусах спешат к берегу укрыться от бури.

Стоят зеленоватые сумерки, но сквозь толщу воды еще можно различить, где находится солнце — большое светлое пятно. Этого достаточно, чтобы определить направление. Надо добраться до отмели прежде, чем туча покроет солнце, иначе — прощай завтрак. А есть уже давно хочется. В темноте не найти ни отмели, ни подводных скал. Ихтиандр с силой работает руками и ногами — он плывет, как плавают лягушки.

Время от времени он ложится на спину и проверяет свой курс по едва заметному просвету в густом сине-зеленом полумраке. Иногда внимательно всматривается вперед, не видно ли отмели. Его жабры и кожа чувствуют, как изменяется вода: вблизи отмели вода не такая плотная, она более соленая, и в ней больше кислорода — приятная, легкая вода. Он пробует воду на вкус — на язык. Так старый опытный моряк, еще не видя земли, знает о ее приближении по приметам, известным ему одному.

Постепенно становится светлее. Справа и слева маячат давно знакомые очертания подводных утесов. Между ними небольшое плато, за ним каменная стена. Ихтиандр называет это местечко подводной бухтой. Здесь бывает тихо даже во время самой сильной бури.

Как много рыб набралось в тихой подводной бухте! Кишат, как в кипящем котле с ухой. Маленькие, темные, с желтой поперечной полосой посредине тела и желтым хвостом, с косыми темными полосами, красные, голубые, синие. Они то внезапно исчезают, то так же неожиданно появляются на том же самом месте. Всплывешь вверх, оглянешься по сторонам — рыбы кишат, а внизу уже пропали, словно провалились. Долго Ихтиандр не мог понять, отчего это происходит, пока не поймал однажды рыбку руками. Ее тельце было величиною в ладонь, но совсем плоское. Поэтому сверху рыб было трудно разглядеть.

Вот и завтрак. На ровной площадке возле отвесной скалы много устриц. Ихтиандр подплывает, ложится на площадку возле самых раковин и принимается есть. Вынимает устриц из раковин и отправляет их в рот. Он привык есть под водой: положив кусок в рот, ловко выбрасывает сквозь полусжатые губы воду изо рта. Немного воды, впрочем, проглатывает он с пищей, но он привык к морской воде.

Вокруг него колышутся водоросли — испещренные дырочками зеленые листья агара, перистые зеленые листья каулерпы мексиканской, нежные розовые нитофилы. Но сейчас все они кажутся темно-серыми: в воде сумеречный свет, — гроза и буря продолжаются. Иногда глухо слышится гром. Ихтиандр смотрит вверх.

Почему вдруг так потемнело? Над самой головой Ихтиандра появилось темное пятно. Что бы это могло быть? Завтрак окончен. Можно взглянуть на поверхность. Ихтиандр осторожно поднимается к темному пятну над головой, скользя вдоль отвесной скалы. Оказывается, на воду сел огромный альбатрос. Оранжевые ноги птицы совсем близко от Ихтиандра. Он протягивает руки вверх и схватывает альбатроса за ноги. Испуганная птица раскрывает свои мощные крылья и поднимается, вытаскивая из воды Ихтиандра. Но на воздухе тело Ихтиандра сразу тяжелеет, и альбатрос вместе с ним грузно падает на волну, покрывая юношу своей перистой, мягкой грудью. Ихтиандр не ждет, пока буревестник клюнет красным клювом в голову, ныряет и через несколько секунд всплывает на поверхность в другом месте. Альбатрос улетает на восток и скрывается за водяными горами разыгравшегося шторма.

Ихтиандр лежит на спине. Гроза уже прошла. Гром грохочет где-то вдали на востоке. Но ливень как из ведра. Ихтиандр жмурит глаза от удовольствия. Наконец открывает глаза, встает, оставаясь наполовину погруженным в воду, оглядывается. Он на гребне высочайшей волны. Вокруг него небо, океан, ветер, тучи, ливень, волны — все смешалось в мокрый вращающийся клубок, который гудит, шумит, ревет, грохочет. Курчавится пена на гребнях и сердито змеится на ребрах волн. Стремительно бегут вверх водяные горы и низвергаются, как лавины, подымаются валы, шумит ливень, воет неистовый ветер.

То, что страшит земного человека, радует Ихтиандра. Конечно, надо быть осторожным, иначе на него обрушится водяная гора. Но Ихтиандр не хуже рыб умеет управляться с волнами. Надо только знать их: одна несет вверх-вниз, вверх-вниз, другая того и гляди перебросит через голову. Он знал и то, что делается под волной, знал, как пропадают волны, когда кончается ветер; знал, что сначала исчезают мелкие вол-

ны, потом крупные, но мерная мертвая зыбь остается еще долго. Он любил кувыркаться в прибрежной волне, но знал, что это опасно. Однажды волна неожиданно перевернула Ихтиандра, — он сильно ударился головой о дно и потерял сознание. Обыкновенный человек утонул бы, но Ихтиандр отлежался в воде.

Дождь перестал. Его унесло вслед за грозою куда-то на восток. Ветер переменился. С тропического севера подуло теплом. Сквозь тучи показались куски голубого неба. Прорвались солнечные лучи и ударили по волнам. На юго-востоке на темном еще, мрачном небе появляется двойная радуга. Океана не узнать. Теперь он не свинцово-темный, а синий, с яркозелеными пятнами в тех местах, где прорвались солнечные лучи.

Солнце! В одно мгновение небо и океан, берег и далекие горы стали иными. Какой чудесный, легкий, влажный воздух после грозы и бури! Ихтиандр то вбирает в легкие чистый, здоровый морской воздух, то начинает усиленно дышать жабрами. Среди людей только Ихтиандр один знает, как легко дышится после того, как буря, гроза, ветер, волны, дождь перемешают небо с океаном, воздух с водою и густо насытят воду кислородом. Тогда оживают все рыбы, все морские твари.

После грозы и бури из зарослей морских джунглей, из тесных щелей скал, из чащи причудливых кораллов и губок выплывают мелкие рыбки; за ними появляются скрывавшиеся в глубине крупные рыбы, и наконец, когда волнение уже совсем утихнет, всплывают нежные, слабые медузы, прозрачные, почти невесомые рачки, сифонофоры, гребневики, венерины пояса.

Вот луч солнца упал на волну. Вода вокруг сразу позеленела, сверкают мелкие водяные пузырьки, шипит пена... Недалеко от Ихтиандра резвятся его друзья-дельфины, поглядывая на него веселыми, хитрыми, любопытными глазами. Их лоснящиеся темные спины мелькают среди волн. Плещутся, фыркают, гоняются друг за другом. Ихтиандр смеется, ловит дельфинов, плавает, ныряет вместе с ними. Ему кажется, что и этот океан, и эти дельфины, и это небо, и солнце созданы только для него.

Ихтиандр приподнимает голову, щурясь, смотрит на солнце. Оно склоняется к западу. Скоро вечер. Сегодня ему не хо-

чется возвращаться домой рано. Он будет вот так качаться, пока не потемнеет синее небо и на нем не покажутся звезды.

Однако скоро ему надоедает бездействие. Недалеко от него гибнут маленькие морские твари. Он может спасти их. Он привстает и смотрит на далекий берег. Туда, к отмели у песчаной косы! Там больше всего нужна его помощь. Там свирепствует морской прибой.

Этот бешеный прибой после каждой бури выбрасывает на берег груды водорослей и морских обитателей: медуз, крабов, рыб, морских звезд, а иногда и неосторожного дельфина. Медузы погибают очень скоро, некоторые рыбы добираются до воды, но много их гибнет на берегу. Крабы почти все возвращаются в океан. Иногда они сами выходят из воды на берег пожи́виться жертвами прибоя. Ихтиандр любит спасать выброшенных на берег морских животных.

Часами бродил он после бури по берегу и спасал, кого еще можно было спасти. Он радовался, видя, как рыба, брошенная им в воду, уплывала, весело махнув хвостом. Он радовался каждый раз, когда полуснувшие рыбы, плававшие в воде боком или брюшком, в конце концов оживали. Подбирая на берегу большую рыбу, Ихтиандр нес ее к воде; рыба трепетала в его руках, а он смеялся и уговаривал ее не бояться и потерпеть еще немного. Конечно, эту самую рыбу он съел бы с удовольствием, если бы, проголодавшись, поймал ее в океане. Но то было неизбежное зло. Здесь же, на берегу, он был покровителем, другом, спасителем обитателей моря.

Обыкновенно Ихтиандр возвращался к берегу так же, как и уплывал, пользуясь подводными морскими течениями. Но сегодня ему не хотелось надолго погружаться под воду — уж очень красивы были океан и небо. Юноша нырял, проплывал под водою и вновь появлялся на поверхности, подобно морским птицам, охотящимся за рыбами.

Угасли последние лучи солнца. На западе еще догорает желтая полоса. Угрюмые волны, точно темно-серые тени, бегут одна за другой.

После прохладного воздуха в воде так тепло. Кругом темно, но не страшно. Никто не нападает в этот час. Дневные хищники уже уснули, ночные еще не вышли на охоту.

Вот то, что ему нужно: северное течение, находящееся со-

всем близко от поверхности океана. Не успокоившаяся мертвая зыбь немного раскачивает эту подводную реку вверх-вниз, но она продолжает медленно течь с жаркого севера на холодный юг. А много ниже лежит обратное, холодное течение — с юга на север. Ихтиандр часто пользуется этими течениями, когда ему нужно долго плыть вдоль берега.

Сегодня он далеко заплыл на север. Теперь это теплое течение доставит его до туннеля. Только бы не вздремнуть и не проплыть дальше, как это однажды с ним было. Он то кладет руки за голову, то вытягивает их в стороны, медленно расставляет и снова сжимает ноги — занимается гимнастикой. Течение несет его к югу. Теплая вода и медленные движения рук и ног действуют на него успокоительно.

Ихтиандр смотрит вверх — перед ним свод, сплошь усеянный мелкими, как пыль, звездами. Это ночесветки зажгли свои фонарики и поднимаются на поверхность океана. Кое-где во тьме виднеются голубоватые и розоватые светящиеся туманности — плотные скопления мельчайших светящихся животных. Медленно проплывают шары, излучающие мягкий зеленоватый свет. Совсем недалеко от Ихтиандра светится медуза — она похожа на лампу, прикрытую затейливым абажуром с кружевами и длинной бахромой. Бахрома медленно покачивается, как от легкого ветра, при каждом движении медузы. На отмелях уже загорелись морские звезды. В больших глубинах быстро двигаются огни крупных ночных хищников. Они гоняются друг за другом, кружатся, гаснут и вспыхивают снова.

Снова отмель. Причудливые стволы и ветви кораллов освещены изнутри голубым, розовым, зеленым, белым огнем. Одни кораллы горят бледным, мигающим светом, другие — как накаленный добела металл.

На земле ночью только маленькие, далекие звезды в небе, иногда луна. А здесь тысячи звезд, тысячи лун, тысячи маленьких разноцветных солнц, горящих мягким нежным светом. Ночь в океане несравненно прекраснее ночи на земле.

И, чтобы сравнить, Ихтиандр всплывает на поверхность воды.

Воздух потеплел. Над головой темно-синий свод неба, усе-

янный звездами. Над горизонтом стоит серебристый диск луны. От луны протянулась по всему океану серебряная дорожка.

Из порта доносится низкий, густой, продолжительный гудок. Это гигант «Горрокс» собирается в обратный путь. Однако как поздно. Скоро рассвет. Ихтиандр отсутствовал почти целые сутки. Отец, наверно, будет его бранить.

Ихтиандр направляется к туннелю, запускает руку меж прутьев, открывает железную решетку, плывет в туннеле среди полной темноты. На этом обратном пути плыть приходится внизу, в холодном течении, идущем с моря к садовым бассейнам.

Легкий толчок в плечо будит его. Он в бассейне. Быстро поднимается вверх. Начинает дышать легкими, вбирая воздух, напоенный знакомыми запахами цветов.

Через несколько минут он уже крепко спит в кровати, как приказывал отец.

ДЕВУШКА И СМУГЛЫЙ

Однажды он плыл в океане после грозы.

Вынырнув на поверхность, Ихтиандр заметил на волнах недалеко от себя какой-то предмет, похожий на кусок белого паруса, сорванный бурей с рыбачьей шхуны. Подплыв ближе, он с удивлением увидел, что это был человек — женщина, молодая девушка. Она была привязана к доске. Неужели эта красивая девушка мертва? Ихтиандр был так взволнован своей находкой, что у него впервые появилось враждебное чувство к океану.

Быть может, девушка только потеряла сознание? Он поправил ее беспомощно склонившуюся голову, ухватился за доску и поплыл к берегу.

Он быстро плыл, напрягая все свои силы, только иногда делая короткие остановки, чтобы поправить голову девушки, вновь съехавшую с доски. Он шептал ей, как рыбе, попавшей в беду: «Потерпи немного!» Он хотел, чтобы девушка открыла глаза, но боялся этого. Хотел видеть ее живою, но боялся, что она испугается его. Не снять ли очки и перчатки? Но на это уйдет время, и плыть без перчаток будет труднее. И он снова торопится плыть, толкая доску с девушкой к берегу.

Вот и полоса прибоя. Тут надо быть осторожным. Волны сами несут его к берегу. Ихтиандр время от времени опускает ногу — нащупывает дно. Наконец он попал на мелководье, вынес девушку на берег, отвязал от доски, перенес ее в тень от дюны, поросшей кустарником, и начал приводить ее в чувство — делать искусственное дыхание.

Ему показалось, что веки ее дрогнули, ресницы шевельнулись. Ихтиандр приложил ухо к сердцу девушки и услышал слабое биение. Она жива... Ему хочется кричать от радости.

Девушка приоткрывает глаза, смотрит на Ихтиандра, и на ее лице появляется выражение ужаса. Потом она закрывает глаза. Ихтиандр огорчен и обрадован. Он все же спас девушку. Теперь он должен уйти — не пугать ее. Но можно ли ее оставить одну, такую беспомощную? Пока он раздумывал, он услышал чьи-то тяжелые быстрые шаги. Колебаться дальше нельзя. Ихтиандр бросился головой в прибой, нырнул, поплыл под водой к каменной гряде, вынырнул и, скрываясь между обломками скал, стал наблюдать за берегом.

Из-за дюны вышел смуглый человек с усами и эспаньолкой в широкополой шляпе на голове. Он негромко сказал по-испански: «Вот она, слава Иисусу-Марии!» — почти побежал к ней, потом неожиданно круто повернул к океану и окунулся в волны прибоя. Весь вымокший, он подбежал к девушке, начал делать искусственное дыхание (зачем оно теперь?), наклонился к лицу девушки... Поцеловал ее. Что-то начал говорить быстро и горячо. Ихтиандр улавливал только отдельные слова: «Я предупреждал вас... Было безумие... Хорошо, что догадался привязать вас к доске...»

Девушка открывает глаза, приподнимает голову... На лице страх, сменяющийся удивлением, гневом, неудовольствием. Человек с эспаньолкой продолжает о чем-то горячо говорить, помогает девушке встать. Но она еще слаба, и он снова опускает ее на песок. Только через полчаса они тронулись в путь. Они прошли недалеко от камней, за которыми скрывался Ихтиандр. Девушка, хмурясь, сказала, обращаясь к человеку в сомбреро:

— Так это вы спасли меня? Благодарю. Да вознаградит вас бог!

— Не бог, а только вы можете вознаградить меня, — ответил смуглый.

Девушка будто не слыхала этих слов. Она помолчала, а потом сказала:

— Странно. А мне показалось, почудилось, будто возле меня было какое-то чудовище.

— Конечно, это вам почудилось, — ответил ее спутник. — А быть может, это был дьявол, который счел вас мертвой и хотел захватить вашу душу. Прочитайте молитву и обопритесь на меня. Со мной ни один дьявол не тронет вас.

И они прошли — чудесная девушка и этот нехороший смуглый человек, уверивший девушку, будто он спас ее. Но Ихтиандр не мог изобличить его во лжи. Пусть поступают, как хотят, — Ихтиандр сделал свое дело.

Девушка и ее спутник скрылись за дюнами, а Ихтиандр все еще смотрел им вслед. Потом повернул голову к океану. Какой он большой и пустынный!..

Прибой выбросил на песок синюю рыбу с серебряным брюшком. Ихтиандр оглянулся, кругом — никого. Он выбежал из своей засады, схватил рыбу и бросил в море. Рыба поплыла, но Ихтиандру стало почему-то грустно. Он бродил по пустынному берегу, подбирал рыб и морские звезды и относил их к воде. Работа постепенно увлекла его. К нему возвращалось его постоянное хорошее настроение. Так возился он до сумерек, лишь иногда погружаясь в воду, когда прибрежный ветер обжигал и подсушивал его жабры.

СЛУГА ИХТИАНДРА

Сальватор решил ехать в горы без Кристо, который успешно прислуживал Ихтиандру. Это очень обрадовало индейца: в отсутствие Сальватора он мог свободнее видеться с Бальтазаром. Кристо успел уже сообщить Бальтазару, что нашел «морского дьявола». Оставалось только обдумать, как похитить Ихтиандра.

Кристо жил теперь в белом домике, увитом плющом, и часто виделся с Ихтиандром. Они быстро подружились. Ихтиандр, лишенный общества людей, привязался к старому индейцу, который рассказывал ему о жизни на земле. Ихтиандр

знал о жизни моря больше, чем знаменитые ученые, и он посвящал Кристо в тайны подводного мира. Ихтиандр довольно хорошо знал географию, ему известны были океаны, моря, главнейшие реки; имел он некоторые познания в астрономии, навигации, физике, ботанике, зоологии. Но о людях он знал мало: кое-что о расах, населяющих землю; об истории народов он имел смутное представление; о политических же и экономических отношениях людей знал не больше пятилетнего ребенка.

Днем, когда наступала жара, Ихтиандр опускался в подземный грот и куда-то уплывал. В белый домик он являлся тогда, когда спадала жара, и оставался там до утра. Но если шел дождь или на море поднималась буря, он проводил в домике весь день. В сырую погоду он чувствовал себя неплохо, оставаясь на суше.

Домик был небольшой, всего четыре комнаты. В одной комнате, около кухни, помещался Кристо. Рядом находилась столовая, дальше — большая библиотека. Ихтиандр знал испанский и английский языки. Наконец, в последней, самой большой комнате была спальня Ихтиандра. Посреди спальни находился бассейн. У стены стояла кровать. Иногда Ихтиандр спал на кровати, но предпочитал ложе бассейна. Однако Сальватор, уезжая, приказал Кристо следить, чтобы Ихтиандр по крайней мере три ночи в неделю спал на обычной кровати. По вечерам Кристо являлся к Ихтиандру и ворчал, как старая нянька, если юноша не соглашался спать в кровати.

— Но мне гораздо приятнее и удобнее спать в воде, — протестовал Ихтиандр.

— Доктор приказывал, чтобы ты спал на кровати, — надо слушаться отца.

Ихтиандр называл Сальватора отцом, но Кристо сомневался в их родстве. Кожа Ихтиандра на лице и руках была довольно светлая, но, быть может, она посветлела от продолжительного пребывания под водой. Правильный овал лица Ихтиандра, прямой нос, тонкие губы, большие лучистые глаза напоминали лицо индейца племени араукана, к которому принадлежал и сам Кристо.

Кристо очень хотелось посмотреть, каков цвет кожи Ихти-

андра на теле, плотно закрытом чешуеобразным костюмом, сделанным из какого-то неизвестного материала.

— Ты не снимешь свою рубашку на ночь? — обратился он к юноше.

— Зачем? Моя чешуя не мешает мне, она очень удобная. Она не задерживает дыхание жабр и кожи и вместе с тем надежно защищает: ни зубы акулы, ни острый нож не прорежут этой брони, — отвечал Ихтиандр, укладываясь в постель.

— Зачем ты надеваешь очки, перчатки? — спросил Кристо, рассматривая диковинные перчатки, лежавшие около кровати.

Они были сделаны из зеленоватой резины, пальцы удлинены суставчатыми тростинками, вделанными в резину, и снабжены перепонками. Для ног эти пальцы были удлинены еще больше.

— Перчатки помогают мне быстрее плавать. А очки предохраняют глаза, когда буря поднимает со дна песок. Я не всегда надеваю их. Но в очках я лучше вижу под водой. Без очков под водой все как в тумане. — И, улыбнувшись, Ихтиандр продолжал: — Когда я был маленький, отец разрешал мне иногда играть с детьми, которые живут в соседнем саду. Я очень удивился, увидев, что они плавают в бассейне без перчаток. «Разве можно плавать без перчаток?» — спросил я их. А они не понимали, о каких перчатках говорю я, так как при них я не плавал.

— Ты и сейчас выплываешь в залив? — поинтересовался Кристо.

— Конечно. Только выплываю боковым подводным туннелем. Какие-то злые люди едва не поймали меня в сеть, и я теперь очень осторожен.

— Гм... значит, есть и другой подводный туннель, ведущий в залив?

— Даже несколько. Как жаль, что ты не можешь плавать со мной под водою! Я бы показал тебе изумительные вещи. Почему не все люди могут жить под водой? Мы покатались бы с тобой на моей морской лошади.

— На морской лошади? Что это такое?

— Дельфин. Я приручил его. Бедный! Буря однажды выбросила его на берег, и он сильно разбил плавник. Я стащил его в воду. Это была трудная работа. Дельфины на суше гораз-

до тяжелее, чем в воде. Вообще у вас тут все тяжелее. Даже собственное тело. В воде легче живется. Ну вот, стащил я дельфина, а плавать он не может, — значит, не может и питаться. Я кормил его рыбой — долго, месяц. За это время он не только привык, но и привязался ко мне. Мы сделались друзьями. Другие дельфины также знают меня. Как весело резвиться в море с дельфинами! Волны, брызги, солнце, ветер, шум! На дне тоже хорошо. Как будто плывешь в густом голубом воздухе. Тихо. Не ощущаешь своего тела. Оно становится свободным, легким, покорным каждому твоему движению... У меня много друзей в море. Я кормлю маленьких рыбок, как вы птиц, — они всюду следуют за мной стайками.

— А враги?

— Есть и враги. Акулы, осьминоги. Но я не боюсь их. У меня есть нож.

— А если они подкрадутся незаметно?

Ихтиандр удивился этому вопросу.

— Ведь я же издали слышу их.

— Слышишь под водой? — удивился в свою очередь Кристо. — Даже когда они подплывают тихо?

— Ну да. Что же тут непонятного? Слышу и ушами, и всем телом. Ведь они же производят сотрясение воды, — эти колебания идут впереди их. Почувствовав эти колебания, я оглядываюсь.

— Даже когда спишь?

— Конечно.

— Но рыбы...

— Рыбы погибают не от внезапного нападения, а потому, что не могут защищаться от более сильного врага. А я — я сильнее их всех. И морские хищники знают это. Они не осмеливаются подплывать ко мне.

«Зурита прав: из-за такого морского парня следует поработать, — подумал Кристо. — Но и поймать его в воде не легко. «Слышу всем телом»! Разве только в капкан попадется. Надо будет предупредить Зурита».

— Как красив подводный мир! — не переставал восхищаться Ихтиандр. — Нет, никогда я не променяю моря на вашу душную, пыльную землю!

— Почему нашу землю? Ты тоже сын земли, — сказал Кристо. — Кто была твоя мать?

— Я не знаю... — неуверенно сказал Ихтиандр. — Отец говорит, что моя мать умерла, когда я родился.

— Но она была, конечно, женщина, человек, а не рыба.

— Может быть, — согласился Ихтиандр.

Кристо рассмеялся.

— Скажи мне теперь, зачем ты шалил, обижал рыбаков, резал их сети и выбрасывал рыбу из лодок?

— Потому, что они ловили рыбы больше, чем могли съесть.

— Но они ловили рыбу для продажи.

Ихтиандр не понял.

— Чтобы и другие люди могли есть, — пояснил индеец.

— Разве людей так много? — удивился Ихтиандр. — Неужели им не хватает земных птиц и животных? Зачем они являются в океан?

— Это сразу тебе не объяснишь, — сказал, зевая, Кристо. — Пора спать. Смотри же, не залезай в свою ванну: отец будет недоволен. — И Кристо ушел.

Рано утром Кристо уже не застал Ихтиандра. Каменный пол был мокрый.

— Опять в ванне спал, — ворчал индеец. — А потом, наверно, уплыл в море.

К завтраку Ихтиандр явился с большим опозданием. Он был чем-то расстроен. Поковыряв вилкой кусок бифштекса, сказал:

— Опять жареное мясо.

— Опять, — строго ответил Кристо. — Так доктор приказал. А ты опять сырой рыбы наелся в море? Так ты совсем от жареной пищи отвыкнешь. И в ванне спал. На кровати спать не хочешь, — жабры от воздуха отвыкнут, и будешь потом жаловаться, что в боках покалывает. И к завтраку опоздал. Приедет доктор, пожалуюсь ему на тебя. Совсем не слушаешься.

— Не говори, Кристо. Я не хочу огорчать его. — Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом он вдруг поднял на индейца свои большие, на этот раз печальные глаза и сказал: — Кристо, я видел девушку. Я никогда ничего не видел прекраснее — даже на дне океана...

— Зачем же ты нашу землю бранил? — сказал Кристо.

— Я плыл на дельфине вдоль берега и недалеко от Буэнос-Айреса увидел ее на берегу. У нее глаза синие, а волосы золотые. — И Ихтиандр добавил: — Но она увидела меня, испугалась и убежала. Зачем я надел очки и перчатки? — Помолчав, он заговорил совсем тихо: — Однажды я спас какую-то девушку, которая утонула в океане. Тогда я не заметил, какова она собою. А вдруг это та? Мне кажется, у той тоже были золотые волосы. Да, да... Я вспоминаю... — Юноша задумался, потом подошел к зеркалу, в первый раз в жизни оглядел себя.

— И что же ты делал дальше?

— Я ждал ее, но она не вернулась. Кристо, неужели она больше никогда не придет на берег?

«Пожалуй, хорошо, что ему нравится девушка», — думал Кристо. До сих пор, как Кристо ни расхваливал город, он не мог уговорить Ихтиандра посетить Буэнос-Айрес, где Зурита легко мог бы захватить юношу.

— Девушка может и не прийти на берег, но я помогу тебе найти ее. Ты наденешь городской костюм и пойдешь со мною в город.

— И я увижу ее? — воскликнул Ихтиандр.

— Там много девушек. Может быть, увидишь и ту, которая сидела на берегу.

— Идем сейчас!

— Теперь уже поздно. До города нелегко добраться пешком.

— Я поплыву на дельфине, а ты пойдешь по берегу.

— Какой ты быстрый, — ответил Кристо. — Мы отправимся завтра вместе, на заре. Ты выплывешь в залив, а я буду поджидать тебя с костюмом на берегу. И костюм еще достать надо. («За ночь я успею свидеться с братом», — подумал Кристо.) Итак, завтра на заре.

В ГОРОДЕ

Ихтиандр выплыл из залива и вышел на берег. Кристо уже ждал его с белым городским костюмом в руках. Ихтиандр посмотрел на костюм таким взглядом, будто ему принесли змеиную кожу, и со вздохом начал одеваться. Очевидно, ему редко

приходилось надевать костюм. Индеец помог юноше завязать галстук и, осмотрев Ихтиандра, остался доволен его видом.

— Идем, — весело сказал Кристо.

Индеец хотел поразить Ихтиандра и повел его по главным улицам города — Авени да Алвеар, Вертис, показал площадь Виктории с кафедральным собором и ратушей в мавританском стиле, площадь Фуэрто и площадь Двадцать пятого мая[1] с обелиском Свободы, окруженным прекрасными деревьями, президентский дворец.

Но Кристо ошибся. Шум, движение большого города, пыль, духота, сутолока совершенно ошеломили Ихтиандра. Он пытался найти в толпе людей девушку, часто хватал Кристо за руку и шептал:

— Она!.. — но сразу видел, что опять ошибся. — Нет, это другая...

Настал полдень. Жара сделалась невыносимой. Кристо предложил зайти в небольшой ресторан, помещавшийся в подвале, позавтракать. Здесь было прохладно, но шумно и душно. Грязные, плохо одетые люди курили зловонные сигары. От дыма Ихтиандр задыхался, а тут еще громко спорили, потрясая измятыми газетами и выкрикивая непонятные слова. Ихтиандр выпил очень много холодной воды, но не притронулся к завтраку и печально сказал:

— Легче найти знакомую рыбку в океане, чем человека в этом людском водовороте. Ваши города отвратительны. Здесь душно и дурно пахнет. У меня начинает колоть в боках. Я хочу домой, Кристо.

— Хорошо, — согласился Кристо. — Зайдем только к одному моему приятелю — и вернемся.

— Я не хочу заходить к людям.

— Это по пути. Я не задержусь.

Расплатившись, Кристо вышел с Ихтиандром на улицу. Опустив голову, тяжело дыша, шел Ихтиандр следом за Кристо мимо белых домов, мимо садов с кактусами, оливковыми и персиковыми деревьями. Индеец вел его к своему брату Бальтазару, жившему в Новом порту.

[1] 25 мая 1810 года провинции Ла-Плата образовали революционный союз «Хунту», арестовали местную власть, провозгласили временное правительство и отделились от Испании. (*Прим. автора.*)

У моря Ихтиандр жадно вдыхал влажный воздух. Ему хотелось сорвать одежду и броситься в море.

— Сейчас придем, — сказал Кристо, опасливо поглядывая на своего спутника.

Они перешли железнодорожные пути.

— Пришли. Здесь, — сказал Кристо, и они спустились в полутемную лавчонку.

Когда глаза Ихтиандра привыкли к полумраку, он с изумлением огляделся. Лавка напоминала уголок морского дна. Полки и даже часть пола были завалены раковинами — мелкими, крупными, витыми, створчатыми. С потолка спускались нити кораллов, морские звезды, чучела морских рыб, засушенные крабы, диковинные морские обитатели. На прилавке, под стеклом, лежали жемчужины в ящиках. В одном ящике находились розовые жемчужины — «кожа ангела», как называли их ловцы. Ихтиандр несколько успокоился среди знакомых вещей.

— Отдохни, здесь прохладно и тихо, — сказал Кристо, усаживая юношу на старый плетеный стул.

— Бальтазар! Гуттиэре! — крикнул индеец.

— Это ты, Кристо? — отозвался голос из другой комнаты. — Иди сюда.

Кристо нагнулся, чтобы войти в низкую дверь, ведущую в другую комнату.

Здесь была лаборатория Бальтазара. Здесь он восстанавливал утраченный от сырости цвет жемчужин слабым раствором кислоты. Кристо плотно прикрыл за собой дверь. Слабый свет падал через небольшое окно у потолка, освещая пузырьки и стеклянные ванночки на старом почерневшем столе.

— Здравствуй, брат. Где Гуттиэре?

— Пошла к соседке за утюгом. Кружевца да бантики на уме. Сейчас вернется, — ответил Бальтазар.

— А Зурита? — нетерпеливо спросил Кристо.

— Пропал куда-то, проклятый. Вчера мы с ним немного повздорили.

— Все из-за Гуттиэре?

— Да. Зурита перед ней как уж извивался. А она одно в ответ: «Не хочу и не хочу!» Что ты с ней поделаешь? Капризна и упряма. Много о себе думает. Не понимает, что всякая индей-

ская девушка, будь она первая красавица, за счастье сочла бы выйти замуж за такого человека. Собственную шхуну имеет, артель ловцов, — ворчал Бальтазар, купая жемчужины в растворе. — Наверно, Зурита опять с досады вино пьет.

— Что же теперь нам делать?

— А ты привел?

— Сидит.

Бальтазар, подойдя к двери, с любопытством заглянул в замочную скважину.

— Не вижу, — тихо сказал он.

— На стуле сидит, у прилавка.

— Не вижу. Там Гуттиэре.

Бальтазар быстро открыл дверь и вошел в лавку с Кристо. Ихтиандра не было. В темном углу стояла девушка, приемная дочь Бальтазара, Гуттиэре. Девушка была известна своей красотой далеко за пределами Нового порта. Но она была застенчива и своенравна. Чаще всего она говорила певучим, но твердым голосом:

— Нет!

Гуттиэре понравилась Педро Зурита. Он хотел жениться на ней. И старый Бальтазар не прочь был породниться с владельцем шхуны и войти с ним в компанию.

Но на все предложения Зурита девушка неизменно отвечала: «Нет!»

Когда отец и Кристо вошли в комнату, девушка стояла с опущенной головой.

— Здравствуй, Гуттиэре, — сказал Кристо.

— Где молодой человек? — спросил Бальтазар.

— Я не прячу молодых людей, — ответила она, улыбаясь. — Когда я вошла, он посмотрел на меня так странно, будто испугался, поднялся, вдруг схватился за грудь и убежал. Не успела я оглянуться, как он уже был в дверях.

«Это была она», — подумал Кристо.

СНОВА В МОРЕ

Ихтиандр, задыхаясь, бежал по дороге вдоль берега моря. Вырвавшись из этого страшного города, он круто свернул с дороги и направился к самому берегу моря. Он укрылся меж-

ду прибрежными камнями, огляделся, быстро разделся, спрятал в камнях костюм, побежал к воде и бросился в воду.

Несмотря на усталость, никогда он еще не плыл так стремительно. Рыбы в испуге шарахались от него. Только отплыв несколько миль от города, Ихтиандр поднялся ближе к поверхности и поплыл вблизи берега. Здесь он уже чувствовал себя дома. Каждый подводный камень, каждая выемка в морском дне были ему знакомы. Вот здесь, распластавшись на песчаном дне, живут домоседы камбалы, дальше растут красные коралловые кусты, укрывающие в своих ветвях мелких красноперых рыбок. В этой затонувшей рыбачьей барке обосновались два семейства спрутов — у них недавно вывелись детеныши. Под серыми камнями водятся крабы. Ихтиандр любил часами наблюдать их жизнь. Он знал их маленькие радости удачной охоты и их горести — потерю клешни или нападение осьминога. А у прибрежных скал было много устричных раковин.

Наконец, уже недалеко от залива, Ихтиандр поднял голову над поверхностью воды. Он увидел стаю дельфинов, резвившихся среди волн, и громко, протяжно крикнул. Большой дельфин весело фыркнул в ответ и быстро поплыл к своему другу, ныряя и вновь показывая над гребнями волн свою черную лоснящуюся спину.

— Скорей, Лидинг, скорей! — кричал Ихтиандр, плывя навстречу. Он ухватился за дельфина. — Плывем скорее дальше, вперед!

И, повинуясь руке юноши, дельфин быстро поплыл в открытое море, навстречу ветру и волнам. Вздымая пену, он резал волны грудью и мчался, но Ихтиандру эта скорость казалась все еще недостаточной.

— Да ну же, Лидинг! Скорей, скорей!

Ихтиандр совсем загнал дельфина, но эта езда по волнам не успокоила его. Он оставил своего друга в полном недоумении, соскользнув вдруг с лоснящейся спины и опустившись в море. Дельфин подождал, фыркнул, нырнул, выплыл, еще раз недовольно фыркнул и, круто повернув хвостом, направился к берегу, оборачиваясь время от времени назад. Его друг не показывался на поверхности, и Лидинг присоединился к стаду, радостно встреченный молодыми дельфинами. Ихтиандр

опускался все глубже и глубже в сумеречные глубины океана. Ему хотелось быть одному, прийти в себя от новых впечатлений, разобраться во всем, что он узнал и видел. Он заплыл далеко, не задумываясь об опасности. Он хотел понять, почему он не такой, как все, — чуждый морю и земле.

Он погружался все медленнее. Вода становилась плотнее, она уже давила на него, дышать становилось все труднее. Здесь стояли густые зелено-серые сумерки. Морских обитателей было меньше, и многие из них были неизвестны Ихтиандру, — *он еще никогда не опускался так глубоко.* И впервые Ихтиандру сделалось жутко от этого молчаливого сумеречного мира. Он быстро поднялся на поверхность и поплыл к берегу. Солнце заходило, пронизывая воду красными лучами. В воде эти лучи, смешиваясь с синевой вод, переливались нежными лиловато-розовыми и зеленовато-голубыми тонами.

Ихтиандр был без очков и потому снизу видел поверхность моря так, как она представляется рыбам: из-под воды поверхность представлялась не плоской, а в виде конуса, — будто он находился на дне огромной воронки. Края этого конуса, казалось, были окружены красной, желтой, зеленой, синей и фиолетовой каемками. За конусом расстилалась блестящая поверхность воды, в которой, как в зеркале, отражались подводные предметы: скалы, водоросли и рыбы.

Ихтиандр перевернулся на грудь, поплыл к берегу и уселся под водою меж скал, невдалеке от отмели. Рыбаки сошли с лодки в воду и тянули лодку на берег. Один из них опустил ноги по колени в воду. Ихтиандр видел над водой безногого рыбака, а в воде — только его ноги, а они снова отражались в зеркале водной поверхности. Другой рыбак погрузился в воду по плечи. И в воде показалось странное, безголовое, но четвероногое существо, как будто двум одинаковым людям отрубили головы и поставили плечи одного человека на плечи другого. Когда люди подходили к берегу, Ихтиандр видел их, как видят их рыбы: отраженными как бы в шаре. Он видел их с ног до головы, прежде чем они подходили вплотную к берегу. Поэтому он всегда успевал уплыть раньше, чем люди могли заметить его.

Эти странные туловища с четырьмя руками, без головы и головы без туловищ показались теперь Ихтиандру неприят-

ными. Люди... Они так много шумят, курят ужасные сигары, дурно пахнут. Нет, с дельфинами лучше — они чистые и веселые. Ихтиандр улыбнулся, он вспомнил, как однажды напился дельфиньего молока.

Далеко на юге есть небольшая бухта. Острые подводные скалы и песчаная коса преграждают к ней доступ судам с моря. Берег там скалистый и обрывистый. Эту бухту не посещают ни рыбаки, ни искатели жемчуга. Неглубокое дно покрыто густым ковром растений. В теплой воде много мелкой рыбы. Сюда много лет подряд приплывала дельфин-самка, и здесь, в этой теплой бухте, у нее рождались дельфинята — два, четыре, иногда и шесть. Ихтиандра очень забавляли молодые дельфины, и он часами наблюдал за ними, неподвижно притаившись в зарослях. Дельфинята то забавно кувыркались на поверхности, то сосали сосцы своей матери, отталкивая друг друга мордами. Ихтиандр начал осторожно приручать их: ловил рыбок и угощал ими дельфинят. Постепенно молодые дельфины и самка привыкли к Ихтиандру. Он уже резвился вместе с малышами, ловил их, подбрасывал, теребил. Им это, видимо, нравилось, — они не отставали от него и всякий раз бросались к нему гурьбой, как только он показывался в бухте с подарками — вкусными рыбками или еще более вкусными маленькими нежными осьминогами.

Однажды, когда у знакомой самки-дельфина родились дети и были они еще совсем маленькими сосунками, — они еще не ели, а питались только материнским молоком, — Ихтиандр подумал: а почему бы ему самому не попробовать дельфиньего молока?

И вот он незаметно оказался под самкой-дельфином, обхватил ее руками и начал высасывать молоко. Дельфин не ожидал такого нападения и в ужасе метнулся из бухты. Ихтиандр тотчас отпустил испуганное животное. Молоко имело сильный рыбий привкус.

Испуганная самка, вырвавшись от неожиданного сосунка, бросилась куда-то в бездну вод, ее младенцы растерялись и без толку тыкались во все стороны. Долго сгонял Ихтиандр маленьких глупых дельфинят, пока не явилась мамаша и не увела их в соседнюю бухту. Только через много дней восстановились их доверие и дружба.

* * *

Кристо не на шутку беспокоился. Ихтиандр не показывался трое суток. Явился он усталый, побледневший, но довольный.

— Где ты пропадал? — строго спросил индеец, обрадованный появлением Ихтиандра.

— На дне, — ответил Ихтиандр.

— Почему ты такой бледный?

— Я... я едва не погиб, — солгал Ихтиандр первый раз в жизни и рассказал Кристо историю, случившуюся с ним гораздо раньше.

В глубине океана поднимается скалистое плоскогорье, а наверху, посредине плоскогорья, находится большая овальная выемка — настоящее подводное горное озеро.

Ихтиандр плыл над этим подводным озером. Его поразил необычный светло-серый цвет дна. Опустившись ниже и присмотревшись, Ихтиандр изумился: под ним находилось настоящее кладбище разных морских животных — от мелких рыбок до акул и дельфинов. Тут были недавние жертвы. Но возле них не кишели, как обычно, мелкие хищники — крабы и рыбы. Все было мертво и неподвижно. Только кое-где со дна к поверхности поднимались пузырьки газа. Ихтиандр плыл над краем впадины. Опустился еще ниже и внезапно почувствовал острую боль в жабрах, удушье, головокружение. Почти теряя сознание, беспомощно падал он и наконец опустился на край котловины. В висках стучало, сердце колотилось, глаза заволакивало красным туманом. И не от кого было ожидать помощи. Вдруг он заметил, что рядом с ним, судорожно изгибаясь, опускалась акула. Вероятно, она охотилась за ним, пока сама не попала в эти страшные отравляющие мертвые воды подводного озера. Ее брюхо и бока вздувались и опадали, рот был открыт, белые точеные пластины зубов обнажены. Акула подыхала. Ихтиандр содрогнулся. Сжав челюсти, стараясь не захватывать воды жабрами, Ихтиандр на четвереньках выполз из озера на берег, потом поднялся, пошел. Голова закружилась, и он снова упал. Потом оттолкнулся ногами от серых камней, взмахнул руками, и вот он уже в десяти метрах от края озера...

Окончив рассказ, Ихтиандр добавил то, что когда-то узнал от Сальватора.

— Вероятно, в этой котловине скопились какие-нибудь вредные газы, — быть может, сероводород или угольный ангидрид, — сказал Ихтиандр. — Понимаешь, на поверхности океана эти газы окисляются, и их не чувствуешь, в самой же котловине, где они выделяются, они еще сильно концентрированы. Ну а теперь дай мне завтракать, — я голоден.

Наскоро позавтракав, Ихтиандр надел очки и перчатки и пошел к двери.

— Ты за этим только и приходил? — спросил Кристо, указывая на очки. — Почему ты не хочешь сказать, что с тобою?

В характере Ихтиандра появилась новая черта: он стал скрытным.

— Не спрашивай, Кристо, я сам не знаю, что со мной. — И юноша быстро вышел из комнаты.

МАЛЕНЬКАЯ МЕСТЬ

Встретив неожиданно голубоглазую девушку в лавке продавца жемчуга Бальтазара, Ихтиандр так смутился, что выбежал из лавки и бросился к морю. Теперь же ему снова хотелось познакомиться с девушкой, но он не знал, как это сделать. Проще всего было призвать на помощь Кристо и пойти с ним вместе. Но встречаться с ней в присутствии Кристо ему не хотелось. Ежедневно приплывал Ихтиандр к берегу моря, туда, где впервые встретил девушку. Он просиживал с утра до вечера, скрываясь за прибрежными камнями, в надежде увидеть ее. Приплывая к берегу, он снимал очки и перчатки и переодевался в белый костюм, чтобы не испугать девушку. Нередко он проводил на берегу круглые сутки, ночью погружался в море, питаясь рыбами и устрицами, тревожно засыпал, а рано утром, еще до восхода солнца, был уже снова на своем сторожевом посту.

Однажды вечером он решился пойти к лавке продавца жемчуга. Двери были открыты, но у прилавка сидел старый индеец, — девушки не было. Ихтиандр вернулся на берег. На скалистом берегу стояла девушка в белом легком платье и соломенной шляпе. Ихтиандр остановился, не решаясь подой-

ти. Девушка кого-то ждала. Нетерпеливо ходила она взад и вперед, поглядывая время от времени на дорогу. Ихтиандра, остановившегося у выступа скалы, она не замечала.

Но вот девушка замахала кому-то рукой. Ихтиандр оглянулся и увидел молодого, высокого, широкоплечего человека, который быстро шел по дороге. Ихтиандр еще никогда не встречал таких светлых волос и глаз, как у этого незнакомца. Великан подошел к девушке и, протягивая ей широкую руку, ласково сказал:

— Здравствуй, Гуттиэре.

— Здравствуй, Ольсен, — ответила она. Незнакомец крепко пожал маленькую руку Гуттиэре. Ихтиандр с неприязнью посмотрел на них. Ему стало грустно, и он чуть не расплакался.

— Принесла? — спросил великан, глядя на жемчужное ожерелье Гуттиэре. Она кивнула головой.

— Отец не узнает? — спросил Ольсен.

— Нет, — ответила девушка. — Это мой собственный жемчуг, я могу распоряжаться им, как хочу.

Гуттиэре и Ольсен прошли к самому краю скалистого берега, тихо разговаривая. Потом Гуттиэре расстегнула жемчужное ожерелье, взяла его за конец нитки, подняла руку вверх и, любуясь ожерельем, сказала:

— Смотри, как красиво горят жемчужины на закате. Возьми, Ольсен...

Ольсен уже протянул руку, но вдруг ожерелье выскользнуло из рук Гуттиэре и упало в море.

— Что я наделала! — вскрикнула девушка.

Огорченные Ольсен и Гуттиэре продолжали стоять у моря.

— Может быть, его можно достать? — сказал Ольсен.

— Здесь очень глубоко, — сказала Гуттиэре и добавила: — Какое несчастье, Ольсен!

Ихтиандр видел, как огорчилась девушка. Он сразу забыл о том, что девушка хотела подарить жемчуг светловолосому великану. Оставаться равнодушным к ее горю Ихтиандр не мог: он вышел из-за скалы и решительно подошел к Гуттиэре.

Ольсен нахмурился, а Гуттиэре с любопытством и удивлением посмотрела на Ихтиандра, — она узнала в нем того юношу, который так внезапно бежал из лавки.

— Вы, кажется, уронили в море жемчужное ожерелье? — спросил Ихтиандр. — Если хотите, я достану его.

— Даже мой отец — лучший ловец жемчуга — не мог бы достать его здесь, — возразила девушка.

— Я попытаюсь, — скромно ответил Ихтиандр. И, к удивлению Гуттиэре и ее спутника, юноша, даже не раздеваясь, бросился в море с высокого берега и скрылся в волнах.

Ольсен не знал, что подумать.

— Кто это? Откуда он взялся?

Прошла минута, истекла вторая, а юноша не возвращался.

— Погиб, — тревожно сказала Гуттиэре, глядя на волны.

Ихтиандру не хотелось, чтобы девушка знала, что он может жить под водой. Увлекшись поисками, он не рассчитал времени и пробыл под водой несколько больше, чем может выдержать ловец. Вынырнув на поверхность, юноша сказал, улыбаясь:

— Немножко терпения. На дне много обломков скал, — трудно искать. Но я найду. — И он снова нырнул.

Гуттиэре не раз присутствовала при ловле жемчуга. Она удивилась, что юноша, пробыв под водой почти две минуты, дышал ровно и не казался утомленным.

Через две минуты голова Ихтиандра снова показалась на поверхности. Лицо его сияло радостью. Он поднял над водою руку и показал ожерелье.

— Зацепилось за выступ скалы, — сказал Ихтиандр совершенно ровным голосом, не задыхаясь, будто он вышел из другой комнаты. — Если бы жемчуг упал в расщелину, пришлось бы повозиться дольше.

Он быстро взобрался по скалам, подошел к Гуттиэре и подал ей ожерелье. Вода ручьями стекала с его одежды, но он не обращал на это внимания.

— Возьмите.

— Благодарю вас, — сказала Гуттиэре, с новым любопытством глядя на юношу.

Наступило молчание. Все трое не знали, что делать дальше. Гуттиэре не решалась передать ожерелье Ольсену при Ихтиандре.

— Вы, кажется, хотели передать жемчуг ему, — сказал Ихтиандр, указывая на Ольсена.

Ольсен покраснел, а смущенная Гуттиэре сказала:

— Да, да, — и протянула ожерелье Ольсену, который молча взял его и положил в карман.

Ихтиандр был доволен. С его стороны это была маленькая месть. Великан получил в подарок утерянный жемчуг из рук Гуттиэре, но от него — Ихтиандра.

И, поклонившись девушке, Ихтиандр быстро зашагал по дороге.

Но недолго радовала Ихтиандра его удача. Новые мысли и вопросы возникали у него. Он плохо знал людей. Кто этот белокурый великан? Почему Гуттиэре дарит ему свое ожерелье? О чем говорили они на утесе?

В эту ночь Ихтиандр опять носился с дельфином по волнам, пугая в темноте рыбаков своими криками.

Весь следующий день Ихтиандр провел под водой. В очках, но без перчаток, ползал он по песчаному дну в поисках жемчужных раковин. Вечером навестил Кристо, который встретил его ворчливыми упреками. Наутро, уже одетый, юноша находился у скалы, где встретились Гуттиэре и Ольсен. Вечером, на закате, как и в тот раз, первой пришла Гуттиэре.

Ихтиандр вышел из-за скал и подошел к девушке. Увидев его, Гуттиэре кивнула ему головой, как знакомому, и, улыбаясь, спросила:

— Вы следите за мной?

— Да, — просто ответил Ихтиандр, — с тех пор, как увидел вас первый раз... — И, смутившись, юноша продолжал: — Вы подарили свое ожерелье тому... Ольсену. Но вы любовались жемчугом перед тем, как отдать его. Вы любите жемчуг?

— Да.

— Тогда возьмите вот это... от меня. — И он протянул ей жемчужину.

Гуттиэре хорошо знала цену жемчуга. Жемчужина, лежавшая на ладони Ихтиандра, превосходила все, что она видела и знала о жемчуге по рассказам отца. Безукоризненной формы огромная жемчужина чистейшего белого цвета весила не менее двухсот каратов и стоила, вероятно, не менее миллиона золотых песо. Изумленная Гуттиэре смотрела то на необычайную жемчужину, то на красивого юношу, стоявшего перед нею. Сильный, гибкий, здоровый, но несколько застенчивый,

одетый в измятый белый костюм, он не походил на богатых юношей Буэнос-Айреса. И он предлагал ей, девушке, которую он почти не знал, такой подарок.

— Возьмите же, — уже настойчиво повторил Ихтиандр.

— Нет, — ответила Гуттиэре, покачав головой. — Я не могу взять от вас такого ценного подарка.

— Это совсем не ценный подарок, — горячо возразил Ихтиандр. — На дне океана тысячи таких жемчужин.

Гуттиэре улыбнулась, Ихтиандр смутился, покраснел и после короткого молчания прибавил:

— Ну, прошу вас.

— Нет.

Ихтиандр нахмурился: он был обижен.

— Если не хотите брать для себя, — настаивал Ихтиандр, — то возьмите для того... для Ольсена. Он не откажется.

Гуттиэре рассердилась.

— Он берет не для себя, — сурово ответила она. — Вы ничего не знаете.

— Значит, нет?

— Нет.

Тогда Ихтиандр бросил жемчужину далеко в море, молча кивнул головой, повернулся и пошел к дороге.

Этот поступок ошеломил Гуттиэре. Она продолжала стоять не двигаясь. Бросить в море миллионное состояние, как простой камешек! Ей стало совестно. Зачем она огорчила этого странного юношу?

— Постойте, куда же вы?

Но Ихтиандр продолжал идти, низко опустив голову. Гуттиэре догнала его, взяла за руку и заглянула в лицо. По щекам юноши текли слезы. Он раньше никогда не плакал и теперь недоумевал, почему предметы стали туманными и расплывчатыми, точно он плыл без очков под водой.

— Простите, я огорчила вас, — сказала девушка, взяв его за обе руки.

НЕТЕРПЕНИЕ ЗУРИТА

После этого события Ихтиандр приплывал каждый вечер к берегу, недалеко от города, брал припрятанный среди камней костюм, одевался и являлся к скале, куда приходила Гуттиэре.

Они гуляли вдоль берега, оживленно беседуя. Кто был новый друг Гуттиэре? Этого она не могла бы сказать. Он был неглуп, остроумен, знал многое, о чем не знала Гуттиэре, и в то же время не понимал таких простых вещей, которые известны каждому городскому мальчику. Как объяснить это? Ихтиандр говорил о себе неохотно. Рассказывать правду ему не хотелось. Девушка только узнала, что Ихтиандр — сын доктора, человека, по-видимому, очень состоятельного. Он воспитал сына вдали от города и людей и дал ему очень своеобразное и одностороннее образование.

Иногда они долго засиживались на берегу. У ног шумел прибой. Мерцали звезды. Разговор умолкал. Ихтиандр был счастлив.

— Пора идти, — говорила девушка.

Ихтиандр неохотно поднимался, провожал ее до предместья, потом быстро возвращался, сбрасывал одежду и уплывал к себе.

Утром, после завтрака, он брал с собою большой белый хлеб и отправлялся в залив. Усевшись на песчаном дне, он начинал кормить рыбок хлебом. Они приплывали к нему, роем окружали его, скользили между рук и жадно хватали размокший хлеб прямо из рук. Иногда крупные рыбы врывались в этот рой и гонялись за маленькими. Ихтиандр поднимался и отгонял хищников руками, а маленькие рыбки скрывались за его спиной.

Он начал собирать жемчужины и складывал их в подводном гроте. Он работал с удовольствием и скоро собрал целую груду отборных жемчужин.

Он становился, сам того не зная, богатейшим человеком Аргентины — быть может, и всей Южной Америки. Если бы он захотел, он стал бы самым богатым человеком мира. Но он не думал о богатстве.

Так проходили спокойные дни. Ихтиандр только жалел о том, что Гуттиэре живет в пыльном, душном, шумном городе. Если бы и она могла жить под водой, вдали от шума и людей! Как это было бы хорошо! Он показал бы ей новый, неведомый мир, прекрасные цветы подводных полей. Но Гуттиэре не может жить под водой. А он не может жить на земле. Он и так слишком много времени проводит на воздухе. И это не

проходит даром: все чаще и сильнее начинают болеть его бока в то время, как он сидит с девушкой на берегу моря. Но даже если боль становится нестерпимой, он не оставляет девушку, прежде чем не уйдет она сама. И еще одно беспокоит Ихтиандра: о чем говорила Гуттиэре с белокурым великаном? Ихтиандр каждый раз собирается спросить Гуттиэре, но боится обидеть ее.

Как-то вечером девушка сказала Ихтиандру, что завтра она не придет.

— Почему? — спросил он, нахмурившись.

— Я занята.

— Чем?

— Нельзя быть таким любопытным, — ответила девушка, улыбаясь. — Не провожайте меня, — добавила она и ушла.

Ихтиандр погрузился в море. Всю ночь пролежал он на мшистых камнях. Невесело было ему. На рассвете поплыл он к себе.

Недалеко от залива он увидел, как рыбаки стреляли с лодок дельфинов. Большой дельфин, раненный пулей, высоко подпрыгнул над водой и тяжело опустился.

— Лидинг! — с ужасом прошептал Ихтиандр.

Один из рыбаков уже прыгнул с лодки в море и выжидал, когда раненое животное всплывет на поверхность. Но дельфин вынырнул почти в ста метрах от ловца и, тяжело отдышавшись, опустился вновь под воду.

Рыбак быстро плыл к дельфину. Ихтиандр поспешил на помощь другу. Вот дельфин еще раз вынырнул, и в это самое время рыбак ухватил дельфина за плавник и потащил обессилевшее животное к лодке.

Ихтиандр, плывя под водой, нагнал рыбака, укусил его своими зубами за ногу. Рыбак, думая, что его ухватила акула, начал отчаянно дергать ногами. Защищаясь, рыбак наудачу полоснул врага ножом, который он держал в другой руке. Удар ножа пришелся Ихтиандру по шее, не прикрытой чешуей. Ихтиандр выпустил ногу рыбака, и тот быстро поплыл к лодке. Раненые дельфин и Ихтиандр направились к заливу. Юноша приказал дельфину следовать за собой и нырнул в подводную пещеру. Вода доходила здесь только до половины пещеры. Через расщелины сюда проникал воздух. Здесь дель-

фин мог отдышаться в безопасности. Ихтиандр осмотрел его рану. Это была не опасная рана. Пуля попала под кожу и застряла в жире. Ихтиандру удалось вытащить пулю пальцами. Дельфин терпеливо перенес это.

— Заживет, — сказал Ихтиандр, ласково похлопав своего друга по спине.

Теперь надо было подумать и о себе. Ихтиандр быстро проплыл подводным туннелем, поднялся в сад и вошел в белый домик.

Кристо испугался, увидев своего питомца раненым.

— Что с тобой?

— Меня ранили рыбаки, когда я защищал дельфина, — сказал Ихтиандр. Но Кристо не поверил ему.

— Опять в городе был без меня? — подозрительно спросил он, перевязывая рану.

Ихтиандр молчал.

— Приподними свою чешую, — сказал Кристо и приоткрыл плечо Ихтиандра.

На плече индеец заметил красноватое пятно. Вид этого пятна испугал Кристо.

— Ударили веслом? — спросил он, ощупывая плечо. Но опухоли не было. Очевидно, это было родимое пятно.

— Нет, — ответил Ихтиандр.

Юноша отправился отдохнуть в свою комнату, а старый индеец подпер голову руками и задумался. Он долго сидел, потом поднялся и вышел из комнаты.

Кристо быстро направился к городу, задыхаясь, вошел в лавку Бальтазара и, подозрительно посмотрев на Гуттиэре, сидевшую у прилавка, спросил:

— Отец дома?

— Там, — ответила девушка, кивнув головой на дверь в другую комнату.

Кристо вошел в лабораторию и закрыл за собой дверь. Он нашел брата за своими колбами перемывающим жемчуг. Бальтазар был раздражен, как и в первый раз.

— С ума сойдешь с вами! — начал ворчать Бальтазар. — Зурита злится, почему ты до сих пор не приводишь «морского дьявола», Гуттиэре уходит куда-то на целый день. О Зурита она и слышать не хочет. Твердит только: «Нет! Нет!» А Зурита

говорит: «Надоело ждать! Возьму да увезу ее силой. Поплачет, и обойдется». От него всего можно ожидать.

Кристо выслушал жалобы брата и потом сказал:

— Слушай, я не мог привести «морского дьявола» потому, что он, как и Гуттиэре, часто уходит из дому на целый день без меня. А со мною идти в город не хочет. Совсем перестал меня слушать. Будет меня ругать доктор за то, что плохо смотрел за Ихтиандром...

— Значит, надо скорее захватить или выкрасть Ихтиандра; ты уйдешь от Сальватора, прежде чем он вернется, и...

— Подожди, Бальтазар. Не перебивай меня, брат. С Ихтиандром нам не надо спешить.

— Почему не надо спешить?

Кристо вздохнул, как бы не решаясь высказать свой план.

— Видишь ли... — начал он.

Но в этот самый момент в лавку кто-то вошел, и они услышали громкий голос Зурита.

— Ну вот, — пробормотал Бальтазар, бросая жемчуг в ванну, — опять он!

Зурита же с треском раскрыл дверь и вошел в лабораторию.

— Оба братца здесь. Вы долго будете морочить меня? — спросил он, переводя взгляд с Бальтазара на Кристо.

Кристо поднялся и, любезно улыбаясь, сказал:

— Делаю все, что могу. Терпение. «Морской дьявол» — не простая рыбешка. Его из омута не вытащить сразу. Один раз удалось привести его сюда, — вас не было; посмотрел «дьявол» город, не понравилось ему, и теперь он не хочет идти сюда.

— Не хочет — не надо. Мне надоело ждать. На этой неделе я решил сразу два дела сделать. Сальватор еще не приехал?

— На днях ожидают.

— Значит, надо спешить. Ждите гостей. Я подобрал надежных людей. Ты нам откроешь двери, Кристо, а с остальным я сам справлюсь. Я скажу Бальтазару, когда все будет готово. — И, обернувшись к Бальтазару, он сказал: — А с тобой я еще завтра поговорю. Но только помни, что это будет наш последний разговор.

Братья молча поклонились. Когда Зурита повернулся к ним спиной, любезные улыбки сошли с лиц индейцев. Бальтазар тихо выбранился, Кристо, казалось, что-то обдумывал.

В лавке Зурита о чем-то тихо говорил с Гуттиэре.

— Нет! — услышали братья ответ Гуттиэре. Бальтазар сокрушенно покачал головой.

— Кристо! — позвал Зурита. — Иди за мной, ты мне сегодня будешь нужен.

НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Ихтиандр чувствовал себя очень плохо. Рана на шее болела. У него был жар. Ему было трудно дышать на воздухе.

Но утром, несмотря на недомогание, он отправился на берег к скале, чтобы встретить Гуттиэре. Она пришла в полдень.

Стояла невыносимая жара. От раскаленного воздуха, от мелкой белой пыли Ихтиандр стал задыхаться. Он хотел остаться на берегу моря, но Гуттиэре торопилась, она должна была вернуться в город.

— Отец уходит по делам, и я должна оставаться в лавке.

— Тогда я провожу вас, — сказал юноша, и они пошли по накаленной пыльной дороге, ведущей к городу.

Навстречу им, низко опустив голову, шел Ольсен. Он чем-то был озабочен и прошел мимо, не заметив Гуттиэре. Но девушка окликнула его.

— Мне нужно сказать ему только два слова, — сказала Гуттиэре, обращаясь к Ихтиандру, и, повернув назад, подошла к Ольсену. Они тихо и быстро о чем-то говорили. Казалось, девушка упрашивает его.

Ихтиандр шел в нескольких шагах позади них.

— Хорошо, сегодня, после полуночи, — услышал он голос Ольсена. Великан пожал руку девушке, кивнул головой и быстро продолжал путь.

Когда Гуттиэре подошла к Ихтиандру, у него горели щеки и уши. Ему хотелось поговорить наконец с Гуттиэре об Ольсене, но он не находил слов.

— Я не могу, — начал он, задыхаясь, — я должен узнать... Ольсен... вы скрываете от меня какую-то тайну. Вы должны встретиться с ним ночью. Вы любите его?

Гуттиэре взяла Ихтиандра за руку, ласково взглянула на него и, улыбаясь, спросила:

— Вы верите мне?

— Я верю... Вы знаете, я люблю вас, — теперь Ихтиандр знал это слово, — но я... но мне так тяжело.

Это была правда. Ихтиандр страдал от неизвестности, но в эту минуту он еще чувствовал в боках острую, режущую боль. Он задыхался. Румянец сошел с его щек, и теперь лицо его было бледно.

— Вы совсем больны, — беспокойно сказала девушка. — Успокойтесь, прошу вас. Милый мой мальчик. Я не хотела говорить вам всего, но, чтобы успокоить вас, я скажу. Слушайте.

Какой-то всадник промчался мимо них, но, взглянув на Гуттиэре, круто повернул лошадь и подъехал к молодым людям. Ихтиандр увидел смуглого, уже немолодого человека, с пушистыми, приподнятыми вверх усами и небольшой эспаньолкой.

Где-то, когда-то Ихтиандр видел этого человека. В городе? Нет... Да, там, на берегу.

Всадник похлопал хлыстом по сапогу, подозрительно и враждебно оглядел Ихтиандра и подал руку Гуттиэре.

Поймав руку, он неожиданно приподнял девушку к седлу, поцеловал ее руку и рассмеялся.

— Попалась! — Отпустив руку нахмурившейся Гуттиэре, он продолжал насмешливо и в то же время раздраженно: — Где же это видано, чтобы невесты накануне свадьбы разгуливали с молодыми людьми?

Гуттиэре рассердилась, но он не дал ей говорить:

— Отец давно ждет вас. Я буду в лавке через час.

Ихтиандр уже не слышал последних слов. Он вдруг почувствовал, что в глазах у него потемнело, какой-то ком подкатил к горлу, дыхание остановилось. Он не мог больше оставаться на воздухе.

— Так вы... все-таки обманули меня... — проговорил он посиневшими губами. Ему хотелось говорить — высказать всю обиду или узнать все, но боль в боках становилась невыносимой, он почти терял сознание.

Наконец Ихтиандр сорвался с места, побежал к берегу и бросился в море с крутой скалы.

Гуттиэре вскрикнула и пошатнулась. Потом она бросилась к Педро Зурита.

— Скорее... Спасите его!

Но Зурита не шевельнулся.

— Я не имею обыкновения мешать другим топиться, если они этого хотят, — сказал он.

Гуттиэре побежала к берегу, чтобы броситься в воду. Зурита пришпорил лошадь, нагнал девушку, схватил за плечи, усадил на коня и поскакал по дороге.

— Я не имею обыкновения мешать другим, если другие не мешают мне. Вот так-то лучше! Да придите же в себя, Гуттиэре!

Но Гуттиэре не отвечала. Она была в обмороке. Только у лавки отца она пришла в себя.

— Кто был этот молодой человек? — спросил Педро. Гуттиэре, посмотрев на Зурита с нескрываемым гневом, сказала·

— Отпустите меня.

Зурита нахмурился. «Глупости, — подумал он. — Герой ее романа бросился в море. Тем лучше». И, обратившись к лавке, Зурита крикнул:

— Отец! Бальтазар! Эй-эй!..

Бальтазар выбежал.

— Получай твою дочку. И благодари меня. Я спас ее; она едва не бросилась в море вслед за молодым человеком приятной наружности. Вот уже второй раз я спасаю жизнь твоей дочери, а она все еще дичится меня. Ну, да скоро всему этому упрямству будет конец. — Он громко рассмеялся. — Я приеду через час. Помни наш уговор!

Бальтазар, униженно кланяясь, принял от Педро дочь.

Всадник пришпорил коня и уехал.

Отец и дочь вошли в лавку. Гуттиэре без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Бальтазар прикрыл дверь и, расхаживая по лавке, начал о чем-то взволнованно и горячо говорить. Но его никто не слушал. С таким же успехом Бальтазар мог бы проповедовать засушенным крабам и морским ершам, лежавшим на полках.

«Он бросился в воду, — думала девушка, вспоминая лицо Ихтиандра. — Несчастный! Сначала Ольсен, потом эта нелепая встреча с Зурита. Как смел он назвать меня невестой! Теперь все погибло...»

Гуттиэре плакала. Ей было жаль Ихтиандра. Простой, за-

стенчивый — разве можно было его сравнить с пустыми, заносчивыми молодыми людьми Буэнос-Айреса?

«Что же делать дальше? — думала она. — Броситься в море, как Ихтиандр? Покончить с собой?»

А Бальтазар говорил и говорил:

— Ты понимаешь, Гуттиэре? Ведь это полное разорение. Все, что ты видишь в нашей лавке, принадлежит Зурита. Моего собственного товара тут не наберется и десятой доли. Весь жемчуг мы получаем на комиссию от Зурита. Но если ты еще раз откажешь ему, он отберет весь товар и больше со мной не будет иметь дела. Ведь это разорение! Полное разорение. Ну, будь умница, пожалей своего старого отца...

— Договаривай: «...и выходи замуж за него». Нет! — резко ответила Гуттиэре.

— Проклятие! — вскричал взбешенный Бальтазар. — Если так, то... то... не я, так сам Зурита справится с тобой! — И старый индеец ушел в лабораторию, громко хлопнув дверью.

БОЙ СО СПРУТАМИ

Ихтиандр, бросившись в море, забыл на время все свои земные неудачи. После жаркой и душной земли прохлада воды успокоила и освежила его. Колющие боли прекратились. Он дышал глубоко и ровно. Ему нужен был полный отдых, и он старался не думать о том, что произошло на земле.

Ихтиандр хотел работать, двигаться. Чем бы ему заняться? Он любил в темные ночи бросаться с высокой скалы в воду так, чтобы сразу достать до дна. Но сейчас был полдень, и на море мелькали черные днища рыбацких лодок.

«Вот что я сделаю. Надо будет привести в порядок грот», — подумал Ихтиандр.

В отвесной скале залива находился грот с большой аркой, открывавшей прекрасный вид на подводную равнину, отлого спускавшуюся в глубину моря. Ихтиандр давно облюбовал этот грот. Но прежде чем устроиться в нем, нужно было выселить давнишних обитателей грота — многочисленные семейства спрутов.

Ихтиандр надел очки, вооружился длинным, несколько искривленным острым ножом и смело подплыл к гроту. Вой-

ти в грот было страшновато, и Ихтиандр решил вызвать врагов наружу. У потонувшей лодки он давно приметил длинную острогу. Он взял ее в руку и, стоя у входа в грот, начал водить острогой. Осьминоги, недовольные вторжением неизвестного, зашевелились. По краям арки появились длинные, извивающиеся щупальца. Осторожно они приближались к остроге. Ихтиандр отдергивал острогу прежде, чем щупальца спрута успевали захватить ее. Эта игра продолжалась несколько минут. Вот уже десятки щупалец, как волосы Медузы-Горгоны[1], зашевелились у края арки. Наконец один старый, огромный спрут, выведенный из терпенья, решил расправиться с дерзким пришельцем. Спрут вылез из расщелины, угрожающе шевеля щупальцами. Медленно поплыл он к врагу, меняя окраску, чтобы устрашить Ихтиандра. Ихтиандр отплыл в сторону, бросил острогу и приготовился к бою. Ихтиандр знал, как трудно бороться человеку с его двумя руками, когда у противника восемь длинных ног. Не успеешь отрезать одну ногу спрута, семь других захватят и скрутят человеку руки. И юноша стремился направить удар своего ножа, чтобы он пришелся в тело спрута. Подпустив чудовище так, чтобы концы его щупалец достигли его, Ихтиандр неожиданно бросался вперед, в самый клубок извивавшихся щупалец, к голове спрута.

Этот необычайный прием всегда заставал спрута врасплох. Проходило не менее четырех секунд, пока животное успевало подобрать концы щупалец и обвить ими врага. Но за это время Ихтиандр успевал быстрым и безошибочным ударом рассечь тело спрута, поразить сердце и перерезать двигательные нервы. И огромные щупальца, уже обвивавшиеся вокруг его тела, вдруг безжизненно распускались и дрябло опускались вниз.

— Один готов!

Ихтиандр снова взялся за острогу. На этот раз навстречу ему выплыли сразу два спрута. Один из них плыл прямо на Ихтиандра, а другой обходным движением пытался напасть сзади. Это становилось опасным. Ихтиандр храбро бросился на спрута, который был перед ним, но, прежде чем успел

[1]Медуза-Горгона — в греческой мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями на голове вместо волос.(*Прим. автора.*)

убить его, второй спрут, находившийся позади, обвил его за шею. Юноша быстро перерезал ногу спрута, проткнув ее ножом у самой своей шеи. Затем повернулся лицом к спруту и отсек его щупальца. Изувеченный спрут, медленно колыхаясь, опустился на дно. А Ихтиандр уже расправлялся со спрутом, который был перед ним.

— Три, — продолжал считать Ихтиандр.

Однако на время пришлось прекратить битву. Из грота выплывал целый отряд спрутов, но пролитая кровь замутила воду. В этой бурой мгле перевес мог быть на стороне спрутов, которые ощупью могли обнаружить врага, Ихтиандр же не видел их. Он отплыл подальше от места сражения, где вода была чистая, и здесь уложил еще одного спрута, выплывшего из кровавого облака.

Битва с перерывами продолжалась несколько часов. Когда наконец последний спрут был убит и вода очистилась, Ихтиандр увидел, что на дне лежат мертвые тела спрутов и шевелящиеся обрубленные щупальца. Ихтиандр вошел в грот. Здесь еще оставалось несколько маленьких спрутов — в кулак величиной и с щупальцами не толще пальца. Ихтиандр хотел убить их, но ему стало их жалко. «Надо попытаться приручить их. Неплохо иметь таких сторожей».

Очистив грот от больших спрутов, Ихтиандр решил обставить свое подводное жилище мебелью. Он притащил из дома стол на железных ножках с мраморной доской и две китайские вазы. Стол поставил среди грота, на столе поставил вазы, а в вазы насыпал земли и посадил морские цветы. Земля, размываемая водой, некоторое время курилась над вазами, как дым, но потом вода очистилась. Только цветы, колеблемые легким волнением, тихо раскачивались, как от дуновения ветра.

У стены пещеры был выступ, как бы естественная каменная скамья. Новый хозяин пещеры с удовольствием разлегся на этой скамье. Хотя она была каменная, но тело в воде почти не ощущало ее.

Это была странная подводная комната с китайскими вазами на столе. Много любопытных рыб явилось посмотреть на невиданное новоселье. Они сновали между ножками стола, подплывали к цветам в вазах, как бы нюхая их, шныряли под головой Ихтиандра. Мраморный бычок заглянул в грот, испу-

ганно махнул хвостом и уплыл. По белому песку выполз большой краб, поднял и опустил клешню, как бы приветствуя хозяина, и устроился под столом.

Ихтиандра забавляла эта затея. «Чем бы мне еще украсить мое жилище? — подумал он. — Я насажу у входа самые красивые подводные растения, усыплю пол жемчужинами, а у стен, по краям, положу раковины. Что, если бы подводную комнату видела Гуттиэре... Но она обманывает меня. А быть может, и не обманывает. Она ведь не успела рассказать мне об Ольсене». Ихтиандр нахмурился. Лишь только он кончил работать, он снова почувствовал себя одиноким, непохожим на остальных людей. «Почему никто не может жить под водой? Я один. Скорее бы приехал отец. Я спрошу его...»

Ему хотелось показать свое новое подводное жилище хоть одному живому существу. «Лидинг», — вспомнил Ихтиандр о дельфине. Ихтиандр взял витую раковину, всплыл на поверхность и затрубил. Скоро послышалось знакомое фырканье — дельфин всегда держался вблизи залива.

Когда дельфин приплыл, Ихтиандр ласково обнял его и сказал:

— Идем ко мне, Лидинг, я покажу тебе новую комнату. Ты никогда не видел стола и китайских ваз.

И, нырнув в воду, Ихтиандр приказал дельфину следовать за собой.

Однако дельфин оказался очень беспокойным гостем. Большой и неповоротливый, он поднял такое волнение в гроте, что вазы зашатались на столе. Вдобавок он умудрился наткнуться мордой на ножку стола и опрокинуть его. Вазы упали, и, будь это на земле, они разбились бы. Но здесь все обошлось благополучно, если не считать испуга краба, который с необычайной быстротой как-то боком побежал к скале.

«Какой ты неловкий», — подумал Ихтиандр о своем друге, отставляя стол в глубину грота и поднимая вазы.

И, обняв дельфина, Ихтиандр продолжал говорить с ним:

— Оставайся здесь со мной, Лидинг.

Но дельфин скоро начал трясти головой и выражать беспокойство. Он не мог долго оставаться под водой. Ему необходим был воздух. И, взмахнув плавниками, дельфин выплыл из грота и поднялся на поверхность.

«Даже Лидинг не может жить со мною под водой, — с грустью подумал Ихтиандр, оставшись один. — Только рыбы. Но ведь они глупые и пугливые...»

И он опустился на свое каменное ложе. Солнце зашло. В гроте было темно. Легкое движение воды укачивало Ихтиандра.

Утомленный волнениями дня и работой, Ихтиандр начал дремать.

НОВЫЙ ДРУГ

Ольсен сидел на большом баркасе и смотрел через борт в воду. Солнце только что поднялось из-за горизонта и косыми лучами освещало до самого дна прозрачную воду небольшой бухты. Несколько индейцев ползали по белому песчаному дну. Время от времени они всплывали на поверхность, чтобы отдышаться, и вновь погружались в воду. Ольсен зорко наблюдал за ловцами. Несмотря на ранний час, было уже жарко. «Почему бы и мне не освежиться — не нырнуть раз-другой?» — подумал он, быстро разделся и бросился в воду. Ольсен никогда раньше не нырял, но это ему понравилось, и он убедился, что может пробыть под водой дольше привычных индейцев. Ольсен присоединился к искателям и быстро увлекся этим новым для него занятием.

Опустившись в третий раз, он заметил, что два индейца, стоявшие на коленях на дне, вскочили и всплыли на поверхность с такой быстротой, как будто их преследовала акула или пила-рыба. Ольсен оглянулся назад. К нему быстро подплывало странное существо, получеловек-полулягушка, с серебристой чешуей, огромными выпученными глазами и лягушечьими лапами. Оно по-лягушечьи отбрасывало лапы и сильными толчками подвигалось вперед.

Прежде чем Ольсен успел подняться с колен, чудовище было уже около него и ухватило его руку своей лягушечьей лапой. Испуганный Ольсен все же заметил, что у этого существа было красивое человеческое лицо, которое портили только выпученные, сверкавшие глаза. Это странное существо, забыв о том, что оно находится под водою, начало о чем-то говорить. Ольсен не мог расслышать слов. Он видел только шеве-

лящиеся губы. Неведомое существо крепко держало двумя лапами руку Ольсена. Ольсен сильным движением ног оттолкнулся от дна и быстро поднялся на поверхность, работая свободной рукой. Чудовище потянулось следом, не отпуская его. Всплыв на поверхность, Ольсен ухватился за борт баркаса, перекинул ногу, взобрался на баркас и отбросил от себя этого получеловека с лягушечьими руками так, что тот с шумом упал в воду. Сидевшие на баркасе индейцы прыгнули в воду и торопясь поплыли к берегу.

Но Ихтиандр снова приблизился к баркасу и обратился к Ольсену на испанском языке:

— Послушайте, Ольсен, мне нужно поговорить с вами о Гуттиэре.

Это обращение изумило Ольсена не меньше, чем встреча под водой. Ольсен был человек храбрый, с крепкой головой. Если неведомое существо знает его имя и Гуттиэре, то, значит, это человек, а не чудовище.

— Я вас слушаю, — ответил Ольсен.

Ихтиандр взобрался на баркас, уселся на носу, поджав под себя ноги и скрестив на груди лапы.

«Очки!» — подумал Ольсен, внимательно рассматривая сверкающие, выпуклые глаза неизвестного.

— Мое имя Ихтиандр. Однажды я достал вам ожерелье со дна моря.

— Но тогда у вас были человеческие глаза и руки.

Ихтиандр улыбнулся и потряс своими лягушечьими лапами.

— Снимаются, — коротко ответил он.

— Я так и думал.

Индейцы с любопытством наблюдали из-за береговых скал за этим странным разговором, хотя и не могли услышать слов.

— Вы любите Гуттиэре? — спросил Ихтиандр после небольшого молчания.

— Да, я люблю Гуттиэре, — просто ответил Ольсен.

Ихтиандр тяжело вздохнул.

— И она вас любит?

— И она меня любит.

— Но ведь она любит меня.

— Это ее дело. — Ольсен пожал плечами.

— Как ее дело? Ведь она ваша невеста.

Ольсен сделал удивленное лицо и с прежним спокойствием ответил:

— Нет, она не моя невеста.

— Вы лжете! — вспыхнул Ихтиандр. — Я сам слышал, как смуглый человек на лошади говорил о том, что она невеста.

— Моя?

Ихтиандр смутился. Нет, смуглый человек не говорил, что Гуттиэре невеста Ольсена. Но не может же молодая девушка быть невестой этого смуглого, такого старого и неприятного? Разве так бывает? Смуглый, вероятно, ее родственник... Ихтиандр решил повести свои расспросы другим путем.

— А что вы здесь делали? Искали жемчуг?

— Признаюсь, мне не нравятся ваши расспросы, — хмуро ответил Ольсен. — И, если бы я не знал о вас кое-что от Гуттиэре, я сбросил бы вас с баркаса, и этим окончился бы разговор. Не хватайтесь за ваш нож. Я могу разбить вам голову веслом прежде, чем вы подниметесь. Но я не нахожу нужным скрывать от вас, что я действительно искал здесь жемчуг.

— Большую жемчужину, которую я бросил в море? Гуттиэре говорила вам об этом?

Ольсен кивнул головой.

Ихтиандр торжествовал.

— Ну вот видите. Я же говорил ей, что вы не откажетесь от этой жемчужины. Я предлагал ей взять жемчужину и передать вам. Она не согласилась, а теперь вы сами ищете ее.

— Да, потому что теперь она принадлежит не вам, а океану. И если я найду ее, то никому не буду обязан.

— Вы так любите жемчуг?

— Я не женщина, чтобы любить безделушки, — возразил Ольсен.

— Но жемчуг можно... как это? Да! Продать, — вспомнил Ихтиандр малопонятное ему слово, — и получить много денег.

Ольсен вновь утвердительно кивнул головой.

— Значит, вы любите деньги?

— Что вам, собственно, от меня нужно? — уже с раздражением спросил Ольсен.

— Мне нужно знать, почему Гуттиэре дарит вам жемчуг Ведь вы хотели жениться на ней?

— Нет, я не собирался жениться на Гуттиэре, — сказал

Ольсен. — Да если бы и собирался, теперь уже об этом поздно думать. Гуттиэре стала женой другого.

Ихтиандр побледнел и ухватился за руку Ольсена.

— Неужели того, смуглого? — испуганно спросил он.

— Да, она вышла замуж за Педро Зурита.

— Но ведь она... Мне кажется, что она любила меня, — тихо сказал Ихтиандр.

Ольсен посмотрел на него с сочувствием и, не спеша закурив коротенькую трубочку, сказал:

— Да, мне кажется, она любила вас. Но ведь вы на ее глазах бросились в море и утонули, — так, по крайней мере, думала она.

Ихтиандр с удивлением посмотрел на Ольсена. Юноша никогда не говорил Гуттиэре о том, что он может жить под водой. Ему в голову не приходило, что его прыжок со скалы в море девушка могла объяснить как самоубийство.

— Прошлою ночью я видел Гуттиэре, — продолжал Ольсен. — Ваша гибель очень огорчила ее. «Я виновата в смерти Ихтиандра» — вот что сказала она.

— Но почему же она так скоро вышла замуж за другого? Ведь она... ведь я спас ей жизнь. Да, да! Мне давно казалось, что Гуттиэре похожа на девушку, которая тонула в океане. Я вынес ее на берег и скрылся в камнях. А потом пришел этот смуглый — его я сразу узнал — и уверил ее, что это он спас ее.

— Гуттиэре рассказывала мне об этом, — сказал Ольсен. — Она так и не узнала, кто же спас ее — Зурита или странное существо, которое мелькнуло перед ней, когда она приходила в себя. Почему вы сами не сказали, что это вы спасли ее?

— Самому об этом неудобно говорить. Притом я не был вполне уверен в том, что спас именно Гуттиэре, пока не увидел Зурита. Но как она могла согласиться? — спрашивал Ихтиандр.

— Как это произошло, — медленно проговорил Ольсен, — я и сам не понимаю.

— Расскажите, что вы знаете, — попросил Ихтиандр.

— Я работаю на пуговичной фабрике приемщиком раковин. Там я и познакомился с Гуттиэре. Она приносила раковины, — отец посылал ее, когда сам был занят. Познакомились, подружились. Иногда встречались в порту, гуляли на бе-

регу моря. Она рассказывала мне о своем горе: за нее сватался богатый испанец.

— Этот самый? Зурита?

— Да. Зурита. Отец Гуттиэре, индеец Бальтазар, очень хотел этого брака и всячески уговаривал дочь не отказывать такому завидному жениху.

— Чем же завидный? Старый, отвратительный, дурно пахнущий, — не мог удержаться Ихтиандр.

— Для Бальтазара Зурита прекрасный зять. Тем более что Бальтазар был должен Зурита крупную сумму денег. Зурита мог разорить Бальтазара, если Гуттиэре отказалась бы выйти за него замуж. Представьте себе, как жилось девушке. С одной стороны — назойливое ухаживание жениха, а с другой — вечные упреки, выговоры, угрозы отца...

— Почему же Гуттиэре не выгнала Зурита? Почему вы, такой большой и сильный, не побили этого Зурита?

Ольсен улыбнулся и удивился: Ихтиандр не глуп, а задает такие вопросы. Где он рос и воспитывался?

— Это сделать не так просто, как вам кажется, — ответил Ольсен. — На защиту Зурита и Бальтазара стали бы закон, полиция, суд. — Ихтиандр все-таки не понимал. — Одним словом, этого нельзя было сделать.

— Ну, тогда почему она не убежала?

— Убежать было легче. И она решилась убежать от отца, а я обещал помочь ей. Я сам давно собирался уехать из Буэнос-Айреса в Северную Америку, и я предложил Гуттиэре ехать со мной.

— Вы хотели жениться на ней? — спросил Ихтиандр.

— Однако какой вы, — снова улыбнувшись, сказал Ольсен. — Я же сказал вам, что мы были с нею друзьями. Что могло быть дальше — не знаю...

— Почему же вы не уехали?

— Потому, что у нас не было денег на переезд.

— Неужели переезд на «Горроксе» стоит так дорого?

— На «Горроксе»! На «Горроксе» впору ездить миллионерам. Да что вы, Ихтиандр, с луны свалились?

Ихтиандр смутился, покраснел и решил больше не задавать вопросов, которые покажут Ольсену, что он не знает самых простых вещей.

— У нас не хватило денег на переезд даже в товаропассажирском пароходе. А ведь по приезде тоже предстояли расходы. Работа на улице не валяется.

Ихтиандр снова хотел спросить Ольсена, но удержался.

— И тогда Гуттиэре решила продать свое жемчужное ожерелье.

— Если бы я знал! — воскликнул Ихтиандр, вспомнив о своих подводных сокровищах.

— О чем?

— Нет, так... Продолжайте, Ольсен.

— Все уже было подготовлено к побегу.

— А я... Как же так? Простите... Значит, она намеревалась оставить и меня?

— Все это началось, когда вы еще не были знакомы. А потом, насколько мне известно, она хотела предупредить вас. Быть может, и предложить вам ехать вместе с нею. Наконец, она могла написать вам с пути, если бы ей не удалось поговорить с вами о бегстве.

— Но почему с вами, а не со мной? С вами советовалась, с вами собиралась уехать!

— Я с нею знаком более года, а вас...

— Говорите, говорите и не обращайте внимания на мои слова.

— Ну, так вот. Все было готово, — продолжал Ольсен. — Но тут вы бросились в воду на глазах Гуттиэре, а Зурита случайно встретил Гуттиэре вместе с вами. Рано утром, перед тем как идти на завод, я зашел к Гуттиэре. Я нередко делал это и раньше. Бальтазар как будто относился ко мне благосклонно. Быть может, он побаивался моих кулаков, а может быть — смотрел на меня как на второго жениха, если бы Зурита надоело упрямство Гуттиэре. По крайней мере, Бальтазар не мешал нам и только просил не попадаться вместе на глаза Зурита. Конечно, старый индеец не подозревал о наших планах. В это утро я хотел сообщить Гуттиэре, что купил билеты на пароход и что она должна быть готова к десяти часам вечера. Меня встретил Бальтазар, он был взволнован. «Гуттиэре нет дома. И ее... вообще нет дома, — сказал мне Бальтазар. — Полчаса тому назад к дому подъехал Зурита в новеньком блестящем автомобиле. Каково! — воскликнул Бальтазар. — Ав-

томобиль — редкость на нашей улице, особенно если автомобиль подкатывает прямо к твоему дому. Я и Гуттиэре выбежали на улицу. Зурита уже стоял на земле возле открытой дверцы автомобиля и предложил Гуттиэре довезти ее до рынка и обратно. Он знал, что Гуттиэре в это время ходит на рынок. Гуттиэре посмотрела на блестящую машину. Сами понимаете, какой это соблазн для молодой девушки. Но Гуттиэре хитра и недоверчива. Она вежливо отказалась. Видели вы таких упрямых девушек! — с гневом воскликнул Бальтазар, но тут же расхохотался. — Но Зурита не растерялся. «Я вижу, вы стесняетесь, — сказал он, — так позвольте, я помогу вам». Схватил ее, усадил в автомобиль, Гуттиэре успела только крикнуть: «Отец!» — их и след простыл. Я думаю, они больше не вернутся. Увез ее к себе Зурита», — закончил свой рассказ Бальтазар, и было видно, что он очень доволен происшедшим.

«У вас на глазах похитили дочь, и вы так спокойно, даже радостно рассказываете об этом!» — возмущенно сказал я Бальтазару.

«О чем мне беспокоиться? — удивился Бальтазар. — Будь это другой человек, тогда другое дело, а Зурита я давно знаю. Уж если он, скряга, на автомобиль денег не пожалел, то, значит, Гуттиэре ему сильно нравится. Увез, так женится. А ей урок: не будь упряма. Богатые люди на дороге не валяются. Плакать ей не о чем. У Зурита есть гасиенда «Долорес» недалеко от города Параны. Там живет его мать. Туда, наверное, и повез он мою Гуттиэре».

— И вы не побили Бальтазара? — спросил Ихтиандр.

— Вас послушать, так я только и должен делать, что драться, — ответил Ольсен. — Признаться, сразу я хотел поколотить Бальтазара. Но потом решил, что только испорчу дело. Я полагал, что не все еще потеряно... Не буду передавать вам подробностей. Как я уже сказал, мне удалось повидаться с Гуттиэре.

— В гасиенде «Долорес»?

— Да.

— И вы не убили этого негодяя Зурита и не освободили Гуттиэре?

— Опять бить, да еще убивать. Кто бы мог подумать, что вы такой кровожадный?

— Я не кровожадный! — со слезами на глазах воскликнул Ихтиандр. — Но ведь это же возмутительно!

Ольсену стало жалко Ихтиандра.

— Вы правы, Ихтиандр, — сказал Ольсен. — Зурита и Бальтазар — недостойные люди, они заслуживают гнева и презрения. Их стоило бы побить. Но жизнь сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Гуттиэре сама отказалась бежать от Зурита.

— Сама? — не поверил Ихтиандр.

— Да, сама.

— Почему?

— Во-первых, она убеждена, что вы покончили с собой — утопились из-за нее. Ваша смерть угнетает ее. Она, бедняжка, видимо, очень любила вас. «Теперь моя жизнь кончена, Ольсен, — сказала она мне. — Теперь мне ничего не нужно. Я ко всему безразлична. Я ничего не понимала, когда приглашенный Зурита священник обвенчал нас. «Ничто не делается без воли божьей», — так сказал священник, надевая мне на палец обручальное кольцо. А то, что соединил бог, человек не должен разлучать. Я буду несчастна с Зурита, но я боюсь навлечь на себя гнев божий и потому не покину его».

— Но ведь это же все глупости! Какой бог? Отец говорит, что бог — сказка для маленьких детей! — горячо воскликнул Ихтиандр. — Неужели вы не могли убедить ее?

— К сожалению, Гуттиэре верит этой сказке. Миссионеры успели сделать из нее яростную католичку; я давно пытался, но не мог разуверить ее. Она даже грозила порвать нашу дружбу, если я буду говорить с нею о церкви и боге. Приходилось ждать. А в гасиенде у меня не было и времени долго убеждать ее. Мне удалось перемолвиться с нею лишь несколькими словами. Да, вот что она еще сказала. Обвенчавшись с Гуттиэре, Зурита со смехом воскликнул: «Ну, одно дело сделано! Птичку поймали и посадили в клетку, теперь остается рыбку поймать!» Он объяснил Гуттиэре, а она мне, о какой рыбке идет речь. Зурита едет в Буэнос-Айрес, чтобы поймать «морского дьявола», и тогда Гуттиэре будет миллионершей. Не вы ли это? Вы можете находиться под водой без всякого вреда для себя, пугаете ловцов жемчуга...

Осторожность удерживала Ихтиандра открыть Ольсену

свою тайну. Объяснить ее он все равно не смог бы. И, не отвечая на вопрос, он сам спросил:

— А зачем Зурита «морской дьявол»?

— Педро хочет заставить «дьявола» ловить жемчужины. И если вы «морской дьявол», берегитесь!

— Благодарю за предупреждение, — сказал юноша.

Ихтиандр не подозревал, что его проделки известны всем на берегу, что о нем много писали в газетах и журналах.

— Я не могу, — вдруг заговорил Ихтиандр, — я должен видеть ее. Повидаться с нею хотя бы в последний раз. Город Парана? Да, знаю. Путь туда лежит вверх по реке Паране. Но как дойти от города Параны до гасиенды «Долорес»?

Ольсен объяснил.

Ихтиандр крепко пожал руку Ольсену.

— Простите меня. Я считал вас врагом, но неожиданно нашел друга. Прощайте. Я отправляюсь разыскивать Гуттиэре.

— Сейчас? — спросил, улыбаясь, Ольсен.

— Да, не теряя ни одной минуты, — ответил Ихтиандр, прыгая в воду, и поплыл к берегу.

Ольсен только покачал годовой.

В ПУТИ

Ихтиандр быстро собрался в путь. Он достал спрятанные на берегу костюм и башмаки, привязал их к спине ремнем, на котором висел нож. Надел очки и перчатки и отправился.

В заливе Рио-де-Ла-Плата стояло много океанских пароходов и кораблей, шхун и баркасов. Между ними сновали небольшие паровые каботажные катера. Из-под воды их днища напоминали водяных жуков, двигавшихся по поверхности во все стороны. Якорные цепи и тросы поднимались со дна, как тонкие стволы подводного леса. Дно залива было покрыто всякими отбросами, железным ломом, кучами просыпанного каменного угля и выброшенного шлака, обрывками старых шлангов, кусками парусов, бидонами, кирпичами, битыми бутылками, банками из-под консервов, а поближе к берегу трупами собак и кошек.

Тонкий слой нефти покрывал поверхность. Солнце еще не

зашло, но здесь стояли зеленовато-серые сумерки. Река Парана несла песок и ил, мутившие воду залива.

Ихтиандр мог бы заблудиться среди этого лабиринта судов, но компасом ему служило легкое течение впадавшей в залив реки. «Удивительно, как неопрятны люди», — думал он, брезгливо рассматривая дно, напоминавшее свалку мусора. Он плыл посередине залива, ниже килевой части кораблей. В загрязненных водах залива ему трудно было дышать, как человеку в душной комнате.

В нескольких местах на дне ему встретились трупы людей и скелеты животных. У одного трупа был расколот череп, а на шее виднелась веревка с привязанным камнем. Здесь было погребено чье-то преступление. Ихтиандр спешил скорее выплыть из этих мрачных мест.

Но чем выше он поднимался по заливу, тем сильнее чувствовалось встречное течение. Плыть было трудно. В океане бывают течения, но там они помогали ему: юноша хорошо знал их. Он пользовался ими, как моряк попутным ветром. Здесь было только одно встречное течение. Ихтиандр был испытанным пловцом, но его раздражало, что он так медленно подвигался вперед.

Что-то вдруг пролетело совсем близко, едва не задев его. Это бросили якорь с какого-то судна. «Однако здесь плыть небезопасно», — подумал Ихтиандр и огляделся. Он увидел, что его нагоняет большой пароход.

Ихтиандр опустился еще ниже, и, когда дно корабля проходило над ним, он ухватился за киль. Полипы облепили железо шероховатой массой, за которую можно было держаться. Лежать под водой в таком положении было не очень удобно, но зато теперь он находился под прикрытием и быстро плыл, увлекаемый пароходом.

Дельта кончилась, и пароход поплыл по реке Паране. Воды реки несли в себе огромное количество ила. В этой пресной воде Ихтиандр дышал тяжело. Его руки онемели, но он не хотел расстаться с пароходом. «Как жаль, что я не мог отправиться в это путешествие с Лидингом», — вспомнил он о дельфине. Но дельфина могли убить в реке, Лидинг не мог плыть под водой весь путь, а Ихтиандр опасался подняться на поверхность реки, где было слишком большое движение.

Руки Ихтиандра уставали все больше. Вдобавок он сильно проголодался, так как весь день ничего не ел. Пришлось сделать остановку. Расставшись с килем парохода, он опустился на дно.

Сумерки сгущались. Ихтиандр осмотрел илистое дно. Но он не нашел ни распластанных камбал, ни устричных раковин. Возле него шныряли пресноводные рыбы, но он не знал их повадок, и они казались ему более хитрыми, чем морские. Поймать их было трудно. Только когда наступила ночь и рыбы уснули, Ихтиандру удалось поймать большую щуку. Мясо ее было жестким и отдавало тиной, но проголодавшийся юноша с аппетитом ел ее, глотая целые куски с костями.

Надо было отдохнуть. В этой реке по крайней мере можно было спокойно выспаться, не опасаясь ни акул, ни спрутов. Но нужно было позаботиться о том, чтобы во время сна течение не унесло его вниз. Ихтиандр нашел на дне несколько камней, сдвинул их грядой и улегся, охватив один камень рукой.

Спал он, однако, недолго. Вскоре он почувствовал, что приближается какой-то пароход. Ихтиандр открыл глаза и увидел сигнальные фонари. Пароход шел снизу. Юноша быстро поднялся и приготовился ухватиться за пароход. Но это была моторная лодка с совершенно гладким дном.

Ихтиандр, делая напрасные попытки зацепиться за дно, едва не попал под винт.

Несколько пароходов прошли вниз по течению, пока наконец Ихтиандр сумел прицепиться к пассажирскому пароходу, идущему вверх по реке.

Так добрался Ихтиандр до города Параны. Первая часть его путешествия кончилась. Но оставалась еще самая трудная — наземная.

Ранним утром Ихтиандр отплыл из шумной гавани города в безлюдную местность, осторожно огляделся и вылез на берег. Он снял очки и перчатки, закопал их в прибрежном песке, высушил на солнце свой костюм и оделся. В измятом костюме он выглядел бродягой. Но об этом он мало думал.

Ихтиандр отправился вдоль правого берега, как ему указал Ольсен, расспрашивая встречных рыбаков, не знают ли они, где находится гасиенда «Долорес» Педро Зурита.

Рыбаки подозрительно осматривали его и отрицательно покачивали головами.

Проходил час за часом, жара все усиливалась, а поиски ни к чему не приводили. На земле Ихтиандр совсем не умел находить дорогу в незнакомых местах. Зной утомлял его, у него кружилась голова, и он плохо соображал.

Чтобы освежиться, Ихтиандр несколько раз раздевался и погружался в воду.

Наконец около четырех часов дня ему посчастливилось встретить старого крестьянина, по виду батрака. Выслушав Ихтиандра, старик кивнул головой и сказал:

— Иди вот так, все по этой дороге, полями. Дойдешь до большого пруда, перейдешь мост, поднимешься на небольшой пригорок, там тебе и будет усатая донна Долорес.

— Почему усатая? «Долорес» — ведь это гасиенда?

— Да, гасиенда. Но старую хозяйку гасиенды зовут тоже Долорес. Долорес — мать Педро Зурита. Полная усатая старуха. Не вздумай наняться к ней на работу. Живьем съест. Настоящая ведьма. Говорят, Зурита молодую жену привез. Не будет ей житья от свекрови, — рассказывал словоохотливый крестьянин.

«Это про Гуттиэре», — подумал Ихтиандр.

— А далеко? — спросил он.

— К вечеру дойдешь, — ответил старик, посмотрев на солнце.

Поблагодарив старика, Ихтиандр быстро зашагал по дороге мимо полей пшеницы и кукурузы. От быстрой ходьбы он начал уставать. Дорога тянулась бесконечной белой лентой. Пшеничные поля сменялись выгонами с высокой густой травой, на выгонах паслись стада овец.

Ихтиандр изнемогал, усиливались режущие боли в боках. Томила жажда. Кругом — ни капли воды. «Хоть бы скорее пруд», — думал Ихтиандр. Его щеки и глаза ввалились, он тяжело дышал. Хотелось есть. Но чем здесь пообедать? Далеко на лугу паслось стадо баранов под охраной пастуха и собак. Через каменный забор свешивались ветки персиковых и апельсиновых деревьев, а на них зрелые плоды. Здесь не то что в океане. Здесь все чужое, все поделено, все разгорожено, все охраняется. Одни только вольные птицы ничьи, летают, кри-

чат вдоль дороги. Но их не поймать. Да можно ли еще ловить этих птиц? Быть может, и они кому-нибудь принадлежат. Здесь легко умереть от голода и жажды среди водоемов, садов и стад.

Навстречу Ихтиандру шел, заложив руки за спину, толстый человек, в белом кителе с блестящими пуговицами, в белой фуражке, с кобурой на поясе.

— Скажите, далеко ли гасиенда «Долорес»? — спросил Ихтиандр.

Толстый человек подозрительно оглядел Ихтиандра.

— А тебе что нужно? Откуда идешь?

— Из Буэнос-Айреса...

Человек в кителе насторожился.

— Мне нужно там повидать кое-кого, — добавил Ихтиандр.

— Протяни руки, — сказал толстый человек. Это удивило Ихтиандра, но, не предполагая ничего плохого, он протянул руки. Толстяк вынул из кармана «браслеты» (ручные кандалы) и быстро защелкнул их на руках Ихтиандра.

— Вот и попался, — пробормотал человек с блестящими пуговицами и, толкнув Ихтиандра в бок, крикнул: — Иди! Я провожу тебя к «Долорес».

— Зачем вы сковали мои руки? — недоумевая, спросил Ихтиандр, поднимая руки и разглядывая «браслеты».

— Нечего разговаривать! — строго прикрикнул толстяк. — Ну, иди!

Ихтиандр, склонив голову, поплелся по дороге. Хорошо еще, что его не заставили идти назад. Он не понимал, что с ним произошло. Он не знал, что прошлою ночью на соседней ферме было совершено убийство и ограбление и теперь полиция искала преступников. Не догадывался он и о том, что в своем измятом костюме имел подозрительный вид. Его неопределенный ответ о цели путешествия окончательно решил его судьбу.

Полицейский арестовал Ихтиандра и теперь вел его в ближайшее селение, чтобы отправить в Парану, в тюрьму.

Ихтиандр понял только одно: он лишен свободы и в его путешествии наступила досадная задержка. Он решил во

что бы то ни стало вернуть себе свободу при первой же возможности.

Толстый полицейский, довольный удачей, закурил длинную сигару. Он шел позади, обдавая Ихтиандра клубами дыма. Ихтиандр задыхался.

— Нельзя ли не пускать дым, мне тяжело дышать, — обернувшись, сказал он своему конвоиру.

— Что-о? Просят не курить? Ха-ха-ха! — Полицейский засмеялся, все лицо его собралось в морщины. — Подумаешь, какие нежности!.. — и, выпустив в лицо юноши клубы дыма, он крикнул: — Пошел!

Юноша повиновался.

Наконец Ихтиандр увидел пруд с перекинутым через него узким мостом и невольно ускорил шаги.

— Не спеши к своей Долорес! — крикнул толстяк.

Они взошли на мост. На средине моста Ихтиандр вдруг перегнулся через перила и бросился в воду.

Полицейский никак не ожидал такого поступка от человека со скованными руками.

Но зато и Ихтиандр не ожидал от толстяка того, что тот сделал в следующее мгновение. Полицейский бросился в воду вслед за Ихтиандром, — он опасался, что преступник может утонуть. Полицейский хотел доставить его живым: арестованный, утонувший с ручными кандалами, мог наделать много хлопот. Полицейский так быстро последовал за Ихтиандром, что успел ухватить его за волосы и не отпускал. Тогда Ихтиандр, рискуя лишиться волос, потянул полицейского на дно. Вскоре Ихтиандр почувствовал, что рука полицейского разжалась и отпустила волосы. Ихтиандр отплыл на несколько метров в сторону и выглянул из воды, чтобы посмотреть, выплыл ли полицейский. Тот уже барахтался на поверхности и, увидев голову Ихтиандра, закричал:

— Утонешь, подлец! Плыви ко мне!

«А ведь это мысль», — подумал Ихтиандр и вдруг закричал:

— Спасите! Тону... — и опустился на дно.

Из-под воды он наблюдал за полицейским, как тот, ныряя, искал его. Наконец, видимо отчаявшись в успехе, полицейский выплыл на берег.

«Сейчас уйдет», — подумал Ихтиандр. Но полицейский не

уходил. Он решил остаться возле трупа, пока не прибудут следственные органы. То, что утопленник лежит на дне пруда, по мнению полицейского, не меняло дела.

В это время через мост проезжал крестьянин верхом на муле, навьюченном мешками. Полицейский приказал крестьянину сбросить мешки и отправиться в ближайший полицейский участок с запиской. Дело приобретало для Ихтиандра скверный оборот. К тому же в пруду водились пиявки. Они впивались в Ихтиандра, и он не успевал отрывать их от тела. Но делать это нужно было осторожно, чтобы не волновать стоячую воду и этим не привлечь внимания полицейского.

Через полчаса вернулся крестьянин на муле, показал рукой на дорогу, уложил свои мешки на спину мула и поспешно уехал. Минут через пять к берегу приблизились трое полицейских. Двое из них несли на голове легкую лодку, третий — багор и весло.

Лодку спустили на воду и начали искать утопленника. Ихтиандр не боялся поисков. Для него это была почти игра — он только переходил с места на место. Все дно пруда возле моста тщательно обыскали багром, но трупа не обнаружили.

Полицейский, арестовавший Ихтиандра, с удивлением разводил руками. Ихтиандра это даже забавляло. Но скоро ему пришлось плохо. Полицейские подняли своим багром со дна пруда тучи ила. Вода замутилась. Теперь Ихтиандр не мог ничего рассмотреть на расстоянии протянутой руки, а это уже было опасно. Но главное — ему трудно было дышать жабрами в этой воде, бедной кислородом. А тут еще эти тучи ила.

Ихтиандр задыхался и чувствовал в жабрах все усиливающееся жжение. Невозможно было дольше терпеть. У него вырвался невольный стон, несколько пузырей вылетело из его рта. Что делать? Выйти из пруда — другого выхода не было. Надо было выйти, чем бы это ни грозило. Его, конечно, сейчас же схватят, — может быть, изобьют, отправят в тюрьму. Но все равно. Ихтиандр, шатаясь, побрел к мелководью и поднял голову над водой.

— А-а-а-а! — не своим голосом закричал полицейский, бросаясь через борт лодки в воду, чтобы скорее доплыть до берега.

— Иисус-Мария! О-о!.. — вскричал другой, падая на дно лодки.

Двое полицейских, оставшиеся на берегу, шептали молитвы. Бледные, они дрожали от страха, стараясь спрятаться друг за друга.

Ихтиандр не ожидал этого и не сразу понял причину их испуга. Потом он вспомнил, что испанцы очень религиозны и суеверны. Вероятно, полицейские вообразили, что они видят перед собою выходца с того света. Ихтиандр решил испугать их еще больше: он оскалил зубы, закатил глаза, завыл страшным голосом, медленно направляясь к берегу; он поднялся на дорогу умышленно медленно и удалился размеренным шагом.

Ни один полицейский не шевельнулся, не задержал Ихтиандра. Суеверный ужас, боязнь привидения помешали им выполнить долг службы.

ЭТО «МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ»!

Мать Педро Зурита — Долорес — была полная, сытая старуха с крючковатым носом и выдающимся подбородком. Густые усы придавали ее лицу странный и непривлекательный вид. Это редкое для женщины украшение и закрепило за ней в округе кличку «усатая Долорес».

Когда ее сын явился к ней с молодой женой, старуха бесцеремонно осмотрела Гуттиэре. Долорес прежде всего искала в людях недостатки. Красота Гуттиэре поразила старуху, хотя она ничем не выдала этого. Но такова уж была усатая Долорес: поразмыслив у себя на кухне, она решила, что красота Гуттиэре — недостаток.

Оставшись вдвоем с сыном, старуха неодобрительно покачала головой и сказала:

— Хороша! Даже слишком хороша! — И, вздохнув, прибавила: — Наживешь ты хлопот с такой красавицей... Да. Лучше бы ты женился на испанке. — Подумав еще, она продолжала: — И горда. А руки мягкие, нежные, — белоручка будет.

— Обломаем, — ответил Педро и углубился в хозяйственные счеты.

Долорес зевнула и, чтобы не мешать сыну, вышла в сад подышать вечерней прохладой. Она любила помечтать при луне.

Мимозы наполняли сад приятным ароматом. Белые лилии сверкали при лунном свете. Едва заметно шевелились листья лавров и фикусов.

Долорес уселась на скамью среди мирт и предалась своим мечтам: вот она прикупит соседний участок, разведет тонкорунных овец, выстроит новые сараи.

— О, чтоб вас! — сердито крикнула старуха, ударяя себя по щеке. — Эти москиты и посидеть спокойно не дадут человеку.

Незаметно облака затянули небо, и весь сад погрузился в полумрак. На горизонте резче выступила светло-голубая полоса — отражение огней города Параны.

И вдруг над низким каменным забором она увидела человеческую голову. Кто-то поднял руки, скованные кандалами, и осторожно перепрыгнул через стену.

Старуха испугалась. «В сад забрался каторжник», — решила она. Она хотела крикнуть, но не могла, пыталась подняться и бежать, но ноги ее подкашивались. Сидя на скамейке, следила она за неизвестным.

А человек в кандалах, осторожно пробираясь между кустами, приближался к дому, заглядывая в окна.

И вдруг — или она ослышалась — каторжник тихо позвал:

— Гуттиэре!

«Так вот она, красота-то. Вот с кем знакомство водит! Чего доброго, эта красавица убьет меня с сыном, ограбит гасиенду и сбежит с каторжником», — думала Долорес.

Старуху вдруг охватило чувство глубокой ненависти к сноxе и горького злорадства. Это придало ей силы. Она вскочила и побежала в дом.

— Скорей! — шепотом сказала Долорес сыну. — В сад забрался каторжник. Он звал Гуттиэре.

Педро выбежал с такой поспешностью, как будто дом был объят пламенем, схватил лопату, лежавшую на дорожке, и побежал вокруг дома.

У стены стоял неизвестный в грязном, измятом костюме, со скованными руками и смотрел в окно.

— Проклятие!.. — пробормотал Зурита и опустил лопату на голову юноши.

Без единого звука юноша упал на землю.

— Готов... — тихо произнес Зурита.

— Готов, — подтвердила следовавшая за ним Долорес таким тоном, как будто ее сын раздавил ядовитого скорпиона.

Зурита вопросительно посмотрел на мать.

— Куда его?

— В пруд, — указала старуха. — Пруд глубокий.

— Всплывет.

— Камень привяжем. Я сейчас...

Долорес побежала домой и торопливо начала искать мешок, в который можно было бы положить труп убитого. Но еще утром все мешки она отправила с пшеницей на мельницу. Тогда она достала наволочку и длинную бечевку.

— Мешков нет, — сказала она сыну. — Вот в наволочку положи камней и привяжи бечевкой к кандалам...

Зурита кивнул головой, взвалил труп на плечи и поволок его в конец сада, к небольшому пруду.

— Не запачкайся, — шепотом говорила Долорес, ковыляя за сыном с наволочкой и бечевкой.

— Смоешь, — ответил Педро, свешивая, однако, голову юноши ниже, чтобы кровь стекала на землю.

У пруда Зурита быстро набил наволочку камнями, крепко привязал ее к рукам юноши и бросил тело в пруд.

— Теперь надо переодеться. — Педро посмотрел на небо. — Дождь собирается. Он смоет к утру следы крови на земле.

— В пруду... вода не станет розовой от крови? — спросила «усатая Долорес».

— Не станет. Пруд проточный... О-о, проклятие! — прохрипел Зурита, направляясь к дому, и погрозил кулаком одному из окон.

— Вот она, красота-то! — хныкала старуха, следуя за сыном.

Гуттиэре отвели комнату в мезонине. Она не могла уснуть в эту ночь. Было душно, одолевали москиты. Невеселые мысли приходили в голову Гуттиэре. Она не могла забыть Ихтиандра, его смерти. Мужа она не любила, свекровь вызывала отвращение. И с этой усатой старухой Гуттиэре предстояло жить...

В эту ночь Гуттиэре почудился голос Ихтиандра. Он звал ее по имени. Какой-то шум, чьи-то приглушенные голоса до-

носились из сада. Гуттиэре решила, что ей так и не удастся уснуть в эту ночь. Она вышла в сад.

Солнце еще не всходило. Сад был погружен в сумерки утренней зари. Тучи угнало. На траве и деревьях сверкала обильная роса. В легком халате, босиком Гуттиэре шла по траве. Вдруг она остановилась и внимательно стала разглядывать землю. На дорожке, против ее окна, песок был запятнан кровью. Тут же валялась окровавленная лопата.

Ночью здесь произошло какое-то преступление. Иначе откуда могли появиться эти следы крови?

Гуттиэре невольно пошла по следам, и они привели ее к пруду.

«Не в этом ли пруду скрыты последние следы преступления?» — подумала она, со страхом вглядываясь в зеленоватую поверхность.

Из-под зеленоватой воды пруда на нее смотрело лицо Ихтиандра. Кожа на его виске была рассечена. На его лице отражалось страдание и в то же время радость.

Гуттиэре смотрела, не отрываясь, на лицо утонувшего Ихтиандра. Неужели она сошла с ума?

Гуттиэре хотела бежать прочь. Но она не могла уйти, не могла оторвать от него глаз.

А лицо Ихтиандра медленно поднималось из воды. Оно уже показалось над поверхностью, всколыхнув тихие воды. Ихтиандр протянул к Гуттиэре скованные руки и с бледной улыбкой сказал, впервые обращаясь к ней на «ты»:

— Гуттиэре! Дорогая моя! Наконец-то, Гуттиэре, я... — но он не договорил.

Гуттиэре схватилась за голову и в испуге закричала:

— Сгинь! Пропади, несчастный призрак! Ведь я знаю, что ты мертв. Зачем ты являешься ко мне?

— Нет, нет, Гуттиэре, я не мертв, — поспешно ответил призрак, — я не утонул. Прости меня... я скрыл от тебя... Я не знаю, зачем я это сделал... Не уходи, выслушай меня. Я живой: вот, прикоснись к моим рукам...

Он протягивал к ней скованные руки. Гуттиэре продолжала смотреть на него.

— Не бойся, я ведь живой... Я могу жить под водой. Я не такой, как все люди. Я один могу жить под водой. Я не утонул

тогда, бросившись в море. Я бросился потому, что мне было тяжело дышать на воздухе.

Ихтиандр пошатнулся и продолжал так же поспешно и бессвязно:

— Я искал тебя, Гуттиэре. Сегодня ночью твой муж ударил меня по голове, когда я подошел к твоему окну, и бросил меня в пруд. В воде я пришел в себя. Мне удалось снять мешок с камнями, но этого, — Ихтиандр указал на наручники, — я не мог снять...

Гуттиэре начала верить, что перед нею не призрак, а живой человек.

— Но почему у вас скованы руки? — спросила она.

— Я потом расскажу тебе об этом... Бежим со мной, Гуттиэре. Мы укроемся у моего отца, там нас никто не найдет... И мы будем жить с тобою... Ну, возьми же мои руки, Гуттиэре... Ольсен сказал, что меня называют «морским дьяволом», но ведь я человек. Почему же ты боишься меня?

Ихтиандр вышел из пруда весь в тине. Он в изнеможении опустился на траву.

Гуттиэре наклонилась над ним и наконец взяла его за руку.

— Бедный мой мальчик, — сказала она.

— Какая приятная встреча! — вдруг послышался насмешливый голос.

Они оглянулись и увидели стоявшего неподалеку Зурита.

Зурита, так же как и Гуттиэре, не спал эту ночь. Он вышел в сад на крик Гуттиэре и слышал весь разговор. Когда Педро узнал, что перед ним «морской дьявол», за которым он так долго и безуспешно охотился, он обрадовался и решил сразу же отвезти Ихтиандра на «Медузу». Но, обдумав, он решил поступить иначе.

— Вам не удастся, Ихтиандр, увезти Гуттиэре к доктору Сальватору, потому что Гуттиэре — моя жена. Едва ли вы сами вернетесь к вашему отцу. Вас ждет полиция.

— Но я ни в чем не виновен! — воскликнул юноша.

— Без вины полиция не награждает людей такими прекрасными «браслетами». И если уж вы попались в мои руки, мой долг — передать вас полиции.

— Неужели вы сделаете это? — с негодованием спросила мужа Гуттиэре.

— Я обязан это сделать, — ответил Педро, пожимая плечами.

— Хорош бы он был, — вдруг вмешалась в разговор появившаяся Долорес, — если бы отпустил на все четыре стороны каторжника! За что? Не за то ли, что этот кандальник подглядывает под чужими окнами и собирается похищать чужих жен?

Гуттиэре подошла к мужу, взяла его за руки и ласково сказала:

— Отпустите его. Прошу вас. Я ни в чем не виновата перед вами...

Долорес, испугавшись, как бы ее сын не уступил жене, замахала руками и закричала:

— Не слушай ее, Педро!

— Перед просьбой женщины я бессилен, — любезно сказал Зурита. — Я согласен.

— Не успел жениться, как попал под башмак жены, — ворчала старуха.

— Подожди, мать. Мы распилим ваши кандалы, молодой человек, переоденем вас в более приличный костюм и доставим на «Медузу». В Рио-де-Ла-Плата вы можете спрыгнуть с борта и плыть куда вам заблагорассудится. Но я отпущу вас с одним условием: вы должны забыть Гуттиэре. А тебя, Гуттиэре, я возьму с собой. Так будет безопасней.

— Вы лучше, чем я думала о вас, — искренно сказала Гуттиэре.

Зурита самодовольно покрутил усы и поклонился жене.

Долорес хорошо знала своего сына, — она быстро догадалась, что он замышляет какую-то хитрость. Но, чтобы поддержать его игру, она для вида раздраженно проворчала:

— Очаровала! Сиди теперь под башмаком!

ПОЛНЫЙ ХОД!

— Завтра приезжает Сальватор. Лихорадка задержала меня, а нам с тобой надо о многом поговорить, — сказал Кристо, обращаясь к Бальтазару. Они сидели в лавке Бальтазара. — Слушай, брат, слушай внимательно и не перебивай меня, чтобы я не забыл, о чем надо говорить.

Кристо помолчал, собираясь с мыслями, и продолжал:

— Мы много потрудились с тобой для Зурита. Он богаче нас с тобой, но он хочет быть богаче самого себя. Он хочет поймать «морского дьявола»...

Бальтазар сделал движение.

— Молчи, брат, молчи, иначе я забуду, что хотел сказать. Зурита хочет, чтобы «морской дьявол» был у него рабом. А знаешь ты, что такое «морской дьявол»? Это клад. Это неистощимое богатство. «Морской дьявол» может собирать на дне морском жемчуг — много прекрасных жемчужин. Но «морской дьявол» может добывать со дна моря не только жемчуг. На дне моря много потонувших кораблей с несметными сокровищами. Он может добыть их для нас. Я говорю для нас, а не для Зурита. Знаешь ли ты, брат, что Ихтиандр любит Гуттиэре?

Бальтазар хотел что-то сказать, но Кристо не дал ему говорить.

— Молчи и слушай. Я не могу говорить, когда меня перебивают. Да, Ихтиандр любит Гуттиэре. От меня ничего не скроешь. Когда я это узнал, я сказал: «Хорошо. Пусть Ихтиандр еще сильнее полюбит Гуттиэре. Он будет лучшим мужем и зятем, чем этот Зурита». И Гуттиэре любит Ихтиандра. Я следил за ними, не мешая Ихтиандру. Пусть встречаются.

Бальтазар вздохнул, но не перебил рассказчика.

— И это еще не все, брат. Слушай дальше. Я хочу напомнить тебе то, что было много лет тому назад. Я сопровождал твою жену — этому уже лет двадцать, — когда она возвращалась от родных. Помнишь, она ездила в горы хоронить свою мать. В дороге твоя жена умерла от родов. Умер и ребенок. Тогда я не сказал тебе всего, я не хотел огорчить тебя. Теперь скажу. Твоя жена умерла в дороге, но ребенок был еще жив, хотя и очень слаб. Случилось это в индейской деревне. Одна старуха сказала мне, что недалеко от них живет великий чудотворец, бог Сальватор...

Бальтазар насторожился.

— И она посоветовала мне отнести ребенка Сальватору, чтобы он спас его от смерти. Я послушался доброго совета и отнес ребенка Сальватору. «Спасите его», — сказал я. Сальватор взял мальчика, покачал головой и сказал: «Трудно спасти его». И унес. Я ждал до вечера. Вечером вышел негр и сказал: «Ребенок умер». Тогда я ушел.

Так вот, — продолжал Кристо, — Сальватор сказал через своего негра, что ребенок умер. У новорожденного ребенка — твоего сына — я приметил родимое пятно. Я хорошо помню, какой формы было это пятно. — Помолчав, Кристо продолжал: — Не так давно кто-то ранил Ихтиандра в шею. Делая ему перевязку, я приоткрыл ворот его чешуи и увидел родимое пятно точно такой же формы, как у твоего сына.

Бальтазар посмотрел на Кристо широко открытыми глазами и, волнуясь, спросил:

— Ты думаешь, что Ихтиандр мой сын?

— Молчи, брат, молчи и слушай. Да, я это думаю. Я думаю, что Сальватор сказал неправду. Твой сын не умер, и Сальватор сделал из него «морского дьявола».

— О-о!.. — вне себя закричал Бальтазар. — Как он смел! Я убью Сальватора своими собственными руками!

— Молчи! Сальватор сильнее тебя. И потом, может быть, я ошибся. Двадцать лет прошло. Родимое пятно на шее может быть и у другого человека. Ихтиандр — твой сын, а может быть — и не сын. Тут надо быть осторожным. Ты пойдешь к Сальватору и скажешь, что Ихтиандр твой сын. Я буду твоим свидетелем. Ты потребуешь, чтобы он отдал тебе сына. А не отдаст, ты скажешь, что донесешь на него в суд за то, что он калечит детей. Этого он побоится. Если же это не поможет, ты пойдешь в суд. Если же в суде нам не удастся доказать, что Ихтиандр твой сын, то он женится на Гуттиэре; ведь Гуттиэре твоя приемная дочь. Ты тогда тосковал о жене и сыне, и я разыскал тебе эту сироту Гуттиэре...

Бальтазар вскочил со стула. Он теперь шагал по лавке, задевая крабов и раковины.

— Сын мой! Сын мой! О, какое несчастье!

— Почему несчастье? — удивился Кристо.

— Я не перебивал и внимательно слушал тебя, теперь выслушай ты меня. Пока ты болел лихорадкой, Гуттиэре вышла замуж за Педро Зурита.

Эта новость поразила Кристо.

— А Ихтиандр... бедный сын мой... — Бальтазар опустил голову, — Ихтиандр в руках Зурита!

— Не может быть, — возразил Кристо.

— Да, да. Ихтиандр на «Медузе». Сегодня утром Зурита

приходил ко мне. Он смеялся над нами, издевался и бранил нас. Он говорил, что мы обманывали его. Подумай, он сам, без нас, поймал Ихтиандра! Теперь он нам ничего не уплатит. Но я и сам не возьму у него денег. Разве можно продать своего собственного сына?

Бальтазар был в отчаянии. Кристо неодобрительно смотрел на брата. Теперь следовало действовать решительно. Но Бальтазар мог скорее повредить делу, чем помочь. Сам Кристо не очень-то верил в родство Ихтиандра с Бальтазаром. Правда, Кристо видел у новорожденного родимое пятно. Но разве это неоспоримое доказательство? Увидев родимое пятно на шее Ихтиандра, Кристо решил воспользоваться этим сходством и поживиться. Но разве мог он предполагать, что Бальтазар так отнесется к его рассказу? Зато новости, сообщенные Бальтазаром, испугали Кристо.

— Теперь не время для слез. Надо действовать. Сальватор приезжает завтра рано утром. Будь мужественным. Жди меня на восходе солнца на молу. Надо спасти Ихтиандра. Но смотри не говори Сальватору, что ты отец Ихтиандра. Куда направился Зурита?

— Он не сказал, но думаю, что на север. Зурита давно собирался к берегам Панамы.

Кристо кивнул головой.

— Помни же: завтра утром, перед восходом солнца, ты должен быть на берегу. Сиди, не уходи, если бы даже пришлось ожидать до вечера.

Кристо поспешил к себе. Он всю ночь думал о предстоящей встрече с Сальватором. Надо было оправдать себя перед Сальватором.

Сальватор приехал на рассвете. Кристо, с лицом, выражавшим огорчение и преданность, сказал, поздоровавшись с доктором:

— У нас случилось несчастье... Много раз я предупреждал Ихтиандра, чтобы он не плавал в заливе...

— Что с ним? — нетерпеливо спросил Сальватор.

— Его украли и увезли на шхуне... Я...

Сальватор крепко сжал плечо Кристо и пристально посмотрел ему в глаза. Это продолжалось одно мгновение, но Кристо невольно изменился в лице под этим испытующим

взглядом. Сальватор нахмурился, пробормотал что-то и, разжав пальцы на плече Кристо, быстро проговорил:

— Об этом ты подробно расскажешь мне после.

Сальватор позвал негра, сказал ему несколько слов на непонятном Кристо языке и, обратившись к индейцу, повелительно крикнул:

— Иди за мной!

Не отдыхая, не переодеваясь с дороги, Сальватор вышел из дому и быстро пошел в сад. Кристо едва поспевал за ним. У третьей стены их нагнали два негра.

— Я сторожил Ихтиандра, как верная собака, — сказал Кристо, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Я не отходил от него... — Но Сальватор не слушал. Доктор стоял уже около бассейна и нетерпеливо стучал ногой, пока вода вытекала в открывшиеся в бассейне шлюзы.

— Иди за мной, — снова приказал Сальватор, спускаясь по подземной лестнице. Кристо и два негра шли за Сальватором в полном мраке. Сальватор прыгал через несколько ступеней, как человек, хорошо знакомый с подземным лабиринтом.

Спустившись на нижнюю площадку, Сальватор не повернул выключателя, как в первый раз, а, пошарив впотьмах рукой, открыл дверь в правой стене и пошел по темному коридору. Здесь не было ступеней, и Сальватор шел еще быстрее, не зажигая огня.

«Вдруг я провалюсь в какую-нибудь ловушку и утону в колодце?» — думал Кристо, стараясь поспеть за Сальватором.

Они долго шли, и наконец Кристо почувствовал, что пол покато спускается вниз. Иногда Кристо казалось, что он слышит слабый плеск воды. Но вот их путешествие окончилось. Сальватор, ушедший вперед, остановился и включил свет. Кристо увидел, что он находится в большом, залитом водою длинном гроте с овальным сводом. Этот свод, уходя вдаль, постепенно понижался к воде. На воде, у самого края каменного пола, на котором они стояли, Кристо увидел небольшую подводную лодку. Сальватор, Кристо и два негра вошли в нее. Сальватор зажег в каюте свет, один из негров захлопнул верхний люк, другой уже работал у мотора. Кристо почувствовал, что лодка дрогнула, медленно повернулась, опустилась вниз и так же медленно двинулась вперед. Прошло не более двух ми-

нут, и они всплыли на поверхность. Сальватор и Кристо вышли на мостик. Кристо никогда не приходилось плавать на подводных лодках. Но эта лодка, скользившая теперь по поверхности океана, могла бы удивить даже кораблестроителя. Она была необычайной конструкции, и, очевидно, мотор ее был огромной мощности. Еще не пущенная на полный ход, лодка быстро подвигалась вперед.

— Куда направились похитители Ихтиандра?

— Вдоль берега на север, — ответил Кристо. — Я бы осмелился предложить вам захватить с собой моего брата. Я предупредил его, и он ожидает на берегу.

— Зачем?

— Ихтиандра украл ловец жемчуга Зурита.

— Откуда ты знаешь это? — подозрительно спросил Сальватор.

— Я описал брату шхуну, которая захватила Ихтиандра в заливе, и брат признал в ней «Медузу» Педро Зурита. Зурита, вероятно, украл Ихтиандра для ловли жемчуга. А мой брат Бальтазар хорошо знает места лова. Он будет полезен нам.

Сальватор подумал.

— Хорошо! Мы возьмем твоего брата.

Бальтазар ожидал брата на молу. Лодка повернула к берегу. Бальтазар с берега, нахмурившись, смотрел на Сальватора, который отнял, изуродовал его сына. Однако индеец вежливо поклонился Сальватору и вплавь добрался до лодки.

— Полный ход! — отдал Сальватор приказ.

Сальватор стоял на капитанском мостике и зорко всматривался в гладь океана.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПЛЕННИК

Зурита распилил кандалы, связывавшие руки Ихтиандра, дал ему новый костюм и разрешил захватить с собой спрятанные в песке перчатки и очки. Но как только юноша взошел на палубу «Медузы», по приказанию Зурита его схватили индейцы и посадили в трюм. У Буэнос-Айреса Зурита сделал короткую остановку, чтобы запастись провиантом. Он повидался с Бальтазаром, похвалился своей удачей и поплыл дальше вдоль берега, по направлению к Рио-де-Жанейро. Он предполагал

обогнуть восточный берег Южной Америки и начать поиски жемчуга в Караибском море.

Гуттиэре он поместил в капитанской каюте. Зурита уверял ее, что Ихтиандра он отпустил на волю в заливе Рио-де-Ла-Плата. Но эта ложь скоро открылась. Вечером Гуттиэре услышала крики и стоны, долетавшие из трюма. Она узнала голос Ихтиандра. Зурита в это время был на верхней палубе. Гуттиэре пыталась выйти из каюты, но дверь оказалась на запоре. Гуттиэре начала стучать кулаками — никто не отзывался на ее крик.

Зурита, услышав крики Ихтиандра, крепко выругался, спустился с капитанского мостика и сошел в трюм вместе с индейцем-матросом. В трюме было необычайно душно и темно.

— Чего ты кричишь? — грубо спросил Зурита.

— Я... я задыхаюсь, — услышал он голос Ихтиандра. — Я не могу жить без воды. Здесь такая духота. Отпустите меня в море. Я не проживу ночи...

Зурита захлопнул люк в трюм и вышел на палубу.

«Как бы в самом деле он не задохнулся», — озабоченно подумал Зурита. Смерть Ихтиандра была ему совсем невыгодна.

По приказу Зурита в трюм принесли бочку, и матросы натаскали воды.

— Вот тебе ванна, — сказал Зурита, обращаясь к Ихтиандру. — Плавай! А завтра утром я опущу тебя в море.

Ихтиандр поспешно погрузился в бочку. Стоявшие в дверях индейцы-матросы с недоумением смотрели на это купанье. Они еще не знали, что узник «Медузы» — «морской дьявол».

— Отправляйтесь на палубу! — прикрикнул на них Зурита.

В бочке нельзя было плавать, нельзя было даже выпрямиться во весь рост. Ихтиандру пришлось скорчиться, чтобы окунуться. В этой бочке когда-то хранились запасы солонины. Вода быстро пропиталась этим запахом, и Ихтиандр чувствовал себя немногим лучше, чем в духоте трюма.

Над морем в это время дул свежий юго-восточный ветер, унося шхуну все дальше на север.

Зурита долго стоял на капитанском мостике и только под утро явился в каюту. Он предполагал, что жена его давно спит. Но она сидела на стуле возле узенького столика, поло-

жив голову на руки. При его входе Гуттиэре поднялась, и при слабом свете догоравшей лампы, привешенной к потолку, Зурита увидел ее побледневшее, нахмуренное лицо.

— Вы обманули меня, — глухо сказала она. Под гневным взглядом жены Зурита чувствовал себя не очень хорошо и, чтобы прикрыть невольное смущение, принял непринужденный вид, закрутил свои усы и шутливо ответил:

— Ихтиандр предпочел остаться на «Медузе», чтобы быть ближе к вам.

— Вы лжете! Вы мерзкий, гадкий человек. Я ненавижу вас! — Гуттиэре вдруг выхватила большой нож, висевший на стене, и замахнулась на Зурита.

— Ого! — проговорил Зурита. Он быстро схватил Гуттиэре за руку и сжал так сильно, что Гуттиэре выронила нож.

Зурита ногой вышвырнул нож из каюты, отпустил руку жены и сказал:

— Вот так-то лучше! Вы очень взволнованы. Выпейте стакан воды.

И он ушел из каюты, щелкнул ключом и поднялся на верхнюю палубу.

Восток уже розовел, а легкие облака, освещенные скрытым за горизонтом солнцем, казались пламенными языками. Утренний ветер, соленый и свежий, надувал паруса. Над морем летали чайки, зорко высматривавшие рыб, резвящихся на поверхности.

Уже взошло солнце. Зурита все еще ходил по палубе, заложив руки за спину.

— Ничего, справлюсь как-нибудь, — сказал он, думая о Гуттиэре.

Обратившись к матросам, он громко отдал команду убрать паруса. «Медуза», покачиваясь на волнах, стояла на якоре.

— Принесите мне цепь и приведите человека из трюма, — распорядился Зурита. Он хотел как можно скорее испытать Ихтиандра как ловца жемчуга. «Кстати, он освежится в море», — подумал он.

Конвоируемый двумя индейцами, появился Ихтиандр. Он выглядел утомленным. Ихтиандр осмотрелся по сторонам. Он стоял возле бизань-мачты. Всего несколько шагов отделяло его от борта. Вдруг Ихтиандр рванулся вперед, добежал до

борта и уже пригнулся для прыжка. Но в этот момент тяжелый кулак Зурита опустился ему на голову. Юноша упал на палубу без сознания.

— Не надо спешить, — нравоучительно сказал Зурита.

Послышался лязг железа, матрос подал Зурита длинную тонкую цепь, заканчивавшуюся железным обручем. Зурита опоясал этим обручем лежавшего без сознания юношу, замкнул пояс на замок и, обратившись к матросам, сказал:

— Теперь лейте ему на голову воду.

Вскоре юноша пришел в себя и с недоумением посмотрел на цепь, к которой был прикован.

— Так ты не сбежишь от меня, — пояснил Зурита. — Я опущу тебя в море. Ты будешь искать мне жемчужные раковины. Чем больше жемчуга ты найдешь, тем дольше ты будешь оставаться в море. Если же ты не станешь добывать мне жемчужные раковины, то я запру тебя в трюме, и ты будешь сидеть в бочке. Понял? Согласен?

Ихтиандр кивнул головой.

Он был готов добыть для Зурита все сокровища моря, только бы скорее погрузиться в чистую морскую воду.

Зурита, Ихтиандр на цепи и матросы подошли к борту шхуны. Каюта Гуттиэре находилась на другой стороне шхуны: Зурита не хотел, чтобы она видела Ихтиандра прикованным к цепи.

Ихтиандра спустили на цепи в море. Если бы можно было порвать эту цепь! Но она была очень прочна. Ихтиандр покорился своей участи. Он начал собирать жемчужные раковины и складывать их в висевший у него на боку большой мешок. Железный обруч давил бока и затруднял дыхание. И все же Ихтиандр чувствовал себя почти счастливым после душного трюма и вонючей бочки.

Матросы с борта корабля с изумлением смотрели на невиданное зрелище. Проходила минута за минутой, а человек, опущенный на дно моря, и не думал подниматься. Первое время на поверхность всплывали пузырьки воздуха, но скоро они прекратились.

— Пусть меня съест акула, если в его груди осталась хоть частица воздуха. Видно, он чувствует себя как рыба в воде, —

с удивлением говорил старый ловец, вглядываясь в воду. На морском дне ясно виден был юноша, ползающий на коленях.

— Может быть, это сам «морской дьявол»? — тихо проговорил матрос.

— Кто бы он ни был, капитан Зурита сделал хорошее приобретение, — отозвался штурман. — Один такой ловец может заменить десяток.

Солнце стояло близко к полудню, когда Ихтиандр дернул цепь, чтобы его подняли. Его сумка была полна раковинами. Нужно было опорожнить ее, чтобы продолжать лов.

Матросы быстро подняли на палубу необыкновенного ловца. Все хотели скорее узнать, каким был улов.

Обыкновенно жемчужные раковины оставляют на несколько дней, чтобы моллюски перегнили, — тогда легче вынимать жемчужины, но теперь нетерпение матросов и самого Зурита было велико. И все сразу принялись вскрывать раковины ножами.

Когда матросы окончили работу, все сразу шумно заговорили. На палубе царило необычайное возбуждение. Может быть, Ихтиандру посчастливилось найти хорошее место. Но то, что он добыл за один улов, превзошло все ожидания. Среди этих жемчужин десятка два было очень тяжеловесных, прекрасной формы и самых нежных цветов. Первый улов уже принес Зурита целое состояние. За одну крупную жемчужину можно было купить новую прекрасную шхуну. Зурита был на пути к богатству. Мечты его сбылись.

Зурита видел, как жадно смотрят матросы на жемчуг. Это ему не понравилось. Он поспешил пересыпать жемчужины в свою соломенную шляпу и сказал:

— Пора завтракать. А ты, Ихтиандр, хороший ловец. У меня есть одна свободная каюта. Я помещу тебя туда. Там тебе не будет душно. И я закажу тебе большой цинковый бак. Может быть, он тебе и не понадобится, так как ты каждый день будешь плавать в море. Правда, на цепочке, но что же делать? Иначе ты нырнешь к своим крабам и не вернешься.

Ихтиандру не хотелось разговаривать с Зурита. Но если он оказался пленником этого алчного человека, то надо подумать о сносном жилье.

— Бак лучше вонючей бочки, — сказал он Зурита, — но, чтобы я не задыхался, вам придется часто менять в нем воду.

— Как часто? — спросил Зурита.

— Через полчаса, — ответил Ихтиандр. — Еще лучше иметь все время проточную воду.

— Э, да ты, я вижу, уже загордился. Тебя похвалили, и ты уже начинаешь требовать, капризничать.

— Это не капризы, — обиделся юноша. — У меня... поймите же, если вы положите большую рыбу в ведро, она скоро уснет. Рыба дышит кислородом, находящимся в воде, а я... ведь очень большая рыба, — с улыбкой прибавил Ихтиандр.

— Насчет кислорода я не знаю, а что рыбы дохнут, если не менять воду, это я хорошо знаю. Пожалуй, ты и прав. Но ведь если приставить людей, которые все время будут накачивать помпами воду в твой бак, то это будет слишком дорого, дороже твоего жемчуга. Этак ты разоришь меня!

Ихтиандр не знал цены жемчуга, не знал и того, что Зурита платит ловцам и матросам гроши. Юноша поверил словам Зурита и воскликнул:

— Если вам невыгодно держать меня, то отпустите в море! — И Ихтиандр посмотрел на океан.

— Какой ты! — громко рассмеялся Зурита.

— Пожалуйста! Я буду добровольно приносить жемчужины. Я давно собрал вот такую кучу, — и Ихтиандр показал рукою от палубы до колен, — ровные, гладкие, зерно к зерну, и каждая величиною с боб... Я все отдам вам, только отпустите меня.

У Зурита захватило дыхание.

— Болтаешь! — возразил Зурита, стараясь говорить спокойно.

— Я еще никогда никому не лгал, — рассердился Ихтиандр.

— Где же находится твой клад? — спросил Зурита, уже не скрывая своего волнения.

— В подводной пещере. Никто, кроме Лидинга, не знает, где она.

— Лидинг! Кто это?

— Мой дельфин.

— Ах так!

«В самом деле, наваждение какое-то, — подумал Зурита. —

Если это правда, а надо думать, что он не лжет, — так ведь это же превосходит все, о чем я только могу помышлять. Я буду несметно богат. Ротшильды и Рокфеллеры будут бедняками по сравнению со мной. А юноше, кажется, можно поверить. Уж не отпустить ли его, в самом деле, под честное слово?»

Но Зурита был деловой человек. Он не привык кому-нибудь верить на слово. Он стал обдумывать, как лучше овладеть этим кладом Ихтиандра. «Если только Ихтиандра попросит Гуттиэре, то он не откажется и принесет клад».

— Возможно, что я выпущу тебя, — сказал Зурита, — но на некоторое время тебе придется остаться у меня. Да. У меня на это есть причины. Я думаю, ты сам не пожалеешь, что задержишься. А пока ты мой, хоть и невольный, гость, я хочу сделать так, чтобы тебе было удобно. Может быть, вместо бака, который будет слишком дорогим, тебя лучше поместить в большой железной клетке. Клетка предохранит тебя от акул, и в этой клетке тебя будут спускать за борт в воду.

— Да, но мне необходимо бывать и на воздухе.

— Ну что ж, мы иногда будем поднимать тебя. Это обойдется дешевле, чем накачивать воду в бак. Словом, все устроим, ты будешь доволен.

Зурита был в прекрасном настроении. Неслыханное дело: он распорядился выдать матросам к завтраку по стакану водки.

Ихтиандра снова отвели в трюм — бак еще не был готов. Зурита не без волнения открыл дверь капитанской каюты и, стоя в дверях, показал Гуттиэре шляпу, наполненную жемчугом.

— Я помню свои обещания, — начал он, улыбаясь, — жена любит жемчуг, любит подарки. Чтобы добыть много жемчуга, надо иметь хорошего ловца. Вот почему я пленил Ихтиандра. Посмотри, это улов одного утра.

Гуттиэре мельком взглянула на жемчужины. С большим трудом подавила она невольный возглас удивления. Однако Зурита заметил это и самодовольно рассмеялся.

— Ты будешь самой богатой женщиной Аргентины, а может быть, и всей Америки. У тебя будет все. Я построю тебе дворец, которому позавидуют короли. А сейчас в залог будущего прими от меня половину этого жемчуга.

— Нет! Мне не надо ни одной из этих жемчужин, добытых

преступлением, — резко ответила Гуттиэре. — И, пожалуйста, оставьте меня в покое.

Зурита был смущен и раздосадован. Такого приема он не ожидал.

— Еще только два слова. Не хотите ли вы, — для важности он перешел на «вы», — чтобы я отпустил Ихтиандра?

Гуттиэре недоверчиво посмотрела на Зурита, как бы стараясь угадать, какую новую хитрость он замышляет.

— Что же дальше? — холодно спросила она.

— Судьба Ихтиандра в ваших руках. Достаточно вам приказать Ихтиандру, чтобы он принес на «Медузу» жемчуг, который хранит где-то под водой, и я отпущу «морского дьявола» на все четыре стороны.

— Запомните хорошенько, что я скажу. Я не верю ни одному вашему слову. Вы получите жемчуг и снова посадите Ихтиандра на цепь. Это так же верно, как то, что я жена самого лживого и вероломного человека. Запомните это хорошенько и не пытайтесь никогда впутывать меня в ваши темные дела. И еще раз, — пожалуйста, оставьте меня в покое.

Больше говорить было не о чем, и Зурита вышел. У себя в каюте он пересыпал жемчуг в мешочек, бережно положил в сундук, запер его и вышел на палубу. Размолвка с женой мало огорчала его. Он видел себя богатым, окруженным почетом.

Он взошел на капитанский мостик, закурил сигару. Мысли о будущем богатстве приятно волновали его. Всегда зоркий, он на этот раз не заметил, как матросы, собравшись группами, тихо о чем-то переговариваются.

ПОКИНУТАЯ «МЕДУЗА»

Зурита стоял у борта, против фок-мачты. По знаку штурмана несколько матросов сразу набросились на Педро. Они не были вооружены, но зато их было много. Но одолеть Зурита оказалось не так-то легко. Сзади в спину Зурита вцепились два матроса. Зурита вырвался из толпы и, отбежав несколько шагов, изо всей силы опрокинулся назад, на край борта.

Со стоном выпустили матросы свою жертву и упали на палубу. Зурита выпрямился и начал отражать кулаками нападение новых врагов. Он никогда не расставался с револьвером,

однако атака была так неожиданна, что Зурита не успел вытащить револьвер из кобуры. Он медленно отступал к фок-мачте и вдруг с ловкостью обезьяны стал подниматься по вантам.

Матрос ухватил его за ногу, но Зурита свободной ногой ударил его по голове, и оглушенный матрос упал на палубу. Зурита успел подняться до марса и там уселся, отчаянно бранясь. Здесь он мог чувствовать себя в относительной безопасности. Он вынул револьвер и крикнул:

— Первому, кто осмелится подняться ко мне, я размозжу голову!

Матросы шумели внизу, обсуждая, как поступить дальше.

— В капитанской каюте есть ружья! — кричал штурман, стараясь перекричать других. — Идем взломаем дверь!

Несколько матросов направились к люку.

«Пропал, — думал Зурита, — подстрелят!»

Он взглянул на море, точно ища неожиданной помощи. И, не веря самому себе, Зурита увидел, что к «Медузе», разрезая гладь океана, с необычайной быстротой приближалась подводная лодка.

«Только бы она не погрузилась в воду, — думал Зурита. — На мостике стоят люди. Неужели они не заметят меня и пройдут мимо?»

— На помощь! Скорей! Убивают! — закричал Зурита изо всей силы.

На подводной лодке, очевидно, заметили его. Не убавляя хода, лодка продолжала идти прямо на «Медузу».

Из люка шхуны уже показались вооруженные матросы. Они высыпали на палубу и теперь нерешительно остановились. К «Медузе» приближалась подводная вооруженная лодка, — вероятно, военная. Нельзя же было убивать Зурита на глазах этих непрошеных свидетелей.

Зурита торжествовал. Но торжество его было недолгим. Бальтазар и Кристо стояли на мостике подводной лодки, а рядом высокий человек с хищным носом и глазами орла. С палубы лодки он громко крикнул:

— Педро Зурита! Вы должны немедленно выдать похищенного вами Ихтиандра! Даю вам пять минут, или я пущу вашу шхуну ко дну.

«Предатели! — подумал Зурита, с ненавистью глядя на

Кристо и Бальтазара. — Но лучше потерять Ихтиандра, чем собственную голову».

— Я сейчас приведу его, — сказал Зурита, слезая по вантам.

Матросы уже поняли, что надо спасаться. Они быстро спускали шлюпки, бросались в воду и плыли к берегу. Каждый из них заботился только о себе.

Зурита сбежал по трапу к себе в каюту, поспешно вынул мешочек с жемчугом, сунул его себе за рубашку, захватил ремни и платок. В следующую минуту он открыл дверь каюты, где находилась Гуттиэре, поднял ее на руки и вынес на палубу.

— Ихтиандр не совсем здоров. Вы найдете его в шлюпке, — сказал Зурита, не выпуская Гуттиэре. Подбежав к борту, он посадил ее в шлюпку, спустил шлюпку на воду и прыгнул в нее сам.

Теперь подводная лодка не могла преследовать шлюпку. Было слишком мелко. Но Гуттиэре уже увидела Бальтазара на палубе подводной лодки.

— Отец, спаси Ихтиандра! Он находится... — Но она не договорила. Зурита заткнул ей рот платком и торопился связать ремнем руки.

— Отпустите женщину! — крикнул Сальватор, видя эту расправу.

— Эта женщина — моя жена, и никто не вправе вмешиваться в мои дела! — крикнул в ответ Зурита, усиленно работая веслами.

— Никто не вправе так обращаться с женщиной! — раздраженно крикнул Сальватор. — Остановитесь, или я буду стрелять!

Но Зурита продолжал грести.

Сальватор выстрелил из револьвера. Пуля ударилась в борт шлюпки.

Зурита поднял Гуттиэре и, защищаясь ею, крикнул:

— Продолжайте!

Гуттиэре билась в его руках.

— Исключительный негодяй, — промолвил Сальватор, опустив револьвер.

Бальтазар бросился с мостика подводной лодки и пытался вплавь догнать шлюпку. Но Зурита был уже у берега. Он при-

налег на весла, и скоро волна выбросила шлюпку на песчаный берег. Педро схватил Гуттиэре и исчез в прибрежных камнях.

Видя, что Зурита не догнать, Бальтазар поплыл к шхуне и взобрался по якорной цепи на палубу. Он спустился по трапу и начал всюду искать Ихтиандра. Бальтазар обошел все судно, вплоть до трюма. На шхуне никого не осталось.

— Ихтиандра нет на шхуне! — крикнул Бальтазар Сальватору.

— Но он жив и должен быть где-то здесь! Гуттиэре сказала: «Ихтиандр находится...» Если бы этот разбойник не заткнул ей рот, мы бы знали, где его искать, — сказал Кристо.

Оглядывая поверхность моря, Кристо заметил, что из воды торчат верхушки мачт. Вероятно, здесь недавно затонул корабль. Не находится ли Ихтиандр на этом погибшем корабле?

— Быть может, Зурита отправил Ихтиандра искать сокровища затонувшего корабля? — сказал Кристо.

Бальтазар поднял цепь, лежавшую на палубе, с обручем на конце.

— Зурита, видимо, спускал Ихтиандра на этой цепи. Без цепи Ихтиандр уплыл бы. Нет, он не может находиться в потонувшем корабле.

— Да, — задумчиво сказал Сальватор. — Мы победили Зурита, но Ихтиандра мы не нашли.

ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Преследователи Зурита не знали о событиях, происшедших на «Медузе» в это утро.

Всю ночь сговаривались матросы, а к утру они приняли решение: при первом удобном случае напасть на Зурита, убить его и овладеть Ихтиандром и шхуной.

Рано утром Зурита стоял на капитанском мостике. Ветер утих, и «Медуза» медленно подвигалась вперед, делая не более трех узлов в час.

Зурита всматривался в какую-то точку на океане. В бинокль он разглядел радиомачты затонувшего корабля.

Вскоре Зурита заметил плававший на поверхности спасательный круг.

Зурита распорядился спустить шлюпку и выловить круг.

Когда круг подняли, Зурита прочитал на нем: «Мафальду».

— «Мафальду» утонул? — удивился Зурита. Он знал этот большой американский почтово-пассажирский пароход. На таком пароходе должно быть немало ценностей. «Что, если бы Ихтиандр добыл с затонувшего парохода эти ценности? Но хватит ли длины цепи? Вряд ли... Если же спустить Ихтиандра без цепи, он не вернется...»

Зурита задумался. Жадность и боязнь потерять Ихтиандра боролись в нем.

«Медуза» медленно приближалась к торчавшим из воды мачтам.

Матросы столпились у борта. Ветер утих совершенно. «Медуза» остановилась.

— Я одно время служил на «Мафальду», — сказал один из матросов. — Большой, хороший пароход. Целый город. А пассажиры — богатые американцы.

«Мафальду» затонул, очевидно не успев сообщить по радио о своей гибели, — размышлял Зурита. — Быть может, радиостанция оказалась поврежденной. Иначе из всех окрестных портов налетели бы быстроходные катера, глиссеры, яхты, а на них представители власти, корреспонденты, фотографы, кинооператоры, журналисты, подводники. Медлить нельзя. Придется рискнуть отпустить Ихтиандра без цепи. Другого выхода нет. Но как заставить его вернуться назад? И если рисковать, то не лучше ли послать Ихтиандра за выкупом — жемчужным кладом. Но так ли уж ценен этот жемчужный клад? Не преувеличивает ли Ихтиандр?»

Конечно, следует добыть и клад, и сокровища, погребенные на «Мафальду». Жемчужный клад не уйдет, его никто не найдет без Ихтиандра, только бы сам Ихтиандр оставался в руках Зурита. А через несколько дней, а может быть — и через несколько часов, сокровища «Мафальду» станут уже недоступными.

«Итак, сначала «Мафальду», — решился Зурита. Он приказал бросить якорь. Затем спустился в каюту, написал какую-то записку и с этим листком бумаги прошел в каюту Ихтиандра.

— Ты умеешь читать, Ихтиандр? Гуттиэре прислала тебе записку.

Ихтиандр быстро взял записку и прочитал:

«Ихтиандр! Выполни мою просьбу. Рядом с «Медузой» находится потонувший пароход. Опустись в море и принеси с этого корабля все, что найдешь ценного. Зурита отпустит тебя без цепи, но ты должен вернуться на «Медузу». Сделай это для меня, Ихтиандр, и ты скоро получишь свободу. Гуттиэре».

Ихтиандр никогда не получал писем от Гуттиэре и не знал ее почерка. Он очень обрадовался, получив это письмо, но тотчас задумался. Что, если это хитрость Зурита?

— Почему Гуттиэре не попросила сама? — спросил Ихтиандр, указывая на записку.

— Она не совсем здорова, — ответил Зурита, — но ты увидишь ее, как только вернешься.

— Зачем эти ценности Гуттиэре? — все еще недоверчиво спрóсил Ихтиандр.

— Если бы ты был настоящим человеком, ты не задавал бы таких вопросов. Какая женщина не хочет красиво одеваться, носить дорогие украшения? А для этого нужны деньги. Много денег лежит в затонувшем пароходе. Они теперь ничьи, — почему бы тебе не добыть их для Гуттиэре? Главное — надо разыскать золотые монеты. Там должны быть почтовые кожаные мешки. Кроме того, золотые вещи, кольца могли быть у пассажиров...

— Не думаете ли вы, что я еще стану обыскивать трупы? — с негодованием спросил Ихтиандр. — И вообще я не верю вам. Гуттиэре не жадная, она не могла послать меня на такое дело...

— Проклятие! — гневно воскликнул Зурита. Он видел, что его затея сорвется, если он сейчас же не сможет убедить Ихтиандра.

Тогда Зурита овладел собой, добродушно рассмеялся и сказал:

— Я вижу, тебя не обмануть. Приходится быть с тобой откровенным. Ну, так слушай. Не Гуттиэре хочет иметь золото с «Мафальду», а я. Этому ты поверишь?

Ихтиандр невольно улыбнулся:

— Вполне!

— Ну и отлично! Вот ты уже начинаешь мне верить, — значит, мы сговоримся. Да, золото нужно мне. И если его на «Мафальду» окажется столько, сколько стоит твой жемчуж-

ный клад, то я немедленно отпущу тебя в океан, как только ты принесешь мне золото. Но вот беда: ты не совсем доверяешь мне, а я тебе. Я опасаюсь, что, если тебя отпустить в воду без цепи, ты нырнешь и...

— Если я дам слово вернуться, я сдержу его.

— Я еще не имел случая убедиться в этом. Ты не любишь меня, и я не удивлюсь, если не сдержишь своего слова. Но ты любишь Гуттиэре, и ты исполнишь то, о чем она попросит тебя. Верно? Вот я и договорился с нею. Она, конечно, хочет, чтобы я отпустил тебя. Поэтому она написала письмо и дала мне его, желая облегчить тебе путь к свободе. Теперь все тебе понятно?

Все, что говорил Зурита, казалось Ихтиандру убедительным и правдоподобным. Но Ихтиандр не заметил, что Зурита обещает отпустить его на волю только тогда, когда увидит, что на «Мафальду» окажется столько золота, сколько стоит его жемчужный клад...

«Ведь чтобы сравнить их, — рассуждал Зурита сам с собой, — Ихтиандр должен будет — я потребую от него этого — принести свой жемчуг. А тогда в моих руках окажутся золото «Мафальду», жемчужный клад и Ихтиандр».

Но Ихтиандр не мог знать, что думал Зурита. Откровенность Зурита убедила его, и Ихтиандр, подумав, согласился.

Зурита вздохнул с облегчением.

«Он не обманет», — подумал он.

— Идем скорее!

Ихтиандр быстро поднялся на палубу и бросился в море.

Матросы увидели Ихтиандра прыгающим в море без цепи. Они сразу поняли, что Ихтиандр отправился за потонувшими сокровищами «Мафальду». Неужели Зурита один завладеет всеми богатствами «Мафальду»? Медлить было нельзя, и они набросились на Зурита.

В то время как команда преследовала Зурита, Ихтиандр принялся исследовать затонувший корабль.

Через огромный люк верхней палубы юноша проплыл вниз, над трапом, который напоминал лестницу большого дома, и попал в обширный коридор. Здесь было почти темно. Только слабый свет проникал сквозь раскрытые двери.

Ихтиандр вплыл в одну из этих раскрытых дверей и очу-

тился в салоне. Большие круглые иллюминаторы тускло освещали огромный зал, который мог вместить не одну сотню людей. Ихтиандр уселся на роскошную люстру и посмотрел вокруг. Это было странное зрелище. Деревянные стулья и небольшие столики всплыли вверх и покачивались у потолка. На небольшой эстраде стоял рояль с открытой крышкой. Мягкие ковры устилали пол. Лакированная обшивка стен из красного дерева кое-где покоробилась. У одной стены стояли пальмы.

Ихтиандр оттолкнулся от люстры и поплыл к пальмам. Вдруг он в изумлении остановился. Навстречу ему плыл какой-то человек, повторяя его движения. «Зеркало», — догадался Ихтиандр. Это огромное зеркало занимало всю стену, тускло отражая в воде внутреннее убранство салона.

Здесь нечего было искать сокровищ. Ихтиандр выплыл в коридор, спустился одной палубой ниже и вплыл в такое же роскошное и огромное, как салон, помещение, — очевидно, ресторан. На буфетных полках и стойках и возле стоек на полу валялись бутылки с вином, банки с консервами, коробки. Давлением воды многие пробки были вогнаны внутрь бутылок, а жестяные банки помяты. На столе оставалась сервировка, но часть посуды, серебряных вилок и ножей валялась на полу.

Ихтиандр стал пробираться в каюты.

Он побывал уже в нескольких каютах, обставленных по последнему слову американского комфорта, но не видел ни одного трупа. Только в одной из кают третьей палубы он увидел распухший труп, колыхавшийся у потолка.

«Вероятно, многие спаслись на шлюпках», — подумал Ихтиандр.

Но, опустившись еще ниже, на палубу, где помещались пассажиры третьего класса, юноша увидел ужасную картину: в этих каютах остались мужчины, женщины и дети. Тут были трупы белых, китайцев, негров, индейцев.

Команда парохода прежде всего стремилась спасти богатых пассажиров первого класса, бросив остальных на произвол судьбы. В некоторые каюты Ихтиандр не мог проникнуть. Двери были плотно забиты трупами. В панике люди давили друг друга, теснились у выхода, мешая друг другу и отрезая себе последний путь к спасению.

В длинном коридоре медленно колыхались люди. Вода

проникла в открытые иллюминаторы и раскачивала распухшие трупы. Ихтиандру стало страшно, и он поспешил уплыть из этого подводного кладбища.

«Неужели Гуттиэре не знала, куда посылает меня?» — размышлял Ихтиандр. Неужели она могла заставить его, Ихтиандра, выворачивать карманы утопленников и вскрывать чемоданы? Нет, этого она не могла сделать! Очевидно, он опять попал в ловушку Зурита. «Я выплыву на поверхность, — решил Ихтиандр, — и потребую, чтобы Гуттиэре вышла на палубу и сама подтвердила просьбу».

Как рыба, скользил юноша по бесконечным переходам от палубы к палубе и быстро поднялся на поверхность.

Он быстро приближался к «Медузе».

— Зурита! — позвал он. — Гуттиэре!

Но ему никто не отвечал. Безмолвная «Медуза» покачивалась на волнах.

«Куда они все делись? — подумал юноша. — Что еще замышляет Зурита?» Ихтиандр осторожно подплыл к шхуне и взобрался на палубу.

— Гуттиэре! — крикнул он еще раз.

— Мы здесь! — услышал юноша голос Зурита, еле доносившийся с берега. Ихтиандр оглянулся и увидел Зурита, осторожно выглядывавшего из кустов на берегу.

— Гуттиэре заболела! Плыви сюда, Ихтиандр! — кричал Зурита.

Гуттиэре больна! Он сейчас увидит ее. Ихтиандр прыгнул в воду и быстро поплыл к берегу.

Юноша уже вышел из воды, когда услышал заглушенный голос Гуттиэре:

— Зурита лжет! Спасайся, Ихтиандр!

Юноша быстро повернул назад и поплыл под водой. Когда он уплыл далеко от берега, он поднялся на поверхность и оглянулся. Он увидел: на берегу мелькнуло что-то белое.

Быть может, Гуттиэре приветствовала его спасение. Увидится ли он когда-нибудь с нею?..

Ихтиандр быстро поплыл в открытое море. Вдали виднелось небольшое судно. Окруженное пеной, судно направлялось на юг, взрывая воду острым носом.

«Подальше от людей», — подумал Ихтиандр и, глубоко нырнув, скрылся под водой.

НОВОЯВЛЕННЫЙ ОТЕЦ

Бальтазар после неудачного путешествия на подводной лодке находился в самом мрачном настроении. Ихтиандра не нашли, Зурита куда-то пропал вместе с Гуттиэре.

— Проклятые белые! — ворчал старик, сидя одиноко в своей лавке. — Они прогнали нас с нашей земли и обратили в своих рабов. Они калечат наших детей и похищают наших дочерей. Они хотят истребить нас всех до последнего.

— Здравствуй, брат! — услышал Бальтазар голос Кристо. — Новость! Большая новость! Ихтиандр нашелся.

— Что?! — Бальтазар быстро поднялся. — Говори скорее!

— Скажу, только ты меня не перебивай, а то я забуду, что хотел сказать. Нашелся Ихтиандр. Я верно тогда сказал: он был на потонувшем корабле. Мы отплыли дальше, а он выплыл и поплыл домой.

— Где же он? У Сальватора?

— Да, у Сальватора.

— Я пойду к нему, к Сальватору, и потребую, чтобы он вернул мне моего сына...

— Не отдаст! — возразил Кристо. — Сальватор запрещает Ихтиандру плавать в океане. Иногда я потихоньку отпускаю его...

— Отдаст! Если не отдаст, я убью Сальватора. Идем сейчас же.

Кристо испуганно замахал руками.

— Подожди хоть до завтра. Я еле отпросился у Сальватора навестить свою «внучку». Сальватор стал такой подозрительный. Смотрит в глаза, как ножом режет. Прошу тебя, подожди до завтра.

— Хорошо. Я приду к Сальватору завтра. А сейчас я пойду туда, к заливу. Может быть, хоть издали увижу в море моего сына.

Всю ночь Бальтазар просидел на скале у залива, всматриваясь в волны. Море было бурное. Холодный южный ветер налетал шквалами, срывая пену с верхушек волн и разбрасывая ее по прибрежным утесам. На берегу грохотал прибой. Луна, ныряя в быстро несущихся по небу облаках, то освещала волны, то скрывалась. Как ни старался Бальтазар, он ничего не мог разглядеть в пенящемся океане. Уже наступил рассвет,

а Бальтазар все еще сидел неподвижно на прибрежном утесе. Из темного океан сделался серым, но он был так же пустынен и безлюден.

И вдруг Бальтазар встрепенулся. Его зоркие глаза заметили какой-то темный, качающийся на волнах предмет. Человек! Быть может, утопленник! Нет, он спокойно лежит на спине, заложив руки за голову. Неужели он?

Бальтазар не ошибся. Это был Ихтиандр.

Бальтазар поднялся и, прижав руки к груди, закричал:

— Ихтиандр! Сын мой! — И старик, подняв руки, бросился в море.

Упав со скалы, он глубоко нырнул. А когда выплыл, на поверхности никого не было. Отчаянно борясь с волнами, Бальтазар нырнул еще раз, но огромная волна подхватила его, перевернула, выбросила на берег и откатилась с глухим ворчаньем.

Весь мокрый, Бальтазар встал, посмотрел на волны и тяжело вздохнул.

— Неужели мне почудилось?

Когда ветер и взошедшее солнце высушили одежду Бальтазара, он отправился к стене, охранявшей владения Сальватора, и постучал в железные ворота.

— Кто там? — спросил негр, заглядывая через приоткрытый волчок.

— К доктору, по важному делу.

— Доктор никого не принимает, — ответил негр, и окошечко закрылось.

Бальтазар продолжал стучать, кричать, но никто не открывал ему ворот. За стеной слышался только угрожающий лай собак.

— Подожди, проклятый испанец! — погрозил Бальтазар и отправился в город.

Недалеко от здания суда находилась пулькерия[1] «Пальма» — приземистое старинное белое здание с толстыми каменными стенами. Перед входом была устроена небольшая веранда, крытая полосатым тентом, уставленная столиками, кактусами в синих эмалевых вазах. Веранда оживала только вечером. Днем публика предпочитала сидеть в прохладных

[1] Пулькерия — трактир. (*Прим. автора.*)

низеньких комнатах. Пулькерия была как бы отделением суда. Сюда во время судебных заседаний являлись истцы, ответчики, свидетели, обвиняемые, еще не взятые под стражу.

Здесь, попивая вино и пульке, они предпочитали коротать нудные часы, пока не наступала их очередь. Шустрый мальчишка, все время курсирующий меж зданием суда и «Пальмой», сообщал о том, что делается в суде. Это было удобно. Сюда же стекались темные ходатаи по делам и лжесвидетели, откровенно предлагавшие свои услуги.

Много раз бывал Бальтазар в «Пальме» по делам своей лавки. Он знал, что здесь можно встретить нужного человека, написать прошение. Поэтому Бальтазар направился сюда.

Он быстро прошел веранду, вошел в прохладный вестибюль, с удовольствием вдохнул холодок, отер пот со лба и спросил вертевшегося возле него мальчишку:

— Ларра пришел?

— Дон Флорес де Ларра пришли, сидят на своем месте, — бойко отвечал мальчик.

Тот, кого называли громким именем дон Флорес де Ларра, был когда-то мелким судебным служащим, — его выгнали за взятки. Теперь он имел много клиентов: все, у кого были сомнительные дела, охотно обращались к этому великому крючкотвору. Имел с ним дело и Бальтазар.

Ларра сидел за столиком возле готического окна с широким подоконником. На столе перед ходатаем стояла кружка с вином и лежал пухлый рыжий портфель. Всегда готовое к работе вечное перо было прицеплено к карману потертого костюма оливкового цвета. Ларра был толстый, лысый, краснощекий, красноносый, бритый и гордый. Влетавший в окно ветерок поднимал остатки седых волос. Сам председатель суда не мог принимать своих клиентов с большим величием.

Увидев Бальтазара, он небрежно кивнул головой, жестом указал на плетеное кресло против себя и сказал:

— Прошу вас, садитесь. С чем пожаловали? Не хотите ли вина? пульке?

Обычно заказывал он, но платил клиент. Бальтазар, казалось, не слышал, он продолжал:

— Большое дело. Важное дело, Ларра.

— Дон Флорес де Ларра, — поправил ходатай, отпивая из кружки.

Но Бальтазар не обратил внимания на эту поправку.

— В чем заключается ваше дело?

— Ты знаешь, Ларра...

— Дон Флорес де...

— Оставь эти фокусы для новичков! — сердито прикрикнул Бальтазар. — Тут серьезное дело.

— Ну, так говори скорее, что ли, — уже другим тоном ответил Ларра.

— Ты знаешь «морского дьявола»?

— Не имел чести быть лично знаком, но много слышал, — снова, по привычке важно, ответил Ларра.

— Так вот! Тот, кого зовут «морской дьявол», — мой сын, Ихтиандр.

— Не может этого быть! — воскликнул Ларра. — Ты выпил лишнего, Бальтазар.

Индеец стукнул кулаком по столу.

— У меня со вчерашнего дня во рту ничего не было, кроме нескольких глотков морской воды.

— Значит, положение еще хуже...

— С ума сошел? Нет, я в полном уме. Молчи и слушай.

И Бальтазар рассказал Ларра всю историю. Ларра слушал индейца, не проронив ни слова. Его седые брови поднимались все выше. Наконец он не выдержал, забыл все свое олимпийское величие, хлопнул жирной ладонью по столу и крикнул:

— Миллион чертей!

Подбежал мальчик в белом фартуке и с грязной салфеткой.

— Чего прикажете?

— Две бутылки сотерна со льдом! — И, обратясь к Бальтазару, Ларра сказал: — Великолепно! Прекрасное дельце! Неужто ты сам все придумал? Хотя, признаться откровенно, самое слабое место во всем этом — твое отцовство.

— Ты сомневаешься? — Бальтазар даже покраснел от гнева.

— Ну, ну, не сердись, старина. Я ведь говорю только как юрист; с точки зрения вескости судебных доказательств они слабоваты. Но и это дело можно поправить. Да. И нажить большие деньги.

— Мне нужен сын, а не деньги, — возразил Бальтазар.

— Деньги всем нужны, а в особенности тем, у кого прибавление семейства, как у тебя, — поучительно сказал Ларра и, хитро прищурившись, продолжал: — Самое же ценное и самое надежное во всем деле Сальватора это то, что нам удалось узнать, какими опытами и операциями он занимался. Тут можно такие мины подвести, что из этого золотого мешка — Сальватора — пезеты посыплются, как перезревшие апельсины с дерева в хорошую бурю.

Бальтазар едва притронулся к стакану вина, налитого Ларра, и сказал:

— Я хочу получить своего сына. Ты должен написать об этом заявление в суд.

— Ни-ни! Ни в коем случае! — почти с испугом возразил Ларра. — С этого начинать — испортить все дело. Этим только кончать надо.

— Что же ты посоветуешь? — спросил Бальтазар.

— Первое, — Ларра загнул толстый палец, — мы пошлем Сальватору письмо, составленное в самых изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нам известны все его незаконные операции и опыты. И если он хочет, чтобы мы не предавали этого дела огласке, то должен уплатить нам кругленькую сумму. Сто тысяч. Да, сто тысяч — это самое меньшее.

Ларра вопросительно посмотрел на Бальтазара. Тот хмурился и молчал.

— Второе, — продолжал Ларра. — Когда мы получим указанную сумму, — а мы ее получим, — мы пошлем профессору Сальватору второе письмо, составленное в еще более изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нашелся настоящий отец Ихтиандра и что у нас имеются бесспорные доказательства. Мы напишем ему, что отец желает получить сына и не остановится перед судебным иском, на котором может раскрыться, как Сальватор изуродовал Ихтиандра. Если же Сальватор хочет предупредить иск и оставить у себя ребенка, то должен уплатить указанным нами лицам в указанном месте и в указанное время миллион долларов.

Но Бальтазар не слушал. Он схватил бутылку и хотел было запустить ее в голову ходатая. Ларра никогда еще не видал Бальтазара в таком сильном гневе.

— Не сердись. Оставь, я пошутил. Опусти же бутылку! — воскликнул Ларра, прикрывая рукою лоснящийся череп.

— Ты!.. Ты!.. — кричал взбешенный Бальтазар. — Ты предлагаешь мне продать родного сына, отказаться от Ихтиандра. Или у тебя нет сердца? Или ты не человек, а скорпион, тарантул, или тебе совершенно неизвестны отцовские чувства!

— Пять! Пять! Пять! — закричал Ларра, в свою очередь рассердившись. — Пять отцовских чувств! Пять сыновей имею! Пять дьяволят всякого размера! Пять ртов! Знаю, понимаю, чувствую! Не уйдет и твой от тебя. Наберись только терпения и дослушай до конца.

Бальтазар успокоился. Он поставил бутылку на стол, опустил голову и посмотрел на Ларра.

— Ну, говори!

— То-то! Сальватор уплатит нам миллион. Это будет приданое твоему Ихтиандру. Ну, и мне кое-что перепадет. За хлопоты и авторское право на изобретение — какую-нибудь сотню тысяч. Мы с тобой столкуемся. Сальватор миллион уплатит. Ручаюсь головой. А как только уплатит...

— Мы подадим в суд.

— Еще немножечко терпения. Мы предложим издателям и редакторам самого крупного газетного концерна уплатить нам, ну, скажем, тысяч двадцать-тридцать — пригодится на мелкие расходы — за наше сообщение о сенсационнейшем преступлении. Может быть, нам достанется кое-что из секретных сумм тайной полиции. Ведь на таком деле агенты полиции карьеру себе смогут сделать. Когда мы выжмем из дела Сальватора все, что только можно, тогда, пожалуйста, иди в суд, взывай там о своих отцовских чувствах, и да поможет тебе сама Фемида[1] доказать твои права и получить в отеческие объятия твоего любезного сына.

Ларра залпом выпил стакан вина, стукнул бокалом о стол, победоносно посмотрел на Бальтазара.

— Что скажешь?

— Я не ем, не сплю ночей. А ты предлагаешь без конца тянуть дело, — начал Бальтазар.

— Да ведь ради чего?.. — прервал его горячо Ларра. — Ради

[1]Фемида — богиня порядка, справедливости, правосудия у древних греков. (*Прим. автора.*)

чего? Ради миллионов! Мил-ли-онов! Неужели ты перестал понимать? Прожил же ты двадцать лет без Ихтиандра.

— Жил. А теперь... Одним словом, пиши заявление в суд.

— Он в самом деле перестал соображать! — воскликнул Ларра.— Опомнись, очнись, образумься, Бальтазар! Пойми! Миллионы! Деньги! Золото! Можно купить все на свете. Лучший табак, автомобиль, двадцать шхун, вот эту пулькерию...

— Пиши прошение в суд, или я обращусь к другому ходатаю, — решительно заявил Бальтазар.

Ларра понял, что возражать дальше бесполезно. Он покачал головой, вздохнул, вынул из рыжего портфеля бумагу, сорвал с бокового кармана вечное перо.

Через несколько минут жалоба в суд на Сальватора, незаконно присвоившего и изуродовавшего сына Бальтазара, была написана.

— В последний раз говорю: одумайся, — сказал Ларра.

— Давай, — протягивая руку за жалобой, сказал индеец.

— Подай главному прокурору. Знаешь? — напутствовал клиента Ларра и проворчал под нос: «Чтоб тебе на лестнице споткнуться и ногу сломать!»

Выходя от прокурора, Бальтазар столкнулся на большой белой лестнице с Зурита.

— Ты чего сюда ходишь? — спросил Зурита, подозрительно глядя на индейца. — Уж не на меня ли жаловался?

— На всех вас надо жаловаться, — ответил Бальтазар, имея в виду испанцев, — да некому. Где ты прячешь мою дочь?

— Как смеешь ты обращаться ко мне на «ты»?! — вспыхнул Зурита. — Если бы ты не был отцом моей жены, я избил бы тебя палкой.

Зурита, грубо отстранив рукой Бальтазара, поднялся по лестнице и скрылся за большой дубовой дверью.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС

Прокурора Буэнос-Айреса посетил редкий гость — настоятель местного кафедрального собора, епископ Хуан де Гарсилассо.

Прокурор, толстый, маленький, живой человек с заплывшими глазками, коротко остриженными волосами и краше-

ными усами, поднялся со своего кресла, приветствуя епископа. Хозяин бережно усадил дорогого гостя в тяжелое кожаное кресло против своего письменного стола.

Епископ и прокурор мало походили друг на друга. Лицо прокурора было мясистое и красное, с толстыми губами и широким, грушеобразным носом. Пальцы рук напоминали толстые короткие обрубки, а пуговицы на круглом животе ежеминутно готовы были оторваться, не будучи в силах сдержать колышущуюся стихию жира.

Лицо епископа поражало своей худобой и бледностью. Сухой нос с горбинкой, острый подбородок и тонкие, почти синие губы придавали ему типичный облик иезуита. Епископ никогда не смотрел в глаза своему собеседнику, но тем не менее он зорко наблюдал за ним. Влияние епископа было огромно, и он охотно отрывался от духовных дел, чтобы управлять сложной политической игрой. Поздоровавшись с хозяином, епископ не замедлил перейти к цели своего визита.

— Я бы хотел узнать, — тихо спросил епископ, — в каком положении находится дело профессора Сальватора?

— А, и вы, ваше преосвященство, заинтересованы этим делом! — любезно воскликнул прокурор. — Да, это исключительный процесс! — Взяв со стола толстую папку и переворачивая листы дела, прокурор продолжал: — По доносу Педро Зурита мы произвели обыск у профессора Сальватора. Заявление Зурита о том, что Сальватор производил необычайные операции на животных, подтвердилось вполне. В садах Сальватора была настоящая фабрика животных-уродов. Это что-то изумительное! Сальватор, например...

— О результатах обыска я знаю из газет, — мягко перебил епископ. — Какие меры вы приняли в отношении самого Сальватора? Он арестован?

— Да, он арестован. Кроме того, мы перевезли в город, в качестве вещественного доказательства и свидетеля обвинения, молодого человека по имени Ихтиандр — он же «морской дьявол». Кто бы мог подумать, что знаменитый «морской дьявол», который так долго занимал нас, оказался одним из чудовищ зверинца Сальватора! Сейчас эксперты, профессора университета занимаются изучением всех этих чудовищ. Мы не могли, конечно, перевезти весь зверинец, все эти жи-

вые вещественные доказательства, в город. Но Ихтиандра привезли и поместили в подвале здания суда. Он причиняет нам немало хлопот. Представьте, ему пришлось соорудить большой бак, так как он не может жить без воды. И он действительно чувствовал себя очень плохо. Очевидно, Сальватор произвел какие-то необычайные изменения в его организме, превратившие юношу в человека-амфибию. Наши ученые выясняют этот вопрос.

— Меня больше интересует судьба Сальватора, — так же тихо проговорил епископ. — По какой статье он подлежит ответственности? И каково ваше мнение: будет ли он осужден?

— Дело Сальватора — редкий юридический казус, — ответил прокурор. — Признаюсь, я еще не решил, к какой статье отнести это преступление. Проще всего, конечно, было бы обвинить Сальватора в производстве незаконных вивисекций и в увечье, которое он причинил этому юноше...

Епископ начал хмуриться.

— Вы полагаете, что во всех этих действиях Сальватора нет состава преступления?

— Есть или будет, но какой? — продолжал прокурор. — Мне было подано еще одно заявление — от какого-то индейца Бальтазара. Он утверждает, что Ихтиандр его сын. Доказательства слабоваты, но мы, пожалуй, сумеем использовать этого индейца как свидетеля обвинения, если эксперты установят, что Ихтиандр действительно его сын.

— Значит, в лучшем случае Сальватор будет обвинен только в нарушении медицинского устава и судить его будут лишь за производство операции над ребенком без разрешения родителя?

— И, может быть, за причинение увечья. Это уже посерьезнее. Но в этом деле есть еще одно осложняющее обстоятельство. Эксперты, — правда, это не окончательное их суждение, — склоняются к тому, что нормальному человеку не могла даже явиться мысль так уродовать животных и совершить такую необычайную операцию. Сальватор может быть признан экспертами невменяемым, как душевнобольной.

Епископ сидел молча, сжав свои тонкие губы и глядя на угол стола. Потом он сказал совсем тихо:

— Я не ожидал от вас этого.

— Чего, ваше преосвященство? — спросил озадаченный прокурор.

— Даже вы, блюститель правосудия, как бы оправдываете действия Сальватора, находя его операции не лишенными целесообразности.

— Но что же здесь плохого?

— И затрудняетесь определить состав преступления. Суд церкви — небесный суд — смотрит на действия Сальватора иначе. Позвольте же прийти вам на помощь и подать совет.

— Прошу вас, — смущенно произнес прокурор.

Епископ заговорил тихо, постепенно повышая голос, как проповедник, как обличитель.

— Вы говорите, что поступки Сальватора не лишены целесообразности? Вы считаете, что изуродованные им животные и человек получили даже некоторые преимущества, которых они не имели? Что это значит? Неужели творец создал людей несовершенно? Неужели нужно какое-то вмешательство профессора Сальватора, чтобы придать человеческому телу совершенный вид?

Потупясь и не двигаясь сидел прокурор. Пред лицом церкви он сам оказался в положении обвиняемого. Он никак не ожидал этого.

— Разве вы забыли, что сказано в Священном Писании, в книге Бытия, глава первая, стих двадцать шестой: «И сказал бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему», и далее стих двадцать седьмой: «И сотворил бог человека по образу своему». А Сальватор дерзает исказить этот образ и подобие, и вы — даже вы! — находите это целесообразным!

— Простите, святой отец... — мог только проговорить прокурор.

— Не нашел ли господь свое творение прекрасным, — вдохновенно говорил епископ, — законченным? Вы хорошо помните статьи законов человеческих, но забываете статьи законов божеских. Вспомните же стих тридцать первый той же главы первой Бытия: «И увидел бог все, что он создал, и вот хорошо весьма». А ваш Сальватор полагает, что нужно что-то исправлять, переделывать, уродовать, что люди должны быть земноводными существами, — и вы тоже находите все это остроумным и целесообразным. Разве это не хула бога? Не свято-

татство? Не кощунство? Или гражданские законы уже не карают у нас религиозных преступлений? Что будет, если вслед за вами все станут повторять: «Да, человек плохо сотворен богом. Надо отдать человека в переделку доктору Сальватору»? Разве это не чудовищный подрыв религии?.. Бог находил все, что создал, хорошим — все свои творения. А Сальватор начинает переставлять животным головы, менять шкуры, создавать воистину богомерзкие чудовища, словно издеваясь над создателем. И вы затрудняетесь найти в действиях Сальватора состав преступления!

Епископ остановился. Он остался доволен впечатлением, которое произвела его речь на прокурора, помолчал и снова заговорил тихо, постепенно повышая голос:

— Я сказал, что меня больше интересует судьба Сальватора. Но разве я могу безразлично отнестись к судьбе Ихтиандра? Ведь это существо не имеет даже христианского имени, ибо Ихтиандр по-гречески значит не что иное, как «человек-рыба». Даже если Ихтиандр сам не виновен, если он является только жертвой, то он все же является богопротивным, кощунственным созданием. Самим своим существованием он может смущать мысли, наводить на грешные размышления, искушать единых от малых сил, колебать слабоверных. Ихтиандр не должен существовать! Лучше всего, если бы господь призвал его к себе, если бы этот несчастный юноша умер от несовершенства своей изуродованной природы, — епископ многозначительно посмотрел на прокурора. — Во всяком случае, он должен быть обвинен, изъят, лишен свободы. Ведь за ним тоже водились кое-какие преступления: он похищал у рыбаков рыбу, портил их сети и в конце концов так напугал их, что, помните, рыбаки бросили лов и город оставался без рыбы. Безбожник Сальватор и омерзительное детище его рук — Ихтиандр — дерзкий вызов церкви, богу, небу! И церковь не сложит оружия, пока они не будут уничтожены.

Епископ продолжал свою обличительную речь. Прокурор сидел перед ним подавленный, опустив голову, не пытаясь прервать этот поток грозных слов.

Когда наконец епископ окончил, прокурор поднялся, подошел к епископу и сказал глухим голосом:

— Как христианин, грех мой я принесу в исповедальню,

чтобы вы отпустили его. А как должностное лицо, я приношу вам благодарность за ту помощь, которую вы оказали мне. Теперь мне ясно преступление Сальватора. Он будет обвинен и понесет наказание. Ихтиандра также не минет меч правосудия.

ГЕНИАЛЬНЫЙ БЕЗУМЕЦ

Доктора Сальватора не сломил судебный процесс. В тюрьме он оставался спокойным, держался самоуверенно, со следователем и экспертами говорил с высокомерной снисходительностью, как взрослый с детьми.

Его натура не переносила бездействия. Он много писал, произвел несколько блестящих операций в тюремной больнице. В числе его тюремных пациентов была жена тюремного смотрителя. Злокачественная опухоль угрожала ей смертью. Сальватор спас ей жизнь в тот самый момент, когда приглашенные для консультации врачи отказались помочь, заявив, что здесь медицина бессильна.

Настал день суда.

Огромный судебный зал не мог вместить всех желающих присутствовать на суде. Публика толпилась в коридорах, заполняла площадь перед зданием суда, заглядывала в открытые окна. Много любопытных забралось на деревья, растущие возле здания суда.

Сальватор спокойно занял свое место на скамье подсудимых. Он вел себя с таким достоинством, что посторонним могло показаться, будто он не обвиняемый, а судья. От защитника Сальватор отказался.

Сотни жадных глаз смотрели на него. Но мало кто мог выдержать пристальный взгляд Сальватора.

Ихтиандр возбуждал не меньший интерес, но его не было в зале. Последние дни Ихтиандр чувствовал себя плохо и почти все время проводил в водяном баке, скрываясь от надоедливых любопытных глаз. В процессе Сальватора Ихтиандр был только свидетелем обвинения — скорее, одним из вещественных доказательств, как выражался прокурор.

Дело по обвинению самого Ихтиандра в преступной деятельности должно было слушаться отдельно, после процесса Сальватора.

Прокурору пришлось так поступить потому, что епископ торопил с делом Сальватора, собирание же улик против Ихтиандра требовало времени. Агенты прокурора деятельно, но осторожно вербовали в пулькерии «Пальма» свидетелей будущего процесса, в котором Ихтиандр должен был выступить обвиняемым. Однако епископ не переставал намекать прокурору, что наилучшим выходом было бы, если бы господь прибрал неудачника Ихтиандра. Такая смерть была бы лучшим доказательством того, что рука человека способна только портить божие создание.

Три ученых эксперта, профессора университета, прочли свое заключение. С огромным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова, слушала аудитория суда мнение ученых.

— По требованию суда, — начал свою речь уже немолодой профессор Шейн, главный эксперт суда, — мы осмотрели животных и юношу Ихтиандра, подвергшихся операциям, произведенным профессором Сальватором в его лабораториях. Мы обследовали его небольшие, но умело оборудованные лаборатории и операционные. Профессор Сальватор применял в своих операциях не только последние усовершенствования хирургической техники вроде электрических ножей, обеззараживающих ультрафиолетовых лучей и тому подобного, но и такие инструменты, которые еще не известны хирургам. По-видимому, они были изготовлены по его указаниям. Я не буду долго останавливаться на опытах профессора Сальватора над животными. Эти опыты сводились к чрезвычайно дерзким по замыслу и блестящим по выполнению операциям: к пересадке тканей и целых органов, сшиванию двух животных, к превращению двудышащих в однодышащих и обратно, превращению самок в самцов, к новым методам омоложения. В садах Сальватора мы нашли детей и подростков в возрасте от нескольких месяцев до четырнадцати лет, принадлежащих к различным индейским племенам.

— В каком состоянии вы нашли детей? — спросил прокурор.

— Все дети здоровы и жизнерадостны. Они резвятся в саду и затевают игры. Многих из них Сальватор спас от смерти. Индейцы верили ему и приводили детей из самых отдаленных

мест — от Аляски до Огненной Земли: эскимосы, яганы, апачи, таулипанги, санапаны, ботокуды, пано, арауканцы.

В зале послышался чей-то вздох.

— Все эти племена несли своих детей к Сальватору.

Прокурор начинал беспокоиться. После беседы с епископом, когда его мысли получили новое направление, он не мог слушать спокойно эти похвалы Сальватору и спросил у эксперта:

— Не думаете ли вы, что операции Сальватора были полезны и целесообразны?

Но председатель суда, седой старик с суровым лицом, опасаясь того, что эксперт ответит утвердительно, поспешил вмешаться:

— Суду не интересны личные взгляды эксперта на научные вопросы. Прошу продолжать. Что дал осмотр юноши Ихтиандра из племени араукана?

— Его тело было покрыто искусственной чешуей, — продолжал эксперт, — из какого-то неизвестного, гибкого, но крайне прочного вещества. Анализ этого вещества еще не закончен. В воде Ихтиандр пользовался иногда очками с особыми стеклами из тяжелого флинтгласа, показатель преломления которых равен почти двум. Это давало ему возможность хорошо видеть под водой. Когда мы сняли с Ихтиандра его чешую, то обнаружили под обеими лопатками круглые отверстия десяти сантиметров в диаметре, закрытые пятью тонкими полосками, похожими на жабры акулы.

В зале послышался заглушенный возглас удивления.

— Да, — продолжал эксперт, — это кажется невероятным, но Ихтиандр обладает легкими человека и в то же время жабрами акулы. Поэтому он может жить на земле и под водой.

— Человек-амфибия? — иронически спросил прокурор.

— Да, в некотором роде человек-амфибия — двудышащее земноводное.

— Но каким образом у Ихтиандра могли оказаться жабры акулы? — спросил председатель.

Эксперт широко развел руками и ответил:

— Это загадка, которую, быть может, пожелает нам разъяснить сам профессор Сальватор. Наше мнение было таково: по биологическому закону Геккеля каждое живое существо в

своем развитии повторяет все те формы, которые прошел данный вид живого существа в течение вековой жизни вида на земле. Можно с уверенностью сказать, что человек произошел от предков, в свое время дышавших жабрами.

Прокурор приподнялся на стуле, но председатель остановил его жестом.

— На двадцатый день развития у человеческого зародыша обозначаются четыре лежащие друг за другом жаберные складочки. Но позже у человеческого зародыша жаберный аппарат преобразуется: первая жаберная дуга превращается в слуховой проход со слуховыми косточками и в евстахиеву трубу; нижняя часть жаберной дуги развивается в нижнюю челюсть; вторая дуга — в отростки и тело подъязычной кости, третья дуга — в щитовидный хрящ гортани. Мы не думаем, что профессору Сальватору удалось задержать развитие Ихтиандра в его зародышевой стадии. Науке, правда, известны случаи, когда даже у совершенно взрослого человека остается незаросшее жаберное отверстие на шее, под челюстью. Это так называемые шейные фистулы. Но с такими остатками жабр, конечно, нельзя жить под водой. При ненормальном развитии зародыша должно было получиться одно из двух: или продолжали бы развиваться жабры, но за счет развития органа слуха и других анатомических изменений. Но тогда Ихтиандр превратился бы в чудовище с недоразвитой головой полурыбы-получеловека, или победило бы нормальное развитие человека, но за счет уничтожения жабр. Но Ихтиандр — нормально развитый человек, с хорошим слухом, вполне развитой нижней челюстью и нормальными легкими, но, кроме того, у него есть вполне сформированные жабры. Как именно функционируют жабры и легкие, в каком взаимоотношении они находятся друг с другом, проходит ли вода через рот и легкие в жабры, или же вода проникает в жабры через небольшое отверстие, которое мы обнаружили на теле Ихтиандра повыше круглого жаберного отверстия, — мы не знаем. Мы могли бы ответить на эти вопросы, если бы произвели анатомическое вскрытие. Это, повторяю, загадка, ответ на которую должен дать сам профессор Сальватор. Профессор Сальватор должен разъяснить нам, как появились собаки, похожие на ягуаров,

странные, необычайные животные и земноводные обезьяны — эти двойники Ихтиандра.

— Какое же ваше общее заключение? — спросил председатель эксперта.

Профессор Шейн, сам пользовавшийся большой известностью как ученый и хирург, откровенно ответил:

— Признаюсь, в этом деле я ничего не понимаю. Я могу лишь сказать, что то, что делал профессор Сальватор, под силу только гению. Сальватор, очевидно, решил, что в своем искусстве хирурга дошел до такого совершенства, что может разбирать, складывать и приспособлять тело животного и человека по своему желанию. И хотя он на деле блестяще осуществлял это, тем не менее его смелость и широта замыслов граничат с... безумием.

Сальватор презрительно усмехнулся.

Он не знал, что эксперты решили облегчить его участь и поднять вопрос о его невменяемости, чтобы иметь возможность заменить тюремный режим больничным.

— Я не утверждаю, что он безумец, — продолжал эксперт, заметив улыбку Сальватора, — но, во всяком случае, по нашему мнению, обвиняемого следует поместить в санаторий для душевнобольных и подвергнуть длительному наблюдению врачей-психиатров.

— Вопрос о невменяемости подсудимого не поднимался судом. Суд обсудит это новое обстоятельство, — сказал председатель. — Профессор Сальватор, желаете ли вы дать разъяснение по некоторым вопросам экспертов и прокурора?

— Да, — ответил Сальватор. — Я дам объяснения. Но пусть это будет вместе с тем и моим последним словом.

СЛОВО ПОДСУДИМОГО

Сальватор спокойно поднялся и окинул взглядом зал суда, как будто искал кого-то. Среди зрителей Сальватор заметил Бальтазара, Кристо и Зурита. В первом ряду сидел епископ. Сальватор несколько задержал на нем свой взгляд. На лице Сальватора появилась едва заметная улыбка. Затем Сальватор начал искать кого-то взглядом, внимательно осматривая весь зал.

— Я не нахожу в этом зале потерпевшего, — сказал наконец Сальватор.

— Я потерпевший! — вдруг крикнул Бальтазар, срываясь с места.

Кристо дернул брата за рукав и усадил на место.

— О каком потерпевшем вы говорите? — спросил председатель. — Если вы имеете в виду изуродованных вами животных, то суд не счел нужным показывать их здесь. Но Ихтиандр, человек-амфибия, находится в здании суда.

— Я имею в виду господа бога, — спокойно и серьезно ответил Сальватор.

Услышав этот ответ, председатель в недоумении откинулся на спинку кресла. «Неужели Сальватор сошел с ума? Или он решил изображать сумасшедшего, чтобы избегнуть тюрьмы?»

— Что вы хотите этим сказать? — спросил председатель.

— Я думаю, суду это должно быть ясно, — ответил Сальватор. — Кто главный и единственный потерпевший в этом деле? Очевидно, один господь бог. Его авторитет, по мнению суда, я подрываю своими действиями, вторгаясь в его область. Он был доволен своими творениями, и вдруг приходит какой-то доктор и говорит: «Это плохо сделано. Это требует переделки». И начинает перекраивать божье творение по-своему...

— Это богохульство! Я требую занести слова обвиняемого в протокол, — сказал прокурор с видом человека, оскорбленного в своих святых чувствах.

Сальватор пожал плечами.

— Я передаю только сущность обвинительного акта. Разве не к этому сводится все обвинение? Я читал дело. Вначале меня обвиняли только в том, что я будто бы производил вивисекции и причинил увечье. Теперь мне предъявили еще одно обвинение — в святотатстве. Откуда подул этот ветер? Не со стороны ли кафедрального собора?

И профессор Сальватор посмотрел на епископа.

— Вы сами создали процесс, в котором невидимо присутствуют на стороне обвинения господь бог в качестве потерпевшего, а на скамье подсудимых — вместе со мной Чарлз Дарвин в качестве обвиняемого. Может быть, я огорчу еще раз некоторых сидящих в этом зале своими словами, но я продолжаю утверждать, что организм животных и даже человека

не совершенен и требует исправления. Я надеюсь, что находящийся в этом зале настоятель кафедрального собора, епископ Хуан де Гарсилассо, подтвердит это.

Эти слова вызвали удивление всего зала.

— В пятнадцатом году, незадолго до моего отъезда на фронт, — продолжал Сальватор, — мне пришлось внести маленькое исправление в организм уважаемого епископа — вырезать ему аппендикс, этот ненужный и вредный придаток слепой кишки. Лежа на операционном столе, мой духовный пациент, помнится, не возражал против того извращения образа и подобия божия, которое я производил своим ножом, вырезая частицу епископского тела. Разве этого не было? — спросил Сальватор, глядя в упор на епископа.

Хуан де Гарсилассо сидел неподвижно. Только бледные щеки его чуть-чуть порозовели и слегка дрожали тонкие пальцы.

— И не было ли другого случая в то время, когда я еще занимался частной практикой и производил операции омолаживания? Не обращался ли ко мне с просьбой омолодить его почтенный прокурор, сеньор Аугусто де...

При этих словах прокурор хотел было запротестовать, но слова его были заглушены смехом публики.

— Я прошу вас не отвлекаться, — сурово сказал председатель.

— Эта просьба была бы гораздо уместнее в отношении самого суда, — ответил Сальватор. — Не я, а суд так поставил вопрос. Разве кое-кого здесь не испугала мысль, что все присутствующие здесь — вчерашние обезьяны или даже рыбы, получившие возможность говорить и слушать, так как их жаберные дуги превратились в органы речи и слуха? Ну, если не обезьяны, не рыбы, то их потомки. — И, обращаясь к прокурору, проявлявшему признаки нетерпения, Сальватор сказал: — Успокойтесь! Я не собираюсь здесь с кем-либо спорить или читать лекции по теории эволюции. — И, сделав паузу, Сальватор сказал: — Беда не в том, что человек произошел от животного, а в том, что он не перестал быть животным... Грубым, злым, неразумным. Мой ученый коллега напрасно пугал вас. Он мог бы не говорить о развитии зародыша. Я не прибегал ни к воздействию на зародыш, ни к скрещиванию животных. Я — хирург. Моим единственным орудием был нож. И,

как хирургу, мне приходилось помогать людям, лечить их. Оперируя больных, я должен был часто производить пересадку тканей, органов, желез. Чтобы усовершенствовать этот метод, я занялся опытами пересадки тканей у животных.

Подолгу наблюдал я оперированных животных у себя в лаборатории, стремясь выяснить, изучить, что происходит с органами, перенесенными на новое, иногда необычное даже место. Когда мои наблюдения кончались, животное переселялось в сад. Так создался у меня этот сад-музей. Особенно меня увлекла проблема обмена и пересадки тканей между далеко стоящими животными, например между рыбами и млекопитающими и наоборот. И здесь мне удалось достичь того, что ученые считают вообще немыслимым. Что же тут необычайного? То, что сделал я сегодня, завтра будут делать рядовые хирурги. Профессору Шейну должны быть известны последние операции немецкого хирурга Зауербруха. Ему удалось заменить больное бедро голенью.

— Но Ихтиандр? — спросил эксперт.

— Да, Ихтиандр — это моя гордость. При операции Ихтиандра трудность заключалась не только в технике. Я должен был изменить всю работу человеческого организма. Шесть обезьян погибло на предварительных опытах, прежде чем я добился цели и мог оперировать ребенка, не опасаясь за его жизнь.

— В чем же заключалась эта операция? — спросил председатель.

— Я пересадил ребенку жабры молодой акулы, и ребенок получил возможность жить на земле и под водою.

Среди публики послышались возгласы удивления. Корреспонденты газет, присутствовавшие в зале, бросились к телефонам, торопясь сообщить редакциям эту новость.

— Позже мне удалось достигнуть еще большего успеха. Моя последняя работа — земноводная обезьяна, которую вы видели, может жить без вреда для здоровья неопределенно долгое время как на земле, так и под водою. А Ихтиандр может прожить без воды не более трех-четырех суток. Долгое пребывание на земле без воды для него вредно: легкие переутомляются, а жабры подсыхают, и Ихтиандр начинает испытывать колющие боли в боках. К сожалению, во время моего

отъезда Ихтиандр нарушал установленный мною режим. Он слишком долго оставался на воздухе, переутомил свои легкие, и у него развилась серьезная болезнь. Равновесие в его организме нарушено, и он должен большую часть времени проводить в воде. Из человека-амфибии он превращается в человека-рыбу...

— Разрешите задать подсудимому вопрос, — сказал прокурор, обращаясь к председателю. — Каким образом пришла Сальватору мысль создать человека-амфибию и какие цели он преследовал?

— Мысль все та же — человек не совершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими животными предками, человек вместе с тем потерял многое из того, что имел на низших стадиях животного развития. Так, жизнь в воде дала бы человеку огромные преимущества. Почему бы не вернуть человеку эту возможность? Из истории развития животных мы знаем, что все земные животные и птицы произошли от водных — вышли из океана. Мы знаем, что некоторые наземные животные снова вернулись в воду. Дельфин был рыбой, вышел на сушу, стал млекопитающим животным, но потом вернулся в воду, хотя и остался, как и кит, млекопитающим. И кит, и дельфин дышат легкими. Можно было дельфину помочь стать двоякодышащей амфибией. Ихтиандр просил меня об этом: тогда его друг — дельфин Лидинг — мог бы оставаться с ним долгое время под водой. Я собирался сделать дельфину такую операцию. Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду. Вы знаете, что это за стихия, какая это мощь? Вы знаете, что площадь океана равна тремстам шестидесяти одному миллиону пятидесяти тысячам квадратных километров? Больше семи десятых земной поверхности составляет пространство водной пустыни. Но эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек. Больше трехсот шестидесяти одного миллиона квадратных километров — это только площадь, поверхность. Но ведь люди могли бы расположить-

ся по нескольким подводным этажам. Миллиарды людей без тесноты и давки могли бы разместиться в океане.

А его мощность! Вы знаете, что воды океана поглощают энергию солнечного тепла, равную мощности семидесяти девяти миллиардов лошадиных сил? Если бы не отдача тепла воздуху и прочие теплопотери, океан давно закипел бы. Практически беспредельный запас энергии. Как он используется сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность морских течений! Один Гольфстрим вместе с Флоридским течением двигают девяносто один миллиард тонн воды в час. Это тысячи в три больше, чем несет большая река. И это лишь одно из морских течений! Как они используются сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность волн и приливов! Вы знаете, что сила ударов, наносимых волнами, бывает равна тридцати восьми тысячам килограммов — тридцати восьми тоннам на квадратный метр поверхности, высота взбросов волн достигает сорока трех метров, и при этом волна может поднять до миллиона килограммов, — например, обломков скал, — а приливы достигают высоты более чем в шестнадцать метров — высоты четырехэтажного дома? Как человечество использует эти силы? Почти никак.

На суше живые существа не могут подняться высоко над поверхностью и не проникают очень глубоко внутрь ее. В океане жизнь всюду — от экватора до полюсов, от поверхности до глубин почти в десять километров.

Как же мы используем беспредельные богатства океанов? Ловим рыбу, — я бы сказал, снимаем улов только с самой верхней пленки океана, оставляя совершенно неиспользованными глубины. Собираем губки, кораллы, жемчуг, водоросли — и только.

Мы производим под водою кое-какие работы: устанавливаем опоры мостов и плотин, поднимаем затонувшие корабли — и только. Но и это делаем с большим трудом, с большим риском, нередко с человеческими жертвами. Несчастный земной человек, который на второй минуте уже погибает под водой! Какие тут работы?

Иное дело, если бы человек без скафандра, без кислородных приборов мог жить и работать под водой.

Сколько сокровищ открыл бы он! Вот Ихтиандр. Он говорил мне... но я боюсь дразнить демона человеческой алчности. Ихтиандр приносил мне со дна моря образцы редких металлов и пород. О, не волнуйтесь, он приносил мне совсем небольшие образцы, но их залежи в океане могут быть огромными.

А затонувшие сокровища?

Вспомните хотя бы океанский пароход «Лузитания». Весною тысяча девятьсот шестнадцатого года он был потоплен немцами у берегов Ирландии. Помимо драгоценностей, имевшихся у тысячи пятисот погибших пассажиров, на «Лузитании» находились золотые монеты на сто пятьдесят миллионов долларов и золотые слитки на пятьдесят миллионов долларов. (В зале послышались восклицания.) Кроме того, на «Лузитании» хранились две шкатулки с брильянтами, которые предполагалось доставить в Амстердам. Среди брильянтов находился один из лучших в мире — «Калиф», стоящий многие миллионы. Конечно, даже человек, подобный Ихтиандру, не мог бы опуститься на большую глубину, — для этого пришлось бы создать человека (негодующее восклицание прокурора), который смог бы переносить высокое давление, подобно глубоководным рыбам. Впрочем, в этом я тоже не нахожу ничего абсолютно невозможного. Но не все сразу.

— Вы, кажется, приписываете себе качества всемогущего божества? — заметил прокурор.

Сальватор не обратил внимания на это замечание и продолжал:

— Если бы человек мог жить в воде, то освоение океана, освоение его глубин пошло бы гигантскими шагами. Море перестало бы быть для нас грозной стихией, требующей человеческих жертв. Нам не пришлось бы больше оплакивать утопленников.

Все присутствующие в зале, казалось, видели уже завоеванный человечеством подводный мир. Какие выгоды сулило покорение океана! Даже председатель не мог удержаться и спросил:

— Но тогда почему же вы не опубликовали результатов своих опытов?

— Я не спешил попасть на скамью подсудимых, — ответил, улыбаясь, Сальватор, — и потом, я опасался, что мое изо-

бретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба. Кто донес на меня из мести? Вот этот Зурита, укравший у меня Ихтиандра. А у Зурита Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и «ихтиандров» сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия во зло, увеличивая сумму человеческого страдания. Я думал об...

Сальватор замолчал и, резко изменив тон, продолжал:

— Впрочем, я не буду говорить об этом. Иначе меня сочтут безумцем, — и Сальватор с улыбкой посмотрел на эксперта. — Нет, я отказываюсь от чести быть безумцем, хотя бы и гениальным. Я не безумец, не маньяк. Разве я не осуществил того, что хотел? Все мои работы вы видели собственными глазами. Если вы находите мои действия преступными, судите по всей строгости закона. Я не прошу снисхождения.

В ТЮРЬМЕ

Эксперты, освидетельствовавшие Ихтиандра, должны были обратить внимание не только на физические свойства юноши, но и на состояние его умственных способностей.

— Какой у нас год? Какой месяц? Число? День недели? — задавали эксперты Ихтиандру обычные в таких случаях вопросы.

И на все эти вопросы Ихтиандр отвечал:

— Не знаю.

Он затруднялся в ответах на самые обычные вопросы. Но ненормальным его назвать нельзя было. Он многого не знал благодаря своеобразным условиям своего существования и воспитания. Он оставался как бы большим ребенком. И эксперты пришли к заключению: «Ихтиандр недееспособен». Это освобождало его от судебной ответственности. Суд прекратил дело по обвинению Ихтиандра и назначил над ним опеку. Два человека выразили желание быть опекуном Ихтиандра: Зурита и Бальтазар.

Сальватор бы прав, утверждая, что Зурита донес на него из мести. Но Зурита не только мстил Сальватору за потерю Их-

тиандра. Зурита преследовал еще иную цель: он хотел снова завладеть Ихтиандром и стремился стать его опекуном. Зурита не пожалел десятка ценных жемчужин и подкупил членов суда и опекунского совета. Теперь Зурита был близок к цели.

Ссылаясь на свое отцовство, Бальтазар требовал, чтобы опекунские права предоставили ему. Однако ему не везло. Несмотря на все старания Ларра, эксперты заявили, что они не могут установить тождества Ихтиандра с рожденным двадцать лет тому назад сыном Бальтазара на основании показания одного только свидетеля — Кристо; к тому же он был братом Бальтазара и потому не внушал экспертам полного доверия.

Ларра не знал, что в это дело вмешались прокурор и епископ. Бальтазар, как потерпевший, как отец, у которого украли и изуродовали сына, был нужен суду во время процесса. Но признать отцовство Бальтазара, отдать ему Ихтиандра — это не входило в расчеты суда и церкви: необходимо было совсем избавиться от Ихтиандра.

Кристо, переселившийся к брату, начал беспокоиться за него. В глубокой задумчивости сидел Бальтазар целыми часами, забывая о сне и еде, то вдруг приходил в сильнейшее возбуждение, метался по лавке и кричал: «Сын мой, сын мой!» В такие минуты он начинал бранить испанцев всеми бранными словами, которые только находил на всех известных ему языках.

Однажды после такого припадка Бальтазар неожиданно объявил Кристо:

— Вот что, брат, я иду в тюрьму. Мои лучшие жемчужины я отдам сторожам, чтобы они позволили мне повидать Ихтиандра. Я поговорю с ним. Он сам признает во мне отца. Сын не может не признать отца. В нем должна заговорить моя кровь.

Как ни пытался Кристо отговорить брата, ничто не помогло. Бальтазар был непоколебим.

Бальтазар отправился в тюрьму. Упрашивая сторожей, он плакал, валялся у их ног, молил их и, усыпав жемчугом путь от ворот до внутреннего помещения тюрьмы, добрался наконец до камеры Ихтиандра.

В этой небольшой камере, скудно освещенной узким ок-

ном с решеткой, было душно и скверно пахло: тюремные сторожа редко меняли воду в баке и не трудились убирать гниющую на полу рыбу, которой кормили необычайного узника.

У стены напротив окна стоял железный бак.

Бальтазар подошел к баку и посмотрел на темную поверхность воды, скрывавшую под собой Ихтиандра.

— Ихтиандр! — тихо сказал Бальтазар. — Ихтиандр... — еще раз позвал он.

Поверхность воды подернулась рябью, но юноша не показывался из воды.

Подождав еще немного, Бальтазар протянул трясущуюся руку и погрузил ее в теплую воду. Рука коснулась плеча.

Из бака вдруг показалась мокрая голова Ихтиандра. Он приподнялся до плеч и спросил:

— Кто это? Что вам нужно?

Бальтазар опустился на колени и, протягивая руки, быстро заговорил:

— Ихтиандр! К тебе пришел твой отец. Твой настоящий отец. Сальватор — не отец. Сальватор — злой человек. Он изуродовал тебя... Ихтиандр! Ихтиандр! Ну, посмотри же на меня хорошенько. Неужели ты не узнаешь своего отца?

Вода медленно стекала с густых волос юноши на бледное лицо и капала с подбородка. Печальный, немного удивленный, смотрел он на старого индейца.

— Я не знаю вас, — ответил юноша.

— Ихтиандр! — закричал Бальтазар. — Смотри на меня хорошенько. — И старый индеец вдруг схватил голову юноши, привлек к себе и начал покрывать поцелуями, проливая горячие слезы.

Ихтиандр, обороняясь от этой неожиданной ласки, заплескался в баке, проливая воду через край на каменный пол.

Чья-то рука крепко схватила Бальтазара за шиворот, приподняла на воздух и отбросила в угол. Бальтазар грохнулся на пол, больно ударившись головой о каменную стену.

Открыв глаза, Бальтазар увидел, что над ним стоит Зурита. Крепко сжав кулак правой руки, Зурита держал в левой руке какую-то бумажку и торжественно помахивал ею.

— Видишь? Приказ о назначении меня опекуном Ихтиан-

дра. Тебе придется поискать богатого сынка в другом месте. А этого юношу завтра утром я увезу к себе. Понял?

Бальтазар, лежа на земле, глухо и угрожающе заворчал.

Но в следующее мгновение Бальтазар вскочил на ноги и с диким криком бросился на своего врага, сбив его с ног.

Индеец выхватил из рук Зурита бумажку, сунул себе в рот и продолжал наносить испанцу удары. Завязалась ожесточенная борьба.

Тюремный сторож, стоявший у двери с ключами в руках, счел себя обязанным соблюдать строжайший нейтралитет. Он получил хорошие взятки от обоих сражающихся и не хотел им мешать. Только когда Зурита начал душить старика, сторож забеспокоился.

— Не задушите его!

Однако рассвирепевший Зурита не обратил внимания на предостережение сторожа, и Бальтазару пришлось бы плохо, если бы в камере не появилось новое лицо.

— Прекрасно! Господин опекун тренируется в осуществлении своих опекунских прав! — послышался голос Сальватора. — Что же вы смотрите? Или вы не знаете своих обязанностей? — прикрикнул Сальватор на сторожа таким тоном, будто он был начальником тюрьмы.

Окрик Сальватора подействовал. Сторож бросился разнимать дерущихся.

На шум прибежали еще другие сторожа, и скоро Зурита и Бальтазара оттащили в разные стороны.

Зурита мог считать себя победителем в борьбе. Но побежденный Сальватор был все же сильнее своих соперников. Даже здесь, в этой камере, на положении арестанта, Сальватор не переставал управлять событиями и людьми.

— Уведите из камеры драчунов, — приказал Сальватор, обращаясь к сторожам. — Мне надо остаться с Ихтиандром наедине.

И сторожа повиновались. Несмотря на протесты и брань, Зурита и Бальтазара увели. Дверь камеры захлопнулась.

Когда в коридоре замолкли удаляющиеся голоса, Сальватор подошел к бассейну и сказал Ихтиандру, выглянувшему из воды:

— Встань, Ихтиандр. Выйди на середину камеры, мне нужно осмотреть тебя.

Юноша повиновался.

— Вот так, — продолжал Сальватор, — ближе к свету. Дыши. Глубже. Еще. Не дыши. Так...

Сальватор постукивал Ихтиандра по груди и выслушивал прерывистое дыхание юноши.

— Задыхаешься?

— Да, отец, — отвечал Ихтиандр.

— Сам виноват, — ответил Сальватор, — тебе нельзя было оставаться так долго на воздухе.

Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом вдруг поднял голову и, посмотрев прямо в глаза Сальватору, спросил:

— Отец, но почему нельзя? Почему всем можно, а мне нельзя?

Выдержать этот взгляд, полный скрытого упрека, Сальватору было гораздо труднее, чем отвечать на суде. Но Сальватор выдержал.

— Потому, что ты обладаешь тем, чем не обладает ни один человек: способностью жить под водой... Если бы тебе предоставили выбор, Ихтиандр, быть таким, как все, и жить на земле или же жить только под водою, что бы ты выбрал?

— Не знаю... — ответил юноша, подумав.

Ему одинаково были дороги подводный мир и земля, Гуттиэре. Но Гуттиэре теперь потеряна для него...

— Теперь я предпочел бы океан, — сказал юноша.

— Ты еще раньше сделал выбор, Ихтиандр, тем, что своим непослушанием нарушил равновесие твоего организма. Теперь ты сможешь жить только под водой.

— Но не в этой ужасной, грязной воде, отец. Я умру здесь. Я хочу на простор океана!

Сальватор подавил вздох.

— Я сделаю все, чтобы скорее освободить тебя из этой тюрьмы, Ихтиандр. Мужайся! — И, ободряюще похлопав юношу по плечу, Сальватор оставил Ихтиандра и пошел в свою камеру.

Усевшись на табурете у узкого стола, Сальватор глубоко задумался.

Как всякий хирург, он знал неудачи. Немало человеческих

жизней погибло под его ножом от его собственных ошибок, прежде чем он достиг совершенства. Однако он никогда не задумывался над этими жертвами. Погибли десятки, спасены тысячи. Эта арифметика вполне удовлетворяла его.

Но за судьбу Ихтиандра он считал себя ответственным. Ихтиандр был его гордостью. Он любил юношу как лучшую свою работу. А кроме того, он привязался к Ихтиандру и полюбил его как сына. И теперь болезнь Ихтиандра и его дальнейшая судьба беспокоили, заботили Сальватора.

В дверь камеры тихо постучали.

— Войдите, — сказал Сальватор.

— Я не побеспокою вас, господин профессор? — тихо спросил смотритель тюрьмы.

— Нисколько, — отвечал Сальватор, поднимаясь. — Как чувствуют себя жена и ребенок?

— Благодарю вас, прекрасно. Я отправил их к теще, далеко отсюда, в Анды...

— Да, горный климат им будет полезен, — ответил Сальватор.

Смотритель не уходил. Оглядываясь на дверь, он подошел к Сальватору и тихо обратился к нему:

— Профессор! Я обязан вам жизнью за спасение жены. Я люблю ее, как...

— Не благодарите меня, это мой долг.

— Я не могу остаться в долгу у вас, — ответил смотритель. — И не только это. Я человек малообразованный. Но я читаю газеты, и я знаю, что значит профессор Сальватор. Нельзя допустить, чтобы такого человека держали в тюрьме вместе с бродягами и разбойниками.

— Мои ученые друзья, — улыбаясь, проговорил Сальватор, — кажется, добились того, что я буду помещен в санаторий как сумасшедший.

— Тюремный санаторий — та же тюрьма, — возразил смотритель, — даже хуже: вместо разбойников вас будут окружать сумасшедшие. Сальватор среди сумасшедших! Нет, нет, этого не должно быть.

Понизив голос до шепота, смотритель продолжал:

— Я все обдумал. Я неспроста отправил семью в горы. Я устрою теперь вам побег и скроюсь сам. Нужда загнала меня

сюда, но я ненавижу эту работу. Меня не найдут, а вы... вы уедете из этой проклятой страны, где вершат дела попы и купцы. И вот еще что я хотел вам сказать, — продолжал он после некоторого колебания. — Я выдаю служебную тайну, государственную тайну...

— Можете не выдавать ее, — прервал Сальватор.

— Да, но... я сам не могу... прежде всего, не могу выполнить полученный мною ужасный приказ. Совесть всю жизнь мучила бы меня. А если я выдам эту тайну, совесть не будет меня мучить. Вы так много сделали для меня, а они... Я ничем не обязан начальству, которое к тому же толкает меня на преступление.

— Даже? — коротко спросил Сальватор.

— Да. Я узнал, что Ихтиандра не отдадут ни Бальтазару, ни опекуну Зурита, хотя Зурита уже имеет бумажку. Но и Зурита, несмотря на щедрые взятки, не получит его, потому что... Ихтиандра решили убить.

Сальватор сделал легкое движение.

— Вот как? Продолжайте!

— Да, убить Ихтиандра, — на этом больше всего настаивал епископ, хотя он и ни разу не произнес слова «убить». Мне дали яду, кажется, цианистого калия. Сегодня ночью я должен подмешать яд к воде в баке Ихтиандра. Тюремный врач подкуплен. Он установит, что Ихтиандра погубила произведенная вами операция, превратившая его в амфибию. Если я не выполню приказа, со мною поступят очень жестоко. А ведь у меня семья... Потом они убьют и меня, и никто не будет знать этого. Я весь в их руках. У меня в прошлом преступление... небольшое... почти случайное... Все равно я решил бежать и все уже подготовил к побегу. Но я не могу, не хочу убивать Ихтиандра. Спасти обоих — вас и Ихтиандра — в такой короткий срок трудно, почти невозможно. Но спасти вас одного я могу. Я все обдумал. Мне жалко Ихтиандра, но ваша жизнь нужнее. Вы сможете создать своим искусством другого Ихтиандра, но никто в мире не создаст другого такого Сальватора.

Сальватор подошел к смотрителю, пожал его руку и сказал:

— Благодарю вас, но для себя я не могу принять этой жертвы. Вас могут поймать и будут судить.

— Никакой жертвы! Я все обдумал.

— Подождите. Я не могу принять для себя этой жертвы. Но если вы спасете Ихтиандра, вы сделаете для меня больше, чем если бы вы освободили меня. Я здоров, силен и везде найду друзей, которые помогут мне вырваться на свободу. А Ихтиандра необходимо освободить немедленно.

— Я принимаю это как ваш приказ, — сказал смотритель.

Когда он вышел, Сальватор улыбнулся и проговорил:

— Так лучше. Пусть же яблоко раздора не достанется никому.

Сальватор прошелся по комнате, тихо прошептал: «Бедный мальчик», подошел к столу, что-то написал, затем подошел к двери и постучал.

— Позовите ко мне смотрителя тюрьмы.

Когда смотритель явился, Сальватор сказал ему:

— Еще одна просьба. Не можете ли вы устроить мне свидание с Ихтиандром — последнее свидание!

— Нет ничего легче. Из начальства никого нет, вся тюрьма в нашем распоряжении.

— Отлично. Да, еще одна просьба.

— Весь к вашим услугам.

— Освободив Ихтиандра, вы сделаете для меня очень много.

— Но вы, профессор, оказали мне такую услугу...

— Допустим, что мы в расчете, — прервал его Сальватор. — Но я могу и хочу помочь вашей семье. Вот записка. Здесь только адрес и одна буква: S — Сальватор. Обратитесь по адресу. Это верный человек. Если вам нужно будет временно укрыться, будете нуждаться в деньгах...

— Но...

— Никаких «но». Ведите меня скорее к Ихтиандру.

Ихтиандр удивился, когда в камере появился Сальватор. Ихтиандр никогда не видел его таким грустным и нежным, как в этот раз.

— Ихтиандр, сын мой, — сказал Сальватор. — Нам придется расстаться с тобою скорее, чем я думал, и, может быть, надолго. Твоя судьба беспокоила меня. Тебя окружают тысячи опасностей... Если ты останешься здесь, ты можешь погибнуть, в лучшем случае оказаться пленником Зурита или другого подобного хищника.

— А ты, отец?

— Суд, конечно, осудит меня и упрячет в тюрьму, где мне придется просидеть, наверно, года два, а может быть, и больше. Это время, пока я буду в тюрьме, ты должен находиться в безопасном месте и как можно дальше отсюда. Такое место есть, но оно очень далеко отсюда, по другую сторону Южной Америки, на запад от нее, в Великом океане, на одном из островов Туамоту, или, иначе, Низменных островов. Добраться туда тебе будет нелегко, но все опасности пути несравнимы с теми, которым ты подвергаешься здесь, дома, в заливе Ла-Плата. И все же легче добраться и найти эти острова, чем избежать здесь сетей и ловушек коварного врага.

Какой путь тебе начертать? Ты можешь направиться туда, на запад, обогнув Южную Америку с севера или с юга. Оба пути имеют свои достоинства и свои недостатки. Северный путь несколько длиннее. Кроме того, избрав этот путь, тебе пришлось бы плыть из Атлантического в Тихий океан через Панамский канал, а это опасно: тебя могут поймать, в особенности на шлюзах, или же — при малейшей твоей неосторожности — тебя может раздавить корабль. Канал не слишком широк и не глубок: наибольшая ширина — девяносто один метр, глубина — двенадцать с половиной метров. Новейшие глубокосидящие океанские пароходы могут почти что касаться дна своим килем.

Зато ты все время плыл бы в теплых водах. Кроме того, от Панамского канала идут на запад три большие океанские дороги: две — к Новой Зеландии, одна — к островам Фиджи и далее. Выбрав средний путь и следя за пароходами, а может быть, и прицепляясь к ним, ты добрался бы почти что до места. По крайней мере оба пути к Новой Зеландии захватывают зону архипелага Туамоту. Тебе пришлось бы только подняться немного севернее.

Путь через южную оконечность ближе, но зато там ты будешь плыть в холодных южных водах, у границы плавающих льдов, в особенности же если ты обогнешь мыс Горн на Огненной Земле — самую южную оконечность Южной Америки. Магелланов же пролив необычайно бурный. Для тебя он, конечно, не так опасен, как для кораблей и пароходов, но все же опасен. Для парусных кораблей он был настоящим клад-

бищем. На востоке он широк, на западе — узок и усеян скалами, островками. Сильнейшие западные ветры гонят воду на восток, — значит, тебе навстречу. В этих водоворотах даже ты можешь разбиться и под водой.

Поэтому я советую тебе лучше удлинить путь и обогнуть мыс Горн, чем плыть через Магелланов пролив. Вода океана становится холодней постепенно, и я надеюсь, что ты постепенно привыкнешь и останешься здоров. О запасах пищи тебе нечего заботиться, — она всегда под руками, так же как и вода. Ты с детства привык пить морскую воду без всякого вреда для здоровья.

Найти путь от мыса Горн к островам Туамоту тебе будет несколько труднее, чем от Панамского канала. От мыса Горн на север нет широких океанских дорог с большим пароходным движением. Я укажу тебе точно долготу и широту; ты определишь их по специальным инструментам, сделанным для тебя по моему заказу. Но эти инструменты несколько загрузят тебя и свяжут свободу движения...

— Я возьму с собою Лидинга. Он будет нести на себе груз. Разве могу я расстаться с Лидингом? Он, наверно, и так истосковался по мне.

— Неизвестно, кто по ком больше, — снова улыбнулся Сальватор. — Итак, Лидинг. Отлично. До островов Туамоту ты доберешься. Тебе останется найти уединенный коралловый остров. Вот примета: на нем высится мачта, а на мачте, в виде флюгера, — большая рыба. Нетрудно запомнить. Быть может, ты затратишь на поиски этого острова месяц, и два, и три — не беда: вода там теплая, устриц довольно.

Сальватор приучил Ихтиандра терпеливо слушать, не перебивая, но когда Сальватор дошел до этого места своих объяснений, Ихтиандр не удержался:

— И что же я найду на острове с флюгером-рыбой?

— Друзей. Верных друзей, их заботу и ласку, — ответил Сальватор. — Там живет мой старый друг — ученый Арман Вильбуа, француз, знаменитый океанограф. Я познакомился и подружился с ним, когда был в Европе много лет тому назад. Арман Вильбуа интереснейший человек, но сейчас у меня нет времени рассказать тебе о нем. Надеюсь, ты сам узнаешь его и ту историю, которая привела его на одинокий коралло-

вый остров в Тихом океане. Но сам он не одинок. С ним живет его жена, милая, добрая женщина, сын и дочь — она родилась уже на острове, ей теперь должно быть лет семнадцать, а сыну лет двадцать пять.

Они знают тебя по моим письмам и, уверен, примут тебя в свою семью как родного... — Сальватор запнулся. — Конечно, тебе придется теперь большую часть времени проводить в воде. Но для дружеских свиданий и бесед ты сможешь выходить на несколько часов в день на берег. Возможно, что твое здоровье поправится и ты сможешь по-прежнему оставаться на воздухе так же долго, как и в воде.

В лице Армана Вильбуа ты найдешь второго отца. А ты будешь ему незаменимым помощником в его научных работах по океанографии. Уже то, что ты знаешь об океане и его обитателях, хватило бы на десяток профессоров. — Сальватор усмехнулся. — Чудаки-эксперты спрашивали тебя на суде по шаблону, какой сегодня день, месяц, число, и ты не мог ответить просто потому, что все это не представляло для тебя интереса. Если бы они спросили хотя бы о подводных течениях, температурах воды, солености в Ла-Платском заливе и его окрестностях, — из твоих ответов можно было бы составить целый научный том. Насколько же больше ты сможешь узнать, — и потом сообщить свои знания людям, — если твоими подводными экскурсиями будет руководить такой опытный человек и блестящий ученый, как Арман Вильбуа. Вы оба, я уверен в этом, создадите такой труд по океанографии, который составит эпоху в развитии этой науки, прогремит на весь мир. И твое имя будет стоять рядом с именем Армана Вильбуа, — я знаю его, он сам настоит на этом. Ты будешь служить науке и тем самым всему человечеству.

Но если ты останешься здесь, тебя заставят служить низменным интересам невежественных, корыстных людей. Я уверен, в чистых, прозрачных водах атолла и в семье Армана Вильбуа ты найдешь тихую пристань и будешь счастлив.

Еще один совет. Как только ты окажешься в океане, а это может произойти даже сегодня ночью, — плыви немедленно домой через подводный туннель (дома сейчас только верный Джим), возьми навигационные инструменты, нож и прочее,

найди Лидинга и отправляйся в путь, прежде чем солнце поднимется над океаном.

Прощай, Ихтиандр! Нет, до свидания!..

Сальватор в первый раз в жизни обнял, крепко поцеловал Ихтиандра. Потом он улыбнулся, похлопал юношу по плечу и сказал:

— Такой молодец нигде не пропадет! — и быстро вышел из комнаты.

ПОБЕГ

Ольсен только что вернулся с пуговичной фабрики и сел обедать. Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул Ольсен, недовольный тем, что ему помешали.

Дверь открылась, и в комнату вошла Гуттиэре.

— Гуттиэре! Ты? Откуда? — воскликнул удивленный и обрадованный Ольсен, поднимаясь со стула.

— Здравствуй, Ольсен, — сказала Гуттиэре. — Продолжай твой обед. — И, прислонившись к дверям, Гуттиэре заявила: — Я не могу больше жить с мужем и его матерью. Зурита... он осмелился ударить меня. И я от него ушла. Совсем ушла, Ольсен.

Эта новость заставила Ольсена прервать обед.

— Вот так неожиданность! — воскликнул он. — Садись! Ты едва держишься на ногах. А как же? Ты ведь говорила: «Что бог соединил, человек да не разлучает»? Отставить? Тем лучше. Радуюсь. Ты вернулась к отцу?

— Отец ничего не знает. Зурита нашел бы меня у отца и вернул бы к себе. Я остановилась у подруги.

— И... и что же ты будешь делать дальше?

— Я поступлю на завод. Я пришла просить тебя, Ольсен, помочь мне найти работу на заводе... все равно какую.

Ольсен озабоченно покачал головой.

— Сейчас это очень трудно. Хотя я, конечно, попытаюсь. — И, подумав, Ольсон спросил: — А как муж отнесется к этому?

— Я не хочу знать его.

— Но муж-то захочет узнать, где его жена, — улыбаясь, сказал Ольсен. — Не забывай, что ты в Аргентине. Зурита ра-

зыщет тебя, и тогда... Ты сама знаешь, что он не оставит тебя в покое. Закон и общественное мнение на его стороне.

Гуттиэре задумалась и потом решительно сказала:

— Ну что же! В таком случае я уеду в Канаду, Аляску...

— Гренландию, на Северный полюс! — И уже более серьезно Ольсен сказал: — Мы обдумаем это. Здесь тебе оставаться небезопасно. Я и сам давно собираюсь выбраться отсюда. Зачем я приехал сюда, в Латинскую Америку? Здесь еще слишком силен поповский дух. Жаль, что нам не удалось тогда бежать отсюда. Но Зурита успел похитить тебя, и наши билеты и наши деньги пропали. Теперь у тебя, вероятно, так же нет денег на пароходный билет в Европу, как и у меня. Но нам и не обязательно ехать прямо в Европу. Если мы, — я говорю «мы», потому что я не оставлю тебя, пока ты не будешь в безопасном месте, — если мы доберемся хотя бы до соседнего Парагвая, а еще лучше — до Бразилии, то там Зурита будет уже труднее разыскать тебя, и у нас будет время подготовиться к переезду в Штаты или же в Европу... Ты знаешь, доктор Сальватор в тюрьме вместе с Ихтиандром?

— Ихтиандр? Он нашелся? Почему он в тюрьме? Могу я его увидеть? — забросала Гуттиэре вопросами Ольсена.

— Да, Ихтиандр в тюрьме, и он снова может оказаться рабом Зурита. Нелепый процесс, нелепые обвинения против Сальватора и Ихтиандра.

— Это ужасно! И его нельзя спасти?

— Я все время пытался это сделать, но безуспешно. Но неожиданным нашим союзником оказался сам смотритель тюрьмы. Сегодня ночью мы должны освободить Ихтиандра. Я только что получил две коротенькие записки: одну от Сальватора, другую от смотрителя тюрьмы.

— Я хочу видеть Ихтиандра! — сказала Гуттиэре. — Можно мне пойти с тобой?

Ольсен задумался.

— Я думаю, что нет, — ответил он. — И тебе лучше не видеть Ихтиандра.

— Но почему?

— Потому что Ихтиандр болен. Он болен как человек, но здоров как рыба.

— Я не понимаю.

— Ихтиандр больше не может дышать воздухом. Что же будет, если он снова увидит тебя? Для него это будет очень тяжело, да, может быть, и для тебя. Ихтиандр захочет видеться с тобой, а жизнь на воздухе погубит его окончательно.

Гуттиэре опустила голову.

— Да, пожалуй, ты прав... — сказала она, подумав.

— Между ним и всеми остальными людьми легла непреодолимая преграда — океан. Ихтиандр — обреченный. Отныне вода становится его родной и единственной стихией.

— Но как же он там будет жить? Один в безбрежном океане, человек — среди рыб и морских чудовищ?

— Он был счастлив в своем подводном мире, пока...

Гуттиэре покраснела.

— Теперь, конечно, он не будет так счастлив, как раньше.

— Перестань, Ольсен, — печально сказала Гуттиэре.

— Но время излечивает все. Быть может, он даже обретет утраченный покой. Так он и будет жить — среди рыб и морских чудовищ. И если акула не съест его раньше времени, он доживет до старости, до седых волос... А смерть? Смерть везде одинакова...

Сгущались сумерки, и в комнате было почти темно.

— Однако мне пора, — сказал Ольсен, поднимаясь. Встала и Гуттиэре.

— Но я могу хоть издали видеть его? — спросила Гуттиэре.

— Конечно, если ты не выдашь своего присутствия.

— Да, я обещаю это.

Уже было совсем темно, когда Ольсен в костюме водовоза въехал во двор тюрьмы со стороны Коронель Диас[1].

Сторож окликнул его:

— Куда едешь?

— Морскую воду «дьяволу» везу, — ответил Ольсен, как учил его тюремный смотритель.

Все сторожа знали о том, что в тюрьме находится необычайный арестант — «морской дьявол», который сидит в баке, наполненном морской водой, так как пресной он не переносит. Эту морскую воду время от времени меняли, привозя ее в большой бочке, установленной на дроги.

[1]Коронель Диас — одна из улиц, на которую выходит тюрьма. (*Прим. автора.*)

Ольсен подъехал к зданию тюрьмы, завернул за угол, где помещалась кухня и находилась дверь в тюрьму для входа служащих. Смотритель уже все приготовил. Сторожей, обычно стоявших в коридоре и у входа, отослали под разными предлогами. Ихтиандр, сопровождаемый смотрителем, свободно вышел из тюрьмы.

— Ну, прыгай скорее в бочку! — сказал смотритель.

Ихтиандр не заставил себя ждать.

— Трогай!

Ольсен ударил вожжами, выехал из двора тюрьмы и не спеша поехал по Авени да Альвар, мимо вокзала Ритеро, товарной станции.

Следом за ним, невдалеке, мелькала тень женщины.

Была уже темная ночь, когда Ольсен выехал из города. Дорога шла берегом моря. Ветер крепчал. Волны набегали на берег и с шумом разбивались о камни.

Ольсен осмотрелся. На дороге никого не было видно. Только вдали сверкали фонари быстро мчавшегося автомобиля. «Пусть проедет».

Гудя и ослепляя светом, автомобиль промчался к городу и скрылся вдали.

«Пора!» — Ольсен обернулся и сделал Гуттиэре знак, чтобы она скрылась за камни. Потом он постучал по бочке и крикнул:

— Приехали! Вылезай!

Из бочки показалась голова.

Ихтиандр оглянулся, быстро вылез и прыгнул на землю.

— Спасибо, Ольсен, — сказал юноша, крепко сжимая мокрой рукой руку великана.

Ихтиандр дышал часто, как в припадке астмы.

— Не за что. Прощай! Будь осторожен. Не подплывай близко к берегу. Опасайся людей, чтобы опять не попасть в неволю.

Даже Ольсен не знал, какие приказания получил Ихтиандр от Сальватора.

— Да, да, — задыхаясь, сказал Ихтиандр. — Я поплыву далеко-далеко, к тихим коралловым островам, куда не приходит ни один корабль. Спасибо, Ольсен! — И юноша побежал к морю.

Уже у самых волн он вдруг обернулся и крикнул:

— Ольсен, Ольсен! Если вы увидите когда-нибудь Гуттиэре, передайте ей мой привет и скажите, что я всегда буду помнить ее!

Юноша бросился в море и крикнул:

— Прощай, Гуттиэре! — и погрузился в воду.

— Прощай, Ихтиандр... — тихо ответила Гуттиэре, стоявшая за камнями.

Ветер крепчал и почти валил людей с ног. Море бушевало, шипел песок, грохотали камни.

Чья-то рука сжала руку Гуттиэре.

— Идем, Гуттиэре! — ласково приказал Ольсен.

Он вывел Гуттиэре на дорогу.

Гуттиэре еще раз оглянулась на море и, опираясь на руку Ольсена, направилась к городу.

* * *

Сальватор отбыл срок наказания, вернулся домой и снова занялся научной работой. Он готовится к какому-то далекому путешествию.

Кристо продолжает у него служить.

Зурита обзавелся новой шхуной и ловит жемчуг в Калифорнийском заливе. И хотя он не самый богатый человек в Америке, но все же не может пожаловаться на свою судьбу. Концы его усов, как стрелка барометра, показывают высокое давление.

Гуттиэре развелась с мужем и вышла замуж за Ольсена. Они переселились в Нью-Йорк и работают на консервном заводе. На побережье Ла-Платского залива никто не вспоминает «морского дьявола».

Лишь иногда, в душные ночи, старые рыбаки, услышав в ночной тиши неведомый звук, говорят молодым:

— Вот так трубил в раковину «морской дьявол», — и начинают рассказывать о нем легенды.

Только один человек в Буэнос-Айресе не забывает Ихтиандра.

Все мальчишки города знают старого, полупомешанного нищего индейца.

— Вот идет отец «морского дьявола»!

Но индеец не обращает внимания на мальчишек. Встречая испанца, старик каждый раз оборачивается, плюет ему вслед и ворчит какое-то проклятие.

Но полиция не трогает старого Бальтазара. Его помешательство тихое, он никому не причиняет вреда.

Только когда на море поднимается буря, старый индеец приходит в необычайное беспокойство.

Он спешит на берег моря и, рискуя быть смытым водой, становится на прибрежные камни и кричит, кричит день и ночь, пока не утихнет буря:

— Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!..

Но море хранит свою тайну.

ПОДВОДНЫЙ ВРАГ

(первая глава третьей части журнального варианта романа «Человек-амфибия»[1])

Аргентина вступила в полосу волнений. Революционное движение, поднятое рабочими Буэнос-Айреса, было поддержано сельскохозяйственными рабочими и фермерами.

Несмотря на то что сельскохозяйственные рабочие и мелкие фермеры-индейцы были плохо вооружены, правительственным войскам нелегко было справиться с ними, так как повстанцев связывали не только общие экономические интересы, но и общая вражда индейцев к их поработителям-испанцам.

В этой неравной борьбе индейские племена пускали в ход военные хитрости и первобытную технику своих краснокожих предков. Радиотелеграфу врагов индейцы противопоставили свой древний «телеграф без проводов»: довольно было высадиться карательному отряду на берегу реки Параны или Уругвая, как индейцы ближайшего селения начинали бить в особый барабан «там-там», сделанный из выдолбленного ствола огромного дерева. Условный сигнал передавался дальше таким же путем, и через несколько минут вся округа была готова ко встрече врага. При помощи этого первобытного «радиотелеграфа» индейцы могли передавать не только сигналы, но и вести довольно сложные переговоры.

Два индейца, встретившиеся на базаре в городе, со скучающим видом постукивали палочками по своим повозкам, а стоявшие вблизи полицейские долго не подозревали того, что это невинное занятие является условным языком.

Осведомленность индейцев о действиях полиции и войск удивляла даже опытных шпионов. Небольшие моторные суда, перевозившие вооруженные отряды полиции и войск, темной ночью подплывали к какой-нибудь ферме. Отправка кара-

[1]Об истории этой главы см. «Комментарии».

тельной экспедиции была обставлена строжайшей тайной. Кроме начальника отряда, никто не знал даже места предстоящей высадки. Ни один человек не отходил от причаливших в ночной тишине лодок. И тем не менее кто-то успевал сообщать ближайшему сторожевому посту индейцев о прибытии врага. И ночная тишина вдруг нарушалась тревожными ударами «там-тама»...

Чья-то неведомая рука затрудняла и передвижение карательных судов. Все чаще начинали повторяться случаи остановки судов в пути: в винт моторной лодки попадали обрывки каната, куски дерева, рыбачьи сети. Несколько винтов оказались даже сломанными застрявшими в них камнями, хотя морские лодки плыли по глубокому месту реки...

Чем чаще повторялись эти случаи, тем более становилось очевидным, что здесь имеют место не случайные аварии, а чей-то злой умысел. Но чей? Самый лучший пловец не в состоянии был незаметно подкрасться к проходящим моторным лодкам и на полном их ходу испортить винт. Кто же мог совершать эти необычайные по своей смелости и дерзости поступки?

Молва приписывала их «морскому дьяволу». Полиция долго не верила этим «басням», однако вскоре пришлось убедиться в том, что «дьявол» действительно помогает индейцам...

Однажды на утренней заре матрос моторной лодки, заметив, что руль не работает, подошел к борту, заглянул в воду и увидел, что за руль держится человек с большими выпуклыми глазами. Рулевой схватил винтовку и выстрелил в неизвестного. Человек под водой отпустил руль и скрылся в глубине. Была поднята тревога. Целая флотилия лодок рассеялась по реке; неизвестный злоумышленник долго не показывался на поверхности. Всякий человек утонул бы за это время. Но злоумышленник, очевидно, не утонул, так как вскоре еще две лодки были выведены им из строя.

«Морской дьявол» вновь заставил заговорить о себе.

Правда, теперь уже никто, кроме самых невежественных индейцев, не думал о том, что «морской дьявол» — неведомое морское чудовище, а тем более сверхъестественное существо. «Дьявол», принимавший участие в борьбе рабочих и фермеров с правительством и землевладельцами, мог быть только

человеком, но все же человеком необычайным, который мог жить под водой. Ученым была задана новая задача. Газеты пестрели статьями с заголовками: «Может ли жить человек под водой?», «Человек-амфибия», «Когда же мы узнаем тайну морского дьявола?..».

На этот раз мнения ученых были единогласны: человек, конечно, не может жить под водой, потому что не может в воде дышать. И если тем не менее неизвестный человек, которого так долго называли «морским дьяволом», способен продолжительное время пробыть под водой, то он, очевидно, снабжен каким-нибудь аппаратом со сгущенным воздухом. Это — водолаз без водолазного колпака.

«Но что, если таких «водолазов» окажется несколько? — задавали вопрос газеты. — Если эти «водолазы» начнут разрушительную революционную работу, они легко смогут взорвать и пустить ко дну не только полицейские лодки, но и весь военный флот. Необходимо этому положить конец, приняв решительные меры к поимке опасного подводного бандита».

И эти меры были приняты. За поимку «водолаза» была обещана большая награда. Десятки полицейских и рыбачьих судов бороздили Парану и Уругвай, имея на борту вооруженных ружьями, острогами и сетями соискателей приза.

Но враг как будто издевался над своими преследователями. Оставаясь неуловимым, он по-прежнему портил винты, спутывая якорные цепи, угонял лодки, оставленные без охраны, и доносил индейцам о прибытии карательных судов. Эта игра продолжалась бы еще долго, если бы события не приняли для Ихтиандра и Сальватора неожиданный оборот...

(К первому тому Беляева «Человек-амфибия»)

ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ

Первый роман А.Р. Беляева удачно стилизован под европейскую и американскую авантюрно-приключенческую прозу, которая в те годы во множестве переводилась на русский язык. Не случа́йно Беляев дал и подзаголовок «Фантастический кинорассказ» — все построение рассказа было очень кинематографичным, даже главы названы «картинами», а в редакционном предисловии сообщалось, что это вольный перевод американского фильма. Вместе с тем в нескончаемый поток захватывающих приключений Беляев ввел и много познавательного материала.

Первоначально «Остров погибших кораблей» был рассказом, который в 1926 году был опубликован с продолжением (№№ 3—6) в журнале «Всемирный следопыт». Спустя год Беляев переработал рассказ и написал к нему продолжение (герои возвращаются на Остров и спасают его население, а сам экзотический мирок погибает в пожаре), которое было опубликовано в шестом номере «Всемирного следопыта» за 1927 год. В том же году вышло первое отдельное издание романа в авторском сборнике «Остров погибших кораблей; Последний человек из Атлантиды» (издательство «Земля и Фабрика»). В 1929 году роман был переиздан и впоследствии неоднократно включался в собрания сочинений и сборники писателя.

В 1987 году на «Ленфильме» был снят двухсерийный телемюзикл по мотивам повести (режиссеры Е. Гинзбург и Р. Мамедов) — одна из самых неудачных экранизаций произведений фантаста.

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Сокращенный вариант романа с авторским предисловием был опубликован в октябре-ноябре 1926 года в газете «Гудок». Полный текст вышел два года спустя отдельной книгой — в при-

ложении к журналу «Вокруг света» (Л., 1928), а в 1929 году переиздан в издательстве «Красная газета». Начиная с 1958 года роман неоднократно переиздавался. Газетный вариант существенно отличался от книжного. В частности, в «гудковской» публикации Штирнер и Качинский с помощью мыслеизлучающего аппарата предотвращают войну, что обеспечило благоприятные условия для создания Всемирного СССР.

Фантастическая идея романа опирается на эксперименты Бергера, открывшего в 1920 году электрическую активность мозга. В качестве литературного источника некоторые критики (А. Балабуха, А. Бритиков) указывают роман Дж. Дюмурье «Трильби» (кстати, в молодости Беляев играл в пьесе по мотивам этой книги на сцене театра Смоленского Народного Дома), хотя, конечно, и сюжет, и главные герои сильно отличаются.

В романе практически все главные персонажи имеют реальных прототипов. Прообразом изобретателя Людвига Штирнера, открывшего научный способ подчинять себе волю других людей, послужил известный в 1920-х годах аферист Ширер, который якобы открыл «лучи смерти» и с их помощью мог взрывать мины, поджигать вещи и даже управлять механизмами. В образе дрессировщика Дугова, как нетрудно догадаться, «скрывался» легендарный создатель «Театра зверей» Владимир Леонидович Дуров, а прототипом инженера Качинского послужил Бернард Бернардович Кажинский, проводивший в 20-х опыты по изучению телепатии и написавший изрядно в то время нашумевшие работы «Передача мыслей. Факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу» (1923) и «Биологическая радиосвязь» (1926).

НФ-идея «научного» управления людскими массами, едва ли не впервые прозвучавшая в литературе, была шокирующая по тем временам, но актуальна, как это ни печально, для дня сегодняшнего.

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Впервые повесть была напечатана с продолжением в 5—9 номерах журнала «Всемирный следопыт» за 1925 год. Первое книжное издание — в авторском сборнике «Остров погибших кораблей; Последний человек из Атлантиды» (М.; Л.: ЗиФ, 1927). С тех пор повесть неоднократно переиздавалась.

Идея первой беляевской повести восходит к изданной на рус-

ском языке книге Роже Девиня «Исчезнувший материк Атлантида, шестая часть света», в которой французский автор, опираясь на труды Платона, делится своими гипотезами о гибели легендарного материка. В 1920-е годы был особенно велик интерес к Атлантиде. Доходило иногда до курьезов и абсурда, как, например, создание в Париже Общества по изучению и эксплуатации (финансовой) Атлантиды.

Написав повесть, в которой реконструируются последние дни могучего государства, погибшего в результате природного катаклизма, А.Р. Беляев стал одним из основоположников в отечественной литературе популярного ныне жанра «криптоистории».

О своей повести Беляев говорил: «Моя повесть об Атлантиде слишком научна для романа и слишком романтична для науки». Небольшая в общем-то повесть, помимо увлекательного сюжета, содержала и целый ряд удачных научных предвидений, сегодня ставших реальностью: подводные археологические экспедиции, подводное бурение, радиосвязь под водой, геологическая разведка морского дна, компактные подводные лодки (батискафы) для глубоководной разведки.

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

Первая публикация — в московском журнале «Вокруг света» (в те годы выходило два одноименных издания — в Москве и в Ленинграде) за 1928 год (№№ 1—13) с великолепными иллюстрациями А. Шапира и авторским послесловием. К моменту завершения публикации тираж «Вокруг света» увеличился с 200 000 до 250 000 экз. В том же году в издательстве «Земля и Фабрика» роман был издан отдельной книгой и почти сразу же переиздан (с послесловием В.В. Потемкина), там же — в «ЗиФ». В 1929 году в «ЗиФ» же вышло третье издание. При жизни писателя роман переиздавался еще дважды в «Детгизе» — в 1938 году с послесловием профессора А. Немилова и в 1941 году с предисловием В. Воеводина.

Именно с переиздания «Детгизом» «Человека-амфибии» в 1946 году началось возвращение подзабытого к тому времени фантаста к читателю.

Журнальный и книжные варианты серьезно различались — как по качеству текста (вероятно, А. Беляев сдавал в журнал очередную главу сразу по ее написании), так и по отдельным эпизодам.

Для книжного издания Беляев серьезно переработал текст

романа. В частности, был вымаран весь «классово-революционный момент» (в журнальной версии есть эпизоды о забастовках рабочих, разгоне бунтующих полицейским отрядом). Любопытно, что в журнальной версии третья часть «Человека-амфибии» начиналась с главы, описывающей активное участие Ихтиандра в революционном движении... в качестве диверсанта-подрывника. Мы считаем, что будет уместным и познавательным (не только для коллекционеров древностей) дать в данном томе отдельно текст этой главы.

В результате жесткой авторедакторский чистки «Человек-амфибия» стал художественной вершиной А.Р. Беляева, но не уберег его от яростных атак критиков. Беляева и его роман «Человек-амфибия» обвиняли практически во всех смертных грехах: в асоциальности, в антинаучности, в буржуазности, в подражательстве... С особой ретивостью набрасывались на писателя в «тюремные» 30-е. Рецензируя «Человека-амфибию», довольно известный в те годы критик Александр Ивич (псевдоним Игнатия Бернштейна) буквально уничтожал Беляева как писателя: *«В этой научно-беспредметной повести нет ни социального, ни философского содержания. Роман оказывается ничем не загруженным, кроме серии средней занимательности несколько статичных приключений. <...> «Человек-амфибия» оказался развлекательным романом, книгой легкого чтения, не имеющей сколько-нибудь заметного литературного значения»*. Другой рецензент «Литературного обозрения» столь же невнятно клеймил фантаста: *«В мире научной фантастики, оказывается, все возможно. И писатель может писать произведения, не имеющие ничего общего с его собственными установками»* (1938. № 24).

На якобы научную несостоятельность «Человека-амфибии» в первую очередь и обрушивались критические замечания, что лишний раз подтверждало нежелание рецензентов понять специфику фантастического жанра. Нелестно отозвался о романе даже маститый литературовед В. Шкловский, который и сам в 20-е грешил фантастикой: *«Странная амфибия, чисто фантастический роман, к которому пришиты жабры научного опровержения»* (Дет. лит. 1938. № 20). Неодобрительно отзывались о романе даже коллеги-фантасты. Например, Абрам Палей: *«В социальном же отношении идея романа реакционная, так как она пропагандирует ничем не оправданные хирургические эксперименты над людьми»* (Лит. учеба. 1936. № 2).

Негативное отношение как к Беляеву, так и к главной его

книге сохранялось достаточно долго — даже после смерти фантаста. Вот как, например, трактует роман критик О. Хузе: *«...В фантастическом романе А. Беляев развивает реакционную идею отказа от борьбы угнетенных за свои права и предлагает им биологические приспособления, чтобы обосноваться для жизни в подводном мире»* (Сб. «Вопросы детской литературы», 1953). Не менее «красочно» выглядит характеристика, посмертно выданная писателю во втором издании Большой советской энциклопедии (1950): *«Автор многих живо и увлекательно написанных научно-фантастических рассказов и романов... Однако некоторые произведения Б. не свободны от штампов буржуазных фантастических романов, что приводило иногда писателя к отступлению от реализма (роман «Человек-амфибия»)»*.

Время, однако, расставило все на свои места. Любовь читателей оказалась куда сильнее идеологических установок.

Научно-фантастический роман «Человек-амфибия» возник не на пустом месте. В авторском послесловии к журнальной публикации Беляев прямо признавался, что в основе романа события действительные:

«Профессор Сальватор — не вымышленное лицо, так же как не вымышлен и его процесс. Этот процесс действительно происходил в Буэнос-Айресе в 1926 году и произвел в свое время не меньшую сенсацию в Южной и Северной Америке, чем так называемый «обезьяний процесс» в Дейтоне... В последнем процессе, как известно, обвиняемый — учитель Скопс — оказался на скамье подсудимых за преподавание в школе «крамольной» теории Дарвина. Сальватор же был приговорен верховным судом к долгосрочному тюремному заключению за святотатство, так как «не подобает человеку изменять то, что сотворено по образу и подобию божию». Таким образом, в основе обвинения Сальватора лежали те же религиозные мотивы, что и в «обезьяньем» процессе. Разница между этими процессами только в том, что Скопс преподавал теорию эволюции, а Сальватор как бы осуществлял эту теорию на практике, искусственно преобразовывая человеческое тело.

Большинство описанных в романе операций действительно были произведены Сальватором...»

Но есть у романа и литературный «прототип». Много раньше Ихтиандра «появился на свет»... Иктанер, персонаж романа «Иктанер и Моизета» забытого ныне французского беллетриста Жана де Ла Ира. Роман этот был переведен на русский язык еще в 1911 году. Научно-фантастическая идея действительно схожа с

«Человеком-амфибией»: талантливый ученый Оксус пересаживает жабры акулы человеку. Но на этом общность двух романов исчерпывается. Попытки обвинить Беляева в плагиате — несостоятельны. Советским фантастом позаимствована научная идея (ну, и отчасти, как вы догадались, и имя героя), на основе которой было создано принципиально новое по художественному наполнению, по социальному и научному звучанию произведение. Как верно в свое время подметил известный критик-фантастиковед В.И. Бугров, Иктанер, который *«оставался всего лишь случайным научным феноменом, жертвой поданного вне социальных связей преступного эксперимента, попросту бессилен соперничать с «Человеком-амфибией». Романом не только остросоциальным, но и по-жюльверновски провидческим»*.

В конечном счете, кто сегодня помнит о когда-то популярном сочинении француза де Ла Ира? Зато «Человек-амфибия» выдержал несколько изданий в той же Франции, где имя советского фантаста хорошо известно.

Необходимо сказать и о следующем немаловажном факте литературной истории. «Человек-амфибия» стал первым настоящим бестселлером в истории отечественного книгоиздания. Популярность у романа и в самом деле была феноменальной, о чем свидетельствует и стремительный рост тиража «Вокруг света» за период публикации «Человека-амфибии». Этот же журнал в 1930 году взялся провести первые маркетинговые исследования книжного рынка с целью выявить наиболее читаемые книги. Редакция опубликовала читательскую анкету, в которой просила назвать самые популярные произведения фантастического и приключенческого жанра, вышедшие на русском языке за последние пять лет. Почти уникальный случай — в читательских письмах была названа всего одна книга. Нетрудно догадаться какая — «Человек-амфибия».

На редкость удачной оказалась и киносудьба романа — одноименный фильм 1961 года стал своего рода рекордсменом отечественного кинопроката — 65,5 миллиона зрителей! В 2004 году кинематографисты попытались повторить успех классического фильма, сняв четырехсерийный телевизионный ремейк, но попытка оказалась неубедительной и провальной.

Евгений ХАРИТОНОВ

С. Беляева. ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ 5
Е. Харитонов, Д. Байкалов. ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 8

ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ. *Роман* 11
ВЛАСТЕЛИН МИРА. *Роман* 131
ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ. *Роман* 329
ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ. *Роман* 433
ПОДВОДНЫЙ ВРАГ. *Глава из романа «Человек-амфибия»* 597

Е. Харитонов. КОММЕНТАРИИ 600

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Беляев Александр Романович

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ
ВЛАСТЕЛИН МИРА
ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ
ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

Ответственный редактор *Д. Байкалов*
Редактор *Е. Харитонов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Н Сгибнева*

В оформлении переплета использована иллюстрация Gelliografic

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: **www.eksmo.ru** *E-mail:* **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 21 08.2009.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$ Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная Бумага кн -журн. Усл печ л 31,92
Тираж 5100 экз Заказ 7497

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г Можайск, ул Мира, 93